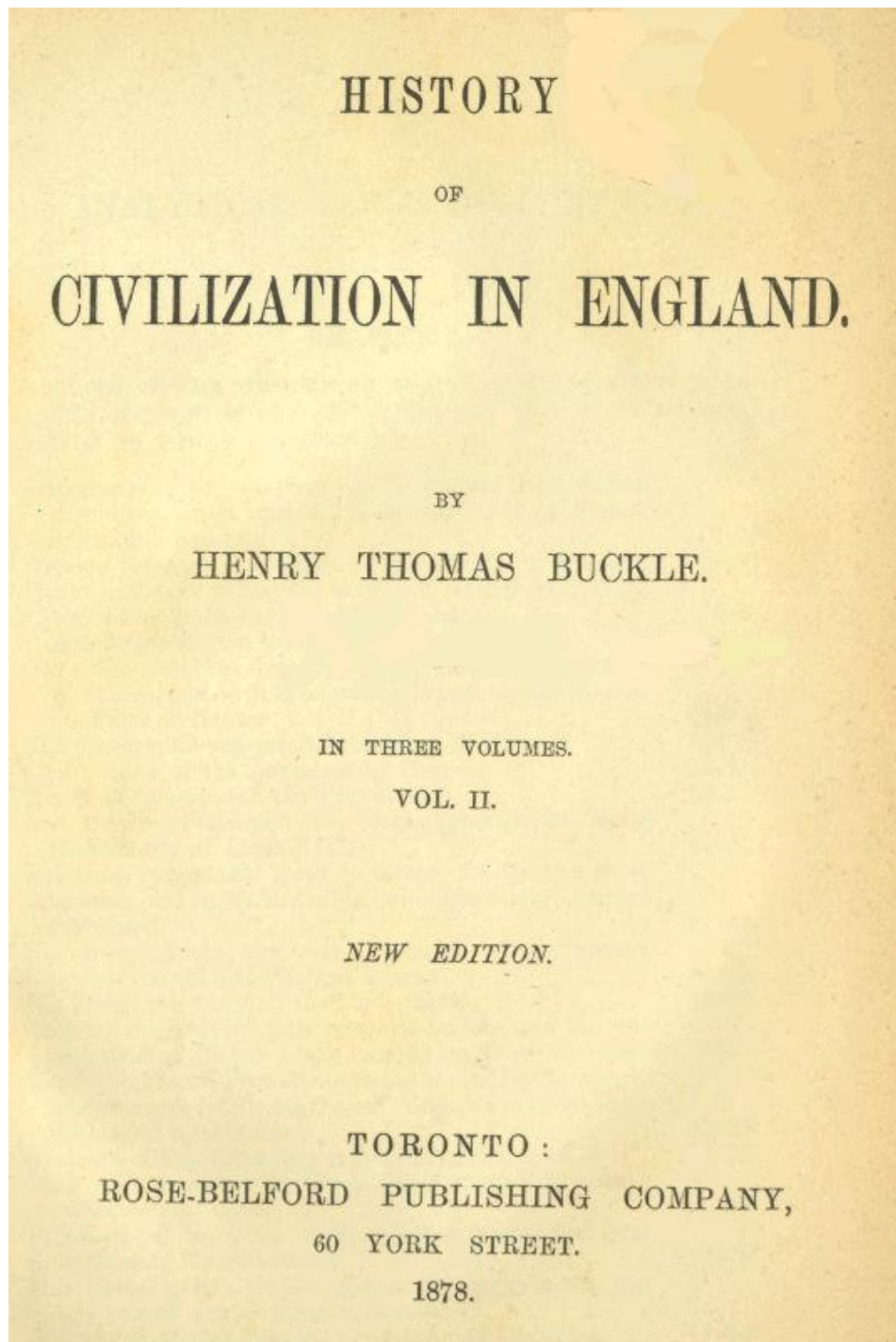

История цивилизации в Англии, Том. 2 из 3

Генри Томас Бакл

Электронная книга проекта Гутенберга по истории цивилизации в Англии, том. 2 из 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История цивилизации в Англии, Том. 2 из 3

Автор: Генри Томас Бакл

Дата выхода: 28 декабря 2013 г. [Электронная книга № 44494]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Кларком, Йенсом Нордманном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ", ТОМ 2 Из 3 ***

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ГЕНРИ ТОМАС БАКЛ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ II.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОРОНТО:
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ РОУЗ-БЕЛФОРД,
ЙОРК-СТРИТ, 60.
1878.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА До ПРИХОДА К ВЛАСТИ ЛЮДОВИКА XIV.

	СТРАН ИЦА
Важность вопроса о том, должен ли историк начинать с изучения нормального или ненормального состояния общества	1-3
Большая власть церкви во Франции, чем в Англии	4
Следовательно, во Франции в XVI веке все было более богословским, чем в Англии	6-8
Следовательно, терпимость также была невозможна во Франции	9-11
Но в конце XVI века во Франции появился скептицизм, и с ним началась терпимость, как видно из Нантского эдикта	11-15
Первым скептиком был не Рабле, но Монтень	15-18
Продолжение движения Шаррона	18-21
Генрих IV. рекомендуется протестанты	23-24
и они терпели даже королева-регент во время несовершеннолетия Людовика XIII.	24-26
самых заметных шагов в пользу веротерпимости были, однако, приняты Ришелье, который действительно уничтожению церкви	27-34
он поддержал нового светского схема правительство против старых церковных схема	34-42
его либеральный режим протестантов	42-46
они покинули свои временные лидеры, и руководство партии попадает в руки духовенства	46-51
отсюда и французские протестанты, во главе с духовенством, становятся более нетерпимыми, чем французы-католики, кто возглавляет государственные	51-55
доказательства illiberality французских протестантов	55-72
они повышают гражданскую войну, которая была борьба классов, а не из вероучений	73
Ришелье подавить восстание, но все-таки воздержался от преследования протестантов	73-76
эта либеральная политика правительства была лишь частью гораздо большего движения	76-77
Иллюстрация из философии Декарта	77-92
аналогии между Декартом и Ришелье	92-93
же анти-церковного духа была выставлена на себя внимание современников, и Мазарини	93-95
	96-98
было также видно в войнах фронды	99-102
но несмотря на все это, существует большое различие между Францией и Англией; и распространенностью защитного дух помешал Франции стать свободной	102-107
Глава II.	
ИСТОРИЯ ЗАЩИТНЫЙ ДУХ, И СРАВНЕНИЕ ЕГО ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.	
Примерно в одиннадцатом веке дух исследования начал ослаблять церковь	108–

	110
Одновременно с этим появились феодальная система и наследственная аристократия	110-112
Дворяне вытесняют духовенство, а безбрачие противостоит принцип наследственного ранга	112
В Англии дворяне были менее могущественны, чем во Франции	113-116
И были рады объединиться с народом против короны	116-118
Отсюда дух народной независимости, неизвестный во Франции, где дворяне были слишком могущественны нуждаться в помощи народа	118-119
Последствия этого различия между двумя странами в четырнадцатом веке	119-122
Централизация была во Франции естественным преемником феодализма	122-126
Это состояние контрастировало с состоянием Англии	126-127
Власть французской знати	128-131
Иллюстрация из истории рыцарства	131-135
Еще одна иллюстрация из тщеславия французов и гордости англичан	135-137
Также из практики дуэли	137
Гордость англичан поощряла Реформацию	138
Аналогия между Реформацией и революциями семнадцатого века	138-139
Духовенство и знать выступали против обеих. Естественный союз между этими двумя классами	139-142
В царствование Елизаветы оба класса были ослаблены	143-146
Яков I и Карл I. тщетно пытались восстановить свою власть	147
ГЛАВА III.	
ЭНЕРГИЯ ЗАЩИТНОГО ДУХА ВО ФРАНЦИИ ОБЪЯСНЯЕТ ПРОВАЛ ФРОНДЫ. СРАВНЕНИЕ ФРОНДЫ И СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ВОССТАНИЯ.	
Разница между Фрондой и великим английским восстанием	148-150
Английское восстание было войной классов	150-159
Но во Франции энергия защитного духа и могущество знати сделали классовую войну невозможной	160-162
Тщеславие и слабоумие французских дворян	162-170
Поскольку такие люди были лидерами Фронды, восстание, естественно, провалилось	167-173
Но английское восстание увенчалось успехом, потому что оно было демократическим. движение, возглавляемое популярными лидерами	174-175
ГЛАВА IV.	
ДУХ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА, ВНЕСЕННЫЙ ЛЮДОВИКОМ XIV. В ЛИТЕРАТУРУ. ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭТОГО СОЮЗА МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ И ПРАВЯЩИМИ КЛАССАМИ.	
Дух покровительства во Франции, породивший это политическое зло, был перенесен в литературу при Людовике XIV. и вызвал союз между литературой и правительством	176-177
Раболепие в правление Людовика XIV.	177-181

Литераторы, благодарные Людовику XIV.	182
Но его система защиты литературы вредна	183-188
Ее первым результатом стало прекращение прогресса науки	188-192
Даже в механических искусствах ничего не произошло	192-194
Упадок физиологии, хирургии, и в медицине	194-197
, и в зоологии, и в химии	197
, И в ботанике ничего не было сделано	198-202
Интеллектуального упадка при Людовике XIV. был замечен во всех областях мысли и был естественным следствием покровительства	202-205
Иллюстрации из истории французского искусства	205-208
И из всех отраслей литературы	208-210
Всеобщий упадок Франции во второй половине правления Людовика XIV.	210-212
ГЛАВА V.	
СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XIV. РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ДУХА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И ПОДГОТОВКА К ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.	
Английская литература была неизвестна во Франции в царствование Людовика XIV.	213-214
Но ее начали изучать после его смерти, когда самые выдающиеся французы посетили Англию. Это вызвало сближение французского и английского интеллектов	215-227
Восхищение Англией, выраженное французами	228-229
Отсюда либеральные взгляды во Франции, которые правительство пыталось подавить	229
Последовательное преследование литераторов французским правительством	230-242
Насилие правительства	242-246
Во Франции литература была последним ресурсом свободы	246-247
Причины, по которым литераторы сначала нападали на церковь, а не на правительство	247-253
Следовательно, они были вынуждены нападать на христианство	254-258
Но до середины правления Людовика XV. политические институты Франции могли быть спасены; после этого периода все было кончено	258-259
ГЛАВА VI.	
СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ С КОНЦА ШЕСТНАДЦАТОГО По КОНЕЦ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.	
Историческая литература во Франции до конца шестнадцатого века	261-265
Улучшение метода написания истории в конце шестнадцатого века	266-267
Дальнейший прогресс в начале семнадцатого века	268-270
, который стал более заметным в истории Мезере в 1643 году	271-272
Ретроградное движение при Людовике XIV.	273-279
Иллюстрация этого из работ Одижье	279-282
И Боссюэ	282-291

Огромные улучшения представлено Вольтером	292-313
Его Историей Карла XII.	292-295
Его Эпохой Людовика XIV.	296-297
Его моралью, манерами и характером наций	297-298
Его взгляды, принятые Малле, Мабли, Велли, Вилларе, Дюкло и Эно	299-300
Его привычкой смотреть на эпохи	301
Его замечание, принятое Константом	302
Он выступал за свободную торговлю	304
Его предвосхищение Мальтуса	304-305
Его нападки на Средние века	305-306
И на педантичных поклонников античности	306-308
Он ослабил авторитет простых ученых и богословов	308-309
, которые повторяли самые детские нелепости, касающиеся ранней истории Рима	309-310
, В нападках на которые Вольтер предвосхитил Нибура	310-313
Невежественное предубеждение против него в Англии	313
Его Монтескье помогал в огромных трудах	314
Труды Монтескье и ценность его метода	314-319
Беседы Тюрго и их влияние	320-321
Все это ускорило развитие Французской революции	321-322
ГЛАВА VII.	
НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОСЛЕ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА.	
Перепросмотр предыдущих видов	323
разница между уверенностью и точностью	324-326
интеллект Франция начала атаку на государство около 1750	326-327
подъем политэкономов	327-330
влияние Руссо	330– 331
как раз в это же время правительство начало атаку на церковь	332-334
и в пользу веротерпимости	334-336
упразднения ордена иезуитов	336-346
кальвинизма является демократическим; Арминизм аристократичный	339-342
Янсенизм родственен кальвинизму, его возрождение во Франции способствовало	343-345
Демократическое движение, и обеспеченного свержения иезуитов, чей учения	
Арминия	
после падения иезуитов разорение французского духовенства была неизбежна	347-348
но была предотвращена в течение времени от самых именитых французов, направив	349-351
свои штыки против государства, а не против церкви	

связи между этим движением и ростом атеизма	351-353
же тенденция выставлены в Гельвеций	353-357
и в Кондильяка	357-360
самый способный французы концентрируют свое внимание на внешний мир	360-361
последствиях этих наук тепла, света, и электричество	361-363
также по химии и геологии	364-373
в Англии в тот же период была нехватка великих мыслителей,	374-375
, но во Франции огромный импульс к зоологии по Кювье и Биша	375-376
Биша взгляды соблюдая тканей	377-421
связь между этими представлениями и последующими открытиями	383-386
отношения между изобретений, открытий, и способ; и огромное значение Биша-это способ	386-389
Биша работы на срок	390-395
великие и успешные усилия, предпринятые французской ботаники	395-399
и в минералогии де Лиль и Гаюи	399-403
аналогию между этим и Пинель работы с безумием	403-404
все эти огромные результаты были частью причины Французской революции	405
физическая наука является по существу Демократической	406-410
же демократическая тенденция наблюдается в изменении платье	410-412
и в создании клубов	412-415
Влияние американского восстания	415-418
резюме о причинах Французской революции	418-420
общие размышления	420-424
Глава VIII.	
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ИСПАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С ПЯТОГО По СЕРЕДИНУ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.	
В предыдущих главах четырех предложений были созданы	425-426
истинность которого может быть дополнительно проверены путем изучения истории Испании	426
в Испании, суеверие поощряется физических явлений	426-434
была воодушевлена великой арийской войны с Францией	434-439
и, в дальнейшем, к войне с магометанами	439-444
эти три причины повлияли на политику Фердинанда и Изабеллы	444-446
продолжение той же политики Карла V и Филиппа II.	446-453
Филиппа II., несмотря на все его отталкивающие качества, был любим народом	453-455
их любовь к нему была результатом общих причинах, которые в течение нескольких столетий совершали испанцы самые верные люди в Европе	455

происхождение испанский лояльности, и свидетельствует о его	455-461
лояльности стала соединенное с суеверием, и каждый укрепили других	461– 462
в результате этого союза, Великой иностранных завоеваний были сделаны, и многие воинский дух был разработан	461-465
но такого рода прогресса, в зависимости от того, слишком много на лиц, обязательно нестабильной	465-466
прогресс Англии, с другой стороны, зависит от способности нации, и поэтому, по- прежнему, будь то отдельные правители умело, то ли они неискусны	466-467
в Испании, правящие классы были Верховный; люди теряют смысл; и следовательно, величие страны, который был поднят вверх в состоянии князей XVI в., как быстро спустил на слабых князей семнадцатого	467-472
упадок Испании в XVII веке, была связана с ростом влияния духовенства	472-483
первым использованием которой духовенство сделало их сила в том, чтобы выгнать всех мавров	483-496
эффект этой высылки в обедняя Испания	497-499
ODecline производств и населения, и ростом бедности	499-511
в 1700 году, когда дела были в худшем, австрийской династии был преемник Бурбон	513-514
сейчас Испания находится под властью иностранцев	514-520
, кто стремится улучшить страны за счет ослабления церкви	521-525
но авторитет церкви было так ослабленного Национального интеллекта, что народ, погруженный в невежество, оставался инертным	525-543
правительство пыталось исправить такое невежество по телефону в иностранной помощи	534-545
влияние иностранцев в Испании был показан в изгнание иезуитов, в 1767	545-546
и в атаках, совершенных на инквизицию	547-548
Это также проявилось во внешней политике Испании	548-550
Всему этому способствовали авторитет и высокий характер Карла III.	552-554
Но это было бесполезно; потому что политики ничего не могут сделать, когда дух страны против них	534-555
Тем не менее, Карл III добился значительных улучшений, от которых, на поверхностный взгляд, можно было ожидать постоянной выгоды	555– 568
Краткое изложение того, что было сделано для Испании правительством в период с 1700 по 1700 год. и 1788	568-570
Однако, поскольку эти улучшения противоречили привычкам национального характера, реакция была неизбежна	570-571
В 1788 году Карл III. наследовал Карл IV., и новый король, будучи истинным испанцем, началась реакция	571-573
В девятнадцатом веке политические реформаторы снова попытались улучшить Испанию	574

По уже изложенным причинам их усилия оказались бесплодными, несмотря на раннее установление в этой стране муниципальных привилегий и народного представительства	575-576
Таким образом, общие причины всегда побеждают конкретные действия	577-578
Эти общие причины привели страну к суевериям, и отдельным людям было невозможно противостоять им	578-583
Ничто не может ослабить суеверия, кроме знания	583
Такие неудачи тем более заметны, что Испания обладает огромными природными преимуществами	583-585
И обладала великими патриотами и великими законодателями	585
Более того, испанцы издавна славилась честью, мужеством, умеренностью, человечностью и религиозной искренностью	585-588
Однако пока, что касается национального прогресса, эти благородные качества бесполезны, в то время как невежество настолько велико и распространено	588-592
Это это то, что, изолируя Испанию от остального цивилизованного мира, поддерживает в живых тот дух суеверия, то почтение к старине и ту слепую и рабскую преданность, которые, пока они существуют, сделают улучшение невозможным; и которые должны продолжаться до тех пор, пока не будет устранено невежество	592-597

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

ГЛАВА I.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА ДО ПРИХОДА К ВЛАСТИ ЛЮДОВИКА XIV.

Рассмотрение этих значительных изменений в сознании англичан привело меня к отступлению, которое отнюдь не чуждо замыслу этого Введения, а абсолютно необходимо для правильного его понимания. В этом, как и во многих других отношениях, существует заметная аналогия между исследованиями, касающимися структуры общества, и исследованиями, касающимися человеческого тела. Таким образом, было обнаружено, что наилучший способ прийти к теории болезни - это начать с теории здоровья; и что основу любой здоровой патологии следует сначала искать в наблюдении не за ненормальными, а за нормальными функциями жизни. Точно таким же образом, я полагаю, будет установлено, что лучший метод постижения великих социальных истин - это сначала исследовать те случаи, в которых общество развивалось по своим собственным законам и в которых правящие силы в наименьшей степени противоречили духу своего времени.^[1] Именно по этой причине, чтобы понять позицию Франции, я начал с изучения позиции Англии. Чтобы понять, каким образом болезни первой страны усугублялись шарлатанством невежественных правителей, необходимо было понять, каким образом здоровье второй страны сохранялось благодаря меньшему вмешательству и большей свободе продолжать свое естественное течение. Таким образом, в свете, полученном нами при

изучении нормального состояния английского разума, мы можем с большей легкостью применить наши принципы к тому ненормальному состоянию французского общества, из-за действий которого в конце восемнадцатого века некоторые из самых дорогих интересов цивилизации оказались под угрозой.

Во Франции длинная цепь событий, о которых я расскажу позже, с самого раннего периода дала духовенству большую долю власти, чем та, которой они обладали в Англии. Результаты этого были на какое-то время определенно благотворными, поскольку церковь сдерживала беззаконие варварской эпохи и обеспечивала убежище слабым и угнетенным. Но по мере того, как французы совершенствовались в знаниях, духовный авторитет, который так много сделал для обуздания их страстей, начал оказывать сильное давление на их гений и препятствовать его движению. Та же самая церковная власть, которая для невежественного века является несомненным благом, для более просвещенного века является серьезным злом.

Доказательство этого вскоре стало очевидным. Ибо, когда разразилась Реформация, церковь в Англии была настолько ослаблена, что пала почти при первом нападении; ее доходы были конфискованы короной,^[2] и ее должности, после значительного уменьшения как авторитета, так и богатства, были переданы новым людям, которым из-за неопределенности срока их пребывания в должности и новизны их доктрин, не хватало того давнего предписания, по которому власть должна быть восстановлена. претензии профессии в основном поддерживаются. Это, как мы уже видели, было началом непрерывного прогресса, в котором на каждом последующем этапе церковный дух терял часть своего влияния. С другой стороны, во Франции духовенство было настолько могущественным, что смогло противостоять Реформации и таким образом сохранить за собой те исключительные привилегии, которые тщетно пытались сохранить их английские собратья.

Это было началом второго заметного расхождения между французской и английской цивилизациями,^[3] которое, действительно, зародилось в гораздо более ранний период, но которое сейчас впервые дало заметные результаты. Обе страны в период своего зарождения получали огромную пользу от церкви, которая всегда проявляла готовность защитить людей от притеснений короны и знати.^[4] Но в обеих странах по мере развития общества возникла способность к самозащите; и в начале шестнадцатого или, вероятно, даже в пятнадцатом веке возникла настоятельная необходимость ослабить этот духовный авторитет, который, определяя мнения людей, препятствовал распространению их знаний.^[5] Именно по этой причине протестантизм, столь далекий от того, чтобы быть, как его называют враги, отклонением, возникающим в результате случайных причин, был по сути нормальным движением и законным выражением потребностей европейского интеллекта. Действительно, Реформация была обязана своим успехом не желанию очистить церковь, а желанию ослабить ее давление; и в общих чертах можно сказать, что она была принята во всех цивилизованных странах, за исключением тех, где предшествующие события усилили влияние церковного ордена либо среди народа, либо среди их правителей. К несчастью, так было во Франции, где духовенство не только одержало победу над протестантами, но и, казалось, на какое-то время приобрело новый авторитет благодаря поражению таких опасных врагов.^[6]

Следствием всего этого стало то, что во Франции все приобрело более теологический аспект, чем в Англии. В нашей стране церковный дух к середине XVI века стал настолько слабым, что даже интеллигентные иностранцы были поражены этой особенностью.^[7] Та же самая нация, которая во время Крестовых походов пожертвовала бесчисленными жизнями в надежде

насадить христианский стандарт в сердце Азии,[8] теперь была почти равнодушна к религии даже его собственный суверен. Генрих VIII своей единственной волей установил национальное вероучение и церковные формулы, чего он, возможно, не смог бы сделать, если бы народ был настроен серьезно; ибо у него не было средств принудить народ к повиновению; у него не было постоянной армии; и даже его личная гвардия была настолько малочисленна, что в любой момент могла быть уничтожена восстанием воинственных лондонских подмастерьев.[9] После его смерти пришел Эдуард, который, будучи протестантским королем, разрушил дело своего отца; а несколько лет спустя пришла Мария, которая, будучи папистской королевой, разрушила дело своего брата; в то время как ей, в свою очередь, наследовала Елизавета, при которой в установленной вере произошло еще одно крупное изменение.[10] Безразличие людей было таким, что эти масштабные изменения сопровождались без какого-либо серьезного риска.[11] Во Франции, с другой стороны, при одном упоминании религии тысячи мужчин были готовы выступить в поход. В Англии все наши гражданские войны были светскими; они велись либо за смену династии, либо за расширение свободы. Но те гораздо более ужасные войны, в результате которых в шестнадцатом веке Франция была опустошена, велись во имя христианства, и даже политическая борьба великих семей слилась в смертельное соперничество между католиками и протестантами.[12]

Эффект, который это различие произвело на интеллект двух стран, очень очевиден. Англичане, сосредоточившие свои способности на великих светских делах, к концу шестнадцатого века создали литературу, которая никогда не сможет исчезнуть. Но французы до того периода не опубликовали ни одной работы, уничтожение которой теперь было бы потерей для Европы. Что делает этот контраст тем более примечательным, так это то, что во Франции цивилизация, какой она была, существовала дольше; материальные ресурсы страны были развиты раньше; ее географическое положение сделало ее центром европейской мысли;[13] и она обладала литературой в то время, когда наши предки были всего лишь племенем диких и невежественных варваров.

Простой факт заключается в том, что это один из тех бесчисленных примеров, которые учат нас, что ни одна страна не может достичь возвышения, пока церковная власть обладает большим авторитетом. Ибо преобладание духовных классов неизбежно сопровождается соответствующим преобладанием тем, которыми эти классы увлекаются. Всякий раз, когда церковная профессия становится очень влиятельной, церковная литература будет очень обильной, а то, что называется светской литературой, будет очень скудным. Отсюда произошло, что умы французов, будучи почти полностью заняты религиозными спорами, не имели досуга для тех великих исследований, в которые мы в Англии начинали погружаться;[14] и, как мы сейчас увидим, между прогрессом французского и английского интеллектов существовал интервал в целое поколение просто потому, что между прогрессом их интеллекта был примерно такой же интервал. скептицизм. Теологическая литература, действительно, быстро росла;[15] но только в семнадцатом веке Франция создала ту великую светскую литературу, аналог которой можно было найти в Англии до того, как шестнадцатый век подошел к концу.

Таково было во Франции естественное следствие того, что власть церкви продлилась сверх того периода, которого требовали потребности общества. Но хотя это был интеллектуальный результат, моральные и физические результаты были еще более серьезными. В то время как умы людей были таким образом разгорячены религиозной борьбой, было бы напрасно ожидать

каких-либо из тех принципов милосердия, которым богословская фракция всегда чужда. В то время как протестанты убивали католиков,[16] и католики убивали протестантов, было маловероятно, что какая-либо из сект должна проявлять терпимость к мнениям своего врага.[17] В шестнадцатом веке между двумя сторонами иногда заключались договоры; но они заключались только для немедленного разрыва;[18] и, за единственным исключением (Увы, сама идея терпимости, по-видимому, не приходила в голову ни одному государственному деятелю того времени. Это было рекомендовано им самим;[19] но ни его блестящие способности, ни его безупречная честность не смогли противостоять господствующим предрассудкам, и в конце концов он удалился в частную жизнь, не осуществив ни одного из своих благородных планов.[20]

Действительно, в ведущих событиях этого периода французской истории болезненно проявилось преобладание теологического духа. Это проявилось во всеобщей решимости подчинить политические действия религиозным взглядам.[21] Это проявилось в заговоре в Амбуазе и в конференции в Пуасси; и еще больше это проявилось в тех отвратительных преступлениях, которые так естественны для суеверия, в резне Васси и Святого Варфоломея, в убийстве Гиза Польтро и Генриха III. Климентом. Это были законные результаты духа религиозного фанатизма. Они были результатом того проклятого духа, который, когда бы он ни обладал властью, наказывал даже смертью тех, кто осмеливался расходиться с ним; и который теперь, когда власть ушла, все еще продолжает догматизировать по самым таинственным предметам, вмешиваться в самые священные принципы человеческого сердца и затемнять своими жалкими суевериями те возвышенные вопросы, которых никто не должен грубо касаться, потому что они для каждого соответствуют мере его собственной души, потому что они лежат в том неведомом направлении, которое отделяет Конечное от Бесконечного, и потому что они являются тайной для всех. и индивидуальный завет между Человеком и его Богом.

Как долго продлились бы во Франции эти печальные дни[22] - это вопрос, на который мы сейчас, возможно, не имеем возможности ответить; хотя нет сомнений, что прогресса даже эмпирических знаний должно было, согласно уже указанному процессу, в конечном итоге оказаться достаточно, чтобы спасти столь великую страну из ее плачевного положения. К счастью, однако, теперь произошло то, что мы должны были бы назвать несчастным случаем, но что стало началом важнейших перемен. В 1589 году Генрих IV. взошел на трон Франции. Этот великий князь, который был намного выше любого из французских государей шестнадцатого века,[23] мало рассказывал о тех богословских спорах, которые его предшественники считали первостепенно важными. До него короли Франции, воодушевленные благочестием, естественным для хранителей церкви, прилагали всю свою власть для защиты интересов священного исповедания. Франциск I. сказал, что если бы его правая рука была еретической, он бы отрубил ее.[24] Генрих II, чье рвение было еще большим,[25] приказал судьям возбудить дело против протестантов и публично заявил, что он "произведет истребление о еретиках - его основное дело".[26] Карл IX в знаменитый день святого Варфоломея попытался освободить церковь, уничтожив ее одним ударом. Генрих III. пообещал "противостоять ереси даже с риском для жизни", ибо, по его словам, "он не мог найти более гордой могилы, чем среди руин ереси".[27]

Таковы были мнения, высказанные в шестнадцатом веке главами старейшей монархии Европы.[28] Но с такими чувствами, с таким мощным интеллектом Генриха IV. не испытывал ни малейшего сочувствия. В соответствии с меняющейся политикой своего времени он уже

дважды менял религию; и он без колебаний сменил ее в третий раз,[29] когда он обнаружил, что, поступая таким образом, он может обеспечить спокойствие своей стране. Поскольку он проявил такое безразличие к своему собственному вероучению, он не мог пристойно проявлять большой фанатизм по отношению к вероучению своих подданных.[30] Соответственно, мы обнаруживаем, что он был автором первого публичного акта терпимости, который какое-либо правительство обнародовало во Франции с тех пор, как христианство стало религией страны. Всего через пять лет после того, как он торжественно отрекся от протестантизма, он опубликовал знаменитый Нантский эдикт,[31] которым католическое правительство впервые предоставило еретикам справедливую долю гражданских и религиозных прав. Это было, несомненно, самое важное событие, которое когда-либо происходило в истории французской цивилизации.[32] Если рассматривать это само по себе, то это просто свидетельство просвещенных принципов короля; но когда мы смотрим на его общий успех и последовавшее за ним прекращение религиозной войны, мы не можем не заметить, что это было частью обширного движения, в котором участвовали сами люди. Те, кто признает истинность принципов, которые я старался установить, будут ожидать, что этот великий шаг к свободе вероисповедания сопровождался тем духом скептицизма, при отсутствии которого терпимость всегда была неизвестна. И то, что так оно и было на самом деле, может быть легко доказано путем изучения переходного состояния, в которое Франция начала входить к концу шестнадцатого века.

Часто считается, что произведения Рабле представляют собой первый пример религиозного скептицизма на французском языке.[33] Но, после достаточно близкого знакомства с работами этого замечательного человека, я не нашел ничего, подтверждающего такое мнение. Он, безусловно, относится к духовенству с большим неуважением и пользуется любой возможностью, чтобы осмеять их.[34] Его нападки, однако, всегда направлены против их личных пороков, а не против того узкого и нетерпимого духа, которому эти пороки в основном приписывались. Ни в одном случае он не проявляет ничего похожего на последовательный скептицизм;[35] похоже, он также не осознает, что позорная жизнь французского духовенства была всего лишь неизбежным следствием системы, которая, какой бы коррумпированной она ни была, все еще обладала всеми признаками силы и жизнеспособности. Действительно, огромная популярность, которой он пользовался, почти сама по себе является решающим фактором; поскольку никто, кто хорошо осведомлен о положении французов в начале шестнадцатого века, не поверит, что возможно, чтобы народ, столь погрязший в суевериях, восхищался писателем, который постоянно подвергается нападкам на суеверия.

Но расширение опыта и, как следствие, увеличение объема знаний готовили почву для больших перемен во французском интеллекте. Процесс, который только что произошел в Англии, теперь начинал происходить во Франции; и в обеих странах порядок событий был совершенно одинаковым. Дух сомнения, до сих пор присущий случайным мыслителям-одиночкам, постепенно принял более смелую форму: сначала он нашел выход в национальной литературе, а затем повлиял на поведение практических государственных деятелей. То, что во Франции существовала тесная связь между скептицизмом и веротерпимостью, доказывается не только теми общими аргументами, которые заставляют нас заключить, что такая связь должна существовать всегда, но и тем обстоятельством, что всего за несколько лет до обнародования Нантского эдикта появился первый систематический скептик, писавший на французском языке. Очерки Монтеня были опубликованы в 1588 году,[36] и образуют эпоху не только в литературе, но и в цивилизации Франции. Оставляя в стороне личные особенности, которые имеют

меньший вес, чем обычно предполагается, будет обнаружено, что разница между Рабле и Монтенем является мерой разницы между 1545 г.[37] и 1588 г. и что это, в некоторой степени, соответствует отношениям, которые я указал между Джуэл и Хукером, а также между Хукером и Чиллингвортом. Ибо закон, управляющий всеми этими отношениями, есть закон прогрессивного скептицизма. Чем был Рабле для сторонников теологии, тем был Монтень для самой теологии. Сочинения Рабле были направлены только против духовенства; но сочинения Монтеня были направлены против системы, порождением которой было духовенство.[38] Под маской простого светского человека, выражающего естественные мысли обычным языком, Монтень скрывал дух возвышенного и дерзкого исследования.[39] Хотя ему не хватало той всесторонности, которая является высшей формой гениальности, он обладал другими качествами, необходимыми для великого ума. Он был очень осторожен и в то же время очень смел. Он был осторожен, поскольку не верил в странные вещи, потому что они были переданы его предками; и он был смел, поскольку его не пугали упреки, которыми невежды, любящие догматизировать, всегда осыпают тех, чьи знания заставляют их сомневаться.[40] Эти особенности в любую эпоху сделали бы Монтеня полезным человеком: в шестнадцатом веке они сделали его важным человеком. В то же время его легкий и забавный стиль[41] увеличил тираж его работ и, таким образом, способствовал популяризации тех мнений, которые он рискнул рекомендовать для всеобщего принятия.

Таким образом, это первое открытое проявление того скептицизма, который к концу XVI века публично проявился во Франции.[42] В течение почти трех поколений он продолжал свой путь с постоянно возрастающей активностью и развивался способом, подобным тому, который имел место в Англии. Нет необходимости следовать всем этапам этого великого процесса, но я попытаюсь проследить те из них, которые по своей значимости кажутся наиболее важными.

Через несколько лет после появления "Очерков Монтеня" во Франции было опубликовано произведение, которое, хотя сейчас его мало читают, в семнадцатом веке пользовалось репутацией высочайшего порядка. Это был знаменитый *Трактат о мудрости* Шаррона, в котором мы впервые находим попытку на современном языке построить систему морали без помощи теологии.[43] Что сделало эту книгу в некоторых отношениях даже более внушительной, чем книгу Монтеня, так это серьезность, с которой она была написана. Шаррон, очевидно, был глубоко впечатлен важностью задачи, которую он взял на себя, и он с честью отличается от своих современников замечательной чистотой как языка, так и чувств. Его работа - почти единственная в ту эпоху, в которой нельзя найти ничего, что оскорбило бы самые целомудренные уши. Хотя он позаимствовал у Монтеня бесчисленное количество иллюстраций,[44] он тщательно опустил те непристойности, до которых часто доводил этого в остальном очаровательного писателя. Кроме того, в работах Шаррона есть систематическая завершенность, которая никогда не перестает привлекать внимание. По оригинальности он в некоторых отношениях уступал Монтеню; но у него было то преимущество, что он шел после него, и не может быть сомнений в том, что он поднялся на высоту, которая для Монтеня была бы недоступна. Занимая свою позицию, так сказать, на вершине знания, он смело пытается перечислить элементы мудрости и условия, при которых эти элементы будут работать. В схеме, которую он таким образом конструирует, он полностью опускает теологические догмы;[45] и он с нескрываемым презрением относится ко многим из тех выводов, которые люди до сих пор повсеместно принимали. Он напоминает своим соотечественникам, что их религия является случайным результатом их рождения и образования, и что если бы они родились в мусульманской стране, они были бы такими же непоколебимыми верующими в магометанство,

какими они были тогда в христианстве.[46] Исходя из этого соображения, он настаивает на абсурдности их беспокойства по поводу разнообразия вероучений, видя, что такое разнообразие является результатом обстоятельств, которые они не могут контролировать. Также следует отметить, что каждая из этих различных религий объявляет себя истинной;[47] и все они в равной степени основаны на сверхъестественных притязаниях, таких как тайны, чудеса, пророки и тому подобное.[48] Именно потому, что люди забывают об этих вещах, они становятся рабами той уверенности, которая является большим препятствием на пути ко всякому реальному знанию и которую можно устранить, только взглянув на все так широко и всесторонне, что это покажет нам, как все нации с одинаковым рвением придерживаются принципов, в которых они были воспитаны.[49] И, говорит Чаррон, если мы заглянем немного глубже, мы увидим, что каждая из великих религий построена на том, что ей предшествовало. Таким образом, религия евреев основана на религии египтян; христианство является результатом иудаизма; и из этих двух последних естественным образом возникло мусульманство.[50] Поэтому мы, добавляет этот великий писатель, должны подняться над притязаниями враждебных сект и, не будучи запуганными страхом будущего наказания или соблазненными надеждой на будущее счастье, мы должны довольствоваться такой практической религией, которая заключается в выполнении жизненных обязанностей; и, неподконтрольные догмам какого-либо конкретного вероучения, мы должны стремиться сделать душу более совершенной. замкнитесь в себе и усилиями собственного созерцания восхищайтесь невыразимым величием Бытия существ, высшей причиной всего сотворенного.[51]

Таковы были чувства, которые в 1601 году впервые были высказаны французскому народу на его родном языке.[52] Скептический и светский дух, представителями которого они были, продолжал усиливаться; и по мере продвижения семнадцатого века упадок фанатизма, который не ограничивался несколькими изолированными мыслителями, постепенно стал обычным явлением даже среди обычных политиков.[53] Духовенство, осознавая опасность, пожелало, чтобы правительство проконтролировало ход расследования;[54] и сам папа в официальном обращении к Генриху призвал его исправить зло путем судебного преследования еретиков, от которых, по его мнению, изначально исходило все зло.[55] Но король упорно отказывался. Он видел огромные преимущества, которые возникли бы, если бы он мог ослабить церковную власть, уравновесив две секты друг против друга;[56] и поэтому, хотя он был католиком, его политика скорее склонялась в пользу протестантов, как более слабой стороны.[57] Он выделял денежные суммы на поддержку их служителей и ремонт их церквей;[58] он изгнал иезуитов, которые были их самыми опасными врагами;[59] и с ним всегда были два представителя реформатской церкви, в обязанности которых входило информировать его о любом нарушении тех указов, которые он издал в пользу их религии.[60]

Таким образом, во Франции, так же как и в Англии, терпимости предшествовал скептицизм; и таким образом, из этого скептицизма возникли гуманные и просвещенные меры Генриха IV. Великий князь, посредством которого все это было осуществлено, к несчастью, пал жертвой того фанатичного духа, который он много сделал, чтобы обуздать;[61] но обстоятельства, произошедшие после его смерти, показали, какой мощный импульс был дан эпохе.

После убийства Генриха IV в 1610 году правительство перешло в руки королевы, которая управляла им во время несовершеннолетия ее сына, Людовика XIII. И это замечательное свидетельство того, в каком направлении теперь развивался разум, что она, хотя и была слабой и фанатичной женщиной,[62] воздерживалась от тех преследований, которые всего за одно поколение до этого считались необходимым доказательством религиозной искренности. Это, действительно, должно было быть движение необычной энергии, которое могло в начале семнадцатого века навязать терпимость принцессе из дома Медичи, невежественной и суеверной католичке, получившей образование среди своих священников и привыкшей рассчитывать на их аплодисменты как на высший объект земных амбиций.

Однако именно это и произошло на самом деле. Королева продолжила работу министров Генриха IV и объявила, что во всем будет следовать его примеру.[63] Ее первым публичным актом было заявление о том, что Нантский эдикт должен быть нерушимо сохранен; поскольку, по ее словам, "опыт научил наших предшественников, что насилие не только не побуждает мужчин возвращаться в католическую церковь, но и препятствует им это делать".[64] Действительно, она так беспокоилась по этому поводу, что, когда Людовик в 1614 году достиг своего номинального совершеннолетия, первым актом его правительства было очередное подтверждение Нантского эдикта.[65] И в 1615 году она заставила короля, который все еще оставался под ее опекой,[66] издать декларацию, которой все предыдущие меры в пользу протестантов были публично отменены. подтверждено.[67] В том же духе она в 1611 году пожелала выдвинуть на пост президента парламента знаменитого Де Ты; и только сделав официальное объявление о его ереси, папе удалось расстроить то, что он считал нечестивым замыслом.[68]

Оборот, который теперь принимали дела, вызвал немалую тревогу у друзей иерархии. Самые ревностные церковники громко осуждали политику королевы; и один выдающийся историк заметил, что, когда во время правления Людовика XIII в Европе поднялась такая тревога из-за активных посягательств церковной власти, Франция была первой страной, которая осмелилась выступить против них.[69] Нунций открыто жаловался королеве на ее поведение в пользу еретиков; и он горячо желал, чтобы эти протестантские произведения были запрещены, что сильно возмущало совесть истинно верующих.[70] Но к этим и подобным заявлениям больше не прислушивались с тем уважением, с каким они относились бы раньше; и делами страны продолжали управлять с теми чисто светскими взглядами, на которых основывались меры Генриха IV. было заведомо обосновано.[71]

Такова теперь была политика правительства Франции; правительство, которое не так давно считало великим долгом государя наказывать еретиков и искоренять ересь. То, что это постоянное совершенствование было всего лишь результатом общего интеллектуального развития, очевидно не только из его успеха, но и из характера королевы-регентши и короля. Никто, кто читал мемуары современников, не сможет отрицать, что Мария Медичи и Людовик XIII были родственниками. они были так же суеверны, как и любой из их предшественников; и поэтому очевидно, что такое пренебрежение теологическими предрассудками было вызвано не их личными достоинствами, а растущим знанием страны и давлением эпохи, которая в стремительности своего прогресса торопила тех, кто считал себя ее правителями.

Но эти соображения, какими бы весомыми они ни были, лишь незначительно умаляют заслуги этого замечательного человека, который сейчас появился на сцене общественных дел. В

течение последних восемнадцати лет правления Людовика XIII Францией полностью управлял Ришелье,[72] один из того чрезвычайно небольшого класса государственных деятелей, которым дано влиять своим характером на судьбу своей страны. Этого великого правителя, вероятно, никто не превзошел в его познаниях в политическом искусстве, за исключением того гения, который в наше время повлиял на судьбу Европы. Но в одном важном аспекте Ришелье превосходил Наполеона. Жизнь Наполеона была постоянным усилием подавить свободы человечества, и его непревзойденные способности исчерпали свои ресурсы в борьбе с тенденциями великой эпохи. Ришелье тоже был деспотом, но его деспотизм принял более благородный оборот. Он продемонстрировал то, чего никогда не было у Наполеона, - справедливое понимание духа своего времени. В одном важном моменте он действительно потерпел неудачу. Его попытки уничтожить власть французского дворянства были совершенно тщетны;[73] ибо, вследствие длительного хода событий, авторитет этого наглого класса так глубоко укоренился в народном сознании, что потребовались труды еще одного столетия, чтобы стереть его древнее влияние. Но, хотя Ришелье не мог уменьшить социальный и моральный вес французской знати, он ограничил их политические привилегии; и он наказывал их за преступления с суровостью, которая, по крайней мере на время, подавила их прежнюю распущенность.[74] Однако даже самый способный государственный деятель может добиться столь незначительного эффекта, если только его не поддерживает общий настрой эпохи, в которую он живет, что эти проверки, какими бы грубыми они ни были, не привели к постоянному результату. После его смерти французская знать, как мы сейчас увидим, быстро сплотилась и в войнах Фронды превратила эту великую борьбу в простое соперничество соперничающих семей. И только в конце восемнадцатого века Франция была окончательно освобождена от чрезмерного влияния этого могущественного класса, чей эгоизм долгое время тормозил прогресс цивилизации, удерживая людей в рабстве, от отдаленных последствий которого они еще не полностью оправились.

Хотя в этом отношении Ришелье потерпел неудачу в осуществлении своих замыслов, в других делах он добился заметного успеха. Это было связано с тем фактом, что его широкие и всесторонние взгляды гармонизировали с той скептической тенденцией, о которой я только что рассказал. Ибо этот замечательный человек, хотя и был епископом и кардиналом, ни на минуту не допускал, чтобы требования его профессии заставили его отказаться от высших притязаний своей страны. Он знал то, о чем слишком часто забывают, что правитель народа должен оценивать дела исключительно по политическим меркам и не должен обращать внимания на претензии какой-либо секты или распространение каких-либо мнений, кроме как в отношении нынешнего и практического благополучия людей. Следствием этого было то, что во время его правления было замечено чудесное зрелище верховной власти, которой обладал священник, который не прилагал никаких усилий к увеличению власти духовных классов. Действительно, будучи далек от этого, он часто обращался с ними с тем, что тогда считалось непревзойденной строгостью. К королевским духовникам, из-за важности их функций, всегда относились с определенным почтением; предполагалось, что они были людьми незапятнанного благочестия; до сих пор они обладали огромным влиянием, и даже самые могущественные государственные деятели считали целесообразным оказывать им почтение, должное их высокому положению.[75] Ришелье, однако, был слишком знаком с искусством своей профессии, чтобы испытывать большое уважение к этим хранителям совести королей. Коссен, духовник Людовика XIII, по-видимому, последовал примеру своих предшественников и попытался внедрить в сознание кающегося монарха свои собственные взгляды на политику.[76] Но Ришелье, как

только услышал об этом, отстранил его от должности и отправил в изгнание; ибо, как он презрительно говорит, "маленький отец Коссен" не должен вмешиваться в дела правительства, поскольку он один из тех, "кто всегда воспитывался в невинности религиозной жизни".[77] Коссена сменил знаменитый Сирмон; но Ришелье не позволил новому духовнику приступить к исполнению своих обязанностей, пока тот торжественно не пообещал никогда не вмешиваться в государственные дела.[78]

В другом, гораздо более важном случае Ришелье проявил аналогичный настрой. Французское духовенство в то время обладало огромным богатством; и, поскольку оно пользовалось привилегией самостоятельно облагать себя налогами, оно старалось не делать того, что считало ненужными пожертвованиями на покрытие государственных расходов. Они с радостью ссудили деньги на ведение войны против протестантов, потому что считали своим долгом содействовать искоренению ереси.[79] Но они не видели причин, по которым их доходы должны быть потрачены впустую на получение простых мирских выгод; они считали себя хранителями средств, выделенных на духовные цели, и считали нечестивым, чтобы богатство, освященное благочестием их предков, попало в нечестивые руки светских государственных деятелей. Ришелье, считавший эти угрызания совести выдумкой заинтересованных людей, придерживался совершенно иного взгляда на отношение духовенства к стране.[80] Будучи далек от мысли, что интересы церкви превыше интересов государства, он провозгласил в качестве политической максимы, что "репутация государства - это первое соображение".[81] Он с таким бесстрашием проводил в жизнь этот принцип, что, созвав в Нанте большое собрание духовенства, вынудил его оказать правительству чрезвычайную помощь в размере 6 000 000 франков; и обнаружив, что некоторые из высших сановников выразили свое недовольство столь необычным шагом, он наложил руки и на них и, к изумлению церкви, отправил в изгнание не только священнослужителей, но и священнослужителей других стран. только четверо епископов, но также два архиепископа Тулузы и Сан-Франциско.[82]

Если бы все это было сделано на пятьдесят лет раньше, они, несомненно, оказались бы фатальными для министра, осмелившегося на это. Но Ришелье в этих и подобных им мерах помогал дух эпохи, которая начинала презирать своих древних хозяев. Ибо эта общая тенденция теперь становилась очевидной не только в литературе и политике, но даже в разбирательствах обычных судов. Нунций с негодованием пожаловался на враждебность, проявленную к духовенству французскими судьями; и он сказал, что, помимо других позорных поступков, некоторые священнослужители были повешены, не будучи предварительно лишеными своего духовного облика.[83] В других случаях растущее презрение проявлялось способом, вполне соответствующим грубости преобладающих манер. Сурди, архиепископ Бурдо, был дважды позорно избит: один раз герцогом д'Эперноном, а затем маршалом де Витри.[84] И Ришелье, который обычно относился к дворянам с такой суровостью, похоже, не стремился наказать это вопиющее безобразие. Действительно, архиепископ не только не встретил сочувствия, но несколько лет спустя Ришелье безапелляционно приказал ему удалиться в свою епархию; однако положение дел так встревожило его, что он бежал в Карпантра и отдал себя под защиту папы.[85] Это произошло в 1641 году, а девятью годами ранее церковь навлекла на себя еще больший скандал. Ибо в 1632 году, когда в Лангедоке возникли серьезные беспорядки, Ришелье не побоялся столкнуться с трудностями, лишив некоторых епископов власти и захватив временные владения других.[86]

Легко представить себе возмущение духовенства. Такие повторяющиеся обиды, даже если бы они исходили от непрофессионала, было бы трудно вынести; но они становились вдвойне горькими из—за того, что были делом рук одного из них - того, кто был воспитан в профессии, против которой он восстал. Именно это усугубляло оскорбление, потому что, казалось, к оскорблению добавлялось предательство. Это была не война извне, но это была измена изнутри. Это был епископ, который унизил епископство, и кардинал, который оскорбил церковь.[87] Таков, однако, был общий настрой людей, что духовенство не решалось нанести открытый удар; но с помощью своих сторонников оно распространяло самые гнусные наветы на великого министра. Они говорили, что он был нецеломудрен, что он был виновен в открытом разврате и что он имел кровосмесительную связь со своей собственной племянницей.[88] Они заявили, что у него нет религии; что он католик только по названию; что он понтифик гугенотов; что он патриарх атеистов;[89] и, что хуже всего, они даже обвинили его в желании посеять раскол во французской церкви.[90] К счастью, сейчас уходило время, когда национальный разум мог быть тронут подобными уловками. Тем не менее обвинения заслуживают упоминания, потому что они иллюстрируют тенденцию развития общественных дел и горечь, с которой духовные классы наблюдали, как бразды правления выпадают из их рук. Действительно, все это было настолько очевидно, что во время последней гражданской войны, начатой против Ришелье, всего за два года до его смерти повстанцы заявили в своем воззвании, что одной из их целей было возродить уважение, с которым раньше относились к духовенству и знати.[91]

Чем больше мы изучаем карьеру Ришелье, тем более заметным становится этот антагонизм. Все доказывает, что он осознавал великую борьбу, происходившую между старой церковной схемой правления и новой светской схемой; и что он был полон решимости отказаться от старого плана и поддержать новый. Ибо не только в его внутреннем управлении, но и во внешней политике мы обнаруживаем такое же беспрецедентное пренебрежение богословскими интересами. Австрийский дом, особенно его испанская ветвь, долгое время пользовался уважением всех благочестивых людей как верный союзник церкви; на него смотрели как на бич ереси, а его действия против еретиков снискали ему громкое имя в церковной истории.[92] Поэтому, когда французское правительство в царствование Карла IX предприняло преднамеренную попытку уничтожить протестантов, Франция, естественно, установила тесные связи с Испанией, а также с Римом;[93] и эти три великие державы были прочно объединены не общностью светских интересов, а силой религиозного договора. Впоследствии эта теологическая конфедерация была распущена личным характером Генриха IV.,[94] и растущим безразличием эпохи; но во время несовершеннолетия Людовика XIII королева-регентша в некоторой степени обновила ее и попыталась возродить суеверные предрассудки, на которых она была основана.[95] Во всех своих чувствах она была ревностной католичкой; она была горячо привязана к Испании; и ей удалось женить своего сына, молодого короля, на испанской принцессе, а свою дочь - на испанском принце.[96]

Можно было бы ожидать, что, когда Ришелье, крупный сановник римской церкви, встанет во главе дел, он восстановит связи, столь желанные для профессии, к которой он принадлежал.[97] Но его поведение не регулировалось подобными взглядами. Его целью было не поддерживать мнения какой-либо секты, а продвигать интересы нации. Его договоры, его дипломатия и планы его иностранных союзов были направлены не против врагов церкви, а против врагов Франции. Установив этот новый стандарт действий, Ришелье сделал большой

шаг к секуляризации всей системы европейской политики. Ибо таким образом он подчинил теоретические интересы людей их практическим интересам. До него правители Франции, чтобы наказать своих протестантских подданных, не колеблясь требовали помощи католических войск Испании; поступая таким образом, они просто руководствовались старым мнением, что главной обязанностью правительства является подавление ереси. Эта пагубная доктрина впервые была открыто отвергнута Ришелье. Еще в 1617 году, и до того, как он установил свою власть, он в инструкции одному из министров иностранных дел, которая сохранилась до наших дней, установил в качестве принципа, что в государственных делах ни один католик не должен предпочитать испанца французскому протестанту.^[98] Для нас, действительно, в условиях прогресса общества, такое предпочтение требований нашей страны требованиям нашей веры стало само собой разумеющимся; но в те дни это было поразительной новинкой.^[99] Ришелье, однако, не побоялся довести парадокс даже до самых отдаленных последствий. Католическая церковь справедливо считала, что ее интересы связаны с интересами Австрийского дома;^[100] но Ришелье, как только его вызвали на совет, решил смирить этот дом в обеих его ветвях.^[101] Чтобы добиться этого, он открыто поддерживал злейших врагов своей собственной религии. Он помогал лютеранам против императора Германии; он помогал кальвинистам против короля Испании. В течение восемнадцати лет своего правления он неуклонно проводил ту же самую непоколебимую политику.^[102] Когда Филипп попытался подавить голландских протестантов, Ришелье объединился с ними; сначала он выделил им крупные суммы денег, а затем убедил французского короля подписать договор о тесном союзе с теми, кого, по мнению церкви, ему следовало бы наказать как мятежных еретиков.^[103] Точно так же, когда разразилась та великая война, в ходе которой император попытался подчинить истинной вере совесть немецких протестантов, Ришелье выступил их защитником; он с самого начала стремился спасти их лидера Палатина;^[104] и, потерпев неудачу в этом, он заключил в их пользу союз с Густавом Адольфом,^[105] самый способный военачальник, которого когда-либо создавали реформаторы. На этом он не остановился. После смерти Густава он, видя, что протестанты таким образом лишились своего великого лидера, предпринял еще более энергичные усилия в их пользу.^[106] Он заинтриговал их интересы в иностранных судах; он начал переговоры от их имени; и в конце концов он организовал для их защиты общественную конфедерацию, в которой были отвергнуты все церковные соображения. Этот союз, создавший важный прецедент в международном устройстве Европы, был не только заключен Ришелье с двумя самыми могущественными врагами его собственной церкви, но и по своей сути представлял собой то, что Сисмонди подчеркнуто называет "протестантской конфедерацией" — протестантской конфедерацией, по его словам, между Францией, Англией и Голландией.^[107]

Одно это сделало бы правление Ришелье великой эпохой в истории европейской цивилизации. Ибо его правительство представляет собой первый пример выдающегося католического государственного деятеля, систематически пренебрегающего церковными интересами и демонстрирующего это пренебрежение во всей схеме своей внешней, а также внутренней политики. Некоторые примеры, действительно, приближающиеся к этому, можно найти в более ранний период среди мелких правителей итальянских государств; но даже там такие попытки никогда не были успешными; они никогда не продолжались в течение какого-либо длительного времени и не осуществлялись в масштабах, достаточно больших, чтобы возвысить их до уровня международных прецедентов. Особая слава Ришелье заключается в том, что его внешняя политика не случайно, а неизменно руководствовалась светскими соображениями; я также не верю, что за долгое пребывание у власти можно найти хоть малейшее доказательство его

уважения к тем теологическим интересам, продвижение которых долгое время считалось делом первостепенной важности. Таким образом, неуклонно подчиняя церковь государству; проводя в жизнь принцип этого подчинения в больших масштабах, с большим умением и неизменным успехом, он заложил фундамент того чисто светского государственного устройства, укрепление которого после его смерти было целью всех лучших европейских дипломатов. Результатом стало самое благотворное изменение, которое готовилось в течение некоторого времени, но которое при нем было впервые завершено. Ибо с введением этой системы религиозным войнам был положен конец; и шансы на установление мира возросли, поскольку таким образом была устранена одна из причин, из-за которых часто нарушался мир.^[108] В то же время был подготовлен путь для окончательного отделения теологии от политики, полное достижение которого будет делом будущих поколений. Насколько большой шаг был сделан в этом направлении, видно из той легкости, с которой операции Ришелье были продолжены людьми, стоявшими во всех отношениях ниже его. Менее чем через два года после его смерти был собран Вестфальский конгресс;^[109] члены которого пришли к выводу, что заключен знаменательный мир, являющийся первой всеобъемлющей попыткой урегулировать конфликтующие интересы ведущих европейских стран.^[110] В этом важном договоре церковные интересы были полностью проигнорированы;^[111] и договаривающиеся стороны, вместо того, чтобы, как до сих пор, лишать друг друга их владений, взяли более смелый курс на возмещение ущерба за счет церкви и, не колеблясь, конфисковали ее доходы и секуляризировали несколько ее епископств.^[112] От этого тяжкого оскорбления, ставшего прецедентом в публичном праве Европы, духовная власть так и не оправилась; и весьма компетентный орган отмечает, что с того периода дипломаты в своих официальных действиях пренебрегали религиозными интересами и предпочитали отстаивать вопросы, касающиеся торговли и колоний их соответствующих стран.^[113] Истинность этого наблюдения подтверждается интересным фактом, что Тридцатилетняя война, которой положил конец этот же договор, является последней великой религиозной войной, которая когда-либо велась;^[114] ни один цивилизованный народ за два столетия не счел нужным подвергать опасности свою собственную безопасность ради того, чтобы поколебать веру своих соседей. Это, действительно, всего лишь часть того обширного светского движения, благодаря которому были ослаблены суеверия и укреплена цивилизация Европы. Не обсуждая, однако, эту тему, я сейчас попытаюсь показать, как политика Ришелье в отношении французской протестантской церкви соответствовала его политике в отношении французской католической церкви; таким образом, в обоих департаментах этот великий государственный деятель, которому помогал тот прогресс знаний, которым была примечательна его эпоха, был способен бороться с предрассудками, от которых люди медленно и с бесконечным трудом пытались освободиться.

Обращение Ришелье с французскими протестантами, несомненно, является одной из самых почетных частей его системы; и в этом, как и в других либеральных мерах, ему помог ход предшествующих событий. Его правление, взятое в связи с правлением Генриха IV. и королевьерегентши, представляет собой благородное зрелище терпимости, гораздо более совершенной, чем любая из тех, которые тогда наблюдались в католической Европе. В то время как в других христианских странах люди подвергались постоянным преследованиям, просто потому, что они придерживались мнений, отличных от тех, которые исповедовало правящее духовенство, Франция отказывалась следовать общему примеру и защищала тех еретиков, которых церковь стремилась наказать. Действительно, они не только были защищены, но и, когда обладали способностями, открыто вознаграждались. В дополнение к назначениям на гражданские

должности многие из них были выдвинуты на высокие военные посты; и Европа с изумлением наблюдала за армиями короля Франции, возглавляемыми генералами-еретиками. Роган, Лесдигьер, Шатийон, Ла Форс, Бернар де Веймар были одними из самых знаменитых военачальников, нанятых Людовиком XIII.; и все они были протестантами, как и некоторые более молодые, но выдающиеся офицеры, такие как Гассион, Ранцау, Шомберг и Тюренн. На данный момент не было ничего недоступного для людей, которые полвека назад были бы преследуемы до смерти из-за своей ереси. Незадолго до восшествия на престол Людовика XIII Лесдигьер, самый способный генерал среди французских протестантов, был произведен в маршалы Франции.^[115] Четырнадцать лет спустя такое же высокое достоинство было присвоено двум другим протестантам, Шатийону и Ла Форсу; первый из которых, как говорят, был самым влиятельным из раскольников.^[116] Оба эти назначения были в 1622 году;^[117] а в 1634 году еще больший скандал был вызван возвышением Салли, который, несмотря на свою печально известную ересь, также получил посох маршал Франции.^[118] Это была работа Ришелье, и она нанесла серьезное оскорбление друзьям церкви; но великий государственный деятель уделил так мало внимания их шумихе, что после завершения гражданской войны предпринял еще один шаг, не менее возмутительный. Герцог де Роган был самым активным из всех врагов официальной церкви, и протестанты считали его главной опорой своей партии. Он взялся за оружие в их пользу и, отказавшись отречься от своей религии, волею судеб войны был изгнан из Франции. Но Ришелье, который был знаком с его способностями, мало заботился о его мнении. Поэтому он отозвал его из ссылки, нанял для переговоров со Швейцарией и отправил на иностранную службу в качестве командующего одной из армий короля Франции.^[119]

Таковы были тенденции, характеризовавшие это новое положение вещей. Вряд ли нужно напоминать, насколько благотворной должна была быть эта великая перемена; поскольку благодаря ей людей поощряли смотреть на свою страну в первую очередь, и, отбросив свои старые споры, солдат-католиков учили повиноваться генералам-еретикам и следовать их стандартам до победы. В дополнение к этому, простое социальное объединение, возникшее из-за того, что исповедующие разные вероучения смешались в одном лагере и сражались под одним знаменем, должно было еще больше обезоружить разум, частично объединив теологические распри в общую и все же временную цель, а частично показав каждой секте, что их религиозные противники не были полностью лишены человеческих добродетелей; что они все еще сохраняли некоторые человеческие качества; и что даже было возможно сочетать ошибки ереси со всеми способностями хорошего и компетентного гражданина.^[120]

Но, в то время как ненавистная вражда, которая долгое время отвлекала Францию, благодаря политике Ришелье постепенно утихала, странно наблюдать, что, хотя предрассудки католиков явно уменьшились, предрассудки протестантов, казалось, на какое-то время сохранили всю свою активность. Действительно, поразительным доказательством извращенности и стойкости подобных чувств является то, что именно в стране и в период, когда к протестантам относились наилучшим образом, они проявляли наибольшую буйность. И в этом, как и во всех подобных случаях, основной причиной было влияние того класса, которому обстоятельства, как я сейчас объясню, обеспечили временное господство.

Ибо ослабление теологического духа привело к замечательному, но вполне естественному результату у протестантов. Растущая терпимость французского правительства открыла перед их лидерами такие возможности, которых раньше они никогда не могли получить. До тех пор, пока протестантской знати отказывали во всех должностях, было естественно, что они с еще большим рвением цеплялись за свою собственную партию, которая одна признавала их добродетели. Но когда однажды был признан принцип, согласно которому государство будет вознаграждать людей за их способности, независимо от их религии, в каждую секту был внесен новый элемент раздора. Лидеры реформаторов не могли не испытывать некоторой благодарности или, во всяком случае, некоторого интереса к правительству, которое их наняло; и поскольку влияние мирских соображений, таким образом, усилилось, влияние религиозных уз должно было ослабнуть. Невозможно, чтобы противоположные чувства были первостепенными в один и тот же момент в одном и том же сознании. Чем дальше люди расширяют свой взгляд, тем меньше они заботятся о каждой детали, из которой состоит этот взгляд. Патриотизм - это средство от суеверий; и чем больше мы сочувствуем нашей стране, тем меньше мы сочувствуем нашей секте. Таким образом, по мере прогресса цивилизации расширяется кругозор интеллекта; расширяется его кругозор; умножаются его симпатии; и по мере увеличения диапазона его экскурсов цепкость его понимания ослабевает, пока, наконец, он не начинает понимать, что бесконечное разнообразие обстоятельств неизбежно вызывает бесконечное разнообразие мнений; что вера, которая хороша и естественна для одного человека, может быть плохой и неестественной для другого; и что, будучи далеки от того, чтобы вмешиваться в ход религиозных убеждений, мы должны довольствоваться тем, что заглядываем в себя, ищем наши собственные сердца, очистите наши собственные души, смягчите зло наших собственных страстей и искорените тот дерзкий и нетерпимый дух, который является одновременно причиной и следствием всех теологических споров.

Именно в этом направлении французами в первой половине семнадцатого века был сделан потрясающий шаг. Однако, к сожалению, возникшие преимущества сопровождались серьезными недостатками. Из-за введения временных соображений среди протестантских лидеров произошли два результата значительной важности. Первым результатом было то, что многие протестанты сменили свою религию. До Нантского эдикта они постоянно подвергались преследованиям и столь же постоянно увеличивались.^[121] Но при толерантной политике Генриха IV. и Людовика XIII., они продолжали уменьшаться.^[122] Действительно, это было естественным следствием роста того светского духа, который в каждой стране смягчал религиозную вражду. Ибо под действием этого духа влияние социальных и политических взглядов начало перевешивать те богословские воззрения, которыми долгое время были ограничены умы людей. По мере того как эти мирские связи укреплялись, среди соперничающих фракций, конечно, возникала все большая тенденция к ассимиляции; в то время как католики были не только гораздо более многочисленными, но и во всех отношениях более влиятельными, чем их противники, они пожинали плоды этого движения и постепенно привлекли на свою сторону многих своих бывших врагов. То, что это поглощение меньшей секты более крупной происходит по причине, о которой я упомянул, становится еще более очевидным благодаря тому интересному факту, что перемены начались среди глав партии; и что не низшие протестанты первыми отказались от своих лидеров, а скорее лидеры бросили своих последователей. Это было связано с тем, что лидеры, будучи более образованными, чем основная масса народа, были более восприимчивы к скептическому движению и, следовательно, подавали пример безразличия к спорам, которые все еще волновали

общественное сознание. Как только это безразличие достигло определенной точки, привлекательной стала примирительная политика Людовика XIII. стали непреодолимыми; и протестантская знать, в частности, будучи наиболее подверженной политическим искушениям, начала отдаляться от своей собственной партии, чтобы заключить союз с двором, который проявил готовность вознаградить их за заслуги.

Конечно, невозможно установить точный период, в который произошло это важное изменение.^[123] Но мы можем с уверенностью сказать, что в самом начале правления Людовика XIII. многие протестантские дворяне совершенно не заботились о своей религии, в то время как остальные перестали испытывать к ней тот интерес, который они проявляли раньше. Действительно, некоторые из самых выдающихся из них открыто отказались от своего вероучения и присоединились к той самой церкви, которую их учили ненавидеть как человека греха и вавилонскую блудницу. Герцог де Лесдигьер, величайший из всех протестантских генералов,^[124] стал католиком и в награду за свое обращение был назначен констеблем Франции.^[125] Герцог де ла Тремуйль избрал тот же курс;^[126] как и герцог де ла Мейерле,^[127] герцог де Бульон,^[128] и несколько лет спустя маркиз де Монтозье.^[129] Эти прославленные дворяне были одними из самых влиятельных членов реформатского сообщества; но они покинули его без угрызений совести, пожертвовав своими старыми связями в пользу мнений, исповедуемых государством. Среди других высокопоставленных людей, которые все еще оставались номинально связанными с французскими протестантами, мы находим сходный настрой. Мы находим их равнодушными к вопросам, за которые, родись они на пятьдесят лет раньше, они бы отдали свои жизни. Маршал де Буйон, называвший себя протестантом, не желал менять свою религию; но он вел себя так, чтобы показать, что считает ее интересы подчиненными политическим соображениям.^[130] Аналогичное замечание было сделано французскими историками в отношении герцога де Сюлли и маркиза де Шатийона, оба из которых, хотя и были членами реформатской церкви, проявляли заметное безразличие к тем богословским интересам, которые раньше были объектами первостепенной важности.^[131] Результатом стало то, что когда в 1621 году протестанты начали гражданскую войну против правительства, выяснилось, что из всех их великих лидеров только двое, Рохан и его брат Субиз, были готовы рисковать своими жизнями в поддержку своей религии.^[132]

Таким образом, первым серьезным следствием политики терпимости французского правительства стало лишение протестантов поддержки их бывших лидеров и, в некоторых случаях, даже обращение их симпатий на сторону католической церкви. Но другое последствие, на которое я ссылался, имело гораздо большее значение. Растущее безразличие высших классов протестантов передало управление их партией в руки духовенства. Пост, покинутый светскими лидерами, естественно, был захвачен духовными лидерами. И поскольку в каждой секте духовенство, как единое целое, всегда отличалось нетерпимостью к мнениям, отличным от их собственных, из этого следовало, что это изменение внесло в ныне изуродованные ряды протестантов ожесточение, не уступающее ожесточению худших времен шестнадцатого века.^[133] Следовательно, в результате странного, но совершенно естественного сочетания протестанты, заявлявшие о своей позиции в отношении права

частного суждения, стали, в начале семнадцатого века, более нетерпимыми, чем католики, которые основывали свою религию на предписаниях непогрешимой церкви.

Это один из многих примеров, которые показывают, насколько поверхностным является мнение тех авторов-спекулянтов, которые считают, что протестантская религия обязательно более либеральна, чем католическая. Если бы те, кто придерживается этой точки зрения, потрудились изучить историю Европы в ее первоисточниках, они бы узнали, что либеральность каждой секты зависит вовсе не от ее общепризнанных догматов, а от обстоятельств, в которые она поставлена, и от степени авторитета, которым обладает ее духовенство. Протестантская религия, по большей части, более терпима, чем католическая, просто потому, что события, породившие протестантизм, в то же время усилили игру интеллекта и, следовательно, ослабили власть духовенства. Но тот, кто читал труды великих кальвинистских богословов, и прежде всего тот, кто изучал их историю, должен знать, что в шестнадцатом и семнадцатом веках желание преследовать своих противников горело среди них так же горячо, как и среди любого другого католика даже в худшие дни папского владычества. Это всего лишь факт, в котором каждый может убедиться сам, обратившись к подлинным документам тех времен. И даже сейчас среди низших слоев шотландских протестантов больше суеверий, больше фанатизма и меньше милосердия настоящей религии, чем среди низших слоев французских католиков. И все же на один нетерпимый отрывок в протестантском богословии было бы легко указать двадцать в католическом богословии. Истина, однако, заключается в том, что поступками людей управляют не догмы, учебники и рубрики, а мнения и привычки их современников, общий дух их эпохи и характер тех классов, которые находятся на подъеме. В этом, по-видимому, и кроется то различие между религиозной теорией и религиозной практикой, на которое теологи сильно жалуются как на камень преткновения и зло. Ибо религиозные теории, сохраняемые в книгах в доктринальной и догматической форме, остаются вечным свидетелем и, следовательно, не могут быть изменены без того, чтобы не навлечь на себя очевидного обвинения в непоследовательности или ереси. Но практическая часть каждой религии, ее моральные, политические и социальные принципы охватывают такое огромное разнообразие интересов и имеют дело со столь сложными и изменчивыми учреждениями, что безнадежно фиксировать их с помощью формул: они, даже в самых жестких системах, в значительной степени оставлены на усмотрение частных лиц; и, будучи почти полностью неписаными, они лишены тех предосторожностей, с помощью которых эффективно обеспечивается постоянство догм.^[134] Следовательно, хотя религиозные доктрины, исповедуемые народом в их национальном вероучении, не являются критерием их цивилизации, их религиозная практика, с другой стороны, настолько гибка и способна адаптироваться к общественным потребностям, что она формирует один из лучших стандартов, по которым можно измерить дух любой эпохи.

Именно из-за всего этого нам не следует удивляться тому, что в течение многих лет французские протестанты, которые делали вид, что апеллируют к праву частного суждения, были более нетерпимы к осуществлению этого суждения своими противниками, чем католики; хотя католики, признавая непогрешимую церковь, должны, по логике вещей, быть суеверными и, можно сказать, унаследовали нетерпимость как свое естественное право по рождению.^[135] Таким образом, в то время как католики теоретически были более фанатичными, чем протестанты, протестанты стали практически более фанатичными, чем католики. Протестанты продолжали настаивать на том праве частного суждения в религии, которое католики продолжали отрицать. Однако такова была сила обстоятельств, что каждая секта в своей практике противоречила своей собственной догме и действовала так, как если бы она приняла

догму своих противников. Причина этого изменения была очень проста. Среди французов теологический дух, как мы уже видели, приходил в упадок, а ослабление влияния духовенства, как это неизменно бывает, сопровождалось ростом веротерпимости. Но среди французских протестантов это частичное ослабление теологического духа привело к иным последствиям, поскольку оно привело к смене лидеров, которые передали командование в руки духовенства и, увеличив их власть, вызвали реакцию и возродили те самые чувства, упадку которых реакция была обязана своим происхождением. Это, по-видимому, объясняет, почему религия, которая не защищена правительством, обычно проявляет большую энергию и жизнеспособность, чем та, которая так защищена. По мере развития общества теологический дух сначала угасает среди наиболее образованных классов; и тогда правительство может вмешаться, как это происходит в Англии, и, контролируя духовенство, превратить церковь в творение государства; таким образом, ослабляя церковный элемент, смягчая его светскими соображениями. Но когда государство отказывается это делать, бразды правления, выпадающие из рук высших классов, переходят в руки духовенства, и возникает положение вещей, лучшей иллюстрацией которого являются французские протестанты в семнадцатом веке и ирландские католики в наше время. В таких случаях всегда будет так, что религия, которая терпима правительством, хотя и не полностью им признана, дольше всего сохранит свою жизнеспособность; потому что ее священнослужители, пренебрегаемые государством, должны теснее держаться за народ, в котором единственном заключается источник их власти.^[136] С другой стороны, в религии, пользующейся благосклонностью государства и щедро одаряемой мирянами низшего звена, союз между священством и низшими мирянами будет менее тесным; духовенство будет обращаться как к правительству, так и к народу; и вмешательство политических взглядов, соображений временной целесообразности и, если можно добавить без непочтительности, надежд на продвижение по службе уменьшится. секуляризируйте церковный дух,^[137] и, согласно процессу, который я уже проследил, таким образом ускорит продвижение терпимости.

Эти обобщения, которые объясняют значительную часть нынешних суеверий ирландских католиков, объясняют также прежние суеверия французских протестантов. В обоих случаях правительство, пренебрегая надзором за еретической религией, позволило верховной власти перейти в руки духовенства, которое стимулировало фанатизм людей и поощряло их ненависть к своим противникам. Каковы результаты этого в Ирландии, лучше всего известно тем нашим государственным деятелям, которые с необычной откровенностью заявили, что Ирландия является их самой большой проблемой. Каковы были результаты во Франции, мы сейчас попытаемся выяснить.

Примирительный дух французского правительства привлек на свою сторону некоторых наиболее выдающихся французских протестантов и обезоружил враждебность других, руководство партией перешло, как мы уже видели, в руки тех низших людей, которые в своем новом положении проявили нетерпимость, характерную для их ордена. Не претендуя на то, чтобы написать историю возникших ныне отвратительных распрей, я представлю читателю некоторые свидетельства их растущей ожесточенности; и я укажу на несколько шагов, благодаря которым гневные чувства, вызванные религиозными противоречиями, разгорелись настолько, что в конце концов они разожгли гражданскую войну, которая только благодаря улучшению настроения католиков не стала такой кровопролитной, какой была ужасная борьба шестнадцатого века. Ибо, когда французскими протестантами стали править люди, чьи профессиональные привычки заставляли их считать ересь величайшим из преступлений,

естественно, возник миссионерский и обращающий в свою веру дух, который побудил их вмешиваться в религию католиков и, под старым предлогом отвратить их от ошибочных путей, возродил ту вражду, которую прогресс знания стремился умиротворить. И поскольку под таким руководством эти чувства быстро возрастали, протестанты вскоре научились презирать великий Нантский эдикт, которым были гарантированы их свободы; и они вступили в опасную борьбу, целью которой была не защита своей собственной религии, а ослабление религии той самой партии, которой они были обязаны веротерпимостью, которую неохотно признавали предрассудки того времени.

В Нантском эдикте было предусмотрено, что протестанты должны в полной мере исповедовать свою религию; и этим правом они продолжали обладать вплоть до правления Людовика XIV. К этому добавлялось несколько других привилегий, таких, какие ни одно католическое правительство, за исключением правительства Франции, тогда не предоставило бы своим подданным-еретикам. Но все это не удовлетворяло желаний протестантского духовенства. Они не были довольны исповеданием своей собственной религии, если только не могли также нарушить религию других. Их первым шагом было призвать правительство ограничить совершение тех обрядов, которые французские католики долгое время почитали как символы национальной веры. С этой целью, сразу после смерти Генриха IV. они провели большое собрание в Сомюре, на котором официально потребовали, чтобы католические процессии не допускались ни в один город, местечко или замок, занятый протестантами.^[138] Поскольку правительство, похоже, не было склонно одобрять эту чудовищную претензию, эти нетерпимые сектанты взяли закон в свои руки. Они не только нападали на католические процессии, где бы ни встречали их, но и подвергали священников личным оскорблениям и даже пытались помешать им совершать причастие больным. Если католический священник занимался погребением умерших, протестанты обязательно присутствовали, прерывая похороны, превращая церемонию в посмешище и пытаясь своим шумом заглушить голос священника, чтобы не было слышно службы, совершаемой в церкви.^[139] И они не всегда ограничивались даже такими демонстрациями, как эти. Ибо, поскольку некоторые города были, возможно, неосмотрительно переданы под их контроль, они осуществляли свою власть в них с самой беспричинной наглостью. В Ла-Рошели, которая по значимости была вторым городом королевства, они не позволили католикам иметь даже единственную церковь, в которой можно было бы праздновать то, что на протяжении веков было единственной религией Франции и до сих пор остается религией огромного большинства французов.^[140] Это, однако, было лишь частью системы, с помощью которой протестантское духовенство надеялось поправить права своих собратьев-подданных. В 1619 году на своем общем собрании в Лудене они постановили, что ни в одном из протестантских городов не должно быть проповеди, произнесенной иезуитом или вообще каким-либо духовным лицом по поручению епископа.^[141] На другом собрании они запретили любому протестанту даже присутствовать на крещении, или на свадьбе, или на похоронах, если церемонию проводил католический священник.^[142] И, словно для того, чтобы лишить всякой надежды на примирение, они не только яростно выступали против смешанных браков между двумя партиями, благодаря которым в каждой христианской стране смягчается религиозная вражда, но и публично заявили, что будут отказывать в причастии любым родителям, чьи дети были женаты в католической семье.^[143] Однако, чтобы не накапливать ненужных доказательств, стоит упомянуть еще одно обстоятельство, подтверждающее дух, с которым эти и подобные правила применялись. Когда Людовик XIII в 1620 году посетил По, с ним не только обошлись недостойно, как с принцем-еретиком, но он обнаружил, что протестанты не

оставили ему ни одной церкви, ни одного места, в котором король Франции на своей территории мог бы совершать те богослужения, которые он считал необходимыми для своего будущего спасения.[144]

Именно так французские протестанты под влиянием своих новых лидеров поступили с первым католическим правительством, которое воздержалось от их преследования; первым, которое не только разрешило им свободно исповедовать свою религию, но даже выдвинуло многих из них на ответственные и почетные должности.[145] Все это, однако, было лишь частью остального их поведения. Они, которые по численности и интеллекту составляли жалкое меньшинство французской нации, претендовали на власть, от которой отказалось большинство, и отказывались признавать другим ту терпимость, которой пользовались они сами. Несколько человек, примкнувших к их партии, теперь покинули ее и вернулись в католическую церковь; но за осуществление этого несомненного права они были оскорблены протестантским духовенством самым грубым образом, со всевозможными поношениями.[146] Для тех, кто сопротивлялся их власти, никакое лечение не считалось слишком суровым. В 1612 году Ферье, человек с определенной репутацией в свое время, нарушив их предписания, получил приказ предстать перед одним из их синодов. Суть его проступка заключалась в том, что он презрительно отзывался о церковных собраниях; и к этому, конечно, добавлялись те обвинения в адрес его морального поведения, которыми богословы часто пытаются очернить характер своих оппонентов.[147] Читатели "церковной истории" слишком знакомы с подобными обвинениями, чтобы придавать им какое-либо значение; но поскольку в данном случае обвиняемого судили люди, которые были одновременно его обвинителями, его врагами и его судьями, результат было легко предвидеть. В 1613 году Ферье был отлучен от церкви, и это отлучение было публично провозглашено в церкви Нима. В этом предложении, которое сохранилось до наших дней, духовенство объявляет его "скандальным человеком, личностью неисправимой, нераскаянной и неуправляемой". Поэтому мы, добавляя они, "именем и силой Господа нашего Иисуса Христа, под руководством Святого Духа и с властью церкви изгнали и сейчас изгоняем его из общества верующих, чтобы он был предан сатане".[148]

Чтобы он был предан сатане! Это было наказание, которому горстка священнослужителей в уголке Франции, по их мнению, могла подвергнуть человека, осмелившегося пренебречь их властью. В наше время такая анафема вызвала бы только насмешки;[149] но в начале семнадцатого века открытого обнародования ее было достаточно, чтобы погубить любое частное лицо, против которого она могла быть направлена. И те, чьи исследования позволили им оценить церковный дух, легко поверят, что в ту эпоху угроза не оставалась мертвой буквой. Народ, подстрекаемый своим духовенством, восстал против Ферье, напал на его семью, уничтожил его имущество, разграбил и выпотрошил его дома и с громкими криками потребовал, чтобы 'предатель Иуда' был выдан им. Несчастному человеку с величайшим трудом удалось спастись; но хотя он спас себе жизнь, спасшись бегством глубокой ночью, он был вынужден навсегда покинуть свой родной город, поскольку не осмеливался вернуться в место, где спровоцировал столь активную и непримиримую партию.[150]

В других вопросах, и даже в тех, которые были связаны с обычными функциями правительства, протестанты придерживались того же духа. Хотя они составляли столь малую часть народа, они пытались контролировать управление короной и с помощью угроз обращать все ее действия в свою пользу. Они не позволили бы государству определять, какие церковные соборы оно должно признавать; они даже не позволили бы королю самому выбирать себе жену. В 1615 году,

без малейших намеков на недовольство, они в большом количестве собрались в Гренобле и Ниме.^[151] Депутаты Гренобля настаивали на том, чтобы правительство отказалось признавать Тридентский собор;^[152] и обе ассамблеи постановили, что протестанты должны предотвратить брак Людовика XIII. с испанской принцессой.^[153] Они выдвинули аналогичные претензии о вмешательстве в распоряжение гражданскими и военными ведомствами. Вскоре после смерти Генриха IV они на собрании в Сомюре настояли на том, чтобы Сюлли был восстановлен на некоторых должностях, с которых, по их мнению, он был несправедливо смещен.^[154] В 1619 году другое их собрание в Лондоне заявило, что, поскольку один из протестантских советников парламента Парижа стал католиком, он должен быть уволен; и они потребовали, чтобы по той же причине правительство Лектура было выведено из Фонтрайля, он также принял нередкий пример отказа от своей секты, чтобы принять вероучение, санкционированное парламентом. государство.^[155]

Стремясь способствовать всему этому и с целью еще большего разжигания религиозной вражды, главное протестантское духовенство выдвинуло ряд работ, которым по горечи чувств едва ли когда-либо были равны и которые, безусловно, было бы невозможно превзойти. Сильную ненависть, с которой они относились к своим соотечественникам-католикам, могут в полной мере оценить только те, кто заглядывал в брошюры, написанные французскими протестантами в первой половине семнадцатого века, или кто читал трудные и формальные трактаты таких людей, как Шамье, Дрелинкур, Мулен, Томсон и Винье. Не останавливаясь, однако, на них, возможно, будет сочтено достаточным, если ради краткости я прослежу за простым изложением политических событий. Большое количество протестантов присоединилось к восстанию, которое в 1615 году было поднято Конде;^[156] и, хотя тогда они были легко побеждены, они, казалось, были склонны к новой борьбе. В Беарне, где их было необычайно много,^[157] они даже во время правления Генриха IV отказывались мириться с католической религией; "их фанатичное духовенство, - говорит историк Франции, - заявляло, что было бы преступлением допускать идолопоклонство мессы".^[158] Эту благотворительную максиму они на протяжении многих лет активно претворяли в жизнь, конфискуя имущество католического духовенства и используя его для поддержки своих собственных церквей;^[159] таким образом, в то время как в одной части владений короля Франции протестантам было разрешено исповедовать свою религию, они, в другой части его владений, препятствовали католикам исповедовать свою. Вряд ли можно было ожидать, что какое-либо правительство столкнется с подобной аномалией, и в 1618 году было приказано, чтобы протестанты вернули награбленное и восстановили католиков в их прежних владениях. Но реформатское духовенство, встревоженное столь кощунственным предложением, назначило публичный пост и, вдохновив народ на сопротивление, вынудило королевского комиссара бежать из По, куда он прибыл в надежде добиться мирного урегулирования претензий соперничающих сторон.^[160]

Восстание, поднятое таким образом рвением протестантов, было вскоре подавлено; но, по признанию Рогана, одного из самых способных их вождей, это было началом всех их несчастий.^[161] Меч теперь был обнажен; и единственный вопрос, который предстояло решить, заключался в том, следует ли управлять Францией в соответствии с недавно установленными принципами терпимости или в соответствии с максимами деспотической секты, которая, заявляя о защите права на личное суждение, действовала таким образом, что любое частное суждение становилось невозможным.

Едва война в Беарне подошла к концу, как протестанты решили предпринять большие усилия на западе Франции.^[162] Центром этой новой борьбы была Рошель, которая была одной из сильнейших крепостей в Европе и полностью находилась в руках протестантов,^[163] разбогатевших, частично благодаря их собственной промышленности, а частично следуя за занятием государственных пиратов.^[164] В этом городе, который они считали неприступным,^[165] они в декабре 1620 года провели Великое Собрание, на которое со всех концов стеклись их духовные вожди из Франции. Вскоре стало очевидно, что их партией теперь руководят люди, настроенные на самые жестокие меры. Их великие светские лидеры, как мы уже видели, постепенно сходили с ума; и к этому времени остались только двое очень способных людей, Роан и Морней, оба из которых видели нецелесообразность своих действий и желали, чтобы ассамблея мирно разошлась.^[166] Но авторитет духовенства был непреодолим; и своими молитвами и увещеваниями они легко одержали верх над простыми гражданами, которые в то время были грубой и необразованной массой.^[167] Под их влиянием Ассамблея приняла курс, который сделал гражданскую войну неизбежной. Их первым актом был эдикт, по которому они немедленно конфисковали все имущество, принадлежащее католическим церквям.^[168] Затем они приказали отчеканить большую печать, с помощью которой приказали вооружать народ и собирать с него налоги для защиты своей религии.^[169] Наконец, они составили правила и организовали учреждение того, что они называли Реформатскими церквями Франции и Беарна; и, с целью облегчения осуществления своей духовной юрисдикции, они разделили Францию на восемь кругов, к каждому из которых был приставлен отдельный генерал, которого, однако, должен был сопровождать священнослужитель, поскольку администрация во всех ее частях, был признан ответственным перед тем церковным собранием, которое положило начало его существованию.^[170]

Таковы были формы и помпезность власти, которую приняли на себя духовные лидеры французских протестантов; люди, по природе своей обреченные на безвестность, и способности которых были настолько ничтожны, что, несмотря на их временное значение, они не оставили имени в истории. Эти ничтожные священники, которые в лучшем случае годились только для того, чтобы взойти на кафедру в захолустной деревне, теперь присвоили себе право распоряжаться делами Франции, облагать французов налогами, конфисковывать имущество, набирать войска, развязывать войну; и все это ради распространения вероучения, которое по всей стране считалось грязной и пагубной ересью.

Перед лицом этих непомерных претензий было очевидно, что у французского правительства не было иного выбора, кроме как сложить с себя полномочия или же взяться за оружие для собственной защиты.^[171] Каким бы ни было популярное мнение о необходимой нетерпимости католиков, неоспоримым фактом является то, что в начале семнадцатого века они проявили во Франции дух снисходительности и христианского милосердия, на которые протестанты не могли претендовать. В течение двадцати двух лет, прошедших между Нантским эдиктом и Ассамблеей Рошели, правительство, несмотря на неоднократные провокации, никогда не нападало на протестантов;^[172] также они не предпринимали никаких попыток уничтожить привилегии секты, которую они были обязаны считать еретической, и искоренение которой их отцы считали недопустимым. одна из первых обязанностей христианского государственного деятеля.

Разразившаяся война длилась семь лет и не прерывалась, если не считать короткого мира, заключенного сначала в Монпелье, а затем в Рошели; ни один из них, однако, не соблюдался

особенно строго. Но разница во взглядах и намерениях двух партий соответствовала разнице между классами, которые ими управляли. Протестанты, находясь под влиянием главным образом духовенства, сделали своим объектом религиозное господство. Католиками руководят государственные деятели, нацеленные на мирские выгоды. Таким образом, обстоятельства во Франции настолько полностью стерли первоначальную тенденцию этих двух великих сект, что в результате странной метаморфозы светский принцип был теперь представлен католиками, а теологический - протестантами. Авторитет духовенства, а следовательно, и интересы суеверия, поддерживались той самой партией, которая своим происхождением была обязана уменьшению того и другого; с другой стороны, они подвергались нападкам со стороны партии, успех которой до сих пор зависел от увеличения числа тех и других. Если бы восторжествовали католики, церковная власть была бы ослаблена; если бы восторжествовали протестанты, она укрепилась бы. Об этом факте, что касается протестантов, я только что привел достаточно доказательств, почерпнутых из их судебных разбирательств и из языка их собственных синодов. И то, что противоположный, или светский принцип, преобладал среди католиков, очевидно не только из их неизменной политики в правление Генриха IV. и Людовика XIII, но также и из другого обстоятельства, достойного внимания. Ибо их мотивы были настолько очевидны и вызвали такой скандал в церкви, что папа, как великий защитник религии, считал себя обязанным осудить то пренебрежение богословскими интересами, которое они проявили, и которое он считал вопиющим и непростительным оскорблением. В 1622 году, всего через год после начала борьбы между протестантами и католиками, он решительно протестовал перед французским правительством по поводу печально известной непристойности, в которой они были виновны, ведя войну против еретиков не с целью подавления ереси, а просто с целью обеспечения государству тех временных преимуществ, которые, по мнению всех благочестивых людей, следует рассматривать как второстепенные.^[173]

Если бы на данном этапе протестанты одержали победу, потери Франции были бы огромными, возможно, невозполнимыми. Ибо никто, знакомый с характером французских кальвинистов, не может сомневаться в том, что, если бы они овладели правительством, они возобновили бы те религиозные преследования, которые, насколько простиралась их власть, они уже пытались осуществлять. Не только в их трудах, но даже в эдиктах их собраний мы находим достаточно доказательств того духа вмешательства и нетерпимости, который во все века характеризовал церковное законодательство. Действительно, такой дух является законным следствием фундаментального предположения, с которого обычно отталкиваются теологические законодатели. Духовенство учат считать, что его первостепенной обязанностью является сохранение чистоты веры и защита ее от вторжений ереси. Поэтому всякий раз, когда они приходят к власти, почти неизменно случается, что они привносят в политику привычки, приобретенные в своей профессии; и, давно привыкнув считать религиозное заблуждение преступным, они теперь, естественно, пытаются сделать его уголовно наказуемым. И подобно тому, как все европейские страны в период своего невежества когда-то управлялись духовенством, точно так же мы находим в сводах законов каждой страны те следы их власти, которые прогресс знания постепенно стирает. Мы видим, как приверженцы доминирующего вероучения принимают законы против приверженцев других вероучений: законы, иногда направленные на то, чтобы сжечь их, иногда - чтобы изгнать, иногда - чтобы лишить их гражданских прав, иногда - только для того, чтобы лишить их политических прав. Таковы различные градации, через которые проходят гонения, и, наблюдая за которыми, мы можем измерить в любой стране энергию церковного духа. В то же время теория, которой

подкрепляются такие меры, как правило, приводит к появлению других мер несколько иного, хотя и аналогичного характера. Ибо, распространяя власть закона как на мнения, так и на действия, основа законодательства становится опасно расширенной; нарушается индивидуальность и независимость каждого человека; и поощряется принятие навязчивых и досадных предписаний, которые, как предполагается, оказывают нравственности ту же услугу, которую другой класс законов оказывает религии. Под предлогом поощрения практики добродетели и поддержания чистоты общества люди испытывают беспокойство в своих самых обычных занятиях, в самых обычных событиях жизни, в своих развлечениях, более того, даже в самой одежде, которую они, возможно, склонны носить. То, что именно это и было сделано на самом деле, должно быть известно каждому, кто обращался к писаниям отцов церкви, к канонам христианских соборов, к различным системам церковного права или к проповедям более раннего духовенства. В самом деле, все это настолько естественно, что правила, выдержанные в том же духе, были составлены для правительства Женева кальвинистским духовенством, а для правительства Англии архиепископом Кранмером и его помощниками; в то время как совершенно идентичную тенденцию можно наблюдать в законодательстве пуритан и, если привести еще более поздний пример, в законодательстве методистов. Поэтому неудивительно, что во Франции протестантское духовенство, обладающее большой властью среди своей собственной партии, должно насаждать подобную дисциплину. Таким образом, чтобы привести лишь несколько примеров, они запретили кому бы то ни было ходить в театр или даже быть свидетелем представления частных театров.[174] Они смотрели на танцы как на безбожное развлечение, и поэтому они не только строго запретили их, но и приказали, чтобы все учителя танцев получили наставление от духовной силы, и пожелали отказаться от столь нехристианской профессии. Если, однако, предостережение не достигало своей цели, учителя танцев, остававшиеся таким образом непреклонными, подлежали отлучению от церкви.[175] С такой же благочестивой заботой духовенство следило за другими делами, не менее важными. На одном из своих синодов они приказали всем людям воздерживаться от ношения яркой одежды и укладывать волосы с подобающей скромностью.[176] В другом синоде они запретили женщинам рисовать; и они заявили, что если после этого судебного запрета какая-либо женщина будет упорствовать в рисовании, ей не следует разрешать принимать причастие.[177] Собственному духовенству, как наставникам и пастырям паствы, уделялось внимание еще более скрупулезное. Служителям Слова было разрешено преподавать иврит, потому что иврит - священный диалект, незагрязненный профанными писателями. Но греческий язык, который содержит в себе всю философию и почти всю мудрость античности, должен был быть обескуражен, его изучение отложено, его преподавательская деятельность пресечена.[178] И, чтобы разум не отвлекался от духовных вещей, изучение химии также было запрещено; такое простое земное занятие несовместимо с привычками священной профессии.[179] Однако, чтобы, несмотря на эти меры предосторожности, информация все же не распространилась среди протестантов, были приняты другие меры для предотвращения даже самого раннего ее распространения. Духовенство, совершенно забыв о праве частного суждения, на котором была основана их секта, так заботилось о защите неосторожных от ошибок, что запретило кому бы то ни было печатать или публиковать произведения без санкции церкви; другими словами, без санкции самого духовенства.[180] Когда с помощью этих средств они уничтожили возможность свободного исследования и, насколько это было возможно, положили конец приобретению всех реальных знаний, они приступили к защите от другого обстоятельства, к которому привели их меры. Ибо некоторые протестанты, видя, что при такой системе невозможно дать своим семьям полезное образование, отправили своих детей в некоторые из

этих знаменитых католических колледжей, где только и можно было получить хорошее образование. Но духовенство, как только услышало об этой практике, положило ей конец, отлучив родителей-нарушителей от церкви;[181] и к этому был добавлен приказ, запрещающий им впускать в свои частные дома любого наставника, исповедующего католическую религию.[182] Именно таким образом французские протестанты находились под присмотром и защитой своих духовных учителей. Даже самые незначительные вопросы не оставались незамеченными этими великими законодателями. Они приказали, чтобы никто не ходил на бал или маскарад;[183] также ни один христианин не должен смотреть на фокусы фокусников, или на знаменитую игру в кубки, или на кукольное представление; также он не должен присутствовать на танцах Морриса; ибо все подобные развлечения должны быть запрещены магистратами, потому что они возбуждают любопытство, приводят к расходам, пустая трата времени.[184] Еще одна вещь, на которую следует обратить внимание, - это имена, которые даруются при крещении. У ребенка может быть два христианских имени, хотя одно предпочтительнее.[185] Однако при их выборе следует соблюдать большую осторожность. Их следовало бы взять из Библии, но они не должны быть Крестителями или Ангелами; также ни один младенец не должен получать имя, которое раньше использовалось язычниками.[186] Когда дети вырастают, появляются другие правила, которым они должны подчиняться. Духовенство заявило, что верующие ни в коем случае не должны отращивать свои волосы, чтобы тем самым не позволить себе роскошь 'похотливых локонов'. [187] Они должны шить свою одежду таким образом, чтобы избежать "новомодной мировой моды": у них не должно быть кисточек на одежде; их перчатки должны быть без шелка и лент; они должны воздерживаться от фартингейлов; они должны остерегаться широких рукавов.[188]

Те читатели, которые не изучали историю церковного законодательства, возможно, будут удивлены, обнаружив, что серьезные люди, достигшие возраста благоразумия и собравшиеся вместе на торжественный совет, проявляют такое любопытство и ребяческий дух; что они проявляют такое жалкое и ребяческое слабоумие. Но тот, кто более широко изучит человеческие дела, будет склонен винить не столько законодателей, сколько систему, частью которой они были. Ибо что касается самих людей, то они просто поступали так, как им подобает. Они всего лишь следовали традициям, в которых были воспитаны. В силу своей профессии они привыкли придерживаться определенных взглядов, и, когда они пришли к власти, было естественно, что они претворяли эти взгляды в жизнь, перенося таким образом в свод законов максимы, которые они уже проповедовали с кафедры. Поэтому всякий раз, когда мы читаем о назойливых предписаниях, налагаемых церковной властью, мы должны помнить, что они являются всего лишь законным результатом церковного духа; и что способ устранить такие обиды или предотвратить их возникновение заключается не в тщетных усилиях изменить тенденции того класса, от которого они исходят, а скорее в том, чтобы ограничить класс в его надлежащих пределах, ревниво охраняя от его первых посягательств, используя любую возможность ослабить его влияние, и, наконец, когда церковный дух ослабевает, прогресс общества оправдывает столь значительный шаг, поскольку лишит его той политической и законодательной власти, которая, хотя и постепенно выпадает из его рук, все же в какой-то степени сохраняется даже в самых цивилизованных странах.

Но, оставляя в стороне эти общие соображения, во всяком случае, следует признать, что я собрал достаточно доказательств, указывающих на то, что произошло бы с Францией, если бы протестанты одержали верх. После приведенных мною фактов никто не может усомниться в том, что, если бы такое несчастье произошло, либеральная и, учитывая возраст, просвещенная

политика Генриха IV была бы невозможна. и Людовик XIII. было бы разрушено, чтобы уступить место той мрачной и суровой системе, которая во все века и в каждой стране считалась естественным плодом церковной власти. Таким образом, чтобы поставить вопрос в его надлежащей форме, вместо того чтобы говорить, что имела место война между враждебными вероисповеданиями, мы должны скорее сказать, что имела место война между соперничающими классами. Это было соревнование не столько между католической религией и протестантской, сколько между католическими мирянами и протестантским духовенством. Это была борьба между мирскими интересами и интересами теологическими, — между духом настоящего и духом прошлого. И вопрос, о котором сейчас шла речь, заключался в том, должна ли Франция управляться гражданской властью или духовной властью, — должна ли она управляться в соответствии с широкими взглядами светских государственных деятелей или в соответствии с узкими представлениями фракционного и нетерпимого духовенства.

Протестанты, обладающие огромным преимуществом быть агрессивной стороной и, кроме того, воспламененные религиозным рвением, неизвестным их противникам, могли бы при обычных обстоятельствах преуспеть в своей рискованной попытке; или, во всяком случае, они могли бы затянуть борьбу на неопределенный период. Но, к счастью для Франции, в 1624 году, всего через три года после начала войны, Ришелье взял на себя руководство правительством. В течение нескольких лет он был тайным советником королевы-матери, которой всегда внушал необходимость полной терпимости.^[189] Поставленный во главе дела, он проводил ту же политику и всячески старался примирить протестантов. Духовенство его собственной партии постоянно призывало его истребить еретиков, чье присутствие, по их мнению, оскверняло Францию.^[190] Но Ришелье, имея только светские объекты, отказался усугублять соперничество, превратив его в религиозную войну. Он был полон решимости покарать мятежников, но не стал бы карать ересь. Даже когда бушевала война, он не отменил бы те эдикты о веротерпимости, которыми протестантам была предоставлена полная свобода религиозного поклонения. И когда они в 1626 году проявили признаки раскаяния или, во всяком случае, страха, он публично подтвердил Нантский эдикт,^[191] и даровал им мир; хотя, по его словам, он знал, что, поступив так, он попадет под подозрение тех, "кто так сильно повлиял на имя ревностных католиков".^[192] Несколько месяцев спустя война снова разразилась; и тогда Ришелье решился на знаменитую осаду Рошели, которая, если она завершится успешно, несомненно, нанесет решающий удар французским протестантам. То, что он решился на это опасное предприятие исключительно из светских соображений, очевидно не только из общего духа его предыдущей политики, но и из его последующего поведения. Подробностей этой знаменитой осады история не касается, поскольку подобные вопросы не имеют ценности, кроме как для военных читателей. Достаточно сказать, что в 1628 году была взята Рошель; и протестанты, которых их духовенство побудило^[193] продолжать сопротивление еще долго после того, как помощь стала безнадежной, и которые, как следствие, перенесли самые ужасные лишения, были вынуждены сдаться по своему усмотрению.^[194] Привилегии города были отменены, а его должностные лица смещены; но великий священник, через которого все это было осуществлено, все еще воздерживался от религиозных преследований, к которым его призывали.^[195] Он даровал протестантам терпимость, которую предлагал в более ранний период, и формально признал свободное отправление ими общественного богослужения.^[196] Но их увлечение было таково, что, поскольку он также восстановил отправление католической религии и, таким образом, предоставил завоевателям ту же свободу, которую он предоставил побежденным, протестанты роптали на индульгенцию; они не могли вынести мысли, что их

глаза могут быть оскорблены исполнением папистских обрядов.[197] И их возмущение возросло настолько, что в следующем году они, в другой части Франции, снова подняли оружие. Поскольку, однако, теперь они были лишены своих основных ресурсов, они были легко разбиты; и поскольку их существование как политической фракции было уничтожено, Ришелье обращался с ними в связи с их религией так же, как и раньше.[198] Для протестантов в целом он подтвердил привилегию проповедовать и совершать другие церемонии их вероучения.[199] Их лидеру Рохану он объявил амнистию, а несколько лет спустя нанял его на важные государственные службы. После этого надежды партии были разрушены; они никогда снова не поднимались с оружием в руках, и мы не находим никаких упоминаний о них до гораздо более позднего периода, когда они подверглись варварскому преследованию Людовика XIV.[200] Но от всей подобной нетерпимости Ришелье усердно воздерживался; и теперь, очистив страну от мятежников, он приступил к осуществлению того обширного плана внешней политики, о котором я уже давал некоторый отчет, и в котором он ясно показал, что его действия против протестантов не были вызваны ненавистью к их религиозным догматам. Ибо ту же партию, на которую он нападал дома, он поддерживал и за границей. Он расправился с французскими протестантами, потому что они были мятежной фракцией, которая беспокоила государство, и желали пресечь распространение любых мнений, неблагоприятных для них самих. Но он, как я уже заметил, был далек от того, чтобы вести крестовый поход против их религии, и поощрял его в других странах; и, хотя он был епископом католической церкви, он не колебался ни перед договорами, ни перед деньгами, ни перед силой оружия, поддерживая протестантов против Австрийского дома, поддерживая лютеран против императора Германии и поддерживая кальвинистов против короля Испании.

Таким образом, я попытался обрисовать в общих чертах события, происходившие во Франции во время правления Людовика XIII, и особенно в ту его часть, которая включала правление Ришелье. Но подобные события, какими бы важными они ни были, составляли лишь отдельную фазу того более масштабного развития, которое теперь проявлялось почти во всех отраслях национальной интеллигенции. Они были простым политическим выражением того смелого и скептического духа, который разрушал предрассудки и суеверия людей. Ибо правительство Ришелье было успешным, равно как и прогрессивным; и никакое правительство не может объединить эти два качества, если его меры не согласуются с чувствами и настроением эпохи. Такое введение, хотя и способствует прогрессу, не является его причиной, а скорее его мерой и симптомом. Причина прогресса лежит гораздо глубже и определяется общей тенденцией времени. И поскольку различные тенденции, наблюдаемые у сменяющих друг друга поколений, зависят от разницы в их знаниях, очевидно, что мы можем понять действие этих тенденций, только широко рассмотрев объем и характер знаний. Поэтому, чтобы понять истинную природу великого прогресса, достигнутого во время правления Людовика XIII, становится необходимым представить читателю некоторые свидетельства, касающиеся тех высших и более важных фактов, которыми историки склонны пренебрегать, но без которых изучение прошлого - пустое и тривиальное занятие, а сама история - бесплодное поле, которое, не принося плодов, недостойно труда, потраченного впустую на возделывание столь неблагодарной почвы.

Действительно, весьма примечательным фактом является то, что в то время, как Ришелье с такой необычайной смелостью секуляризировал всю систему французской политики и своим пренебрежением к древним интересам сводил на нет самые древние традиции, курс, в точности аналогичный, проводился в еще более высоком ведомстве человеком более великим, чем он; человеком, который, если мне будет позволено выразить мое собственное мнение,

является самым глубоким из многих выдающихся мыслителей, которых произвела Франция. Я говорю о Рене Декарте, о котором самое меньшее, что можно сказать, это то, что он произвел революцию более решительную, чем когда-либо была произведена каким-либо другим отдельным умом. Нас сейчас не интересуют его чисто физические открытия, потому что в этом Введении я не претендую на то, чтобы проследить прогресс науки, за исключением тех эпох, которые указывают на новый поворот в привычках национальной мысли. Но я могу напомнить читателю, что он был первым, кто успешно применил алгебру к геометрии;[\[201\]](#) что он указал на важный закон синусов;[\[202\]](#) что в эпоху, когда в какие оптические инструменты были крайне несовершенны, он обнаружил изменения, которым свет подвергается в глазу из-за хрусталика;[\[203\]](#), что он обратил внимание на последствия, возникающие в результате веса атмосферы;[\[204\]](#) и что он, более того, обнаружил причины появления радуги,[\[205\]](#) это необычное явление, с которым в глазах обывателей до сих пор связаны некоторые теологические суеверия.[\[206\]](#) В то же время, как будто сочетая в себе самые разнообразные формы совершенства, ему не только позволено быть первым геометром эпохи,[\[207\]](#) но благодаря ясности и восхитительной точности своего стиля он стал одним из основоположников французской прозы.[\[208\]](#) И хотя он постоянно был занят теми возвышенными исследованиями природы человеческого разума, которые никогда нельзя изучать без удивления, я чуть было не сказал, никогда нельзя читать без благоговения, он совместил с ними длительный курс кропотливых экспериментов на животных, которые возвысили его до высшего ранга среди анатомов своего времени.[\[209\]](#) Великим открытием циркуляции крови, сделанным Харвеем, пренебрегало большинство его современников;[\[210\]](#) но это было сразу признано Декартом, который сделал это основа физиологической части его работы над Человеком.[\[211\]](#) Он также принял открытие Азелли молочных желез,[\[212\]](#) которая, как и любая великая истина, когда-либо открытая миру, при своем первом появлении была не только не поверили, но и подвергли насмешкам.[\[213\]](#)

Этих вещей могло бы быть достаточно, чтобы спасти даже физические труды Декарта от нападков, постоянно совершаемых на них людьми, которые либо не изучали его труды, либо, изучив их, неспособны понять их достоинства. Но слава Декарта и влияние, которое он оказывал на протяжении своей эпохи, не зависят даже от таких заявлений, как эти. Оставляя их в стороне, он является автором того, что подчеркнуто называется Современной философией.[\[214\]](#) Он является создателем этой великой системы и метода метафизики, которые, несмотря на свои ошибки, обладают несомненным достоинством в том, что дали замечательный импульс европейскому уму и сообщили ему активность, которая стала доступной для других целей иного характера. Помимо этого и превосходящего его, есть еще одно обязательство, которое мы несем перед памятью Декарта. Он заслуживает благодарности потомков не столько за то, что он построил, сколько за то, что он разрушил. Его жизнь была одной великой и успешной войной против предрассудков и традиций людей. Он был велик как созидатель, но гораздо более велик как разрушитель. В этом отношении он был истинным преемником Лютера, к трудам которого его собственные были подходящим дополнением. Он завершил то, что великий немецкий реформатор оставил незавершенным.[\[215\]](#) Он относился к старым системам философии точно так же, как Лютер относился к старым системам религии. Он был великим реформатором и освободителем европейского интеллекта. Следовательно, предпочесть даже самых успешных первооткрывателей физических законов этому великому новатору и нарушителю традиций - все равно что предпочесть знание свободе и верить, что наука лучше свободы. Действительно, мы должны всегда быть благодарны тем выдающимся

мыслителям, чьим трудам мы обязаны тем обширным сводом физических истин, которым мы теперь обладаем. Но давайте сохраним всю меру нашего почтения для тех гораздо более великих людей, которые без колебаний атаковали и разрушали самые закоренелые предрассудки: людей, которые, устранив давление традиции, очистили сам источник нашего знания и обеспечили его будущий прогресс, устранив препятствия, при наличии которых прогресс был невозможен.[216]

Никто не ожидает, возможно, это вряд ли будет желательно, что я буду вдаваться во все подробности философии Декарта: философии, которая, по крайней мере в Англии, редко изучается и, следовательно, часто подвергается нападкам. Но необходимо будет дать такой отчет о нем, который покажет его аналогию с антибогословской политикой Ришелье и, таким образом, позволит нам увидеть весь размах того обширного движения, которое имело место во Франции до восшествия на престол Людовика XIV. Таким образом, мы сможем понять, почему смелые нововведения великого министра были столь успешными, поскольку они сопровождались и подкреплялись соответствующими новшествами в национальном интеллекте; таким образом, мы получаем дополнительный пример того, как политическая история каждой страны должна объясняться историей ее интеллектуального прогресса.

В 1637 году, когда Ришелье был на пике своего могущества, Декарт опубликовал этот великий труд, над которым он долго размышлял и который был первым открытым заявлением о новых тенденциях французского мышления. Этой работе он дал название 'Метода'; и, несомненно, этот метод наиболее чужд тому, что обычно называется теологией, из всех, какие только можно себе представить. На самом деле, он далек от того, чтобы быть теологическим, он по существу и исключительно психологический. Теологический метод основан на древних записях, на традиции, на голосе античности. Метод Декарта основывается исключительно на осознании каждым человеком операций своего собственного разума, и, чтобы никто не мог неправильно истолковать значение этого, он в последующих работах развил его очень подробно и с непревзойденной ясностью. Ибо его главной целью была популяризация взглядов, которые он выдвигал. Поэтому, говорит Декарт, "я пишу скорее по-французски, чем по-латыни, потому что верю, что те, кто пользуется только своим простым и врожденным разумом, оценят мои мнения более справедливо, чем те, кто верит только в древние книги".[217] Он так сильно настаивает на этом, что почти в начале своей первой работы он предостерегает своих читателей от распространенной ошибки обращения к древности в поисках знаний; и он напоминает им, что "когда люди слишком любопытны, чтобы знать обычаи прошлых эпох, они обычно остаются в полном неведении относительно своих собственных".[218]

Действительно, столь далекая от следования старому плану поиска истин в записях прошлого, великая суть этой новой философии состоит в том, чтобы отучить себя от всех подобных ассоциаций и, начиная приобретение знаний с работы разрушения, сначала разрушить, чтобы впоследствии мы могли созидать.[219] Когда я, говорит Декарт, отправился в погоню за истиной, я обнаружил, что лучший способ - это отвергнуть все, что я до сих пор получал, и вырвать все мои старые мнения, чтобы я мог заново заложить их фундамент: полагая, что таким образом мне будет легче осуществить великий план жизни, чем строить на старой основе и поддерживать я руководствовался принципами, которым научился в юности, не проверяя, действительно ли они верны.[220] "Поэтому я буду свободно и серьезно заниматься общим разрушением всех моих старых мнений".[221] Ибо, если мы хотим знать все истины, которые только можно познать, мы должны, в первую очередь, освободиться от наших предрассудков и

взять за правило отвергать то, что мы получили, до тех пор, пока не подвергнем их новому исследованию.[222] Поэтому мы должны черпать свое мнение не из традиций, а из самих себя. Мы не должны выносить суждения о каком-либо предмете, который мы не понимаем ясно и отчетливо; ибо, даже если такое суждение верно, оно может быть таковым только случайно, не имея твердой почвы для опоры.[223] Но мы так далеки от этого состояния безразличия, что наша память полна предрассудков:[224] мы обращаем внимание скорее на слова, чем на вещи;[225] и, таким образом, будучи рабами формы, слишком многие из нас считают себя религиозными, хотя на самом деле они фанатичны и суеверны; которые считают себя совершенными, потому что они много ходят в церковь, потому что они часто повторяют молитвы, потому что они носят короткие волосы, потому что они постятся, потому что они подают милостыню. Это люди, которые воображают себя такими друзьями Бога, что ничто из того, что они делают, не вызывает Его неудовольствия; люди, которые под предлогом усердия удовлетворяют свои страсти, совершая величайшие преступления, такие как предательство городов, убийство князей, истребление народов: и все это они делают с теми, кто не меняет своего мнения".[226]

Это были мудрые слова, которые этот великий учитель обратился к своим соотечественникам всего через несколько лет после того, как они положили конец последней религиозной войне, которая когда-либо велась во Франции. Сходство этих взглядов с теми, которые примерно в то же время были выдвинуты Чиллингвортом, должно поразить каждого читателя, но не должно вызывать удивления; ибо они были всего лишь естественными продуктами того состояния общества, в котором впервые были прочно установлены право частного суждения и независимость человеческого разума. Если мы рассмотрим этот вопрос немного внимательнее, то найдем еще одно доказательство аналогии между Францией и Англией. Ступени прогресса настолько идентичны, что отношение Монтеня к Декарту точно такое же, как у Хукера к Чиллингворту; то же самое в отношении разницы во времени, а также в отношении разницы мнений. Ум Хукера был по сути своей скептиком; но его гений был настолько ограничен предрассудками его эпохи, что, будучи неспособным распознать высший авторитет частного суждения, он препятствовал этому, апеллируя к соборам и общему голосу церковной старины: препятствия, которые Чиллингворт тридцать лет спустя успешно устранил. Точно так же Монтень, как и Хукер, был скептиком; но, как и он, он жил в период, когда дух сомнения был еще молод и когда умы все еще трепетали перед авторитетом Церкви. Поэтому неудивительно, что даже Монтень, который так много сделал для своего времени, колебался в отношении способности людей самостоятельно постигать великие истины; и что, останавливаясь на пути, который лежал перед ним, его скептицизм часто принимал форму недоверия к человеческим способностям.[227] Подобные недостатки являются всего лишь свидетельством медленного роста общества и невозможности даже величайшим мыслителям превзойти своих современников дальше определенного уровня. Но с развитием знаний этот недостаток, наконец, восполнился; и, как поколение после Хукера породило Чиллингворта, точно так же поколение после Монтеня породило Декарта. И Чиллингворт, и Декарт были в высшей степени скептичны; но их скептицизм был направлен не против человеческого интеллекта, а против тех апелляций к авторитетам и традиции, без которых до сих пор предполагалось, что интеллект не может безопасно развиваться. В том, что так было в случае с Чиллингвортом, мы уже убедились. То, что аналогично обстояло дело с Декартом, по возможности, еще более очевидно; ибо этот глубокий мыслитель верил не только в то, что разум своими собственными усилиями может

искоренить свои самые древние мнения, но и в то, что он может без посторонней помощи построить новую и прочную систему вместо той, которую он разрушил.[228]

Именно эта необычайная уверенность в силе человеческого интеллекта в высшей степени характеризует Декарта и придала его философии то особое величие, которое отличает ее от всех других систем. Будучи настолько далек от мысли, что знание внешнего мира необходимо для открытия истины, он установил в качестве фундаментального принципа, что мы должны начать с игнорирования такого знания;[229] что первым шагом является отделить себя от заблуждений природы и отвергнуть доказательства, предоставляемые нашим органам чувств.[230] Ибо, говорит Декарт, нет ничего определенного, кроме мысли; и нет никаких истин, кроме тех, которые обязательно следуют из работы нашего собственного сознания. Мы ничего не знаем о нашей душе, кроме как о мыслящей субстанции:[231] и нам было бы легче поверить, что душа должна прекратить свое существование, чем в то, что она должна перестать мыслить.[232] А что касается самого человека, то что он такое, как не воплощение мысли? Ибо то, что составляет человека, - это не его кости, не его плоть, не его кровь. Это случайности, обременения, препятствия его природы. Но сам человек - это мысль. Невидимый я, конечный факт существования, тайна жизни, заключается в следующем: 'Я - мыслящее существо'. Следовательно, это начало и основа нашего знания. Мысль каждого человека - это последний элемент, к которому может привести нас анализ; это высший судья любого сомнения; это отправная точка для всякой мудрости.[233]

Стоя на этом основании, мы поднимаемся, говорит Декарт, к восприятию существования Божества. Ибо наша вера в Его существование является неопровержимым доказательством того, что Он существует. Иначе откуда возникает эта вера? Поскольку ничто не может возникнуть из ничего и поскольку никакое следствие не может быть без причины, из этого следует, что идея, которую мы имеем о Боге, должна иметь происхождение; и это происхождение, какое бы название мы ему ни дали, есть не что иное, как Бог.[234] Таким образом, окончательным доказательством Его существования является наше представление о нем. Поэтому вместо того, чтобы говорить, что мы знаем себя, потому что верим в Бога, нам следовало бы скорее сказать, что мы верим в Бога, потому что знаем самих себя.[235] Таков порядок и приоритетность вещей. Мысли каждого человека достаточно, чтобы доказать Его существование, и это единственное доказательство, которым мы когда-либо можем обладать. Таким образом, достоинство и превосходство человеческого интеллекта таково, что даже это, высочайшее из всех дел, проистекает из него, как из его единственного источника.[236] Следовательно, наша религия не должна быть приобретена путем обучения других, но должна быть выработана нами самими: ее нельзя заимствовать из древности, но ее должен открывать разум каждого человека; она не традиционная, а личная. Именно из-за того, что этой великой истиной пренебрегли, возникло нечестие. Если бы каждый человек довольствовался той идеей о Боге, которая внушается его собственным умом, он достиг бы истинного знания Божественной Природы. Но когда, вместо того чтобы ограничиться этим, он смешивает с этим представления других, его идеи становятся запутанными; они противоречат самим себе; и состав, таким образом, запутывается, он часто заканчивается отрицанием существования, на самом деле, не Бога, а такого Бога, в которого его научили верить.[237]

Вред, который эти принципы, должно быть, нанесли старой теологии, совершенно очевиден.[238] Они не только были фатальными в умах тех, кто их получил, для многих распространенных догм — таких, например, как догма пресуществления,[239] — но они точно

так же они были прямо противоположны другим мнениям, столь же неоправданным и гораздо более опасным. Для Декарта, основав философию, которая отвергала любой авторитет, кроме человеческого разума,[240], конечно, привела к отказу от изучения конечных причин,[241]— старое и естественное суеверие, которым, как мы увидим позже, немецкие философы долгое время испытывали затруднения и которое все еще витает, хотя и несколько расплывчато, в умах людей.[242] В то же время, заменив геометрию древних, он способствовал ослаблению того чрезмерного уважения, с которым тогда относились к античности. В другом деле, еще более важном, он проявил тот же дух и добился того же успеха. С такой энергией он атаковал влияние или, скорее, тиранию Аристотеля, что, хотя мнения этого философа были тесно переплетены с христианской теологией,[243] его авторитет был полностью ниспровергнут Декартом; и вместе с ним погибли те схоластические предрассудки, за которые Аристотель, действительно, не нес ответственности, но которые, прикрываясь его могущественным именем, в течение нескольких столетий приводил в замешательство разум людей и тормозил прогресс их знаний.[244]

Таковы были главные услуги, оказанные цивилизации одним из величайших людей, когда-либо созданных Европой. Аналогия между ним и Ришелье очень поразительна и настолько полна, насколько позволяет их относительное положение. То же пренебрежение к древним представлениям, то же презрение к теологическим интересам, то же безразличие к традиции, та же решимость предпочесть настоящее прошлому: одним словом, тот же по сути современный дух просматривается как в трудах Декарта, так и в действиях Ришелье. То, что было первым для философии, было вторым для политики. Но, признавая заслуги этих выдающихся людей, нам следует помнить, что их успех был результатом не только их собственных способностей, но также и общего настроения того времени. Характер их труда зависел от них самих; то, как их труды были восприняты, зависело от их современников. Если бы они жили в более суеверный век, их взглядами пренебрегли бы, или, если бы заметили, осудили бы как нечестивые новшества. В пятнадцатом или в начале шестнадцатого века гению Декарта и Ришелье не хватало бы материалов, необходимых для их работы; их всесторонние умы при том состоянии общества не нашли бы себе занятия; они не пробудили бы сочувствия; их хлеб был бы брошен в те воды, которые не возвращают его обратно. И для них было бы лучше, если бы в таком случае безразличие было единственным наказанием, которое их постигло бы. Было бы хорошо, если бы они не заплатили неустойку, понесенную многими из тех выдающихся мыслителей, которые тщетно пытались остановить поток человеческой доверчивости. Было бы хорошо, если бы церковь не восстала в своем гневе - если бы Ришелье не был казнен как предатель, а Декарт не сожжен как еретик.

В самом деле, сам факт того, что двое таких людей, занимавших столь заметное место в глазах общественности и насаждавших взгляды, столь несносные интересам суеверий, могли жить без серьезной опасности, а затем мирно скончаться в своих постелях, — сам факт того, что это должно было произойти, является решающим доказательством прогресса, которого за пятьдесят лет добилась французская нация. Предрассудки этого великого народа вымирали с такой быстротой, что мнения, совершенно подрывающие теологические традиции и губительные для всей схемы церковной власти, безнаказанно отстаивались Декартом и претворялись в жизнь Ришелье. Теперь было ясно видно, что два выдающихся человека своего времени могли практически без риска открыто распространять идеи, которые полвека назад

даже самому безвестному человеку показалось бы опасным обсуждать шепотом в уединении своей собственной комнаты.

Нетрудно также понять причины этой безнаказанности. Их следует искать в распространении того скептического духа, который во Франции, как и в Англии, предшествовал терпимости. Ибо, не вдаваясь в подробности, которые были бы слишком длинными для пределов этого Введения, достаточно сказать, что французская литература в целом в тот период отличалась свободой и смелостью исследования, примеров которых, за исключением одной Англии, в Европе тогда не было. Поколению, которое прислушивалось к учениям Монтеня и Шаррона, теперь на смену пришло другое поколение, действительно ученики этих выдающихся людей, но ученики, которые намного опередили своих учителей. Результатом было то, что в течение тридцати или сорока лет, предшествовавших власти Людовика XIV.,^[245] не было найдено ни одного известного француза, который не разделял бы общее чувство — ни одного, кто не нападал бы на какую-нибудь древнюю догму или не подрывал фундамент какого-нибудь старого мнения. Этот бесстрашный нрав был характерен для самых способных писателей того времени;^[246] но что еще более примечательно, так это то, что движение распространялось с такой быстротой, что вовлекло в свои действия даже те части общества, которые оно неизменно затрагивает в последнюю очередь. Этот дух сомнения, который является необходимым предшественником любого исследования и, следовательно, любого серьезного совершенствования, обязан своим происхождением наиболее мыслящей и интеллектуальной части общества и, естественно, вызывает противодействие со стороны других частей: со стороны знати, потому что это опасно для их интересов; со стороны необразованных, потому что это нападает на их предрассудки. Это одна из причин, почему ни высшие, ни низшие чины не годятся для руководства цивилизованной страной; поскольку оба они, несмотря на отдельные исключения, в совокупности испытывают отвращение к тем реформам, которых постоянно требуют потребности развивающейся нации. Но во Франции до середины семнадцатого века даже эти классы начали участвовать в великом прогрессе; так что не только среди вдумчивых людей, но также и среди невежественных и легкомысленных был замечен тот любознательный и недоверчивый нрав, который, что бы ни говорили против него, имеет по крайней мере ту особенность, что в его отсутствие нельзя найти ни одного примера утверждения тех принципов терпимости и свободы, которые были признаны лишь с бесконечным трудом и после многих упорных битв с предрассудками, которые были признаны только с бесконечным трудом. непоколебимое упорство может почти привести к тому, что их будут считать частью изначального устройства человеческого разума.^[247]

Неудивительно, что при таких обстоятельствах рассуждения Декарта и действия Ришелье должны были увенчаться большим успехом. Система Декарта оказала огромное влияние и вскоре проникла почти во все отрасли знания.^[248] Политика Ришелье была настолько прочно установлена, что ее без малейших затруднений продолжил его непосредственный преемник: и не предпринималось никаких попыток изменить ее до тех пор, пока не началась насильственная и искусственная реакция, которая при Людовике XIV на какое-то время стала фатальной для всех видов гражданских и религиозных свобод. История этой реакции и способ, которым с помощью контрреакции была подготовлена Французская революция, будут описаны в последующих главах этого тома; в настоящее время мы возобновим нить тех событий, которые происходили во Франции до прихода Людовика XIV к власти.

Через несколько месяцев после смерти Ришелье, Людовика XIII. также умер, и корону унаследовал Людовик XIV, который был тогда ребенком и который в течение многих лет не имел никакого влияния на государственные дела. Во время его совершеннолетия правительством управляла, по общему признанию, его мать, но на самом деле Мазарини: человек, который, хотя и уступал Ришелье во всех отношениях, впитал в себя часть его духа и который, насколько он был в состоянии, перенял политику этого великого государственного деятеля, которому он был обязан своим продвижением по службе.[249] Он, частично под влиянием примера своего предшественника, частично своего собственного характера, а частично духа своего времени, не проявлял желания преследовать протестантов или нарушать их какие-либо права, которыми они тогда пользовались.[250] Его первым действием было подтверждение Нантского эдикта;[251] и к концу своей жизни он даже позволил протестантам снова созывать те синоды, которые были вызваны их собственным насилием. средства прерывания.[252] Между смертью Ришелье и приходом к власти Людовика XIV прошло почти двадцать лет, в течение которых Мазарини, за исключением нескольких промежутков, находился во главе государства; и за все это время я не нашел ни одного случая, чтобы какой-либо француз был наказан за свою религию. Действительно, новое правительство, столь далекое от защиты церкви путем подавления ереси, проявило то безразличие к церковным интересам, которое теперь становилось устоявшейся максимой французской политики. Ришелье, как мы уже видели, предпринял смелый шаг, поставив протестантов во главе королевских армий; и сделал он это, руководствуясь простым принципом, что одна из первейших обязанностей государственного деятеля - использовать на благо страны самых способных людей, которых он может найти, независимо от их богословских мнений, которыми, как он хорошо знал, ни одно правительство не интересуется. Но Людовик XIII, чьи личные чувства всегда были противоположны просвещенным мерам его великого министра, был оскорблен таким великодушным пренебрежением древними предрассудками; его благочестие было потрясено мыслью о том, что солдатами-католиками командуют еретики; и, как нас уверяет хорошо информированный современник, он решил положить конец этому скандалу для церкви и на будущее не допускать, чтобы ни один протестант получал жезл маршала Франции.[253] Сомнительно, что король, будь он жив, придерживался бы своей точки зрения;[254] но несомненно то, что всего через четыре месяца после его смерти это назначение маршалом было даровано Тюренну, самому способному из всех протестантских генералов.[255] И уже в следующем году Гассион, другой протестант, был возведен в то же достоинство; таким образом, представилось странное зрелище высшей военной мощи в великой католической стране, которой владеют два человека, против религии которых церковь не уставала предавать анафеме.[256] В подобном духе Мазарини, руководствуясь исключительно соображениями политической целесообразности, заключил тесный союз с Кромвелем; узурпатором, который, по мнению теологов, был обречен на гибель, поскольку был запятнан тройным преступлением - мятежом, ересью и цареубийством.[257] Наконец, одним из последних деяний этого ученика Ришелье[258] было подписание знаменитого Пиренейского мирного договора, которым церковные интересы были серьезно ослаблены, и большое увечье было нанесено тому, кто все еще считался главой церкви.[259]

Но наиболее примечательным обстоятельством правления Мазарини является начало великой гражданской войны, названной Фрондой, в ходе которой народ попытался внести в политику дух неповиновения, который уже проявился в литературе и религии. Здесь мы не можем не

отметить сходства между этой борьбой и той, которая в то же время происходила в Англии. Действительно, было бы далеко не точно сказать, что эти два события были дубликатами друг друга; но не может быть никаких сомнений в том, что аналогия между ними очень поразительна. В обеих странах гражданская война была первым популярным выражением того, что до сих пор было скорее спекулятивным и, так сказать, литературным скептицизмом. В обеих странах за недоверием последовал бунт, а унижению короны предшествовало унижение духовенства; ибо Ришелье был для французской церкви тем же, чем Елизавета была для английской церкви. В обеих странах впервые возникло это великое порождение цивилизации - свободная пресса, которая продемонстрировала свою свободу, опубликовав те бесстрашные и бесчисленные произведения, которые отмечают активность эпохи.^[260] В обеих странах борьба шла между регрессом и прогрессом; между теми, кто цеплялся за традиции, и теми, кто стремился к инновациям; в то время как в обеих странах соперничество приняло внешнюю форму войны между королем и парламентом, король был органом прошлого, парламент - представителем настоящего. И, не говоря уже о меньшем сходстве, был еще один момент огромной важности, в котором эти два великих события совпадают. Дело в том, что оба они были в высшей степени светскими и возникли из желания не распространять религиозные взгляды, а обеспечить гражданскую свободу. Временный характер английского восстания я уже заметил, и, действительно, это должно быть очевидно для любого, кто изучал свидетельства в его первоисточниках. Во Франции мы не только получаем тот же результат, но даже можем отметить этапы прогресса. В середине шестнадцатого века и сразу после смерти Генриха III гражданские войны во Франции были вызваны религиозными спорами и велись с пылом крестового похода. В начале семнадцатого века снова вспыхнули военные действия; но хотя усилия правительства были направлены против протестантов, это было не потому, что они были еретиками, а потому, что они были мятежниками: целью было не наказание за мнение, а контроль над фракцией. Это был первый великий этап в истории веротерпимости; и он был завершен, как мы уже видели, во время правления Людовика XIII. Это поколение ушло, в следующую эпоху начались войны Фронды; и в этой, которая может быть названа второй стадией развития французского интеллекта, перемена была еще более замечательной. Ибо тем временем принципы великих мыслителей-скептиков, от Монтеня до Декарта, принесли свои естественные плоды и, распространившись среди образованных классов, повлияли, как это всегда будет происходить, не только на тех, кто их принимал, но и на тех, кто их отвергал. В самом деле, простое знание того факта, что самые выдающиеся люди подвергли сомнению популярные мнения эпохи, не может не поколебать в какой-то степени убеждений даже тех, кто эти сомнения высмеивает.^[261] В таких случаях ни один из них не является полностью безопасным: самая твердая вера склонна слегка пошатнуться; те, кто внешне сохраняет видимость ортодоксальности, часто бессознательно колеблются; они не могут полностью противостоять влиянию высших умов, и они не всегда могут избежать нежелательного подозрения, что, когда способности на одной стороне, а невежество - на другой, едва ли возможно, что самая твердая вера может стать немного неустойчивой. способность может быть правильной, а невежество - неправильным.

Так это произошло во Франции. В этой стране, как и в любой другой, когда теологические убеждения ослабли, теологическая вражда утихла. Раньше религия была причиной войны, а также предлогом, под которым она велась. Затем пришло время, когда это перестало быть причиной; но прогресс общества так медленен, что все еще было сочтено необходимым использовать это в качестве предлога.^[262] Наконец, наступили великие дни Фронды, в которые

она не была ни причиной, ни предлогом,[263] и во время которых впервые во Франции была замечена тяжелая борьба людей, открыто преследующих человеческие цели: война, которую ведут люди, которые стремились не навязывать свое мнение, а увеличить свою свободу. И, словно для того, чтобы сделать это изменение еще более поразительным, самым выдающимся лидером повстанцев был кардинал де Рец; человек огромных способностей, но чье презрение к своей профессии было печально известно.[264] и о котором великий историк сказал: "Он первый епископ во Франции, который вел гражданскую войну, не прикрываясь религией".[265]

Таким образом, мы увидели, что в течение семидесяти лет, следовавших за восшествием на престол Генриха IV, французский интеллект развивался способом, удивительно сходным с тем, который имел место в Англии. Мы видели, что в обеих странах разум, в соответствии с естественными условиями своего развития, сначала усомнился в том, во что он долгое время верил, а затем смирился с тем, что он долгое время ненавидел. То, что это ни в коем случае не было случайным или причудливым сочетанием, очевидно не только из общих рассуждений и аналогии двух стран, но и из другого обстоятельства, представляющего большой интерес. Это означает, что порядок событий и как бы их относительные пропорции были одинаковыми не только в отношении роста терпимости, но и в отношении роста литературы и науки. В обеих странах прогресс знаний находился в одинаковом соотношении с упадком церковного влияния, хотя они проявляли это соотношение в разные периоды. Мы начали избавляться от наших суеверий несколько раньше, чем это смогли сделать французы; и таким образом, будучи первыми в этой области, мы предвосхитили этих великих людей в создании светской литературы. Тот, кто возьмет на себя труд сравнить развитие умов Франции и Англии, увидит, что во всех важнейших областях мы были первыми, я не говорю по заслугам, но в порядке времени. В прозе, в поэзии и во всех областях интеллектуального мастерства при сравнении обнаружится, что мы опережали французов почти на целое поколение; и что хронологически сохранялась та же пропорция, что и между Бэконом и Декартом, Хукером и Паскалем,[266] Шекспир и Корнель, Массинджер и Расин, Бен Джонсон и Мольер, Харви и Пеке. Все эти выдающиеся люди были по праву прославлены в своих странах, и, возможно, было бы несправедливо проводить сравнение между ними. Но что мы должны здесь отметить, так это то, что среди тех, кто занимался тем же самым делом, величайший англичанин во всех случаях опережал величайшего француза на много лет. Разница, проходящая через все ведущие темы, слишком регулярна, чтобы считаться случайной. И поскольку немногие англичане наших дней будут настолько самонадеянны, чтобы предполагать, что мы обладаем каким-либо врожденным превосходством над французами, очевидно, что должна быть какая-то заметная особенность, которой отличались эти две страны, и которая вызвала это различие не в их знаниях, а во времени, когда эти знания появились. Открытие этой особенности также не требует особого проникновения в суть дела. Ибо, несмотря на то, что французы запаздывали больше, чем англичане, все же, когда развитие только началось, предпосылки его успеха были у обоих народов совершенно одинаковыми. Следовательно, ясно, согласно наиболее распространенным принципам индуктивного рассуждения, что запоздалость развития должна быть обусловлена запоздалостью предшествующего. Ясно, что французы знали меньше, потому что больше верили.[267] Ясно, что их прогресс был остановлен преобладанием тех чувств, которые фатальны для всякого знания, потому что, рассматривая древность как единственное вместилище мудрости, они принижают настоящее, чтобы преувеличить прошлое: чувств, которые разрушают перспективы человека, душат его надежды, притупляют его любопытство, охлаждают его энергию, ослабляют его суждения и, под предлогом смирения гордыни его

разума, стремятся отбросить его обратно в ту более чем полуночную тьму, из которой только его разум позволил ему выбраться.

Аналогия, таким образом, существующая между Францией и Англией, действительно, очень поразительна и, насколько мы ее уже рассмотрели, кажется полной во всех своих частях. Подводя итог сходствам в нескольких словах, можно сказать, что обе страны следовали одному и тому же пути развития в своем скептицизме, в своих знаниях, в своей литературе и в своей терпимости. В обеих странах гражданская война вспыхнула в одно и то же время, с одной и той же целью и, во многих отношениях, при одних и тех же обстоятельствах. В обоих случаях повстанцы, по началу одержавшие победу, впоследствии потерпели поражение; и когда восстание было подавлено, правительства двух наций были полностью восстановлены почти в один и тот же момент: в 1660 году Карлом II.; в 1661 году Людовиком XIV.^[268] Но на этом сходство заканчивалось. В этот момент началось заметное расхождение между двумя странами;^[269] которое продолжало увеличиваться более века, пока не закончилось в Англии консолидацией национального процветания, во Франции революцией более кровавой, более полной и более разрушительной, чем когда-либо видел мир. Это различие между судьбами таких великих и цивилизованных наций настолько примечательно, что знание его причин становится необходимым для правильного понимания европейской истории и, как будет обнаружено, проливает значительный свет на другие события, не связанные с ним непосредственно. Кроме того, такое исследование, независимо от его научного интереса, будет иметь высокую практическую ценность. Это покажет то, что люди, кажется, только недавно начали понимать, что в политике, где еще не открыты определенные принципы, первыми условиями успеха являются компромисс, бартер, целесообразность и уступки. Это покажет полную беспомощность даже самых способных правителей, когда они попытаются справиться с новыми чрезвычайными ситуациями с помощью старых принципов. Это покажет тесную связь между знанием и свободой; между растущей цивилизацией и прогрессирующей демократией. Это покажет, что для прогрессивной нации требуется прогрессивное государственное устройство; что в определенных пределах инновации являются единственной основой безопасности; что ни одно учреждение не может противостоять изменениям общества, если оно не только не отремонтирует его структуру, но и не расширит доступ; и что, даже с материальной точки зрения, ни одна страна не может долго оставаться процветающей или безопасной, в которой люди постепенно не расширяют свою власть, свои привилегии и, так сказать, не включаются в функции государства.

Спокойствие Англии и ее свобода от гражданской войны должны быть приписаны признанию этих великих истин;^[270] в то время как пренебрежение ими повлекло за собой для других стран самые прискорбные бедствия. Поэтому по этому поводу, если ни по какому другому, становится интересным выяснить, как получилось, что две нации, которые мы сравнивали, в отношении этих истин придерживались диаметрально противоположных взглядов, хотя в других вопросах их мнения, как мы уже видели, были очень схожи. Или, чтобы сформулировать вопрос другими словами, мы должны задаться вопросом, как получилось, что французы, следуя точно таким же курсом, как англичане, в своих знаниях, в своем скептицизме и в своей терпимости, резко остановились в своей политике; как получилось, что их умы, добившиеся таких великих результатов, оказались, тем не менее, настолько неподготовленными к свободе, что, несмотря на героические усилия Фронды, они не только подпали под деспотизм Людовика XIV, но и никогда не думали сопротивляться ему; и, в конце концов, превратившись в рабов в своих

собственных руках. душами, так же как и телами, они возгордились состоянием, которое самый подлый англичанин отверг бы как невыносимое рабство.

Причину этого различия следует искать в существовании того духа защиты, который настолько опасен и в то же время настолько правдоподобен, что образует самое серьезное препятствие, с которым приходится бороться развивающейся цивилизации. Это существо, которое действительно можно назвать злым духом, всегда было гораздо сильнее во Франции, чем в Англии. Действительно, среди французов это продолжается даже по сей день, приводя к самым пагубным результатам. Это, как я укажу ниже, тесно связано с той любовью к централизации, которая проявляется в механизме их правления и в духе их литературы. Именно это побуждает их сохранять ограничения, которые долгое время мешали их торговле, и сохранять монополии, которые в нашей стране более свободная система фактически уничтожила. Именно это заставляет их вмешиваться в естественные отношения между производителями и потребителями; создавать производства, которые в противном случае никогда бы не возникли и которые именно по этой причине не требуются; нарушать обычное течение промышленности и под предлогом защиты своих туземных работников уменьшать продукт труда, отвлекая его от тех прибыльных каналов, в которые его всегда толкают его собственные инстинкты.

Когда защитный принцип внедряется в торговлю, таковы его неизбежные результаты. Когда это переносится в политику, формируется так называемое отеческое правительство, при котором верховная власть принадлежит суверену или нескольким привилегированным классам. Когда это переносится в богословие, это порождает могущественную церковь и многочисленное духовенство, которые считаются необходимыми хранителями религии, и всякое противодействие которым воспринимается как оскорбление общественной морали. Это признаки, по которым можно распознать защиту; и с самого раннего периода они проявлялись во Франции гораздо более отчетливо, чем в Англии. Не претендуя на выяснение их точного происхождения, в следующей главе я попытаюсь проследить их происхождение с достаточно отдаленных времен, чтобы объяснить некоторые расхождения, которые в этом отношении существовали между двумя странами.

Примечание к стр. 93. Декарт умер в Швеции во время визита к Кристине; так что, строго говоря, в тексте допущена ошибка. Но это не влияет на аргументацию; поскольку работы Декарта охотно читают во Франции и они не запрещены, мы должны предположить, что его личность была бы в безопасности, если бы он остался в своей собственной стране. Сжечь еретика - более решительный шаг, чем уничтожить книгу; и поскольку французское духовенство было недостаточно сильным, чтобы осуществить последнее, вряд ли оно смогло бы осуществить первое.

Сноски:

[1] Вопрос о том, должно ли изучение нормальных явлений предшествовать изучению аномальных, имеет величайшую важность; и пренебрежение им вносило путаницу во все работы по общей или сравнительной истории, которые я видел. Поскольку эта предварительная информация не была уложена, не существовало общепризнанного принципа упорядочивания;

и историки, вместо того чтобы следовать научному методу, соответствующему фактическим потребностям нашего знания, приняли эмпирический метод, соответствующий их собственным потребностям; и отдавали приоритет различным странам, иногда в соответствии с их размерами, иногда в соответствии с их древностью, иногда в соответствии с их географическим положением, иногда в соответствии с их богатством, иногда в соответствии с их религией, иногда в соответствии с блеском их литературы, а иногда в соответствии с возможностями, которыми обладал сам историк для сбора материалов. Все это надуманные соображения; и с философской точки зрения очевидно, что историк должен отдавать приоритет странам исключительно в связи с легкостью, с которой может быть обобщена их история; следуя в этом отношении научному плану перехода от простого к сложному. Это приводит нас к выводу, что в изучении Человека, как и в изучении Природы, вопрос приоритета сводится к вопросу об отклонении от нормы; и что чем более отклоняющимся был какой-либо народ, то есть чем больше в него вмешивались, тем ниже их следует ставить в истории различных стран. Кольридж (букв. *Remains*, том i, стр. 326 и другие места в его работах), по-видимому, предполагает, что порядок должен быть обратным тому, что я изложил, и что законы как разума, так и тела могут быть обобщены на основе патологических данных. Не желая слишком резко выступать против такого глубокого мыслителя, как Кольридж, я не могу не сказать, что этому противоречит огромное количество свидетельств и, насколько мне известно, ни одно из них не подтверждается. Этому противоречит тот факт, что те области исследования, которые имеют дело с явлениями, мало затронутыми внешними причинами, были возведены в ранг наук раньше, чем те, которые имеют дело с явлениями, сильно затронутыми внешними причинами. Органический мир, например, больше возмущается неорганическим миром, чем неорганический мир возмущается им. Следовательно, мы находим, что неорганические науки всегда развивались раньше органических и в настоящее время гораздо более продвинуты, чем они. Точно так же физиология человека старше человеческой патологии; и хотя физиологией растительного царства успешно занимаются со второй половины семнадцатого века, едва ли можно сказать, что патология растительного царства существует, поскольку ни один из ее законов не был обобщен, и систематические исследования патологической анатомии растений в больших масштабах еще не проводились. Таким образом, представляется, что разные эпохи и разные науки неосознанно свидетельствуют о бесполезности уделять много внимания ненормальному, пока не будет достигнут значительный прогресс в изучении нормального; и этот вывод может быть подтвержден бесчисленными авторитетами, которые, в отличие от Кольриджа, придерживаются мнения, что физиология является основой патологии, и что законы болезни следует выводить не из явлений, представленных в болезни, а из явлений, представленных в здоровье; другими словами, что патологию следует исследовать дедуктивно, а не индуктивно, и что патологическая анатомия и клинические наблюдения могут подтвердить выводы науки. , но никогда не сможет предоставить средства для создания самой науки. По этому чрезвычайно интересному вопросу сравните Жюффруа Сент-Илера, *Hist. аномалии организации*, том ii. стр. 9, 10, 127; Хирургия Боумана, в энциклопедии. *of the Medical Sciences*, стр. 824; Биша, *Анатомия генерала*, том i, стр. 20; Работы Каллена, том i, стр. 424; Конт, *Филос. Позитив*, том iii. стр. 334, 335; Робин и Вердей, *Анатомическая химия*, том i. стр. 68; Эскироль, *Психические заболевания*, том i. стр. 111; Джорджет, *де ла Фоли*, стр. 2, 391, 392; Патология и хирургия Броди, стр. 3; Блейнвилл, *Сравнительная физиология*, том i, стр. 20; Медицинская психология Фейхтерслебена, стр. 200; Лекции Лоуренса о человеке, 1844, стр. 45; Патология Саймона, стр. 5.

Другим подтверждением точности этого взгляда является то, что патологические исследования нервной системы, какими бы многочисленными они ни были, почти ничего не дали; причина, очевидно, в том, что предварительные знания о нормальном состоянии недостаточно развиты. См. *Нобл о мозге*, стр. 76-92, 337, 338; *Генри о нервной системе*, в *Третьем отчете Brit. Доц.* стр. 78; *Медицинские заметки Холланда*, стр. 608; *Патолог Джонса и Сивекинга. Анат.* стр. 211.

[2] Обстоятельство, о котором Харрис рассказывает с явным восторгом и старается изо всех сил упомянуть об этом. *Жизнь Стюартов*, том iii. стр. 300. О размере убытков, которые таким образом понесла церковь, см. *Историю Синклера. of the Revenue*, том i, стр. 181-184, и *"Английские древности" Экклстона*, стр. 228.

[3] Первое расхождение возникло из-за влияния духа-покровителя, как я попытаюсь объяснить в следующей главе.

[4] Об обязательствах Европы перед католическим духовенством см. Некоторые либеральные и очень справедливые замечания в книге Кембла *"Саксы в Англии"*, том ii. стр. 374, 375; и в *"Цивилизации во Франции" Гизо*. См. также *Историю Неандера. о Церкви*, т. iii. стр. 199-206, 255-257, т. v. с. 138, т. vi. стр. 406, 407; *"Англосаксонское содружество" Пэлгрейва*, т. i. с. 655; *"История" Лингарда. из Англии*, том ii. стр. 44; *Климрат, Труды по истории. право*, том i, стр. 394; *История Карвитена. англиканской церкви*, том i, стр. 157.

[5] The way in which this acted is concisely stated by Tennemann: 'Wenn sich nun auch ein freier Geist der Forschung regte, so fand er sich gleich durch zwei Grundsätze, welche aus jenem Supremat der Theologie flossen, beengt und gehemmt. Der erste war: die menschliche Vernunft kann nicht über die Offenbarung hinausgehen.... Der zweite: die Vernunft kann nichts als wahr erkennen, was dem Inhalte der Offenbarung widerspricht, und nichts für falsch erkennen, was derselben angemessen ist,—folgte aus dem ersten.' *Gesch. der Philos.* vol. viii. часть i. стр. 8.

[6] Что касается влияния Реформации в целом на усиление власти католического духовенства, см. Важную работу М. Ранке по *Истории пап*; а что касается результата во Франции, см. *Монтейль, История. des divers Etats*, vol. v. pp. 233-235. Corero, who was ambassador in France in 1569, writes, 'Il papa può dire a mio giudizio, d'aver in questi romori piuttosto guadagnato che perduto, perciocchè tanta era la licenza del vivere, secondo che ho inteso, prima che quel regno si dividesse in due parti, era tanta poca la devozione che avevano in Roma e in quei che vi abitavano, che il papa era più considerato come principe grande in Italia, che come capo della chiesa e pastore universale. Ma scoperti che si furono gli ugonotti, cominciarono i cattolici a riverire il suo nome, e riconoscerlo per vero vicario di Cristo, confirmandosi tanto più in opinione di doverlo tener per tale, quanto più lo sentivano sprezzare e negare da essi ugonotti.' *Relations des Ambassadeurs Vénitiens*, vol. ii. p. 162. Этот интересный отрывок является одним из многих доказательств того, что непосредственные преимущества, полученные от Реформации, были переоценены, хотя отдаленные преимущества, несомненно, были огромными.

[7] Безразличие англичан к теологическим спорам и легкость, с которой они меняли свою религию, заставляли многих иностранцев осуждать их непостоянство. См., например, *Эссе де Монтень*, глава ii. глава xii. стр. 365. Перлин, путешествовавший по Англии в середине шестнадцатого века, говорит: 'Эти люди - нечестивцы и заклятые враги хороших манер и литературы; ибо они не знают, принадлежат ли они Богу или дьяволу, которого Святой Павел

порицал во многих людях, говоря: "Не уноситесь разными ветрами, но будьте постоянны и непоколебимы в своей вере". *Антикварный репертуар*, том iv. стр. 511, 4то, 1809. Смотрите также замечания Мишель в 1557 году и Креспета в 1590 году; *Оригинальные письма Эллиса*, 2-я серия, том ii, стр. 239; *Конституционная история Халлама*, том i, стр. 102; *Книга Саути "Банальности"*, 3-я серия, стр. 408.

[8] Историк тринадцатого века поразительно выражает богословские чувства английских крестоносцев и полное подчинение политических: "Оскорбление, справедливое обращение, прощение". конечная цель, увидеть праздник рождения святого Иоанна Баптиста". *Matthæi Paris Historia Major*, стр. 671. Говорят, что первый налог, когда-либо введенный в Англии на личную собственность, был в 1166 году и предназначался для участия в крестовых походах. *История Синклера. о доходах*, том i, стр. 88: "Вероятно, с этим было бы нелегко смириться, если бы оно не было использовано для столь популярной цели".

[9] Генрих VIII. одно время у него было пятьдесят конных гвардейцев, но, поскольку они были дороги, от них вскоре отказались; и его единственной защитой были 'йомены гвардии, числом пятьдесят человек, и простые слуги королевского двора'. *Константа Хэллама. История.* том i, стр. 46. Эти "гвардейские йомены были созданы Генрихом VII в 1485 году". *"Военные древности Гроуза"*, том i, стр. 167. Сравните *Историю Тернера. из Англии*, том vii. стр. 54; и *Историю Лингарда. из Англии*, том iii. стр. 298.

[10] Локк в своем первом Письме о терпимости сделал несколько едких и, я полагаю, очень оскорбительных замечаний по поводу этих быстрых изменений. *Сочинения Локка*, том v., стр. 27.

[11] Но, хотя Мария легко сменила религию, антицерковный дух был слишком силен, чтобы позволить ей вернуть церкви ее собственность. 'Соответственно, в царствование Марии ее парламент, столь подобоострастный во всех вопросах религии, твердо придерживался права владения церковными землями'. *Константа Хэллама. История*. том i. стр. 77. См. Также *Историю Шорта. Англиканской церкви*, стр. 213; *История Лингарда. из Англии*, том iv. стр. 339, 340; *Воспоминания Батлера о католиках*, том i. стр. 253; и *История Карвитена. Англиканской церкви*, том i, стр. 346.

[12] ‘Quand éclata la guerre des opinions religieuses, les antiques rivalités des barons se transformèrent en haine du prêche ou de la messe.’ *Capecigüe, Hist. de la Réforme et de la Ligue*, vol. iv. p. 32. Compare *Duplessis Mornay, Mém. et Correspond.*, vol. ii. pp. 422, 563; and *Boullier, Maison Militaire des Rois de France*, p. 25, ‘des querelles d’autant plus vives, qu’elles avoient la religion pour base.’

[13] Интеллектуальные преимущества Франции, вытекающие из ее положения между Италией, Германией и Англией, очень справедливо изложены М. Лерминье (*Философия права*, том i, стр. 9).

[14] Точно так же религиозные споры в Александрии нанесли ущерб интересам знания. См. поучительные замечания М. Маттера (*Hist. de l'Ecole d'Alexandrie*, vol. ii. p. 131).

[15] Монтейл, *История. des divers Etats*, vol. vi. p. 136. Действительно, теологический дух овладел театром, и разные сектанты высмеивали принципы друг друга на сцене. Смотрите любопытный отрывок на стр. 182 из того же ученого труда.

[16] Преступления французских протестантов, хотя и едва замеченные в "*Истории протестантов Франции*" Феличе, стр. 138-143, были столь же отвратительными, как и преступления католиков, и столь же многочисленными относительно численности и могущества двух партий. Сравните Сисмонди, *Hist. des Français*, vol. xviii. стр. 516, 517, с заглавным текстом, *Hist. de la Réforme*, том ii. стр. 173, том vi. стр. 54; и Смедли, *История. о реформатской религии во Франции*, том i. стр. 199, 200, 237.

[17] In 1569 Corero writes: 'Ritrovai quel regno, certo, posto in grandissima confusione; perchè, stante quella divisione di religione (convertita quasi in due fazioni e inimicizie particolari), era causa ch' ognuno, senza che amicizia o parentela potesse aver luoco, stava con l'orecchie attente; e pieno disospetto ascoltava da che parte nasceva qualche romore,' *Relat. des Ambassad. Vénitiens*, vol. ii. p. 106. He emphatically adds, 'Temevano gl' ugonotti, temevano li cattolici, tenieva il prencipe, temevano li sudditi.' Смотрите также, об этом ужасном состоянии мнений, Сисмонди, *История. des Français*, vol. xviii. стр. 21, 22, 118-120, 296, 430. С обеих сторон распространялась самая грубая клевета, в которую верили; и одно из обвинений, выдвинутых против Екатерины Медичи, заключалось в том, что она заставляла делать кесарево сечение женам протестантов, чтобы не могли родиться новые еретички. Sprengel, *Hist. de la Médecine*, vol. vii. p. 294.

[18], *наблюдения соответствуют действительности. de France*, vol. iii. p. 149. Только в правление Карла IX было не менее пяти таких религиозных войн, каждая из которых завершалась международным договором. См. Флассана, *Историю. de la Diplomatie Française*, vol. ii. p. 69.

[19], за которую Л'Опиталь был обвинен в атеизме: "Homo doctus, sed verus atheus". *Диктант. Философ. article Athéisme*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxvii. стр. 181, 182.

[20] Мне не удалось познакомиться с какой-либо хорошей биографией этого великого человека: то, что написано Чарльзом Батлером, очень поверхностно, как и то, что написано Бернарди в *Биог. Университет*. том xxiv. стр. 412-424. Моя собственная информация о "Л'Опиталь" получена от Сисмонди, *Hist. des Français*, vol. xviii. стр. 431-436; Capefigue, *История. de la Réforme*, vol. ii. pp. 135-137, 168-170; De Thou, *Hist. Univ.* том iii. стр. 519-523, том iv. стр. 2-8, 152-159, том v. стр. 180-182, 520, 521, 535, том vi. стр. 703, 704; Салли, *Королевская экономика*, том i. стр. 234. Дюверне (*Хист. de la Sorbonne*, том i, стр. 215-218) неудовлетворителен, хотя и полностью признает его заслуги.

[21] 'Ce fut alors que la nation ne prit conseil que de son fanatisme. Les esprits, de jour en jour plus échauffés, ne virent plus d'autre objet que celui de la religion, et par piété se firent les injures les plus atroces.' *Возможно,, наблюдения из истории. de France*, vol. iii. p. 145.

[22] 19-й и 20-й тома "*Истории Франции*" Сисмонди содержат болезненные свидетельства внутреннего состояния Франции до восшествия на престол Генриха IV. Действительно, как говорит Сисмонди (том xx, стр. 11-16), одно время казалось, что единственной перспективой

является возврат к феодализму. См. также Монтейл, *История. des divers Etats*, vol. v. pp. 242–249: 'plus de trois cent mille maisons détruites.' Де Ту в "воспоминаниях о своей собственной жизни" говорит: "О последних событиях и почетном звании Франции в преддверии анархии ... и о вуали религии, о дыхании народа, мести, резне и злодеяниях", *Воспоминания о жизни*, в "Истории университета", том i, стр. 120; и тот же автор в своей великой истории приводит почти бесчисленные примеры о постоянно происходящих преступлениях и преследованиях. См. Некоторые из наиболее ярких случаев, том ii. стр. 383, том iv. стр. 378, 380, 387, 495, 496, 539, том v. стр. 189, 518, 561, 647, том vi. стр. 421, 422, 424, 426, 427, 430, 469. Сравните Дюплесси, *Воспоминания и переписку*. том ii. pp. 41, 42, 322, 335, 611, 612, т. iii. с. 344, 445, т. iv. с. 112-114; Бенуа, *История. de l'Edit de Nantes*, vol. i. pp. 307, 308; Duvernet, *Hist. de la Sorbonne*, vol. i. p. 217.

[23] Это, действительно, о многом не говорит; и можно было бы заслужить гораздо более высокую оценку. Что касается его внутренней политики, то здесь может быть только одно мнение; и г-н Флассан отзывается в самых благоприятных выражениях о его управлении внешними делами. Флассан, *История. de la Diplomatie Franç.* vol. ii. pp. 191, 192, 294–297, vol. iii. p. 243. И посмотрите, с той же целью, показания месье Капефига, недружелюбного судьи. Хуст. *de la Réforme*, vol. vii. p. xiv. vol. viii. с. 156. Фонтенэ Марей, современник Генриха IV., хотя он писал много лет спустя после убийства короля, говорит: "Се великий король, как и прежде, а также при рассмотрении вопросов мирового сообщества, как и при проведении предварительных слушаний, без участия представителей Карла Великого". *Воспоминания о Фонтене*, т. i, стр. 46. Дюплесси Морней называет его "ле плюс великий король, который является крестьянином и портье". синк ценз анс", и Салли объявляет его "le plus grand de nos rois". Дюплесси Морней, *Воспоминания и переписка*. т. xi. стр. 30, 77, 131; Сюлли, *Королевские экономики*, т. vii. стр. 15. Сравните т. vi. стр. 397, 398, т. ix. стр. 35, 242 с некоторыми разумными замечаниями в *Воспоминаниях о Женлисе*, Париж, 1825, т. ix. стр. 299.

[24] Так что в целом это связано: но в *Истории Смедли есть немного иная версия этого ортодоксального заявления. о Реформации во Франции*, том i, стр. 30. Сравните примечание Маклейна в книге Мосхайма Eccles. *История*. том ii. стр. 24, совместно с Сисмонди, *История. des Français*, vol. xvi. pp. 453, 454, and *Relat. des Ambassad.* Венитъен, том i, стр. 50, том ii, стр. 48. Также Франциск I посоветовал Карлу V. изгнать всех мусульман из Испании, *Льоренте, Hist. расследование*, том i, стр. 429.

[25] Историк французских протестантов говорит в 1548 году: 'новый король Генрих II. fut encore plus rigoureux que son père.' Бенуа, *Хуст. de l'Edit de Nantes*, vol. i. p. 12.

[26] М. Ранке (*Гражданские войны во Франции*, том i, стр. 240, 241) говорит, что он издал циркуляр, "адресованный парламентам и судебным трибуналам, в котором их призывали действовать против лютеран с наибольшей строгостью, а судей информировали, что они будут привлечены к ответственности, если они пренебрегут этими приказами; и в котором он заявил очевидно, что, как только был заключен мир с Испанией, он был полон решимости сделать искоренение еретиков своим главным делом.' См. также, о Генрихе II., в связи с протестантами, Мэбли, *Observe. сюр-л'Хуст. де Франс*, том iii. стр. 133, 134; Ты, *История. Univ.* том i. стр. 334, 335, 387, том ii. стр. 640, том iii. стр. 365, 366; *История Фелиции. о французских протестантах*, стр. 58.

[27] Он сказал это в поместьях Блуа в 1588 году. *"Гражданские войны во Франции"* Ранке, том ii. стр. 202. Сравните его эдикт 1585 года в *Капефуре*, *Hist. de la Réforme*, том iv. стр. 244, 245, и его речь в т. v., стр. 122; и см. *Benoist, Hist. de l'Edit de Nantes*, vol. i. p. 328; *Duplessis Mornay, Mém. et Corresp.* vol. i. p. 110; *De Thou, Hist. Univ.* том i. стр. 250, вып. viii. с. 651, т. x, стр. 294, 589, 674, 675.

[28] О том, с каким рвением эти мнения отстаивались, свидетельствует, помимо многих других авторитетов, Марино Кавалли, который пишет в 1546 году: "Ли маэстро Сорбоны ханно авторита эстрема ди кастигаре ли эретици, че фанно кон иль фуоко, брустоландоли виви а поко а поко". *Родственник. des Ambassad. Vénitiens*, том i. 262; и см. том ii. стр. 24.

[29] Действительно, Климент VIII. впоследствии он опасался четвертого отступничества: 'Моя последняя ночь впереди, Генрих IV. werde zuletzt vielleicht wieder zum Protestantismus zurückkehren, ви эр эс шон эйнмал гетан". *Ранке, die Papste*, том ii. стр. 246. М. Ранке, благодаря своим большим знаниям итальянских рукописей, пролил на эти транзакции больше света, чем смогли сделать французские историки.

[30] О его обращении, характер которого был столь же очевиден тогда, как и сейчас, сравните *Дюплесси Морней, Воспоминания и переписка*. том i, стр. 257, с *Салли, Королевская экономика*, том ii, стр. 126. См. также *Письма Хауэлла*, книга i, стр. 42; и письмо сэра Х. Уоттона от 1593 года, напечатанное в *Reliquiæ Wottonianæ*, стр. 711. См. также *Ранке, Гражданские войны во Франции*, том ii. стр. 257, 355; *Капефур, История. de la Réforme*, vol. vi. pp. 305, 358.

[31] Нантский эдикт был издан в 1598 году; отречение от престола в 1593 году. *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxi. pp. 202, 486. Но в 1590 году папе было намекнуто как вероятное, если не несомненное, что Генрих будет 'в католической церкви цюриккхрен'. *Ranke, die Päpste*, vol. ii. p. 210.

[32] Of this edict, Sismondi says, 'Aucune époque dans l'histoire de France ne marque mieux peut-être la fin d'un monde ancien, le commencement d'un monde nouveau.' *Hist. des Français*, vol. xxi. p. 489

.

[33] О Рабле, как предполагаемом основателе французского скептицизма, сравните *Лавалле, Hist. французский*, том ii. стр. 306; *Лекции Стивена по истории Франции*, том ii. стр. 242; *Сисмонди, История. des Français*, vol. xvi. p. 376.

[34] Особенно монахи. Смотрите, среди множества других примеров, т. i. стр. 278, 282, т. ii. стр. 284, 285, из *"Приключений Рабле"*, изд. Амстердам, 1725 год. Однако высшие сановники церкви не пощажены; ибо он говорит, что Гаргантюа 'se morvoit en archidiacre', т. i, стр. 132; и в двух случаях (т. iii, стр. 65, т. iv, стр. 199, 200) он делает очень неприличный намек на папу римского. В томе i, стр. 260, 261, он сатирически замечает, как совершались церковные службы: "Не обращайтесь внимания на Мойну: я не люблю жамэ в моем сердце, синон вместо того, чтобы слушать проповедь, ты вместо того, чтобы умереть".

[35] Его шутка о силе Самсона (*"Приключения Рабле"*, т. ii. стр. 29, 30) и его насмешка над одним из законов Моисея (т. iii. стр. 34) настолько не связаны с другими частями его работы, что не имеют никакого отношения к общей схеме. Комментаторы, которые находят скрытый смысл в каждом авторе, которого они комментируют, представили Рабле как человека, стремящегося к

высшим целям и проводящего самые масштабные социальные и религиозные реформы. В этом я сильно сомневаюсь, во всяком случае, я не видел никаких доказательств этого; и я не могу отделаться от мысли, что Рабле в значительной степени обязан своей репутацией неясности своего языка. С другой стороны вопроса и в пользу его всесторонности смотрите смелый отрывок в *Литературе Кольриджа. Останки*, том i. стр. 138, 139.

[36] Две первые книги вышли в 1580 году; третья - в 1588 году, с дополнениями к первым двум. See *Niceron, Mém. pour servir à l'Hist. des Hommes illustres*, vol. xvi. p. 210, Paris, 1731.

[37] На титульном листе первого оттиска "Пантагрюэля" Рабле нет даты; но известно, что третья книга была напечатана в 1545 году, а четвертая - в 1546 году. См. *Брюне, Мануэль дю Либрейр*, том iv. стр. 4-6, Париж, 1843. Утверждение в *Биог. Унив.* т. xxxvi. стр. 482, 483, довольно запутанное.

[38] Мистер Халлам (*Европейская литература*, том ii. стр. 29) говорит, что его скептицизм "не проявляется в религии". Но если мы используем слово "религия" в его обычном смысле, связанном с догмой, то из высказываний Монтеня очевидно, что он был скептиком, причем непоколебимым. Indeed, he goes so far as to say that all religious opinions are the result of custom: 'Comme de vray nous n'avons aultre mire de la vérité et de la raison, que l'exemple et idée des opinions et usances du païs où nous sommes: là est tousiours la parfaicte religion, la parfaicte police, parfaict et accomply usage de toutes choses.' *Essais de Montaigne*, p. 121, livre i. chap. xxx. Как естественное следствие, он утверждает, что религиозное заблуждение не является преступлением, стр. 53; сравните стр. 28. Смотрите также, как он замечает узурпацию теологического духа, стр. 116, 508, 528. Факт, по-видимому, заключается в том, что Монтень, абстрактно признавая существование религиозных истин, сомневался в нашей способности познать их; иными словами, он сомневался в том, существуют ли среди огромного числа религиозных мнений какие-либо точные способы установления истины. Его наблюдения над чудесами (стр. 541, 653, 654, 675) иллюстрируют характер его ума; и то, что он говорит о пророческих видениях, цитируется и подтверждается Пинелем в его глубоком труде "*Ментальное отчуждение*", стр. 256. Compare *Maury, Légendes Pieuses*, p. 268 note.

[39] Его друг, знаменитый Де Ты, называет его "человеком франком, которому ничего не противопоказано". *Воспоминания*, в *Де Ты, Hist. Univ.* том i. стр. 59: см. Также том xi. стр. 590. And M. Lamartine classes him with Montesquieu, as 'ces deux grands républicains de la pensée française.' *Xuct. des Girondins*, vol. i. p. 174.

[40] He says (*Essais*, p. 97), 'Ce n'est pas à l'adventure sans raison que nous attribuons à simplesses et ignorance la facilité de croire et de se laisser persuader.' Сравните два поразительных отрывка, стр. 199 и 685. Ничего подобного раньше во французском языке не появлялось.

[41] Дугалд Стюарт, чей образ мыслей сильно отличался от образа мыслей Монтеня, называет его "этим самым забавным автором". *Философ Стюарта. о разуме*, том i, стр. 468. Но Руссо, во всех отношениях более компетентный судья, с энтузиазмом восхваляет "неподражаемую наивность, грацию и энергию стиля сына". *Мюссе Патэ, Жизнь Руссо*, т. i, стр. 185. Compare *Lettres de Sévigné*, vol. iii. p. 491, edit. Париж, 1843, и *Письма Дюдеффана а Уолпола*, том i, стр. 94.

[42] 'Mais celui qui a répandu et popularisé en France le scepticisme, c'est Montaigne.' *Кузен, Xuct. de la Philos.*, II. série, vol. ii. pp. 288, 289. 'Die erste Regung des skeptischen Geistes finden wir in den Versuchen des Michael von Montaigne.' *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. ix. p. 443. On the

immense influence of Montaigne, compare *Tennemann*, vol. ix. p. 458; *Monteil, Divers Etats*, vol. v. pp. 263–265; *Sorel, Bibliothèque Française*, pp. 80–91; *Le Long, Bibliothèque Historique*, vol. iv. p. 527.

[43] Сравните замечания о Шарроне в *Tennemann, Geschichte der Philosophie*, т. ix. стр. 527, с двумя коварными отрывками в *Charron, De la Sagesse*, т. i. стр. 4, 366.

[44] Обязательства Шаррона перед Монтень были очень значительными, но многие авторы заявляют об этом слишком категорично. *Сорель, Библиотека Франсуазы*, стр. 93; и *"Европейская литература"* Халлама, том ii. стр. 362, 509. По наиболее важным вопросам Шаррон был более смелым и глубоким мыслителем, чем Монтень; хотя сейчас его так мало читают, что единственное сносно полное изложение его системы, которое я видел, находится в книге Теннемана, *der Philosophie*, vol. ix. pp. 458–487. Buhle (*Geschichte der neuern Philosophie*, vol. ii. pp. 918–925) and Cousin (*Hist. de la Philos.* II. серия, том ii. стр. 289) кратки и неудовлетворительны. Даже доктор Парр, который был начитан в такого рода литературе, по-видимому, знал Шаррона только через Бейля (см. Заметки о проповеди в Спитале в *Работах Парра*, т. ii. стр. 520, 521); в то время как Дугалд Стюарт с подозрительной тавтологией цитирует в трех разных местах один и тот же отрывок из Шаррона. *Философия разума Стюарта*, том ii. стр. 233, том iii. стр. 365, 393. Как ни странно, Талейран был большим поклонником *Де ла Сажесса* и подарил свой любимый экземпляр мадам де Жанлис! См. ее собственный отчет в *Воспоминаниях о Женитьбе*, т. iv. стр. 352, 353.

[45] Смотрите его определение, или, скорее, описание мудрости, в *Charron, De la Sagesse*, vol. i. стр. 295, vol. ii. стр. 113, 115.

[46] *De la Sagesse*".

[47] 'Chacune se préfère aux autres, et se confie d'être la meilleure et plus vraie que les autres, et s'entre-reprochent aussi les unes aux autres quelque chose, et par-là s'entre-condamnent et rejettent.' *De la Sagesse*, том i, стр. 348; см. также том i, стр. 144, 304, 305, 306, том ii, стр. 116. Выражения, почти идентичные, используются М. Шарлем Контом, *Трактат о легислатуре*, том i, стр. 233.

[48] 'Toutes trouvent et fournissent miracles, prodiges, oracles, mystères sacrés, saints prophètes, fêtes, certains articles de foy et créance nécessaires au salut.' *De la Sagesse*, vol. i. p. 346.

[49] Следовательно, он выступает против прозелитизма и придерживается философской точки зрения, что религиозные мнения, подчиняясь неизменным законам, обязаны своими вариациями вариациям в своих предшественниках и всегда, если их предоставить самим себе, соответствуют существующему положению вещей: "И к этим выводам, наши ученики без опыта"., не юрист по праву, не адм-риер по праву, не нарушитель спокойствия по праву, может быть, это и есть совет, потому что это крик, буря, это решение с одной стороны, как это принято в мире, *это природа как таковая в Сиенне*.' *Dela Sagesse*, vol. i. p. 311.

[50] 'Mais comme elles naissent l'une après l'autre, la plus jeune bâtit toujours sur son aînée et prochaine précédente, laquelle elle n'improove, ni ne condamne de fond en comble, autrement elle ne seroit pas ouïe, et ne pourroit prendre pied; mais seulement l'accuse ou d'imperfection, ou de son terme fini, et qu'à cette occasion elle vient pour lui succéder et la parfaire, et ainsi la ruine peu-à-peu, et s'enrichit de ses dépouilles, comme la Judaïque a fait à la Gentille et Egyptienne, la Chrétienne à la Judaïque, la Mahometane à la Judaïque et Chrétienne ensemble: mais les vieilles condamnent bien

tout-à-fait et entièrement les jeunes, et les tiennent pour ennemies capables.' *De la Sagesse*, vol. i. p. 349. Я полагаю, что это первый пример на любом современном языке доктрины религиозного развития; доктрины, которая со времен Шаррона неуклонно развивалась, особенно среди людей, чьи знания достаточно обширны, чтобы позволить им сравнивать различные религии, господствовавшие в разное время. В этом, как и в других предметах, те, кто не способен сравнивать, предполагают, что все изолировано, просто потому, что для них непрерывность невидима. Что касается александрийского учения о развитии, встречающегося, в частности, у Климента и Оригена, см. *Историю Неандера. о Церкви*, том ii. стр. 234-257; и, в частности, стр. 241, 246.

[51] *De la Sagesse*, том i. стр. 356, 365; два великолепных отрывка. Но следует прочитать всю главу, глава II. глава v. В ней иногда встречается двусмысленность. Теннеманн, однако, в самом важном пункте понимает Шаррона так же, как и я, в том, что касается доктрины будущих наказаний. *Geschichte der Philosophie*, vol. ix. p. 473.

[52] Первое издание *La Sagesse* было опубликовано в Бурдо в 1601 году. *Niceron, Hommes illustres*, vol. xvi. p. 224; *Hallam's Lit. Европы*, т. ii. с. 509; *Биог. Унив.* том. viii. с. 250. Два издания были впоследствии опубликованы в Париже, в 1604 и 1607 годах. *Brunet, Manuel du Libraire*, vol. i. p. 639.

[53] Сисмонди (*история. des Français*, vol. xxii. с. 86) и Лавалле (*Hist. французы*, том iii, стр. 84) заметили ослабление религиозного рвения в начале семнадцатого века; и некоторые любопытные свидетельства также можно найти в переписке Дюплесси Морнэ. See, for instance, a letter he wrote to Diodati, in 1609: 'A beaucoup aujourd'hui il faut commencer par là, qu'il y a une religion, premier que de leur dire quelle.' *Duplessis, Mém. et Corresp.* vol. x. p. 415. Эта средняя, или светская партия, получила название 'Политики' и начала набирать силу в 1592 или 1593 году. Бенуа (*Hist. de l'Edit de Nantes*, vol. i. стр. 113), под 1593 годом, презрительно сказано: 'Иль ты не виноват в примирении религий'; см. также стр. 201, 273. В 1590 и в 1594 годах на "Политику" обратил внимание Де Ты (*Hist. Univ.* vol. xi. p. 171, vol. xii. p. 134); и об увеличении в 1593 году "уровней политической партии и общества" см. *Capefigue, Hist. de la Réforme*, vol. vi. p. 235. Смотрите также, что касается "les politiques", письма испанского посла к его собственному двору, в 1615 году, в книге Капефига "*Пишелье*", т. i, стр. 93; а о появлении в Париже в 1592 году "политики и церковных ценностей" см. *Ранке, die Papste*, т. ii, стр. 243.

[54] Сорбонна зашла так далеко, что осудила великую работу Шаррона, но не смогла добиться ее запрета. Сравните *историю. de la Sorbonne*, том ii. стр. 139, с Бейлем, статья Шаррона, примечание F.

[55] В приложении к Ranke (*Die Römischen Päpste*, том iii. стр. 141, 142) будут найдены инструкции, которые были даны нунцию в 1603 году, когда он был отправлен ко французскому двору; и которые следует сравнить с письмом, написанным в 1604 году в Салли, *Королевская экономика*, том v., стр. 122, изд. 1820.

[56] 'Sein Sinn war im Allgemeinen, ohne Zweifel, das Gleichgewicht zwischen ihnen zu erhalten.' *Ranke, die Päpste*, vol. ii. pp. 430, 431. 'Henri IV, l'expression de l'indifférentisme religieux, se posa comme une transaction entre ces deux systèmes.' *Главная фигура, История. de la Réforme*, vol. vi. p. 358. "Генрих IV пытался уравновесить баланс равномерно", - *История Смедли. о реформатской религии во Франции*, том iii. стр. 19. См. Также Бенуа, *Hist. de l'Edit de Nantes*, vol.

i. p. 136. Следовательно, конечно, ни одна из сторон не была вполне удовлетворена. *Наблюдения Мэбли*, том iii, стр. 220; *Мезере, История Франции*, том iii, стр. 959.

[57] Сравните заглавный рисунок, историю. *de la Réforme*, vol. viii. стр. 61, совместно с *Базеном, Hist. де Людовик XIII*, том i. стр. 32, 33. См. также о его склонности к протестантам, *Воспоминания де Фонтенэ Марей*, том i, стр. 91. Fontenay, p. 94, mentions, as a singular instance, that 'il se vist de son temps des huguenots avoir des abbayes.'

[58] *Sully, Œconomies Royales*, vol. iv. p. 134, vol. vi. p. 233; *Duplessis Mornay, Mém. et Corresp.* vol. xi. p. 242; *Benoist, de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 68, 205. Эти гранты были ежегодными и распределялись самими протестантами. Смотрите их собственный отчет в *Синодиконе Квика в Галлии*, том i. стр. 198, 222, 246, 247, 249, 275-277.

[59] Генрих IV изгнал иезуитов в 1594 году; но позже, в его правление, им было разрешено основать новые поселения во Франции. *Флассан, История. de la Diplomatie*, vol. vi. p. 485; *Bazin, Hist. де Людовик XIII*, т. i, стр. 106; *Монтейль, Разные этажи*, т. v., стр. 192 примечание; *Де Ты, История. Унив.* том xiv. стр. 298. Сравните упоминания о них в "Салли, "Экономике", т. ii. стр. 234, т. iv. стр. 200, 235, 245. Но не может быть никаких сомнений в том, что своим отзывом они были обязаны ужасу, который внушали их интриги (*Грегуар, Hist. исповедники*, стр. 316); и Генрих, очевидно, не только не любил их, но и боялся. Смотрите два его письма в *книге Дюплесси, Воспоминания и переписка.* том vi. стр. 129, 151. Из *Воспоминаний де Ришелье*, т. v., стр. 350, Париж, 1823, следует, что король так и не вернул им их прежний авторитет в области образования.

[60] *Базен, История. де Людовик XIII*, том i, стр. 142, 143; *Ле Вассор*, том i, стр. 156; *Сисмонди*, том I. xxii. с. 116; *Дюплесси Морней*, том i, стр. 389; *Салли, Экономика*, том vii. стр. 105, 432, 442.

[61] Когда Равайяка обследовали, он сказал: 'Ты всегда испытываешь возбуждение в связи с религией и в связи с непреодолимыми побуждениями'. *Базен, История. de Louis XIII*, vol. i. p. 38. Эта работа содержит самый полный отчет о Равайяке, с которым я когда-либо встречался; более того, описание его есть в "*Les Historiettes de Tallemant des Reaux*", vol. i. p. 85, Париж, 1840, очень любопытная книга.

[62] *Ле Вассор (Hist. de Louis XIII*, том i, стр. 279) называет ее 'суеверной женщиной с точки зрения дернье', а в томе v., стр. 481, "женской кредо и суеверной женщиной". См. также том iii. стр. 250, том vi. стр. 628; и *Грегуар, История. des Confesseurs*, p. 65.

[63] 'Elle annonça qu'elle vouloit suivre en tout l'exemple du feu roi.... Le ministère de Henri IV, que la reine continuoit.' *Sismondi, Hist. des Français*, vol. xxii. стр. 206, 210; и смотрите два ее письма в журнале *Duplessis Mornay, Воспоминания и переписка.* т. xi. стр. 282, т. xii. стр. 428. Салли опасался этого после смерти Генриха IV. would cause a change of policy: 'que l'on s'alloit jeter dans des desseins tous contraires aux règles, ordres et maximes du feu roy.' *Œconomies Royales*, vol. viii. с. 401.

[64] Смотрите объявление в *Bazin, Hist. де Людовик XIII*, том i, стр. 74, 75; и примечания об этом в *Воспоминаниях де Ришелье*, том i, стр. 58; "*Ришелье*" *Капефига*, том i, стр. 27; *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 7; *Le Vassor, Hist. де Людовик XIII*, том i, стр. 58. Но ни один из этих

авторов, ни Сисмонди (том ххii, стр. 221), по-видимому, не знают, что принятие этой декларации было решено на совете еще 17 мая, то есть всего через три дня после смерти Генриха IV. Об этом упоминает Поншартрен, который в то время был одним из министров. См. *Воспоминания Поншартрена*, редактировать. Петито, 1822, том i, стр. 409; книга малоизвестная, но вполне достойная прочтения.

[65] Базен, *История. де Людовик XIII*, том i, стр. 262; Бенуа, *История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 140; *Mém. de Fontenay Mareuil*, vol. i. p. 257; *Le Vassor*, vol. i. p. 604.

[66] 'Laissant néanmoins l'administration du royaume à la reine sa mère.' *Mém. de Bassompierre*, vol. ii. p. 52. Compare Sully, *CEconomies*, vol. ix. p. 177. Она обладала полной властью над королем до 1617 года. See *Mémoires de Montglat*, vol. i. p. 24: 'avoit été tenu fort bas par la reine sa mère.' См. также *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 640, 677, 716, 764.

[67] Базен, *История. де Людовик XIII*, том i. стр. 381, 382.

[68] In 1611, 'le pape le rejeta formellement comme hérétique.' Базен, том i, стр. 174. Поншартрен умалчивает об этом (*Воспоминания*, том i, стр. 450); но утверждение М. Базена подтверждается в предисловии к "Тебе", "*Всемирной истории*", том i, стр. xvi.

[69] 'Der erste Einhalt den die kirchliche Restauration erfuhr, geschah in Frankreich,' *Ranke, die Römischen Päpste*, vol. iii. p. 160.

[70] This desire was expressed several times, but in vain: 'Gern hätten die Nuntien Werke wie von Thou und Richer verboten, aber es war ihnen nicht möglich,' *Ranke, die Päpste*, vol. iii. p. 181, Anhang. Compare *Mém. de Richelieu*, vol. ii. p. 68; *Mém. de Pontchartrain*, vol. i. p. 428.

[71] Этот упадок церковной власти замечен многими авторами того времени; но достаточно сослаться на очень любопытный протест французского духовенства в 1605 году в *De Thou, Hist. Унив.* том xiv. стр. 446, 447.

[72] Как говорит М. Монтейл (*Hist. des Français des divers Etats*, vol. vii. p. 114), 'Richelieu tint le sceptre; Louis XIII. porta la couronne.' And Campion (*Mémoires*, p. 37) calls him 'plutôt le maître que le ministre;' and adds, pp. 218, 219, that he 'avoit gouverné dix-huit ans la France avec un pouvoir absolu et une gloire sans pareille.' Compare *Mém. du Cardinal de Retz*, vol. i p. 63.

[73] Общее мнение, изложенное в *Истории Элисон. "о Европе"*, том i, стр. 101-104, и во многих других книгах говорится, что Ришелье действительно уничтожил их влияние; но эта ошибка возникает из-за смешения политического влияния с социальным. То, что называется политической властью класса, является всего лишь симптомом и проявлением его реальной власти; и бесполезно нападать на первое, если вы не можете также ослабить второе. Реальная власть знати была социальной, и этого не знали ни Ришелье, ни Людовик XIV. могло повредить; и оно оставалось нетронутым до середины восемнадцатого века, когда интеллект Франции восстал против него, сверг его и, наконец, совершил Французскую революцию.

[74] Ришелье, по-видимому, разработал план унижения знати, по крайней мере, еще в 1624 году. Смотрите характерный отрывок из его *Воспоминаний*, том ii. стр. 340. В книге Суинберна "*Дворы Европы*", том ii, стр. 63-65, есть любопытный традиционный анекдот, который, хотя, вероятно, и является ложным, показывает, во всяком случае, страх и ненависть, с которыми французская знать относилась к памяти Ришелье более века спустя после его смерти.

[75] Об их влиянии см. Грегуар, *История исповедников*; и сравните замечания мистера Грота, великого писателя, чей ум всегда готов к историческим аналогиям. *История Греции Гроте*, том vi. стр. 393, 2-е изд. 1851. Многие французские короли питали сильную естественную привязанность к монахам; но самый необычный пример такого рода любви, который я нашел, упомянут не кем иным, как Де Ту, в отношении Генриха III. Де Ты (*Хист. Univ. vol. x. pp. 666, 667*) says of that prince: 'Soit tempérament, soit éducation, la présence d'un moine faisait toujours plaisir à Henri; et je lui ai moi-même souvent entendu dire, que leur vue produisoit le même effet sur son âme, que le chatouillement le plus délicat sur le corps.'

[76] One of his suggestions was, 'sur les dangers que couroit le catholicisme en Allemagne, par ses liaisons avec les puissances protestantes.' Grégoire, *Histoire des Confesseurs*, p. 342. Самый полный отчет о Коссене содержится в книге "История" Ле Вассора. *de Louis XIII*, том ix. стр. 287-299; на который, однако, Грегуар никогда не ссылается. Поскольку у меня будет возможность часто цитировать Ле Вассора, я могу заметить, что он гораздо более точен, чем обычно предполагается, и что большинство французских писателей, среди которых он непопулярен, очень несправедливо обращались с ним из-за его постоянных нападок на Людовика XIV. Сисмонди (*Хист. des Français*, vol. xxii. стр. 188, 189) высоко отзывается о его *Истории Людовика XIII*; и, насколько я понимаю, я могу подтвердить его благоприятное мнение.

[77] "Маленький отец Коссен". *Мемуары де Ришелье*, том x, стр. 206; а на стр. 217 он причислен к "людям, которые избегают лишений, которые питают невинную жизнь"; см. также стр. 215 о его "простоте и невежестве". Что касается отношения Ришелье к Коссену, см. *Воспоминания де Монглэ*, т. i, стр. 173-175; *Письма Патена*, т. i, стр. 49; *Исторические статьи*, т. ii, стр. 182.

[78] Сисмонди, *Hist. des Français*, vol. xxiii. p. 332; Tallemant des Réaux, *Historiettes*, vol. iii. p. 78 note. Le Vassor (*Hist. de Louis XIII*, vol. x. part ii. p. 761) says, that Sirmond 'se soutint à la cour sous le ministère de Richelieu, parce qu'il ne se mêloit point des affaires d'état.' Согласно тому же автору (том viii, стр. 156), Ришелье одно время подумывал о том, чтобы лишить иезуитов поста духовника короля.

[79] Лавалье, *История. des Français*, vol. iii. p. 87; Le Vassor, *Hist. de Людовик XIII*, том iv. стр. 208; Базен, *История. de Людовик XIII*, том ii. стр. 144; Бенуа, *История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 337, 338. Benoist says: 'Le clergé de France, ignorant et corrompu, croyoit tout son devoir compris dans l'extirpation des hérétiques; et même il offroit de grandes sommes, à condition qu'on les employât à cette guerre.'

[80] В котором его слова полностью подтверждаются высоким авторитетом Ваттеля, чьи слова я процитирую ради тех политиков, которые все еще придерживаются устаревшей теории о святости церковной собственности: "Поясница, с которой я прибыл, чтобы принять участие в выборах, не требует согласия со стороны Смерти, это, напротив, смысл моей жизни, и я не хочу, чтобы кто-то из премьер-министров отдавал честь государству. ты человек, достойный уважения со стороны Отца, общины людей, который является гарантией для нации от гибели. Dieu n'ayant besoin de rien, lui consacrer des biens, c'est les destiner à des usages qui lui soient agréables. De plus, les biens de l'église, de l'aveu du clergé lui-même, sont en grande partie destinés aux pauvres. Quand l'état est dans le besoin, il est sans doute le premier pauvre, et le plus digne de secours.' Vattel, *le Droit des Gens*, vol. i. pp. 176, 177.

[81] 'Que la réputation de l'état est préférable à toutes choses.' *Mém. de Richelieu*, vol. ii. p. 482. Это было в 1625 году, и в порядке опровержения легата.

[82] *Сусмонди, История. des Français*, vol. xxiii. стр. 477, 478; *Базен, История. де Людовик XIII*, том iv. стр. 325, 326. The Cardinal de Retz, who knew Richelieu personally, says: 'M. le cardinal de Richelieu avoit donné une atteinte cruelle à la dignité et à la liberté du clergé dans l'assemblée de Mante, et il avoit exilé, avec des circonstances atroces, six de ses prélats les plus considérables.' *Mém. de Retz*, vol. i. p. 50.

[83] 'Die Nuntien finden kein Ende der Beschwerden die sie machen zu müssen glauben, vorzüglich über die Beschränkungen welche die geistliche Jurisdiction erfahre.... Zuweilen werde ein Geistlicher hingerichtet ohne erst degradirt zu seyn.' *Ранке, die Päpste*, том iii. стр. 157: краткое изложение жалоб тогдашнего нунция и жалоб его предшественников в 1641 году. Le Vassor (*Hist. de Louis XIII*, vol. v., стр. 51 и далее) приводит некоторые любопытные подробности, касающиеся вражды между духовенством и светскими трибуналами Франции в 1624 году.

[84] *Сусмонди, История. des Français*, vol. xxiii. p. 301; *Mém. de Bassompierre*, vol. iii. pp. 302, 353. Базен, который замечает это позорное дело, просто говорит (*Hist. de Louis XIII*, vol. iii. p. 453): 'Le maréchal de Vitry, suivant l'exemple qui lui en avoit donné le duc d'Epernon, s'emporta jusqu'à le frapper de son bâton.' Что касается Эпернона, лучший отчет содержится в *Мемуарах де Ришелье*, где утверждается (т. viii, с. 194), что герцог незадолго до порки архиепископа 'отверг народ': "Rangez-vous, vous verrez comme j'étrillerai votre archevêque". Это было заявлено свидетелем, который слышал, как герцог произносил эти слова. Сравните, для получения дополнительной информации, *Le Vassor, Hist. de Louis XIII*, vol. x. part ii. p. 97, with *Tallemant des Réaux, Historiettes*, vol. iii. p. 116. Des Réaux, who, in his own way, was somewhat of a philosopher, contentedly says: 'Cet archevêque se pouvoit vanter d'être le prélat du monde qui avoit été le plus battu.' Его братом был кардинал Сурди; человек, пользовавшийся в свое время небольшой репутацией и о котором рассказывается любопытный анекдот в *Воспоминаниях Конрара*, стр. 231-234.

[85] *Сусмонди, История. des Français*, vol. xxiii. с. 470. Le Vassor (*Hist. de Louis XIII*, vol. x. part ii. p. 149) says: 'Il s'enfuit donc honteusement à Carpentras sous la protection du pape.'

[86] "Приключения пунийцев во временной жизни; Альби, Ним, Юзе, другие привилегированные места для прелатов". "*Ришелье*" *Капефига*, Париж, 1844, том ii, стр. 24. Протестанты были в большом восторге. по поводу наказания епископов Альби и Нима, которое "министры считают достойным божественной мести". *Бенуа, Хист. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 528, 529.

[87] В кратком отчете о Ришелье, который был опубликован сразу после его смерти, автор возмущенно говорит, что "будучи кардиналом, он причинил боль церкви". *Трактаты Сомерса*. том v., стр. 540. Сравните *Базена, Историю. де Людовик XIII*, том iv. стр. 322.

[88] Это скандальное обвинение в отношении его племянницы было излюбленным среди духовенства; и среди многих других примеров обвинение было выдвинуто кардиналом де Валенсе самым грубым образом. See *Tallemant des Réaux, Historiettes*, vol. iii. p. 201.

[89] 'De là ces petits écrits qui le dénonçaient comme le "pontife des huguenots" ou "le patriarche des athées."' *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 312.

[90] Compare *Des Réaux, Historiettes*, vol. ii. p. 233, with *Le Vassor, Hist. de Louis XIII*, vol. viii. часть ii. стр. 177, 178, т. ix. стр. 277.

[91] Смотрите манифест у *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiii. стр. 452, 453.

[92] В конце шестнадцатого века 'сыновья айне де л'Эглиз' были признанным и заслуженным титулом королей Испании. *Де Ты, Хист. Унив.* том xi. стр. 280. Сравните *Дюплесси Морней, Мемуары и переписку.* том xi. стр. 21. А о мнениях, которых католики в начале семнадцатого века в целом придерживались в отношении Испании, см. *Мемуары де Фонтенэ, Марей*, том i, стр. 189; *Мемуары де Бассомпьера*, том i, стр. 424.

[93] Что касается связи между этой внешней политикой и Варфоломеевской резней, см. *Capefigue, Hist. de la Réforme*, vol. iii. pp. 253, 268, 269.

[94] О политике и еще больше о чувствах Генриха IV. по отношению к Австрийскому дому см. *Сюлли, "Королевская экономика"*, том ii. стр. 291, том iii. стр. 162, 166, том iv. стр. 289, 290, 321, 343, 344, 364, т. v. с. 123, т. vi. с. 293, т. vii. с. 303, вып. viii. стр. 195, 202, 348.

[95] "*Ришелье*" *Капефига*, т. i., стр. 26, 369; *Воспоминания де Монглэ*, т. i., стр. 16, 17; *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, том i, стр. 268, том vi, стр. 349; *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. с. 227. Ее муж, Генрих IV, говорил, что у нее "душа испанки". *Капефиг, Hist. de la Réforme*, vol. viii. с. 150.

[96] This was, in her opinion, a master-stroke of policy: 'Entêtée du double mariage avec l'Espagne qu'elle avoit ménagé avec tant d'application, et qu'elle regardoit comme le plus ferme appui de son autorité.' *Le Vassor, Hist. де Людовик XIII*, том i. стр. 453, 454.

[97] Еще в 1656 году французское духовенство желало "ускорить заключение мира с Испанией и обуздать еретиков во Франции", *Письмо Пелла Турлоу*, написанное в 1656 году и напечатанное в "*Протекторате Кромвеля*" *Воана*, том i. стр. 436, 8vo, 1839. Во время несовершеннолетия Людовика XIII. we hear of 'les zéléz catholiques, et ceux qui désiroient, à quelque prix que ce fut, l'union des deux roys, et des deux couronnes de France et d'Espagne, comme le seul moyen propre, selon leur avis, pour l'extirpation des hérésies dans la chrestienté.' *Запятнать, Кон. Royales*, vol. ix. p. 181: compare vol. vii. p. 248, on 'les zéléz catholiques espagnolisez de France.'

[98] См. *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. стр. 387-389, где отмечается важность этого документа и говорится, что Ришелье составил его как 'авэк боукуп де суан'. The language of it is very peremptory: 'Que nul catholique n'est si aveugle d'estimer en matière d'état un Espagnol meilleur qu'un Français huguenot.'

[99] Даже в царствование Генриха IV. французские протестанты не считались французами: 'Нетерпимые догмы Римского католицизма не признавали их французами. На них смотрели как на иностранцев, или, скорее, как на врагов, и обращались с ними соответственно.' *Felice's Hist. о протестантах Франции*, стр. 216.

[100] Сисмонди говорит, что под 1610 годом "Визит католической церкви Кройо был в некотором роде обмороком в доме Отриш", *История. des Français*, vol. xxii. с. 180.

[101] "Я считаю, что доминанта в доме Аутричей". *Флассан, История. французская дипломатия*, том iii, стр. 81. И о раннем формировании этой схемы см. *Воспоминания де*

Ларошфуко, том i, стр. 350. Де Рец говорит, что до Ришелье никто даже не помышлял о подобном шаге: "Celui d'attaquer la terrible maison d'Autriche n'avoit été imagine de personne". *Воспоминания де Реца*, том i, стр. 45. Это выражено слишком резко; но весь абзац любопытен, поскольку написан человеком, обладавшим большими способностями, которыми, несомненно, обладал Де Рец, и который, хотя и ненавидел Ришелье, не мог удержаться от свидетельства его огромных заслуг.

[102] 'Obwohl Cardinal der römischen Kirche, trug Richelieu kein Bedenken, mit den Protestanten selbst unverhohlen in Bund zu treten,' *Ranke, die Päpste*, vol. ii. p. 510. Сравните в *Воспоминаниях де Фонтенэ Марей*, т. ii. стр. 28, 29, упрек, который нунций Спада адресовал Ришелье за то, что тот обошелся с протестантами: 'мир по-своему предан гугенотам'. См. также *Ле Вассора, Историю. de Louis XIII*, vol. v. стр. 236, 354-356, 567; и хороший отрывок в *Лавалле, Hist. "Французский язык"*, том iii, стр. 90, — талантливое небольшое произведение и, возможно, лучшая небольшая история, когда-либо опубликованная о великой стране.

[103] Де Ретц упоминает любопытную иллюстрацию чувств церковной стороны к этому договору. Он говорит, что епископ Бове, который через год после смерти Ришелье был на мгновение во главе дел, начал свою администрацию с того, что предоставил голландцам выбор: либо отказаться от своей религии, либо расторгнуть союз с Францией: "И это требование от премьер-министра Голландии, обращенного в католическую веру, уважающего союз Франции". *Воспоминания кардинала де Реца*, том i, стр. 39. Это, я полагаю, является первоначальным основанием для утверждения в *Биографии. Univ.* том xiv. стр. 440; хотя, как это слишком часто бывает в этой ценной в остальном работе, автор не указал источник своей информации.

[104] В 1626 году он попытался сформировать лигу "фаворитов Палатина", *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. с. 576. Сисмонди, кажется, не совсем уверен в искренности своего предложения; но на этот счет, я думаю, может быть мало сомнений; ибо из его собственных мемуаров явствует, что даже в 1624 году он имел в виду возвращение Пфальца. *Воспоминания де Ришелье*, том ii, стр. 405; и снова в 1625 г., стр. 468.

[105] *Сисмонди*, том. xxiii. с. 173; *"Ришелье"* Капефига, том i, стр. 415; *Ле Вассор, История. de Louis XIII*, vol. vi. pp. 12, 600; and at p. 489: 'Le roi de Suède qui comptoit uniquement sur le cardinal.'

[106] Сравните *Мемуары де Монглэ*, том i, стр. 74, 75, том ii, стр. 92, 93, с *Мемуарами де Фонтенэ Марей*, том ii, стр. 198; и *Письмами Хауэлла*, стр. 247. Различные взгляды, пришедшие в голову его богатому уму вследствие смерти Густава, поразительно обобщены в *Воспоминаниях де Ришелье*, т. vii. стр. 272-277. О его последующих денежных авансах см. Том ix. стр. 395.

[107] In 1633, 'les ambassadeurs de France, d'Angleterre et de Hollande mirent à profit le repos de l'hiver pour resserrer la confédération protestante,' *Sismondi, Hist. des Français*, vol. xxiii. с. 221. Сравните в *"Шведском посольстве"* Уайтлока, том i, стр. 275, замечание, сделанное двадцать лет спустя Кристиной, дочерью Густава, о союзе с "папистами".

[108] Это изменение можно проиллюстрировать, сравнив работы Гроция с работами Ваттеля. Этих двух выдающихся людей до сих пор уважают как наиболее авторитетных толкователей международного права; но между ними есть то важное различие, что Ваттель написал более чем через столетие после Гроция, когда светские принципы, насаждаемые Ришелье, проникли в умы даже обычных политиков. Therefore, Vattel says (*Le Droit des Gens*, vol. i. pp. 379, 380): 'On demande s'il est permis de faire alliance avec une nation qui ne professe pas la même religion? Si les

traités faits avec les ennemis de la foi sont valides? Grotius a traité la question assez au long. Cette discussion pouvait être nécessaire dans un temps où la fureur des partis obscurcissait encore des principes qu'elle avait long-temps fait oublier, osons croire qu'elle serait superflue dans notre siècle. La loi naturelle seule régit les traités des nations; la différence de religion y est absolument étrangère.' См. также стр. 318 и том ii. стр. 151. С другой стороны, Гроций выступает против союзов между народами разных религий и говорит, что ничто не может их оправдать, кроме 'une extrême nécessité.... Car il faut chercher premièrement le règne céleste, c'est à dire penser avant toutes choses à la propagation de l'évangile.' И он далее рекомендует принцам следовать совету, данному по этому вопросу Фульком, архиепископом Реймса! *Grotius, le Droit de la Guerre et de la Paix*, livre ii. глава xv. раздел xi. том i. стр. 485, 486, правка. Барбейрак, Амстердам, 1724, 4то; отрывок тем более поучительный, что Гроций был человеком великого гения и большой человечности. О религиозных войнах, как это естественно признавалось в варварские времена, см. любопытную и важную работу, *Институты Тимура*, стр. 141, 333, 335.

[109] 'Le Congrès de Westphalie s'ouvrit le 10 avril 1643.' *Lavallée, Hist. des Français*, vol. iii. p. 156. Две его крупные дивизии в Мюнстере и Оснабрюке были сформированы в марте 1644 года. *Флассан, История. de la Diplomatie*, vol. iii. p. 110. Ришелье умер в декабре 1642 года. *Биог. Университет*. том. xxxviii. стр. 28.

[110] 'Les règnes de Charles-Quint et de Henri IV font époque pour certaines parties du droit international; mais le point de départ le plus saillant, c'est la paix de Westphalie.' *Эшбах, Представляю. закон о праве*, Париж, 1846, стр. 92. Сравните замечания о Мэбли в *Биог. Унив.* т. xxvi. стр. 7, и *Сусмонди, История. des Français*, vol. xxiv. p. 179: 'base au droit public de l'Europe.'

[111] Compare the indignation of the pope at this treaty (*Vattel, le Droit des Gens*, vol. ii. p. 28), with *Ranke's Pápste*, vol. ii. p. 576: 'Das religiöse Element ist zurückgetreten; die politischen Rücksichten beherrschen die Welt:' a summary of the general state of affairs.

[112] 'La France obtint par ce traité, en indemnité, la souveraineté des trois évêchés, Metz, Toul et Verdun, ainsi que celle d'Alsace. La satisfaction ou indemnité des autres parties intéressées fut convenue, en grande partie, aux dépens de l'église, et moyennant la sécularisation de plusieurs évêchés et bénéfices ecclésiastiques.' *Koch, Tableau des Révolutions*, vol. i. p. 328.

[113] Доктор Вон (*Протекторат Кромвеля*, том I. p. civ.) говорит: 'Также важным фактом в истории современной Европы является то, что после Вестфальского мира 1648 года религия как главный объект переговоров начала повсеместно уступать место вопросам, касающимся колоний и торговли'. Чарльз Батлер заметил, что этот договор 'значительно уменьшил влияние религии на политику'. *Воспоминания Батлера*, т. i., стр. 181.

[114] Тот факт, что Тридцатилетняя война была религиозным противостоянием, лег в основу одного из обвинений, выдвинутых церковной партией против Ришелье: и автора, написавшего в 1634 году: "Монруа бьен в течение долгого времени искал союз короля Франции с протестантами, противостоящими католической религии; ответ на вопрос о войне" объединения провинций и Великая история религиозных партизан.' *Бенуа, Хучм. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 536.

[115] По словам современника, он получил это назначение, не попросив об этом: "Без суда и следствия". *Воспоминания де Фонтенэ, Марей*, том i, стр. 70. В 1622 году даже лейтенанты Лесдигьера были протестантами: "Эти лейтенанты, qui бывшие гугеноты." *Там же.* том i. стр. 538.

Эти мемуары очень ценны в том, что касается политических и военных вопросов; их автор сыграл заметную роль в операциях, которые он описывает.

[116] 'Il n'y avoit personne dans le parti huguenot si considérable que lui.' *Tallemant des Réaux, Historiettes*, vol. v. p. 204.

[117] *Биография. Univ.* том xv. стр. 247; *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 400.

[118] Дополнения к *Салли, Королевская экономика*, том. viii. с. 496; *История Смедли. реформатской религии во Франции*, том iii. с. 204.

[119] "*Ришелье*" *Капефига*, том ii, стр. 57; *Воспоминания де Роана*, том i, стр. 66, 69; *Воспоминания де Бассомпьера*, том iii, стр. 324, 348; *Воспоминания де Монглэ*, том i, стр. 86; *Ле Вассор, Хист. де Людовик XIII*, том vii. стр. 157, том viii. стр. 284. Этот значительный рост благосостояния Рохана произошел в разное время между 1632 и 1635 годами.

[120] В конце шестнадцатого века Дюплесси Морне был вынужден констатировать то, что тогда большинство людей считало невероятным парадоксом: "В поисках выхода из положения он выбрал несовместимый ансамбль эстер бон гугенот и бон Франсуа". *Дюплесси, Воспоминания и переписка*. том i, стр. 146. Сравните стр. 213, том ii. стр. 45, 46, 77, 677, том vii. стр. 294, том xi. стр. 31, 68; интересные отрывки из истории мнений во Франции.

[121] См. *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. i. pp. 10, 14, 18; *De Thou, Hist. Univ.* т. iii. стр. 181, 242, 357, 358, 543, 558, т. iv. стр. 155; *Сопов. французские послы*, том i, стр. 412, 536, том ii, стр. 66, 74; "*Гражданские войны во Франции*" *Ранке*, том i, стр. 279, 280, том ii, стр. 94.

[122] Сравните *константу Халлама. Hist.* vol. i. p. 173, with *Ranke, die Römischen Päpste*, vol. ii. pp. 477–479. Несмотря на рост населения, протестанты уменьшились абсолютно, а также относительно, по сравнению с католиками. В 1598 году у них было 760 церквей; в 1619 году только 700. *История Смедли. реформатской религии во Франции*, том iii. стр. 46, 145. Де Ту в предисловии к своей "Истории" (том i, стр. 320) отмечает, что протестанты усилились во время войн, которые велись против них, но "уменьшились в численности и в кредите за мир".

[123] М. Ранке заметил, как французские дворяне-протестанты отпали от своей партии; но он, похоже, не осознает отдаленных причин того, что он считает внезапным отступничеством: "В этот немаловажный момент монахиня тратит все силы на то, чтобы умереть во Франкрейхе эйн. Fragen wir, woher im Jahr 1621 die Verluste des Protestantismus hauptsächlich kamen, so war es die Entzweiung derselben, der Abfall des Adels." *Ranke, die Päpste*, vol. ii. p. 476. Сравните любопытный отрывок из "Истории" *Бенуа. de l'Edit de Nantes*, том ii. стр. 33, из которого явствует, что в 1611 году французские протестанты разделились на три партии, одна из которых состояла из "les seigneurs d'éminente qualité".

[124] "Le plus illustre guerrier du parti protestant". *Сусмонди, История. des Français*, vol. xxii. с. 505. В современных депешах испанского посла он назван "человеком гугенотов и маркизов, человеком великих правителей и одним из великих кредитов". "*Ришелье*" *Капефига*, том i, стр. 60. Его основное влияние оказал Дофине. *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. i. p. 236.

[125] *Биог. Univ.* т. xxiv. с. 293; и сухое замечание о его "обращении" в *Воспоминания де Ришелье*, т. ii. с. 215, которые можно сравнить с "*Приключениями Вольтера*", т. xviii. стр. 132, и *Базен, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 195-197. Rohan (*Mém.* vol. i. p. 228) plainly says, 'le

duc de Lesdiguières, ayant hardé sa religion pour la charge de connétable de France.’ См. также стр. 91 и *Воспоминания о Монглете*, том i, стр. 37.

[126] *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiii. p. 67; *Le Vassor, Hist. de Людовик XIII*, том v. стр. 809, 810, 865.

[127] *Таллеман де Рео, Исторические хроники*, том iii. стр. 43. Ла Мейерле также был герцогом; и что гораздо больше говорит в его пользу, он был другом Декарта. *Биог. Университет*. том. xxviii. стр. 152, 153.

[128] *Сисмонди (история. des Français*, vol. xxiii. стр. 27) сказано: "иль абджур в 1637 году"; но, согласно Бенуа (*Hist. de l'Edit de Nantes*, том ii. стр. 550) это было в 1635 году.

[129] *Таллеман де Рео, Исторические хроники*, том iii. стр. 245. Де Рео, который видел, что эти изменения происходят постоянно, просто замечает: "Нотр-маркиз, путь к религии без препятствий для сына, к переменам".

[130] 'Подход политики к религии'. *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. стр. 264. Это был Анри Бульон, которого некоторые авторы путают с Фредериком Бульоном. Они оба были герцогами, но Генрих, который был отцом и который на самом деле не менял свою религию, был маршалом. Следующие упоминания о нем более чем подтверждают замечание Сисмонди; *Воспоминания де Бассомпьера*, т. i, стр. 455; *"Реформатская религия во Франции"* Смедли, т. iii, стр. 99; *"Ришелье"* Капефига, т. i, стр. 107; *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 420, 467, 664, том iv. стр. 519; *Воспоминания де Ришелье*, том i. стр. 104, том ii. стр. 259; *Воспоминания де Дюплесси Морне*, том xi. стр. 450, том xii. стр. 79, 182, 263, 287, 345, 361, 412, 505.

[131] *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, том i, стр. 121, 298, том ii, стр. 5, 180, 267, 341; *"Ришелье"* Капефига, том i, стр. 267; *"История" Феличе. о протестантах Франции*, стр. 206. Сюлли посоветовал Генриху IV, руководствуясь чисто политическими соображениями, стать католиком; и ходили сильные, но, я полагаю, необоснованные слухи, что он сам намеревался избрать тот же курс. См. *Салли, "Королевская экономика"*, том ii. стр. 81, том vii. стр. 362, 363.

[132] 'Среди всех лидеров, кроме герцога де Роана и его брата герцога де Субиза, были те, кто проявил готовность вложить все свое состояние в новые религиозные войны'. *Felice's Hist. о протестантах Франции*, стр. 241. For this, M. Felice, as usual, quotes no authority; but Rohan himself says: 'C'est ce qui s'est passé en cette seconde guerre (1626), où Rohan et Soubise ont eu pour contraires tous les grands de la religion de France.' *Mém. de Rohan*, vol. i. p. 278. Роан претендует на большую заслугу за свою религиозную искренность; хотя, из отрывка в *Мемуарах де Фонтенэ Марей*, том i, стр. 418, и другого в *Бенуа, Hist. de l'Edit de Nantes*, том ii. стр. 173, можно усомниться в том, был ли он настолько целеустремлен, как принято считать.

[133] Sismondi notices this remarkable change; though he places it a few years earlier than the contemporary writers do: 'Depuis que les grands seigneurs s'étoient éloignés des églises, c'étoient les ministres qui étoient devenus les chefs, les représentans et les démagogues des huguenots; et ils apportent dans leurs délibérations cette âpreté et cette inflexibilité théologiques qui semblent caractériser les prêtres de toutes les religions, et qui donnent à leurs haines une amertume plus offensante.' *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. c. 87. Сравните с. 478. In 1621, 'Rohan lui-même voyait continuellement ses opérations contrariées par le conseil-général des églises.' *Lavallée*,

Hist. des Français, vol. iii. p. 88. In the same year, M. Capefigue (*Richelieu*, vol. i. p. 271) says, 'Le parti modéré cessa d'avoir action sur le prêche; la direction des forces huguenotes, était passée dans les mains des ardents, conduits par les ministres.'

[134] Римская церковь всегда понимала это, и по этой причине была и остается очень гибкой в отношении морали и очень негибкой в отношении догм; поразительное доказательство большой проницательности, с которой управляются ее дела. В книге Бланко Уайта "*Доказательства против католицизма*", стр. 48, и в работах Парра, т. vii. стр. 454, 455, содержится неблагоприятное и, по сути, несправедливое указание на эту особенность, которая, хотя и сильно выражена в римской церкви, ни в коем случае не ограничивается ею, но встречается в каждой регулярно организованной религиозной секте. Локк в своих *Письмах о терпимости* отмечает, что духовенство, естественно, больше борется с ошибками, чем с пороком (*Сочинения*, т. v., стр. 6, 7, 241); и об их предпочтении догм моральным истинам также упоминает М. К. Конт, *Трактат о легислатуре*. том i, стр. 245; и на это ссылается Кант в своем сравнении 'единого морального катехизиса' с "Религиозным катехизисом". *Die Metaphysik der Sitten (Ethische Methodenlehre)*, in *Kant's Werke*, vol. v. p. 321. Сравните наблюдения Темпла над Соединенными Провинциями в *Работах сэра У. Темпла*, т. i, стр. 154, со строгим соблюдением формул, отмеченных в книге Уорда "*Идеальная церковь*", стр. 358; и аналогичные случаи в *Истории Милля. из Индии*, том i, стр. 399, 400, и в книге Уилкинсона "*Древние египтяне*", том iii, стр. 87; также *Заметки Комба о Соединенных Штатах*, том iii, стр. 256, 257.

[135] Бланко Уайт (*Доказательства против католицизма*, стр. vi.) резко говорит: "искренние католики не могут сознательно проявлять терпимость". Но он, безусловно, ошибается, ибо вопрос стоит не в искренности, а в последовательности. Искренний римский католик может быть и часто является добросовестно терпимым; последовательный римский католик - никогда.

[136] Мы также очень ясно видим это в Англии, где несогласное духовенство имеет гораздо большее влияние среди своих слушателей, чем духовенство Истеблишмента среди своих. Это часто замечалось беспристрастными наблюдателями, и теперь мы располагаем статистическим доказательством того, что 'большая часть протестантских раскольников более усердна' в посещении религиозных богослужений, чем церковники. Смотрите ценное эссе мистера Манна *О статистическом положении религиозных организаций в Англии и Уэльсе* в журнале *Statistic*. Соч. т. xviii. с. 152.

[137] Относительно работы этого в Англии, есть несколько проницательных замечаний, сделанных Ле Бланом в его *Письмах Франсуа*, т. i. стр. 267, 268; которые можно сравнить с *Запиской лорда Холланда о партии вигов*, т. ii. стр. 253, где предполагается, что в случае полной эмансипации католиков "право на мирские почести и прибыль несколько ослабило бы лихорадку религиозного рвения". На этот счет есть замечания, заслуживающие внимания, в *Воспоминаниях лорда Клонкарри*, Дублин, 1849, стр. 342, 343.

[138] 'Les processions catholiques seraient interdites dans toutes les places, villes et châteaux occupés par ceux de la religion.' "*Ришелье*" *Капеллура*, том i, стр. 39.

[139] Of these facts we have the most unequivocal proof; for they were not only stated by the Catholics in 1623, but they are recorded, without being denied, by the Protestant historian Benoist: 'On y accusoit les Réformez d'injurier les prêtres, quand ils les voyoient passer; d'empêcher les

processions des Catholiques; l'administration des sacremens aux malades; l'enterrement des morts avec les cérémonies accoutumées; ... que les Réformez s'étoient emparez des cloches en quelques lieux, et en d'autres se serroient de celles des Catholiques pour avertir de l'heure du prêche; qu'ils affectoient de faire du bruit autour des églises pendant le service; qu'ils tournoient en dérision les cérémonies de l'église romaine.' *Бенуа, Хист. de l'Edit de Nantes*, том ii. стр. 433, 434; см. также стр. 149, 150.

[140] 'On pouvait dire que La Rochelle était la capitale, le saint temple du calvinisme; car on ne voyait là aucune église, aucune cérémonie papiste.' *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 342.

[141] *Mém. de Richelieu*". Другие и подобные свидетельства см. *Дюплесси Морней, Воспоминания*, т. xi. стр. 244; *Салли, Королевские экономики*, т. vii. стр. 164; *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 70, 233, 279.

[142] *Синодик Квика в Галлии*, том ii. стр. 196.

[143] Яркий пример фактического применения этого нетерпимого постановления см. *Синодик Квика в Галлии*, том ii. стр. 344.

[144] *Базен, История. de Louis XIII*, vol. ii. p. 124; *Mém. de Richelieu*, vol. ii. pp. 109, 110; *Felice's Hist. о протестантах Франции*, стр. 238.

[145] В 1625 году Хауэлл пишет, что протестанты установили надпись на воротах Монтобана: 'Рой без фоя, город без отца'. *Письма Хауэлла*, стр. 178.

[146] Иногда их называли собаками, возвращающимися на блевотину папизма; иногда они были свиньями, барахтающимися в трясине идолопоклонства. *Синодик Квика в Галлии*, том i. стр. 385, 398.

[147] Примечательно, что в первом случае (*Синодикон Квика*, том i, стр. 362) ничего не говорится об аморальности Ферье; а в следующем случае (стр. 449) синод жалуется, среди прочего, на то, что "он самым распутным образом оскорблял и сатирически высмеиваемые церковные собрания".

[148] Смотрите этот ужасный и нечестивый документ в *Синодиконе Квика*, т. i. стр. 448, 450.

[149] Представление теологов об отлучении от церкви можно увидеть в занимательной книге мистера Палмера "*Трактат о Церкви*", т. i, стр. 64, 67, т. ii, стр. 299, 300; но мнениям этого увлекательного автора следует противопоставить возмущенный язык Ваттеля "*Права рода*", т. i, стр. 177, 178. В Англии к концу семнадцатого века к ужасам отлучения от церкви отнеслись с презрением. См. "*Жизнь архиепископа Шарпа*", под редакцией Ньюкома, том i, стр. 216: сравните стр. 363; и посмотрите скорбные замечания доктора Мосхайма в его книге *Eccles. История*. том ii. стр. 79; и *Мемуары сэра Филипа Уорвика*, стр. 175, 176.

[150] Об обращении с Ферье, которое привлекло большое внимание как указание на крайности, на которые были готовы пойти протестанты, см. *Мемуары де Ришелье*, т. i. стр. 177; *Мемуары де Поншартрена*, т. ii. стр. 5, 6, 12, 29, 32; *Воспоминания Дюплесси Морне*, том xii. стр. 317, 333, 341, 350, 389, 399, 430; *История Фелиции. о протестантах Франции*, стр. 235; *Биог. Univ.* том xiv. стр. 440; *Талеман де Рео, Исторические хроники*, том v. стр. 48-54. Г-н Смедли, который не ссылается ни на один из этих авторитетов, за исключением двух отрывков из Дюплесси, дал

искаженный отчет об этом бунте. См. Его *Историю реформатской религии во Франции*, том iii. стр. 119, 120.

[151] *Carpefigue's Richelieu*."

[152] *Заглавный рисунок*, том i, стр. 123; *Базен, История. де Людовик XIII*, том i, стр. 364; *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 183; *Mém. de Rohan*, vol. i. p. 130.

[153] *"Ришелье"Капефига*, том i, стр. 124; *Воспоминания де Поншартрена*, том ii, стр. 100; *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 333, 334. Следствием этого стало то, что король был вынужден прислать мощный эскорт для защиты своей невесты от своих протестантских подданных.*Mém. de Richelieu*, vol. i. p. 274.

[154] *Carpefigue's Richelieu*, vol. i. p. 38; *Benoist, de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 28, 29, 63.

[155] *Воспоминания де Фонтенэ Марей*, том i, стр. 450; *Воспоминания де Бассомпьера*, том ii, стр. 161. Смотрите аналогичный пример в случае с Бергером в *книге Бенуа, Hist. de l'Edit de Nantes*, том ii. стр. 136, которого протестанты стремились лишить свободы, потому что "я избегаю отказа от своей религии".

[156] *Базен, История. де Людовик XIII*, том i, стр. 381. Сисмонди (*Hist. des Français*, vol. xxii. с. 349) говорится, что у них не было для этого веских оснований; и несомненно, что их привилегии, которые не были уменьшены со времени Нантского эдикта, были подтверждены и расширены.

[157] М. Феличе (*Hist. о протестантах Франции*, стр. 237) говорит о Нижней Наварре и Беарне в 1617 году: "Три четверти населения, некоторые говорят, девять десятых, принадлежали к реформатской общине". Возможно, это преувеличение; но мы знаем от Де Ту, что они составили большинство в Беарне в 1566 году: 'Протестанты и суесящиеся в придачу к великому знамени католиков'. *Де Ты, Хист. Унив.* т. v., стр. 187.

[158] 'Les ministres fanatiques déclaroient qu'ils ne pouvaient sans crime souffrir dans ce pays régénéré l'idolâtrie de la messe.' *Sismondi, Hist. des Français*, vol. xxii. с. 415.

[159] *Обратите внимание на воспоминания Роана*, том i, стр. 26. Сравните отчет, приведенный Поншартреном, который был одним из министров Людовика XIII.*Воспоминания де Поншартрена*, том ii. стр. 248, 264; и см. *Воспоминания де Ришелье*, том i. стр. 443.

[160] *Базен, История. de France sous Louis XIII*, vol. ii. pp. 62–64. The pith of the question was, that 'l'édit de Nantes ayant donné pouvoir, tant aux catholiques qu'aux huguenots, de rentrer partout dans leurs biens, les ecclésiastiques de Béarn demandèrent aussytôt les leurs.' *Mém. de Fontenay Mareuil*, vol. i. p. 392.

[161] "Дела Беарна, источник для нас". *Воспоминания Роана*, том i, стр. 156; см. Также стр. 183. И протестант Ле Вассор говорит (*Hist. de Louis XIII*, vol. iii. p. 634): 'L'affaire du Béarn et l'assemblée qui se convoqua ensuite à la Rochelle, sont la source véritable des malheurs des églises réformées de France sous le règne dont j'écris l'histoire.'

[162] О связи между делами Беарна и Рошели сравните *Мемуары де Монглата*, том i, стр. 33, с *Мемуарами де Ришелье*, том ii, стр. 113, и *Мемуарами де Роана*, том i, стр. 446.

[163] Их первая церковь была основана в 1556 году ("*Гражданские войны во Франции*" Ранке, том i, стр. 360); но в правление Карла IX. большинство жителей были протестантами. Видишь Себя, *Hист. Univ.* том iv. стр. 263, том v. стр. 379, 1562 и 1567 гг. н.э.

[164] Или, как вежливо выразился М. Капефиг, 'Рошелуа, не уважающий себя в дружеских беседах'. "*Рошель*" Капефига, том i, стр. 332. Деликатная околичность, неизвестная Мезере, который говорит (*Hист. de France*, vol. iii. p. 426) in 1587: 'et les Rochelois, qui par le moyen du commerce et de la piraterie,' &c.

[165] "Настоящее место, где гугеноты живут вечно, но их невозможно понять". *Воспоминания де Фонтенэ Марей*, том i, стр. 512. "Cette orgueilleuse cité, qui se croyoit imprenable". *Воспоминания о Монглате*, том i, стр. 45. Хауэлл, посетивший Рошель в 1620 и 1622 годах, был сильно поражен его мощью. *Письма Хауэлла*, стр. 46, 47, 108. На стр. 204 он называет это место в своем варварском стиле "главной опорой тамошних протестантов". Для описания обороны Рошели см. *Де Ты*, *Hист. Univ.* том vi. стр. 615-617; и с некоторыми деталями, с которыми стоит ознакомиться в *Mezeray*, *Hист. де Франс*, том ii. стр. 977-980.

[166] Базен, *История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 139; *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. стр. 480, 481. Сам Рохан говорит (*Воспоминания*. том i, стр. 446): 'Я вынужден разделять вас'. В замечательном письме, которое Морней написал за десять лет до этого, он выражает свои опасения по поводу зла, которое может произойти в результате растущего насилия его партии; и он советует: "К чему стремиться, так это к благоразумию". *Воспоминания и переписка*. том xi, стр. 122; а что касается разногласий, которые это вызвало среди протестантов, см. стр. 154, 510, т. xii. стр. 82, 255; и *Салли, "Королевская экономика"*, том ix. с. 350, 435.

[167] 'Les seigneurs du parti, et surtout le sage Duplessis Mornay, firent ce qu'ils purent pour engager les réformés à ne pas provoquer l'autorité royale pour des causes qui ne pouvoient justifier une guerre civile; mais le pouvoir dans le parti avoit passé presque absolument aux bourgeois des villes et aux ministres qui se livroient aveuglement à leur fanatisme, et à leur orgueil, et qui étoient d'autant plus applaudis qu'ils montroient plus de violence.' *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxii. с. 478.

[168] 'О конфискации католических народов'. *Lavallée des Français*, vol. iii. p. 85: and see *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 258.

[169] 'Ils donnent des commissions d'armer et de faire des impositions sur le peuple, et ce sous leur grand sceau, qui étoit une Religion appuyée sur une croix, ayant en la main un livre de l'évangile, foulant aux pieds un vieux squelette, qu'ils disoient être l'église romaine.' *Mém. de Richelieu*, vol. ii. p. 120. М. Capefigue (*Richelieu*, vol. i. p. 259) says that this seal still exists; but it is not even alluded to by a late writer (*Felice, Hist. протестантов Франции*, стр. 240), который систематически замалчивает каждый факт, неблагоприятный для его собственной партии.

[170] *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, том iv. стр. 157; Базен, *История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 145; *Бенуа, История. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 353-355; *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 258.

[171] Даже Мосхайм, который, будучи протестантом, естественно, был предубежден в пользу гугенотов, говорит, что они установили 'impreium in imperio'; и он приписывает жестокости их правителей войну 1621 года. *Экклз Мосгейма. История*. том ii. стр. 237, 238.

[172] Сравните *Mém. de Fontenay Mareuil*, том ii. стр. 88, с *Flassan, Hist. de la Diplomatie Française*, vol. ii. p. 351.

[173] Смотрите документ с инструкциями от папы Григория XV. в приложении к *Ранке, die Röm. Päpste*, vol. iii. pp. 173, 174: 'Die Hauptsache aber ist was er dem Könige von Frankreich vorstellen soll: 1, dass er ja nicht den Verdacht auf sich laden werde als verfolge er die Protestanten bloss aus Staatsinteresse.' Базен (*Hист. de Louis XIII*, vol. ii. p. 320) says, that Richelieu attacked the Huguenots 'sans aucune idée de persécution religieuse.' См., стой же целью, "*Ришелье*" Капефига, том i, стр. 274; и откровенные признания протестанта Ле Вассора в его *Истории. де Людовик XIII*, том v., стр. 11.

[174] *Синодик Квика в Галлии*, том i, стр. 62.

[175] *Там же.* том i. стр. lvii. 17, 131, том ii. стр. 174.

[176] "И обоим полам необходимо соблюдать скромность в прическах" и т.п. *Там же.* том i, стр. 119.

[177] *Синодик Куика*, том i, стр. 165.

[178] Синод Алеза в 1620 году гласит: 'Священник может одновременно быть профессором богословия и древнееврейского языка. Но ему не подобает также владеть греческим языком, потому что большая часть его занятий будет занята изложением языческих и нечестивых авторов, если только его не уволят со служения.' *Синодикон Квика*, том ii. стр. 57. Три года спустя Шарантонский синод полностью запретил греческую профессию, 'как излишнюю и малоприбыльную'. *Там же.* том ii. стр. 115.

[179] Синод Сент-Майксанта в 1609 году постановил, что "коллоквиумы и синоды должны внимательно следить за теми министрами, которые изучают химию, и сурово порицать их". *Там же.* том i, стр. 314.

[180] *Там же.* т. i. с. 140, 194, т. ii. с. 110.

[181] *Синодик Куика*, том i. стр. lv. 235, 419, том ii. стр. 201, 509, 515. Сравните *Бенуа, Hist. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 473.

[182] *Синодик Куика*, том ii. стр. 81.

[183] *Там же.* том ii. стр. 174.

[184] "Всем христианским судьям ни в коей мере не рекомендуется терпеть их, потому что это разжигает глупое любопытство, влечет за собой ненужные расходы и тратит время впустую", *Там же.* том i, стр. 194.

[185] Это был очень сложный вопрос для теологов; но в конце концов сомюрский синод принял положительное решение: 'По 13-й статье той же главы депутаты Пойктона потребовали, можно ли давать ребенку два имени при крещении? На что был дан ответ: это безразлично, однако родителям было рекомендовано соблюдать здесь христианскую простоту.' *Там же.* том i, стр. 178.

[186] *Там же.* том i. стр. xlv. 25.

[187] Я цитирую формулировки Кастрского синода 1626 года. Там же. том ii. стр. 174.

[188] *Синодик Куика*, том i. стр. 165, том ii. стр. 7, 174, 574, 583. Точно так же испанское духовенство в начале нынешнего века пыталось регулировать одежду женщин. См. *Письма Добладо из Испании*, стр. 202-205: хорошая иллюстрация идентичности церковного духа, будь то католический или протестантский.

[189] О его влиянии на нее в 1616 году и после него см. *Ле Вассор, История. де Людовик XIII*, т. ii. стр. 508; *Воспоминания де Поншартрена*, т. ii. стр. 240; *Воспоминания де Монглэ*, т. i. стр. 23; и сравните в *Воспоминаниях де Ришелье*, т. ii. стр. 198-200 любопытные аргументы, которые он вложил в ее уста относительно неразумности войны с протестантами.

[190] В 1625 году архиепископ Лионский написал Ришелье, призывая его 'assiéger la Rochelle, et châtier ou, залить мию ужаса, истребить гугенотов, вступить в законную силу'. *Базен, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 276. См. Также о беспокойстве духовенства в правление Людовика XIII. уничтожить протестантов, *Бенуа, Ист. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. pp. 155, 166, 232, 245, 338, 378, 379, 427; *Sismondi, Hist. des Français*, vol. xxii. c. 485.

[191] Он подтвердил это в марте 1626 года; *Флассан, Hist. de la Diplomatie Française*, том ii. стр. 399; а также в предыдущем январе. См. *Бенуа, Историю. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. appendix, pp. 77, 81.

[192] 'Ceux qui affectent autant le nom de zélés catholiques.' *Воспоминания де Ришелье*, том iii, стр. 16; и на стр. 2 он в том же году (1626) говорит, что ему противостояли те, кто "поддерживал пламенных и преципитативных дезертиров, погубивших гугенотов".

[193] *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiii. c. 66.

[194] О страданиях жителей см. Выдержку из Рукописи Дюпюи, в книге *Капефига "Ришелье"*, том i, стр. 351. Фонтенэ Марей, который был очевидцем, говорит, что осажденные в некоторых случаях ели собственных детей; и что места захоронений охранялись, чтобы трупы не выкопали и не превратили в пищу. *Mém. de Fontenay Mareuil*, vol. ii. p. 119.

[195] And in which he would most assuredly have been supported by Louis XIII.; of whom an intelligent writer says 'Il étoit plein de piété et de zèle pour le service de Dieu et pour la grandeur de l'église; et sa plus sensible joie, en prenant La Rochelle et les autres places qu'il prit, fut de penser qu'il chasseroit de son royaume les hérétiques, et qu'il le purgeroit par cette voie des différentes religions qui gâtent et infectent l'église de Dieu.' *Mém. de Motteville*, vol. i. p. 425, edit. Петито, 1824.

[196] *Базен, История. де Людовик XIII*, том ii. стр. 423; *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiii. p. 77; *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 357; *Mém. de Fontenay Mareuil*, vol. ii. p. 122.

[197] 'Les huguenots murmuraient de voir le rétablissement de l'église romaine au sein de leur ville.' *"Ришелье" Капефига*, том i, стр. 359.

[198] 'Dès qu'il ne s'agit plus d'un parti politique, il concéda, comme à la Rochelle, la liberté de conscience et la faculté de prêcher.' *Capefigue's Richelieu*, vol. i. p. 381. Сравните *историю Смедли. реформатской религии во Франции*, том iii. стр. 201, с *Воспоминаниями де Ришелье*, том iv. стр. 484.

[199] Низмесский эдикт 1629 года, важный документ, можно найти в *Синодиконе Квика*, т. i, стр. xcvi.–ciii., и в *Бенуа, Hist. de l'Edit de Nantes*, том ii. приложение, стр. 92-98; и комментарий к нему в *Bazin, Hist. de Louis XIII*, том iii. стр. 36-38. М. Базен, к сожалению для репутации этого ценного в остальном труда, никогда не цитирует свои авторитеты.

[200] В 1633 году их собственный историк говорит: 'Реформаторы не справедливы плюс партия'. *Бенуа, Hist. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 532. Сравните отчет сэра Томаса Хенмера о Франции в 1648 году в книге *Банбери "Корреспондент". о Ханмере*, стр. 309, Лондон, 1838.

[201] Thomas (*Eloge*, in *Œuvres de Descartes*, vol. i. p. 32) says, 'cet instrument, c'est Descartes qui l'a créé; c'est l'application de l'algèbre à la géométrie.' И это, в высшем смысле, строго верно; ибо, хотя Виета и двое или трое других в шестнадцатом веке предвосхитили этот шаг, мы полностью обязаны Декарту великолепным открытием возможности применения алгебры к геометрии кривых, он, несомненно, был первым, кто выразил их с помощью алгебраических уравнений. См. *Монтюклу, Историю. des Mathémat.* vol. i. pp. 704, 705, vol. ii. p. 120, vol. iii. p. 64.

[202] Заявления Гюйгенса и Исаака Воссюса о том, что Декарт ознакомился с документами Снелла до публикации своего открытия, не подкреплены никакими прямыми доказательствами; по крайней мере, ни один из историков науки, насколько мне известно, не привел ни одного. Однако склонность человечества в целом принижать великих людей столь сильна, и столь распространено желание обвинить их в плагиате, что это обвинение, невероятное само по себе и основывающееся только на показаниях двух завистливых соперников, было не только возрождено современными авторами, но даже в наше время о нем говорят как о хорошо установленном и печально известном факте! Шаткая основа этого обвинения ясно разоблачена М. Бордасом Демуленом в его ценной работе *"Картезианство"*, Париж, 1843, том ii, стр. 9-12; в то время как, с другой стороны вопроса, я с сожалением ссылаюсь на сэра Д. Брюстера *"О прогрессе оптики"*, *Второй отчет Британской ассоциации*, стр. 309, 310; и на *"Историю" Уэвелла. из индуктивных наук*, том ii. стр. 379, 502, 503.

[203] Смотрите интересные замечания Шпренгеля (*Hist. de la Médecine*, vol. iv. pp. 271, 272), and *Œuvres de Descartes*, vol. iv. pp. 371 seq. Что делает это более заметным, так это то, что изучением хрусталика долгое время после смерти Декарта пренебрегали, и более ста лет не предпринималось попыток дополнить его взгляды выяснением его внутренней структуры. Действительно, говорится (*Thomson's Animal Chemistry*, стр. 512), что хрусталик и две жидкости были впервые проанализированы в 1802 году. Сравните *"Химию животных" Саймона*, том ii. стр. 419-421; *Хенле, Особенности анатомии*, том i. стр. 357; *Лепеллетье, "Физиологическая медицина"*, том iii. стр. 160; *"Физиология человека" Майо*, стр. 279; *Блейнвилль, "Физиология человека". comparée*, том iii. стр. 325-328; ни один из которых не относится к какому-либо анализу ранее девятнадцатого века. Я отмечаю это отчасти как вклад в историю наших знаний, а отчасти как доказательство того, насколько медленно люди следовали Декарту и завершали его взгляды; ибо, как справедливо замечает М. Бланвиль, химические законы хрусталика должны быть поняты, прежде чем мы сможем исчерпывающе обобщить оптические законы его преломления; так что, фактически, исследования Берцелиуса о глазу дополняют исследования Декарта. Теория ограничения хрусталика в соответствии с нисходящей шкалой животного царства и связь между его развитием и общим усилением чувственного восприятия, по-видимому, мало изучены; но доктор Грант (*Сравнительная анатомия*, стр. 252) считает, что хрусталик существует у некоторых коловраток; в то время как в отношении его происхождения я

нахожу любопытное утверждение в "*Физиологии*" Мюллера, т. i., стр. 450, что после его удаления у млекопитающих он был воспроизведен своей матрицей, капсулой. (Если на это можно положиться, это опровергнет предположение Шванна, который в своих *микроскопических исследованиях* предполагает, что его образ жизни является растительным, и что это не 'секреция его капсулы'). Что касается его вероятного существования у hydrozoa, см. "*Царство животных*" Раймера Джонса, 1855, стр. 96, "рассматриваемый либо как хрусталик, либо как отолит"; а что касается его эмбрионального развития, см. *Burdach, Traité de Physiologie*, том iii. стр. 435-438.

[204] Торричелли впервые взвесил воздух в 1643 году. *Brande's Chemistry*, vol. i. p. 360; *Leslie's Natural Philosophy*, p. 419: but there is a letter from Descartes, written as early as 1631, 'où il explique le phénomène de la suspension du mercure dans un tuyau fermé par en haut, en l'attribuant au poids de la colonne d'air élevée jusqu'au delà des nues.' *Bordas Demoulin, le Cartésianisme*, vol. i. p. 311. И Монтюкла (*Hist. des Mathémat.* vol. ii. p. 205) говорит о Декарте: 'Мы никогда не преуспевали в том, чтобы восстановить философию воздуха'. Сам Декарт говорит, что он предложил последующий эксперимент Паскаля. *Œuvres de Descartes*, vol. x. pp. 344, 351.

[205] Доктор Уэвелл, который относился к Декарту с явной несправедливостью, тем не менее допускает, что он является "подлинным автором объяснения радуги". *История. из индуктив. Науки*, том ii. стр. 380, 384. См. также *Работы Бойля*, том iii. стр. 189; *История Томсона. Королевского общества*, стр. 364; *Литература Халлама. Европы*, т. iii. стр. 205; "*Опыты Декарта*", т. i. стр. 47, 48, т. v., стр. 265-284. О теории радуги, известной в нынешнем столетии, см. *Кемц, Курс метеорологии*, стр. 440-445; и *Forbes по метеорологии*, стр. 125-130, в *Отчете Британской ассоциации* за 1840 год. Сравните *Натурфилософию Лесли*, стр. 531; *Пуйе, Элементы физиологии*, том ii. стр. 788.

[206] Еврейское понятие радуги хорошо известно; а об идеях других народов по этому вопросу см. "*Физическую историю человечества*" Причарда, т. v., стр. 154, 176; "*Очерки истории человека*" Каме, т. iv, стр. 252, Эдинб. 1788; и *Физиология Бурдаша*, т. v. стр. 546, 547, Париж, 1839.

[207] Томас называет его "le plus grand géomètre de son siècle". "*Труды Декарта*", том i, стр. 89. Сэр У. Гамильтон ("*Философские рассуждения*", стр. 271) говорит: "величайший математик эпохи"; и Монтюкла не может найти никого, кроме Платона, для сравнения. вместе с ним: "О том, что у саурота Доннера есть идея, и только о том, что это за эпоха Декарта в древней истории.... De même enfin que Platon prépara par sa découverte celles des Archimède, des Apollonius, &c., on peut dire que Descartes a jeté les fondemens de celles qui illustrent aujourd'hui les Newton, les Leibnitz, &c.' *Montucla, Hist. des Mathémat.* vol. ii. p. 112.

[208] 'Descartes joint encore à ses autres titres, celui d'avoir été un des créateurs de notre langue.' *Биог. Университет.* том xi. стр. 154. Сэр Джеймс Макинтош (*диссертация. об этической философии.* стр. 186) также отметил влияние Декарта на формирование стиля французских писателей; и я думаю, что м. Кузен где-то высказал аналогичное замечание.

[209] Thomas says, 'Descartes eut aussi la gloire d'être un des premiers anatomistes de son siècle.' *Œuvres de Descartes*, vol. i. p. 55; see also p. 101. В 1639 году Декарт пишет Мерсенну (*Œuvres*, vol. viii. с. 100), что он был вовлечен 'depuis onze ans' в изучение сравнительной анатомии методом препарирования. Сравните стр. 174 и т. i, стр. 175-184.

[210] Доктор Уэвелл (*Hist. из "Индуктивных наук"*, том iii, стр. 440) говорится: 'По большей части это было с готовностью принято его соотечественниками; но за границей это встретило значительное противодействие'. По этому поводу никто не ссылается на авторитетные источники; и все же было бы приятно узнать, кто сказал доктору Уэвеллу, что открытие было с готовностью принято. В Англии оно не только не получило широкого признания, но и в течение многих лет повсеместно отрицалось. Харви заверил Обри, что из-за его книги о кровообращении он потерял большую часть своей практики, его считали сумасшедшим, и против него выступали 'все врачи'. *Письма и жизни Обри*, том ii. стр. 383. Доктор Уиллис (*Жизнь Харви*, стр. xli., в *работах Харви*, изд. Общество Сиденхэма, 1847) говорит, что "взгляды Харви сначала были отвергнуты почти повсеместно". Доктор Эллиотсон (*Физиология человека*, стр. 194) говорит: 'Его непосредственной наградой были всеобщие насмешки и оскорбления, а также значительное сокращение его практики'. Broussais (*Examen des Doctrines Médicales*, vol. i. p. vii.) says, 'Harvey passa pour fou quand il annonça la découverte de la circulation.' Наконец, сэр Уильям Темпл, который принадлежит к поколению, следующему за Харви, и который, действительно, родился только через несколько лет после того, как было сделано открытие, упоминает о нем в своих работах таким образом, чтобы показать, что даже тогда оно не было повсеместно воспринято образованными людьми. Смотрите два любопытных отрывка, ускользнувших от внимания историков физиологии, в *Работах сэра У. Темпла*, т. iii. стр. 293, 469, 8 в., 1814.

[211] "Взятый Декартом за основу его физиологии в его работе о человеке". *История Уэвелла. из индук. Наук*, том iii. стр. 441. 'Réné Descartes se déclara un des premiers en faveur de la doctrine de la circulation.' Обновите, *Историю. de la Médecine*, vol. ii. p. 163. См. также *Бордаса Демулена*, "Картезианство", т. ii. стр. 324; и "Опыты Декарта", т. i. стр. 68, 179, т. iv. стр. 42, 449, т. ix. стр. 159, 332. Сравните "Жизнь Харви" Уиллиса, стр. xlv., в "Работах Харви".

[212] 'Les veines blanches, dites lactées, qu'Asellius a découvertes depuis peu dans le mésentère.' *De la Formation du Fœtus*, sec. 49, in *Œuvres de Descartes*, vol. iv. p. 483.

[213] Даже Харви отрицал это до последнего. *Sprengel, Hist. de la Méd.* vol. iv. pp. 203, 204. Сравните *работы Харви*, отредактируйте. Сиденхэм, Соч. стр. 605, 614.

[214] М. Кузен (*Hist. de la Philos.* II. série, vol. i. p. 39) says of Descartes, 'Son premier ouvrage écrit en français est de 1637. C'est donc de 1637 que date la philosophie moderne.' Смотрите ту же работу, I. série, том iii. стр. 77; и сравните *Философию Стюарта. о разуме*, том i, стр. 14, 529, с *Логикой родителя*, в "Произведениях Фонтенеля", Париж, 1766, т. v., стр. 444, и т. vi, стр. 318: "Картезиан, ты, си л'он веут, современная философия".

[215] 'Descartes avait établi dans le domaine de la pensée l'indépendance absolue de la raison; il avait déclaré à la scholastique et à la théologie que l'esprit de l'homme ne pouvait plus relever que de l'évidence qu'il aurait obtenue par lui-même. Ce que Luther avait commencé dans la religion, le génie français si actif et si prompt l'importait dans la philosophie, et l'on peut dire à la double gloire de l'Allemagne et de la France que Descartes est le fils aîné de Luther.' *Lerminier, Philos. du Droit*, vol. ii. p. 141. Смотрите также о философии Декарта как продукте Реформации. *Идеал христианской церкви Уорда*, стр. 498.

[216] Ибо, как прекрасно сказал Тюрго, "никто не может противостоять прогрессу веры". Ce sont la mollesse, l'entêtement, l'esprit de routine, tout ce qui porte à l'inaction,' *Pensées* in *Œuvres de Turgot*, vol. ii. p. 343.

[217] 'Et si j'écris en français, qui est la langue de mon pays, plutôt qu'en latin, qui est celle de mes précepteurs, c'est à cause que j'espère que ceux qui ne se servent que de leur raison naturelle toute pure, jugeront mieux de mes opinions que ceux qui ne croient qu'aux livres anciens.' *Discours de la Méthode*, in *Œuvres de Descartes*, vol. i. pp. 210, 211.

[218] Там же. том i. стр. 127.

[219] 'Er fing also vom Zweifel an, und ging durch denselben zur Gewissheit über.' *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. x. p. 218. Compare *Second Discours en Sorbonne*, in *Œuvres de Turgot*, vol. ii. p. 89.

[220] *Disc. de la Méthode*, in *Œuvres de Descartes*, vol. i. p. 136.

[221] 'Je m'appliquerai sérieusement et avec liberté à détruire généralement toutes mes anciennes opinions.' *Méditations* in *Œuvres de Descartes*, vol. i. p. 236.

[222] *Принципы философии*, часть i. раздел 75, в *Трудах Декарта*, т. iii. стр. 117, 118; и сравните том ii. стр. 417, где он дает яркую иллюстрацию этой точки зрения.

[223] *Размышления*, в *Трудах Декарта*, т. i. стр. 303, 304.

[224] 'Nous avons rempli notre mémoire de beaucoup de préjugés.' *Principes de la Philos.* часть i. раздел 47, в *Трудах*, том iii. стр. 91.

[225] *Œuvres*, том iii. стр. 117.

[226] 'Ce qu'on peut particulièrement remarquer en ceux qui, croyant être dévots, sont seulement bigots et superstitieux, c'est à dire qui, sous ombre qu'ils vont souvent à l'église, qu'ils récitent force prières, qu'ils portent les cheveux courts, qu'ils jeûnent, qu'ils donnent l'aumône, pensent être entièrement parfaits, et s'imaginent qu'ils sont si grands amis de Dieu, qu'ils ne sauroient rien faire qui lui déplaise, et que tout ce que leur dicte leur passion est un bon zèle, bien qu'elle leur dicte quelquefois les plus grands crimes qui puissent être commis par des hommes, comme de trahir des villes, de tuer des princes, d'exterminer des peuples entiers, pour cela seul qu'ils ne suivent pas leurs opinions.' *Les Passions de l'Ame*, in *Œuvres de Descartes*, vol. iv. pp. 194, 195.

[227], что особенно очевидно в его длинной главе, озаглавленной 'Апология Раймона Себонда'. *Essais de Montaigne*, livre ii. глава xii. Париж, 1843, стр. 270-382, и см. *Теннеманн, Gesch. der Philos.* vol. ix. p. 455.

[228] He very clearly separates himself from men like Montaigne: 'Non que j'imitasse pour cela les sceptiques, qui ne doutent que pour douter, et affectent d'être toujours irrésolus; car, au contraire, tout mon dessein ne tendoit qu'à m'assurer, et à rejeter la terre mouvante et le sable pour trouver le roc ou l'argile.' *Discours de la Méthode*, in *Œuvres de Descartes*, vol. i. pp. 153, 154.

[229] Согласно точке зрения Декарта, это следовало игнорировать, а не отрицать. В его работах нельзя найти ни одного примера отрицания существования внешнего мира; и отрывок,

процитированный у него м-ром Жобером (*Новая система философии*. том ii. стр. 161, 162, Июнь 1849 г.), никоим образом не оправдывает интерпретацию этого гениального писателя, который путает достоверность в обычном смысле слова с достоверностью в картезианском смысле. Подобную ошибку допускают те, кто полагает, что его 'Je pense, donc je suis' - энтимема; и, приняв это как должное, они набрасываются на великого философа и обвиняют его в том, что он напрашивается на вопрос! Такие критики упускают из виду разницу между логическим процессом и психологическим; и поэтому они не видят, что это знаменитое предложение было описанием ментального факта, а не утверждением искаженного силлогизма. Изучающий философию Декарта должен всегда проводить различие между этими двумя процессами и помнить, что каждый процесс имеет свойственный ему порядок доказательства; или, во всяком случае, он должен помнить, что таково было мнение Декарта. Сравните, исходя из декартовой энтимемы, Кузена, *Hist. de la Philos.* I. série, vol. iv. pp. 512, 513, with a note in *Kritik der reinen Vernunft*, Kant's Werke, vol. ii. pp. 323, 324.

[230] *Размышления*, в *Трудах Декарта*, т. i. стр. 220, 226; и снова в *Возражениях и ответах*, *Трудах*, т. ii. стр. 245, 246.

[231] 'Au lieu que, lorsque nous tâchons à connoître plus distinctement notre nature, nous pouvons voir que notre âme, en tant qu'elle est une substance distincte du corps, ne nous est connue que par cela seul qu'elle pense.' *Œuvres de Descartes*, vol. iv. p. 432. Compare vol. iii. p. 96, *Principes de la Philosophie*, part i. sec. 53.

[232] 'En sorte qu'il me seroit bien plus aisé de croire que l'âme cesseroit d'être quand on dit qu'elle cesse de penser, que non pas de concevoir qu'elle soit sans pensée.' *Œuvres de Descartes*, vol. viii. c. 574. То, что "душа всегда мыслит", - это вывод, к которому также пришел Беркли с помощью другого процесса. Смотрите его тонкий аргумент, *Принципы человеческого познания*, часть i, раздел 98, в *Работах Беркли*, том i, стр. 123; а любопытное применение этого к теории сновидений см. *Бурдаха*, *Физиологию науки наблюдения*, том v. стр. 205, 230.

[233] *Труды Декарта*, том i. стр. 251, 252, 279, 293, том ii. стр. 252, 283.

[234] Там же. том i, стр. 419; и на стр. 420: 'Или о том, как завершить процесс проявления того, что существует'. См. также стр. 159-162, 280, 290, 291. But the simplest statement is in a letter to Mersenne (vol. viii. p. 529): 'J'ai tiré la preuve de l'existence de Dieu de l'idée que je trouve en moi d'un être souverainement parfait.'

[235] 'Ainsi, quoique, de ce que je suis, je conclue avec certitude que Dieu est, je ne puis réciproquement affirmer, de ce que Dieu est, que j'existe.' *Règles pour la Direction de l'Esprit*, in *Œuvres*, vol. xi. p. 274. См. также *Принципы философии*, часть i. раздел 7, том iii. стр. 66.

[236] Об этом знаменитом аргументе, который, как говорят, также был выдвинут Ансельмом, см. *"Жизнь короля Локка"*, том ii. стр. 133; Бенедиктинец *Hist. Lit. de la Francs*, том ix. стр. 417, 418; Экклз *Мосхейма*. *Hist.* vol. i. p. 239; и *Интеллект Кадворта*. *Система*. том iii. стр. 383.

[237] 'Et certes jamais les hommes ne pourroient s'éloigner de la vraie connoissance de cette nature divine, s'ils vouloient seulement porter leur attention sur l'idée qu'ils ont de l'être souverainement parfait. Mais ceux qui mêlent quelques autres idées avec celle-là composent par ce moyen un dieu chimérique, en la nature duquel il y a des choses qui se contrarient; et, après l'avoir ainsi composé, ce

н'ест pas merveille s'ils nient qu'un tel dieu, qui leur est représenté par une fausse idée, existe.' *Œuvres de Descartes*, vol. i. pp. 423, 424.

[238] На это деликатно, но ясно указано в умелом письме Арно, напечатанном в *Трудах Декарта*, т. ii. стр. 1-36: см., в частности, стр. 31, 34. And Duclos bluntly says: 'Si, depuis la révolution que Descartes a commencée, les théologiens se sont éloignés des philosophes, c'est que ceux-ci ont paru ne pas respecter infiniment les théologiens. Une philosophie qui prenoit pour base le doute et l'examen devoit les effaroucher.' *Duclos, Mémoires*, vol. i. p. 109.

[239] Об отношении картезианской философии к доктрине пресуществования сравните *Трактат Палмера о Церкви*, том ii. стр. 169, 170, с литературой Халлама. *Европы*, т. ii. стр. 453; и замечание, приписываемое Гоббсу, в "*Письмах и жизнях*" Обри, т. ii. стр. 626. Но Гоббс, если он действительно сделал это наблюдение, не имел права ожидать, что Декарт станет мучеником.

[240] 'Le caractère de la philosophie du moyen âge est la soumission à une autorité autre que la raison. La philosophie moderne ne reconnaît que l'autorité de la raison. C'est le cartésianisme qui a opéré cette révolution décisive.' Кузен, *Ист. de la Philos.* II. серия, том i. стр. 258, 259.

[241] 'Мы отвергаем всю философию нотр-дама, исследуя причины финала". *Принципы философии*, часть i. раздел 28, в *Трудах Декарта*, том iii. стр. 81. См. Также часть iii. раздел 3, стр. 182; и его ответ Гассенди, в *Трудах*, том ii. стр. 280, 281. Сравни кузена, *Историю. de la Philosophie*, II. série, vol. ii. p. 71, with *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. v. p. 203.

[242] Доктор Уэвелл, например, говорит, что мы должны отвергать конечные причины в неорганических науках, но должны признавать их в органических; что, другими словами, просто означает, что мы знаем об органическом мире меньше, чем о неорганическом, и что, поскольку мы знаем меньше, мы должны больше верить; ибо здесь, как и везде, чем меньше наука, тем больше суеверий. *Философ Уэвелла. из индуктивных наук*, 8 т., 1847, т. i. стр. 620, 627, 628; и его *Hist. из индуктив. Науки*, том iii. стр. 430, 431. Если бы вопрос решался авторитетом, было бы достаточно обратиться к Бэкону и Декарту, двум величайшим авторам философии метода семнадцатого века; и к Огюсту Конту, которого те немногие, кто овладел его *Позитивной философией*, признают величайшим в наше время. Все эти глубокие и всесторонние мыслители отвергали изучение конечных причин, которое, как они ясно видели, является теологическим вторжением в права науки. О вреде, нанесенном этим исследованием, и о том, какую проверку оно поставило на пути развития наших знаний, см. *Робин и Вердейл, Химия Анат.* Париж, 1853, т. i. стр. 489, 493, 494, т. ii. стр. 555; *Ренуар, История. de la Médecine*, vol. i. pp. 232, 237; *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. ii. p. 220; *Geoffroy Saint-Hilaire, Hist. des Anomalies de l'Organisation*, vol. iii. pp. 435, 436; *Herder, Ideen zur Gesch. der Menschheit*, том iii, стр. 270; *Лекции Лоуренса о человеке*, стр. 36; и *Бурдах, Особенности физиологии*, том i, стр. 190.

[243] 'Auf das innigste verbunden mit der Theologie, nicht allein in den katholischen, sondern selbst auch in den protestantischen Ländern.' *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. ix. p. 516. Descartes, in a letter to Mersenne (*Œuvres*, vol. vi. p. 73), writes, in 1629, 'La théologie, laquelle on a tellement assujettie à Aristote, qu'il est impossible d'expliquer une autre philosophie qu'il ne semble d'abord qu'elle soit contre la foi.' Compare vol. vii. p. 344, vol. viii. стр. 281, 497.

[244] Доктор Браун (*Философия разума*, Эдинбург, 1838, стр. 172) называет Декарта 'тем прославленным бунтарем, который, свергнув авторитет Аристотеля' и др. См. также *Дюверне*,

История. de la Sorbonne, vol. ii. p. 192; *Cuvier, Hist. des Sciences*, часть ii. стр. 532; и *Работы Локка*, том iii. стр. 48. Вряд ли мне нужно говорить, что это относится к привычке апеллировать к Аристотелю, как если бы он был непогрешимым, и сильно отличается от того уважения, которое естественно испытывается к человеку, который, вероятно, был величайшим из всех древних мыслителей. Различие между аристотелевской и картезианской системами довольно поспешно затронуто в "Интеллекте" *Кадворта. Система*. том i. стр. 170, 171.

[245] То есть в 1661 году, при Людовике XIV. первым взял на себя управление страной.

[246] М. Barante (*Tableau de la Littérature Française*, pp. 26, 27) notices 'cette indépendance dans les idées, ce jugement audacieux de toutes choses, qu'on remarque dans Corneille, dans Mézéray, dans Balzac, dans Saint-Réal, dans Lamothe-Levayer.' К ним можно добавить Ноде, Патена и, возможно, Гассенди. *Сравнительная литература Халлама. of Europe*, том ii. стр. 364, 365, с "Этической философией" *Макинтоша*. стр. 116 и "Письмами Патена", том i. стр. 297, том ii. стр. 33, 186, 191, 242, 342, 498, 508, т. iii. с. 87.

[247] Рост недоверия был настолько значительным, что породил нелепое утверждение: "Чего можно избежать плюс 50 000 атеистов в Париже в 1623 году". *Baillet, Jugemens des Savans*, Париж, 1722, 4 т. т. i. стр. 185. Байе без труда опровергает это абсурдное утверждение (которое также отмечено в "Литературных остатках" Кольриджа, т. i., стр. 305; где, однако, очевидно, имеет место путаница между двумя разными периодами); но распространение скептицизма среди высших чинов и придворных во время правления Людовика XIII. и меньшинство Людовика XIV подтверждается великим множеством свидетельств. See *Mém. de Madame de Motteville*, vol. iii. p. 52; *Mém. de Retz*, vol. i. p. 266; *Conrart, Mém.* p. 235 note; *Des Réaux, Historiettes*, vol. vii. p. 143; *Mém. de Brienne*, vol. ii. p. 107 note.

[248] Можно было бы написать тома о влиянии Декарта, которое проявлялось не только в предметах, непосредственно связанных с его философией, но даже в тех, которые казались далекими от нее. Compare *Broussais, Examen des Doctrines Médicales*, vol. ii. pp. 55 seq.; *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 153; *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. iv. p. 238; *Cuvier, Hist. des Sciences*, part ii. pp. 327, 332, 352, 363; *Stäudlin, Geschichte der theologischen Wissenschaften*, vol. i. p. 263; *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. x. pp. 285 seq.; *Huetius de Rebus ad eum pertinentibus*, pp. 35, 295, 296, 385–389; *Mosheim's Eccles. История*. том ii. стр. 258; Дасье, *Исторический раппорт*, стр. 334; *Нац. Лесли. Philos.* p. 121; *Eloges*, in *Œuvres de Fontenelle*, Paris, 1766, vol. v. pp. 94, 106, 137, 197, 234, 392, vol. vi. pp. 157, 318, 449; *Thomson's Hist. химии*, том i, стр. 195; *Кера, Французская литература*. том iii, стр. 273.

[249] О связи между Ришелье и Мазарини см. *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiii. стр. 400, 530; и любопытный, хотя, возможно, и апокрифический анекдот в *Tallemant des Réaux, Historiettes*, т. ii. стр. 231, 232. В 1636 году был замечен "троянский союз" между Ришелье и Мазарини. *Le Vassor, Hist. de Louis XIII*, vol. viii. часть ii. стр. 187.

[250] "Мазарини без фанатизма и стремления к совершенству", *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxiv. с. 531. В *Истории Феличе* неохотно признается, что он не преследовал протестантов. о протестантах Франции, стр. 292. См. также "Реформатская религия Смедли во Франции", том iii. стр. 222.

[251] Он подтвердил это в июле 1643 года. См. *Бенуа, Историю. de l'Edit de Nantes*, vol. iii. приложение, стр. 3; и *Синодик Квика в Галлии*, том i, стр. iii.

[252] В 1659 году был собран Лаудонский синод, модератор которого сказал: "Прошло пятнадцать лет с тех пор, как у нас был национальный синод". *Синодикон Квика в Галлии*, том ii. стр. 517.

[253] В Бриенне записано решение короля: 'достойный ответ серому плюс согласие протестантам'. *Sismondi, Histoire des Français*, vol. xxiv. с. 65.

[254] Он был настолько обеспокоен совершенным им грехом, что перед смертью обратился к протестантским маршалам с просьбой изменить их вероисповедание: 'Не вульгарьте маршалам Силы и Шатийона увещевать вас по справедливости католиков'. *Бенуа, Хист. de l'Edit de Nantes*, vol. ii. p. 612. О том же обстоятельстве упоминает Ле Вассор, *Историк. де Людовик XIII*, том x. часть ii. стр. 785.

[255] Людовик XIII. умер в мае 1643 года, а Тюренн был произведен в маршалы в сентябре следующего года. *Lavallée, Hist. des Français*, vol. iii. pp. 148, 151.

[256] Сисмонди (*Hist. des Français*, vol. xxiv. стр. 65) указывает на назначение Гассиона в 1644 году; согласно Монглату (*Воспоминания*, том i, стр. 437), это было в конце 1643 года. Есть несколько необычных анекдотов о Гассионе в "*Истории Талемана де Рео*", т. v., стр. 167-180; и отчет о его смерти в "*Воспоминаниях де Мотвиля*", т. ii. стр. 290, из которого явствует, что он оставался протестантом до последнего.

[257] Папа Римский особенно был оскорблен этим союзом (*Ранке, die Päpste*, том iii, стр. 158, по сравнению с "*Кромвелем*" *Воана*, том i, стр. 343, том ii, стр. 124); и, судя по языку Кларендона, ортодоксальная партия в Англии была раздражена этим. *История Кларендона. о восстании*, стр. 699, 700. Современные упоминания об этом союзе между кардиналом и цареубийцей можно найти в *Записках де Реца*, т. i, с. 349; *Записках де Монглэ*, т. ii, с. 478, т. iii, с. 23; *Письмах Патена*, т. ii, с. 183, 302, 426; *Маршан, Диктант. Historique*, том ii. стр. 56; *Воспоминания сэра Филипа Уорвика*, стр. 377; "*Жизнь Стюартов*" *Харриса*, том iii. стр. 393.

[258] Де Рец (*Мемуары*, том i, стр. 59), знавший Ришелье, называет Мазарини 'сыном-учеником'. And at p. 65 he adds, 'comme il marchoit sur les pas du cardinal de Richelieu, qui avoit achevé de détruire toutes les anciennes maximes de l'état.' Сравните *Мемуары де Мотвиля*, том ii, стр. 18; и *Мемуары де Ларошфуко*, том i, стр. 444.

[259] On the open affront to the Pope by this treaty, see *Ranke, die Päpste*, vol. iii. p. 159: 'An dem pyrenäischen Frieden nahm er auch nicht einmal mehr einen scheinbaren Antheil: man vermied es seine Abgeordneten zuzulassen: kaum wurde seiner noch darin gedacht.' Последствия и смысл всего этого хорошо подмечены М. Ранке.

[260] 'La presse jouissait d'une entière liberté pendant les troubles de la Fronde, et le public prenait un tel intérêt aux débats politiques, que les pamphlets se débitaient quelquefois au nombre de huit et dix mille exemplaires.' *Сент-Олэр, История. de la Fronde*, vol. i. p. 299. Талеман де Рео, писавший сразу после Фронды, говорит (*Historiettes*, т. iv, стр. 74): 'Durant la Fronde, qu'on imprimoit tout'. И Омер Тэлон с негодованием, естественным для магистрата, упоминает, что в 1649 году "сообщения о клевете и диффамации в отношении публичного высокомерия в городе без разрешения магистрата". *Воспоминания Омера Тэллона*, том ii. стр. 466. Дополнительные доказательства огромного значения прессы во Франции в середине семнадцатого века см. в

Мемуарах де Лене, т. i, с. 162; *Мемуарах де Мотвиля*, т. iii, с. 288, 289; *"Письма Патена"*, т. i, с. 432, т. ii, с. 517; *Монтейль, История. des divers Etats*, vol. vii. p. 175.

В Англии Долгий парламент унаследовал разрешительные полномочия Звездной палаты (*Комментарии Блэкстоуна*, том iv, стр. 152); но из литературы того времени очевидно, что в течение значительного периода власть фактически бездействовала. Обе партии свободно нападали друг на друга через прессу; и говорят, что между началом гражданской войны и реставрацией было опубликовано от 30 000 до 50 000 брошюр. *"Феникс Британикус" Моргана*, 1731, 4 т. п. iii. 557; *"Кромвель" Карлайла*, том i, стр. 4; *"Банальная книга" Саути*, третья серия, стр. 449. Смотрите также об этом великом движении прессы, *Отчет Бейтса о последних беспорядках*, часть i. стр. 78; *Мемуары Булстроуда*, стр. 4; *Письма Хауэлла*, стр. 354; *История Ханта. из газет*, том i, стр. 45; *История Кларендона. о восстании*, стр. 81; *Литература Николса. Анекдот*. том iv. Стр. 86, 102.

[261] Дугалд Стюарт (*филос. of the Mind*, том i, стр. 357) говорится: "Ничто не может быть более справедливым, чем наблюдение Фонтенеля о том, что "число тех, кто верит в систему, уже установленную в мире, ни в малейшей степени не повышает ее достоверность; но что число тех, кто сомневается в ней, имеет тенденцию уменьшать ее". Сравните с этим *Newman on Development*, Lond. 1845, стр. 31; и замечание Гиласа в *Работах Беркли*, изд. 1843, том i. стр. 151, 152, первый диалог.

[262] Сравните *"Ришелье" Капефига*, том i, стр. 293, с замечательным отрывком из *"Воспоминаний де Роана"*, том i, стр. 317; где Роан противопоставляет религиозные войны, в которых он участвовал во времена правления Ришелье, тем совершенно иным войнам, которые велись во Франции несколько лет назад. немного раньше.

[263] 'L'esprit religieux ne s'était mêlé en aucune manière aux querelles de la Fronde.' *Capefigue*, vol. ii. p. 434. Лене, имевший большое влияние на так называемую партию принцев, говорит, что он всегда избегал любых попыток 'честно заявить о своей нотр-дамской партии в области религии'. *Mém. de Lenet*, vol. i. p. 619. Даже люди говорили, что неважно, умер человек протестантом или нет; но что если бы он был сторонником Мазарини, то наверняка был бы проклят: "Я дезориентирующий кв'этант Мазарини, я фаллуа, и он будет проклят". *Lenet*, том i, стр. 434.

[264] Действительно, он не скрывает этого даже в своих мемуарах. He says (*Mém.* vol. i. p. 3), he had 'l'âme peut-être la moins ecclésiastique qui fût dans l'univers.' At p. 13, 'le chagrin que ma profession ne laissoit pas de nourrir toujours dans le fonds de mon âme.' At p. 21, 'je haïssois ma profession plus que jamais.' At p. 48, 'le clergé, qui donne toujours l'exemple de la servitude, la prêchoit aux autres sous le titre d'obéissance.' См. также замечание его большого друга Жоли (*Воспоминания де Жоли*, стр. 209, изд. Petitot, 1825); и отчет, приведенный Талеманом де Рео, который хорошо знал Де Реца и путешествовал с ним, *Historiettes*, т. vii. стр. 18-30. Та же тенденция проиллюстрирована, хотя и в гораздо меньшей степени, разговором, который Карл II, находясь в изгнании, имел с Де Рецем и который сохранился в *Истории Кларендона. о восстании*, стр. 806, и к нему стоит обратиться просто как к примеру чисто светского взгляда, которого Де Рец всегда придерживался на политические дела.

[265] 'Cet homme singulier est le premier évêque en France qui ait fait une guerre civile sans avoir la religion pour prétexte.' *Siècle de Louis XIV*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xix. p. 261.

[266] Хукера и Паскаля по праву можно отнести к двум самым возвышенным богословским писателям, которых когда-либо создавали обе страны; ибо Боссюэ настолько же уступает Паскалю, насколько Джереми Тейлор уступает Хукеру.

[267] Один из самых замечательных людей, которыми они когда-либо обладали, замечает эту связь, которую он выражает наоборот, но с такой же правдивостью: "мысли о саите, мысли о дауте; мысли о декуверте, мысли о том, как отдохнуть в декуврире ... Quand les hommes sont ignorans, il est aisé de tout savoir.' *Discours en Sorbonne*, in *Œuvres de Turgot*, vol. ii. pp. 65, 70.

[268] Мазарини до своей смерти в 1661 году осуществлял полную власть над Людовиком. See *Siècle de Louis XIV*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xix. pp. 318, 319; and *Lavallée, Hist. des Français*, vol. iii. p. 195; so that, as Montglat says (*Mém.* vol. iii. p. 111), 'On doit appeler ce temps-là le commencement du règne de Louis XIV.' О помпезной манере, с которой король принял правительство непосредственно после смерти Мазарини, рассказывает присутствовавший при этом Бриенн. *Mém. de Brienne*, vol. ii. pp. 154–158.

[269] Под этим я подразумеваю, что расхождение теперь впервые стало очевидным каждому наблюдателю; но происхождение расхождения относится к гораздо более раннему периоду, как мы увидим в следующей главе.

[270] То есть их практическое признание; теоретически им все еще отказывают бесчисленные политики, которые, тем не менее, помогают претворять их в жизнь, наивно надеясь, что каждое нововведение будет последним, и соблазняя людей на реформы под предлогом того, что каждым изменением они возвращаются к духу древней британской конституции.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ ЗАЩИТНОГО ДУХА И ЕГО СРАВНЕНИЕ Во ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.

Когда к концу пятого века Римская империя распалась, последовал, как хорошо известно, длительный период невежества и преступности, в течение которого даже самые способные умы были погружены в самые грубые суеверия. В те времена, которые справедливо называются Темными веками, духовенство было верховным: оно управляло совестью самых деспотических государей, и их уважали как людей обширной учености, потому что они одни умели читать и писать; потому что они были единственными хранителями тех праздных фантазий, из которых тогда состояла европейская наука; и потому что они хранили легенды о святых и жития отцов церкви, из которых, как считалось, можно было легко почерпнуть учения божественной мудрости.

Такова была деградация европейского интеллекта на протяжении примерно пятисот лет, в течение которых легкоеверие людей достигло высоты, не имеющей аналогов в анналах невежества. Но в конце концов человеческий разум, та божественная искра, которую не в состоянии погасить даже самое коррумпированное общество, начал проявлять свою силу и рассеивать туман, которым он был окружен. Различные обстоятельства, обсуждать которые здесь было бы утомительно, привели к тому, что это рассредоточение произошло в разное

время в разных странах. Однако, говоря в целом, мы можем сказать, что это произошло в десятом и одиннадцатом веках, и что к двенадцатому веку не было ни одной нации, которую сейчас называют цивилизованной, над которой не забрезжил бы свет.

Именно с этого момента началось первое крупное расхождение между европейскими нациями. До этого времени их суеверие было настолько велико и повсеместным, что было бы мало толку измерить степень их относительной темноты. Действительно, они пали так низко, что в более ранний период авторитет духовенства был во многих отношениях преимуществом, поскольку создавал барьер между народом и его правителями и представлял собой единственный пример класса, который хотя бы приблизился к интеллектуальным занятиям. Но когда произошло великое движение, когда человеческий разум начал бунтовать, позиция духовенства внезапно изменилась. Они были дружелюбны к рассуждениям до тех пор, пока рассуждения были на их стороне.^[271] Хотя они были единственными хранителями знаний, они стремились продвигать их интересы. Теперь, однако, она выпадала из их рук: ею овладевали непрофессионалы; она становилась опасной: ее необходимо было уменьшить до надлежащих размеров. Тогда-то впервые и стали повсеместными инквизиции, тюремные заключения, пытки, сожжения и все другие ухищрения, с помощью которых церковь тщетно пыталась остановить волну, обернувшуюся против нее.^[272] С того момента между этими двумя великими партиями — сторонниками исследования и защитниками веры — идет непрекращающаяся борьба: борьба, которая, как бы она ни маскировалась и в каких бы формах ни проявлялась, в основе своей всегда одна и та же и представляет противоположные интересы разума и веры, скептицизма и легковерия, прогресса и реакции, тех, кто надеется на будущее, и тех, кто цепляется за прошлое.

Таким образом, это великая отправная точка современной цивилизации. С того момента, как этот разум начал, пусть и слабо, утверждать свое превосходство, совершенствование каждого народа зависело от их повиновения его диктату и от успеха, с которым они приводили к его стандарту все свои действия. Следовательно, чтобы понять первоначальное расхождение Франции и Англии, мы должны искать его в обстоятельствах, имевших место, когда это, что можно назвать великим бунтом интеллекта, впервые было ясно замечено.

Если теперь, с целью такого исследования, мы обратимся к истории Европы, мы обнаружим, что как раз в этот период возникла феодальная система: обширная схема государственного устройства, которая, какой бы неуклюжей и несовершенной она ни была, удовлетворяла многие потребности грубых людей, среди которых она возникла.^[273] Связь между этим и упадком церковного духа очень очевидна. Ибо феодальная система была первым великим светским планом, который был замечен в Европе со времени формирования гражданского права: это была первая всеобъемлющая попытка, предпринятая за более чем четыреста лет, организовать общество в соответствии со светскими, а не духовными обстоятельствами, при этом основой всего устройства было просто владение землей и выполнение определенных военных и денежных услуг.^[274]

Это был, без сомнения, великий шаг в европейской цивилизации, потому что он подал первый пример крупного государственного устройства, в котором духовным классам как таковым не было признанного места;^[275] и отсюда последовала та борьба между феодализмом и церковью, которая была отмечена несколькими авторами, но происхождение которой странным образом упускалось из виду. Что, однако, мы должны сейчас заметить, так это то, что с

установлением феодальной системы дух защиты не только не был уничтожен, но, вероятно, даже не ослабел, а лишь принял новую форму. Вместо того, чтобы быть духовной, она стала мирской. Вместо того, чтобы люди равнялись на церковь, они равнялись на дворян. Ибо, как необходимое следствие этого обширного движения, или, скорее, как его часть, крупные землевладельцы теперь организовывались в наследственную аристократию.^[276] В десятом веке мы находим первые фамилии:^[277] к одиннадцатому веку большинство великих должностей стали передаваться по наследству в ведущих семьях:^[278] а в двенадцатом веке были изобретены гербы, а также другие геральдические знаки, которые долгое время питали тщеславие знати и ценились их потомками как знаки того превосходства по происхождению, которому на протяжении многих веков подчинялось все остальное превосходство.^[279]

Таково было начало европейской аристократии в том смысле, в каком это слово обычно используется. С укреплением своей власти феодализм стал, применительно к организации общества, преемником церкви;^[280] и дворяне, став наследственными, постепенно вытеснили в правительстве и в общих властных функциях духовенство, среди которого теперь прочно утвердился противоположный принцип безбрачия.^[281] Следовательно, очевидно, что исследование происхождения современного духа-покровителя в значительной степени сводится к исследованию происхождения аристократической власти; поскольку эта власть была выразителем и, так сказать, прикрытием, под которым дух проявлял себя. Это, как мы увидим позже, также связано с великим религиозным восстанием шестнадцатого века; успех которого в основном зависел от слабости защитного принципа, противостоявшего ему. Но, оставляя это для дальнейшего рассмотрения, я сейчас попытаюсь проследить некоторые обстоятельства, которые дали аристократии больше власти во Франции, чем в Англии, и, таким образом, приучили французов к более тесному и постоянному повиновению и вселили в них дух более почтительный, чем тот, который был обычным в нашей стране.

Вскоре после середины XI века, когда аристократия находилась в процессе формирования, Англия была завоевана герцогом Нормандским, который, естественно, ввел государственное устройство, существующее в его собственной стране.^[282] Но в его руках она претерпела модификацию, соответствующую новым обстоятельствам, в которые он попал. Он, находясь в чужой стране, генерал успешной армии, частично состоявшей из наемников,^[283] смог отказаться от некоторых из тех феодальных обычаев, которые были обычными во Франции. Знатные нормандские лорды, оказавшиеся чужаками среди враждебно настроенного населения, были рады принять поместья от короны практически на любых условиях, которые гарантировали бы их собственную безопасность. Этим, естественно, воспользовался Вильгельм. Ибо, предоставив баронства на благоприятных для короны условиях, он помешал баронам^[284] обладать той властью, которой они пользовались во Франции, и которой, если бы не это, они пользовались бы в Англии. Результатом было то, что самые могущественные из наших дворян стали подчиняться закону или, во всяком случае, власти короля.^[285] Действительно, это было доведено до такой степени, что Вильгельм незадолго до своей смерти обязал всех землевладельцев присягнуть ему на верность; таким образом, полностью пренебрегая той особенностью феодализма, согласно которой каждый вассал отдельно зависел от своего сеньора.^[286]

Но во Франции ход дел был совсем другим. В этой стране знатные люди владели своими землями не столько по дарению, сколько по рецепту.^[287] Таким образом, их правам придавался характер древности, что, в сочетании со слабостью короны, позволяло им

осуществлять в своих собственных поместьях все функции независимых суверенов.[288] Даже когда они подверглись своему первому серьезному испытанию при Филиппе Августе,[289] они, в его правление, и действительно, долгое время после, обладали властью, совершенно неизвестной в Англии. Итак, приведу только два примера: право чеканки денег, которое всегда считалось атрибутом суверенитета, никогда не допускалось в Англии даже самым знатным людям.[290] Но во Франции оно осуществлялось многими лицами независимо от короны и не было отменено до шестнадцатого века.[291] Аналогичное замечание справедливо в отношении того, что называлось правом частной войны; в силу которого дворянам разрешалось нападать друг на друга и нарушать мир в стране, ведя свои частные распри. В Англии аристократия никогда не была достаточно сильна, чтобы признать это правом,[292] хотя они слишком часто пользовались этим как практикой. Но во Франции это стало частью установленного закона; это было включено в учебники феодализма, и это отчетливо признано Людовиком IX и Филиппом Красивым - двумя королями значительной энергии, которые делали все, что было в их силах, чтобы ограничить огромную власть знати.[293]

Из этого различия между аристократической властью Франции и Англии вытекало множество последствий огромной важности. В нашей стране дворяне, будучи слишком слабыми, чтобы бороться с короной, были вынуждены в целях самозащиты вступить в союз с народом.[294] Примерно через сто лет после Завоевания норманны и саксы объединились; и обе стороны объединились против короля, чтобы отстоять свои общие права.[295] Великая хартия вольностей, от которой Иоанн был вынужден уступить, содержала уступки аристократии; но ее наиболее важными положениями были положения в пользу "всех классов свободных людей".[296] В течение полувека вспыхивали новые распри; бароны снова были связаны с народом, и снова следовали те же результаты — расширение народных привилегий каждый раз было условием и следствием этого необычного союза. Точно так же, когда граф Лестер поднял восстание против Генриха III, он обнаружил, что его собственная партия слишком слаба, чтобы выступить против короны. Поэтому он обратился к народу:[297] и именно ему наша Палата общин обязана своим возникновением; поскольку он в 1264 году подал первый пример выдачи предписаний городам и местечкам; таким образом, призвав граждан и горожан занять свое место в том, что до сих пор было парламентом, состоящим исключительно из священников и знати.[298]

Таким образом, английская аристократия была вынуждена из-за своей собственной слабости полагаться на народ,[299] естественно, что народ усвоил тот тон независимости и ту возвышенную осанку, следствием, а не причиной которых являются наши гражданские и политические институты. Именно этому, а не какой-либо причудливой расовой особенности, мы обязаны стойкому и предприимчивому духу, которым издавна отличались жители этого острова. Именно это позволило нам противостоять всем искусствам угнетения и веками сохранять свободы, которыми никогда не обладала ни одна другая нация. И именно это поощряло и поддерживало те великие муниципальные привилегии, которые, каковы бы ни были их недостатки, имеют, по крайней мере, неоценимое достоинство в том, что приучают свободных людей к осуществлению власти, предоставляют гражданам управление их собственным городом и увековечивают идею независимости, сохраняя ее в живом виде и заручившись ее поддержкой интересов и привязанностей отдельных людей.

Но привычки к самоуправлению, которые при этих обстоятельствах культивировались в Англии, при противоположных обстоятельствах были забыты во Франции. Великие французские лорды, будучи слишком могущественными, чтобы нуждаться в народе, не желали искать с ним союза.[300] Результатом стало то, что при огромном разнообразии форм и названий общество на самом деле было разделено только на два класса — высший и низший, защитников и оберегаемых. И, глядя на свирепость господствующих нравов, не будет преувеличением сказать, что во Франции при феодальной системе каждый человек был либо тираном, либо рабом. Действительно, в большинстве случаев эти два персонажа сочетались в одном и том же человеке. Ибо практика субинфеодации, которая в нашей стране активно пресекалась, стала во Франции почти повсеместной.[301] Таким образом, великие лорды, предоставив земли при условии верности и других услуг определенным лицам, эти последние подарили их; то есть передали их на аналогичных условиях другим лицам, которые также имели право даровать их четвертой стороне, и так далее в бесконечной серии;[302] таким образом, образуется длинная цепочка зависимости и, так сказать, организуется подчинение в систему.[303] С другой стороны, в Англии такие меры были настолько не соответствуют общему положению дел, что сомнительно, чтобы они когда-либо применялись в какой-либо степени; и, во всяком случае, несомненно, что в правление Эдуарда I. они были окончательно прекращены законом, известным юристам как *Quia emptores*. [304]

Таким образом, на раннем этапе между Францией и Англией наметилось большое социальное расхождение. Последствия этого стали еще более очевидными, когда в четырнадцатом веке феодальная система в обеих странах быстро пришла в упадок. Ибо в Англии, где принцип защиты был слабым, люди в какой-то степени привыкли к самоуправлению; и они были способны крепко держаться за те великие учреждения, которые были бы плохо приспособлены к более послушным привычкам французского народа. Наши муниципальные привилегии, права наших йоменов и безопасность наших правообладателей были с четырнадцатого по семнадцатый века тремя наиболее важными гарантиями свобод Англии.[305] Во Франции такие гарантии были невозможны. Реальное разделение происходило между теми, кто был благороден, и теми, кто не был благороден, и не оставалось места для создания промежуточных классов; но все были вынуждены попасть в один из этих двух великих рангов.[306] У французов никогда не было ничего, что отвечало бы нашим требованиям; их законы не признавали правообладателей. И хотя они пытались ввести в своей стране муниципальные институты, все эти усилия были тщетны; ибо, хотя они и копировали формы свободы, им не хватало того смелого и стойкого духа, которым только и можно обеспечить свободу. У них, действительно, было его изображение и надпись; но они хотели священный огонь, который оживлял изображение. Все остальное, чем они обладали. Шоу и инструменты свободы были налицо. Их городам были дарованы хартии, а магистратам - привилегии. Однако все это оказалось бесполезным. Ибо независимость людей может быть сохранена не воском и пергаментом юристов. Такие вещи - всего лишь внешняя сторона; они выгодно подчеркивают свободу; они являются ее одеждой и атрибутами, ее праздничным костюмом во времена мира и покоя. Но когда наступят злые времена, когда начнутся вторжения деспотизма, свободу сохраняют не те, кто может продемонстрировать самые древние деяния и самые крупные хартии, а те, кто больше всего привык к независимости, больше всего привык думать и действовать самостоятельно, и больше всего невзирая на ту коварную защиту, которую высшие классы всегда были так готовы предоставить, что во многих странах они теперь не оставили ничего, ради защиты чего стоило бы беспокоиться.

Так было и во Франции. Города, за немногими исключениями, пали при первом же потрясении, и граждане потеряли те муниципальные привилегии, которые, не будучи привитыми к национальному характеру, оказалось невозможным сохранить. Точно так же в нашей стране власть естественным образом и просто силой демократического движения перешла в руки Палаты общин, авторитет которой с тех пор, несмотря на периодические проверки, продолжал расти за счет более аристократических частей законодательного органа. Единственным институтом, отвечающим этому требованию во Франции, были Генеральные штаты; которые, однако, имели столь малое влияние, что, по мнению местных историков, их вообще вряд ли можно было назвать институтом.^[307] Действительно, французы к тому времени настолько привыкли к идее защиты и к подчинению, которое предполагает эта идея, что они были мало склонны поддерживать учреждение, которое, согласно их конституции, было единственным представителем народной стихии. Результатом стало то, что к четырнадцатому веку свободы англичан были обеспечены;^[308] и с тех пор их единственной заботой было увеличить то, что они уже получили. Но в том же столетии во Франции дух покровительства принял новую форму; власть аристократии в значительной степени сменилась властью короны; и началась та тенденция к централизации, которая, получив дальнейшее развитие сначала при Людовике XIV, а затем при Наполеоне, стала проклятием французского народа.^[309] Ибо благодаря ей феодальные идеи превосходства и подчинения надолго пережили ту варварскую эпоху, к которой только они и подходили. Действительно, благодаря своему переселению они, казалось, обрели новую силу. Во Франции все подчинено одному общему центру, в котором сосредоточены все гражданские функции. Все улучшения любой важности, все планы улучшения даже материального положения людей должны получать санкцию правительства; считается, что местные власти не справляются с такими трудными задачами. Для того чтобы судьи низшего звена не могли злоупотреблять своей властью, они не наделяются никакими полномочиями. Осуществление независимой юрисдикции практически неизвестно. Все, что делается, должно делаться в штабе.^[310] Считается, что правительство все видит, все знает и обеспечивает. Для обеспечения соблюдения этой чудовищной монополии был изобретен механизм, вполне достойный своего замысла. Вся страна покрыта огромным количеством чиновников;^[311] которые в регулярности своей иерархии, и в порядке их убывания образуют замечательную эмблему этого феодального принципа, который перестал быть территориальным, теперь стал личным. На самом деле, вся деятельность государства строится на предположении, что ни один человек не знает своих собственных интересов и не способен позаботиться о себе сам. Правительство питает столь отеческие чувства, столь стремится к благополучию своих подданных, что оно подчинило своей юрисдикции как самые редкие, так и самые обычные действия в жизни. Чтобы французы не могли составлять опрометчивые завещания, оно ограничило право наследования; и из опасения, что они завещают свою собственность неправильно, оно вообще запрещает им завещать большую ее часть. Чтобы общество могло быть защищено своей полицией, оно постановило, что никто не должен путешествовать без паспорта. И когда люди действительно путешествуют, их на каждом шагу встречает тот же самый вмешивающийся дух, который, под предлогом защиты их личности, сковывает их свободу. В другом вопросе, гораздо более серьезном, французы применили тот же принцип. Их стремление защитить общество от преступников таково, что, когда преступник предстает перед коллегией адвокатов одного из их судов, происходит зрелище, которое мы в Англии не могли бы терпеть ни одного часа, и это не пустое хвастовство. Можно видеть, как крупный государственный судья, который собирается судить подсудимого, допрашивает его, чтобы установить его предполагаемую вину, повторно допрашивает его, подвергает

перекрестному допросу, выполняя обязанности не судьи, а прокурора, и применяя против несчастного весь авторитет своего судебного положения, всю свою профессиональную тонкость, весь свой опыт, всю ловкость своего натренированного понимания. Это, пожалуй, самый тревожный из многих примеров, в которых проявляются тенденции французского интеллекта; потому что он предоставляет механизм, готовый к достижению целей абсолютной власти; потому что он подрывает репутацию отправления правосудия, связывая с ним идею несправедливости; и потому что это подрывает тот спокойный и уравновешенный характер, который невозможно полностью поддерживать при системе, которая превращает магистрата в адвоката, а судью - в партизана. Но это, каким бы коварным это ни было, является лишь частью гораздо более масштабной схемы. Ибо к методу, с помощью которого обнаруживаются преступники, добавляется аналогичный метод, с помощью которого предотвращается преступление. С этой точки зрения за людьми, даже во время их обычных развлечений, наблюдают и тщательно контролируют их. Чтобы они не причинили вреда друг другу какой-нибудь внезапной неосторожностью, принимаются меры предосторожности, аналогичные тем, которыми отец мог бы окружить своих детей. На их ярмарках, в их театрах, на их концертах и в других местах общественного отдыха всегда присутствуют солдаты, которых посылают следить за тем, чтобы не было никакого вреда, чтобы не было ненужной давки, чтобы никто не употреблял грубых выражений, чтобы никто не ссорился со своим соседом. Бдительность правительства на этом не заканчивается. Даже образование детей поставлено под контроль государства, вместо того чтобы регулироваться решением учителей или родителей.^[312] И весь план выполнен с такой энергией, что, как французы, пока мужчин никогда не оставляют в покое, так и детей никогда не оставляют в покое.^[313] В то же время, разумно предполагая, что взрослые, которых таким образом содержат в детском возрасте, не могут должным образом разбираться в собственной пище, правительство предусмотрело и это. Его любопытный глаз следит за мясником до развалин, а пекарь - до печи. Его отеческая рука проверяет мясо, чтобы оно не оказалось плохим, и взвешивает хлеб, чтобы он не оказался легким. Короче говоря, не приводя множества примеров, с которыми большинство читателей должно быть знакомо, достаточно сказать, что во Франции, как и во всех странах, где действует принцип защиты, правительство установило монополию наихудшего рода; монополию, которая проникает в бизнес и в сердца людей, следует за ними в их повседневных занятиях, беспокоит их своим мелочным, назойливым духом и, что хуже всего, уменьшает их ответственность перед самими собой; таким образом, лишая их того, что является единственным реальным образованием, которое получает большинство умов, — постоянной необходимости предусматривать будущие непредвиденные обстоятельства и привычки быть осторожными. борется с жизненными трудностями.

Следствием всего этого стало то, что французы, хотя и великий и блистательный народ, — народ, полный отваги, воодушевленный, богатый знаниями и, возможно, менее угнетенный суевериями, чем любой другой в Европе, — всегда считались непригодными для осуществления политической власти. Даже когда они обладали этим, они никогда не могли совместить постоянство со свободой. Одного из этих двух элементов всегда не хватало. У них были свободные правительства, которые не были стабильными. У них были стабильные правительства, которые не были свободными. Из-за своего бесстрашного характера они восстали и, без сомнения, будут продолжать восстать против столь пагубных условий.^[314] Но не нужно быть пророком, чтобы сказать, что, по крайней мере, для нескольких поколений все подобные усилия должны быть безуспешными. Ибо люди никогда не смогут стать свободными,

если их не приучат к свободе. И это не то образование, которое можно найти в школах или получить из книг; но это то, что состоит в самодисциплине, уверенности в себе и самоуправлении. В Англии это вопросы наследственного происхождения — традиционные привычки, которые мы усваиваем в юности и которые регулируют наш образ жизни. Все старые ассоциации французов указывают в другом направлении. При малейших трудностях они обращаются за поддержкой к правительству. То, что у нас - конкуренция, у них - монополия. То, что мы осуществляем с помощью частных компаний, они осуществляют с помощью государственных советов. Они не могут прорыть канал или проложить железную дорогу, не обратившись за помощью к правительству. У них народ смотрит на правителей; у нас правители смотрят на народ. Для них исполнительная власть - это центр, из которого исходит общество;[315] у нас общество является подстрекателем, а исполнительная власть - органом. Разница в результате соответствовала разнице в процессе. Мы стали пригодны для политической власти благодаря долгому осуществлению гражданских прав; они, пренебрегая этим осуществлением, думают, что могут сразу же приступить к власти. Мы всегда проявляли решимость отстаивать наши свободы и, когда наступали подходящие времена, расширять их; и мы делали это с порядочностью и серьезностью, естественными для людей, которым подобные темы давно знакомы. Но французы, к которым всегда относились как к детям, в политических вопросах остаются детьми до сих пор. И поскольку они решали самые серьезные проблемы в том веселом и непостоянном духе, который украшает их более легкую литературу, неудивительно, что они потерпели неудачу в вопросах, где первым условием успеха является то, что люди должны были давно привыкнуть полагаться на свою собственную энергию, и что, прежде чем они испытают свое мастерство в политической борьбе, их ресурсы должны были быть отточены той предварительной дисциплиной, которую никогда не может не привить борьба с трудностями гражданской жизни.

Это одни из соображений, которыми мы должны руководствоваться при оценке вероятных судеб великих стран Европы. Но что нас сейчас больше всего интересует, так это заметить, как противоположные тенденции Франции и Англии долгое время продолжали проявляться в состоянии и обращении с их аристократией; и как из этого естественным образом вытекали некоторые разительные различия между войной, которую вела Фронды, и той, что вел Долгий парламент.

Когда в четырнадцатом веке авторитет французских королей начал быстро расти, политическое влияние знати, конечно, соответственно уменьшилось. Что, однако, доказывает, до какой степени укоренилась их власть, так это несомненный факт, что, несмотря на это неблагоприятное для них обстоятельство, люди так и не смогли освободиться от их контроля.[316] Отношение знати к трону полностью изменилось; то, что они относились к народу, осталось почти таким же. В Англии рабство, или деревенщина, как его мягко называют, быстро пошло на убыль и вымерло к концу шестнадцатого века.[317] Во Франции она просуществовала двести лет и была уничтожена только в ходе той великой революции, в результате которой обладатели несправедливо добытой власти были призваны к столь строгому ответу.[318] Таким же образом, до последних семидесяти лет дворяне во Франции были освобождены от тех обременительных налогов, которые угнетали народ. Подати и барщина были тяжелыми и тяжкими поборами, но они ложились исключительно на людей небогатого происхождения;[319] Французская аристократия, будучи высокой и рыцарской

расой, сочла бы оскорблением своего прославленного происхождения, если бы их облагали налогами в том же размере, что и тех, кого они презирали как своих подчиненных. [320] Действительно, все вызывало это всеобщее презрение. Все было сделано для того, чтобы унижить один класс и возвысить другой. Для знати были зарезервированы лучшие должности в церкви, а также самые важные военные посты. [321] Привилегия поступления в армию в качестве офицеров принадлежала только им; [322] и только они обладали преимущественным правом принадлежать к кавалерии. [323] В то же время, чтобы избежать малейшей возможности путаницы, равная бдительность проявлялась в самых пустяковых вопросах, и принимались меры к тому, чтобы не допустить какого-либо сходства даже в развлечениях двух классов. Дело дошло до того, что во многих частях Франции право иметь вольер или голубятню полностью зависело от ранга человека; и ни один француз, каким бы богатым он ни был, не мог держать голубей, если только он не был дворянином; считалось, что эти развлечения были слишком возвышенными для лиц плебейского происхождения. [324]

Подобные обстоятельства ценны как свидетельство состояния общества, к которому они принадлежат; и их важность станет особенно очевидной, когда мы сравним их с противоположным состоянием Англии.

Ибо в Англии ни эти, ни какие-либо подобные различия никогда не были известны. Дух, представителями которого были наши йомены, копирайтеры и свободные граждане, оказался слишком силен для тех защитных и монополистических принципов, хранителями которых являются аристократия в политике, а духовенство - в религии. И именно успешному противодействию, оказанному этим чувством индивидуальной независимости, мы обязаны двум нашим величайшим национальным деяниям — нашей Реформации в шестнадцатом веке и нашему Восстанию в семнадцатом веке. Однако, прежде чем проследить шаги, предпринятые в этих вопросах, есть еще одна точка зрения, на которую я хотел бы обратить внимание, как на дополнительную иллюстрацию ранних и радикальных различий между Францией и Англией.

В одиннадцатом веке возник знаменитый институт рыцарства, [325] который для нравов был тем же, чем феодализм для политики. Эта связь ясна не только из свидетельств современников, но и из двух общих соображений. Во-первых, рыцарство было настолько аристократичным, что никто не мог даже получить рыцарское звание, если он не был благородного происхождения; [326] и предварительное образование, которое считалось необходимым, проводилось либо в школах, назначенных дворянами, либо в их собственных баронских замках. [327] Во-вторых, это был, по сути, защитный, а вовсе не реформирующий институт. Это было придумано с целью устранения определенных притеснений по мере их возникновения; в этом отношении это противоречит реформаторскому духу, который, будучи скорее средством исправления, чем паллиативом, поражает в корень зла, смиряя класс, от которого исходит зло, оставляя без внимания отдельные случаи, чтобы направить его внимание на общие причины. Но рыцарство, далекое от этого, на самом деле было сплавом аристократической и церковной форм духа защиты. [328] Поскольку, вводя среди дворян принцип рыцарства, которое, будучи личным, никогда не могло быть передано по наследству, оно представляло собой точку, в которой церковная доктрина безбрачия могла слиться с аристократической доктриной наследственного происхождения. [329] Благодаря этой коалиции были достигнуты важные результаты. Именно этому Европа обязана тем орденам, наполовину аристократическим,

наполовину религиозным,[330] Тамплиеры, рыцари Святого Иакова, рыцари Святого Иоанна, рыцари Святого Михаила: учреждения, которые причинили обществу величайшее зло; и члены которых, сочетая аналогичные пороки, оживляли суеверия монахов и разврат солдат. Как естественное следствие, огромное количество благородных рыцарей торжественно поклялись "защищать церковь" - зловещее выражение, значение которого слишком хорошо известно читателям церковной истории.[331] Таким образом, рыцарство, объединившее враждебные принципы безбрачия и благородного происхождения, стало воплощением духа двух классов, к которым принадлежали эти принципы. Следовательно, какую бы пользу ни принесло это учреждение манерам,[332] не может быть никаких сомнений в том, что оно активно способствовало тому, чтобы удерживать мужчин в состоянии ученичества, и остановило развитие общества, продлив срок его младенчества.[333]

В связи с этим очевидно, что независимо от того, смотрим ли мы на непосредственную или отдаленную тенденцию рыцарства, его сила и продолжительность становятся показателем преобладания защитного духа. Если с этой точки зрения мы сравним Францию и Англию, то найдем новое доказательство раннего расхождения этих стран. Турниры, первое открытое проявление рыцарства, имеют французское происхождение.[334] Величайшими и, по сути, единственными двумя великими описателями рыцарства являются Жуанвиль и Фруассар, оба из которых были французами. Баярд, этот знаменитый шевалье, которого всегда считали последним представителем рыцарства, был французом и был убит, сражаясь за Франциска I. И только спустя почти сорок лет после его смерти турниры были окончательно отменены во Франции, последний из которых проводился в 1560 году.[335]

Но в Англии дух защиты был гораздо менее активен, чем во Франции, и мы должны были ожидать, что рыцарство, как его порождение, имело меньшее влияние. И так было на самом деле. Почести, которые оказывались рыцарям, и социальные различия, которыми они отличались от других классов, никогда не были так велики в нашей стране, как во Франции.[336] По мере того, как мужчины становились более свободными, малоуважение, которое они испытывали к таким вопросам, еще больше уменьшалось. В тринадцатом веке, и действительно, в то самое время, когда граждане впервые были возвращены парламенту, главный символ рыцарства приобрел такую дурную славу, что был принят закон, обязывающий определенных лиц принимать рыцарское звание, которое у других народов было одной из высших целей честолюбия.[337] В четырнадцатом веке за этим последовал еще один удар, который лишил рыцарство его исключительно военного характера; этот обычай возник в правление Эдуарда III. о присвоении его судьям в судах общей юрисдикции, превратив таким образом воинский титул в гражданскую честь.[338] Наконец, к концу пятнадцатого века рыцарский дух во Франции, все еще находившийся на пике своего развития, в нашей стране угас, и это пагубное учреждение стало предметом насмешек даже среди самих людей.[339] К этим обстоятельствам мы можем добавить еще два, которые кажутся заслуживающими внимания. Первое заключается в том, что французы, несмотря на их многие замечательные качества, всегда отличались большим личным тщеславием, чем англичане;[340] особенность, частично относящаяся к тем рыцарским традициям, которые даже их случайные республики не смогли разрушить, и которая заставляет их придавать чрезмерное значение внешним отличиям, под которыми я подразумеваю не только одежду и манеры, но и медали, ленты, звезды, кресты и тому подобное, которые мы, более гордые люди, никогда не ценили так высоко. Другое обстоятельство состоит в том, что дуэли с самого начала были более популярны во Франции, чем в Англии; и поскольку этим обычаем мы обязаны рыцарству, разница в этом

отношении между двумя странами обеспечивает еще одно звено в той длинной цепи свидетельств, по которым мы должны оценивать их национальные тенденции.[341]

Старые ассоциации, внешним выражением которых являются эти факты, теперь продолжали действовать со все возрастающей силой. Во Франции дух покровительства, привнесенный в религию, был достаточно силен, чтобы противостоять Реформации и сохранить для духовенства, по крайней мере, формы их древнего господства. В Англии гордость людей и их привычка полагаться на себя позволили им развиться в систему, называемую правом частного суждения, с помощью которой были искоренены некоторые из самых почитаемых традиций; и это, как мы уже видели, быстро сменилось сначала скептицизмом, а затем терпимостью, подготовило путь к тому подчинению церкви государству, в котором мы являемся выдающимися и не имеющими конкурентов среди наций Европы. Та же самая тенденция, действующая в политике, привела к аналогичным результатам. Нашим предкам не составляло труда унижить знать и низвести ее до сравнительного ничтожества. Войны Алой и Белой розы, расколов ведущие семьи на две враждебные группировки, способствовали этому движению;[342] и после правления Эдуарда IV нет ни одного примера, чтобы какой-либо англичанин, даже самого высокого ранга, отважился вести те частные войны, которыми в других странах великие лорды все еще нарушали общественный покой.[343] Когда гражданские распри утихли, тот же дух проявился в политике Генриха VII. и Генриха VIII. Ибо эти князья, какими бы деспотами они ни были, в основном угнетали высшие классы; и даже Генрих VIII, несмотря на свою варварскую жестокость, был любим народом, которому его правление в целом принесло несомненную пользу. Затем пришла Реформация; которая, будучи восстанием человеческого разума, была по сути мятежным движением и, таким образом, усиливая неповиновение людей, посеяла в шестнадцатом веке семена тех великих политических революций, которые в семнадцатом веке вспыхнули почти во всех частях Европы. Связь между этими двумя революционными эпохами представляет большой интерес; но для целей настоящей главы будет достаточно отметить такие события, произошедшие во второй половине XVI века, которые объясняют симпатию между церковным и аристократическим классами и доказывают, как те же обстоятельства, которые были фатальными для одного, также подготовили путь к падению другого.

Когда Елизавета взойшла на английский престол, подавляющее большинство знати было настроено против протестантской религии. Это мы знаем из самых убедительных свидетельств; и даже если бы у нас не было таких свидетельств, общее знакомство с человеческой природой заставило бы нас заподозрить, что так оно и было. Ибо аристократия, в силу самих условий своего существования, должна, как единое целое, всегда испытывать отвращение к инновациям. И это не только потому, что в результате перемен им есть что терять и мало что приобретать, но и потому, что некоторые из их самых приятных эмоций связаны скорее с прошлым, чем с настоящим. В столкновении с реальной жизнью их тщеславие иногда оскорбляется предположениями низших людей; оно часто уязвлено успешной конкуренцией способных людей. Это унижения, ответственность за которые с развитием общества постоянно возрастает. Но в тот момент, когда они обращаются к прошлому, они видят в тех добрых старых временах, которые теперь прошли, много источников утешения. Там они находят период, когда их славе нет равных. Когда они смотрят на свои родословные, четвертования, гербы; когда они думают о чистоте своей крови и древности своих предков — они испытывают утешение, которое должно с лихвой компенсировать любые нынешние неудобства. Тенденция к этому очень очевидна и проявила себя в истории каждой аристократии, которую когда-либо видел мир. Люди, доведшие себя до такой экстравагантности, что верят, будто для них большая честь

иметь одного предка, пришедшего с норманнами, и другого предка, присутствовавшего при первом вторжении в Ирландию, — люди, достигшие такого экстаза фантазии, не склонны останавливаться на достигнутом, но с помощью процесса, знакомого большинству умов, они обобщают свой взгляд; и даже в вопросах, не связанных непосредственно с их славой, они приобретают привычку ассоциировать величие с древностью, и измерять ценность возрастом; таким образом, перенося в прошлое восхищение которые в противном случае они могли бы приберечь на данный момент.

Связь между этими чувствами и теми, которые движут духовенством, очень очевидна. Чем дворяне являются для политики, тем священники являются для религии. Оба класса, постоянно апеллируя к голосу древности, во многом полагаются на традиции и придают большое значение соблюдению устоявшихся обычаев. Оба считают само собой разумеющимся, что старое лучше нового; и что в прежние времена существовали средства для открытия истин, касающихся правительства и теологии, которыми мы, в эти вырождающиеся века, больше не обладаем. И можно добавить, что сходство их функций вытекает из сходства их принципов. Оба в высшей степени защитные, стационарные, или, как их иногда называют, консервативные. Считается, что аристократия защищает государство от революции, а духовенство оберегает церковь от заблуждений. Первые - враги реформаторов; остальные - бич еретиков.

В компетенцию данного Введения не входит рассмотрение того, насколько разумны эти принципы, или выяснение уместности представлений, которые предполагают, что в определенных вопросах огромной важности люди должны оставаться на месте, в то время как во всех других предметах они постоянно продвигаются вперед. Но на что я сейчас, скорее, хотел бы обратить внимание, так это на то, каким образом в царствование Елизаветы два великих консервативных и покровительствующих класса были ослаблены этим масштабным движением, Реформацией, которое, хотя и завершилось в шестнадцатом веке, было подготовлено длинной цепью интеллектуальных предшественников.

Каковы бы ни были предубеждения некоторых, все беспристрастные судьи признают, что протестантская реформация была ни много ни мало, как открытым восстанием. Действительно, простого упоминания о частном суждении, на котором оно было открыто основано, достаточно, чтобы подтвердить этот факт. Установить право частного суждения означало апеллировать от церкви котдельным людям; это означало усилить игру интеллекта каждого человека; это означало проверять мнения священства мнениями мирян; фактически это было восстание ученых против своих учителей, подвластных против своих правителей. И хотя реформированное духовенство, как только оно организовалось в иерархию, несомненно, отказалось от великого принципа, с которого они начинали, и попыталось навязать статьи и каноны собственного изобретения, все же это не должно закрывать нам глаза на достоинства самой Реформации. Тирания Англиканской церкви во время правления Елизаветы, и еще в большей степени во время правления двух ее преемниц, была всего лишь естественным следствием той испорченности, которую власть всегда порождает в тех, кто ею владеет, и это не уменьшает важности движения, с помощью которого власть была первоначально получена. Ибо люди не могли забыть, что, согласно старой теологической теории, Англиканская церковь была раскольническим учреждением и могла защитить себя от обвинения в ереси только путем апелляции к тому частному суждению, исполнению которого она была обязана своим существованием, но права которого ее собственные действия были постоянным нарушением. Было очевидно, что если в религиозных вопросах частное суждение было высшим, то издавать

какие-либо статьи или принимать какие-либо меры, с помощью которых это суждение могло быть связано, становилось высшим духовным преступлением; в то время как, с другой стороны, если право частного суждения не было высшим, Англиканская церковь была виновна в вероотступничестве, поскольку ее основатели, в силу толкования Библии, сделанного их собственным частным суждением, отказались от догматов, которых они придерживались до сих пор, заклеили эти догмы как идолопоклоннические и открыто отказались от своей верности тому, что было до сих пор. на протяжении веков почиталась как католическая и апостольская церковь.

Это была простая альтернатива, которую, действительно, можно было бы оставить вне поля зрения, но от нее нельзя было избавиться, и, несомненно, она никогда не была забыта. Память о великой истине, которую она передает, была сохранена писаниями и учениями пуритан, а также теми привычками мышления, которые естественны для любознательного века. И когда наступила полнота времени, это не преминуло принести свои плоды. Она продолжала медленно давать плоды, и к середине семнадцатого века ее семя пробудилось к жизни, энергии которой ничто не могло противостоять. То самое право на личное суждение, которое громкогласно провозглашали первые реформаторы, теперь было доведено до фатальной степени для тех, кто выступал против него. Это было то, что, будучи перенесено в политику, опрокинуло правительство, а будучи перенесено в религию, опрокинуло церковь.^[344] Ибо бунт и ересь - это всего лишь разные формы одного и того же пренебрежения традицией, одного и того же смелого и независимого духа. И то, и другое носит характер протеста современных идей против старых ассоциаций. Они представляют собой борьбу между чувствами настоящего и памятью о прошлом. Без применения частного суждения такое состязание никогда не могло бы состояться; простая концепция этого не могла бы прийти в умы людей, и они даже не мечтали бы контролировать с помощью своей индивидуальной энергии те злоупотребления, которым подвержены все великие общества. Поэтому в высшей степени естественно, что осуществлению этого суждения противостоят те два могущественных класса, которые в силу своего положения, своих интересов и образа мыслей более, чем кто-либо другой, склонны ценить древность, придерживаться устаревших обычаев и поддерживать институты, которые, выражаясь их любимым языком, были освящены мудростью их отцов.

С этой точки зрения мы можем с большой ясностью увидеть тесную связь, которая существовала между английской знатью и католическим духовенством при восшествии на престол Елизаветы. Несмотря на множество исключений, огромное большинство представителей обоих классов выступало против Реформации, потому что она основывалась на том праве на частное суждение, естественными антагонистами которого они, как защитники старых мнений, были. Все это не может вызывать удивления; это было в порядке вещей и строго соответствовало духу этих двух больших слоев общества. К счастью, однако, для нашей страны трон теперь занимала правительница, которая была готова к чрезвычайным ситуациям и которая, вместо того чтобы уступить двум классам, воспользовалась характером эпохи, чтобы смирить их. Способ, которым это было осуществлено Елизаветой в отношении сначала католического духовенства, а затем протестантского,^[345] образует одну из самых интересных частей нашей истории; и в рассказе о правлении великой королевы я надеюсь рассмотреть ее достаточно подробно. В настоящее время будет достаточно взглянуть на ее политику по отношению к знати — тому другому классу, с которым духовенство по своим интересам, мнениям и связям всегда имело много общего.

Елизавета, вступив на престол, обнаружив, что древние семьи придерживаются древней религии, естественно, призвала на свои советы советников, которые с большей вероятностью поддерживали новшества, свойственные эпохе. Она выбирала мужчин, которые, будучи мало отягощены прошлыми связями, были более склонны отдавать предпочтение нынешним интересам. Два Бэкона, два Сесила, Нолли, Сэдлер, Смит, Трогмортон, Уолсингем были самыми выдающимися государственными деятелями и дипломатами в ее правление; но все они были простолюдниками; только одного она возвела в ранг пэра; и они, конечно, не были чем-то примечательным ни по рангу своих ближайших родственников, ни по известности своих отдаленных предков. Однако они были рекомендованы Елизавете своими большими способностями и решимостью поддерживать религию, которой, естественно, противостояла древняя аристократия. И примечательно, что среди обвинений, которые католики выдвигали против королевы, они насмехались над ней не только за то, что она оставила старую религию, но и за то, что она пренебрегла старой знатью.[\[346\]](#)

Не требуется также большого знакомства с историей того времени, чтобы убедиться в справедливости этого обвинения. Какое бы объяснение мы ни выбрали этому факту, нельзя отрицать, что во время правления Елизаветы существовало открытое и постоянное противостояние между дворянами и исполнительной властью. Восстание 1569 года было, по сути, аристократическим движением; это было восстание знатных семей севера против того, что они считали выскочкой и плебейской администрацией королевы.[\[347\]](#) Злейшим врагом Елизаветы, безусловно, была Мария Шотландская; и интересы Марии публично защищали герцог Норфолк, граф Нортумберленд, граф Уэстморленд и граф Арундел; в то время как есть основания полагать, что ее делу тайно покровительствовал маркиз Нортгемптон, граф Пембрук, граф Дерби, граф Камберленд, граф Шрусбери и граф Сассекс.[\[348\]](#)

Существование такого антагонизма интересов не могло ускользнуть от пронизательности английского правительства. Сесил, который был самым могущественным из министров Елизаветы и руководил делами в течение сорока лет, сделал частью своей работы изучение генеалогий и материальных ресурсов великих семей; и делал он это не из праздного любопытства, а для того, чтобы усилить свой контроль над ними или, как говорит один великий историк, дать им понять, "что он не спускает с них глаз".[\[349\]](#) Сама королева, хотя и слишком любила власть, ни в коем случае не отличалась жестоким нравом; но ей, казалось, доставляло удовольствие унижать дворян. На них тяжело легла ее рука; и едва ли можно найти хоть один пример того, как она прощала их проступки, в то время как нескольких из них она наказала за действия, которые теперь вообще не считались бы проступками. Она всегда не желала признавать их у власти; и бесспорно, что, принимая их за класс, во время ее долгого и процветающего правления к ним относились с необычным неуважением. Действительно, ее политика была настолько четкой, что, когда герцогский орден прекратил свое существование, она отказалась его возобновлять; и ушло из жизни целое поколение, для которого имя герцога было просто вопросом истории, предметом обсуждения антикваров, но которого дела практической жизни не касались.[\[350\]](#) Какими бы ни были другие ее недостатки, в этом вопросе она всегда была последовательна. Хотя она проявляла величайшее стремление окружить трон способными людьми, ее мало заботили те общепринятые различия, которые сильно трогают умы обычных государей. Она не считалась с достоинством ранга; ее даже не заботила чистота крови. Она ценила мужчин не за великолепие их предков, не за длину их родословной, не за величие их титулов. Такие вопросы она оставила своим дегенеративным преемникам, чьему уровню понимания они превосходно соответствовали. Наша великая королева

руководствовалась в своем поведении другим стандартом. Ее большой и мощный интеллект, доведенный до высшей точки размышлениями и изучением, научил ее истинному положению дел и позволил ей увидеть, что для процветания правительства его советники должны быть людьми способными и добродетельными; но что, если эти два условия выполнены, дворяне могут спокойно наслаждаться своим досугом, не обремененные теми государственными заботами, для которых, за несколькими блестящими исключениями, они, естественно, неподходящи из-за множества своих предрассудков и легкомыслия своих занятий.

После смерти Елизаветы была предпринята попытка, сначала Яковом, а затем Карлом, возродить власть двух великих защитных классов - знати и духовенства. Но политика Елизаветы так замечательно подкреплялась общим настроением эпохи, что Стюартам оказалось невозможным осуществить свои коварные планы. Осуществление частного суждения, как в религии, так и в политике, стало настолько привычным, что эти князья были не в состоянии подчинить его своей воле. И поскольку Карл I с непостижимой слепотой и упрямством, еще большим, чем у его отца, упорствовал в принятии наихудших форм устаревших теорий защиты и пытался навязать схему правления, которую люди из-за своей растущей независимости были полны решимости отвергнуть, неизбежно возникло то памятное столкновение, которое хорошо назвать Великим восстанием Англии.^[351] Аналогия между этим Восстанием и протестантской реформацией я уже заметил; но то, что мы должны рассмотреть сейчас и что я попытаюсь проследить в следующей главе, - это природа различия между нашим Восстанием и теми современными войнами Фронды, на которые оно было в некоторых отношениях очень похоже.

Сноски:

^[271] 'Toute influence qu'on accordait à la science ne pouvait, dans les premiers temps, qu'être favorable au clergé.' Meyer, *Institut. Судебный процесс*. том i, стр. 498.

^[272] В начале одиннадцатого века духовенство впервые начало систематически подавлять независимые исследования, наказывая людей, которые пытались мыслить самостоятельно. Сравните *Сисмонди, Hist. des Français*, vol. iv. pp. 145, 146; *Neander's Hist. о Церкви*, том vi. стр. 365, 366; *История Фердинанда и Изабеллы Прескотта*, том i. стр. 261 примечание. Before this, such a policy, as Sismondi justly observes, was not required: 'Pendant plusieurs siècles, l'église n'avoit été troublée par aucune hérésie; l'ignorance étoit trop complète la soumission trop servile, la foi trop aveugle, pour que les questions qui avoient si long-temps exercé la subtilité des Grecs fussent seulement comprises par les Latins.' По мере развития знаний противостояние между исследованием и верой становилось все более заметным: церковь удвоила свои усилия, и в конце двенадцатого века папы впервые официально призвали светскую власть наказывать еретиков; и самая ранняя конституция, адресованная "inquisitoribus hereticae pravitatis", - это конституция Александра IV. Мейер, *Инст. Иуд.* том ii. стр. 554, 556. Смотри также об этом движении, *Льоренте, История. расследование*, том i, стр. 125, том iv, стр. 284. В 1222 году синод, собравшийся в Оксфорде, приказал сжечь отступника; и это, говорит Лингард (*Hist. of England*, том ii, стр. 148), 'это, я полагаю, первый случай смертной казни в Англии на основании религии'. Сравните *биографию Райта. Брит. лит.* том ii. стр. 444.

^[273] Сэр Ф. Пэлгрейв (*Английское содружество*, том ii, стр. ccvi.) говорит: "лучшие авторитеты, как правило, признают, что примерно с XI века бенефиции приобрели название феодальных

владений"; и Робертсон (*Государство Европа*, примечание viii. в *Работах*, стр. 393) предполагает, что слово *feudum* встречается не ранее 1008 года. But according to M. Guizot (*Civilisation en France*, vol. iii. p. 238), 'il apparaît, pour la première fois, dans une charte de Charles le Gros en 884.' Это вопрос скорее любопытный, чем важный; поскольку, каким бы ни было происхождение слова, несомненно, что эта вещь не существовала и не могла существовать самое раннее до десятого века, поскольку крайняя дезорганизация общества сделала невозможным столь принудительный институт. М. Гизо, в другой работе (*"Очерки истории". de France*, p. 239), rightly says, 'Au Xe siècle seulement, les rapports et les pouvoirs sociaux acquièrent quelque fixité.' См. также его *"Цивилизация в Европе"*, стр. 90.

[274] 'La terre est tout dans ce système.... Le système féodal est comme une religion de la terre.' *Origines du Droit*, in *Œuvres de Michelet*, vol. ii. p. 302. 'Le caractère de la féodalité, c'était la prédominance de la réalité sur la personnalité, de la terre sur l'homme.' *Eschbach, Etude du Droit*, p. 256.

[275] Согласно социальному и политическому устройству с четвертого по десятый век, духовенство было настолько обособленным классом, что они были освобождены от 'бремени государства' и не были обязаны проходить военную службу, если только не считали это уместным. Посмотрите *биографию Неандера. о Церкви*, т. iii. стр. 195, т. v. стр. 133, 140; и *"Экклезиаст" Петри. Арх.* с. 382. Но при феодальной системе этот иммунитет был утрачен; и в отношении оказания услуг не допускалось разделения на классы. 'После установления феодального строя мы не находим, чтобы существовало какое-либо разрешение для церковных феодальных владений'. *Дополнительные примечания Халлама*, стр. 120; и для дальнейшего доказательства утраты старых привилегий сравните *"Военные древности"* Гроуза, том i, стр. 5, 64; *Мейер, Institutum. Judic.* том i, стр. 257; *История Тернера. of England*, vol. iv. p. 462; and *Mably's Observations*, vol. i. pp. 434, 435: so that, as this writer says, p. 215, 'Chaque seigneur laïc avait gagné personnellement à la révolution qui forma le gouvernement féodal; mais les évêques et les abbés, en devenant souverains dans leurs terres, perdirent au contraire beaucoup de leur pouvoir et de leur dignité.'

[276] Великие перемены, связанные с превращением пожизненного владения землей в наследственное владение, начались в конце девятого века, начавшись во Франции капитулярием Карла Лысого в 877 году. См. *Аллена о прерогативе*, стр. 210; *"Происхождение законов Европы"* Спенса, стр. 282, 301; *Мейер, Institutum. Judiciaires*, vol. i. p. 206.

[277] О том, что фамилии впервые возникли в десятом веке, заявляют наиболее компетентные органы. См. *Сисмонди, Hist. de Français*, том iii. стр. 452-455; *Средние века Халлама*, том i. стр. 138; *Монтейль, История. des divers Etats*, vol. iii. p. 268; *Petrie's Ecclesiast. Arxum.* с. 277, 342. Кох (*Таблица революций*, том i, стр. 138) ошибочно говорит: "это место на кружаде в Европе, где пользуются фамилиями семьи"; двойная ошибка, как в отношении даты, так и причины, поскольку введение фамилий, являясь частью большого общественного движения, ни при каких обстоятельствах не может быть отнесено к одному событию.

[278] Об этом процессе с конца девятого по двенадцатый век сравните *Дополнительные примечания Халлама*, стр. 97, 98; *История феодальной собственности Далримпла*, стр. 21; *Климат, История. du Droit*, vol. i. p. 74.

[279] Что касается происхождения гербов, которое не может быть прослежено выше двенадцатого века, см. *Средние века Халлама*, том i. стр. 138, 139; *Ледвич, Древности Ирландии*, стр. 231, 232; *Происхождение права, в работах де Мишле*, том ii. стр. 382.

[280] Ибо, как говорит Лерминия (*Philos. du Droit*, vol. i. p. 17), "Любовь феодальная, и никто не избрал для себя земли, где царит суверенитет". Об упадке церкви вследствие усиления феодального и светского духа см. *Сисмонди, Hist. des Français*, vol. iii. p. 440, vol. iv. p. 88. В нашей собственной стране можно упомянуть один факт, свидетельствующий о самых ранних посягательствах мирян, а именно, что до XII века мы не находим в Англии ни одного примера, когда большая печать была бы доверена 'на хранение мирянину'. *Канцлеры Кэмпбелла*, том i, стр. 61.

[281] Безбрачие, из-за его предполагаемой аскетической тенденции, пропагандировалось и в некоторых странах насаждалось в ранний период; но первое общее и решительное движение в его пользу произошло в середине одиннадцатого века, до этого времени это была спекулятивная доктрина, которой постоянно не подчинялись. Посмотрите *биографию Неандера. о Церкви*, том vi. стр. 52, 61, 62, 72, 93, 94 примечание, том vii. стр. 127-131; *Экклз Мосхайма. История*. том i. стр. 248, 249; *Английский антик Экклстона*. стр. 95.

[282] Where it was particularly flourishing: 'la féodalité fut organisée en Normandie plus fortement et plus systématiquement que partout ailleurs en France.' *Klimrath, Travaux sur l'Hist. du Droit*, vol. i. p. 130. 'Кутум де Нормандия' в гораздо более поздний период можно было найти только в старом 'гранд кутумье'. *Климрат*, том ii. стр. 160. О том особом упорстве, с которым норманны цеплялись за него, см. "*Письма Агессо*", том ii. стр. 225, 226: "Снаряжение в отношении кутузовской комедии".

[283] *История Миллса. о рыцарстве*, том i, стр. 387; *История Тернера. из Англии*, том ii. стр. 390, том iv. стр. 76. Наемные войска также использовались его непосредственными преемниками. *Военный сборник Гроуза*. том i, стр. 55.

[284] О различных значениях, придаваемых слову "барон", сравните *Klimrath, Hist. право*, том ii. стр. 40, совместно с *Мейером, Институт. Judiciaires*, vol. i. p. 105. But M. Guizot says, what seems most likely, 'il est probable que ce nom fut commun originairement à tous les vassaux immédiats de la couronne, liés au roi per servitium militare, par le service de chevalier.' *Essais*, p. 265.

[285] *Мейер, Институт. Судебный процесс*. том i. с. 242; *История Тернера. of England*, том iii. стр. 220. Той же политики сокращения дворянства придерживался Генрих II., который разрушил баронские замки. *Тернер*, том iv. стр. 223. Сравните *Лингарда*, том i. стр. 315, 371.

[286] 'Deinde cœpit homagia hominum totius Angliæ, et juramentum fidelitatis cujuscumque essent feodi vel tenementi.' *Matthæi Westmonast. Исторический музей Флореса*, том ii. стр. 9.

[287] Смотрите несколько хороших замечаний об этом различии между французской и английской знатью в "*Средних веках*" *Халлама*, том ii. стр. 99, 100. Mably (*Observations*, vol. i. p. 60) says: 'en effet, on négligea, sur la fin de la première race, de conserver les titres primordiaux de ses possessions.' Что касается старого обычного французского давностного права, см. *Жиро, Краткое изложение старинного права*, стр. 79, 80.

[288] *Mably, наблюдения соответствуют действительности. де Франс*, том i. стр. 70, 162, 178.

[289] О политике Филиппа Августа в отношении знати см. *Мэбли, Наблюдения*, том i, стр. 246; *Лерминье, Философ. du Droit*, vol. i. p. 265; *Boulainvilliers, Hist. de l'Ancien Gouvernement*, vol. iii. pp. 147–150; *Guizot, Civilisation en France*, vol. iv. pp. 134, 135; *Courson, Hist. des Peuples Brétons*, Paris, 1846, vol. ii. p. 350.

[290] 'Ни один подданный никогда не пользовался правом чеканки серебра в Англии без королевской печати и надзора; замечательное доказательство сдержанности, которой всегда придерживалась феодальная аристократия в этой стране'. *Средние века Халлама*, том i, стр. 154.

[291] *Политика Брозма. Философ.* 1849, том i, стр. 446. В дополнение к приведенным там доказательствам права чеканки монет, см. *Наблюдения Мэбли*, т. i. стр. 424, т. ii. стр. 296, 297; и *"Нормандия" Тернера*, т. ii. стр. 261.

[292] *Дополнительные примечания Халлама*, стр. 304, 305.

[293] Закон о военном праве Сен-Луи.... Philippe le Bel, qui voulut l'abolir, finit par le rétablir.' *Montlosier, Monarchie Française*, vol. i. pp. 127, 202: see also pp. 434, 435, and vol. ii. pp. 435, 436. Mably (*Observations*, vol. ii. p. 338) mentions 'lettres-patentes de Philippe-de-Valois du 8 février 1330, pour permettre dans le duché d'Aquitaine les guerres privées,' &c.; and he adds, 'le 9 avril 1353 le roi Jean renouvelle l'ordonnance de S. Louis, nommée la quarantaine du roi, touchant les guerres privées.'

[294] Сэр Фрэнсис Пэлгрейв (в своей книге *"Возвышение и прогресс Английского Содружества"*, т. i, стр. 51-55) попытался оценить результаты нормандского завоевания; но он не обращает внимания на это, что было самым важным следствием из всех.

[295] Об этом политическом союзе между нормандскими баронами и саксонскими гражданами, первое четкое указание на который относится к концу двенадцатого века, сравните *"Канцлеры Кэмпбелла"*, том i, стр. 113, с *"Политикой" Брозма. Филос.* т. i. с. 339, т. iii. с. 222.

Что касается общего вопроса об объединении рас, то у нас есть три различных вида доказательств:

1. Ближе к концу двенадцатого века начал формироваться новый язык путем смешения нормандского с саксонским; а английская литература, собственно так называемая, датируется началом тринадцатого века. Сравните *Предисловие Мэддена к "Лайамону"*, 1847, том i, стр. xx. xxi., с *Историей Тернера. из Англии*, том. viii. стр. 214, 217, 436, 437.

2-й. У нас есть конкретное заявление писателя времен правления Генриха II., что "sic permixtæ sunt nationes ut vix discovery possit hodie, свободный язык, англичанин, норманец сидят генералом". *Примечание в "Средних веках" Халлама*, том ii. стр. 106.

3. До конца XIII века различия в одежде, которые при том состоянии общества пережили бы многие другие различия, больше не наблюдались, и отличительные особенности нормандской и саксонской одежды исчезли. См. *Взгляд Стратта на одежду и привычки жителей Англии*, том ii. стр. 67, правка. Планше, 1842, 4 года.

[296] 'Особую красоту хартии составляет равное распределение гражданских прав между всеми классами свободных людей'. *Средние века Халлама*, том ii. стр. 108. Это очень тонко подмечено в одной из замечательных речей лорда Чатема. *Часть. История*. том xvi. стр. 662.

[297] Сравнить *Мейера, Институт. Judic.* том ii. стр. 39, с книгой *Лингарда "Англия"*, том ii. стр. 127, и *"Трактаты Сомерса"*, том vi. стр. 92.

[298] 'Его следует чтить как основателя представительной системы правления в этой стране'. *Главные судьи Кэмпбелла*, том i, стр. 61. Некоторые авторы (см., Например, *"Историю феодальной собственности" Далримпла*, стр. 332) предполагают, что граждане были призваны до правления Генриха III.: но это утверждение не только не подкреплено доказательствами, но и само по себе маловероятно; потому что в ранний период граждане, хотя и быстро набирали силу, вряд ли были достаточно важны, чтобы оправдать такой шаг. Лучшие авторитеты в настоящее время согласились отнести возникновение Палаты общин к периоду, упомянутому в тексте. См. *Дополнение Халлама, Примечания*, стр. 335-339; *"Происхождение законов Европы"* Спенса, стр. 512; *"Канцлеры Кэмпбелла"*, т. i, стр. 155; *"Англия"* Лингарда, т. ii, стр. 138; *"Очерки" Гизо*, стр. 319. Идея проследить это до виттенагемота так же абсурдна, как искать происхождение присяжных в системе арбитров; и то, и другое было излюбленной ошибкой в семнадцатом и даже в восемнадцатом веке. Что касается виттенагемотов, то эта идея все еще сохраняется среди антикваров; но что касается арбитров, то даже они отказались от своих старых позиций, и теперь хорошо известно, что суд присяжных существовал лишь спустя долгое время после Завоевания. Сравните *книгу Пэлгрейва "Английское содружество"*, часть i, стр. 243 и далее, с книгой *Мейера, Instit. Судебный процесс*. том ii. стр. 152-173. В нашей истории мало что было столь иррациональным, как восхищение, выраженное определенным классом писателей институтами наших варварских англосаксонских предков.

[299] Монлозье, с тонким духом французского дворянина, насмехается над английской аристократией следующими словами: "Во Франции благородство, атака без потерь, ты защищаешься без потерь". Elle a subi l'oppression; elle ne l'a point acceptée. En Angleterre, elle a couru dès la première commotion, se réfugier dans les rangs des bourgeois, et sous leur protection. Elle a abdiqué ainsi son existence.' *Montlosier, Monarchie Française*, vol. iii. p. 162. Сравните поучительный отрывок из *книги Де Сталь, Consid. sur la Révolution*, vol. i. p. 421.

[300] Смотрите несколько хороших замечаний в *Mably, Observations sur l'Hist. de France*, vol. iii. pp. 114, 115.

[301] *Средние века Халлама*, том i, стр. 111.

[302] 'Изначально не было ограничений на субинфекцию'. *Политика Броэма. Философ*. т. i. стр. 279.

[303] Ныне здравствующий французский историк хвастается, что в его собственной стране "формируют международное общество поддержки клиентов и патронажа". *Кассаньяк, Французская революция*, том i, стр. 459.

[304] Это 18 Edw. I. с. 1; относительно чего см. *Комментарий Блэкстоуна*. том ii. стр. 91, том iv. стр. 425; *История Рива. английского права*, том ii. стр. 223; *История феодальной собственности Далримпла*, стр. 102, 243, 340.

[305] История упадка этого некогда самого важного класса, английских йоменов, является интересной темой, и для нее я собрал значительный материал; в настоящее время я только скажу, что его упадок впервые был отчетливо замечен во второй половине семнадцатого века и был завершен быстро растущим могуществом коммерческих и мануфактурных классов в начале XX века. восемнадцатый век. После потери своего влияния их число, естественно, уменьшилось, и они уступили место другим группам людей, чей образ мыслей был менее предвзятым и, следовательно, лучше соответствовал тому новому состоянию, которое общество приняло в последнюю эпоху. Я упоминаю об этом, потому что некоторые авторы сожалеют о почти полном уничтожении фригольдеров-йоменов, упуская из виду тот факт, что они исчезают не в результате какой-либо насильственной революции или расширения произвола власти, а просто в результате общего хода дел; общество избавляется от того, в чем оно больше не нуждается. Сравните *"Социальное положение людей"* Кея, том i, стр. 43, 602, с письмом Вордсворта из *"Корреспонденции"* Банбери. о Хенмере, стр. 440; заметка в *Polit. Экономика*. том i. стр. 311, 312; другой в *Литературе Николса. Анес.* vol. v., стр. 323; и *переписка Синклера.* vol. i., стр. 229.

[306] Это утверждается как признанный факт французскими писателями, жившими в разные периоды и придерживающимися разных мнений; но все согласились с тем, что существует только два разделения: "comme en France по поводу того, что ты благородный, ты ротурьер и что ты никогда не был в среде". *Воспоминания Ривароля*, стр. 7. "Великое отличие дворян и ротмистров". *Жиро, Краткий обзор старинного права*, стр. 10. Действительно, согласно Кутумам, дворяне и ротюрье достигали совершеннолетия в разном возрасте. *Климрат, История. право*, том ii. стр. 249 (ошибочно указано в *Коллизионном праве Story*, стр. 56, 79, 114). See further respecting this capital distinction, *Mém. de Duplessis Mornay*, vol. ii. p. 230 ('agréable à la noblesse et au peuple'); *Œuvres de Turgot*, vol. viii. стр. 222, 232, 237; *Переписка Банбери. of Hanmer*, p. 256; *Mably, Observations*, vol. iii. p. 263; and *Mercier sur Rousseau*, vol. i. p. 38: 'On étoit roturier, vilain, homme de néant, canaille, dès qu'on ne s'appelloit plus marquis, baron, comte, chevalier, etc.'

[307] 'Les états-généraux sont portés dans la liste de nos institutions. Je ne sais cependant s'il est permis de donner ce nom à des rassemblemens aussi irréguliers.' *Montlosier, Monarchie Française*, vol. i. p. 266. 'En France, les états-généraux, au moment même de leur plus grand éclat, c'est à dire dans le cours du xive siècle, n'ont guère été que des accidents, un pouvoir national et souvent invoqué, mais non un établissement constitutionnel.' *Guizot, Essais*, p. 253. См. также *Мэбли, Наблюдения*, том iii. стр. 147; и *Сисмонди, История. des Français*, vol. xiv. p. 642.

[308] Это откровенно признает один из самых откровенных и просвещенных из всех иностранных авторов, пишущих о нашей истории, *Гизо, Эссе*, стр. 297: "В 1307 году законные права на отклоняющийся от нормы поиск в Англере и свободное временное уточнение".

[309] Смотрите Отчет о политике Филиппа Красивого в *Мабли, Наблюдения*, т. ii. стр. 25-44; в *Boulainvilliers, Ancien Gouvernement*, т. i. стр. 292, 314, т. ii. стр. 37, 38; и в *Гизо, Цивилизация во Франции*, том iv. стр. 170-192. М. Гизо говорит, возможно, слишком категорично, что его правление было "метаморфозой королевской власти в деспотизме", О связи этого с движением за централизацию см. *"Демократию" Токвиля*, том i, стр. 307: "Путь к централизации и ремонту зданий во Франции", а также "эпоха легистов, вступающих в правительство"; настоящий отчет о временах Филиппа Красивого. Теннеманн также замечает, что в его правление начала оказывать влияние "Теория права"; но этот ученый писатель придерживается чисто

метафизических взглядов и поэтому неправильно понял более общую социальную тенденцию. *Gesch. der Philos.* vol. viii. с. 823.

[310] Поскольку несколько авторов в области права снисходительно относятся к этой системе *Происхождение французского права*, в *Трудах Мишле*, том ii. стр. 321; и *Эшбах, Этюд права*, стр. 129: "Энергетическая система права". централизация", возможно, было бы неплохо указать, как это работает на самом деле.

Мистер Бульвер в письме двадцатилетней давности говорит: 'Коммуна не только не может определять свои собственные расходы без согласия министра или одного из его заместителей, она даже не может возвести здание, стоимость которого должна быть утверждена, без утверждения плана советом общественных работ при центральной власти, который осуществляет надзор и руководство каждым общественным зданием по всему Королевству'. *Монархия средних классов Бульвера*, 1836, т. ii. стр. 262.

M. Tocqueville, writing in the present year (1856), says, 'Sous l'ancien régime, comme de nos jours, il n'y avait ville, bourg, village, ni si petit hameau en France, hôpital, fabrique, couvent ni collège, qui pût avoir une volonté indépendante dans ses affaires particulières, ni administrer à sa volonté ses propres biens. Alors, comme aujourd'hui, l'administration tenait donc tous les Français en tutelle, et si l'insolence du mot ne s'était pas encore produite, on avait du moins déjà la chose.' *Tocqueville, l'Ancien Régime*, 1856, pp. 79, 80.

[311] Количество гражданских чиновников во Франции, которым правительство платит за то, чтобы они беспокоили людей, превосходит всякие ожидания и оценивается в разные периоды текущего столетия от 138 000 до 800 000 человек. *Токвиль, "О демократии"*, том i, стр. 220; *"Европа" Элисон*, том xiv, стр. 127, 140; *"Положение народа" Кея*, том i, стр. 272; *"Заметки Лэйнга"*, 2-я серия, стр. 185. Мистер Лэйнг, писавший в 1850 году, говорит: "Во Франции при изгнании Луи Филиппа количество гражданских чиновников, как было заявлено, составляло 807 030 человек".

[312] 'Правительство Франции контролирует все образование в стране, за исключением колледжей для обучения духовенства, которые называются семинариями, и подчиненных им учреждений'. *Отчет о состоянии высшего образования во Франции в 1843 году*, в журнале *Statistic*. Соч. том vi. стр. 304. О шагах, предпринятых во времена власти Наполеона, см. *Книгу Элисон "Европа"*, том. viii. с. 203: "Почти все образование империи было эффективно поставлено под руководство и назначение правительства".

[313] Большое внимание уделяется надзору за учениками; фундаментальным принципом французского образования является то, что детей никогда не следует оставлять одних. *Отчет об общем образовании во Франции в 1842 году*, в журнале *Statistic*. Соч. т. v. стр. 20.

[314] A distinguished French author says: 'La France souffre du mal du siècle; elle en est plus malade qu'aucun autre pays; ce mal c'est la haine de l'autorité.' *Кюстин, Россия*, том ii. стр. 136. Сравните, *Rey, Science Sociale*, том ii. стр. 86 примечание.

[315] Именно деятельности этого защитного и централизующего духа мы должны приписать то, что тридцать лет назад заметил очень крупный авторитет, назвав 'защитой от спонтанности, главным образом институтов современной Франции'. *Мейер, институт. Судебный процесс*. том iv. стр. 536. Это также то, что в литературе и науке заставляет их одобрять создание

академий; и, вероятно, тому же принципу их юристы обязаны своей любовью к кодификации. Все это является проявлением нежелания полагаться на общий ход событий и демонстрирует неоправданное презрение к выводам, сделанным без посторонней помощи частными лицами.

[316] Мэбли (*Наблюдения*, том iii. стр. 154, 155, 352-362) собрал несколько поразительных свидетельств тирании французской знати в шестнадцатом веке; а что касается бессмысленной жестокости, с которой они осуществляли свою власть в семнадцатом веке, см. *Des Réaux, Historiettes*, том vii. стр. 155, вып. viii. с. 79, т. ix. с. 40, 61, 62, т. x. с. 255-257. В восемнадцатом веке дела обстояли несколько лучше, но подчинение все еще было чрезмерным, а люди были бедны, с ними плохо обращались и они были несчастны. Сравните "*Приключения Тюрго*", том iv, стр. 139; *Письмо графа Корка*, датированное Лионом 1754 г., в *Дневнике Бертона*, том iv, стр. 80; заявление Фокса, в *прим. История*. вып. xxxi. стр. 406; *Переписка Джефферсона*. том ii. стр. 45; и *Путешествие Смита по Континенту*, изд. 1793, том iii. стр. 201, 202.

[317] Г-н Экклстон (*английский антик.* стр. 138) говорит, что в 1450 году "деревня почти исчезла"; и, согласно г-ну Торнтону (*Перенаселение*, стр. 182), "сэр Томас Смит, писавший о 1550 году, заявляет, что он никогда не встречал личных или домашних рабов; и что злодеев, или хищных рабов, которых еще предстоит найти, было так мало, что едва ли стоит упоминать". Мистер Халлам не может найти никаких "однозначных свидетельств существования злодейства" позже 1574 года. *Средние века*, том ii. стр. 312; с этой же целью см. *Баррингтон о статутах*, стр. 308, 309. Однако, если моя память меня не обманывает, я встречал свидетельства этого во времена правления Якова I. Но я не могу вспомнить этот отрывок.

[318] M. Cassagnac (*Causes de la Révolution*, vol. iii. p. 11) says: 'Chose surprenante, il y avait encore, au 4 août 1789, un million cinq cent mille serfs de corps;' and M. Giraud (*Précis de l'Ancien Droit*, Paris, 1852, p. 3), 'jusqu'à la révolution une division fondamentale partageait les personnes en personnes libres et personnes sujettes à condition servile.' За несколько лет до революции это позорное различие было отменено Людовиком XVI. в его собственных владениях. Compare *Eschbach, Etude du Droit*, pp. 271, 272, with *Du Mesnil, Mém. sur le Prince le Brun*, p. 94. Я обращаю на это особое внимание, потому что месье Монтейл, образованный и в целом точный писатель, предполагает, что отмена произошла раньше, чем это было на самом деле. *История. des divers Etats*, vol. vi. p. 101.

[319] *Cassagnac, de la Révolution*, vol. i. pp. 122, 173; *Giraud, Ancien Droit*, p. 11; *Soulavie, Mém. de Louis XVI*, vol. vi. p. 156; *Mém. au Roi sur les Municipalités*, in *Œuvres de Turgot*, vol. vii. p. 423; *Mém. de Genlis*, vol. i. p. 200.

Дальнейшую информацию о количестве и характере этих досадных поблажек можно найти в *De Thou, Hist. Унив.* т. xiii. с. 24, т. xiv. с. 118; *Сент-Олер, История. de la Fronde*, vol. i. p. 125; *Tocqueville, Ancien Régime*, pp. 135, 191, 420, 440; *Sully, Œconomies Royales*, vol. ii. p. 412, vol. iii. p. 226, vol. iv. p. 199, vol. v. pp. 339, 410, vol. vi. p. 94; *Relat. des Ambassad. Vénit.* vol. i. p. 96; *Mably, Observations*, vol. iii. pp. 355, 356; *Boulainvilliers, Ancien Gouvernement*, vol. iii. p. 109; *Le Vassor, Hist. de Louis XIII*, vol. ii. p. 29; *Mém. d'Omer Talon*, vol. ii. pp. 103, 369; *Mém. de Montglat*, vol. i. p. 82; *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. i. pp. 87, 332; *Œuvres de Turgot*, vol. i. p. 372, vol. iv. pp. 58, 59, 74, 75, 242, 278, vol. v. pp. 226, 242, vol. vi. p. 144, vol. viii. стр. 152, 280.

[320] Эти чувства настолько глубоко укоренились, что даже в 1789 году, в тот самый год, когда разразилась революция, считалось большой уступкой, что дворяне 'действительно согласятся

на равное налогообложение'. Смотрите письмо Джефферсона Джею, датированное Парижем, 9 мая 1789 г., в переписке Джефферсона. том ii. стр. 462, 463. Compare *Mercier sur Rousseau*, vol. i. p. 136.

[321] 'Les nobles, qui avaient le privilège exclusif des grandes dignités et des gros bénéfices.' *Mém. de Rivarol*, p. 97: see also *Mém. de Bouillé*, vol. i. p. 56; *Lemontey, Etablissement Monarchique*, p. 337; *Daniel, Hist. de la Milice Française*, vol. ii. p. 556; *Campan, Mém. sur Marie-Antoinette*, vol. i. pp. 238, 239.

[322] 'L'ancien régime n'avait admis que des nobles pour officiers.' *Mém. de Roland*, vol. i. p. 398. Ségur mentions that, early in the reign of Louis XVI., 'les nobles seuls avaient le droit d'entrer au service comme sous-lieutenans.' *Mém. de Ségur*, vol. i. p. 65. Compare pp. 117, 265–271, with *Mém. de Genlis*, vol. iii. p. 74, and *De Staël, Consid. sur la Rév.* vol. i. p. 123.

[323] Thus, De Thou says of Henry III., 'il remet sous l'ancien pied la cavalerie ordinaire, qui n'étoit composée que de la noblesse.' *История. Univ.* том ix. стр. 202, 203; и см. том x. стр. 504, 505, vol. xiii. стр. 22; и несовершенное изложение того же факта в *Bullier, Hist. корпус водолазов Военного дома Франции*, Париж, 1818, стр. 58, поверхностная работа на неинтересную тему.

[324] М. Токвиль ("*Древний режим*", стр. 448) упоминает, среди прочих нормативных актов, все еще действовавших в конце восемнадцатого века, что "в Дофине, Бретани, Нормандии существует запрет на въезд в Колумбию, фуи и другие вольер; я никогда не хотел, чтобы дворяне избегали голубей".

[325] 'Dès la fin du onzième siècle, à l'époque même où commencèrent les croisades, on trouve la chevalerie établie.' *Koch, Tab. des Révolutions*, т. i., стр. 143; см. также *Сент-Пале, Воспоминания о рыцарстве*, т. i., стр. 42, 68. М. Гизо (*Civilis. ru France*, том iii. стр. 349-354) попытался проследить это до более раннего периода; но, похоже, ему это не удалось, хотя, конечно, его зародыши можно легко обнаружить. Согласно одним авторам, он возник в северной Европе; согласно другим, в Аравии! *Северные древности Маллета*, стр. 202; *Азиатский журнал. Соч.* том ii. стр. 11.

[326] "Орден рыцарей, не имеющий созвучия для людей, которые пели благородно". *Сисмонди, История. des Français*, vol. iv. p. 204. Сравните *Даниила, Историю. de la Milice*, том i, стр. 97, и *История Миллса. о рыцарстве*, том i, стр. 20.

[327] 'В некоторых местах существовали школы, назначенные знатью страны, но чаще всего служили их собственные замки'. *История Миллса. о рыцарстве*, том i, стр. 31; и см. *Сент-Пале, Воспоминания о л'Анке. Chevalerie*, том i. стр. 30, 56, 57, об этом образовании.

[328] Это сочетание рыцарства и религиозных обрядов часто приписывают крестовым походам; но есть веские доказательства того, что оно имело место немного раньше и должно быть отнесено ко второй половине одиннадцатого века. Сравните *историю Миллса. о рыцарстве*, том i, стр. 10, 11; *Даниил, История. de la Milice*, vol. i. pp. 101, 102, 108; *Boulainvilliers, Ancien Gouv.* vol. i. p. 326. Сент-Пале (*Воспоминания о рыцарстве*, т. i, стр. 119-123), который собрал несколько иллюстраций отношений между рыцарством и церковью, говорит на стр. 119: 'enfin la chevalerie étoit regardée comme une ordination, un sacerdoce'. Высшее духовенство обладало правом посвящения в рыцарское звание, и Уильям Руфус был фактически посвящен в рыцари архиепископом Ланфранком: "Архиепископ Ланфранк, как питаться и воевать". *Завещание*.

Malmes. lib. iv., в Scriptores post Bedam, стр. 67. Сравните "Британское монашество" Фосброка, 1843, стр. 101, о посвящении аббатов в рыцари.

[329] Влияние этого на дворянство несколько преувеличено мистером Миллзом; который, с другой стороны, не заметил, насколько элемент без наследства благоприятствовал церковному духу. *История Миллса. "о рыцарстве", том i, стр. 15, 389, том ii, стр. 169; работа, интересная как совокупность фактов, но почти бесполезная как философская оценка.*

[330] "По своему происхождению все военные ордена и большинство религиозных были полностью аристократическими". *История Миллса. о рыцарстве, том i, стр. 336.*

[331] *История о рыцарстве, том i. стр. 148, 338. Примерно в 1127 году святой Бернар написал речь в пользу рыцарей-тамплиеров, в которой 'он превозносит этот орден как сочетание монашества и рыцарства.... Он описывает замысел этого как придание военному ордену и рыцарству серьезного христианского направления и превращение войны во что-то, что Бог мог бы одобрить". История Неандера. о Церкви, том vii. стр. 358. К этому можно добавить, что в начале XIII века была сформирована рыцарская ассоциация, которая впоследствии была объединена в доминиканский орден под названием "Ополчение Христа": "новый орден шевалье, предназначенный для служения героям, образу жизни тамплиеров и так называемой Милиции Христа" Льюренге, Hist. исследование, том i. стр. 52, 133, 203.*

[332] Некоторые авторы приписывают рыцарству заслугу смягчения нравов и усиления влияния женщин. *Сент-Пале, Воспоминания о рыцарстве, том i. стр. 220-223, 282, 284, том iii. стр. vi. vii. 159-161; Гельвеций де Эспри, том ii. стр. 50, 51; Лекции Шлегеля, том i. стр. 209. То, что такая тенденция существовала, я думаю, бесспорно; но она была сильно преувеличена; и автор, много читавший по этим предметам, говорит: 'Суровое обращение, проявлявшееся к военнопленным в древние времена, ярко свидетельствует о свирепости и некультурных манерах наших предков, и это даже по отношению к дамам высокого положения; несмотря на то, что, как говорят, прекрасному полу в те дни рыцарства оказывалось почтение'. "Военные древности Гроуза", том ii. стр. 114. Сравните "Мэннинг о праве наций", 1839, стр. 145, 146.*

[333] Г-н Халлам (*Средние века, том ii, стр. 464*) говорит: "Третий упрек может быть сделан характеру рыцарства в том, что оно расширило разделение между различными классами общества и подтвердило тот аристократический дух высокого происхождения, благодаря которому большая масса человечества находилась в состоянии несправедливой деградации".

[334] *Сусмонди, История. des Français, vol. iv. pp. 370, 371, 377; Turner's Hist. of England, vol. iv. p. 478; Foncemagne, De l'Origine des Armoiries, in Mém. de l'Académie des Inscriptions, vol. xx. p. 580. Koch also says (Tableau des Révolutions, vol. i. p. 139), 'c'est de la France que l'usage des tournois se répandit chez les autres nations de l'Europe.'* Впервые они были завезены в Англию во времена правления Стефана. *"Англия" Лингарда, том ii. стр. 27.*

[335] Мистер Халлам (*Средние века, том ii. стр. 470*) говорит, что они были "полностью прекращены во Франции" вследствие смерти Генриха II.; но согласно *Истории Миллса. о рыцарстве, том ii. стр. 226*, они продолжались в следующем году; когда произошел еще один несчастный случай со смертельным исходом, и 'турниры прекратились навсегда'. Сравните *Сент-Пале-сюр-ла-Шевальери, том ii. стр. 39, 40.*

[336] Мистер Халлам (*Средние века*, том ii, стр. 467) отмечает, что к рыцарю, по сравнению с другими классами, "обращались с большим уважением. Однако в Англии не было такого большого различия, как во Франции." На великую честь, оказываемую рыцарям во Франции, обращает внимание Даниэль (*Милиция Франции*, том i, стр. 128, 129), а Гердер (*Идея общего дела*, том iv, стр. 226, 267) говорит, что во Франции рыцарство процветало больше, чем в любой другой стране. То же замечание делает Сисмонди (*Hist. des Français*, vol. iv. p. 198).

[337] *Статут ополчения* 1307 года, возможно, был первым признанием этого. Сравните комментарий Блэкстоуна. том ii. стр. 69; Баррингтон о статутах, стр. 192, 193. Но у нас есть убедительные доказательства того, что обязательное посвящение в рыцари существовало во времена правления Генриха III.; или, по крайней мере, что те, кто отказывался от него, были обязаны заплатить штраф. См. *Const Халлама. История.* том i, стр. 421, и *История Литтлтона. о Генрихе II.* том ii. стр. 238, 239, 2-е изд. с 4 по 1767 год. Лорд Литтлтон, явно озадаченный, говорит: 'Действительно, это кажется отклонением от первоначального принципа этого учреждения. Ибо нельзя не считать очень большой непоследовательностью, что достоинство, которое считалось почетным для самих королей, кому-либо навязывается'.

[338] В *истории Миллса. о рыцарстве*, том ii. стр. 154, говорится, что "судьи судов общей юрисдикции" впервые были посвящены в рыцари в правление Эдуарда III.

[339] Мистер Миллс (*Hist. of Chivalry*, том ii. стр. 99, 100) напечатал любопытный отрывок из плача по поводу уничтожения рыцарства, написанного в царствование Эдуарда IV; но он упустил из виду еще более необычный пример. Это популярная баллада, написанная в середине пятнадцатого века и называемая "Переворот в Тоттенхэме", в которой восхитительно высмеиваются рыцарские безумства. Посмотрите биографию Уортона. из английской поэзии, изд. 1840, том iii, стр. 98-101; и "Реликвии древней поэзии" Перси, изд. 1845, стр. 92-95. Согласно Тернеру (*Hist. of England*, том vi. стр. 363), "древние рыцарские книги были отложены в сторону" о правлении Генриха VI.

[340] Это не просто популярное мнение, оно основывается на большом количестве доказательств, предоставленных компетентными и беспристрастными наблюдателями. Аддисон, который был снисходительным и способным судьей и много прожил среди французов, называет их 'самой тщеславной нацией в мире'. *Письмо епископу Хафу, в книге Эйкина "Жизнь Аддисона"*, том i, стр. 90. Наполеон говорил: "Тщеславие - главный принцип французов". *История Элисон. of Europe*, vol. vi. p. 25. Dumont (*Souvenirs sur Mirabeau*, p. 111) declares, that 'le trait le plus dominant dans le caractère français, c'est l'amour propre;' and Ségur (*Souvenirs*, vol. i. pp. 73, 74), 'car en France l'amour propre, ou, si on le veut, la vanité, est de toutes les passions la plus irritable.' Более того, утверждается, что френологические наблюдения доказывают, что французы тщеславнее англичан. "Элементы френологии" Комба, 6-е издание. Edinb. 1845, стр. 90; и частичное признание того же факта в Broussais, *Cours de Phrénologie*, стр. 297. О других писателях, которые обратили внимание на тщеславие французов, см. *Токвиль, Старинный режим*, стр. 148; *Баранте, Литература. Franç. au XVIIIe. Siècle*, p. 80; *Mém. de Brissot*, vol. i. p. 272; *Mézéray, Hist. de France*, vol. ii. p. 933; *Lemontey, Etablissement Monarchique*, p. 418; *Voltaire, Lettres inédites*, vol. ii. p. 282; *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. ii. p. 358; *De Staël sur la Révolution*, vol. i. p. 260, vol. ii. p. 258.

[341] Связь между рыцарством и дуэлью была замечена несколькими авторами; и во Франции, где рыцарский дух не был полностью уничтожен до Революции, мы находим случайные следы

этой связи даже в правление Людовика XVI. Смотрите, например, в *Воспоминаниях де Лафайета*, том i, стр. 86, любопытное письмо о рыцарстве и дуэлях 1778 года. В Англии, я полагаю, нет свидетельств хотя бы об одной частной дуэли, которая проводилась ранее шестнадцатого века, и их было немного до второй половины правления Елизаветы; но во Франции этот обычай возник в начале пятнадцатого века, а в шестнадцатом стало обычным, что секунданты дрались наравне с главными героями. Сравните *Монлозье, Монарк. Franc.* том ii. стр. 436, с *Монтейлем, Hist. "разные эпохи"*, том vi. стр. 48. С этого времени любовь французов к дуэлям стала настоящей страстью вплоть до конца восемнадцатого века, когда революция, или, скорее, обстоятельства, приведшие к революции, привели к ее сравнительному прекращению. Некоторое представление об огромном распространении этой практики раньше во Франции можно составить, сравнив следующие отрывки, которые я с тем большим удовольствием собираю воедино, поскольку никто не написал даже сносной истории дуэлей, несмотря на ту огромную роль, которую они когда-то играли в европейском обществе. *Де Ты, Хист. Univ.* том ix. стр. 592, 593, том xv. стр. 57; *Даниэль, Французская милиция*, том ii. стр. 582; *Сюлли, "Экономика"*, том i. стр. 301, том iii. стр. 406, том vi. стр. 122, том viii. с. 41, т. ix. с. 408; *"Состояние Франции при Генрихе IV" Кэрю.*, в *"Исторических переговорах Берча"*, стр. 467; *Работы Бена Джонсона*, изд. Гиффорд, том vi. стр. 69; *Дюлор, История. de Paris* (1825 3rd edit.), vol. iv. p. 567, vol. v. pp. 300, 301; *Le Clerc, Bibliothèque Univ.* vol. xx. p. 242; *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 536; *Capefigue, Hist. de la Réforme*, vol. viii. с. 98; *"Пушелье" Капефига*, том i, стр. 63; *"Де Пео", "Исторические хроники"*, том x, стр. 13; *Воспоминания де Жанлиса*, том ii, стр. 191, том vii, стр. 215, том ix, стр. 351; *Воспоминания баронессы д'Оберкирх*, том i, стр. 71, изд. Lond. 1852; *Lettres inédites d'Aguesseau*, vol. i. p. 211; *Lettres de Duffand à Walpole*, vol. iii. p. 249, vol. iv. pp. 27, 28, 152; *Boullier, Maison Militaire des Rois de France*, pp. 87, 88; *Biog. Univ.* т. v. стр. 402, 403, том. xxiii. стр. 411, том. xlv. стр. 127, 401, том. xlviii. стр. 522, т. xlix. стр. 130.

[342] О влиянии войны Алой и Белой розы на дворян, сравните *Константу Халлама. История.* том i, стр. 10; *История Лингарда. of England*, vol. iii. p. 340; *Английский антиквариат Экклстона.* стр. 224, 320: и об их огромных денежных или, скорее, территориальных потерях, *История Синклера. о доходах*, том i, стр. 155.

[343] "Последний случай ожесточенной битвы между двумя могущественными дворянами в Англии произошел в правление Эдуарда IV". *Аллен о прерогативах*, стр. 123.

[344] Кларендон (*Hist. о восстании*, стр. 80), в очень гневном духе, но с совершенной правдой, замечает (под 1640 годом) связь между 'гордой и ядовитой неприязнью к дисциплине англиканской церкви и, таким образом, постепенно (поскольку прогресс очень естественный) равным непочтением и к правительству штата'. Испанское правительство, возможно, больше, чем любое другое в Европе, понимало эту связь; и даже в 1789 году был издан эдикт Карла IV. declared, 'qu'il y a crime d'hérésie dans tout ce qui tend, ou contribue, à propager les idées révolutionnaires.' *Льоренте, Hist. исследование*, том ii. стр. 130.

[345] Общий характер ее политики по отношению к протестантским английским епископам очень справедливо описан Кольером; хотя он, как профессиональный писатель, естественно, недоволен ее пренебрежением к главам церкви. *Collier's Eccles. История Великобритании*, том vii. стр. 257, 258, изд. Barham, 1840.

[346] Одно из обвинений, которые в 1588 году Сикст Против публично выдвинул против Елизаветы, заключалось в том, что "она отвергла и исключила древнюю знать и способствовала

почитанию малоизвестных людей'. *Воспоминания Батлера о католиках*, том ii. стр. 4. Персонс также упрекает ее в том, что ее министры низкого происхождения, и говорит, что на нее оказали влияние "в частности, пять человек - все они произошли от земли — Бэкон, Сесил, Дадли, Хаттон и Уолсингем". *Батлер*, том ii. стр. 31. Кардинал Аллен дразнил ее "позором древней знати, возведением низких и недостойных людей во все гражданские и церковные звания". *История церкви Додда*, редактировать. Тирни, 1840, том iii. приложение № xii. стр. xlv. Тот же влиятельный писатель в своем *Предостережении* сказал, что она нанесла ущерб Англии 'великим презрением и унижением древней знати, лишив их надлежащего управления, должностей и почетных мест'. *Наставление Аллена знати и народу Англии и Ирландии*, 1588 г. (переиздано в Лондоне в 1842 г.), стр. xv. Сравните описание Буллы 1588 г. в *De Thou, Hist. Univ.* vol. x. p. 175: 'On accusoit Elisabeth d'avoir au préjudice de la noblesse angloise élevé aux dignités, tant civiles qu'ecclésiastiques, des hommes nouveaux, sans naissance, et indignes de les posséder.'

[347] Для историка-философа это восстание, хотя и недостаточно оцененное обычными писателями, является очень важным исследованием, потому что это последняя попытка, когда-либо предпринятая великими английскими семьями установить свою власть силой оружия. Мистер Райт говорит, что, вероятно, все те, кто принимал в нем ведущее участие, "были связаны кровными узами или смешанными браками с двумя семьями Перси и Невиллов". ' *"Элизабет" Райта*, 1838, том i, стр. xxxiv; ценная работа. См. также, в разделе. *История*. том i, стр. 730, список некоторых из тех, кто в 1571 году был арестован из-за этого восстания и кто, как говорят, "все лучшие семьи на севере Англии".

Но наиболее полное свидетельство, которым мы располагаем относительно этой борьбы, состоит из сборника оригинальных документов, опубликованных в 1840 году сэром К. Шарпом под названием *"Мемориалы восстания 1569 года"*. Они очень ясно показывают реальную природу вспышки. 17 ноября 1569 года сэр Джордж Боуз пишет, что жалоба повстанцев заключалась в том, что "были определенные советники *сворен*" (*т.е.* проникли) "в отношении принца, который исключил дворянство из состава принца" и т. Д., *Мемориалы*, стр. 42; и в примечании редактора говорится, что это одно из обвинений, выдвинутых во всех прокламациях графов. Возможно, самое любопытное доказательство того, насколько печально известной стала политика Елизаветы, содержится в дружеском письме из Сассекса Сесилу, датированном 5 января 1569 г. (*Мемориалы*, стр. 137), один абзац которого начинается словами "В последние годы на службу поступало мало молодых дворян".

[348] *Халлам*, i. стр. 130; *Лингард*, v. стр. 97, 102; *Тернер*, xii. стр. 245, 247.

[349] *Константа Халлама. История*. том i, стр. 241; интересный отрывок. Тернер (*История. of England*, vol. xii. p. 237) говорится, что Сесил "знал склонность знатных лордов объединяться против короны, чтобы они могли восстановить титул пэров в силе, от которой его лишил дом Тюдоров".

[350] В 1572 году герцогский орден вымер; и возродился только пятьдесят лет спустя, когда Джеймс I. сделал несчастным Вильерса, герцога Бекингема. *Комментарии Блэкстоуна*, том i, стр. 397. Это, очевидно, привлекло внимание, поскольку Бен Джонсон в одной из своих комедий 1616 года упоминает "общепринятую ересь о том, что в Англии нет герцогов." *Работы Джонсона*, редактировать. Гиффорд, 1816, т. v. стр. 47, где Гиффорд, не зная о вымирании в 1572 году, сделал неудовлетворительную заметку.

[351] Кларендон (*Hist. о восстании*, стр. 216) справедливо называет это 'самым грандиозным и дерзким восстанием, которое когда-либо поднимала какая-либо эпоха или страна'. Смотрите также некоторые поразительные замечания в *Мемуарах Уорика*, стр. 207.

ГЛАВА III.

ЭНЕРГИЯ ЗАЩИТНОГО ДУХА ВО ФРАНЦИИ ОБЪЯСНЯЕТ ПРОВАЛ ФРОНДЫ. СРАВНЕНИЕ ФРОНДЫ С СОВРЕМЕННЫМ АНГЛИЙСКИМ ВОССТАНИЕМ.

Целью предыдущей главы было исследовать происхождение духа-покровителя. Из собранных там свидетельств явствует, что этот дух впервые оформился в отчетливую светскую форму в конце средневековья; но что в силу сложившихся тогда обстоятельств он с самого начала был гораздо менее силен в Англии, чем во Франции. Точно так же оказалось, что в нашей стране оно продолжало терять позиции; в то время как во Франции в начале четырнадцатого века оно приняло новую форму и породило централизующее движение, проявившееся не только в гражданских и политических институтах, но также в социальных и литературных привычках французской нации. К настоящему времени мы, кажется, расчистили путь для правильного понимания истории двух стран; и теперь я намереваюсь проследить за этим немного дальше и указать, как это различие объясняет несоответствие между гражданскими войнами в Англии и теми, которые в то же время вспыхнули во Франции.

Среди очевидных обстоятельств, связанных с Великим английским восстанием, наиболее примечательным является то, что это была война классов, а также фракций. С самого начала состязания йомены и торговцы поддерживали парламент; [352] дворяне и духовенство сплотились вокруг трона. [353] И название, данное двум партиям Круглоголовых [354] и Кавалеров, [355] доказывает, что истинная природа этого противостояния была общеизвестна. Это доказывает, что люди осознавали, что обсуждался вопрос, по которому Англия была разделена не столько частными интересами отдельных лиц, сколько общими интересами классов, к которым принадлежали эти люди.

Но в истории французского восстания нет и следа столь масштабного разделения. Цели войны были в обеих странах совершенно одинаковыми: механизм, с помощью которого эти цели достигались, был совершенно разным. Фронда была похожа на наше Восстание в той мере, в какой это была борьба парламента против короны; попытка обеспечить свободу и воздвигнуть барьер против деспотизма правительства. [356] До сих пор, пока мы просто рассматриваем политические объекты, параллель является полной. Но поскольку социальное и интеллектуальное прошлое французов сильно отличалось от английского, из этого неизбежно следовало, что форма, которую приняло восстание, также должна была быть иной, хотя мотивы были те же. Если мы рассмотрим это расхождение немного внимательнее, то обнаружим, что оно связано с обстоятельством, которое я уже заметил, а именно, что в Англии война за свободу сопровождалась войной классов, в то время как во Франции классовой войны вообще не было. Из этого следовало, что во Франции восстание, будучи чисто политическим, а не, как у нас, также социальным, в меньшей степени овладело общественным сознанием: оно не сопровождалось теми чувствами неподчинения, без которых свобода всегда была невозможна;

и, не пустив корней в национальный характер, оно не могло спасти страну от того рабского состояния, в которое несколько лет спустя она попала под власть Людовика XIV. стремительно падал.

То, что наше Великое Восстание по своей внешней форме было войной классов, является одним из тех осязаемых фактов, которые лежат на поверхности истории. Сначала парламент[357] действительно пытался привлечь на свою сторону часть знати; и в этом они на какое-то время преуспели. Но по мере развития борьбы тщетность этой политики становилась очевидной. В естественном порядке великого движения знать стала более лояльной;[358] парламент стал более демократичным.[359] И когда стало ясно, что обе стороны полны решимости либо победить, либо умереть, этот антагонизм классов был слишком четко обозначен, чтобы быть неправильно понятым; восприятие каждым своих собственных интересов обострялось из-за величины ставки, за которую они боролись.

Ибо, не отягощая это Введение тем, что можно прочесть в нашей общей истории, будет достаточно напомнить читателю о нескольких заметных событиях того времени. Незадолго до начала войны граф Эссекс был назначен генералом парламентских войск, а граф Бедфорд - его лейтенантом. Поручение собрать войска было также дано графу Манчестеру,[360] единственному человеку высокого ранга, против которого Чарльз проявлял открытую вражду.[361] Несмотря на эти знаки доверия, дворяне, которым парламент поначалу был расположен доверять, не смогли избежать проявления старой закваски своего ордена.[362] Граф Эссекс вел себя так, что внушал народной партии величайшие опасения по поводу своего предательства;[363] и когда оборона Лондона была доверена Уоллеру, он так он упрямо отказался внести имя этого способного офицера в комиссию, так что Палата общин была вынуждена внести его в силу своих собственных полномочий и вопреки своему собственному генералу.[364] Граф Бедфорд, хотя и получил военное командование, без колебаний отказался от тех, кто его присвоил. Этот аристократ-отступник бежал из Вестминстера в Оксфорд; но, обнаружив, что король, который никогда не прощал своих врагов, не принял его с той благосклонностью, на которую он рассчитывал, он вернулся в Лондон; где, хотя ему было позволено оставаться в безопасности, нельзя было предполагать, что он снова испытает доверие парламента.[365]

Подобные примеры вряд ли могли уменьшить недоверие, которое обе стороны испытывали друг к другу. Вскоре стало очевидно, что классовая война неизбежна и что восстание парламента против короля должно быть подкреплено восстанием народа против знати.[366] На это народная партия, какими бы ни были их первоначальные намерения, теперь охотно согласилась. В 1645 году они приняли закон, по которому не только граф Эссекс и граф Манчестер потеряли свое командование, но и все члены обеих палат были лишены возможности служить в армии.[367] И всего через неделю после казни короля они формально отняли законодательную власть пэров, одновременно зафиксировав свое незабываемое мнение о том, что Палата лордов "бесполезна, опасна и должна быть упразднена".[368]

Но мы можем найти еще более убедительные доказательства истинного характера английского восстания, если рассмотрим, кто были те, кто его совершил. Это покажет нам демократическую природу движения, которое юристы и антиквары тщетно пытались прикрыть формой конституционного прецедента. Наше великое восстание было делом рук не тех, кто оглядывался

назад, а тех, кто смотрел вперед. Пытаться объяснить это личными и временными причинами; приписывать эту беспрецедентную вспышку спору о судебных деньгах или ссоре из-за привилегий парламента может соответствовать привычкам только тех историков, которые не видят ничего дальше преамбулы закона или решения судьи. Такие авторы забывают, что судебный процесс над Хэмпденом и импичмент пяти членам парламента не могли бы оказать никакого влияния на страну, если бы люди уже не были подготовлены, и если бы дух дознания и неподчинения не усилил недовольство людей настолько, что довел их до состояния, когда после того, как поезд был заложен, малейшей искры было достаточно, чтобы разжечь пожар.

Правда в том, что восстание было вспышкой демократического духа. Это была политическая форма движения, религиозной формой которого была Реформация. Поскольку Реформации помогали не люди, занимавшие высокие церковные посты, не великие кардиналы или богатые епископы, а люди, занимавшие самые низкие и подчиненные должности, точно так же английское восстание было движением снизу, восстанием из основ, или, как некоторые будут называть это, отбросов общества. Те немногие высокопоставленные лица, которые были привержены народному делу, были быстро отброшены, и легкость и быстрота, с которой они отпали, были ясным свидетельством того, какой оборот принимали дела. Как только армия была освобождена от своих благородных вождей и пополнена офицерами, набранными из низших классов, ход войны изменился, роялисты повсюду потерпели поражение, а король попал в плен к своим собственным подданным. Между его поимкой и казнью двумя наиболее важными политическими событиями были его похищение Джойсом и насильственное изгнание из Палаты общин тех членов, которые, как считалось, могли вмешаться в его пользу. Оба эти решительных шага были предприняты, и действительно, только они могли быть предприняты людьми с большим личным влиянием и смелым и решительным духом. Джойс, похитивший короля и пользовавшийся большим уважением в армии, однако, недавно был обычным рабочим портным;[369] в то время как полковник Прайд, чье имя сохранилось в истории как очистивший Палату общин от злоумышленников, был примерно на одном уровне с Джойсом, поскольку его первоначальным занятием был извозчик.[370] Портной и извозчик были в ту эпоху достаточно сильны, чтобы направлять ход государственных дел и завоевать для себя видное положение в государстве. После казни Карла проявилась та же тенденция: старая монархия была разрушена, значение этой небольшой, но активной партии, известной как сторонники пятой монархии, возросло, и какое-то время она пользовалась значительным влиянием. Тремя их главными и наиболее выдающимися членами были Веннер, Таффнел и Оки. Веннер, который был лидером, был виноделом;[371] Таффнел, который был вторым в команде, был плотником;[372] и Оки, хотя он и стал полковником, занимал черную должность кочегара на пивоварне в Ислингтоне.[373]

Эти случаи также не следует рассматривать как исключительные. В тот период продвижение по службе зависело исключительно от заслуг; и если у человека были способности, он обязательно поднимался, независимо от его происхождения или прежних занятий. Сам Кромвель был пивоваром;[374] а полковник Джонс, его шурин, был слугой частного джентльмена.[375] Дин был слугой торговца; но он стал адмиралом и был назначен одним из комиссаров военно-морского флота.[376] Полковник Гофф был учеником сушильщика;[377] генерал-майор Уолли был учеником драпировщика.[378] Скиппон, простой солдат, не получивший образования,[379] был назначен командующим лондонским ополчением; он был повышен до должности генерал-сержанта-майора армии; он был объявлен главнокомандующим - вождем в Ирландии; и он стал одним из четырнадцати членов совета Кромвеля.[380] Двумя лейтенантами Тауэра были

Беркстед и Тичборн. Беркстед был разносчиком или, во всяком случае, торговцем мелкими товарами;[381] а Тичборн, торговец бельем, не только получил звание лейтенанта Тауэра, но и стал полковником и членом государственного комитета в 1655 году и государственного совета в 1659 году.[382] Другие торги были столь же успешными; высшие призы были открыты для всех мужчин, при условии, что они демонстрировали необходимые способности. Полковник Харви был торговцем шелком;[383] таким же был полковник Роу;[384] таким же был и полковник Венн.[385] Салуэй был учеником бакалейщика, но, будучи способным человеком, дослужился до звания майора в армии; он получил должность королевского летописца; а в 1659 году парламент назначил его членом государственного совета.[386] Вокруг этого совета также собрались Бонд драпировщик,[387] и пивовар Коули;[388] в то время как рядом с ними мы находим Джона Бернерса, который, как говорят, был личным слугой,[389] и Корнелиуса Холланда, который, как известно, был слугой, и который, действительно, раньше был мальчиком на побегушках.[390] Среди других, кто теперь пользовался благосклонностью и занимал трастовые посты, были Паке-суконщик,[391] Ткачиха Пури,[392] и Соберите портного.[393] Парламент, который был созван в 1653 году, до сих пор помнят как парламент Баребоуна, названный так в честь одного из его самых активных членов, которого звали Баребоун и который был продавцом кожи на Флит-стрит.[394] Таким образом, Даунинг, хотя и был бедным благотворителем,[395] стал кассиром казначейства и представителем Англии в Гааге.[396] К этому мы можем добавить, что полковник Хортон был слугой джентльмена;[397] Полковник Берри был торговцем деревом;[398] Полковник Купер был галантерейщиком;[399] Майор Рольф - сапожник;[400] Полковник Фокс - лудильщик;[401] а полковник Хьюсон - сапожник.[402]

Таковы были лидеры английского восстания, или, говоря точнее, таковы были инструменты, с помощью которых восстание было доведено до конца.[403] Если мы теперь обратимся к Франции, мы ясно увидим разницу между чувствами и темпераментом двух наций. В этой стране старый покровительственный дух все еще сохранял свою активность; и народ, находясь в состоянии ученичества, не приобрел тех привычек самообладания и уверенности в себе, с помощью которых только и можно добиться великих свершений. Они так долго привыкли смотреть с робким почтением на высшие классы, что, даже когда они поднялись с оружием в руках, они не смогли отбросить идеи подчинения, которые были быстро отброшены нашими предками. Влияние высших чинов в Англии постоянно уменьшалось; во Франции оно почти не ослабевало. Таким образом, случилось так, что, хотя английское и французское восстания были современны и по своему происхождению были направлены на одни и те же цели, их отличало одно важнейшее различие. Это заключалось в том, что английских повстанцев возглавляли популярные лидеры; французских повстанцев - благородные лидеры. Смелые и стойкие привычки, которые издавна культивировались в Англии, позволяли средним и низшим классам поставлять своих вождей из своих собственных рядов. Во Франции таких вождей было не найти просто потому, что из-за духа покровительства такие привычки не культивировались. Таким образом, в то время как на нашем острове функции гражданского правительства и ведения войны выполнялись с заметным умением и полным успехом мясниками, пекарями, пивоварами, сапожниками и лудильщиками, борьба, которая в то же время происходила во Франции, представляла собой совершенно иную картину. В этой стране восстание возглавляли люди гораздо более высокого положения; люди, действительно, из самого длинного и прославленного рода. Там, несомненно, была демонстрация беспримерного великолепия; плеяда высокопоставленных лиц, благородное собрание аристократических повстанцев и

титулованных демагогов. Там были принц де Конде, принц де Конти, принц де Марсильяк, герцог де Буйон, герцог де Бофор, герцог де Лонгвиль, герцог де Шеврез, герцог де Немур, герцог де Люин, герцог де Бриссак, герцог д'Эльбуф, герцог де Кандаль, герцог де ла Тремуиль, маркиз де ла Буле, маркиз де Лайг, маркиз де Нуармутье, маркиз де Витри, маркиз де Фоссез, маркиз де Силлери, маркиз д'Эстиссак, маркиз д'Окенкур, граф де Ранцау, граф де Монтрезор.

Это были лидеры Фронды;^[404] и простое объявление их имен указывают на разницу между французским и английским восстаниями. И, вследствие этого различия, последовали некоторые результаты, достойные внимания тех авторов, которые в своем незнании прогресса человеческих дел стремятся поддержать ту аристократическую власть, которая, к счастью для интересов человечества, уже давно идет на убыль; и которая в течение последних семидесяти лет подвергалась в самых цивилизованных странах таким жестоким и повторяющимся потрясениям, что ее конечная судьба вряд ли вызывает сейчас большие сомнения.

Английское восстание возглавляли люди, чьи вкусы, привычки и ассоциации, будучи в целом популярными, создавали узы симпатии между ними и народом и сохраняли единство всей партии. Во Франции симпатии были очень слабыми, и поэтому союз был очень ненадежным. Какая симпатия могла быть между механиком и крестьянином, добывающими хлеб насущный, и богатым и распутным дворянином, чья жизнь проходила в праздных и легкомысленных занятиях, которые развратили его разум и сделали его порядок притчей во языцех и поношением среди народов? Разговоры о симпатии, существующей между двумя классами, являются явной нелепостью и, несомненно, были бы сочтены оскорблением теми высокородными людьми, которые относились к своим подчиненным с привычным и наглым презрением. Это правда, что по причинам, которые уже были указаны, люди, к несчастью для себя, смотрели на тех, кто выше их, с величайшим почтением;^[405] но каждая страница французской истории доказывает, насколько недостойно было отвечать взаимностью на это чувство и в каком полном рабстве находились низшие классы. Таким образом, в то время как французы из-за своих давних привычек зависимости оказались неспособными самостоятельно организовать восстание и по этой причине были вынуждены отдать себя под командование своей знати, сама эта необходимость подтвердила раболепие, которое стало его причиной; и, таким образом, затормозив рост свободы, помешала нации посредством своих гражданских войн осуществить те великие дела, которые мы, в Англии, смогли осуществить с помощью наших.

В самом деле, стоит только почитать французскую литературу семнадцатого века, чтобы увидеть несовместимость двух классов и полную безнадежность объединения в одну партию народного и аристократического духа. В то время как целью народа было освободиться от ига, целью знати было просто найти новые источники возбуждения,^[406] и потакать тому личному тщеславию, которым они, как группа, всегда славились. Поскольку этот раздел истории мало изучен, будет интересно собрать несколько примеров, которые проиллюстрируют нрав французской аристократии и покажут, какого рода почести и отличия этот могущественный класс хотел получить больше всего.

Тот, кто изучал влияние, которое в подавляющем большинстве умов наследственные различия оказывают на характер личности, предвидит, что объекты, к которым вождели больше всего, имели весьма незначительное описание. Насколько пагубны такие различия, можно ясно видеть на примере истории всех европейских аристократий; и на печально известном факте,

что ни одна из них не сохранила даже посредственного таланта, за исключением стран, где они часто воодушевляются вливанием плебейской крови, а их порядок укрепляется притоком той мужской энергии, которая естественна для мужчин, самостоятельно создающих себе положение, но которую нельзя ожидать от людей, чье положение создано для них. Ибо, когда в уме однажды прочно укоренилось представление о том, что источник почестей находится извне, а не изнутри, неизбежно должно случиться так, что обладание внешним отличием будет предпочтено ощущению внутренней власти. В таких случаях величие человеческого интеллекта и достоинство человеческого знания считаются подчиненными тем насмешливым и фальшивым градациям, с помощью которых слабые люди измеряют степень своей собственной ничтожности. Следовательно, реальный порядок вещей становится совершенно обратным; то, что является незначительным, ценится выше, чем то, что является великим; и ум ослабевает, приспособляясь к ложному стандарту достоинств, который возвели его собственные предрассудки. По этой причине, очевидно, неправы те, кто упрекает дворян в их гордыне, как если бы это было характерной чертой их сословия. Истина в том, что если бы гордость однажды утвердилась среди них, то за этим быстро последовало бы их вымирание. Говорить о гордости за наследственный ранг - это противоречие в терминах. Гордость зависит от сознания собственной похвалы; тщеславие подпитывается аплодисментами других. Гордость - это сдержанная и возвышенная страсть, которая презирает те внешние различия, за которые жадно ухватывается тщеславие. Гордый человек видит в своем собственном разуме источник своего собственного достоинства, которое, как он хорошо знает, не может быть ни увеличено, ни уменьшено никакими действиями, кроме тех, которые исходят исключительно от него самого. Тщеславный человек, беспокойный, ненасытный и всегда жаждущий восхищения своих современников, естественно, должен уделять большое внимание тем внешним признакам, тем видимым признакам, которые, будь то награды или титулы, воздействуют непосредственно на чувства и таким образом пленяют вульгарных, для понимания которых они сразу очевидны. Следовательно, поскольку великое различие заключается в том, что гордость смотрит внутрь, а тщеславие - вовне, ясно, что когда человек ценит себя за звание, которое он унаследовал случайно, без усилий и без заслуг, это является доказательством не гордыни, а тщеславия, и тщеславия самого презренного рода. Это доказательство того, что у такого человека нет чувства настоящего достоинства, нет представления о том, в чем только и состоит все величие. Что удивительного, если для умов такого сорта самые незначительные мелочи перерастут в дела высочайшей важности? Что удивительного, если такие пустые рассуждения должны быть связаны с лентами, звездами и крестами; если этот вельможа жаждет Подвязки, а тот - Золотого руна; если один мужчина жаждет носить жезл при дворе, а другой - занять должность в королевском доме; в то время как честолюбие третьего состоит в том, чтобы сделать свою дочь фрейлиной или воспитать свою жену хозяйкой мантий?

Мы, видя все это, не должны удивляться тому, что французская знать в семнадцатом веке проявляла в своих интригах и спорах легкомыслие, которое, хотя и смягчалось редкими исключениями, является естественной чертой каждой наследственной аристократии. Нескольких примеров этого будет достаточно, чтобы дать читателю некоторое представление о вкусах и нравах того могущественного класса, который в течение нескольких столетий тормозил прогресс французской цивилизации.

Из всех вопросов, по которым французская знать расходилась во мнениях, самым важным был тот, который касался права сидеть в королевском присутствии. Это считалось делом такой важности, что по сравнению с ним простая борьба за свободу отходила на второй план. И что

делало это еще более волнующим умы знати, так это чрезвычайная трудность, с которой сталкивалась эта великая социальная проблема. Согласно древнему этикету французского двора, если мужчина был герцогом, его жена могла сидеть в присутствии королевы; но если его ранг был ниже, даже если он был маркизом, такая вольность не могла быть допущена.^[407] До сих пор правило было очень простым и, по мнению самих герцогинь, весьма приемлемым. Но маркизы, графы и другие знатные вельможи были встревожены таким возмутительным отличием и приложили все свои силы, чтобы добиться для своих собственных жен такой же чести. Этому герцоги яростно сопротивлялись; но в силу обстоятельств, которые, к сожалению, до конца не изучены, в правление Людовика XIII было введено новшество, и привилегия сидеть в одной комнате с королевой была предоставлена женщинам из семейства Бульон.^[408] В результате этого злонамеренного прецедента вопрос серьезно осложнился, поскольку другие представители аристократии считали, что чистота их происхождения не дает им права претендовать ни на что, кроме прав дома Бульон, древность которого, по их словам, была сильно преувеличена. Последовавшее за этим соперничество привело к расколу знати на две враждебные партии, одна из которых стремилась сохранить ту исключительную привилегию, в которой другая желала участвовать. Чтобы примирить эти соперничающие притязания, предлагались различные средства; но все были тщетны, и двор во время правления Мазарини, подгоняемый страхом восстания, проявлял признаки того, что уступает низшим дворянам то положение, которого они так страстно желали. В 1648 и 1649 годах королева-регентша, действуя по совету своего совета, официально предоставила право присутствовать в королевском присутствии трем наиболее выдающимся представителям низшей аристократии, а именно графине де Флейкс, мадам де Понс и принцессе де Марсильяк.^[409] Едва это решение было обнародовано, как принцы крови и пары королевства пришли в величайшее волнение.^[410] Они немедленно вызвали в столицу тех членов своего собственного ордена, которые были заинтересованы в отражении этой дерзкой агрессии, и, объединившись в ассамблею, они сразу же приняли меры по отстаиванию своих древних прав.^[411] С другой стороны, низшая знать, воодушевленная своим недавним успехом, настаивала на том, что только что сделанная уступка должна быть возведена в ранг прецедента; и что, поскольку честь восседать в присутствии величества была предоставлена дому Фуа в лице графини де Флей, она также должна быть предоставлена всем тем, кто сможет доказать, что их величество - король. родословная была столь же знатной.^[412] Теперь возникла величайшая неразбериха; и обе стороны настойчиво настаивали на своих собственных требованиях, в течение многих месяцев существовала неминуемая опасность, что вопрос будет решен путем обращения к мечу.^[413] Но поскольку высшая знать, хотя и была менее многочисленной, чем их противники, была более могущественной, спор был окончательно решен в их пользу. Королева направила их собранию официальное послание, которое было передано четырьмя маршалами Франции и в котором она обещала отменить те привилегии, уступка которых нанесла такое оскорбление самым знатным представителям французской аристократии. В то же время маршалы не только взяли на себя ответственность за обещание королевы, но и обязались подписать соглашение о том, что они лично проследят за его исполнением.^[414] Дворяне, однако, которые чувствовали, что их обидели в самом чувствительном месте, еще не были удовлетворены, и, чтобы успокоить их, было необходимо, чтобы искупление было таким же публичным, как и нанесенный ущерб. Было признано необходимым, прежде чем они мирно разойдутся, чтобы правительство выпустило документ, подписанный королевой-регентшей и четырьмя государственными секретарями,^[415] в котором привилегии, предоставленные непривилегированной знати, были

отозваны, и столь желанная честь заседать в королевском присутствии была отнята у принцессы де Марсильяк, у мадам де Марсильяк. Понс и от графини де Флейкс.[416]

Это были темы, которые занимали умы и растрачивали энергию французской знати, в то время как их страна была охвачена гражданской войной, и в то время как обсуждались вопросы величайшей важности — вопросы, касающиеся свободы нации и восстановления правительства.[417] Вряд ли нужно указывать, насколько непригодными должны были быть такие люди, чтобы возглавлять народ в его тяжелой борьбе, и насколько огромной была разница между ними и лидерами великого английского восстания. Причины провала Фронды, действительно, очевидны, если учесть, что ее вожди были выбраны из того самого класса, о вкусах и чувствах которого только что были приведены некоторые свидетельства.[418] То, что эти свидетельства могут быть практически бесконечно расширены, хорошо известно читателям французских мемуаров семнадцатого века — класса произведений, которые, будучи в основном написаны либо знатью, либо их приверженцами, предоставляют лучшие материалы, на основе которых может быть сформировано мнение. Глядя в эти органы, где такие вопросы, связанные с надлежащим пониманием их значимости, мы найдем наибольшие трудности и споры, относительно того, кто имеет кресло в суд;[419] который должен был быть приглашен на королевский ужин, и который должен был быть исключены из них;[420] кто будет целовать королеву, а кто был не поцеловал ее;[421], которые должны были первое место в церкви;[422], что в правильной пропорции между звание различным лицам, а длина полотна, по которому им было позволено стоять;[423], что было достоинства благородного должны достигать, для того, чтобы оправдать его входа в Лувр в карете;[424], который должен был иметь приоритет при коронации;[425] ли все князья были равны, или же, как некоторые думали, герцог де Буйон, однажды обладал суверенитетом седан, превосходил герцога де ла Рошфуко, которого никогда не имели суверенитета на всех;[426] ли герцог де Бофор должно или не должно входить в Совет-камерой, герцог де Немур, и можно ли, находясь там, он должен сидеть над ним.[427] Это были важнейшие вопросы дня: в то время как, словно для того, чтобы исчерпать все формы абсурда, возникли самые серьезные недоразумения относительно того, кто должен иметь честь подавать королю его салфетку во время еды[428] и которому выпала неоценимая привилегия помогать королеве в ее смене.[429]

Возможно, можно подумать, что я должен принести читателю некоторые извинения за то, что привлек его внимание к этим жалким спорам по вопросам, которые, какими бы презренными они сейчас ни казались, когда-то ценились людьми, не совсем лишенными понимания. Но следует помнить, что их возникновение и, прежде всего, значение, которое раньше придавалось им, являются частью истории французского сознания; и поэтому их следует оценивать не в соответствии с их внутренним достоинством, а в соответствии с информацией, которую они предоставляют относительно положения вещей, которое теперь ушло в прошлое. События такого рода, хотя и игнорируются обычными историками, входят в число основных исторических событий. Они не только помогают донести до нашего сознания эпоху, к которой они относятся, но и с философской точки зрения очень важны. Они являются частью материала, на основе которого мы можем обобщить законы этого великого защитного духа, который в разные периоды принимает разные формы; но который, какой бы ни была его форма, всегда обязан своей силой чувству почитания в противоположность чувству независимости. Насколько естественна эта сила на определенных этапах развития общества, становится очевидным, если мы рассмотрим основу, на которой держится само почитание. Источником почитания являются удивление и страх. Эти две страсти, по отдельности или в сочетании, являются обычным

источником почитания; и способ, которым они возникают, очевиден. Мы удивляемся, потому что невежественны, и боимся, потому что слабы. Поэтому естественно, что в прежние времена, когда люди были более невежественными и более слабыми, чем сейчас, они также должны были быть более склонны к почитанию, более склонны к тем привычкам благоговения, которые, будучи перенесены в религию, вызывают суеверия, а будучи перенесены в политику, вызывают деспотизм. В обычной жизни общества эти пороки устраняются прогрессом знаний, который одновременно уменьшает наше невежество и увеличивает наши ресурсы: другими словами, который уменьшает нашу склонность к удивлению и страху и, таким образом, ослабляя наше чувство почитания, в той же пропорции усиливает наше чувство независимости. Но во Франции этой естественной тенденции, как мы уже видели, противодействовала противоположная тенденция; так что, хотя, с одной стороны, покровительственный дух был ослаблен развитием знаний, с другой стороны, он был усилен теми социальными и политическими обстоятельствами, которые я попытался проследить; и в силу которых, когда каждый класс пользовался огромной властью над тем, кто был ниже его, подчинение и подневольное положение целого полностью поддерживались. Поэтому ум привык смотреть ввысь и полагаться не на свои собственные ресурсы, а на ресурсы других. Отсюда тот податливый и покорный нрав, которым французы всегда отличались вплоть до восемнадцатого века. Отсюда также то чрезмерное уважение к мнению других, на котором основано тщеславие, как одна из их национальных черт.^[430] Ибо чувства тщеславия и почитания, очевидно, имеют то общее, что они побуждают каждого человека оценивать свои действия по стандарту, внешнему по отношению к нему; в то время как противоположные чувства гордости и независимости заставили бы его предпочесть тот внутренний стандарт, который может предложить только его собственный разум. Результатом всего этого было то, что, когда в середине семнадцатого века интеллектуальное движение побудило французов к восстанию, его эффект был нейтрализован той социальной тенденцией, которая даже в разгар борьбы сохраняла живыми привычки их прежнего раболепия. Таким образом, пока продолжалась война, со стороны народа все еще сохранялась постоянная склонность равняться на дворян, со стороны дворян - равняться на корону. Оба класса полагались на то, что они видели непосредственно над собой. Люди верили, что без знати нет безопасности; дворяне верили, что без короны нет чести. В случае с дворянами это мнение вряд ли можно порицать; поскольку их отличия исходят от короны, они напрямую заинтересованы в поддержании древнего представления о том, что суверен является источником чести. Они непосредственно заинтересованы в этой абсурдной доктрине, согласно которой, поскольку истинный источник чести упускается из виду, наше внимание переключается на воображаемый источник, благодаря действию которого считается, что в одно мгновение и по простой воле государя высшие почести могут быть оказаны самым ничтожным людям. Это, действительно, всего лишь часть старой схемы создания различий, на которые природа не давала никаких оснований; подменять то, что реально, превосходством условным; и таким образом пытаться возвысить маленькие умы над уровнем великих. Полный провал и, по мере развития общества, окончательное прекращение всех подобных попыток несомненны; но очевидно, что до тех пор, пока попытки предпринимаются, те, кто извлекает из них выгоду, должны быть склонны ценить тех, от кого они исходят. Если не вмешаются противодействующие обстоятельства, между двумя сторонами должна быть та симпатия, которая вызвана памятью о прошлых благосклонностях и надеждой на будущее. Во Франции, где это естественное чувство усиливается духом покровительства, побуждающим людей цепляться за тех, кто выше их, нет ничего странного в том, что дворяне даже в разгар своей бурной жизни стремятся к малейшим милостям короны с рвением, некоторые примеры которого только что были приведены. Они так

долго привыкли смотреть на государя как на источник своего собственного достоинства, что верили, что даже в самых обычных его действиях есть какое-то скрытое достоинство; так что, по их мнению, было делом величайшей важности, кто из них должен подать ему салфетку, кто из них должен держать его таз и кто из них должен надеть его рубашку.^[431] Однако я собрал доказательства, касающиеся споров, которыми они были поглощены, не для того, чтобы высмеять этих праздных и легкомысленных людей. Настолько далекие от этого, что их скорее следует жалеть, чем винить: они действовали в соответствии со своими инстинктами; они даже проявляли те скромные способности, которыми наделила их природа. Но мы вполне можем сочувствовать этой великой стране, интересы которой зависели от их заботы. И историку нужно утруждать себя историей французской знати исключительно в связи с судьбой французского народа. В то же время свидетельства такого рода, раскрывая тенденции старой знати, проявляют в одной из своих наиболее активных форм тот покровительственный и аристократический дух, о котором мало знают те, кто только знает его в его нынешнем упадочном состоянии. Подобные факты следует рассматривать как симптомы жестокой болезни, которой Европа действительно все еще поражена, но которую мы сейчас видим лишь в очень смягченной форме, и о природной заразности которой никто не может иметь представления, если он не изучал ее на тех ранних стадиях, когда, бушуя бесконтрольно, она достигла такого размаха, что сдерживала рост свободы, останавливала прогресс наций и уменьшала энергию человеческого разума.

Вряд ли есть необходимость более подробно описывать путь, которым Франция и Англия расходились друг с другом, или указывать на то, что, я надеюсь, впредь будет считаться очевидным различием между гражданскими войнами в двух странах. Очевидно, что низкородные и плебейские лидеры нашего восстания не могли сочувствовать тем вопросам, которые ставили в тупик понимание крупной французской знати. Такие люди, как Кромвель и его помощники, не были особо сведущи в тайнах генеалогии или в тонкостях геральдических знаний. Они уделяли мало внимания придворному этикету; они даже не изучали правила старшинства. Все это было чуждо их замыслу. С другой стороны, то, что они делали, было сделано тщательно. Они знали, что им предстоит выполнить великую работу, и выполнили ее хорошо.^[432] Они поднялись с оружием в руках против коррумпированного и деспотического правительства, и они не опустили бы руки, пока не свергли бы тех, кто занимал высокие посты; пока они не только не устранили зло, но также наказали тех плохих людей, которые это зло совершили. И хотя в этом своем славном предприятии они, несомненно, проявили некоторые из недостатков, которым подвержены даже высочайшие умы; мы, по крайней мере, никогда не должны говорить о них иначе, как с тем непритворным уважением, которое подобает тем, кто преподавал первый великий урок королям Европы и кто, выражаясь безошибочно, объявил им, что безнаказанности, которой они долгое время наслаждались, теперь пришел конец, и что против их проступков у народа есть средство, более острое и решительное, чем любое из тех, которые они до сих пор осмеливались использовать.

Сноски:

^[352] 'С самого начала можно сказать, что йомены и торговые классы городов были в целом враждебны королю, даже в тех графствах, которые находились под его военной оккупацией; за исключением нескольких, таких как Корнуолл, Вустер, Салоп и большая часть Уэльса, где

преобладали преимущественно роялистские настроения'. *Константа Халлама. История.* том i. стр. 578. Смотрите также *Историю Лингарда. of England*, том vi. стр. 304; и *История Элисон. Европы*, том i, стр. 49.

[353] Об этом разделении классов, которое, несмотря на несколько исключений, несомненно верно как общий факт, сравните *Мемуары сэра П. Уорвика*, стр. 217; "*Кромвель*" *Карлайла*, т. iii. стр. 347; "*История*" *Кларендона. о восстании*, стр. 294, 297, 345, 346, 401, 476; *История мэя. о Долгом парламенте*, книга i. стр. 22, 64, книга ii. стр. 63, книга iii. стр. 78; *Мемуары Хатчинсона*, стр. 100; *Мемуары Ладлоу*, т. i. стр. 104, т. iii. стр. 258; *Мемуары Булстроуда*, стр. 86.

[354] Лорд Кларендон говорит в своем высокопарном стиле: "сброд, презиаемый под именем круглоголовых". *Hist. о восстании*, стр. 136. Это было в 1641 году, когда титул, по-видимому, был присвоен впервые. См. *Переписку Fairfax*. том ii. стр. 185, 320.

[355] Незадолго до битвы при Эджхилле в 1642 году Чарльз сказал своим войскам: 'Вас называют кавалерами в укоризненном значении'. См. Речь короля в "*Трактатах Сомерса*", том iv. стр. 478. Сразу после битвы он обвинил своих противников в том, что они "делают всех благородных людей отвратительными для простых людей в стиле кавалеров'. *История мэя. о Долгом парламенте*, книга iii. стр. 25.

[356] М. Сент-Олер (*Hist. de la Fronde*, vol. i. p. v.) says, that the object of the Frondeurs was, 'limiter l'autorité royale, consacrer les principes de la liberté civile et en confier la garde aux compagnies souveraines;' and at p. vi. he calls the declaration of 1648, 'une véritable charte constitutionnelle.' См. также, в томе i, стр. 128, заключительный абзац речи Омера Талона. Joly, who was much displeased at this tendency, complains that in 1648, 'le peuple tomboit imperceptiblement dans le sentiment dangereux, qu'il est naturel et permis de se défendre et de s'armer contre la violence des supérieurs.' *Мемуары де Жоли*, стр. 15. Из непосредственных целей, предложенных Фрондой, одна заключалась в уменьшении уголовной ответственности, а другая - в принятии закона, согласно которому никто не должен содержаться в тюрьме более двадцати четырех часов, "без предписаний в отношении основных законов парламента для справедливого судебного процесса по делу о преступлении или о невиновности". *Мемуары де Монглэ*, том ii, стр. 135; *Мемуары де Мотвиля*, том ii. стр. 398; *Мемуары де Реца*, том i. стр. 265; *Мемуары д'Омера Талона*, том ii. стр. 224, 225, 240, 328.

[357] Я использую слово "парламент" в том смысле, который придавали ему писатели того времени, а не в юридическом смысле.

[358] В мае 1642 года в Вестминстере оставалось сорок два пэра, *конст. Hist.* vol. i. p. 559; но они постепенно отказались от народного дела; и, согласно *Parl. Hist.* vol. iii. p. 1282, настолько уменьшился, что в конечном итоге присутствовало "редко больше пяти или шести".

[359] Эти усиливающиеся демократические тенденции наиболее четко обозначены в любопытной работе Уокера "*История независимости*". Смотрите, среди других отрывков, книгу i, стр. 59. И Кларендон под 1644 годом говорит (*Hist. о восстании*, стр. 514): 'Эта неистовая партия, которая сначала втянула остальных в войну, а затем препятствовала всем подходам к миру, обнаружила теперь, что они закончили столько своей работы, сколько могли использовать инструменты, которыми они работали, и то, что осталось сделать, должно быть отправлено новым рабочим'. Что это были за новые рабочие, он объясняет впоследствии, стр. 641, как 'самых неполноценных людей, предпочитаемых всем надежным и прибыльным

местам'. Книга xi. под 1648 годом. Сравните несколько хороших замечаний г-на Белла в журнале *Fairfax Correspondent*. том iii. стр. 115, 116.

[360] Это было после назначений Эссекса и Бедфорда, в 1643 году. *Воспоминания Ладлоу*, том i, стр. 58; *"Кромвель"* Карлайла, том i, стр. 189.

[361] Когда король попытался арестовать пятерых членов, Манчестер, в то время лорд Кимболтон, был единственным пэром, которому он объявил импичмент. Это обстоятельство расположило Кимболтона к партии; его собственная безопасность еще теснее связывала его с ее интересами.' *Англия* Лингарда, том vi. стр. 337. Сравните *Кларендон*, стр. 375; *Ладлоу*, том i, стр. 20. Также говорят, что лорд Эссекс присоединился к народной партии из личной неприязни к королю. *Переписка Фэрфакса*. том iii. стр. 37.

[362] М-р Карлайл сделал несколько очень характерных, но очень справедливых замечаний по поводу 'знатных Эссексов и манчестеров с ограниченными представлениями и большими поместьями'. *"Кромвель"* Карлайла, том i, стр. 215.

[363] *Ладлоу мемуары*, том. раздел III. стр. 110; *Хатчинсона мемуары*, с. 230, 231; *Харрис живет Стюартов*, объем. раздел III. стр. 106; *Булстроуд мемуары*, с. 112, 113, 119; *Кларендон бунт*, РР. 486, 514; или, как Лорд Севера ставит его, для общего Эссекс сейчас начали появляться частные каббалистов немного wresty.' *Повествование Норта о пассажах, относящихся к Долгому парламенту*, опубликованное в 1670 году в *"Трактатах Сомерса"*, том vi. стр. 578. На стр. 584 тот же элегантный автор говорит о Эссексе: "он был первым и последним представителем знати, нанятым парламентом в военных делах, что вскоре привело его к тому периоду его жизни. И пусть он будет примером для всех будущих эпох, чтобы удержать всех людей подобного достоинства от участия в создании демократической власти, интерес которой состоит в том, чтобы подавлять всех людей его положения'. 'Письмо-предостережение', адресованное ему парламентом в 1644 году, напечатано в *Parl. История*. том iii. стр. 274.

[364] *История Лингарда. of England*, том vi. стр. 318. См. Также о враждебности между Эссексом и Уоллером, *Историю Уолкера. о независимости*, часть i. стр. 28, 29; и *Parl. История*. том iii. с. 177. Сэр Филип Уорвик (*Мемуары*, стр. 254) презрительно называет Уоллера "любимцем генерала Лондонского сити".

[365] Сравните константу Халлама. *История*. том i. стр. 569, 570, с воспоминаниями *Булстроуда*, стр. 96, и письмом лорда Бедфорда, в *прим. История*. том iii. стр. 189, 190. Это перепутанное письмо подтверждает неблагоприятный отзыв автора, приведенный в *"Восстании Кларендона"*, стр. 422.

[366] Доктор Бейтс, который был врачом Кромвеля, намекает, что это было предвидено с самого начала. Он говорит, что народная партия предложила командование некоторым дворянам, 'не потому, что они испытывали какое-либо уважение к лордам, которых вскоре они намеревались изгнать и уравнивать с простолюдинами, но чтобы они могли отравить их своим собственным ядом и подняться до большей власти, перетянув на свою сторону больше людей". *Отчет Бейтса о последних беспорядках в Англии*, часть i. стр. 76. Лорд Норт также предполагает, что почти сразу после начала войны было решено распустить Палату лордов. См. *Трактаты Сомерса*, том vi. стр. 582. Помимо этого, я не знаю никаких прямых ранних свидетельств; за исключением того, что в 1644 году Кромвель якобы заявил, что "в Англии никогда не наступят хорошие

времена, пока мы не покончим с лордами'. "Кромвель" Карлайла, т. i., стр. 217; и, что очевидно по тому же поводу, в *Мемуарах Холлса*, стр. 18.

[367] Это был 'Указ о самоотречении', который был введен в декабре 1644 года; но из-за сопротивления пэров он не был введен в действие до следующего апреля. *Часть. История.* том iii. стр. 326-337, 340-343, 354, 355. См. также *Воспоминания лорда Холлса*, стр. 30; *Воспоминания сэра П. Уорвика*, стр. 283.

[368] Об этой великой эпохе в истории Англии см. *Parl. История.* том iii. стр. 1284; *Конст. Халлама. История.* том i, стр. 643; *Главные судьи Кэмпбелла*, том i, стр. 424; *Воспоминания Ладлоу.* том i, стр. 246; *Воспоминания Уорика.* стр. 182, 336, 352.

[369] 'Корнет Джойс, который был одним из агитаторов в армии, портным, парнем, который два или три года назад служил на очень низкой должности в доме мистера Холлиса'. *Восстание Кларендона*, стр. 612. 'Проницательный портной'. *Комментарии Д'Израэли к правлению Карла I.*, 1851, т. ii. стр. 466.

[370] Ладлоу (*Мемуары*, том ii, стр. 139); Нобл (*Мемуары дома Кромвелей*, том ii, стр. 470); и Уинстэнли (*Верноподданнический мартиролог*, изд. 1665, стр. 108) упоминают, что Прайд был извозчиком. Говорят, что Кромвель, высмеивая старые различия, даровал ему рыцарское звание 'с помощью педика'. "Жизнь Оуэна" Орма, стр. 164; "Жизни Стюартов" Харриса, т. iii. стр. 478.

[371] 'Пятая монархия, возглавляемая главным образом неким Веннером, виноделом'. "Кромвель" Карлайла, том iii. стр. 282. 'Веннер, бондарь'. *Жизнь Листера и корреспондента Кларендона*, том ii. стр. 62.

[372] "Вторым после Веннера был некто Таффнел, плотник, живший на Грейз Инн Лейн". *Мартиролог Уинстенли*, стр. 163.

[373] 'Он был кочегаром в пивоварне в Ислингтоне, а затем самым бедным торговцем около Лайон-Ки, на Темз-стрит'. *Часть. История.* том iii. стр. 1605. См. также *Мартиролог Уинстэнли*, стр. 122.

[374] Некоторые неуклюжие восхвалители Кромвеля желают замалчивать тот факт, что он был пивоваром; но то, что он действительно занимался этим полезным ремеслом, подтверждается множеством свидетельств и отчетливо заявлено его собственным врачом, доктором Бейтсом. *Проблемы Бейтса в Англии*, том ii. стр. 238. См. также "Историю независимости Уокера", часть i. стр. 32, часть ii. стр. 25, часть iii. стр. 37; "Благородный дом Кромвеля", том i. стр. 328-331. Другие отрывки, которые я сейчас не могу вспомнить, придут на ум тем, кто изучал литературу того времени.

[375] 'Джон Джонс, сначала служащий, затем полковник Долгого Парламента, ... женился на сестре Протектора'. *Часть. История.* том iii. стр. 1600. 'Слуга... со временем женился на одной из сестер Кромвеля'. *Мартиролог Уинстэнли*, стр. 125.

[376] "Ричард Дин, эсквайр, как говорят, был слугой one Button, игрушечного мастера в Ипсвиче, и сам был сыном человека, занимавшего ту же должность; ... был назначен одним из комиссаров военно-морского флота вместе с Попхэмом и Блейком, а в апреле (1649 г.) он стал

адмиралом и генералом на море". *Нобл Жизни цареубийц*, том i. стр. 172, 173. Уинстенли (*Martyrol*. стр. 121) также говорит, что Дин был "слугой в Ипсвиче".

[377] 'Ученик некоего Воана, солильщика'. *Благородный дом Кромвеля*, том ii, стр. 507: и посмотрите его *Цареубийцы*, том i, стр. 255.

[378] 'Связанный ученик суконщика'. *Мученик Уинстэнли*. стр. 108. Впоследствии он сам занялся тем же ремеслом, но без особого успеха, поскольку доктор Бейтс (*Неприятности в Англии*, том ii, стр. 222) называет его "разорившимся суконщиком".

[379] "Совершенно неграмотный". *Восстание Кларендона*, стр. 152. Две его необычные речи сохранились в *Дневнике Бертона*, т. i. стр. 24, 25, 48-50.

[380] *Воспоминания Холлса*. стр. 82; *Воспоминания Ладлоу*. том ii. стр. 39; и письмо Фэрфакса в "Мемориалах гражданской войны" Кэри, 1842, том i. стр. 413.

[381] 'Беркстед, который до сих пор продавал иголки, ободки и наперстки и за небольшие деньги побежал бы с поручением куда угодно; но теперь Кромвель предпочел ему почетную должность лейтенанта Лондонского Тауэра'. *Рассказ Бейтса о смутах*, часть ii. стр. 222.

[382] *Цареубийцы нобла*, том ii. стр. 272, 273. Лорд Холлс (*Мемуары*, стр. 174) также упоминает, что он был "торговцем бельем".

[383] "Эдвард Харви, в прошлом бедный торговец шелком, ныне полковник, получил дом и поместье епископа Лондонского в Фулхэме". *Независимость Уокера*, часть i, стр. 170. "Некто Харви, пришедший в упадок шелковод", *Восстание Кларендона*, стр. 418.

[384] Оуэн Роу, 'получив профессию торговца шелком, ... поступил в парламентскую армию и стал полковником'. *Цареубийцы нобла*, том ii. стр. 150.

[385] 'Торговец шелковыми изделиями в Лондоне; ... пошел в армию и дослужился до звания полковника'. "*Цареубийцы Нобла*", том ii. стр. 283. 'Разорившийся торговец шелком в Чипсайде'. *Мартирол Уинстэнли*. стр. 130.

[386] *Walker's Independency*, part i. p. 143; *История*. том iii. стр. 1608; *Воспоминания Ладлоу*. том ii. стр. 241, 259; "*Цареубийцы Нобла*", том ii. стр. 158, 162.

[387] Он был "суконщиком в Дорчестере" и "одним из членов государственного совета в 1649 и 1651 годах". "*Цареубийцы Нобла*", том i, стр. 99: см. Также *Parl. История*. том iii. стр. 1594.

[388] "Пивовар в Чичестере; ... в 1650-1650 годах он был назначен одним из членов государственного совета". "*Цареубийцы нобла*", том i, стр. 136. 'Уильям Коули, пивовар из Чичестера'. *Мартирол Уинстэнли*. стр. 138.

[389] Джон Бернерс, "предположительно, изначально был слугой", был "одним из членов государственного совета в 1659 году", "*Цареубийцы Нобла*", том i, стр. 90.

[390] "Холланд-мальчик-связист", "*Независимость Уокера*", часть iii. стр. 37. 'Первоначально он был не более чем слугой сэра Генри Вейна; ... после образования Содружества он был назначен членом государственного совета в 1649 году, а затем снова в 1650 году'. "*Цареубийцы нобля*", том i. стр. 357, 358.

[391] *Воспоминания Нобла о Кромвеле*, том ii. стр. 502.

[392] *о независимости*, часть i. стр. 167.

[393] *Оригинальные письма Эллиса, иллюстрирующие английскую историю*, третья серия, том iv. стр. 219, Конец 1846 г.

[394] *Парл. История*. том iii. стр. 1407; *Биография Розы. Диктант*. том iii. стр. 172; *Восстание Кларендона*, стр. 794.

[395] 'Бедный ребенок, воспитанный на благотворительности'. *Harris's Stuarts*, т. v., стр. 281. 'Человек неясного происхождения и еще более неясного образования'. *"Жизнь самого себя" Кларендона*, стр. 1116.

[396] См. *"Кромвель" Воана*, том i, стр. 227, 228, том ii, стр. 299, 302, 433; *"Жизнь Листера и корреспондента Кларендона"*, том ii, стр. 231, том iii, стр. 134. Общепринятое мнение таково, что он был сыном священника в Хакни; но если это так, то он, вероятно, был незаконнорожденным, учитывая то, как он был воспитан. Однако его происхождение из Хакни весьма сомнительно, и, похоже, никто не знает, кем был его отец. См. *Примечания и запросы*, том iii. Стр. 69, 213.

[397] *дворянина цареубийц*, объем. я. стр. 362. Кромвель питал большое уважение к этому замечательному человеку, который не только отличился как солдат, но и, судя по его недавно опубликованному письму, похоже, исправил недостатки своего раннего образования. См. *Корреспонденцию Fairfax*. том iv. Стр. 22-25, 108. Никогда в истории Англии не было периода, в который на государственной службе было бы занято так много людей с природными способностями, как во времена Содружества.

[398] *Дворянский дом Кромвеля*, том ii. стр. 507.

[399] *Noble's Cromwell*, vol. ii. p. 518; *Bates's Troubles*".

[400] *Bates's Late Troubles*, vol. i. p. 87; *Ludlow's Mem..*

[401] *о независимости*, часть ii. стр. 87.

[402] Ладлоу, который был хорошо знаком с полковником Хьюсоном, говорит, что тот 'был сапожником'. *Мемуары Ладлоу*, том ii. стр. 139. Но это дружеская пристрастность друга, и нет никаких сомнений в том, что доблестный полковник был ни много ни мало сапожником. См. *Независимость Уокера*, часть ii. стр. 39; *"Мартирол" Уинстенли*. стр. 123; *"Поздние неприятности" Бейтса*, том ii. стр. 222; *"Кромвель" Ноубла*, том ii. стр. 251, 345, 470.

[403] Уокер, который рассказывает о том, чему он сам был свидетелем, говорит, что примерно в 1649 году армией командовали "полковники и высшие офицеры, которые гордились своими золочеными каретами, богатой одеждой, дорогими пиршествами; хотя некоторые из них правили ломовыми лошадьми, носили кожаные накидки и никогда не могли назвать своих отцов или матерей'. *История. о независимости*. часть II. стр. 244. В *"Меркуриус Рустикус"* за 1647 год говорится: 'Челмсфордом управляли лудильщик, два сапожника, два портных, два разносчика'. *"Банальная книга Саути"*, третья серия, 1850, стр. 430. И на стр. 434 в другой работе, 1647 года, делается аналогичное заявление в отношении Кембриджа; в то время как

лорд Холлс уверяет нас, что 'большинство полковников и офицеров (были) мелкими торговцами, пивоварами, тейлорами, ювелирами, сапожниками и тому подобными'. *Мемуары Холлса*, стр. 149. Когда Уайтлок был в Швеции в 1653 году, претор одного из городов оскорбил парламент, заявив, 'что они убили своего короля и были компанией тейлоров и сапожников'. *Шведское посольство Уайтлока*, том i, стр. 205. Смотрите также примечание в *Истории Карвитена. Англиканской церкви*, том ii, стр. 156.

[404] Даже Де Рец, тщетно пытавшийся организовать народную партию, обнаружил, что без дворян невозможно предпринять ни шагу; и, несмотря на свои демократические тенденции, он в 1648 году счел целесообразным "взять на себя ответственность за взаимодействие общественности и качественных сотрудников". *Воспоминания де Джоли*, стр. 31.

[405] Возможно (*Наблюдения из истории. de France*, vol. i. p. 357) frankly says, 'L'exemple d'un grand a toujours été plus contagieux chez les Français que partout ailleurs.' See also vol. ii. p. 267: 'Jamais l'exemple des grands n'a été aussi contagieux ailleurs qu'en France; on dirait qu'ils ont le malheureux privilège de tout justifier.' Ривароль, хотя его мнения по другим пунктам были полностью противоположны мнениям Мабли, говорит, что во Франции 'благородство существует во всем народе, если не придерживаться религиозных взглядов, не воспитывать детей'. *Воспоминания де Ривароля*, стр. 94. К счастью, Французская революция, или, скорее, обстоятельства, вызвавшие Французскую революцию, полностью разрушили это позорное почитание.

[406] Герцог де Ларошфуко откровенно признает, что в 1649 году дворяне развязали гражданскую войну, "авантюрист плюс галерист, чтобы противостоять новому". *Воспоминания де Рошфуко*, том i, стр. 406. Так же и Лемонти (*Собрание Людовика XIV*, стр. 368): "Жизнь дворянина, не знающего, что такое битва, достойная война в пути, в одиночестве, в тщеславии, в скуке". Сравните в *Воспоминаниях д'Омер Тэллона*, т. ii, стр. 467, 468, краткое изложение причин, которые в 1649 году побудили дворян вступить в войну; и о том, как их легкомыслие унизило Фронду, см. *Лавалье, История. des Français*, vol. iii. pp. 169, 170.

[407] Следовательно, герцогинь называли "женскими помощницами"; тех, кто был более низкого ранга, "не помощницами". *Воспоминания де Фонтенэ Марей*, том i, стр. 111. The Count de Ségur tells us that 'les duchesses jouissaient de la prérogative d'être assises sur un tabouret chez la reine.' *Mém. de Ségur*, vol. i. p. 79. Важность, придаваемая этому, забавно проиллюстрирована в *Мемуарах де Сен-Симона*, т. iii, стр. 215-218, Париж, 1842; которые следует сравнить с *Де Токвилем, Реном де Людовика XV*, т. ii, стр. 116, и *Мемуарами де Жанлиса*, т. x, стр. 383.

[408] 'Survint incontinent une autre difficulté à la cour sur le sujet des tabourets, que doivent avoir les dames dans la chambre de la reine; car encore que cela ne s'accorde régulièrement qu'aux duchesses, néanmoins le feu roi Louis XIII l'avoit accordé aux filles de la maison de Bouillon,' &c. *Mém. d'Omer Talon*, vol. iii. p. 5. See also, on this encroachment on the rights of the duchesses under Louis XIII., the case of Séguier, in *Duclos, Mémoires Secrets*, vol. i. pp. 360, 361. Последствия нововведения были очень серьезными; и Таллеман де Рео (*"Исторические хроники"*, том iii, стр. 223, 224) упоминает выдающуюся даму, о которой он говорит: 'Для удовлетворения амбиций сына, или любовь фаллуа под табуре: эль кабале для создателя старого бульона, Марка вдовы для второй половины человечества'. In this she failed; but, determined not to be baffled, 'elle ne se rebute point, et voulant à toute force avoir un tabouret, elle épouse le fils aîné du duc de Villars: c'est

un ridicule de corps et d'esprit, car il est bossu et quasi imbécile, et gueux par-dessus cela.' Это печальное событие произошло в 1649 году.

[409] Что касается графини де Флейкс и мадам де Понс, см. *Воспоминания де Мотвиля*, том iii. стр. 116, 369. Согласно тому же авторитетному источнику (том iii, стр. 367), неполноценность принцессы де Марсильяк заключалась в том болезненном факте, что ее муж был всего лишь сыном герцога, а сам герцог был еще жив, "и он не мог быть джентльменом, и сын отца герцога де Ларошфуко не мог умереть".

[410] Подробный отчет об этих разбирательствах в *Мемуарах де Мотвиля*, т. iii. стр. 367-393, показывает важность, придаваемую им современным мнением.

[411] В октябре 1649 года "Собрание знати в Париже на фоне свершившегося табурина", *Воспоминания Лене*, том i, стр. 184.

[412] 'Tous ceux donc qui par leurs aïeux avoient dans leurs maisons de la grandeur, par des alliances des femmes descendues de ceux qui étoient autrefois maîtres et souverains des provinces de France, demandèrent la même prérogative que celle qui venoit d'être accordée au sang de Foix.' *Mém. de Motteville*, vol. iii. p. 117. Another contemporary says: 'Cette prétention émut toutes les maisons de la cour sur cette différence et inégalité.' *Mém. d'Omer Talon*, vol. iii. p. 6; and vol. ii. p. 437: 'le marquis de Noirmoutier et celui de Vitry demandoient le tabouret pour leurs femmes.'

[413] Действительно, в какой-то момент было решено, что со стороны низшей знати должна быть проведена контрдемонстрация; процедура, которая, в случае принятия, должна была вызвать гражданскую войну: "Наши решения по борьбе с собранием знати за сутенерство дома Роан". *De Рец, Воспоминания*, том i, стр. 284.

[414] *Воспоминания де Мотвиля*, том iii. стр. 389.

[415] 'Signé d'elle et des quatre secrétaires d'état.' Там же. том iii. стр. 391.

[416] Лучшие описания этой великой борьбы можно найти в *Мемуарах мадам де Мотвиля* в мемуарах Омера Тэллона; двух писателей совершенно разных взглядов, но оба они были глубоко впечатлены масштабом соревнования.

[417] Сент-Олер (*Hist. de la Fronde*, vol. i. p. 317) says, that in this same year (1649), 'l'esprit de discussion fermentait dans toutes les têtes, et chacun à cette époque soumettait les actes de l'autorité à un examen raisonné.' Thus, too, in *Mém. de Montglat*, under 1649, 'on ne parlait publiquement dans Paris que de république et de liberté,'**RSQU

том ii. стр. 186. In 1648, 'effusa est contemptio super principes.' *Воспоминания об Омерском Корме*, том ii. стр. 271.]

[418] That the failure of the Fronde is not to be ascribed to the inconstancy of the people, is admitted by De Retz, by far the ablest observer of his time: 'Vous vous étonnerez peut-être de ce que je dis plus sûr, à cause de l'instabilité du peuple: mais il faut avouer que celui de Paris se fixe plus aisément qu'aucun autre; et M. de Villeroi, qui a été le plus habile homme de son siècle, et qui en a parfaitement connu le naturel dans tout le cours de la ligue, où il le gouverna sous M. du Maine, a été de ce sentiment. Се, что за человек, который меня убеждает". *Воспоминания де Реца*, том i, стр. 348;

замечательный отрывок, разительно контрастирующий с декламацией тех невежественных писателей, которые всегда упрекают людей в их непостоянстве.

[419] Этот спорный вопрос был решен в пользу герцога Йоркского, которому в 1649 году было передано "королевское достоинство и любовь донны в шезлонгах". *Воспоминания де Мотвиля*, том iii, стр. 275. В королевской палате дело, по-видимому, было устроено иначе, поскольку Омер Тэлон (*Воспоминания*. том ii, стр. 332) сообщает нам, что "герцог Орлеанский не может избежать точки зрения, может быть, не простой, а уступчивый, потому что есть вопросы к королевской палате". В следующем году, поскольку сцена происходила не в королевской комнате, тот же автор описывает 'M. le duc d'Orléans assis dans un fauteuil.' Там же. том iii. стр. 95. Сравните *Ле Вассора, Историю. de Louis XIII*, vol. viii. с. 310. Вольтер (*Изреч. Философ. искусство. Cérémonies*) says: 'Le fauteuil à bras, la chaise à dos, le tabouret, la main droite et la main gauche, ont été pendant plusieurs siècles d'importants objets de politique, et d'illustres sujets de querelles.' *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxvii. с. 486. Этикет "fauteuil" и "фаэтона" объясняется в *Воспоминаниях о Женах*, т. х., стр. 287.

[420] См. *Мемуары де Мотвиля*, том iii. стр. 309, 310.

[421] Смотрите список тех, кого королеве полагалось целовать, в *Воспоминаниях Мотвиля*, т. iii. стр. 318.

[422] *Воспоминания о Коготьке*, том i, стр. 217-219. The Prince de Condé hotly asserted, that at a *Te Deum* 'il ne pouvait être assis en autre place que dans la première chaire.' Это было в 1642 году.

[423] О ссоре из-за "драпировки" см. *Воспоминания де Мотвиля*, том ii. стр. 249.

[424] Очень серьезный спор вызвал иск принца де Марсильяка о "разрешении на посещение Лувра в карроссе". *Воспоминания де Мотвиля*, том iii. стр. 367-389.

[425] *Воспоминания де Поншартрена*, том i. стр. 422, 423, на коронации Людовика XIII. Другие примеры трудностей, вызванных вопросами приоритета, можно найти в *Воспоминаниях Омер Тэлон*, т. iii. стр. 23, 24, 437; и даже в серьезном труде Салли, "*Королевская экономика*", т. vii. стр. 126, vol. viii. с. 395; который следует сравнить с *De Thou, Hist. Univ.* том ix. Стр. 86, 87.

[426] *Воспоминания Лене*, том i. стр. 378, 379. Ленет, который был большим поклонником дворянства, рассказывает все это, не имея ни малейшего представления о его абсурдности. Я не должен упускать из виду ужасный спор в 1652 году относительно признания притязаний герцога де Рогана (*Воспоминания де Конрара*, стр. 151, 152); ни другой спор в правление Генриха IV относительно того, должен ли герцог ставить свою подпись перед маршалом, или маршал должен ставить подпись первым. *Де Ты, Хист. Univ.* том xi. стр. 11.

[427] Это затруднение в 1652 году вызвало жестокую ссору между двумя герцогами и закончилось дуэлью, в которой герцог де Немур был убит, как упоминается большинством современных авторов. See *Mém. de Montglat*, vol. ii. p. 357; *Mém. de la Rochefoucauld*, vol. ii. p. 172; *Mém. de Conrart*, pp. 172–175; *Mém. de Retz*, vol. ii. p. 203; *Mém. d'Omer Talon*, vol. iii. p. 437.

[428] Pontchartrain, one of the ministers of state, writes, under the year 1620: 'En ce même temps s'étoit mû un très-grand différend entre M. le prince de Condé et M. le comte de Soissons, sur le sujet de la serviette que chacun d'eux prétendoit devoir présenter au roi quand ils se rencontreroient tous deux près sa majesté.' *Mém. de Pontchartrain*, vol. ii. p. 295. Le Vassor, who gives a fuller account

(*Règne de Louis XIII*, vol. iii. pp. 536, 537), says, 'Chacun des deux princes du sang, fort échauffez à qui feroit une fonction de maître d'hôtel, tiroit la serviette de son côté, et la contestation augmentoit d'une manière dont les suites pouvoient devenir fâcheuses.' But the king interposing, 'ils furent donc obligez de céder: mais ce ne fut pas sans se dire l'un à l'autre des paroles hautes et menaçantes.'

[429] По мнению некоторых авторитетов, мужчина должен быть герцогом, прежде чем его жене можно будет разрешить вмешиваться в смену королевы; по мнению других авторитетов, фрейлина, кем бы она ни была, имела право, если случайно не присутствовала принцесса. Об этих альтернативах и о трудностях, вызванных ими, сравните *Мемуары де Сен-Симона*, 1842, том vii, стр. 125, с *Мемуарами де Мотвиля*, том ii, стр. 28, 276, 277.

[430] Также связана с институтом рыцарства, оба являются родственными признаками одного и того же духа.

[431] Даже незадолго до Французской революции эти чувства все еще существовали. Посмотрите, например, экстраординарные подробности в "*Кампан*", "*Воспоминания о Мари-Антуанетте*", том i, стр. 98, 99; которые следует сравнить с выдержкой из "Парижского зеркала Прюдома", в "*Книге банальностей*" Саути, третья серия, 1850, стр. 251, № 165..

[432] Ладлоу таким образом выражает чувства, которые побудили его начать войну против короны: "Спорный вопрос между королевской партией и нами, насколько я понимаю, заключается в том, должен ли король править как бог по своей воле, а нация управляться силой, как звери? или же люди должны руководствоваться законами, созданными ими самими, и жить под властью правительства, созданного с их собственного согласия? будучи полностью убежденным, что соглашение с королем небезопасно для народа Англии и несправедливо и порочно по своей природе". *Мемуары Ладлоу*, том i, стр. 230. Сравните вдохновенную речь Уайтлока, обращенную к Кристине, в *Журнале шведского посольства*, том i, стр. 238; и смотрите стр. 390, 391.

ГЛАВА IV.

ДУХ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА, ПРИВНЕСЕННЫЙ ЛЮДОВИКОМ XIV. В ЛИТЕРАТУРУ. ИЗУЧЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭТОГО СОЮЗА МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ И ПРАВЯЩИМИ КЛАССАМИ.

Теперь читатель сможет понять, как получилось, что защитная система и связанные с ней представления о подчинении приобрели во Франции силу, неизвестную в Англии, и вызвали существенное расхождение между двумя странами. Чтобы завершить сравнение, представляется необходимым рассмотреть, как тот же самый дух повлиял на чисто интеллектуальную историю Франции, а также на ее социальную и политическую историю. Ибо идеи зависимости, на которых основана схема защиты, поощряли веру в то, что подчинение, существующее в политике и обществе, должно существовать и в литературе; и что отеческая, любознательная и централизующая система, которая регулирует материальные интересы страны, должна точно так же регулировать интересы ее знаний. Таким образом, когда Фронды были окончательно свергнуты, все было подготовлено для того исключительного интеллектуального государства, которое в течение пятидесяти лет характеризовало правление Людовика XIV и которое было для французской литературы тем же, чем феодализм был для французской политики. В обоих случаях одна сторона выражала почтение, а другая оказывала

защиту и благосклонность. Каждый литератор становился вассалом французской короны. Каждая книга была написана с расчетом на королевскую милость, а заручиться покровительством короля считалось самым решающим доказательством интеллектуального превосходства. Эффекты, производимые этой системой, будут рассмотрены в настоящей главе. Очевидной причиной этой системы был личный характер Людовика XIV; но реальными и преобладающими причинами были те обстоятельства, на которые я уже указывал и которые создали во французском сознании ассоциации, которые оставались нетронутыми до восемнадцатого века. Оживить эти ассоциации и внедрить их во все сферы жизни было великой целью Людовика XIV, и в этом он полностью преуспел. Именно по этой причине история его правления становится в высшей степени поучительной, потому что мы видим в ней самый замечательный пример деспотизма, который когда-либо имел место; деспотизм самого крупного и всеобъемлющего рода; деспотизм пятидесяти лет над одним из самых цивилизованных народов Европы, который не только нес иго, не ропща, но и с радостью и даже с благодарностью подчинился тому, кто его налагал.[433]

Что делает это еще более странным, так это то, что правление Людовика XIV. должно быть безоговорочно осуждено, если оно ставится под сомнение даже самые низкие стандарты морали, чести или интересов. Грубое и необузданное распутство, сопровождаемое самыми подлыми и пресмыкающимися суевериями, характеризовало его личную жизнь, в то время как в своей общественной карьере он проявлял высокомерие и систематическое вероломство, которые в конечном итоге вызвали гнев всей Европы и навлекли на Францию резкое и показательное возмездие. Что касается его внутренней политики, то он заключил строгий союз с церковью; и хотя он сопротивлялся власти папы, он охотно предоставил своих подданных угнетаться тирании духовенства.[434] Перед ними он отказался от всего, кроме осуществления своей собственной прерогативы.[435] Ведомый ими, он с того момента, как принял правительство, начал посягать на те религиозные свободы, о которых говорил Генрих IV. он заложил фундамент, и который вплоть до этого периода сохранялся нетронутым.[436] Именно по наущению духовенства он отменил Нантский эдикт, которым принцип веротерпимости на протяжении почти столетия был включен в законодательство страны.[437] Именно по их наущению, незадолго до этого надругательства над самыми священными правами своих подданных, он, чтобы запугать протестантов и склонить их к обращению, внезапно напустил на них целые отряды распутных солдат, которым было позволено совершать самые отвратительные жестокости. Ужасные варварства, которые последовали за этим, описаны подлинными авторами;[438] и о влиянии, произведенном на материальные интересы нации, некоторое представление может составить тот факт, что эти религиозные преследования стоили Франции полумиллиона ее наиболее трудолюбивых жителей, которые бежали в разные части, забрав с собой те привычки к труду, а также те знания и опыт в соответствующих профессиях, которые имели большое значение для развития страны. до сих пор они были заняты обогащением своей собственной страны.[439] Эти вещи печально известны, они неоспоримы и лежат на поверхности истории. Тем не менее, перед лицом них все еще находятся люди, вызывающие восхищение эпохой Людовика XIV. Хотя хорошо известно, что в его правление были уничтожены все остатки свободы; что люди были отягощены невыносимыми налогами; что их детей десятками тысяч отрывали от них, чтобы пополнить королевские армии; что ресурсы страны были растрочены до беспрецедентных размеров; что деспотизм худшего рода был прочно установлен; — хотя все это общепризнанно, все же есть писатели, даже в наши дни, которые настолько увлечены славой литературы, что уравнивают ее самыми чудовищными

преступлениями, и которые простят любой ущерб, нанесенный принцем, при жизни которого были созданы Письма Паскаля, речи Боссюэ, Комедии Мольера и трагедии Расина.

Этот метод оценки достоинств суверена действительно так быстро отмирает, что я не буду тратить ни слова на его опровержение. Но это связано с более широко распространенным заблуждением относительно влияния королевского покровительства на национальную литературу. Это заблуждение, которое первыми распространили сами литераторы. Судя по языку, который слишком многие из них привыкли использовать, мы могли бы прийти к выводу, что в улыбках короля заключена некая магическая сила, которая стимулирует интеллект удачливого человека, чье сердце им позволено радовать. Не следует также презирать это как один из тех безобидных предрассудков, которые все еще витают вокруг личности государя. Она не только основана на неправильном представлении о природе вещей, но и по своим практическим последствиям очень вредна. Это вредно для независимого духа, которым всегда должна обладать литература; и это вредно для самих правителей, потому что усиливает то тщеславие, доля которого у них обычно слишком велика. В самом деле, если мы рассмотрим положение, которое они сейчас занимают в самых цивилизованных странах, мы сразу увидим абсурдность мнения, которого при нынешнем уровне знаний не подобает придерживаться образованным людям.

С того момента, как была окончательно отброшена теологическая фикция о божественном праве королей, неизбежно последовало, что уважение, испытываемое к ним, должно было соответственно уменьшиться.^[440] Суеверное почтение, с которым к ним раньше относились, исчезло, и в наши дни мы больше не испытываем благоговения перед той божественностью, которой, как предполагалось, когда-то были окружены их личности.^[441] Следовательно, стандарт, по которому мы должны их измерять, очевиден. Мы должны приветствовать их поведение в той мере, в какой они вносят свой вклад в счастье нации, над которой им доверена власть; но мы должны помнить, что из-за того, как они воспитаны, и из-за того детского уважения, которое им всегда оказывали, их информация должна быть очень неточной, а их предрассудков - очень многочисленными.^[442] В связи с этим, мы далеки от того, чтобы ожидать, что они должны быть разумными покровителями литературы или каким-либо образом возглавлять свою эпоху, мы должны быть удовлетворены, если они не будут упрямо противостоять духу своего времени и если они не попытаются остановить движение общества. Ибо, если только государь, несмотря на интеллектуальные неудобства своего положения, не является человеком с очень широким кругозором, обычно случается так, что он награждает не тех, кто наиболее способен, а тех, кто наиболее уступчив; и что, отказывая в своем покровительстве глубокому и независимому мыслителю, он предоставляет его автору, который лелеет древние предрассудки и защищает древние злоупотребления. Таким образом, практика присуждения литераторам почетных или денежных вознаграждений, без сомнения, приятна тем, кто их получает; но имеет явную тенденцию ослаблять смелость и энергию их чувств и, следовательно, снижать ценность их работ. Это можно было бы сделать очевидным, опубликовав список тех литературных пенсий, которые были предоставлены европейскими князьями. Если бы это было сделано, вред, причиняемый этими и подобными наградами, был бы ясно виден. После тщательного изучения истории литературы я считаю себя вправе сказать, что на один случай, когда государь вознаграждал человека, не достигшего его возраста, приходится по меньшей мере двадцать случаев, когда он вознаграждал человека, не достигшего его возраста. В результате в каждой стране, где королевское покровительство было длительным и широко распространенным, дух литературы вместо того, чтобы быть

прогрессивным, стал реакционным. Был заключен союз между теми, кто дает, и теми, кто получает. Благодаря системе щедрот был искусственно порожден жадный и нуждающийся класс, который, стремясь к пенсиям, должностям и титулам, подчинил стремление к истине желанию наживы и внедрил в свои писания придворные предрассудки, за которые они цепляются. Следовательно, знаки благосклонности стали знаком рабства. Следовательно, приобретение знаний, безусловно, самое благородное из всех занятий, занятие, которое из всех других возвышает достоинство человека, было низведено до уровня обычной профессии, где шансы на успех измеряются количеством наград и где высшие почести даруются тому, кто является министром или сувереном того времени.

Эта тенденция сама по себе является решающим возражением против взглядов тех, кто желает доверить исполнительному правительству средства вознаграждения литераторов. Но есть и другое возражение, в некоторых отношениях еще более серьезное. Каждая нация, которой позволено бесконтрольно следовать своим курсом, легко удовлетворит потребности своего собственного интеллекта и создаст такую литературу, которая наилучшим образом соответствует ее реальному положению. И очевидно, что в интересах всех классов, чтобы производство не превышало потребности; чтобы предложение не превышало спрос. Более того, для благополучия общества необходимо поддерживать здоровую пропорцию между интеллектуальными и практическими классами. Необходимо, чтобы существовало определенное соотношение между теми, кто наиболее склонен думать, и теми, кто наиболее склонен действовать. Если бы мы все были писателями, пострадали бы наши материальные интересы; если бы мы все были деловыми людьми, наши умственные удовольствия были бы ограничены. В первом случае мы были бы изголодавшимися философами; в другом случае мы были бы богатыми дураками. Теперь очевидно, что в соответствии с наиболее распространенными принципами человеческой деятельности относительная численность этих двух классов будет регулироваться без усилий естественным, или, как мы это называем, спонтанным движением общества. Но если правительство берет на себя обязательство выплачивать пенсии литераторам, это нарушает это движение; это нарушает гармонию вещей. Это неизбежный результат того духа вмешательства, или, как его еще называют, защиты, от которого серьезно пострадала каждая страна. Если бы, например, государство выделило фонд для вознаграждения мясников и портных, то, несомненно, число этих полезных людей было бы неоправданно увеличено. Если выделить еще один фонд для занятий литературой, то столь же несомненно, что число литераторов увеличится быстрее, чем того требуют потребности страны. В обоих случаях искусственный стимул вызовет нездоровые действия. Несомненно, еда и одежда так же необходимы для тела, как литература для ума. Почему же тогда мы должны призывать правительство поощрять тех, кто пишет наши книги, не больше, чем поощрять тех, кто убивает нашу баранину и чинит нашу одежду? Истина в том, что интеллектуальное развитие общества в этом отношении в точности аналогично его физическому развитию. В некоторых случаях принудительное снабжение действительно может вызвать неестественную потребность. Но это искусственное положение вещей, которое указывает на болезненное действие. В здоровом состоянии не предложение вызывает потребность, а именно потребность порождает предложение. Следовательно, предполагать, что за увеличением числа авторов обязательно последует распространение знаний, все равно что если бы мы предположили, что за увеличением числа мясников должно последовать распространение продуктов питания. Это не тот порядок вещей. У людей должен появиться аппетит, прежде чем они начнут есть; у них должны быть деньги, прежде чем они смогут что-то купить; они должны быть любознательными,

прежде чем они начнут читать. Два великих принципа, которые движут миром, - это любовь к богатству и любовь к знаниям. Эти два принципа соответственно представляют два наиболее важных класса, на которые разделена каждая цивилизованная страна, и управляют ими. То, что правительство дает одному из этих классов, оно должно брать у другого. То, что она дает литературе, она должна брать из богатства. Этого никогда нельзя добиться в сколько-нибудь значительной степени, не повлекая за собой самых разрушительных последствий. Поскольку естественные пропорции общества будут разрушены, само общество придет в замешательство. В то время как литераторы будут защищены, промышленники окажутся в депрессии. Низшие классы мало что могут значить в глазах тех, для кого литература стоит на первом месте. Идея свободы людей будет отвергнута; их личности будут угнетены; их труд будет обложен налогами. Искусства, необходимые для жизни, будут презираться, чтобы получить предпочтение тем, что украшает жизнь. Многие будут разорены, чтобы немногие могли быть довольны. В то время как наверху все великолепно, внизу все будет прогнившим. Прекрасные картины, благородные дворцы, трогательные драмы — какое-то время все это может создаваться в изобилии, но это будет ценой сердца и силы нации. Даже класс, ради которого была принесена жертва, скоро придет в упадок. Поэты могут продолжать воспевать князя, который купил их своим золотом. Однако несомненно, что люди, которые начинают с потери своей независимости, в конце концов теряют свою энергию. Их интеллект должен быть действительно крепким, если он не увядает в болезненной атмосфере двора. Поскольку их внимание сосредоточено на своем хозяине, они незаметно усваивают те привычки раболепия, которые соответствуют их положению; и по мере того, как диапазон их симпатий уменьшается, использование и действие их гения ослабевают. Для них подчинение - обычай, а рабство - удовольствие. В их руках литература вскоре теряет свою смелость, к традиции обращаются как к основе истины, а дух исследования угасает. И тогда наступает один из тех печальных моментов, когда общественному мнению не остается выхода, и умы людей не могут найти выхода; их недовольство, не имеющее права голоса, медленно перерастает в смертельную ненависть; их страсти накапливаются в тишине, пока, наконец, потеряв всякое терпение, они не подстрекают к одной из тех ужасных революций, которыми они смиряют гордыню своих правителей и несут возмездие даже в сердце дворца.

Истинность этой картины хорошо известна тем, кто изучал историю Людовика XIV и связь между ним и Французской революцией. Этот принц за время своего долгого правления перенял пагубную практику награждения литераторов крупными суммами денег и наделения их многочисленными знаками личного расположения. Поскольку это делалось более полувека; и поскольку богатство, которое он таким образом бессовестно использовал, было, конечно, взято у других его подданных, мы не можем найти лучшей иллюстрации результатов, к которым, вероятно, приведет такое покровительство. Ему, действительно, принадлежит заслуга организации в систему защиты литературы, которую некоторые так стремятся восстановить. Как это отразилось на общих интересах знания, мы сейчас увидим. Но особое внимание следует уделить его воздействию на самих авторов тем литераторам, которые, мало заботясь о собственном достоинстве, постоянно упрекают английское правительство в пренебрежении профессией, представителями которой они сами являются. Ни в одну эпоху литераторы не удостоивались такого изобилия, как в царствование Людовика XIV; и ни в одну эпоху они не были такими подлыми, такими раболепными, такими совершенно непригодными для выполнения своего великого призвания апостолов знания и миссионеров истины. История самых знаменитых авторов того времени доказывает, что, несмотря на их знания и силу ума, они

были не в состоянии противостоять окружающей коррупции. Чтобы снискать расположение короля, они пожертвовали своим независимым духом, который должен был быть для них дороже жизни. Они отказались от гениального наследия; они продали свое первородство за похлебку. То, что произошло тогда, при тех же обстоятельствах произошло бы и сейчас. Несколько выдающихся мыслителей, возможно, смогли бы какое-то время противостоять давлению своего возраста. Но, рассматривая человечество в целом, общество не может иметь никакой власти над каким-либо классом иначе, как через посредство их интересов. Поэтому каждому народу надлежит помнить, что интересы литераторов на их стороне, а не на стороне их правителей. Ибо литература - это представитель интеллекта, который прогрессивен; правительство - это представитель порядка, который постоянен. Пока эти две великие державы разделены, они будут корректировать друг друга и реагировать друг на друга, и люди смогут удерживать равновесие. Однако, если эти силы объединятся, если правительство сможет развратить интеллект и если интеллект уступит правительству, неизбежным результатом должен стать деспотизм в политике и раболепие в литературе. Такова была история Франции при Людовике XIV. И таковой, мы можем быть уверены, будет история каждой страны, которая испытает искушение последовать столь привлекательному, но столь роковому примеру.

Репутация Людовика XIV зародилась благодаря благодарности литераторов; но в настоящее время она поддерживается популярным мнением, что знаменитую литературу его эпохи следует приписать главным образом его воспитательной заботе. Однако, если мы проанализируем это мнение, то обнаружим, что, подобно многим традициям, которыми полна история, оно полностью лишено истины. Мы найдем два важных обстоятельства, которые докажут, что литературный блеск его правления не был результатом его усилий, а был делом рук того великого поколения, которое предшествовало ему; и что интеллект Франции не только не пользовался его щедростью, но и находился под его покровительством.

I. Первое обстоятельство состоит в том, что огромный импульс, который во времена правления Ришелье и Мазарини был придан высшим отраслям знания, внезапно прекратился. В 1661 году Людовик XIV принял правительство;[\[443\]](#) и с этого момента до его смерти в 1715 году история Франции, насколько это касается великих открытий, является пробелом в анналах Европы. Если, отбросив все предвзятые представления о предполагаемой славе той эпохи, мы беспристрастно рассмотрим этот вопрос, то увидим, что в каждом отделе ощущалась явная нехватка оригинальных мыслителей. Там было много элегантного, много привлекательного. Чувства людей успокаивались и льстили творениям искусства, картинам, дворцам, поэмам; но едва ли что-либо существенное добавлялось к сумме человеческих знаний. Если мы возьмем математику и те смешанные науки, к которым они применимы, то будет общепризнано, что их наиболее успешными практиками во Франции в семнадцатом веке были Декарт, Паскаль, Ферма, Гассенди и Мерсенн. Но так далеко от Людовика XIV. имея какую-то долю причитающейся им чести, эти выдающиеся люди занимались своими исследованиями, когда король был еще в колыбели, и завершили их до того, как он принял участие в управлении государством, и, следовательно, до того, как заработала его система защиты. Декарт умер в 1650 году,[\[444\]](#) когда королю было двенадцать лет. Паскаль, чье имя, как и имя Декарта, обычно ассоциируется с эпохой Людовика XIV, приобрел европейскую известность, в то время как Людовик, занятый в детской со своими игрушками, не знал о существовании такого человека. Его трактат о конических сечениях был написан в 1639 году;[\[445\]](#) его решающие эксперименты с весом воздуха были проведены в 1648 году;[\[446\]](#) и его исследования циклоиды, последнее крупное исследование, которое он когда-либо проводил, было в 1658 году,[\[447\]](#) когда

Людвиг, все еще находившийся под опекой Мазарини, не имел никакой власти. Ферма был одним из самых глубоких мыслителей семнадцатого века, особенно как геометр, в этом отношении он уступал только Декарту.[448] Наиболее важные шаги, которые он предпринял, касаются геометрии бесконечностей, применяемой к ординатам и касательным кривых; которые, однако, он завершил в 1636 году или раньше.[449] Что касается Гассенди и Мерсенна, то достаточно сказать, что Гассенди умер в 1655 году,[450] за шесть лет до того, как Людвиг стал во главе дел; в то время как Мерсенн умер в 1648 году,[451] когда великому королю было десять лет.

И это были люди, которые процветали во Франции как раз перед системой Людовика XIV. вступил в строй. Вскоре после их смерти покровительство короля начало сказываться на национальном интеллекте; и в течение следующих пятидесяти лет не придавалось особого значения ни одной из отраслей математики, ни, за единственным исключением акустики,[452] ни к одной из наук, к которым применяется математика.[453] Чем дальше продвигался семнадцатый век, тем более очевидным становился упадок и тем яснее мы можем проследить связь между убывающей мощью французов и тем защитным духом, который ослаблял энергию, которую они хотели укрепить. Людовик слышал, что астрономия - благородная наука; поэтому он стремился, поощряя ее развитие во Франции, приумножить славу своего собственного имени.[454] С этой целью он награждал своих профессоров беспрецедентной щедростью; он построил великолепную Парижскую обсерваторию; он пригласил к своему двору самых выдающихся иностранных астрономов: Кассини из Италии, Ремера из Дании, Гюйгенса из Голландии. Но что касается врожденных способностей, то Франция не произвела на свет ни одного человека, совершившего хотя бы одно из тех разнообразных открытий, которыми отмечены эпохи астрономической науки. В других странах был достигнут огромный прогресс; и Ньютон, в частности, своими огромными обобщениями реформировал почти все разделы физики и перестроил астрономию, распространив законы всемирного тяготения на край солнечной системы. С другой стороны, Франция впала в такое оцепенение, что этими замечательными открытиями, изменившими облик науки, полностью пренебрегли, и не было ни одного случая, чтобы какой-либо французский астроном воспользовался ими до 1732 года, то есть через сорок пять лет после того, как они были опубликованы их бессмертным автором.[455] Даже в деталях это самое ценное усовершенствование, сделанное французскими астрономами во времена правления Людовика XIV. не был оригинальным. Они претендовали на изобретение микрометра; замечательного инструмента, который, как они предполагали, был впервые изобретен Пикаром и Озу.[456] Правда, однако, в том, что и здесь их предвосхитила деятельность более свободных и менее защищенных людей; поскольку микрометр был изобретен Гаскойном в 1639 году или незадолго до этого, когда английский монарх, не имевший досуга покровительствовать науке, собирался вступить в ту борьбу, которая десять лет спустя стоила ему короны и жизни. [457]

Отсутствие во Франции в этот период не только великих открытий, но и простой практической изобретательности, безусловно, очень поразительно. В исследованиях, требующих мельчайшей точности, необходимые инструменты, если они вообще были сложными, изготавливались иностранцами, поскольку местные рабочие были слишком неквалифицированными, чтобы их сконструировать; и доктор Листер, который был очень компетентным судьей,[458] и который был в Париже в конце семнадцатого века, предоставляет доказательства того, что лучшие математические инструменты, продаваемые в этом городе, были изготовлены не французом, но от Баттерфилда, англичанина, проживающего там.[459] Не

добились большего успеха и в вопросах непосредственной и очевидной полезности. Усовершенствования, произведенные в мануфактурах, были немногочисленны и незначительны и рассчитывались не на комфорт народа, а на роскошь праздных классов.[460] Тем, что было действительно ценным, пренебрегали; не было сделано ни одного великого изобретения; и к концу правления Людовика XIV. почти ничего не было сделано в технике или в тех других приспособлениях, которые, экономя национальный труд, увеличивают национальное богатство.[461]

В то время как таково было состояние не только математических и астрономических наук, но также механики и изобретательского искусства, соответствующие симптомы упадка могущества наблюдались и в других отделах. В физиологии, анатомии и медицине мы тщетно ищем людей, равных тем, кем когда-то была прославлена Франция. Величайшим открытием такого рода, когда-либо сделанным французом, было открытие вместилища хилуса; открытие, которое, по мнению высокого авторитета, не уступает открытию циркуляции крови Гарвея.[462] Этот важный шаг в наших знаниях постоянно приписывается эпохе Людовика XIV, как будто это был один из результатов его щедрости; но было бы трудно сказать, какое отношение к этому имел Людовик, поскольку открытие было сделано Пеке в 1647 году,[463] когда великому королю было девять лет. После Пеке самым выдающимся из французских анатомов семнадцатого века был Риолан; и его имя мы также находим среди прославленных людей, украшавших царствование Людовика XIV. Но основные работы Риолана были написаны до рождения Людовика XIV. его последняя работа была опубликована в 1652 году; а сам он умер в 1657 году.[464] Затем наступила пауза, и в течение трех поколений французы ничего не делали для этих великих тем: они не написали по ним ни одной работы, которую сейчас читают, они не сделали никаких открытий, и они, казалось, совсем пали духом, пока не произошло возрождение знаний, которое, как мы сейчас увидим, произошло во Франции примерно в середине восемнадцатого века. В практической части медицины, в ее умозрительной части и в искусствах, связанных с хирургией, господствует тот же закон. Французы в этих, как и в других вопросах, некогда произвели на свет выдающихся людей, которые завоевали себе европейскую репутацию и чьи труды помнят до сих пор. Таким образом, упомяну только два или три примера, у них была длинная череда выдающихся врачей, среди которых Фернель и Жубер были самыми ранними;[465] у них в хирургии был Амбруаз Паре, который не только внес важные практические улучшения,[466] но у которого есть еще более редкая заслуга быть одним из основателей сравнительной остеологии;[467] и у них был Байю, который в конце шестнадцатого- начале семнадцатого века, продвинутая патология, связав ее с изучением патологической анатомии.[468] При Людовике XIV. все это изменилось. При нем хирургией пренебрегли, хотя в других странах ее прогресс был быстрым.[469] Англичане к середине семнадцатого века предприняли значительные шаги в медицине: ее терапевтическое направление реформировалось главным образом Сиденхэмом, а физиологическое - Глиссоном.[470] Но эпоха Людовика XIV. я не могу похвастаться ни одним автором-медиком, которого можно было бы сравнить с ними; нет даже того, чье имя сейчас известно как внесшее какое-либо конкретное дополнение в наши знания. Медицинская практика в Париже была заведомо ниже, чем в столицах Германии, Италии и Англии; в то время как во французских провинциях невежество даже лучших врачей было возмутительным.[471] Действительно, не будет преувеличением сказать, что за весь этот длительный период французы в этих вопросах сравнительно ничего не добились; они не сделали никакого вклада в клиническую литературу,[472] и едва ли имеет отношение к терапии, патологии, физиологии или анатомии.[473]

В том, что называется естественными науками, мы также обнаруживаем, что французы теперь оказались в затруднительном положении. В зоологии у них раньше были замечательные люди, среди которых Белон и Ронделе были наиболее заметными:[474] но при Людовике XIV они не произвели ни одного оригинального наблюдателя в этой великой области исследований.[475] В химии, опять же, Рей в правление Людовика XIII выдвинул взгляды такой огромной важности, что предвосхитил некоторые из тех обобщений, которые составили славу французского интеллекта в восемнадцатом веке.[476] В развращенный и легкомысленный век Людовика XIV все это было забыто; трудами Рея пренебрегали; и безразличие было настолько полным, что даже знаменитые эксперименты Бойля оставались неизвестными во Франции более сорока лет после их публикации.[477]

С зоологией связана и для философского ума неотделима от нее ботаника, которая, занимая среднее место между животным и минеральным миром, указывает на их отношение друг к другу и в разных точках касается границ того и другого. Это также проливает большой свет на функции питания,[478] и на законы развития; в то время как, исходя из отмеченной аналогии между животными и растениями, у нас есть все основания надеяться, что его дальнейший прогресс, которому способствует развитие электричества, подготовит путь для всеобъемлющей теории жизни, для которой ресурсы наших знаний все еще недостаточны, но к которой движется человечество. современная наука явно стремится к этому. На этих основаниях, гораздо больше, чем ради практических преимуществ, ботаника всегда будет привлекать внимание мыслящих людей; которые, пренебрегая взглядами на непосредственную полезность, стремятся к большим и окончательным результатам и ценят частные факты только постольку, поскольку они облегчают открытие общих истин. Первый шаг в этом благородном исследовании был сделан к середине шестнадцатого века, когда авторы, вместо того чтобы копировать то, что говорили предыдущие авторы, начали сами наблюдать за природой.[479] Следующим шагом было добавление эксперимента к наблюдению: но потребовалось еще сто лет, прежде чем это можно было сделать с точностью; потому что микроскоп, который необходим для таких исследований, был изобретен только около 1620 года, и потребовался труд целого поколения, чтобы сделать его доступным для мельчайших исследований.[480] Однако вскоре, когда этот ресурс стал достаточно зрелым для применения к растениям, марш ботаники стал стремительным, по крайней мере, в том, что касается деталей; ибо только в восемнадцатом веке факты были по-настоящему обобщены. Но в предварительной работе по накоплению фактов была проявлена огромная энергия; и по причинам, изложенным в предыдущей части Введения, это, как и другие исследования, касающиеся внешнего мира, продвигались с особой скоростью во время правления Карла II. Трахеи растений были открыты Хеншоу в 1661 году:[481] и их клеточная ткань Гуком в 1667 году.[482] Это были значительные подходы к установлению аналогии между растениями и животными; и в течение нескольких лет появилось еще больше подобных примеров. Он произвел такие подробные и обширные вскрытия, что выделил анатомию растений в отдельное исследование и доказал, что их организация едва ли менее сложна, чем у животных.[483] Его первая работа была написана в 1670 году:[484] а в 1676 году другой англичанин, Миллингтон, установил существование различия полов; [485] таким образом, это является дополнительным доказательством гармонии между животным и растительным царствами и единства идеи, которая регулирует их состав.

Это то, что было сделано в Англии во время правления Карла II.; и теперь мы спрашиваем, что было сделано во Франции в тот же период под щедрым покровительством Людовика XIV. Ответ таков: ничего; ни открытия, ни идеи, которые составляют эпоху в этом важном разделе естествознания. Сын знаменитого сэра Томаса Брауна посетил Париж в надежде пополнить свои знания ботаники, что, по его мнению, он не мог не сделать в стране, где наука была в таком почете, ее профессора были так обласканы двором, а исследования так щедро поощрялись. К своему удивлению, в 1665 году он обнаружил, что в этом великом городе нет никого, способного преподавать его любимое занятие, и даже публичные лекции по нему жалки скудны и неудовлетворительны.[486] Ни тогда, ни в гораздо более поздний период у французов не было хорошего популярного трактата по ботанике; еще меньше они внесли в него каких-либо улучшений. В самом деле, философия предмета была понята настолько превратно, что Турнефор, единственный известный французский ботаник в царствование Людовика, фактически отверг открытие пола растений, сделанное до того, как он начал писать, и ставшее впоследствии краеугольным камнем системы Линнея.[487] Это показало его неспособность придерживаться тех широких взглядов на единство органического мира, которые одни придают ботанике научную ценность; и мы находим, соответственно, что он ничего не сделал для физиологии растений, и что его единственная заслуга заключалась в их коллекционировании и классификации.[488] И даже в своей классификации он руководствовался не всеобъемлющим сравнением их различных частей, а соображениями, вытекающими из простого внешнего вида цветка:[489], лишая таким образом ботанику утратила свое истинное величие, превратившись в композицию красивых предметов и предоставив еще один пример того, как французы того поколения обедняли то, что они стремились обогатить, и затмевали каждую тему, пока они не соответствовали интеллекту и не радовали глаз того невежественного и роскошного двора, благосклонности которого они ждали в награду, и добиться аплодисментов которого было делом их жизни.

Истина заключается в том, что в этом, как и во всех вопросах реальной важности, в вопросах, требующих независимого осмысления, и в вопросах практической полезности, эпоха Людовика XIV. это была эпоха упадка: это была эпоха нищеты, нетерпимости и угнетения; это была эпоха рабства, позора, некомпетентности. Это давно было бы общепризнано, если бы те, кто писал историю того периода, взяли на себя труд изучать предметы, без которых невозможно понять никакую историю; или, я бы скорее сказал, без которых никакая история не может существовать. Если бы это было сделано, репутация Людовика XIV. сразу же уменьшилась бы до своих естественных размеров. Даже рискуя подвергнуться обвинению в необоснованной оценке моих собственных трудов, я не могу не сказать, что факты, на которые я только что указал, никогда ранее не собирались, а оставались изолированными в учебниках и справочниках наук, к которым они относятся. Однако без них невозможно изучать эпоху Людовика XIV. Невозможно оценить характер любого периода, кроме как проследив за его развитием; другими словами, измерив степень его осведомленности. Следовательно, писать историю страны без учета ее интеллектуального прогресса - это все равно, как если бы астроном составлял планетарную систему без учета солнца, одним светом которого можно видеть планеты и притяжением которого они удерживаются на своем пути и вынуждены двигаться по назначенным орбитам. Ибо великое светило, даже когда оно сияет на небесах, не является более благородным или могущественным объектом, чем интеллект человека в этом преисподнем мире. Именно человеческому интеллекту, и только ему, каждая страна обязана своими знаниями. И что это, как непрогресс и распространение знаний, которые дали нам

наши искусства, наши науки, наши производства, наши законы, наши мнения, наши манеры, наш комфорт, нашу роскошь, нашу цивилизацию; короче говоря, все, что возвышает нас над дикарями, которые из-за своего невежества опустились до уровня животных, с которыми они пасутся? Несомненно, теперь настало время, когда те, кто берется писать историю великой нации, должны заняться теми вопросами, которые единственно определяют судьбы людей, и должны отказаться от мелких и незначительных подробностей, которыми мы слишком долго утомляли; подробностей, касающихся жизни королей, интриг министров, пороков и придворных сплетен.

Именно эти высшие соображения дают ключ к истории правления Людовика XIV. В то время, как и во все другие, нищета народа и деградация страны последовали за упадком национального интеллекта; в то время как последний, в свою очередь, был результатом духа защиты — того вредного духа, который ослабляет все, к чему прикасается. Если в долгом ходе истории и есть что-то более ясное, чем другое, так это то, что всякий раз, когда правительство берется защищать интеллектуальные занятия, оно почти всегда будет защищать их не в том месте и вознаграждать не тех людей. Неудивительно, что так оно и должно быть. Что могут знать короли и министры об этих огромных отраслях знаний, успешное развитие которых часто является делом всей жизни? Как могут они, постоянно занятые своими возвышенными устремлениями, находить досуг для таких низменных дел? Следует ли предполагать, что подобные приобретения можно найти у государственных деятелей, которые всегда заняты самыми важными делами; иногда пишут депеши, иногда произносят речи, иногда организуют партию в парламенте, иногда расстраивают интриги в тайной палате? Или, если государь милостиво дарует свое покровительство в соответствии со своим собственным суждением, должны ли мы ожидать, что простая философия и наука должны быть знакомы высокопоставленным и могущественным государям, у которых есть свои особые и трудные занятия, и которые должны изучать тайны геральдики, природу и достоинства рангов, сравнительную ценность различных орденов, наград и титулов, законы старшинства, прерогативы благородного происхождения, названия и силу лент, звезд и подвязок, различные способы оказания почестей или назначения на должность, улаживание церемоний и т. Д. тонкости этикета и все те другие придворные достижения, необходимые для выполнения высоких функций, которые они выполняют?

Сама постановка таких вопросов доказывает абсурдность принципа, который они подразумевают. Ибо, если мы не верим, что короли всеведущи и непорочны, очевидно, что при раздаче наград они должны руководствоваться либо личным капризом, либо свидетельством компетентных судей. И поскольку никто не может быть компетентным судьей научного совершенства, если он сам не является ученым, мы вынуждены принять эту чудовищную альтернативу: награды за интеллектуальный труд должны присуждаться необдуманно или же они должны присуждаться в соответствии с приговором того самого класса, которым они получены. В первом случае награда будет смехотворной; во втором случае она будет позорной. В первом случае слабые люди получают выгоду от богатства, которое отнимается у промышленности и расточается на праздность. Но в последнем случае эти люди подлинного гения, эти великие и прославленные мыслители, которые являются хозяевами и учителями рода человеческого, должны быть обманом обманом присвоены; и после жалкого соперничества за низменные благосклонности двора они затем должны быть превращены в государственных попрошаек, которые не только требуют своей доли добычи, но даже регулируют пропорции, в которых эти доли должны быть разделены.

При такой системе естественными результатами являются, во-первых, обнищание и раболепие гения; затем упадок знаний; затем упадок страны. В мировой истории этот эксперимент проводился трижды. В эпоху Августа, Льва X и Людовика XIV был применен тот же метод и получен тот же результат. В каждую из этих эпох было много кажущегося великолепия, которое немедленно сменялось внезапным разрушением. В каждом случае блеск переживал независимость; и в каждом случае национальный дух тонул в этом пагубном союзе между правительством и литературой, благодаря которому политические классы становятся очень могущественными, а интеллектуальные - очень слабыми, просто потому, что те, кто оказывает покровительство, конечно, получают почтение; и если, с одной стороны, правительство всегда готово вознаградить литературу, то, с другой стороны, литература всегда будет готова уступить правительству.

Из этих трех эпох - эпоха Людовика XIV. это было несравненно хуже всего; и ничто, кроме поразительной энергии французского народа, не могло позволить ему сплотиться, как они впоследствии и сделали, от последствий столь ослабляющей системы. Но хотя они сплотились, эти усилия дорого им обошлись. Борьба, как мы сейчас увидим, длилась два поколения и закончилась только той ужасной революцией, которая стала ее естественной кульминацией. Какова была реальная история этой борьбы, я попытаюсь выяснить ближе к завершению этого тома. Не предвосхищая, однако, хода событий, мы сейчас перейдем к тому, что я уже упоминал как вторую важную черту правления Людовика XIV.

II. Вторая интеллектуальная характеристика правления Людовика XIV по значимости едва ли уступает первой. Мы уже видели, что национальный интеллект, ослабленный покровительством двора, был настолько отвлечен от благороднейших отраслей знания, что ни в одной из них он не произвел ничего, достойного упоминания. Как естественное следствие, умы людей, изгнанные из высших сфер, нашли убежище в низших и сосредоточились на тех низших предметах, где открытие истины не является главной целью, но где красота формы и самовыражения являются тем, к чему стремятся главным образом. Таким образом, первым следствием покровительства Людовика XIV. было уменьшение поля для гения и принесение науки в жертву искусству. Вторым следствием было то, что даже в самом искусстве вскоре наметился заметный упадок. На короткое время стимул произвел свой эффект, но за ним последовал тот коллапс, который является его естественным результатом. Вся система покровительства и вознаграждения настолько порочна, что после смерти тех писателей и художников, чьи произведения были единственным спасительным моментом в правлении Людовика, не нашлось никого, способного даже подражать их совершенству. Поэты, драматурги, художники, музыканты, скульпторы, архитекторы были, почти без исключения, не только рождены, но и воспитаны в условиях той более свободной политики, которая существовала до него. Когда они начинали свой труд, они пользовались щедростью, которая поощряла деятельность их гения. Но через несколько лет, когда это поколение вымерло, пустота всей системы стала очевидной. Более чем за четверть века до смерти Людовика XIV большинство этих выдающихся людей ушло из жизни; и тогда стало видно, в какое жалкое положение попала страна под хваленым покровительством великого короля. На момент смерти Людовика XIV. Едва ли во Франции был писатель или художник, который пользовался бы европейской репутацией. Это обстоятельство заслуживает нашего внимания. Если мы сравним различные классы литературы, то обнаружим, что священное ораторское искусство, находившееся под наименьшим влиянием короля, дольше всех могло противостоять его системе. Массильон частично принадлежит последующему правлению; но даже из других великих богословов Боссюэ и Бурдалу оба жили до 1704

года,[490] Маскарон до 1703 года,[491] и Флечье до 1710 года.[492] Однако, поскольку король, особенно в свои последние годы, очень боялся вмешательства в дела церкви, именно в мирских вопросах мы можем лучше всего проследить ход его политики, потому что именно там его вмешательство было наиболее активным. С этой целью самым простым планом будет заглянуть, в первую очередь, в историю изящных искусств; и после выяснения, кто были величайшие художники, обратите внимание на год, в котором они умерли, помня, что это было правительство Людовика XIV. началось в 1661 году, а закончилось в 1715-м.

Если теперь мы рассмотрим этот пятидесятичетырехлетний период, мы будем поражены замечательным фактом: все, что отмечается, было совершено в первой его половине; в то время как более чем за двадцать лет до его окончания все самые выдающиеся мастера умерли, не оставив преемников. Шесть величайших художников эпохи правления Людовика XIV. были Пуссен, Лесюер, Клод Лоррен, Лебрен и двое Миньяров. Из них Ле Брюн умер в 1690 году;[493] старший Миньяр в 1668 году;[494] младший в 1695 году;[495] Клод Лоррен в 1682 году;[496] Лесюер в 1655 году;[497] а Пуссен, возможно, самый выдающийся представитель всей французской школы, умер в 1665 году.[498] Двумя величайшими архитекторами были Клод Перро и Франсис Мансар; но Перро умер в 1688 году;[499] Мансар в 1666 году;[500] и Blondel, следующий по известности, умер в 1686 году.[501] Величайшим из всех скульпторов был Пьоджет, умерший в 1694 году.[502] Луллий, основатель французской музыки, умер в 1687 году.[503] Кино, величайший поэт французской музыки, умер в 1688 году.[504] При этих выдающихся людях изобразительное искусство в царствование Людовика XIV достигло своего зенита; и в течение последних тридцати лет его жизни его упадок был поразительно быстрым. Так было не только в архитектуре и музыке, но даже в живописи, которая, будучи в большей степени подчинена личному тщеславию, с большей вероятностью будет процветать при богатом и деспотическом правительстве. Гений художников, однако, пал так низко, что задолго до смерти Людовика XIV Франция перестала обладать ни одним из них, обладавшим какими-либо достоинствами; и когда его преемник вззошел на трон, это прекрасное искусство в этой великой стране было почти вымершим.[505]

Это поразительные факты; не вопросы общественного мнения, которые можно оспорить, а упрямые даты, подтвержденные неопровержимыми свидетельствами. И если мы исследуем таким же образом литературу эпохи Людовика XIV, то придем к аналогичным выводам. Если мы установим даты создания тех шедевров, которые украшают его правление, мы обнаружим, что в течение последних двадцати пяти лет его жизни, когда его покровительство действовало дольше всего, оно было совершенно бесплодным; другими словами, когда французы были наиболее привычны к его покровительству, они были менее всего способны совершать великие дела. Людовик XIV. умер в 1715 году. Расин поставил *"Федру"* в 1677 году; *"Андромаху"* в 1667 году; *"Ателы"* в 1691 году.[506] Мольер опубликовал *"Мизантропа"* в 1666 году; *"Тартюфа"* в 1667 году; *"Аваре"* в 1668 году.[507] *Лютрин* Буало был написан в 1674 году; его лучшие сатиры - в 1666 году.[508] Последние басни Лафонтена появились в 1678 году, а его последние рассказы - в 1671 году.[509] *"Исследование истины"* Мальбранша было опубликовано в 1674 году;[510] *Персонажи* Лабрюйера в 1687 году;[511] *Максимы* из Рошфуко в 1665 году.[512] *Провинциальные письма* Паскаля были написаны в 1656 году, а сам он умер в 1662 году.[513] Что касается Корнеля, то его великие трагедии были написаны, некоторые, когда Людовик был еще мальчиком, а другие - до рождения короля.[514] Таковы были даты создания шедевров эпохи Людовика XIV. Все авторы этих бессмертных произведений перестали писать и почти все ушли из жизни до конца семнадцатого века; и мы можем справедливо спросить поклонников

Людовика XIV. кто были те люди, которые сменили их. Где зарегистрированы их имена? Где можно найти их труды? Кто сейчас читает книги этих неизвестных наемников, которые столько лет заполняли двор великого короля? Кто что-нибудь слышал о Кампистроне, Ла Шапеле, Женесте, Дюсерсо, Данкуре, Данше, Вержье, Катру, Шолье, Лежандре, Валинкуре, Ламотте и других неблагородных компиляторах, которые долгое время оставались самым ярким украшением Франции? Было ли это следствием королевской щедрости? Было ли это плодом королевского покровительства? Если система вознаграждения и защиты действительно выгодна литературе и искусству, то как получилось, что она должна была давать самые низкие результаты, когда она действовала дольше всех? Если благосклонность королей, как говорят нам их льстецы, так важна, то почему получается, что чем больше проявлялось благосклонности, тем более презренными были последствия?

И эта почти немыслимая бедность не компенсировалась превосходством в какой-либо другой области. Простой факт заключается в том, что Людовик XIV. выжил весь интеллект французской нации, за исключением той небольшой его части, которая выросла в оппозиции к его принципам и впоследствии поколебала трон его преемника.^[515] За несколько лет до его смерти, когда его система защиты была в полной силе почти полвека, во всей Франции не нашлось государственного деятеля, который мог бы развивать ресурсы страны, или генерала, который мог бы защитить ее от врагов. Как на государственной, так и на военной службе все пришло в беспорядок. Дома не было ничего, кроме неразберихи; за границей не было ничего, кроме катастрофы. Дух Франции пал духом и был повержен ниц. Литераторы, получавшие пенсию и награды от двора, выродились в подлобострастную и лицемерную расу, которая, идя навстречу желаниям своих хозяев, выступала против всякого улучшения и всячески поддерживала каждое старое оскорбление. Концом всего этого стали коррупция, раболепие и потеря власти, более полная, чем когда-либо наблюдалась ни в одной из великих стран Европы. Не было народной свободы; не было великих людей; не было науки; не было литературы; не было искусств. Внутри был недовольный народ, алчное правительство и нищая казна. Снаружи были иностранные армии, которые наступали на все границы и которым только их взаимная зависть и смена английского кабинета помешали расчленить французскую монархию.^[516]

Таково было жалкое положение этой благородной страны к концу правления Людовика XIV.^[517] The Несчастья, омрачавшие преклонные годы короля, действительно были настолько серьезными, что не могли не вызвать нашего сочувствия, если бы мы не знали, что они были результатом его собственных бурных амбиций, его невыносимого высокомерия, но, прежде всего, алчного и беспокойного тщеславия, которое заставляло его стремиться сосредоточиться на его единственная персоне, захватившая всю славу Франции, породила ту коварную политику, которая с помощью подарков, почестей и высокопарных слов начала с того, что завоевала восхищение интеллектуальных классов, затем сделала их придворными и прислуживающими времени, а закончила тем, что уничтожила всю их смелость, подавила всякое усилие оригинальной мысли и, таким образом, отложила на неопределенный срок прогресс национальной цивилизации.

Сноски:

^[433] О позорном раболепии самых выдающихся литераторов см. *"Людовик XIV" Капефига.*, том i. стр. 41, 42, 116; а о чувствах народа Ле Вассор, писавший в конце правления Людовика XIV, с

горечью говорит: "mais les Français, accoutumés пощечина, без приговора, а также средство для ухода за детьми. *Le Vassor, Hist. de Людовик XIII*, том vi. стр. 670. Иностранцы были в равной степени поражены генералом, а еще больше - добровольным раболепием. Лорд Шефтсбери в письме, датированном 1704-5 февраля, произносит пламенный панегирик свободе; но он добавляет, что во Франции 'вы вряд ли найдете этот аргумент понятным; какие бы вспышки ни появлялись время от времени, я еще не знал ни одного француза свободным человеком'. *Оригинальные письма Форстера о Локке, Сиднее и Шефтсбери*, 1830, стр. 205. В том же году Де Фо делает аналогичное замечание в отношении французской знати, "*Жизнь де Фо*" Уилсона, том ii. стр. 209; а в 1699 году Аддисон пишет из Блуа письмо, которое поразительно иллюстрирует деградацию французов. "*Жизнь Аддисона*" Эйкина, том i, стр. 80. Сравните *Собственное время Бернета*, том iv, стр. 365, о "вопиющем избытке лести, к которому прибегали французы, помимо примеров прошлых эпох, в честь своего короля".

[434] Условия этого соглашения между короной и церковью справедливо изложены М. Ранке: 'Wir sehen, die beiden Gewalten unterstützten einander. Der König ward von den Einwirkungen der weltlichen, der Clerus von der unbedingten Autorität der geistlichen Gewalt des Papstthums freigesprochen.' *Die Päpste*, vol. iii. p. 168.

[435] Эта часть его характера искусно нарисована Сисмонди, *историком. des Français*, vol. xxv. p. 43.

[436] Флассон предполагает, что первые законы о преследовании были приняты в 1679 году: "Закон 1679 года о концессиях в отношении протестантов и постепенном восстановлении". *Французская дипломатия*, том iv. стр. 92. Но факт остается фактом, что действие этих законов началось в 1662 году, через год после смерти Мазарини. См. *Сисмонди, Hist. des Français*, vol. xxv. p. 167; *Benoist, Edit. de Nantes*, vol. iii. pp. 460-462, 481. В 1667 году в письме Тинна лорду Кларендону ("*Жизнь Кларендона*" Листера, том iii, стр. 446) упоминаются "ужасные преследования, которым подвергается реформатская религия во Франции"; а Локк, путешествовавший по Франции в 1675 и 1676 годах, утверждает в своем дневнике ("*Королевская жизнь Локка*", том i, стр. 110), что протестанты "каждый день теряли те или иные привилегии".

[437] Описание отмены можно найти у всех французских историков; но я не помню, чтобы кто-нибудь из них обратил внимание на то, что слухи об этом ходили по Парижу за двадцать лет до того, как это произошло. In March 1665 Patin writes, 'On dit que, pour miner les huguenots, le roi veut supprimer les chambres de l'édit, et abolir l'édit de Nantes.' *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 516.

[438] Сравните *собственное время Бернета*, том iii, стр. 73-76, с *Сиклем Людовика XIV*, в *Произведениях Вольтера*, том xx, стр. 377, 378. Вольтер говорит, что протестанты, упорствовавшие в своей религии, "вечно живут среди солдат, не имеют права заезжать, за исключением королевской семьи". Il y eut pourtant plusieurs personnes si cruellement maltraitées qu'elles en moururent.' А Бернет, который был во Франции в 1685 году, говорит: 'все люди сосредоточивают свои мысли на работе, изобретая новые методы жестокости'. Каковы были некоторые из этих методов, я сейчас расскажу, потому что доказательства, какими бы болезненными они ни были, необходимы, чтобы позволить нам понять правление Людовика XIV. Необходимо, чтобы завеса была сорвана; и чтобы щепетильная деликатность, которая скрывала бы такие факты, уступила место обязанности, лежащей на историке, - выставять на всеобщее порицание и клеймить общественным позором церковь, которая инициировала эти меры, государя, которым они были приведены в исполнение, и эпоху, в которую они были разрешены.

Двумя первоначальными источниками наших знаний об этих событиях являются *"Синодикон в Галлии"* Квика, 1692 г., фолио; и *Бенуа, Издание Нант-ской истории*, 1695, 4то. Из этих работ я извлекаю следующие рассказы о том, что произошло во Франции в 1685 году. 'Впоследствии они обрушиваются на протестантов; и не было такого зла, хотя и не было такого ужасного, которое они не применяли бы на практике, чтобы они могли принудить их изменить свою религию.... Они связали их, как связывают преступников, когда их выставляют на дыбу; и в такой позе, вставив им в рот воронку, они вливали им в глотки вино до тех пор, пока его пары не лишили их рассудка, и в таком состоянии они добились от них согласия стать католиками. Некоторых они раздевали совершенно догола, и после того, как подвергали их тысяче унижений, они утыкали их булавами с головы до ног; они резали их перочинными ножами, вырывали им носы раскаленными докрасна щипцами и таскали их по комнатам, пока они не обещали стать римскими католиками или пока горестные крики этих бедных измученных созданий, вызывающих к милосердию Бога, не заставляли их отпустить их... В некоторых местах они привязывали отцов и мужей к столбикам кроватей и насиловали их жен и дочерей у них на глазах.... У других они выщипывают ногти на руках и ногах, что, должно быть, причиняет невыносимую боль. Они обжигали ноги другим людям. Они раздували мужчин и женщин мехами до тех пор, пока те не были готовы разорваться на куски. Если эти ужасные обычаи не могли заставить их поступиться своей совестью и отказаться от своей религии, они заключали их в тесные и зловонные подземелья, в которых применяли к ним все виды бесчеловечности". *Синодик Квика*, том i, стр. cxxx. cxxxi. 'Cependant les troupes exerçoient partout de cruauté inouies. Tout leur étoit permis, pourveu qu'ils ne fissent pas mourir. Ils faisoient danser quelquefois leurs hôtes, jusqu'à ce qu'ils tombassent en défaillance. Ils bernoient les autres jusqu'à ce qu'ils n'en pouvoient plus.... Il y en eut quelques-uns à qui on versa de l'eau bouillante dans la bouche.... Il y en eut plusieurs à qui on donna des coups de bâton sous les pieds, pour éprouver si ce supplice est aussi cruel que les relations le publient. On arrachoit à d'autres le poil de la barbe.... D'autres brûloient à la chandelle le poil des bras et des jambes de leurs hôtes. D'autres faisoient brûler de la poudre, si près du visage de ceux qui leur resistoient, qu'elle leur grilloit toute la peau. Ils mettoient à d'autres des charbons allumés dans les mains, et les contraignoient de les tenir fermées, jusqu'à ce que les charbons fussent éteints.... On brûla les pieds à plusieurs, tenant les uns long-tems devant un grand feu; appliquant aux autres une pelle ardente sous les pieds; liant les pieds des autres dans des bottines pleines de graisse, qu'on faisoit fondre et chauffer peu à peu devant un brasier ardent.' *Бенуа, Хист. de l'Edit de Nantes*, vol. v. pp. 887–889. One of the Protestants, named Ryau, they 'lièrent fort étroitement; lui sevrèrent les doigts des mains; lui fichèrent des épingles sous les ongles; lui firent brûler de la poudre dans les oreilles; lui percèrent les cuisses en plusieurs lieux, et versèrent du vinaigre et du sel dans ses blessures. *Par ce tourment ils épuisèrent sa patience en deux jours; et le forcèrent à changer de religion,*' p. 890. 'Ses dragons étoient les mêmes en tous lieux. Ils battoient, ils étourdissoient, ils brûloient en Bourgogne comme en Poitou, en Champagne comme en Guyenne, en Normandie comme en Languedoc. Mais ils n'avoient pour les femmes ni plus de respect, ni plus de pitié que pour les hommes. Au contraire, ils abusoient de la tendre pudeur qui est une des propriétés de leur sexe; et ils s'en prevaloient pour leur faire de plus sensibles outrages. On leur levoit quelquefois leurs jupes par dessus la tête, et on leur jetoit des seaux d'eau sur le corps. Il y en eut plusieurs que les soldats mirent en chemise, et qu'ils forcèrent de danser avec eux dans cet état.... Deux filles de Calais, nommées le Noble, furent mises toutes nues sur le pavé, et furent ainsi exposées à la mocquerie et aux outrages des passans.... Des dragons ayant lié la dame de Vezençaï à la quenouille de son lit, lui crachoient dans la bouche quand elle l'ouvroit pour parler ou pour soupirer.' pp. 891, 892. На стр. 917 приведены другие подробности, гораздо более ужасные,

касающиеся обращения с женщинами, и негодование, а не стыд не позволяют мне их расшифровать. Действительно, позор может пасть только на церковь и правительство, под чьей объединенной властью такие скандальные безобразия могли совершаться открыто, просто ради того, чтобы заставить людей изменить свои религиозные взгляды.

[439] М. Бланки (*Hist. de l'Economie Politique*, vol. ii. p. 10) говорится, что отмена Нантского эдикта стоила Франции "большого количества людей, занятых в промышленности", которые переносили в другие страны "привычки к порядку и труду, не приносящие прибыли". See also *Siècle de Louis XIV*, chap. xxxvi., in *Œuvres de Voltaire*, vol. xx. pp. 380, 381. Некоторые из них эмигрировали в Северную Америку. Сравните "Годвин о населении", стр. 388, 389, с "Бенуа", "Издание Нанта", т. v. стр. 973, 974, и "Второй визит Лайелла в Соединенные Штаты", изд. 1849, т. ii, стр. 159. Смотрите также, о последствиях отзыва, "Письма об истории Вольтера", том ii. стр. 473.

[440] Об уменьшении уважения к королям, вызванном отказом от божественного права, см. "Социальная статика" Спенсера, стр. 423, 424; и о влиянии духовенства на распространение старой доктрины, см. Научную работу Аллена *о королевской прерогативе*, изд. 1849, стр. 156. Смотрите также некоторые поразительные замечания Локка в *Жизнеописании Кинга Локка*, том ii. стр. 90.

[441] 'Qu'est devenu, en effet, le droit divin, cette pensée, autrefois acceptée par les masses, que les rois étaient les représentants de Dieu sur la terre, que la racine de leur pouvoir était dans le ciel? Elle s'est évanouie devant cette autre pensée, qu'aucun nuage, aucun mysticisme n'obscurcit; devant cette pensée si naturelle et brillant d'une clarté si nette et si vive, que la souveraine puissance, sur la terre, appartient au peuple entier, et non à une fraction, et moins encore à un seul homme.' Рей, *Социальная наука*, том iii. стр. 308. Сравните "Мэннинг о праве наций", стр. 101; "Швеция" Лэйнга, стр. 408; "Дания" Лэйнга, стр. 196; "Работы Берка", том i, стр. 391.

[442] В этом, как и во всех случаях, язык уважения надолго переживает чувство, которому язык обязан своим происхождением. Лорд Броэм (*Политическая философия*, том i, стр. 42, Июнь 1849 г.) отмечает, что 'все их названия происходят от божественного оригинала - все они относятся к ним как к представителям Божества на земле. Их называют "Грацией", "Величием". Их называют "Помазанниками Господними", "Наместниками Бога на земле", а также многими другими именами, которые либо бессмысленны, либо богохульны, но по абсурдности их превзошли цари Востока. "Достаточно верно: но если бы лорд Броэм написал так три столетия назад, он бы приказал отрезать себе уши за свои старания.

[443] 'La première période du gouvernement de Louis XIV commence donc en 1661.' *Capefigue's Louis XIV.*, vol. i. p. 4.

[444] *Биография. Унив.* том xi. стр. 157.

[445] В *биографии. Унив.* т. xxxiii. стр. 50, говорят, что он сочинил ее "по поводу захвата анса", а на стр. 46 указано, что он родился в 1623 году.

[446] *Leslie's Natural Philosophy*, p. 201; *Bordas Demoulin, Le Cartésianisme*, том i, стр. 310. Сэр Джон Гершель (*диск. на нац. Philos.* стр. 229, 230) называет это 'одним из первых, если не самым первым' решающим примером, зафиксированным в физике; и он думает, что это "имело тенденцию сильнее, чем что-либо ранее сделанное в науке, утвердить в умах людей ту

склонность к экспериментальной проверке, которая едва ли еще пустила полные и надежные корни'. С этой точки зрения, дополнение, которое она фактически внесла в знания, является наименьшей частью ее достоинств.

[447] Монтюкла (*Hist. des Mathématiques*, vol. ii. p. 61) says, 'vers 1658;' and at p. 65, 'il se mit, vers le commencement de 1658, à considérer plus profondément les propriétés de cette courbe.'

[448] Монтюкла (*Hist. des Mathémat.* vol. ii. p. 136) enthusiastically declares that 'si Descartes eût manqué à l'esprit humain, Fermat l'eût remplacé en géométrie.' Симсон, знаменитый реставратор греческой геометрии, сказал, что Ферма был единственным современным человеком, который понимал поризмы. См. *Отчет Трейла о Симсоне*, 1812, 4 т. стр. 18, 41. О связи между его взглядами и последующим открытием дифференциального исчисления см. "*Жизнь Ньютона*" Брюстера, том ii. стр. 7, 8; и сравните Конта, *Позитивную философию*, том i. стр. 228, 229, 726, 727.

[449] Смотрите выдержки из двух писем, написанных Ферма Робервалю в 1636 году в Монтюкле, *История. математические методы*, том ii. стр. 136, 137; относительно чего нет упоминания в скудной статье о Ферма в *Математическом словаре Хаттона*, том i. стр. 510, 4-е издание 1815 года. Позором для английских математиков является то, что эта неудовлетворительная работа Хаттона до сих пор остается лучшим, что они создали по истории своей собственной науки. То же пренебрежение датами прослеживается в поспешных замечаниях Плейфера о Ферма. Смотрите *Диссертацию Плейфера о прогрессе математической науки*, *Энциклопедия. Брит.* том i, стр. 440, 7-е издание.

[450] *Математика Хаттона. Диктант.* том i. стр. 572.

[451] *Там же.* том ii. стр. 46.

[452], Создателем которого можно считать Sauveur. Compare *Eloge de Sauveur*, in *Œuvres de Fontenelle*, Paris, 1766, vol. v. p. 435, with *Whewell's Hist. из индуцированных. Науки*, том ii. стр. 334; *Конт, Филос. Поз.* том ii. стр. 627, 628.

[453] В отчете, представленном Наполеону Французским институтом, говорится о правлении Людовика XIV: "Точные науки и физические науки о людях, культивируемых во Франции, не знают, что такое паромоводство и что такое очарование в области литературы". *Dacier, Rapport Historique*, p. 24. Or, as Lacretelle expresses it (*Dix-huitième Siècle*, vol. ii. p. 10), 'La France, après avoir fourni Descartes et Pascal, eut pendant quelque temps à envier aux nations étrangères la gloire de produire des génies créateurs dans les sciences.'

[454] Писатель конца семнадцатого века с некоторой простотой говорит: 'нынешний король Франции слывет вдохновителем избранных и способных людей во всех областях, которые могут приписать ему величие'. *Письма Обри*, том ii. стр. 624.

[455] *Принципы* Ньютона появились в 1687 году; а Мопертюи в 1732 году 'был первым астрономом Франции, который выступил в критическую защиту теории тяготения'. *История Гранта. физической астрономии*, стр. 31, 43. In 1738, Voltaire writes, 'La France est jusqu'à présent le seul pays où les théories de Newton en physique, et de Boerhaave en médecine, soient combattues. Nous n'avons pas encore de bons éléments de physique; nous avons pour toute astronomie le livre de Bion, qui n'est qu'un ramas informe de quelques mémoires de

l'académie.'Соответствовать. in *Œuvres de Voltaire*, vol. xlvii. стр. 340. О запоздалом восприятии открытий Ньютона во Франции, сравните *Eloge de Lacaille*, в *Трудах Байи*, Париж, 1790, т. i. стр. 175, 176. Все это тем более примечательно, что некоторые выводы, к которым пришел Ньютон, были обнародованы до того, как они были воплощены в *Principia*; и из "Жизни Ньютона" Брюстера явствует, что его размышления о гравитации начались в 1666 году или, возможно, осенью 1665 года.

[456] 'L'abbé Picard fut en société avec Auzout, l'inventeur du micromètre.' *Биог. Университет*. том. xxxiv. стр. 253. См. также *Краткое изложение истории. из Академии. des Sciences*, in *Œuvres de Fontenelle*, Paris, 1766, vol. x. p. 20.

[457] Лучший отчет, который я видел об изобретении микрометра, содержится в недавней работе мистера Гранта "*История физической астрономии*", стр. 428, 450-453, где доказано, что Гаскойн изобрел его в 1639 году или, возможно, годом или двумя ранее.

Сравните "*Космос*" Гумбольдта, том iii, стр. 52; он также приписывает его Гаскойну, но ошибочно датирует 1640 годом. Монтукла (*Хист. des Mathémat.* том ii. стр. 570, 571) признает приоритет Гаскойна; но недооценивает его заслуги, поскольку, по-видимому, не знаком с доказательствами, которые впоследствии привел г-н Грант.

[458] Краткий отчет об этом способном человеке см. В *Воспоминаниях Ланкестера о Рэе*, стр. 17.

[459] Несмотря на сильное предубеждение, существовавшее в то время против англичан, Баттерфилд работал на "короля и всех принцев". *Отчет Лустера о Париже конца семнадцатого века, отредактированный доктором Хеннингом*, стр. 85. Фонтенель упоминает 'М. Юбен' как один из самых знаменитых мастеров Парижа в 1687 году (*Eloge d'Amoltons*, в "*Событиях Фонтенеля*", Париж, 1766, т. v., стр. 113); но забыл указать, что он тоже был англичанином. 'Lutetiæ sedem posuerat ante aliquod tempus *Anglus quidam nomine Hubinus*, vir ingeniosus, atque hujusmodi machinationum peritus opifex et industrius. Гоминем адии' и проч. *Huetii Commentarius de Rebus ad eum pertinentibus*, p. 346. Таким образом, опять же, в отношении хронометристов огромное превосходство английских мастеров в конце правления Людовика XIV было столь же неоспоримым. Сравните *биографию. Univ.* vol. xxiv. стр. 242, 243, с "*Жизнью Ньютона*" Брюстера, том ii. стр. 262; а что касается середины правления Людовика XIV, см. *Eloge de Sebastien*, в "*Приключениях Фонтенеля*", том vi. стр. 332, 333.

[460] 'Les manufactures étaient plutôt dirigées vers le brillant que vers l'utile. On s'efforça, par un arrêt du mois de mars 1700, d'extirper, ou du moins de réduire beaucoup les fabriques de bas au métier. Malgré cette fausse direction, les objets d'un luxe très-recherché faisaient des progrès bien lents. En 1687, après la mort de Colbert, la cour soldait encore l'industrie des barbares, et faisait fabriquer et broder ses plus beaux habits à Constantinople.' *Lemontey, Etablissement de Louis XIV*, p. 364. Лакретель (*Справочник по истории*, том ii, стр. 5) говорит, что за последние тридцать лет правления Людовика XIV. 'les manufactures tombaient.'

[461] Кювье (*Биог. Унив.* т. xxxvii. p. 199) thus describes the condition of France only seven years after the death of Louis XIV.: 'Nos forges étaient alors presque dans l'enfance; et nous ne faisons point d'acier: tout celui qu'exigeaient les différents métiers nous venait de l'étranger.... Nous ne faisons point non plus alors de fer-blanc, et il ne nous venait que de l'Allemagne.'

[462] 'Certainement la découverte de Pecquet ne brille pas moins dans l'histoire de notre art que la vérité démontrée pour la première fois par Harvey.' *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. iv. p. 208.

[463] Генле (*Анатомия женщин*, том ii, стр. 106) говорит, что открытие было сделано в 1649 году; но историки медицины относят его к 1647 году. *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. iv. pp. 207, 405; *Renouard, Hist. de la Médecine*, vol. ii. p. 173.

[464] *Биог. Университет*. том. xxxviii. стр. 123, 124.

[465] Некоторые из великих шагов, предпринятых Жубером, кратко изложены в *Бруссе, Экзаменах медицинских доктрин*, т. i. стр. 293, 294, т. iii. стр. 361. Сравните историю Шпренгеля. *de la Médecine*, vol. iii. p. 210. Фернель, которого Патен с энтузиазмом хвалил, вероятно, вряд ли был равен Жуберу. *Lettres de Patin*, vol. iii. pp. 59, 199, 648. At p. 106, Patin calls Fernel 'le premier médecin de son temps, et peut-être le plus grand qui sera jamais.'

[466] Смотрите краткое изложение их в *Sprengel, Hist. de la Medicine*, том iii. стр. 405, 406, том vii. стр. 14, 15. Сэр Бенджамин Броуди (*Лекции по хирургии*, стр. 21) говорит: "Человечеству было даровано немного большее благо, чем то, за которое мы в долгу перед Амброзом Пареем — наложение лигатуры на кровоточащую артерию".

[467] 'C'était là une vue très-ingénieuse et très-juste qu'Ambroise Paré donnait pour la première fois. C'était un commencement d'ostéologie comparée.' *Кювье, История. des Sciences*, часть ii. стр. 42. К этому я могу добавить, что он первый французский писатель по медицинской юриспруденции. См. "*Медицинская юриспруденция Парижа и Фонбланка*", 1823, том i, стр. XVIII.

[468] 'L'un des premiers auteurs à qui l'on doit des observations cadavériques sur les maladies, est le fameux Baillou.' *Broussais, Examen des Doctrines Médicales*, vol. ii. p. 218. См. также том iii. стр. 362; и *Renouard, Hist. de la Médecine*, vol. ii. p. 89. Ценность его услуг признана в недавней работе "*Филлипс о золотухе*", 1846, стр. 16.

[469] 'Самым знаменитым хирургом шестнадцатого века был Амбруаз Паре.... Со времен Паре и до начала восемнадцатого века хирургия во Франции практически не культивировалась. Морисо, Савьяр и Беллост были единственными известными французскими хирургами, которых можно было сравнить со многими выдающимися людьми других наций. В восемнадцатом веке Франция произвела на свет двух выдающихся хирургов; это Пти и Десо.' *Операция Боумена*, в *Энциклопедии. медицинских наук*, 1847, 4 т. стр. 829, 830.

[470] Нет необходимости приводить доказательства, касающиеся услуг, оказанных Сиденхэмом, поскольку они общепризнанны; но что, возможно, менее общеизвестно, так это то, что Глиссон предвосхитил те важные взгляды на раздражимость, которые впоследствии были развиты Халлером и Гортером. Сравните *Ренуара, Историю. "о медицине"*, том ii, стр. 192; "*Физиология человека*" *Эллиотсона*. стр. 471; "*Бордас Демулен*", "*Картезианство*", том i, стр. 170; В "*Физиологии*" *Вагнера*. 1841, стр. 655 теория приписывается слишком исключительно Галлеру.

[471] На это у нас есть многочисленные жалобы от иностранцев, посетивших Францию. Я процитирую свидетельство одного знаменитого человека. В 1699 году Аддисон пишет из Блуа: 'Я воспользовался услугами одного из местных врачей, которые так же дешевы, как наши английские кузнецы, и в целом так же невежественны'. "*Жизнь Аддисона*" *Эйкина*, том i, стр. 74.

[472] Действительно, Франция была последней великой страной в Европе, в которой была создана кафедра клинической медицины. См. Ренуара, *Историю. "о медицине"*, том ii. стр. 312; и Буйо, *Philos. Médicale*, p. 114.

[473] М. Буйо в своем отчете о состоянии медицины в семнадцатом веке не упоминает ни одного француза за этот период. См. Bouillaud, *Philosophie Medicale*, стр. 13 и далее. В течение многих лет правления Людовика XIV во Французской академии был только один анатом; и о нем мало кто из изучающих физиологию когда-либо слышал: 'Мсье дю Верней в течение длительного времени был лучшим анатомом академии, и с тех пор до конца 1684 года он работал вместе с мсье Мери'. *Eloge de Du Verney*, in *Œuvres de Fontenelle*, vol. vi. p. 392.

[474] Кювье, *История. des Sciences*, part ii. pp. 64–73, 76–80.

[475] После Белона во Франции ничего не делалось для естественной истории животных до 1734 года, когда появился первый том великого труда Реомюра. См. Свейнсон об изучении нац. *История*. стр. 24, 43.

[476] Об этом замечательном человеке, который был первым химиком-философом, появившимся в Европе, и который еще в 1630 году предвосхитил некоторые обобщения, сделанные Лавуазье сто пятьдесят лет спустя, см. "Письма Либиха о химии", стр. 46, 47; "История" Томсона. химии, том ii. стр. 95, 96; *Космос Гумбольдта*, том ii. стр. 729; Кювье, *Прогресс наук*, том i. стр. 30.

[477] Кювье (*Progrès des Sciences*, том i, стр. 30) говорит о Пее: "сын крита, тот же гроб, что и у тебя, плюс профонд"; и в другой работе тот же великий авторитет пишет (*Hist. des Sciences*, part ii. p. 333): 'Il y avait plus de quarante ans que Becker avait présenté sa nouvelle théorie, développée par Stahl; il y avait encore plus long-temps que les expériences de Boyle sur la chimie pneumatique avaient été publiées, et cependant, rien de tout cela n'entraînait encore dans l'enseignement général de la chimie, du moins en France.'

[478] Высшими современными обобщениями законов питания являются те, которые были сделаны М. Шеврелем; которые, таким образом, обобщены М. Робинем и Вердейлем в их замечательном труде "Анатомическая химия", том i, стр. 203, Париж, 1853: "Проходя мимо растений и животных, мы воюет за то, чтобы организация, отвечающая всем требованиям, соблюдала эти требования, а также за продукты, которые не содержат питательных веществ, комплексы и аналоги среди основных непосредственных участников процесса производства.

'En définitive, on voit que les végétaux se nourrissent d'eau, d'acide carbonique, d'autres gaz et de matières organiques à l'état d'engrais, ou en d'autres termes altérées, c'est-à-dire ramenées à l'état de principes plus simples, plus solubles. Au contraire, les animaux plus élevés dans l'échelle organique ont besoin de matières bien plus complexes quant aux principes immédiats qui les composent, et plus variées dans leurs propriétés.'

[479] Брунфельс в 1530 году и Фукс в 1542 году были двумя первыми писателями, которые самостоятельно исследовали растительное царство, вместо того чтобы копировать то, что говорили древние. Сравните *историю Уэвелла. of the Sciences*, том iii. стр. 305, 306, с *Историей ботаники Поултни*, том i. стр. 38.

[480] Микроскоп был выставлен Дреббелем в Лондоне около 1620 года; и это, по-видимому, самое раннее бесспорное упоминание о его использовании, хотя некоторые авторы утверждают, что он был изобретен в начале семнадцатого века или даже в 1590 году. Сравните различные утверждения в *Pouillet, Элементах телосложения*, т. ii. стр. 357; "*Космос*" Гумбольдта, т. ii. стр. 699, 700; *Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. iv. p. 337; *Winckler, Gesch. Botanik*, стр. 136; *Трактат Кекетта о микроскопе*, 1848, стр. 2; Кювье, *История. des Sciences*, часть ii. стр. 470; *Литература Халлама. of Europe*, том iii. стр. 202; *Лесли, урожд. Philos.* стр. 52. О последующем усовершенствовании микроскопа в семнадцатом веке см. "*Жизнь Ньютона*" Брюстера, том i. стр. 29, 242, 243.

[481] См. *Ботанику Бальфура*, стр. 15. В книге Пултни "*Прогресс ботаники в Англии*" об этом прекрасном открытии, если я правильно помню, даже не упоминается; но из письма, написанного в 1672 году, следует, что тогда оно стало общеизвестным и было подтверждено Грю и Мальпиги. *Рэи Соответствует.* редактировать. 1848, стр. 98. Сравните *Ричарда, Элементы ботаники*, стр. 46; где, однако, М. Ришар ошибочно предполагает, что Грю не знал о трахеях до 1682 года.

[482] Сравнить Кювье, *Историю. des Sciences*, часть ii. стр. 471, с книгой Томсона "*Растительная химия*", стр. 950.

[483] Доктор Томсон (*Химия растений*, стр. 950) говорит: 'Но человеком, которому мы обязаны первой попыткой установить строение растений путем препарирования и микроскопических наблюдений, был доктор Натаниэль Гроу'. Характер исследований Грю, заключающийся в "рассмотрении внутренних и внешних частей растений", также отмечен в работе *Рэя Correspondent.* стр. 188; и М. Винклера (*Gesch. der Botanik*, стр. 382) приписывает ему и Мальпиги 'новый подход', принятый физиологией растений в конце семнадцатого века. Смотрите также, о Grow, *Ботаника Линдли*, том i, стр. 93; и *Третий отчет Brit. Доц.* с. 27.

[484] Первая книга его "Анатомии растений" была представлена Королевскому обществу в 1670 году и напечатана в 1671 году. *Халлам горит. Европы*, том iii. стр. 580; и *История Томсона. Королевского общества*, стр. 44.

[485] "Наличие половых органов у растений было впервые показано в 1676 году сэром Томасом Миллингтоном; и впоследствии это было подтверждено Гроу, Мальпиги и Рэем". *Ботаника Бальфура*, стр. 236. См. также "*Прогресс ботаники*" Поултни, том i, стр. 336, 337; и "*Ботаника Линдли*", том ii, стр. 217; а что касается Рэя, который довольно медленно признавал это открытие, см. *Воспоминания Ланкестера о Рэе*, стр. 100. До этого половая система растений была эмпирически известна нескольким древним людям, но так и не была доведена до научной истины. Сравните *Ричарда, Элементы ботаники*, стр. 353, 427, 428, с *Материей, Hist. de l'Ecole d'Alexandrie*, vol. ii. p. 9.

[486] В июле 1665 года он пишет из Парижа своему отцу: "Лекция о растениях здесь - это только их названия, их степени воздействия тепла и холода, а иногда и их использование в медицине; едва ли на одно слово больше, чем можно увидеть в каждом травяном шарике'. *Работы Брауна*, том i, стр. 108.

[487] Кювье, упоминая о неполноценности взглядов Турнефора по сравнению со взглядами его предшественников, приводит в качестве примера 'puisque'il a rejeté les sex des plantes'. *Ист. des*

Sciences, part ii. p. 496. Следовательно, он считал, что farina была исключительно кремационной. "Успехи ботаники" Поултни, том i, стр. 340.

[488] Это признает даже его восхвалитель Дюво. *Биог. Университет*. том. xlv. стр. 363.

[489] О методе Турнефора, который применялся корролистом, сравните Ричарда, *Элементы ботаники*, стр. 547; "Ботаника Жюссье", редактировать. Уилсон, 1849, стр. 516; *Переписка Рэя*. стр. 381, 382; *Воспоминания Ланкестера о Рэе*, стр. 49; Винклер, *Геш. der Botanik*, p. 142. Кювье (*Hist. des Sciences*, part ii. p. 496), with quiet irony, says of it, 'vous voyez, messieurs, que cette méthode a le mérite d'une grande clarté; qu'elle est fondée sur la forme de la fleur, et par conséquent sur des considérations agréables à saisir.... Ce qui en fit le succès, c'est que Tournefort joignit à son ouvrage une figure de fleur et de fruit appartenant à chacun de ses genres.' Даже в этом он, по-видимому, был небрежен и, как говорят, описал "великое множество растений, которые он никогда не исследовал и не видел". *Письмо доктора Шерарда, в книге Николса "Иллюстрации восемнадцатого века"*, том i, стр. 356.

[490] *Биог. Унив.* т. v. стр. 236, 358.

[491] *Там же*. xxvii. с. 351.

[492] *Ibid.*.

[493] *Там же*. xxiii. стр. 496.

[494] *Там же*. xxix. стр. 17.

[495] *Там же*. xxix. стр. 19.

[496] "Его лучшие картины были написаны примерно с 1640 по 1660 год; он умер в 1682 году". "Эпохи живописи Уорнума", Лондон, 1847. стр. 399. Вольтер (*Сикль Людовика XIV, в Произведениях*, т. хix. стр. 205) говорит, что он умер в 1678 году.

[497] *Биог. Унив.* т. xxiv. с. 327; *Труды сэра Джошуа Рейнольдса*, том ii. стр. 454, 455.

[498] *Биог. Univ.* том. xxxv. стр. 579. Пуссен был 'любимым' художником Барри. *Письмо Барри, в Переписке Берка*. том i, стр. 88. Сравните "Жизнь Кларка" Оттера, том ii, стр. 55. Сэр Джошуа Рейнольдс (*Работы*, том i, стр. 97, 351, 376), по-видимому, предпочитал его любой французской школе; и в отчете, представленном Институтом Наполеону, он единственный французский художник, упомянутый рядом с греческими и итальянскими художниками. *Dacier, Rapport Historique*, p. 23.

[499] *Биог. Унив.* т. xxxiii. p. 411; *Siècle de Louis XIV*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xix. p. 158.

[500] *Биог. Университет*. том. xxvi. стр. 503.

[501] *Там же*. том iv. стр. 593.

[502] *Там же*. том. xxxvi. стр. 300. Уважая его, см. "Франция леди Морган", том ii. стр. 30, 31.

[503] М. Капегиг (*Людовик XIV*, том ii, стр. 79) говорит: "Луллий мурут в 1689 году"; но в *Биографии* указан 1687 год. *Univ.* том xxv. стр. 425; в *биографии* Чалмера. *Dict.* vol. xx. p. 483; в *биографии* Роуза. *Dict.* vol. ix. стр. 350; и в *Monteil, Divers Etats*, vol. vii с. 63. In *Œuvres de Voltaire*,

vol. xix. p. 200, he is called 'le père de la vraie musique en France.' Им восхищался Людовик XIV. *Lettres de Sévigné*, vol. ii. pp. 162, 163.

[504] *Биог. Унив.* т. xxxvi. с. 42. Вольтер ("Приключения", т. xix, с. 162) говорит: "персона, не похожая на Джеймса Эгале Кино"; а мистер Халлам (*Европейская литература*, т. iii, с. 507) - "непревзойденный поэт французской музыки". См. Также *Письма Дюдеффана Уолполу*, т. ii, с. 432.

[505] Когда Людовик XV взошел на трон. Живопись во Франции находилась в состоянии крайней деградации. *Lady Morgan's France*, vol. ii. p. 31. Lacretelle (*Dix-huitième Siècle*, vol. ii. p. 11) says 'Les beaux arts dégénérèrent plus sensiblement que les lettres pendant la seconde partie du siècle de Louis XIV.... Il est certain que les vingt-cinq dernières années du règne de Louis XIV n'offrirent que des productions très-inférieures,' &c. Так же и Баррингтон (*Замечания о статутах*, стр. 377): "Очень примечательно, что французская школа не произвела ни одного очень выдающегося художника со времен дорогостоящего учреждения Людовика XIV. из академий в Риме и Париже.

[506] *Биог. Унив.* т. xxxvi. стр. 499, 502; *Литература Халлама*. том iii. стр. 493.

[507] *Биог. Унив.* том xxix. стр. 306, 308.

[508] *Биография Роуз. Dict.* vol. iv. p. 376; и *Биог. Univ.* vol. v. стр. 7, 8, где сказано, что "ses meilleures satires" были опубликованы в 1666 году.

[509] Там же. том. xxiii. стр. 127.

[510] *Теннеманн, Геск. der Philos.* vol. x. p. 322.

[511] *Биография. Унив.* том vi. стр. 175.

[512] *Брюне, Мануэль дю Либрейр*, том iv, стр. 105, Париж, 1843; и примечание в *Письмах Патена*, том i, стр. 421.

[513] *Биография. Унив.* т. xxxiii. pp. 64, 71; *Palissot, Mém. pour l'Hist. de Lum.* том ii. стр. 239, 241.

[514] *Polyeucte*, что, вероятно, его величайшее произведение, появилась в 1640 году; *Médée* в 1635 году; *угрозыска* в 1636; *Гораций и Цинна* как в 1639 году. *Биог. Университет.* том ix. стр. 609-613.

[515] Вольтер (*Принцесса Людовика XIV*, в "Приключениях", т. xx. стр. 319-322) неохотно признает упадок французского интеллекта во второй половине правления Людовика; и Флассан (*дипломат. Franc.* vol. iv. p. 400) называет это "примечательным". См. Также *Баранте, Французская литература*, стр. 28; *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxvi. с. 217.

[516] Подавленный поражениями за границей, голодом и нищетой дома, Людовик был отдан на милость своих врагов; и 'был спасен только партийным переворотом в английском министерстве'. *Лекции Арнольда по современной истории*, стр. 137. Compare *Fragments sur l'Histoire*, article xxiii. in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxvii. p. 345, with *De Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. i. p. 86.

[517] Чтобы найти доказательства депрессии и, действительно, полного истощения Франции в последние годы правления Людовика XIV, сравните *Дюкло, Воспоминания*, т. i, стр. 11-18, с

Мармонтелем, *История. de la Régence*, Paris, 1826, pp. 79–97. Официальные письма мадам де Ментенон (том i. стр. 263, 284, 358, 389, 393, 408, 414, 422, 426, 447, 457, 463, том ii. стр. 19, 23, 33, 46, 56, и многочисленные другие отрывки) полностью подтверждают это и, более того, доказывают, что в Париже в начале восемнадцатого века ресурсы даже богатых классов начали истощаться; в то время как как государственный, так и частный кредит были настолько расшатаны, что едва ли было возможно получить деньги на каких-либо условиях. В 1710 году она, жена Людовика XIV, жалуется на то, что не может занять 500 ливров: "Зайдите в мой кредит, чтобы получить деньги от господина Демареца за то, что он потратил столько центов ливров". *Ibid.* vol. ii. p. 33. In 1709, she writes (vol. i. p. 447): 'Le jeu devient insipide, parce qu'il n'y a presque plus d'argent.' See also vol. ii. p. 112; and in February 1711 (p. 151): 'Ce n'est pas l'abondance mais l'avarice qui fait jouer nos courtisans; on met le tout pour le tout pour avoir quelque argent, et les tables de lansquenet ont plus l'air d'un triste commerce que d'un divertissement.'

Что касается народа в целом, французские писатели предоставляют нам мало информации, потому что в ту эпоху они были слишком заняты своим великим королем и своей эффектной литературой, чтобы обращать внимание просто на народные интересы. Но я собрал из других источников некоторую информацию, которую сейчас сведу воедино и которую рекомендую к сведению следующему французскому автору, который возьмется за составление истории Людовика XIV.

Локк, путешествовавший по Франции в 1676 и 1677 годах, пишет в своем дневнике: 'Земельная рента во Франции за эти несколько лет упала вдвое из-за бедности народа'. *"Жизнь короля Локка"*, том i, стр. 139. Примерно в то же время, по словам сэра Уильяма Темпла (*Сочинения*, том ii, стр. 268), 'Французские крестьяне совершенно удручены трудом и нуждой'. В 1691 году другой наблюдатель, приехавший из Кале, пишет: 'Отсюда, путешествуя в Париж, было достаточно возможностей наблюдать, до какого чудовищного состояния нищеты амбиции и абсолютность тирана могут довести богатую и плодородную страну. Были видны все признаки растущего несчастья; все мрачные признаки всепоглощающего бедствия. Поля были невозделаны, деревни безлюдны, дома приходили в упадок'. *Дневник Бертона*, примечание Ратта, том iv. стр. 79. В трактате, опубликованном в 1689 году, автор говорит (*"Трактаты Сомерса"*, том x, стр. 264): "Я знал во Франции бедняков, которые продают свои кровати и ложатся на солому; продают свои кастрюли, чайники и все необходимые предметы домашнего обихода, чтобы удовлетворить безжалостных сборщиков королевских налогов". Доктор Листер, посетивший Париж в 1698 году, говорит: "Таково огромное множество бедняков во всех частях этого города, что, находится ли человек в экипаже или пешком, на улице или даже в общественном транспорте, он не может понять, что происходит. кроме того, он точно так же не в состоянии вести дела из-за назойливости нищенствующих". *Отчет Листера о Париже*, стр. 46. Сравните письмо Приора из *"Писем литераторов" Эллиса*, стр. 213. В 1708 году Аддисон, который по личным наблюдениям был хорошо знаком с Францией, писал: 'Мы здесь думаем, как и вы в деревне, что Франция при последнем издыхании'. *"Жизнь Аддисона" Эйкина*, том i, стр. 233. Наконец, в 1718 году, то есть через три года после смерти Людовика, леди Мэри Монтегю дает следующий отчет о результатах его правления в письме леди Рич, датированном Парижем 10 октября 1718 года: 'Я не думаю, что есть что-то более ужасное, чем объекты страданий, за исключением того, что один из них обладал божественным свойством исправлять их; и все сельские деревни Франции не демонстрируют ничего другого. Пока меняют почтовых лошадей, весь город выходит просить милостыню, с такими жалкими изголодавшимися лицами и в худой, изодранной одежде, что им не нужно другого красноречия, чтобы убедить кого-либо в

плачевности своего положения.'Произведения леди Мэри Уортли Монтегю, том iii. стр. 74, изд. 1803.

ГЛАВА V.

СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XIV. РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ДУХА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА И ПОДГОТОВКА К ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Наконец Людовик XIV. умер. Когда стало достоверно известно, что старый король перестал дышать, народ чуть с ума не сошел от радости.[518] Тирания, которая давила на них, была устранена; и сразу же последовала реакция, которая по внезапному насилию не имеет аналогов в современной истории.[519] Подавляющее большинство компенсировало свое вынужденное лицемерие тем, что предавалось самой вопиющей распущенности. Но среди формирующегося тогда поколения было несколько энергичных молодых людей, которые придерживались гораздо более высоких взглядов и чьи представления о свободе не ограничивались разнузданностью игорного дома и борделя. Преданные великой идее восстановления во Франции той свободы слова, которую она утратила, они, естественно, обратили свои взоры к единственной стране, где эта свобода практиковалась. Их решимость искать свободу там, где только ее можно было найти, привела к тому слиянию французского и английского интеллектов, которое, учитывая огромную цепь его последствий, является, безусловно, самым важным фактом в истории восемнадцатого века.

Во время правления Людовика XIV французы, раздутые национальным тщеславием, презирали варварство народа, который был настолько нецивилизован, что постоянно ополчался против своих правителей и который в течение сорока лет казнил одного короля и низложил другого.[520] Они не могли поверить, что такая неугомонная орда обладает чем-либо, достойным внимания просвещенных людей. Наши законы, наша литература и наши нравы были им совершенно неизвестны, и я сомневаюсь, что в конце семнадцатого века во Франции было хоть пять человек, знакомых с английским языком, будь то в литературе или науке.[521] Но длительный опыт правления Людовика XIV заставил французов пересмотреть многие свои мнения. Это заставило их заподозрить, что у деспотизма могут быть свои недостатки и что правительство, состоящее из князей и епископов, не обязательно является лучшим для цивилизованной страны. Они начали смотреть, сначала с самодовольством, а затем с уважением, на этот странный и диковинный народ, который, хотя и был отделен от них самих лишь узким морем, казался совершенно иного рода; и который, наказав своих угнетателей, довел свои свободы и процветание до такой высоты, примера которой мир не видел. Эти чувства, которые до того, как вспыхнула Революция, разделяли все образованные классы Франции, вначале были присущи только тем людям, чей интеллект ставил их во главе своего века. В течение двух поколений, которые прошли между смертью Людовика XIV. а когда началась Революция, едва ли нашелся бы хоть один выдающийся француз, который не посещал бы Англию или не изучал английский; в то время как многие из них делали и то, и другое. Бюффон, Бриссо, Бруссоне, Кондамин, Делиль, Эли де Бомон, Гурне, Гельвеций, Жюссье, Лаланд, Лафайет, Ларше, Л'Эретье, Монтескье, Мопертюи, Морелле, Мирабо, Нолле, Рейналь, знаменитый Ролан и его еще более знаменитая жена, Руссо, Сегюр, Сюар, Вольтер — все эти

замечательные личности стекались в Лондон, как и другие, менее способные, но имеющие значительное влияние, такие как Брекини, Бордес, Калонн, Койер, Корматен, Дюфэ, Дюмарест, Дезалье, Фавье, Жиро, Гросли, Годен, Д'Анкарвиль, Юно, Жарс, Ле Блан, Ледрю, Лекалье, Лингве, Лесюир, Лемонье, Левеск де Пуьи, Монгольфье, Моран, Пату, Пуассонье, Ревейон, Септен, Силуэт, Сирет, Сулавиз, Сульес и Вальмон де Бриенн.

Почти все они тщательно изучали наш язык, и большинство из них прониклись духом нашей литературы. Вольтер, в частности, с присущим ему рвением посвятил себя новому занятию и приобрел в Англии представление о тех доктринах, распространение которых впоследствии снискало ему столь высокую репутацию.[522] Он был первым, кто популяризировал во Франции философию Ньютона, где она быстро вытеснила философию Декарта.[523] Он рекомендовал своим соотечественникам труды Локка;[524] который вскоре приобрел огромную популярность, и который предоставил Кондильяку материалы для его системы метафизики,[525] и Руссо за его теорию воспитания.[526] Кроме того, Вольтер был первым французом, изучавшим Шекспира; чьим произведениям он был в большом долгу, хотя впоследствии пожелал уменьшить то, что, по его мнению, было чрезмерным уважением к ним во Франции.[527] Действительно, его знание английского языка было настолько глубоким,[528], что мы можем проследить его обязательства перед Батлером,[529] один из самых сложных наших поэтов, а на Тиллотсона,[530] один из самых тупых наших богословов. Он был знаком со спекуляциями Беркли,[531] самого тонкого метафизика, который когда-либо писал по-английски; и он читал работы не только Шефтсбери,[532] но даже у Чабба,[533] Гарта,[534] Мандевилла,[535] и Вулстон.[536] Монтескье впитал в нашей стране многие из своих принципов; он изучал наш язык; и он всегда выражал восхищение Англией не только в своих трудах, но и в частных беседах.[537] Буффон выучил английский, и его первое появление в качестве автора было переводчиком Ньютона и Хейлса.[538] Дидро, следуя тем же курсом, был восторженным поклонником романов Ричардсона;[539] он взял идею нескольких его пьесы английских драматургов, особенно Лилло; многие свои аргументы он позаимствовал у Шефтсбери и Коллинза, а его самой ранней публикацией был перевод *Истории Греции*. [540] Гельвеций, посетивший Лондон, никогда не уставал восхвалять людей; многие взгляды в его великом труде о разуме заимствованы у Мандевилла; и он постоянно ссылается на авторитет Локка, принципы которого вряд ли какой-либо француз в более ранний период осмелился бы рекомендовать.[541] Труды Бэкона, ранее малоизвестные, теперь переведены на французский; а его классификация человеческих способностей легла в основу этой знаменитой Энциклопедии, которая по праву считается одним из величайших произведений восемнадцатого века.[542] *Теория моральных чувств* Адама Смита в течение тридцати четырех лет переводилась трижды тремя разными французскими авторами.[543] И всеобщее рвение было таково, что сразу после выхода "*Богатства народов*" того же великого писателя Морелле, пользовавшийся в то время высокой репутацией, начал переводить его на французский; и напечатать его перевод помешало только то обстоятельство, что, прежде чем он смог быть завершен, во французском периодическом издании была опубликована другая его версия.[544] Койер, которого до сих пор помнят по его "*Жизни Собеского*", посетил Англию; и после возвращения в свою страну, показал направление своих исследований, переводя на французский комментарии Блэкстоуна.[545] Ле Блан путешествовал по Англии, написал работу, посвященную исключительно английскому языку, и перевел на французский политические рассуждения Юма.[546] Гольбах, безусловно, был одним из самых активных лидеров либеральной партии в Париже; но большая часть его очень многочисленных работ состоит исключительно из переводов английских авторов.[547]

Действительно, в общих чертах можно сказать, что, хотя в конце семнадцатого века было бы трудно найти даже среди самых образованных французов хоть одного человека, знающего английский, в восемнадцатом веке было бы почти так же трудно найти в том же классе человека, который не знал бы его. Люди всех вкусов и самых противоположных занятий были в этом вопросе объединены как бы общими узами. Поэты, геометры, историки, естествоиспытатели - все, казалось, были согласны с необходимостью изучения литературы, над которой раньше никто не задумывался. В ходе общего чтения я встретился с доказательствами того, что английский язык был известен не только тем выдающимся французам, которых я уже упоминал, но и математикам, таким как Д'Аламбер,[548] Даркье,[549] Дю Валь-Леруа,[550] Юрен,[551] Лашапель,[552] Лаланд,[553] Ле Козик,[554] Монтукла,[555] Пезенас,[556] Прони,[557] Роман,[558] и Роджер Мартин;[559] анатомам, физиологам и писателям по медицине, таким как Бартез,[560] Bichat,[561] Бордо,[562] Барбе-Дюбур,[563] Bosquillon,[564] Бурру,[565] Бег де Прель,[566] Кабанис,[567] Примечания,[568] Дупланил,[569] Фуке,[570] Гулен,[571] Лавиротте,[572] Лассус,[573] Пети Радель ,[574] Пинель,[575] Roux, Sauvages,[577] и подать в суд;[578] натуралистам, таким как Ален,[579] Бремонду,[580] Бриссон,[581] Бруссоне,[582] Далибард,[583] Привет,[584] Latapie,[585] Ричард,[586] Риго,[587] и Роме де Лиль;[588] к историкам, филологам и антикварам, таким как Бартелеми,[589] Бутель Дюмон,[590] Де Броссес,[591] Фуше,[592] Фрере,[593] Ларше,[594] Ле Кок де Виллере,[595] Мийо,[596] Щит,[597] Velly установите[598] вольней,[599] и вайи;[600] для поэтов и драматургов, как Шерон,[601] Colardeau,[602] Делиль,[603] Desforges,[604] Ducis,[605] Флориан[606] Лаборде,[607] Лефевр де Beauvray,[608] Мерсье,[609] Пату,[610] Монпелье,[611] Quétant,[612] Roucher,[613] и Сент-Анж;[614] в разное писателей, как люльку,[615] Baudeau,[616] Beaulaton,[617] Бенуа,[618] Бержье,[619] Блаве,[620] Bouchaud,[621] Бугенвиль,[622] Bruté,[623] Кастера,[624] Chantreau,[625] Шарпантье,[626] Chastellux,[627] Контана д'Орвиль,[628] де Bissy,[629] Demeunier,[630] Десфонтейн,[631] Девьен,[632] Дубокаж,[633] Дюпре,[634] Duresnel,[635] Eidous,[636] Этьен,[637] Фавье,[638] Флавины,[639] Родничок,[640] Фонтене,[641] энду,[642] Fresnais,[643] Fréville,[644] услугам,[645] Галтье,[646] Garsault,[647] Годдард,[648] Goudar,[649] Guénée,[650] Гийемар,[651] гийара в исполнении[652] Jault,[653] Имбер,[654] Joncourt,[655] Kéralio,[656] Laboreau,[657] Лакомб,[658] Лафарг,[659] Ла-Монтань,[660] Lanjuinais,[661] Ласалль,[662] Lasteyrie,[663] Ле-Бретон,[664] Lécuy,[665] Леонар-де Malpeines,[666] Letourneur,[667] Linguet,[668] Лоттин[669] Luneau,[670] Майе Duclairon,[671] Mandrillon,[672] Marsy,[673] моет,[674] моно,[675] Mosneron,[676] Nagot,[677] Пейрону,[678] Прево,[679] городе puisieux,[680] Rivoire,[681] Робине,[682] Роджер,[683] Рубо,[684] Salaville,[685] Sauseuil,[686] секунда,[687] Septchènes,[688] Симона,[689] Soulès,[690] Suard,[691] Tannevot,[692] Thurot,[693] Туссен,[694] Трессан,[695] Трошеро,[696] Тюрпен,[697] Уссье,[698] Вожуа,[699] Верлак,[700] и Virloys.[701] Действительно, Ле Блан, писавший незадолго до середины восемнадцатого века, говорит: "Мы поместили английский в ранг изучаемых языков; наши женщины изучают его и отказались от итальянского, чтобы изучать язык этого философствующего народа; и среди нас нет ни одного, кто не желал бы его изучать".[702]

Таково было рвение, с которым французы впитывали литературу народа, который всего несколько лет назад они искренне презирали. Правда в том, что при этом новом положении вещей у них не было альтернативы. Ибо где, как не в Англии, можно было найти литературу, которая могла бы удовлетворить тех смелых и пытливых мыслителей, которые возникли во Франции после смерти Людовика XIV. ? В их собственной стране, без сомнения, происходили великие проявления красноречия, прекрасных драм и поэзии, которые, хотя и никогда не

достигали высшей точки совершенства, отличались законченной и восхитительной красотой. Но это неоспоримый факт, и о нем грустно размышлять, что за шестьдесят лет, последовавших за смертью Декарта, во Франции не было ни одного человека, который осмеливался бы думать самостоятельно. Метафизики, моралисты, историки - все были запятнаны раболепием того сурового века. На протяжении двух поколений ни одному французу не разрешалось свободно обсуждать какой-либо вопрос, будь то политический или религиозный. Следствием этого было то, что крупнейшие умы, исключенные из своей законной сферы деятельности, утратили свою энергию; национальный дух угас; казалось, не хватало самого материала и питательной среды для мысли. Поэтому неудивительно, что великие французы восемнадцатого века искали за границей ту пищу, которую не могли найти дома. Неудивительно, что они отвернулись от своей родины и с восхищением смотрели на единственный народ, который, продвигая свои запросы в высшие ведомства, проявил такое же бесстрашие в политике, как и в религии; народ, который, наказав своих королей и установив контроль над своим духовенством, хранил сокровища своего опыта в той благородной литературе, которая никогда не может исчезнуть и о которой можно сказать совершенно справедливо, что она стимулировала интеллект самых отдаленных рас и что, посаженная в Америке и Индии, она уже оплодотворила два конца света.

На самом деле, мало что в истории столь поучительно, как степень влияния этого нового стремления на Францию. Даже те, кто принимал участие в фактическом завершении Революции, были тронуты господствующим духом. Английский язык был знаком Карре,^[703] Дюмуре,^[704] Лафайет,^[705] и Лантены.^[706] Камиль Десмулен совершенствовал свой ум из того же источника.^[707] Марат путешествовал как по Шотландии, так и по Англии и был настолько хорошо знаком с нашим языком, что написал на нем две работы; одна из которых, под названием *Цепи рабства*, впоследствии была переведена на французский.^[708] Высокопоставленный авторитет заявляет, что Мирабо частично был обязан своей властью тщательному изучению конституции Англии;^[709] он перевел не только "*Историю Филиппа II Ватсона*", но и некоторые части из Милтона;^[710] и говорят, что когда он был в Национальном собрании, он произносил, как свои собственные, отрывки из речей Берка.^[711] Мунье был хорошо знаком с нашим языком и с нашими политическими институтами как в теории, так и на практике;^[712] и в работе, оказавшей значительное влияние, он предложил для своей страны создание двух палат, сформировать тот баланс сил, примером которого служила Англия.^[713] Ту же идею, почерпнутую из того же источника, отстаивал Ле Брюн, который был другом Мунье и который, как и он, обращал внимание на литературу и правительство английского народа.^[714] Бриссо знал английский; он изучал в Лондоне работу английских учреждений, и он сам упоминает, что в своем трактате по уголовному праву он в основном руководствовался курсом английского законодательства.^[715] Кондорсе также предложил в качестве модели нашу систему уголовного судопроизводства,^[716] которая, какой бы плохой она ни была, безусловно, превосходила ту, которой обладала Франция. Мадам Ролан, чье положение, а также способности делали ее одним из лидеров демократической партии, была страстной студенткой языка и литературы английского народа.^[717] Она тоже, движимая всеобщим любопытством, приехала в нашу страну; и, словно для того, чтобы показать, что люди всех оттенков и всех рангов движимы тем же духом, герцог Орлеанский также посетил Англию; и его визит не остался без естественных результатов. "Именно в лондонском обществе, - говорит знаменитый писатель, - он почувствовал вкус к свободе; и именно по возвращении оттуда он привез во Францию любовь к народной агитации, презрение к собственному рангу и фамильярность с теми, кто ниже его".^[718]

Этот язык, каким бы сильным он ни был, не покажется преувеличением любому, кто внимательно изучал историю восемнадцатого века. Несомненно, Французская революция была, по сути, реакцией на тот покровительственный и вмешательский дух, который достиг своего апогея при Людовике XIV, но который за столетия до его правления оказал самое пагубное влияние на национальное процветание. Хотя, однако, это следует полностью признать, столь же несомненно и то, что импульс, которому реакция была обязана своей силой, исходил из Англии; и что именно английская литература преподавала уроки политической свободы сначала Франции, а через Францию остальной Европе.[719] По этому поводу, и вовсе не из простого литературного любопытства, я с некоторой тщательностью проследил тот союз между французским и английским умами, который, хотя и часто замечался, никогда не изучался с той тщательностью, которой заслуживает его важность. Обстоятельства, которые усилили это обширное движение, будут описаны ближе к концу книги; сейчас я ограничусь его первым значительным последствием, а именно, установлением полного раскола между литераторами Франции и классами, которые исключительно управляли страной.

Те выдающиеся французы, которые теперь обратили свое внимание на Англию, обнаружили в ее литературе, в структуре ее общества и в ее правительстве многие особенности, которым их собственная страна не давала примера. Они слышали, как политические и религиозные вопросы величайшего значения обсуждались со смелостью, невиданной ни в одной другой части Европы. Они слышали, как диссиденты и церковники, виги и тори затрагивали самые опасные темы и относились к ним с неограниченной свободой. Они слышали публичные споры по вопросам, которые никто во Франции не осмеливался обсуждать; государственные тайны и тайны вероучения раскрывались и грубо выставлялись на всеобщее обозрение. И что, должно быть, было не менее удивительно для французов того времени, они не только обнаружили, что государственная пресса обладает определенной степенью свободы, но и обнаружили, что в самих стенах парламента управление короной подвергалось нападкам совершенно безнаказанно, характер ее избранных слуг постоянно подвергался очернению и, как ни странно, даже управление ее доходами эффективно контролировалось.[720]

Преемники эпохи Людовика XIV, видя эти вещи и, более того, видя, что цивилизация страны растет по мере того, как авторитет высших классов и короны ослабевает, не могли сдержать своего изумления при виде столь нового и захватывающего зрелища. "Английская нация, - говорит Вольтер, - единственная на земле, которая, сопротивляясь своим королям, преуспела в ослаблении их власти.[721] Как я люблю смелость англичан! как я люблю мужчин, которые говорят то, что думают!"[722] Англичане, говорит Ле Блан, желают иметь короля при условии, что они не обязаны ему подчиняться.[723] Непосредственной целью их правительства, по словам Монтескье, является политическая свобода;[724] они обладают большей свободой, чем любая республика;[725] и их система на самом деле является республикой, замаскированной под монархию.[726] Пораженный Гросли восклицает: "Собственность в Англии является священной вещью, которую законы защищают от любых посягательств не только со стороны инженеров, инспекторов и других людей подобного сорта, но даже со стороны самого короля".[727] Мэбли в самой знаменитой из всех своих работ говорит: "Ганноверцы могут править в Англии только потому, что народ свободен и верит, что у них есть право распоряжаться короной. Но если бы короли претендовали на те же полномочия, что и Стюарты, если бы они верили, что корона принадлежит им по божественному праву, они бы осудили самих себя и признали, что занимают место, которое им не принадлежит".[728] В Англии, говорит Гельвеций, людей уважают; каждый гражданин может принимать некоторое участие в

управлении делами; и авторам разрешено просвещать общественность, уважая ее собственные интересы.[729] И Бриссо, который специально изучал эти вопросы, восклицает: 'Восхитительное телосложение! которое может быть порицаемо либо людьми, которые этого не знают, либо теми, чьи языки обузданы рабством'.[730]

Таковы были мнения некоторых из самых знаменитых французов того времени; и подобными выдержками было бы легко заполнить целый том. Но что я сейчас скорее хотел бы сделать, так это указать на первое важное последствие этого нового и внезапного восхищения страной, к которой в предшествующую эпоху относились с глубоким презрением. Последовавшие за этим события действительно имеют значение, которое невозможно преувеличить, поскольку они привели к тому разрыву между интеллектуальным и правящим классами, для которого сама революция была лишь временным эпизодом.

Великие французы XVIII века, вдохновленные примером Англии на любовь к прогрессу, естественно, вступили в столкновение с правящими классами, среди которых все еще преобладал старый неподвижный дух. Это противостояние было благотворной реакцией на то позорное раболепие, которым в царствование Людовика XIV отличались литераторы; и если бы последовавшее за этим состязание велось с чем-либо, приближающимся к умеренности, конечный результат был бы в высшей степени благоприятным; поскольку оно обеспечило бы то расхождение между спекулятивными и практическими классами, которое, как мы уже видели, необходимо для поддержания равновесия в цивилизации и предотвращения того, чтобы какая-либо из сторон приобрела опасное преобладание. Но, к несчастью, дворяне и духовенство так давно привыкли к власти, что не могли вынести ни малейшего противоречия со стороны этих великих писателей, которых они невежественно презирали как своих подчиненных. Поэтому, когда самые выдающиеся французы восемнадцатого века попытались привить литературе своей страны дух исследования, подобный тому, который существовал в Англии, правящие классы воспылали ненавистью и завистью, которые перешли все границы и положили начало тому крестовому походу против знания, который является вторым главным предвестником Французской революции.

Масштабы того жестокого преследования, которому в настоящее время подверглась литература, могут быть полностью оценены только теми, кто скрупулезно изучал историю Франции XVIII века. Ибо это был не случайный случай притеснения, которые происходили то тут, то там; но это была длительная и систематическая попытка задушить все расследования и наказать всех вопрошающих. Если бы был составлен список всех литераторов, писавших в течение семидесяти лет, последовавших за смертью Людовика XIV, то обнаружилось бы, что по крайней мере девять из каждых десяти понесли от правительства какие-либо тяжкие увечья; и что большинство из них действительно были брошены в тюрьму. Действительно, говоря так много, я преуменьшаю реальные факты дела, поскольку сомневаюсь, что хоть один литератор из пятидесяти остался безнаказанным. Конечно, мои собственные знания о тех временах, хотя и тщательно собранные, не столь полны, как я мог бы пожелать; но среди тех авторов, которые были наказаны, я нахожу имена почти каждого француза, чьи произведения пережили эпоху, в которую они были созданы. Среди тех, кто подвергся либо конфискации, либо тюремному заключению, либо ссылке, либо штрафам, либо запрещению своих произведений, либо позору быть вынужденным отречься от того, что они написали, я нахожу, помимо множества писателей низшего уровня, имена Бомарше, Беррюйе, Бужана, Бюффона, Д'Аламбера, Дидро, Дюкло,

Фрере, Гельвеция, Ла Арпа, Лингве, Мабли, Мармонтеля, Монтескье, Мерсье, Морелле, Рейналя, Руссо, Сюрд, Томас и Вольтер.

Простое перечисление этого списка таит в себе наставления. Предполагать, что все эти выдающиеся люди заслужили то обращение, которому они подверглись, было бы, даже при отсутствии прямых доказательств, явным абсурдом; поскольку это включало бы предположение, что в результате раскола, произошедшего между двумя классами, более слабый класс был полностью неправ, а более сильный - полностью прав. Однако, к счастью, нет необходимости прибегать к какому-либо чисто умозрительному аргументу относительно вероятных достоинств обеих сторон. Обвинения, выдвинутые против этих великих людей, известны всему миру; применяемые наказания также хорошо известны; и, собрав их вместе, мы можем составить некоторое представление о состоянии общества, в котором подобные вещи могли бы открыто практиковаться.

Вольтер почти сразу же после смерти Людовика XIV был ложно обвинен в составлении клеветы на этого принца; и за это мнимое преступление он без всякого предлога судебного разбирательства и даже без тени доказательств был брошен в Бастилию, где пробыл взаперти более двенадцати месяцев.^[731] Вскоре после того, как он был освобожден, ему было нанесено еще более тяжкое оскорбление; факт и, прежде всего, безнаказанность которого, являются ярким доказательством состояния общества, в котором подобные вещи были разрешены. Вольтер за столом герцога де Сюлли был намеренно оскорблен шевалье де Роганом Шабо, одним из тех дерзких и распутных дворян, которыми тогда изобиловал Париж. Герцог, хотя надругательство было совершено в его собственном доме, в его собственном присутствии и над его собственным гостем, вмешиваться не стал; но, казалось, счел за честь, что бедный поэт был каким-либо образом замечен высокопоставленным человеком. Но поскольку Вольтер, сгоряча, отпустил одну из тех язвительных реплик, которые наводили ужас на его врагов, шевалье решил подвергнуть его дальнейшему наказанию. Курс, который он избрал, был характерен для этого человека и для класса, к которому он принадлежал. Он приказал схватить Вольтера на улицах Парижа и в его присутствии позорно избить, сам определяя количество ударов, из которых должно было состоять наказание. Вольтер, страдая от нанесенного оскорбления, потребовал удовлетворения, которое было принято давать. Это, однако, не входило в планы его благородного противника, который не только отказался встретиться с ним на поле боя, но и фактически добился приказа, по которому он был заключен в Бастилию на шесть месяцев, а по истечении этого срока ему было предписано покинуть страну.^[732]

Таким образом, Вольтер, сначала попавший в тюрьму за клевету, которой он никогда не писал, а затем подвергшийся публичному избиению за то, что ответил на нанесенное ему оскорбление, теперь был приговорен к другому тюремному заключению под влиянием того самого человека, который на него напал. Изгнание, последовавшее за тюремным заключением, по-видимому, было вскоре прекращено; поскольку вскоре после этих событий мы снова застаем Вольтера во Франции, готовящим к публикации свой первый исторический труд "Жизнь Карла XII". В этом нет ни одной из тех нападок на христианство, которые оскорбляли его последующие труды; в нем также нет ни малейшего намека на произвол правительства, от которого он пострадал. Французские власти сначала дали это разрешение, без которого тогда не могла быть опубликована ни одна книга; но как только она была фактически напечатана, лицензия была отозвана, а "История" запрещена к распространению.^[733] Следующая попытка Вольтера была гораздо более ценной: поэтому она была отвергнута еще более резко. Во время своего

пребывания в Англии его пылкий ум был глубоко заинтересован положением вещей, столь отличным от всего, что он видел до сих пор; и теперь он опубликовал рассказ об этом замечательном народе, из литературы которого почерпнул много важных истин. Его работа, которую он назвал "*Философские письма*", была встречена всеобщими аплодисментами; но, к несчастью для него самого, он принял в ней аргументы Локка против врожденных идей. Правители Франции, хотя и не были склонны много знать о врожденных идеях, подозревали, что доктрина Локка в некотором роде опасна; и поскольку им сказали, что это новинка, они сочли себя обязанными воспрепятствовать ее распространению. Их средство было очень простым. Они приказали, чтобы Вольтера снова арестовали, а его работы были сожжены обычным палачом.[734]

Эти повторяющиеся травмы вполне могли бы тронуть более терпеливый дух, чем у Вольтера.[735] Конечно, те, кто упрекает этого выдающегося человека, как будто он был зачинщиком неспровоцированных нападков на существующее положение вещей, должно быть, очень мало знают о веке, в котором ему выпало несчастье жить. Даже на том, что всегда считалось нейтральной почвой физической науки, был проявлен тот же самый деспотический и преследующий дух. Вольтер, помимо других планов принести пользу Франции, хотел рассказать своим соотечественникам о замечательных открытиях Ньютона, о которых они были совершенно не осведомлены. С этой целью он составил отчет о трудах этого выдающегося мыслителя; но и здесь вмешались власти и запретили печатать эту работу.[736] Действительно, правители Франции, как будто понимая, что их единственной безопасностью является невежество народа, упрямо противостоят каждому описанию знаний. Несколько выдающихся авторов взялись за создание в великолепном масштабе Энциклопедии, которая должна была содержать краткое изложение всех отраслей науки и искусства. Это, несомненно, самое блестящее предприятие, когда-либо затеянное группой литераторов, было сначала отвергнуто правительством, а затем и вовсе запрещено.[737] В других случаях та же тенденция проявлялась в вопросах настолько незначительных, что ничто, кроме серьезности их конечных результатов, не мешает им быть смешными. В 1770 году Имберт перевел *Письма об Испании* Кларка: одно из лучших произведений, существовавших тогда об этой стране. Эта книга, однако, была закрыта, как только появилась; и единственная причина, приписываемая такому распространению власти, заключается в том, что в ней содержались некоторые замечания, касающиеся страсти Карла III. за охоту, которая считалась неуважением к французской короне, потому что Людовик XV. сам был великим охотником.[738] За несколько лет до этого Ла Блеттери, который был хорошо известен во Франции своими работами, был избран членом Французской академии. Но он, по-видимому, был янсенистом и, более того, осмелился утверждать, что император Юлиан, несмотря на свое вероотступничество, был не совсем лишен хороших качеств. Подобные проступки нельзя было оставлять без внимания в столь чистый век, и король вынудил Академию исключить Ла Блеттери из своего общества.[739] То, что наказание больше не продлевалось, было примером замечательной мягкости; для Фрере, выдающегося критика и ученого,[740] был заключен в Бастилию, потому что он заявил в одном из своих мемуаров он пишет, что самые ранние франкские вожди получили свои титулы от римлян.[741] Одно и то же наказание было применено к Ленгле дю Френуа четыре разных раза.[742] В случае с этим дружелюбным и образованным человеком, похоже, не было и тени предлога для жестокости, с которой с ним обращались; хотя в одном случае предполагаемое преступление заключалось в том, что он опубликовал дополнение к "*Истории Де Ты*".[743]

Действительно, стоит нам только открыть биографии и переписку того времени, чтобы найти примеры, обрушивающиеся на нас со всех сторон. Руссо угрожали тюремным заключением, его изгнали из Франции, а его работы были публично сожжены.[744] Знаменитый трактат Гельвеция о разуме был запрещен по приказу королевского совета: он был сожжен обычным палачом, а автор был вынужден написать два письма, отказываясь от своего мнения.[745] Некоторые геологические взгляды Бюффона оскорбили духовенство, и этот прославленный натуралист был вынужден опубликовать официальное опровержение доктрин, которые, как теперь известно, совершенно точны.[746] Научные наблюдения Мабли по истории Франции были удалены, как только они появились;[747] по какой причине было бы трудно сказать, поскольку М. Гизо, безусловно, не сторонник ни анархии, ни безбожия, считал нужным переиздать их и таким образом закрепить за ними авторитет своего собственного великого имени. "История Индии" Рейналя была предана огню, а автора приказали арестовать.[748] Ланжуине в своей хорошо известной работе об Иосифе II выступал не только за религиозную терпимость, но даже за отмену рабства; поэтому его книга была объявлена "крамольной"; она была объявлена "разрушительной для всякого подчинения" и приговорена к сожжению.[749] Анализ Бейля, проведенный Марси, был закрыт, а автор заключен в тюрьму.[750] "История иезуитов" Лингве была предана огню; восемь лет спустя его *дневник* был закрыт; а еще через три года, поскольку он все еще продолжал писать, его Политическая летопись была закрыта, а его самого бросили в Бастилию.[751] Делиль де Салес был приговорен к вечному изгнанию и конфискации всего своего имущества за его работу по философии природы.[752] Трактат Мея о французском праве был закрыт;[753], написанный Бонсером, о феодальном праве, был сожжен.[754] Мемуары Бомарше были также сожжены;[755] Книга Ла Арпа "О Фенелоне" была просто удалена.[756] Дюверне, написавший Историю Сорбонны, которая до сих пор не была опубликована, был схвачен и брошен в Бастилию, когда рукопись еще находилась в его собственном владении.[757] Знаменитая работа Де Лолма об английской конституции была запрещена указом сразу после ее появления.[758] Участи быть подавлена или запрещена, и ждали писем Жервеза, в 1724 году;[759] диссертациях Courayer, в 1727;[760] буквы Montgon, в 1732;[761] история Тамерлана, по Маргате, а также в 1732 году;[762] эссе на вкус, по Cartaud, в 1736 году;[763] жизнь Домат на Прево-де-ла-Jannès, в 1742 году;[764] история Людовика XI., по Дюкло, в 1745 году;[765] буквы Bargeton, в 1750 году;[766] воспоминания о Трюа, по Grosley, в том же году;[767] история Климента XI., по Reboulet, в 1752 году;[768] школы человек, по Génard, и в 1752;[769] в терапевтическом Garlon, в 1756 году;[770] знаменитый тезис о Луи, о поколении, в 1754 году;[771] Трактат о президентских юрисдикции, по Жусс, в 1755 году;[772] в Ericie из родничка, в 1768 году;[773] мысли Иамин, в 1769 году;[774] история Сиамы, по Терпин, и Элоге Марка Аврелия, Томас, как в 1770 году;[775] работы по финансы по Даригранд в 1764 году; и Le Тросное, в 1779 году;[776] сочинение о военной тактике, по Гибер, в 1772 году; письма Bousquet, в том же году;[777] и мемуары Terrai, по Coquereau, в 1776 году.[778] Такое бессмысленное уничтожение собственности было, однако, само по себе милосердием по сравнению с обращением, которому подверглись другие литераторы Франции. Дефорж, например, выступивший против ареста претендента на английский престол, был, исключительно по этой причине, похоронен в подземелье площадью восемь квадратных футов и заключен там на три года.[779] Это произошло в 1749 году, а в 1770 году Одра, профессор Тулузского колледжа и человек с определенной репутацией, опубликовал первый том своего "Краткого изложения всеобщей истории". Далее работа так и не продолжилась; она была немедленно осуждена архиепископом епархии, и автор был лишен своего поста. Одра, подвергнутый общественному порицанию, когда все его труды оказались бесполезными, а перспективы его жизни внезапно

рухнули, не смог пережить потрясения. С ним случился апоплексический удар, и в течение двадцати четырех часов он лежал трупом в собственном доме.[780]

Вероятно, будет допущено, что я собрал достаточно доказательств, подтверждающих мое утверждение относительно преследований, направленных против любого вида литературы; но небрежность, с которой изучались предпосылки Французской революции, породила такие ошибочные мнения по этому вопросу, что я стремлюсь добавить еще несколько примеров, чтобы исключить возможность сомнений в природе провокаций, которым обычно подвергались самые выдающиеся французы восемнадцатого века.

Среди многих знаменитых авторов, которые, хотя и уступали Вольтеру, Монтескье, Бюффону и Руссо, уступали только им, тремя наиболее замечательными были Дидро, Мармонтель и Морелле. Первые два известны каждому читателю; в то время как Морелле, хотя и сравнительно забытый, имел в свое время значительное влияние и, более того, отличался тем, что был первым, кто популяризировал во Франции те великие истины, которые были недавно открыты в политической экономии Адамом Смитом и в юриспруденции Беккариа.

Некий г-н Кюри написал сатиру на герцога д'Омона, которую показал своему другу Мармонтелю, который, пораженный ее силой, повторил ее узкому кругу своих знакомых. Герцог, услышав об этом, пришел в негодование и настоял на том, чтобы имя автора было раскрыто. Это, конечно, было невозможно без грубого нарушения доверия; но Мармонтель, чтобы сделать все, что было в его силах, написал герцогу, заявив, что на самом деле это так, а именно, что эти строки не были напечатаны, что у него не было намерения предавать их огласке и что они были доведены лишь до сведения нескольких его самых близких друзей. Можно было бы предположить, что это удовлетворило бы даже французского дворянина; но Мармонтель, все еще сомневавшийся в результате, попросил аудиенции у министра в надежде заручиться покровительством короны. Однако все было напрасно. Вряд ли кто-нибудь поверит, что Мармонтель, находившийся тогда на пике своей репутации, был схвачен в центре Парижа и за то, что отказался предать своего друга, брошен в Бастилию. Более того, его преследователи были настолько неумолимы, что после его освобождения из тюрьмы они, в надежде довести его до разорения, лишили его права издавать "*Меркюр*", от которого зависел почти весь его доход.[781]

С аббатом Морелле произошло нечто подобное. Жалкий писака по имени Палиссо написал комедию, высмеивающую некоторых из самых способных французов того времени. На это Морелле ответил приятной маленькой сатирой, в которой он сделал весьма безобидный намек на принцессу де Робек, одну из покровительниц Палиссо. Она, пораженная такой самонадеянностью, пожаловалась министру, который немедленно приказал заключить аббата в Бастилию, где он оставался несколько месяцев, хотя он не только не был виновен ни в каком скандале, но даже не упоминал имени принцессы.[782]

Обращение с Дидро было еще более суровым. Этот замечательный человек был обязан своим влиянием главным образом своей обширной переписке и блеску беседы, в которой даже в Париже ему не было равных и которую он с большим успехом демонстрировал на тех знаменитых обедах, где в течение четверти века Гольбах собирал самых выдающихся мыслителей Франции.[783] Помимо этого, он является автором нескольких произведений,

представляющих интерес, большинство из которых хорошо известны изучающим французскую литературу.[784] Его независимый дух и репутация, которую он приобрел, принесли ему долю во всеобщем преследовании. Первое написанное им произведение было публично сожжено обычным палачом.[785] Такова, действительно, была судьба почти всех лучших литературных произведений того времени; и Дидро мог бы считать себя счастливым, просто потеряв свое имущество, при условии, что он избежал тюремного заключения. Но несколько лет спустя он написал другую работу, в которой сказал, что люди, рожденные слепыми, имеют некоторые представления, отличные от тех, кто обладает зрением. Это утверждение ни в коем случае не является невероятным,[786] и оно не содержит ничего, что могло бы кого-либо напугать. Однако люди, которые тогда правили Францией, обнаружили в этом какую-то скрытую опасность. Заподозрили ли они, что упоминание о слепоте было намеком на них самих, или же их просто подстрекали к этому порочные наклонности, неизвестно; во всяком случае, несчастный Дидро за то, что рискнул высказать это мнение, был арестован и даже без суда заключен в венсенскую темницу.[787] Последовали естественные результаты. Популярность работ Дидро росла;[788] и он, пылая ненавистью к своим преследователям, удвоил свои усилия по свержению тех институтов, под прикрытием которых могла безопасно практиковаться такая чудовищная тирания.

Вряд ли нужно говорить больше о невероятной глупости, с которой правители Франции, превратив каждого способного человека в личного врага,[789] в конце концов, они собрали против правительства весь интеллект страны и сделали революцию делом не выбора, а необходимости. Я, однако, в качестве подходящего продолжения к предыдущим фактам приведу один пример того, как ради удовлетворения прихоти высших классов даже самые сокровенные чувства домашней жизни могут быть публично оскорблены. В середине восемнадцатого века на французской сцене выступала актриса по имени Шантийи. Она, хотя и была любима Морисом де Саксом, предпочла более благородную привязанность и вышла замуж за Фавара, хорошо известного автора песен и комических опер. Морис, пораженный ее смелостью, обратился за помощью к французской короне. То, что он обратился с таким заявлением, достаточно странно; но результат этого вряд ли можно сравнить разве что с каким-нибудь восточным деспотизмом. Правительство Франции, узнав об обстоятельствах, имело немыслимую низость издать приказ, предписывающий Фавару бросить свою жену и вверить ее попечению Мориса, в объятия которого она была вынуждена подчиниться.[790]

Это одни из невыносимых провокаций, от которых кровь мужчин закипает в жилах. Кто может удивляться, что величайшие и благороднейшие умы Франции были преисполнены отвращения к правительству, которое творило подобные вещи? Если мы, несмотря на отдаленность во времени и стране, приходим в негодование при одном упоминании о них, то что должны были чувствовать те, на чьих глазах они действительно происходили? И когда к ужасу, который они, естественно, внушали, добавилось опасение стать следующей жертвой, которое каждый мог почувствовать лично; когда, кроме того, мы помним, что инициаторы этих преследований не обладали ни одной из способностей, с помощью которых иногда облагораживается даже сам порок; — когда мы таким образом противопоставляем бедность их понимания величии их преступлений, мы, вместо того чтобы удивляться тому, что произошла революция, в результате которой был сметен весь механизм государства, скорее должны поражаться тому беспримерному терпению, благодаря которому революция была так долго отложена.

Мне, действительно, всегда казалось, что отсрочка Революции является одним из самых поразительных доказательств, которые история дает о силе устоявшихся привычек и о том упорстве, с которым человеческий разум цепляется за старые ассоциации. Ибо, если когда-либо и существовало правительство, по своей сути и радикально плохое, то это было правительство Франции восемнадцатого века. Если когда-либо существовало состояние общества, способное своим плачем и накопленным злом доводить людей до отчаяния, то Франция находилась в таком состоянии. Народ, презираемый и поработанный, погрузился в крайнюю нищету и был обуздан законами суровой жестокости, применяемыми с безжалостным варварством. Духовенство, знать и корона осуществляли высший и безответственный контроль над всей страной. Интеллект Франции был подвергнут безжалостному проскрипционизму, ее литература запрещена и сожжена, ее авторы разграблены и заключены в тюрьму. Не было также ни малейшего признака того, что это зло можно было исправить. Высшие классы, чье высокомерие возросло из-за долгого пребывания у власти, думали только о настоящем удовольствии; они не обращали внимания на будущее; они не видели того дня расплаты, горечь которого им вскоре предстояло испытать. Народ оставался в рабстве до тех пор, пока действительно не произошла Революция; что же касается литературы, то почти каждый год предпринимались новые попытки лишить ее той доли свободы, которую она все еще сохраняла. Издав в 1764 году указ, запрещающий публикацию любых произведений, в которых обсуждались вопросы государственного управления;^[791] в 1767 году было объявлено, что написание книги, способной возбудить общественное мнение, карается смертной казнью;^[792] и, более того, осудивший такое же наказание смертью в отношении любого, кто нападает на религию,^[793] а также в отношении любого, кто говорит о финансовых вопросах;^[794]— предприняв эти шаги, правители Франции незадолго до своего окончательного падения обдумали другую меру, еще более всеобъемлющую. Действительно, странный факт, что всего за девять лет до революции, когда никакая сила на земле не могла спасти институты страны, правительство было настолько неосведомлено о реальном положении дел и настолько уверено, что сможет подавить дух, порожденный его собственным деспотизмом, что чиновник короны внес предложение покончить со всеми издателями и не разрешать печатать никаких книг, кроме тех, которые были выпущены в типографии, оплачиваемой, назначаемой и контролируемой исполнительной властью.^[795] Это чудовищное предложение, если бы оно было приведено в исполнение, конечно, облекло бы короля всем влиянием, которым может обладать литература; оно было бы столь же пагубно для национального интеллекта, сколь другие меры были губительны для национальной свободы; и оно довершило бы гибель Франции, либо заставив ее величайших людей замолчать, либо низведя их до положения простых сторонников тех мнений, которые правительство, возможно, хотело бы распространять.

Ибо это ни в коем случае нельзя считать пустяками, интересующими только литераторов. Во Франции в восемнадцатом веке литература была последним источником свободы. В Англии, если бы наши великие авторы злоупотребляли своими способностями, насаждая рабские мнения, опасность, без сомнения, была бы значительной, потому что другим частям общества было бы трудно избежать заражения. Тем не менее, до того, как коррупция распространилась, было бы время остановить ее распространение, пока мы обладали теми свободными политическими институтами, при одном упоминании о которых щедрое воображение смелых людей легко воспламеняется. И хотя такие институты являются следствием, а не причиной свободы, они, несомненно, воздействуют на нее и в силу привычки могут на некоторое время пережить то, из чего они изначально возникли. До тех пор, пока страна сохраняет свою

политическую свободу, всегда будут существовать ассоциации, с помощью которых, даже в разгар умственной деградации и из глубин самых низких суеверий, умы людей могут быть возвращены к лучшим вещам. Но во Франции таких ассоциаций не существовало. Во Франции все было для губернаторов и ничего для управляемых. Не было ни свободной прессы, ни свободного парламента, ни свободных дебатов. Не было публичных собраний; не было всенародного избирательного права; не было обсуждения мошенничеств; не было закона habeas-corpus; не было суда присяжных. Голос свободы, заглушенный таким образом во всех департаментах государства, мог быть услышан только в призывах тех великих людей, которые своими трудами вдохновляли народ на сопротивление. Это точка зрения, с которой мы должны оценивать характер тех, кого часто обвиняют в том, что они бессмысленно нарушили древнюю ткань.^[796] Они, как и люди в целом, были жестоко угнетены короной, знатью и церковью; и они использовали свои способности, чтобы отомстить за нанесенный ущерб. Не может быть сомнений, что это был наилучший путь, открытый для них. Не может быть сомнений в том, что восстание - последнее средство против тирании, и что революционная литература должна столкнуться с деспотической системой. Виноваты были высшие классы, потому что они нанесли первый удар; но мы ни в коем случае не должны осуждать тех великих людей, которые, защитившись от агрессии, в конце концов преуспели в том, чтобы нанести удар правительству, которое изначально совершило агрессию.

Не останавливаясь, однако, на оправдании их поведения, мы должны теперь рассмотреть то, что гораздо важнее, а именно происхождение того крестового похода против христианства, в который, к несчастью для Франции, они были вынуждены вступить и возникновение которого составляет третье великое предвестие Французской революции. Знание причин этой враждебности по отношению к христианству необходимо для правильного понимания философии восемнадцатого века, и это прольет некоторый свет на общую теорию церковной власти.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что революционная литература, которая в конечном итоге опрокинула все институты Франции, сначала была направлена против тех, которые были религиозными, а не против тех, которые были политическими. Великие писатели, получившие известность вскоре после смерти Людовика XIV, выступили против духовного деспотизма, в то время как свержение светского деспотизма было предоставлено их непосредственным преемникам.^[797] Это не тот курс, которому следовало бы следовать в здоровом состоянии общества; и нет сомнения, что этой особенности в немалой степени следует приписать преступления и незаконное насилие Французской революции. Очевидно, что для законного прогресса нации политические новшества должны идти в ногу с религиозными новшествами, чтобы люди могли увеличить свою свободу и одновременно уменьшить свои суеверия. Во Франции, напротив, в течение почти сорока лет церковь подвергалась нападкам, а правительство было пощажено. Следствием этого было то, что порядок и равновесие в стране были разрушены; умы людей привыкли к самым смелым спекуляциям, в то время как их действия контролировались самым жестоким деспотизмом; и они чувствовали, что обладают способностями, которые их правители не позволили бы им использовать. Поэтому, когда разразилась Французская революция, это было не просто восстание невежественных рабов против образованных хозяев, но это было восстание людей, в которых отчаяние, вызванное рабством, было усилено ресурсами передовых знаний; людей, которые находились в том ужасном состоянии, когда прогресс интеллекта опережает прогресс свободы и когда ощущается желание не только устранить тиранию, но и отомстить за оскорбление.

Не может быть никаких сомнений в том, что этому мы должны приписать некоторые из самых отвратительных особенностей Французской революции. Поэтому становится очень интересным выяснить, как получилось, что в то время как в Англии политическая свобода и религиозный скептицизм сопровождали и помогали друг другу, во Франции, с другой стороны, должно было иметь место широкое движение, в ходе которого на протяжении почти сорока лет наиболее способные люди пренебрегали свободой, поощряли скептицизм и уменьшали власть церкви, не увеличивая свобод народа.

Первой причиной этого, по-видимому, является природа тех идей, на основе которых французы долгое время создавали традиции своей славы. Ряд обстоятельств, на которые я попытался указать, рассуждая о покровительственном духе, обеспечил французским королям власть, которая, подчиняя короне все классы, льстила народному тщеславию.[798] Следовательно, во Франции чувство лояльности проникло в национальное сознание глубже, чем в любой другой стране Европы, за исключением только Испании.[799] Разница между этим духом и тем, что наблюдается в Англии, уже была замечена, и может быть еще более проиллюстрирована различными способами, которыми две нации обращались с посмертной репутацией своих суверенов. За исключением Альфреда, которого иногда называют Великим,[800] мы в Англии недостаточно любили кого-либо из наших принцев, чтобы даровать им титулы, выражающие личное восхищение. Но французы украшали своих королей всевозможными панегириками. Таким образом, если взять только одно имя, то один король - Людовик Мягкий, другой - Людовик Святой, третий - Людовик Справедливый, третий - Людовик Великий, а самого безнадежно порочного из всех звали Людовик Возлюбленный.

Это факты, которые, какими бы незначительными они ни казались, составляют важнейший материал для реальной истории, поскольку они являются недвусмысленными симптомами состояния страны, в которой они существуют.[801] Их отношение к рассматриваемому нами предмету очевидно. Ибо благодаря им и обстоятельствам, из которых они возникли, в умах французов зародилась тесная и наследственная связь между славой их нации и личной репутацией их государя. Следствием этого стало то, что политическое поведение правителей Франции было защищено от порицания забором, гораздо более непроходимым, чем любой другой, который могли бы возвести самые строгие законы. Ее защищали те предрассудки, которые каждое поколение передавало своим преемникам. Ее защищал тот ореол, который время окружило старейшую монархию Европы.[802] И прежде всего всего, это было защищено тем жалким национальным тщеславием, которое заставляло людей подчиняться налогам и рабству, чтобы иностранные принцы могли быть ослеплены великолепием своего государя, а иностранные страны - запуганы величием его побед.

Результатом всего этого было то, что, когда в начале восемнадцатого века интеллект Франции начал пробуждаться к действию, мысль о нападении на злоупотребления монархии никогда не приходила в голову даже самому смелому мыслителю. Но под защитой короны выросло другое учреждение, к которому относились с меньшей деликатностью. Духовенство, которому так долго позволялось угнетать совесть людей, не находило защиты в тех национальных объединениях, которые окружали личность государя; и ни одно из них, за единственным исключением Боссюэ, не сделало многого для повышения общей репутации Франции. Действительно, французская церковь, хотя и во времена правления Людовика XIV. оно обладало огромной властью, всегда пользовалось ею в подчинении короне, по приказу которой не боялось выступать даже против самого папы римского.[803] Поэтому было естественно, что во

Франции церковная власть подверглась нападкам раньше светской; потому что, хотя она была столь же деспотична, она была менее влиятельна, и потому что она не была защищена теми народными традициями, которые составляют главную опору каждого древнего учреждения.

Этих соображений достаточно, чтобы объяснить, почему в этом отношении французский и английский умы избрали столь совершенно разные пути развития. В Англии умы людей, менее стесненные предрассудками огульной лояльности, были способны на каждом последующем этапе великого прогресса направлять свои сомнения и запросы как на политику, так и на религию; и таким образом, установив свою свободу, поскольку они уменьшили свои суеверия, они сохранили равновесие национального интеллекта, не допуская чрезмерного перевеса ни в одном из его подразделений. Но во Франции восхищение королевской властью стало настолько велико, что это равновесие было нарушено; запросы людей, не осмеливающихся заниматься политикой, были сосредоточены на религии и породили исключительный феномен богатой и влиятельной литературы, в которой единодушная враждебность к церкви не сопровождалась единым голосом против чудовищных злоупотреблений государства.

Было также еще одно обстоятельство, усилившее эту своеобразную тенденцию. Во время правления Людовика XIV. личный характер иерархии многое сделал для обеспечения их господства. Все руководители церкви были людьми добродетельными, и многие из них были людьми способными. Их поведение, каким бы тираническим оно ни было, по-видимому, было сознательным; и зло, которое оно породило, следует приписать просто вопиющей неразумности наделения церковников властью. Но после смерти Людовика XIV. произошли большие перемены. Духовенство по причинам, которые было бы утомительно расследовать, стало чрезвычайно распущенным и часто очень невежественным. Это делало их тиранию более деспотичной, потому что подчиняться ей было более позорно. Выдающиеся способности и безупречная мораль таких людей, как Боссюэ, Фенелон, Бурдалу, Флешье и Маскарон, в какой-то степени уменьшали позор, который всегда связан со слепым повиновением. Но когда им наследовали такие епископы и кардиналы, как Дюбуа, Лафито, Тенсен и другие, которые процветали при регентстве, стало трудно уважать глав церкви, запятнанных открытой и печально известной порочностью.^[804] В то же самое время, когда произошла эта неблагоприятная перемена среди церковных правителей, произошла и та огромная реакция, ранние проявления которой я попытался проследить. Поэтому в тот самый момент, когда дух исследования окреп, характер духовенства стал еще более презренным.^[805] Великие писатели, которые сейчас поднимались во Франции, пришли в негодование, когда увидели, что те, кто узурпировал неограниченную власть над совестью, сами вообще не имели совести. Очевидно, что каждый аргумент, который они заимствовали из Англии против церковной власти, приобрел бы дополнительную силу, если бы был направлен против людей, чья личная непригодность была повсеместно признана.^[806]

Таково было положение соперничающих партий, когда почти сразу после смерти Людовика XIV началась та великая борьба между авторитетом и разумом, которая до сих пор не завершена, хотя при нынешнем состоянии знаний ее результат уже не вызывает сомнений. С одной стороны, существовало компактное и многочисленное духовенство, поддерживаемое вековой давностью и авторитетом короны. С другой стороны, была небольшая группа людей, без звания, без богатства и пока еще без репутации, но воодушевленных любовью к свободе и справедливой уверенностью в своих силах. К сожалению, они с самого начала совершили серьезную ошибку. Нападая на духовенство, они потеряли уважение к религии. В своем

стремлении ослабить церковную власть они попытались подорвать основы христианства. Об этом глубоко сожалеют как ради них самих, так и из-за его конечных последствий во Франции; но это не должно быть вменено им в вину как преступление, поскольку к этому их вынудила острота их положения. Они видели ужасные бедствия, которым подвергалась их страна из-за института священства в том виде, в каком он существовал тогда; и все же им говорили, что сохранение этого института в его действительной форме было необходимо для самого существования христианства. Их всегда учили, что интересы духовенства идентичны интересам религии; как же тогда они могли избежать одинаковой враждебности как к духовенству, так и к религии? Альтернатива была жестокой; но это была та, от которой, по совести говоря, им было никуда не деться. Мы, оценивая эти вещи по другому стандарту, обладаем мерилom, которого у них быть никак не могло. Сейчас нам не следует совершать такой ошибки, потому что мы знаем, что нет никакой связи между какой-либо одной конкретной формой священства и интересами христианства. Мы знаем, что духовенство создано для людей, а не люди для духовенства. Мы знаем, что все вопросы церковного управления являются вопросами не религии, а политики и должны решаться не в соответствии с традиционными догмами, а в соответствии с широкими взглядами на общую целесообразность. Именно потому, что эти положения теперь признаются всеми просвещенными людьми, в нашей стране истины религии редко подвергаются нападкам, за исключением поверхностных мыслителей. Если, например, мы обнаружим, что существование наших епископов с их привилегиями и богатством неблагоприятно для прогресса общества, мы не должны по этой причине испытывать враждебность к христианству; потому что мы должны помнить, что епископство является его случайностью, а не существенной чертой, и что мы могли бы покончить с этим институтом и все же сохранить религию. Точно так же, если бы мы когда-нибудь обнаружили то, что ранее было обнаружено во Франции, что духовенство было тираническим, это возбудило бы в нас противодействие не христианству, а просто внешней форме, которую христианство приняло. До тех пор, пока наше духовенство ограничивается благотворными обязанностями своего призвания, облегчением боли и страданий, телесных или душевных, до тех пор мы будем уважать их как слугителей мира и милосердия. Но если они когда-нибудь снова будут посягать на права мирян, — если они когда-нибудь снова будут вмешиваться в авторитетный голос в управлении государством, — именно тогда люди должны будут задаться вопросом, не пришло ли время произвести пересмотр церковной конституции страны. Таким образом, именно так мы сейчас смотрим на эти вещи. То, что мы думаем о духовенстве, будет зависеть от них самих; но не будет иметь никакой связи с тем, что мы думаем о христианстве. Мы смотрим на духовенство как на группу людей, которые, несмотря на их склонность к нетерпимости и несмотря на определенную ограниченность, присущую их профессии, несомненно, составляют часть обширного и благородного учреждения, благодаря которому смягчаются нравы людей, облегчаются их страдания, облегчается их невзгоды. Пока это учреждение выполняет свои функции, мы вполне согласны оставить его в силе. Если, однако, он выйдет из строя или будет признан неадекватным изменяющимся обстоятельствам развивающегося общества, мы сохраняем за собой власть и право исправлять его недостатки; мы можем, при необходимости, удалить некоторые из его частей; но мы не стали бы, мы не осмеливаемся вмешиваться в те великие религиозные истины, которые совершенно независимы от него; истины, которые утешают разум человека, поднимают его над инстинктами текущего времени и вселяют в него те возвышенные устремления, которые, открывая ему его собственное бессмертие, являются мерилom и признаком будущей жизни. .

К сожалению, во Франции эти вопросы рассматривались иначе. Правительство этой страны, предоставив духовенству большие привилегии, обращаясь с ними так, как будто в их личности есть что-то священное, и наказывая как ересь нападки, которые были совершены на них, установило в национальном сознании неразрывную связь между их интересами и интересами христианства. Следствием этого было то, что, когда началась борьба, и служители религии, и сама религия подверглись нападкам с одинаковым рвением. Насмешки и даже оскорбления, обрушившиеся на духовенство, не удивят никого, кто знаком с полученной провокацией. И хотя в результате последовавшего вскоре беспорядочного натиска христианство на какое-то время подверглось участи, которая должна была быть уготована тем, кто называл себя его служителями, это, хотя и вызывает у нас сожаление, ни в коем случае не должно вызывать нашего удивления. Уничтожение христианства во Франции было неизбежным результатом тех мнений, которые связывали судьбу национального духовенства с судьбой национальной религии. Если бы и то, и другое было связано одним происхождением, то и то, и другое должно было бы пасть в одних и тех же руинах. Если бы то, что является древом жизни, на самом деле было настолько испорчено, что могло приносить только ядовитые плоды, тогда мало что помогло бы в том, чтобы обрубить сучья и срубить ветви; но лучше было бы одним могучим усилием вырвать его с корнем из земли и обеспечить здоровье общества, остановив сам источник заразы.

Это размышления, которые должны заставить нас остановиться, прежде чем мы осудим деистических авторов восемнадцатого века. Однако рассуждения, к которым привыкли некоторые умы, настолько извращены, что те, кто судит о них наиболее безжалостно, - это как раз те, чье поведение служит им наилучшим оправданием. Таковы люди, которые, выдвигая самые экстравагантные требования в пользу духовенства, стремятся утвердить принцип, в результате действия которого духовенство было уничтожено. Их план восстановления старой системы церковной власти основан на предположении о ее божественном происхождении: предположении, которое, если оно неотделимо от христианства, сразу же оправдывает неверие, на которое они яростно нападают. Усиление власти духовенства несовместимо с интересами цивилизации. Следовательно, если какая-либо религия принимает в качестве своего вероучения необходимость такого увеличения, то непереносимым долгом каждого друга человечества становится сделать все возможное, чтобы либо уничтожить вероучение, либо, потерпев неудачу в этом, ниспровергнуть религию. Если претензии такого рода являются неотъемлемой частью христианства, то нам надлежит сразу же сделать свой выбор; поскольку единственным выбором может быть либо отречение от нашей веры, либо принесение в жертву нашей свободы. К счастью, мы не поставлены в столь трудное положение; и мы знаем, что эти утверждения столь же ложны в теории, сколь и пагубны на практике. Действительно, несомненно, что если бы они были приведены в исполнение, духовенство, хотя и могло бы насладиться кратковременным триумфом, довершило бы свое собственное разорение, подготовив у нас почву для сцен, столь же катастрофических, как те, что произошли во Франции.

Правда в том, что то, что больше всего обвиняют в великих французских писателях, было естественным следствием развития их эпохи. Никогда не было более поразительной иллюстрации уже отмеченного социального закона, согласно которому, если правительство позволит религиозному скептицизму идти своим чередом, это приведет к великим результатам и ускорит поступь цивилизации; но если будет предпринята попытка подавить его сильной рукой, он, без сомнения, может быть подавлен на некоторое время, но в конечном итоге

поднимется с такой силой, что поставит под угрозу основы общества. В Англии мы освоили первый из этих курсов; во Франции они освоили второй. В Англии людям было позволено самостоятельно судить о самых священных предметах; и как только уменьшение их доверчивости заставило их ограничить власть духовенства, сразу же последовала терпимость, и национальное процветание никогда не нарушалось. Во Франции авторитет духовенства был усилен суеверным королем; вера узурпировала место разума, не было слышно ни малейшего намека на сомнение, и дух исследования был подавлен, пока страна не оказалась на грани разорения. Если бы Людовик XIV. не вмешался в естественный прогресс, Франция, как и Англия, продолжала бы продвигаться вперед. После его смерти действительно было слишком поздно спасти духовенство, против которого вскоре ополчился весь интеллект нации. Но сила бури все еще могла бы быть сломлена, если бы не правительство Людовика XV. смирился с тем, чему невозможно было сопротивляться; и, вместо безумных попыток ограничить мнения законами, изменил законы в соответствии с мнениями. Если бы правители Франции, вместо того чтобы прилагать усилия к тому, чтобы заставить замолчать национальную литературу, уступили ее внушениям и отступили перед давлением развивающегося знания, рокового столкновения можно было бы избежать, потому что страсти, вызвавшие это столкновение, были бы утихомирены. В таком случае церковь пала бы несколько раньше, но само государство было бы спасено. В таком случае Франция, по всей вероятности, сохранила бы свои свободы, не умножая своих преступлений; и эта великая страна, которая по своему положению и ресурсам должна была бы служить образцом европейской цивилизации, могла бы избежать испытания теми ужасными зверствами, через которые она была вынуждена пройти и от последствий которых она до сих пор не оправилась.

Я думаю, следует признать, что, во всяком случае, в течение первой половины правления Людовика XV, благодаря своевременным уступкам было возможно сохранить политические институты Франции. Реформы там должны были быть, и реформы тоже масштабного и бескомпромиссного характера. Однако пока я в состоянии понимать реальную историю того периода, я не сомневаюсь, что, если бы они были предоставлены открыто и без зависти, можно было бы сохранить все необходимое для достижения единственных двух целей, к которым должно стремиться правительство, а именно для сохранения порядка и предотвращения преступности. Но к середине правления Людовика XV или, во всяком случае, сразу после этого положение дел начало меняться; и в течение нескольких лет дух Франции стал настолько демократическим, что было невозможно даже отсрочить революцию, которую при предыдущем поколении можно было бы полностью предотвратить. Это замечательное изменение связано с другим, уже замеченным изменением, в силу которого французская интеллигенция примерно в тот же период начала направлять свою враждебность против государства, а не, как прежде, против церкви. Как только наступила эта эпоха, которую можно назвать второй эпохой восемнадцатого века, движение стало непреодолимым. Событие за событием следовали одно за другим в быстрой последовательности; каждое из них было связано со своим предшественником, и все вместе образовывало тенденцию, противстоять которой было невозможно. Напрасно правительство, уступая некоторым действительно важным моментам, приняло меры, с помощью которых церковь была поставлена под контроль, власть духовенства уменьшилась и даже орден иезуитов был подавлен. Напрасно корона теперь впервые призвала в свои советы людей, проникнутых духом реформ; людей, подобных Тюрго и Неккеру, чьи мудрые и либеральные предложения в более спокойные дни утихомирили бы волнение народных умов. Напрасно были даны обещания уравнивать налоги, устранить некоторые из самых

вопиющих жалоб, отменить некоторые из самых неприятных законов. Тщетно было даже созывать генеральные штаты; и таким образом, по прошествии ста семидесяти лет народу снова было позволено принимать участие в управлении своими собственными делами. Все это было напрасно, потому что время для заключения договора прошло, и пришло время для битвы. Самые либеральные уступки, какие только можно было придумать, не смогли бы предотвратить эту смертельную борьбу, которую ход предшествующих событий сделал неизбежной. Ибо мера того века была теперь полной. Высшие классы, опьяненные долгим обладанием властью, спровоцировали кризис, и было необходимо, чтобы они смирились с этим. Не было времени для милосердия; не было ни паузы, ни сострадания, ни сочувствия. Единственный вопрос, который оставался, заключался в том, смогут ли те, кто вызвал бурю, оседлать смерч; или же, скорее всего, они станут первыми жертвами этого ужасного урагана, в котором на мгновение погибли законы, религия, мораль, были стерты самые низкие остатки человечности, а цивилизация Франции не только затонула, но, как тогда казалось, безвозвратно разрушена.

Установить последовательные изменения этой, второй эпохи восемнадцатого века, - задача, полная трудностей; не только из-за быстроты, с которой происходили события, но также из-за их чрезвычайной сложности и того, как они действовали и реагировали друг на друга. Материалы, однако, для такого исследования очень многочисленны; и, поскольку они состоят из свидетельств, представленных всеми классами и всеми интересами, мне показалось возможным реконструировать историю того времени в соответствии с единственным способом, которым история заслуживает изучения, то есть в соответствии с порядком ее социального и интеллектуального развития. Поэтому в седьмой главе настоящего тома я попытаюсь проследить предысторию Французской революции в тот замечательный период, когда враждебность людей, ослабевшая по отношению к злоупотреблениям церкви, впервые была обращена против злоупотреблений государства. Но прежде чем перейти к этой эпохе, которую можно обозначить как политическую эпоху восемнадцатого века, необходимо, в соответствии с планом, который я набросал, изучить изменения, произошедшие в методе написания истории, и указать, каким образом на эти изменения повлияли тенденции более ранней, или, как это можно назвать, церковной эпохи. Таким образом, нам будет легче понять деятельность того грандиозного движения, которое привело к Французской революции; потому что мы увидим, что оно не только повлияло на мнения людей относительно того, что происходило у них на глазах, но и повлияло на их умозрительные взгляды в отношении событий предшествующих эпох; и таким образом дало начало той новой школе исторической литературы, формированию которой мы отнюдь не в последнюю очередь обязаны великим мыслителям восемнадцатого века.

Сноски:

[518] 'L'annonce de la mort du grand roi ne produisit chez le peuple français qu'une explosion de joie.' *Sismondi, Hist. des Français*, vol. xxvii. c. 220. 'Le jour des obsèques de Louis XIV, on établit des guinguettes sur le chemin de Saint-Denis. Voltaire, que la curiosité avoit mené aux funérailles du souverain, vit dans ces guinguettes le peuple ivre de vin et de joie de la mort de Louis XIV.' *Duvernet, Vie de Voltaire*, p. 29: see also *Condorcet, Vie de Voltaire*, p. 118; *De Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. i. p. 18; *Duclos, Mémoires*, vol. i. p. 221; *Lemontey, Etablissement de Louis XIV*, pp. 311, 388.

[519] 'Kaum hatte er aber die Augen geschlossen, als alles umschlug. Der reprimierte Geist warf sich in eine zügellose Bewegung.' *Ranke, die Päpste*, vol. iii. p. 192.

[520] Потрясение, которое эти события нанесли деликатному французскому уму, было очень серьезным. Ученый Сомез заявил, что англичане "более дикие, чем их собственные мастифы". "*Кромвель*" Карлейля, том i, стр. 444. Другой автор сказал, что мы были "варварами революции" и "варварами, судящими короля". *Воспоминания де Мотвиля*, том ii. стр. 105, 362. Патен сравнил нас с турками и сказал, что, казнив одного короля, мы, вероятно, должны повесить следующего. *Lettres de Patin*, vol. i. p. 261, vol. ii. p. 518, vol. iii. p. 148. Compare *Mém. de Campion*, p. 213. После того, как мы отослали Якова II, негодование французов возросло еще больше, и даже любезная мадам Севинье, имея случай упомянуть Марию, жену Вильгельма III, не смогла найти для нее лучшего имени, чем Туллия: 'Радуйся вселенной за выбор пути принца, не будь женщиной, это ты Тулли'. *Lettres de Sévigné*, vol. v. p. 179. Другая влиятельная француженка упоминает 'английскую ферроците'. *Lettres inédites de Maintenon*, vol. i. p. 303; and elsewhere (p. 109), 'je hais les anglais comme le peuple.... Véritablement je ne les puis souffrir.'

Я приведу еще только две иллюстрации широкого распространения таких чувств. В 1679 году была предпринята попытка дискредитировать барка как "английскую реминисценцию" (*Sprengel, Hist. de la Médecine*, vol. v., стр. 430): а в конце семнадцатого века одним из аргументов в Париже против кофе было то, что он нравился англичанам. *Monteil, Divers Etats*, vol. vii. p. 216.

[521] 'Au temps de Boileau, personne en France n'apprenait l'anglais.' *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxviii. c. 337 и см. Том xix. c. 159. 'Parmi nos grands écrivains du xviie siècle, il n'en est aucun, je crois, ou l'on puisse reconnaître un souvenir, une impression de l'esprit anglais.' *Villemain, Lit. au XVIIIe Siècle*, vol. iii. p. 324. Сравните *Barante, XVIIIe Siècle*, стр. 47, и *Grimm, соотвествую*т. т. v., стр. 135, vol. xvii. стр. 2.

Французы во время правления Людовика XIV знали нас в основном по рассказам двух своих соотечественников, Монкони и Сорбьера; оба они опубликовали свои путешествия по Англии, но ни один из них не был знаком с английским языком. Для доказательства этого см. *Монконис, Путешествия*, том iii. стр. 34, 69, 70, 96; и *Сорбьер, Путешествие*, стр. 45, 70.

Когда Приор прибыл ко двору Людовика XIV. как полномочный представитель, никто в Париже не знал, что он писал стихи (*Lettres sur les Anglais*, в *Произведениях Вольтера*, vol. xxvi. стр. 130); и когда Аддисон, будучи в Париже, подарил Буало экземпляр "*Англиканского музея*", француз впервые узнал, что у нас есть хорошие поэты: 'впервые составил мнение об английском поэтическом гении'. Заявление Тикелла в книге Эйкина "*Жизнь Аддисона*", том i, стр. 65. Наконец, говорят, что о "*Потерянном рае*" Мильтона даже не сообщалось во Франции до смерти Людовика XIV, хотя поэма была опубликована в 1667 году, а король умер в 1715 году; 'Мы знаем, что значит говорить о поэме во Франции, что значит быть автором Генриады, мы знаем, как донести эту идею до неведомого главы из эссе о поэзии эпохи'. *Диктант. Философ. article Épopée*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxix. c. 175; см. также т. lxvi. c. 249.

[522] 'Le vrai roi du xviiie siècle, c'est Voltaire; mais Voltaire à son tour est un écolier de l'Angleterre. Avant que Voltaire eût connu l'Angleterre, soit par ses voyages, soit par ses amitiés, il n'était pas Voltaire, et le xviiie siècle se cherchait encore.' Кузен, *Ист. de la Philos. Я^{читаю} сери*, том iii. стр. 38, 39. Сравните *Дамирона, Историю. de la Philos. en France*, Paris, 1828, vol. i. p. 34.

[523] 'J'avais été le premier qui eût osé développer à ma nation les découvertes de Newton, en langage intelligible.' *Œuvres de Voltaire*, vol. i. p. 315; see also vol. xix. p. 87, vol. xxvi. c. 71; *История Уэвелла. индуктивности. Науки*, том ii. с. 206; *История Уэлда. Королевского общества*, том i, стр. 441. После этого картезианская физика теряла позиции с каждым днем; и в *Переписке Гримма*, том ii, стр. 148, есть письмо, датированное Парижем 1757 года, в котором говорится: "Я не герой и не сторонник Декарта, а М. де Майран". Сравните *Наблюдения и выводы, в "Приключениях Тюрго"*, том iii, стр. 298.

[524] Который он никогда не устал восхвалять; так что, как говорит г-н Кузен (*Hist. de la Philos.* II. série, vol. ii. pp. 311, 312), 'Locke est le vrai maître de Voltaire.' Локк был одним из авторов, которых он передал в руки мадам дю Шатле. *Condorcet, Vie de Voltaire*, p. 296.

[525] *История Морелла. of Philos.* 1846, том i, стр. 134; *Обсуждение Гамильтона*. стр. 3.

[526] 'Rousseau tira des ouvrages de Locke une grande partie de ses idées sur la politique et l'éducation; Condillac toute sa philosophie.' *Villemain, Lit. au XVIIIe Siècle*, vol. i. p. 83. См. также "Об обязательствах Руссо перед Локком", *Гримм, Correspondent*. т. v. стр. 97; *Мюссе Патэ, Жизнь Руссо*, т. i. стр. 38, т. ii. стр. 394; *Воспоминания де Морелле*, т. i. стр. 113; *Мемуары Ромилли*, vol. i. стр. 211, 212.

[527] В 1768 году Вольтер (*Произведения*, т. lxi. p. 249) writes to Horace Walpole, 'Je suis le premier qui ait fait connaître Shakespeare aux français.' См. также его *Lettres inédites*, том ii. стр. 500; *Villemain, лит. au XVIIIe Siècle*, том iii, стр. 325; и *Гримм, соответствуют*. том xii, стр. 124, 125, 133.

[528] Сохранилось множество английских писем, написанных Вольтером, которые, хотя, конечно, содержат несколько ошибок, также содержат множество свидетельств того, с каким духом он схватывал наши идиоматические выражения. В дополнение к его *иностранным письмам*, опубликованным в Париже в текущем году (1856), см. *Переписку в Чатеме*. том ii. стр. 131-133; и *Воспоминания Филлимора о Литтелтоне*, том i. стр. 323-325, том ii. стр. 555, 556, 558.

[529] *Гримм, Переписка*. том i, стр. 332; *Вольтер, иностранные письма*, том ii, стр. 258; и рассказ Худибраса с переводами из него, в *изданиях*, т. xxvi. стр. 132-137; также разговор между Вольтером и Таунли в *"Иллюстрациях Николса восемнадцатого века"*, том iii. стр. 722.

[530] Сравните *Мемуары Макинтоша*, том i, стр. 341, с *"Приключениями Вольтера"*, том I. xxxix. стр. 259, т. xlvii. стр. 85.

[531] *Произведения Вольтера*, т. xxxviii. стр. 216-218, том. xlv. стр. 282, том. xlvii. стр. 439, том. lvii. стр. 178.

[532] Там же. том. xxxvii. стр. 353, вып. lvii. с. 66; *Соответствует. inédite de Duffand*, vol. ii. p. 230.

[533] *Œuvres*, vol. xxxiv. c. 294, т. lvii. c. 121.

[534] Там же. том. xxxvii. стр. 407, 441.

[535] Там же. том. xxxvi. стр. 46.

[536] Там же. т. xxxiv. с. 288, т. xli. с. 212-217; *Биог. Унив.* том ii. стр. 199, 200.

[537] *Лерминье, философ. право*, том i, стр. 221; *Климрат, История. право*, том ii. стр. 502; "*Жизнь Хардвика*" Харриса, том ii. стр. 398, том iii. стр. 432-434; *Воспоминания Дидро*, том ii. стр. 193, 194; *Лакретель, XVIIIe Серия*, том ii. стр. 24.

[538] *Вильмен, букв. au XVIIIe Siècle*, vol. ii. p. 182; *Biog. Univ.* том vi. стр. 235; *Le Blanc, Lettres*, том i. стр. 93, том ii. стр. 159, 160.

[539] 'Страстный поклонник английской романтики'. *Биог. Университет.* том. xxxvii. стр. 581. Сравните *Дидро, Correspondent*. т. i, стр. 352; т. ii, стр. 44, 52, 53; *Мерсье сюр Руссо*, т. i, стр. 44.

[540] *Villemain, Lit.* vol. ii. p. 115; *Schlosser's Eighteenth Century*, vol. i. pp. 34, 42; *Tennemann, . der Philos.* vol. xi. p. 314; *Biog. Univ.* том xi. стр. 314; *Гримм, Соответствует.* том xv. стр. 81. *История Греции* Станьяна когда-то была известной, и даже в 1804 году я нахожу, что доктор Парр рекомендует ее. *Работы Парра*, том ii. viii. с. 422. Дидро сказал сэру Сэмюэлю Ромилли, что он собрал материалы для истории судебного процесса над Карлом I. *Жизнь Ромилли*, том i, стр. 46.

[541] *Дидро, Воспоминания.* том ii. стр. 286; *Кузен, История. de la Philos.* IIe сери, том ii. стр. 331; *Гельвеций де Эспри*, том i. стр. 31, 38, 46, 65, 114, 169, 193, 266, 268, том ii. стр. 144, 163, 165, 195, 212; *Письма, адресованные Юму, Эдинбург, 1849*, стр. 9, 10.

[542] Это расположение наших знаний под рубриками памяти, разума и Воображения, которое Д'Аламбер позаимствовал у Бэкона. Сравните *Философию Уэвелла. из наук*, том ii. стр. 306; *Кювье, История. des Sciences*, part ii. p. 276; *Georgel, Mém.* vol. ii. p. 241; *Bordas Demoulin, Cartésianisme*, vol. i. p. 18.

[543] *Кера, Франция, лит.* ix. 193.

[544] *Воспоминания де Морелле*, i. 236, 237.

[545] "*Произведения Вольтера*", lxx. 161, 190, 212; *Биог. Унив.* x. 158, 159.

[546] "*Жизнь Юма*" *Бертон*, том i. стр. 365, 366, 406.

[547] Посмотреть список можно в *биографии. Univ.* том xx. стр. 463-466; и сравните *Воспоминания Дидро*, том iii. стр. 49, из которых кажется, что Гольбах был обязан Толанду, хотя Дидро говорит довольно неуверенно. В *Воспоминаниях Элмона об Уилксе* 1805 г., т. iv, стр. 176, 177, есть письмо Гольбаха Уилксу на английском, написанное довольно хорошо.

[548] *Musset Pathay, Vie de Rousseau*, ii. 10, 175; *Œuvres de Voltaire*, liv. 207.

[549] *Биог. Университет.* x. 556.

[550] Там же. xii. 418.

[551] *Кера, Франция, лит.* iv. 34, 272.

[552] Там же. iv. 361.

[553] *Биог. Univ.* xxiii. 226.

- [554] *Монтукла, История. des Mathém.* ii. 170.
- [555] *Монтукла*, ii. 120, iv. 662, 665, 670.
- [556] *Биография. Univ.* iii. 253, xxxiii. 564.
- [557] *Кера, Франция, лит.* vii. 353.
- [558] *Биог. Univ.* xxxviii. 530.
- [559] *Там же.* xxxviii. 411.
- [560] *Там же.* iii. 450.
- [561] *Биша сюр ля Ви*, 244.
- [562] *Кера*, i. 416.
- [563] *Биография. Univ.* iii. 345.
- [564] *Кера*, i. 260, 425, ii. 354.
- [565] *Там же.* i. 476.
- [566] *Биог. Университет.* iv. 55, 56.
- [567] *Заметка о Кабанисе*, стр. viii. в его *Физическом и Моральном Состоянии*.
- [568] *Биог. Univ.* xi. 65, 66.
- [569] *Там же.* xii. 276.
- [570] *Там же.* xv. 359.
- [571] *Там же.* xviii. 187.
- [572] *Квард*, iv. 641, vi. 9, 398.
- [573] *Кювье, Элоги*, i. 354.
- [574] *Кера*, vii. 95.
- [575] *Кювье, Элоги*, iii. 382.
- [576] *Биог. Университет.* xxxix. 174.
- [577] *Ле Блан, Письма*, i. 93.
- [578] *Кера*, ix. 286.
- [579] *Робин и Вердейл, химик. Anat.* ii. 416.
- [580] *Биог. Университет.* v. 530, 531.
- [581] *Кювье, Eloges*, i. 196.
- [582] *Биог. Университет.* vi. 47.

[583] *Кера*, ii. 372.

[584] *Haüy, Minéralogie*, ii. 247, 267, 295, 327, 529, 609, iii. 75, 293, 307, 447, 575, iv. 45, 280, 292, 362.

[585] *Кера*, iv. 598.

[586] *Там же*. viii. 22.

[587] *Суэйнсон, Диск. на нац. Hist.* 52; *Cuvier, Règne Animal*, iii. 415.

[588] *Де Лиль, Кристаллография*, 1772, xviii. xx. xxiii. xxv. xxvii. 78, 206, 254.

[589] *Рокингем Албемарла*, ii. 156; *Канцлеры Кэмпбелла*, v. 365.

[590] *Биог. Университет*. vi. 386.

[591] *Письма к Юму*, Изд. 1849, 276, 278.

[592] *Биог. Univ.* xv. 332.

[593] *"Жизнь Ньютона" Брюстера*, ii. 302.

[594] *Палиссо, Память*. ii. 56.

[595] *Биография. Университет*. ix. 549.

[596] *Там же*. xxix. 51, 53.

[597] *Там же*. xliv. 534.

[598] *Там же*. xlviii. 93.

[599] *Волни, Сирия и Египет*, ii. 100, 157; *Кварьяр*, x. 271, 273.

[600] *Биог. Университет*. i. 42.

[601] *Там же*. viii. 340, 341.

[602] *Воспоминания о Женитьбе*, i. 276.

[603] *Палиссо, Память*. i. 243.

[604] *Биог. Университет*. xi. 281, xi. 172, 173.

[605] *Кера*, ii. 626, 627.

[606] *Там же*. iii. 141.

[607] *Кера*, iv. 342.

[608] *Там же*. v. 83.

[609] *Там же*. vi. 62.

[610] *Гаррик Соответствует*. 4то, 1832, ii. 385, 395, 416.

- [611] *Биография. Университет.* xxxv. 314.
- [612] *Кера*, vii. 399.
- [613] *Биог. Университет.* xxxix. 93.
- [614] *Там же.* xxxix. 530.
- [615] *Quérard*, i. 209.
- [616] *Биог. Univ.* iii. 533.
- [617] *Там же.* iii. 631.
- [618] *Кювье, Рогатое животное*, iii. 334.
- [619] *Кера*, i. 284, vii. 287.
- [620] *Воспоминания де Морелле*, i. 237.
- [621] *Биог. Univ.* v. 264.
- [622] *Датенс, Память.* iii. 32.
- [623] *Биог. Университет.* vi. 165.
- [624] *Murray's Life of Bruce*, 121; *Биог. Университет.* vi. 79.
- [625] *Там же.* viii. 46.
- [626] *Там же.* viii. 246.
- [627] *Там же.* viii. 266.
- [628] *Там же.* ix. 497.
- [629] *Там же.* xlv. 394.
- [630] *Письма Дюдефана и Уолпола*, iii. 184.
- [631] *Произведения Вольтера.* lvi. 527.
- [632] *Биог. Univ.* xi. 264.
- [633] *Кера*, ii. 598.
- [634] *Биог. Univ.* xii. 313, 314.
- [635] *Николс Лит. Пример.* ii. 154; *Палиссо, Воспоминания.* ii. 311.
- [636] *Биог. Univ.* iv. 547, xii. 595.
- [637] *Там же.* xiii. 399.
- [638] *Кера*, iii. 79.
- [639] *Биог. Univ.* xv. 29.

- [640] *Там же*. xv. 203.
- [641] *Там же*. 218.
- [642] *Кера*, i. 525.
- [643] *Биог. Univ.* xvi. 48.
- [644] *Там же*. li. 508.
- [645] *Турне Смита по Континенту в 1786 году*, i. 143.
- [646] *Биог. Univ.* xvi. 388.
- [647] *Там же*. xvi. 502.
- [648] *Sinclair's Correspond.*.
- [649] *Кера*, iii. 418.
- [650] *Биог. Университет*. xix. 13.
- [651] *Квард*, i. 10, iii. 536.
- [652] *Там же*. iii. 469.
- [653] *Биог. Univ.* xxi. 419.
- [654] *Ibid.* xxi. 200.
- [655] *Произведения Вольтера*, xxxviii. 244.
- [656] *Палиссо, Память*. i. 425.
- [657] *Биог. Univ.* xxiii. 34.
- [658] *Там же*. xxiii. 56.
- [659] *Там же*. xxiii. 111.
- [660] *Кера*, iv. 503.
- [661] *Биог. Univ.* xxiii. 373.
- [662] *Кера*, iv. 579.
- [663] *Переписка Синклера*. ii. 139.
- [664] *Мет. и соответствуют. Дж. Э. Смит*, i. 163.
- [665] *Биог. des Hommes Vivants*, iv. 164.
- [666] *Кера*, v. 177.
- [667] *Николс Лит. Анес.* iv. 583; *Longchamp et Wagnière, Mém.* i. 395.

- [668] *Кера*, v. 316.
- [669] *Биог. Univ.* xxv. 87.
- [670] *Там же.* xxv. 432.
- [671] *Там же.* xxvi. 244.
- [672] *Там же.* xxvi. 468.
- [673] *Там же.* xxvii. 269.
- [674] *Там же.* xxix. 208.
- [675] *Письма Дюдефана и Уолпола*, i. 222.
- [676] *Кера*, vi. 330.
- [677] *Биог. Университет.* xxx. 539.
- [678] *Там же.* xxxiii. 553.
- [679] *Письма Дюдефана и Уолпола*, i. 22, iii. 307, iv. 207.
- [680] *Биография. Университет.* xxxvi. 305, 306.
- [681] *Там же.* xxxviii. 174.
- [682] *Пеньо, Словарь Ливров*, ii. 233.
- [683] *Кера*, viii. 111.
- [684] *Биография. Университет.* xxxix. 84.
- [685] *Биог. des Hommes Vivants*, v. 294.
- [686] *Квард*, viii. 474.
- [687] *Биог. Univ.* xli. 426.
- [688] *Там же.* xlii. 45, 46.
- [689] *Там же.* xlii. 389.
- [690] *Там же.* xliii. 181.
- [691] *Garrick Correspond.* ii. 604; *Mém. de Genlis.*
- [692] *Биог. Университет.* xliv. 512.
- [693] *Жизнь Роско, написанная его Сыном*, i. 200.
- [694] *Биография. Университет.* xlv. 398, 399.
- [695] *Там же.* xlv. 497.
- [696] *Кера*, iv. 45, ix. 558.

[697] *Биог. Университет*. xlvii. 98.

[698] *Там же*. xlvii. 232.

[699] *Память де Бриссо*, i. 78.

[700] *Биог. Университет*. xlviii. 217, 218.

[701] *Там же*. xlix. 223.

[702] 'Nous avons mis depuis peu leur langue au rang des langues savantes; les femmes même l'apprennent, et ont renoncé à l'italien pour étudier celle de ce peuple philosophe. Il n'est point dans la province d'Armande et de Belise qui ne veuille savoir l'anglois.' *Le Blanc, Lettres*, vol. ii. p. 465. Сравните *Гримма, Соответствующий* том xiv. стр. 484; и *Литературу Николса. Анекдот*. том iii. стр. 460, 461.

[703] *Письма Уильямса из Франции*, том iii. стр. 68, 2-е издание. 1796; *Биог. Унив.* том vii. стр. 192.

[704] *Adolphus's Biog. Mem.*....."

[705] *Леди Моргана Франция*, объем. второй. стр. 304; *Mém. de Лафайет*, объем. я. с. 41, 49, 70, объем. второй. с. 26, 74, 83, 89.

[706] *Кера, Литтерерская Франция*, том iv. стр. 540.

[707] Последними авторами, которых он прочитал незадолго до своей казни, были Янг и Херви. *Lamartine, Hist. des Girondins*, vol. viii. с. 45. В 1769 году мадам Риккобони пишет из Парижа, что "Ночные размышления Янга" *Garrick Correspondence*, том ii. стр. 566, 4-е издание 1832 года.,

[708] *Ламартин, История. des Girondins*, vol. iv. p. 119; *Mém. de Brissot*, vol. i. pp. 336, 337, vol. ii. p. 3.

[709] 'Une des supériorités secondaires, une des supériorités d'étude qui appartenaient à Mirabeau, c'était la profonde connaissance, la vive intelligence de la constitution anglaise, de ses ressorts publics et de ses ressorts cachés.' *Villemain, Lit. au XVIIIe Siècle*, vol. iv. p. 153.

[710] В частности, отрывки из демократической статьи 'корпусная доктрина ООН в отношении вас защищает республику'. *Dumont, Souvenirs sur Mirabeau*, p. 119. Что касается его перевода Уотсона, см. *Книгу Элисон "Европа"*, том i, стр. 452. Он также намеревался перевести "Историю доходов" Синклера. *Соответствует. о сэре Дж. Синклере*, том ii. стр. 119.

[711] *"Жизнь Берка" Приора*, стр. 546, 3-е редактирование. 1839.

[712] 'Il étudiait leur langue, la théorie et plus encore la pratique de leurs institutions.' *Биог. Университет*. том XXX. стр. 310.

[713] *Продолжение де Сисмонди, История. des Français*, vol. xxx. p. 434. Монлозье (*Французская монархия*, том ii, стр. 340) говорит, что эта идея была заимствована из Англии; но он не упоминает, кто ее предложил.

[714] *Дю Мениль, Воспоминания о Ле Брюне*, стр. 10, 14, 29, 82, 180, 182.

[715] *Воспоминания де Бриссо*, том i. стр. 63, 64, том ii. стр. 25, 40, 188, 206, 260, 313.

[716] Дюпон де Немур (*Воспоминания о Тюрго*, стр. 117) говорит об уголовной юриспруденции: "Предложение господина де Кондорсе по английской модели".

[717] *Воспоминания де Ролана*, том i. стр. 27, 55, 89, 136, том ii. стр. 99, 135, 253.

[718] 'Le duc d'Orléans puisa ainsi le goût de la liberté dans la vie de Londres. Il en rapporta en France les habitudes d'insolence contre la cour, l'appétit des agitations populaires, le mépris pour son propre rang, la familiarité avec la foule,' &c. *Lamartine, Hist. des Girondins*, vol. ii. p. 102.

[719] М. Лерминье (*философ. du Droit*, vol. i. p. 19) says of England, 'cette île célèbre donne à l'Europe l'enseignement de la liberté politique; elle en fut l'école au dix-huitième siècle pour tout ce que l'Europe eut de penseurs.' См. также *Soulavie, Règne de Louis XVI*, т. iii. стр. 161; *Воспоминания де Мармонтеля*, т. iv. стр. 38, 39; *Штейдлин, Gesch. der theolog. Wissenschaften*, vol. ii. p. 291.

[720] Юм, который был знаком с несколькими выдающимися французами, посетившими Англию, говорит (*Философские труды*, том iii, стр. 8): "ничто так не способно удивить иностранца, как крайняя свобода, которой мы пользуемся в этой стране, сообщать общественности все, что нам заблагорассудится, и открыто осуждать любые меры, принимаемые королем или его министрами".

[721] 'La nation anglaise est la seule de la terre qui soit parvenue à régler le pouvoir des rois en leur résistant.' *Lettre VIII sur les Anglais*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxvi. c. 37.

[722] "За храбрость в Англии!" que j'aime les gens qui disent ce qu'ils pensent!' *Письмо от Вольтера*, в переписке. де Дюдефан, том ii. стр. 263. О других примерах его восхищения Англией см. "*Приключения Вольтера*", т. xl, стр. 105-109; т. li, стр. 137, 390; т. liv, стр. 298, 392; т. lvi, стр. 162, 163, 195, 196, 270; т. l. lvii. c. 500; вып. lviii. c. 128, 267; т. ix. c. 265, 361; т. ix. c. 501; т. x. c. 43, 73, 129, 140, 474, 475; т. li. lxii. стр. 343, 379, 392; том. lxiii. стр. 128, 146, 190, 196, 226, 237, 415; том. lxiv. c. 36, 96, 269; т. lxvi. c. 93, 159; т. lxvii. c. 353, 484.

[723] 'Ils veulent un roi, aux conditions, pour ainsi dire, de ne lui point obéir.' *Le Blanc, Lettres d'un François*, vol. i. p. 210.

[724] 'Il y a aussi une nation dans le monde qui a pour objet direct de sa constitution la liberté politique.' *Esprit des Lois*, livre xi. chap. v. in *Œuvres de Montesquieu*, p. 264. И наоборот, Де Сталь (*ум. sur la Rév.* vol. iii. p. 261), 'la liberté politique est le moyen suprême.'

[725] 'L'Angleterre est à présent le plus libre pays qui soit au monde, je n'en excepte aucune république.' *Notes sur l'Angleterre*, in *Œuvres de Montesquieu*, p. 632.

[726] 'Une nation où la république se cache sous la forme de la monarchie.' *Esprit des Lois*, livre v. chap. xix. в *Произведениях Монтестье*, стр. 225; также цитируется в "*Американской революции*" Бэнкрофта, том ii. стр. 36.

[727] *Тур Гросли в Лондон*, том i. стр. 16, 17.

[728] *Возможно, Наблюдаем. сюр-л'Хист. de France*, vol. ii. p. 185.

[729] *Helvétius de l'Esprit*. vol. i. pp. 102, 199: 'un pays où le peuple est respecté comme en Angleterre; ... un pays où chaque citoyen a part au maniement des affaires générales, où tout homme d'esprit peut éclairer le public sur ses véritables intérêts.'

[730] *Воспоминания де Бриссо*, том ii. стр. 25.

[731] *Кондорсе, Жизнь Вольтера*, стр. 118, 119; *Дюверне, Жизнь Вольтера*, стр. 30, 32; *Лонгшан и Вагньер, Воспоминания о Вольтере*, том i, стр. 22.

[732] *Дюверне, Жизнь Вольтера*, стр. 46-48; *Кондорсе, Жизнь Вольтера*, стр. 125, 126. Сравните vol. lvi. стр. 162; *Лепан, Жизнь Вольтера*, 1837, стр. 70, 71; и *Биог. Университет*. том. xlix. стр. 468. Дюверне, который, пользуясь материалами, предоставленными Вольтером, располагал лучшими средствами получения информации, дает образец тонких чувств французского герцога XVIII века. He says, that, directly after Rohan had inflicted this public chastisement, 'Voltaire rentre dans l'hôtel, demande au duc de Sully de regarder cet outrage fait à l'un de ses convives, comme fait à lui-même: il le sollicite de se joindre à lui pour en poursuivre la vengeance, et de venir chez un commissaire en certifier la déposition. *Le duc de Sully se refuse à tout.*'

[733] 'L'Histoire de Charles XII, dont on avait arrêté une première édition après l'avoir autorisée.' *Биог. Унив.* т. xlix. с. 470. Сост. *Литература Николса. Анекдот.* том i. стр. 388.

[734] *Дюверне, Жизнь Вольтера*, стр. 63-65; *Кондорсе, Жизнь Вольтера*, стр. 138-140; *Лепан, Жизнь Вольтера*, стр. 93, 381.

[735] Возмущение Вольтера сквозит во многих его письмах; и он часто объявлял своим друзьям о своем намерении навсегда покинуть страну, где с ним обращались подобным образом. См. *"Произведения Вольтера"*, т. ii. стр. 58, 335, 336, т. iv. стр. 229, т. ii. стр. 162, 163, 358, 447, 464, 465, т. iii. lvii. стр. 144, 145, 155, 156, об. lviii. стр. 36, 222, 223, 516, 517, 519, 520, 525, 526, 563, том lix. стр. 107, 116, 188, 208.

[736] *Œuvres Вольтера*, объем. я. с. 147, 315, объем. lvii. стр. 211, 215, 219, 247, 295; *Вильмен, лит. au XVIIIe серия*, том i, стр. 14; *"Литераторы Брозма"*, том i, стр. 53, 60.

[737] *Гримм, Соответствует.* т. i. стр. 90-95, т. ii. стр. 399; *Биог. Univ.* том xi. стр. 316; *"Литераторы Брозма"*, том ii. стр. 439.

[738] *Boucher de la Richarderie, Bibliothèque des Voyages*, vol. iii. pp. 390-393, Paris, 1808: 'La distribution en France de la traduction de ce voyage fut arrêtée pendant quelque temps par des ordres supérieurs du gouvernement.... Il y a tout lieu de croire que les ministres de France crurent, ou feignirent de croire, que le passage en question pouvoit donner lieu à des applications sur le goût effréné de Louis XV pour la chasse, et inspirèrent aisément cette prévention à un prince très-sensible, comme on sait, aux censures les plus indirectes de sa passion pour ce genre d'amusement.' Смотрите также отчет Имберта, переводчика, в *Биог. Унив.* том xxi. стр. 200.

[739] *Grimm, Correspond.* vol. vi. pp. 161, 162; the crime being, 'qu'un janséniste avait osé imprimer que Julien, apostat exécrable aux yeux d'un bon chrétien, n'était pourtant pas un homme sans quelques bonnes qualités à en juger mondainement.'

[740] М. Бунзен (*Египет*, том i, стр. 14) ссылается на "острый трактат Фрере о вавилонском годе"; а Тюрго в своей *"Этимологии"* говорит (*"Опыты Тюрго"*, том iii, стр. 83): "Я "блестящий учитель, ученый, как и все, кто применяет философию к творчеству".

[741] This was at the very outset of his career: 'En 1715, l'homme qui devait illustrer l'érudition française au xviiie siècle, Fréret, était mis à la Bastille pour avoir avancé, dans un mémoire sur l'origine des Français, que les Francs ne formaient pas une nation à part, et que leurs premiers chefs avaient reçu de l'empire romain le titre de *patrices*.' Виллмен, букв. АУ XVIIIe века, том. второй. стр. 30: Смотрите также Николс горит. Анекдот. том ii. стр. 510.

[742] Впервые он был заключен в Бастилию в 1725 году; затем в 1743, в 1750 и, наконец, в 1751 году. *Biographie Universelle*, vol. xxiv. с. 85.

[743] In 1743, Voltaire writes: 'On vient de mettre à la Bastille l'abbé Lenglet, pour avoir publié des mémoires déjà très-connus, qui servent de supplément à l'histoire de notre célèbre De Thou. L'infatigable et malheureux Lenglet rendait un signalé service aux bons citoyens, et aux amateurs des recherches historiques. Il méritait des récompenses; on l'emprisonne cruellement à l'âge de soixante-huit ans.' *Œuvres de Voltaire*, vol. i. pp. 400, 401, vol. lviii. стр. 207, 208.

[744] Мюссе Патэ, Жизнь Руссо, том i. стр. 68, 99, 296, 377, том ii. стр. 111, 385, 390; Мерсье сюр Руссо, том i. стр. 14, том ii. стр. 179, 314.

[745] Гримм, Корр. т. ii. стр. 349; Письма Уолпола, 1840, т. iii. стр. 418.

[746] *Lyell's Principles of Geology*, pp. 39, 40; *Mém. of Mallet du Pan*."

[747] Сульви, Ренье де Людовик XVI, том ii. стр. 214; Письма Уильямса из Франции, том ii. стр. 86, 3-е издание. 1796.

[748] Воспоминания де Сегура, том i, стр. 253; Воспоминания де Лафайета, том ii, стр. 34 примечание; Письма Дюдеффана и Уолпола, том ii, стр. 365. О бегстве Рейналя сравните письмо из Марселя, написанное в 1786 году и напечатанное в *Мет. и перепишите. о сэре Дж. Э. Смите*, том i, стр. 194.

[749] Смотрите материалы дела генерала, в *Peignot*, *Кондитерская книга*, т. i. стр. 230, 231; и в *Soulavie*, *Règne de Louis XVI*, т. iii. стр. 93-97.

[750] Кверд, Франция, литература. том v. стр. 565.

[751] Пеньо, Кондитерская, том i. стр. 241, 242.

[752] *Биог. Унив.* т. xxiv. p. 561; *Œuvres de Voltaire*, vol. lxi. pp. 374, 375; *Lettres inédites de Voltaire*, vol. ii. p. 528; *Duvernety Vie de Voltaire*, pp. 202, 203. По словам некоторых из этих авторитетов, парламент впоследствии отменил этот приговор; но нет никаких сомнений в том, что приговор был вынесен, и Де Салес был заключен в тюрьму, если не изгнан.

[753] Пеньо, Кондитерская, том i. стр. 314, 316.

[754] "Произведения Вольтера", том. lxi. p. 204; *Lettres de Duffand à Walpole*, vol. iii. p. 260.

[755] 'Quatre mémoires ... condamnés à être lacérés et brûlés par la main du bourreau.' *Peignot*, vol. i. p. 24.

[756] *Биог. Университет.* том. xxiii. стр. 187.

[757] Дюверне, *История. de la Sorbonne*, vol. i. p. vi.

[758] 'Supprimée par arrêt du conseil' в 1771 году, который был годом его публикации. Сравните "Революцию" Кассаньяка, том i, стр. 33; *Биог. Университет.* том. xxiv. стр. 634.

[759] *Кера, Франция, литература.* том iii. стр. 337.

[760] *Биог. Унив.* том x. стр. 97.

[761] *Пеньо,* том i, стр. 328.

[762] *там же.* том i. стр. 289.

[763] *Биография. Унив.* том vii. стр. 227.

[764] *Письма Агессо,* том ii. стр. 320, 321.

[765] *Кассаньяк, Причины возрождения.* том i, стр. 32.

[766] *Биог. Унив.* том iii. стр. 375.

[767] *Кера,* том iii. стр. 489.

[768] *Там же.* том vii. стр. 483, 484.

[769] *Там же.* том iii. стр. 302.

[770] *Там же.* том iii. стр. 261.

[771] О важности этого замечательного тезиса и о его запрете см. *Сент-Илер, Аномалии организации,* том i, стр. 355.

[772] *Кера,* том iv. стр. 255.

[773] *Биог. Унив.* том xv. стр. 203.

[774] *Там же.* том xxi. стр. 391.

[775] *Там же.* том xlv. стр. 462, вып. xlvii. стр. 98.

[776] *Пеньо,* том i. стр. 90, 91, том ii. стр. 164.

[777] *Там же.* том i. стр. 170, том ii. стр. 57.

[778] *Там же.* том ii. стр. 214.

[779] 'Il resta trois ans dans la cage; c'est un caveau creusé dans le roc, de huit pieds en carré, où le prisonnier ne reçoit le jour que par les crevasses des marches de l'église.' *Биог. Унив.* том xi. стр. 171.

[780] *Пеньо, Кондитерская,* том i. стр. 14, 15.

[781] *Воспоминания Мармонтеля,* том ii. стр. 143-176; и см. Том iii. стр. 30-46, 95, о лечении, которое он впоследствии получил в Сорбонне, потому что выступал за религиозную терпимость. См. также "*Приключения Вольтера*", том ii, стр. 258; и *Письма выдающихся личностей,* адресованные Юму, стр. 207, 212, 213.

[782] *Воспоминания Морелле*, т. i, стр. 86-89; *"Меланжи против Морелле"*, т. ii, стр. 3-12; *"Произведения Вольтера"*, т. ii. стр. 106, 111, 114, 122, 183.

[783] Мармонтель (*Воспоминания*. том ii, стр. 313) говорит: "Что касается Дидро, то он говорит об экритах, а не о точке зрения", имея в виду, что его работы уступали его выступлениям. Его разговорчивость замечена Сегюром, которому он не нравился, и Жоржелем, который его ненавидел. *Séjour, Souvenirs*, vol. iii. p. 34; *Georgel, Mém.* vol. ii. p. 246. Сравните *"Жизнь ювелира"* Форстера, т. i., стр. 69; *Мюссе Патэ, Жизнь Руссо*, т. i., стр. 95, т. ii, стр. 227; *Воспоминания д'Эпина*, т. ii, стр. 73, 74, 88; *Гримм, Корреспондент*, т. xv, стр. 79-90; *Морелле, Воспоминания*. том i. с. 28; *Вильмен, лит. au XVIIIe Siècle*, vol. i. p. 82.

Что касается обедов Гольбаха, на которые мадам де Жанлис написала широко известную пасквильную статью, см. *"Восемнадцатый век" Шлоссера*, том i, стр. 166; *Биог. Univ.* том xx. стр. 462; *"Селвин" Джесси*, том ii. стр. 9; *"Письма Уолпола к Манну"*, том iv. стр. 283; *"Разные работы Гиббона"*, стр. 73.

[784] Редактор его переписки также утверждает, что он много писал для авторов, которые публиковались под их именами. *Mém. et Corresp. de Дидро*, том iii. стр. 102.

[785] Это были *Философские размышления*, написанные в 1746 году, его первая оригинальная работа; предыдущие были переводами с английского. *Биог. Университет*. xi. стр. 314. Дюверне (*"Жизнь Вольтера"*, стр. 240) говорит, что за это его посадили в тюрьму, но я считаю, что это ошибка; по крайней мере, я не помню, чтобы встречал это утверждение где-либо еще, а Дюверне часто бывает небрежен.

[786] Дугалд Стюарт, собравший некоторые важные свидетельства по этому вопросу, подтвердил некоторые взгляды, выдвинутые Дидро. *Философ. о разуме*, том iii. стр. 401 и далее; сост. стр. 57, 407, 435. С тех пор образованию слепых уделялось еще большее внимание, и было отмечено, что "научить их точно мыслить - чрезвычайно трудная задача". *Эссе М. Алистера о слепых*, в журнале *Stat. Soc.* том i. стр. 378: см. также доктора Фаулера в *отчете Brit. Доц.* за 1847 год; *Перевод раздела* стр. 92, 93 и за 1848 год, стр. 88. Эти отрывки бессознательно свидетельствуют о проницательности Дидро; и они также свидетельствуют о тупом невежестве правительства, которое стремилось положить конец подобным расследованиям, наказав их автора.

[787] *Примечание. и соотв. де Дидро*, том i, стр. 26-29; *Мюссе Патэ, Жизнь де Руссо*, том i, стр. 47, том ii, стр. 276; *Письмо д'Аржанталю* в *"Трудах Вольтера"*, том. lviii. p. 454; *Lacretelle, Dix-huitième Siècle*, vol. ii. p. 54.

[788] Счастливое соглашение, благодаря которому любопытство ставит в тупик деспотизм. In 1767, an acute observer wrote, 'Il n'y a plus de livres qu'on imprime plusieurs fois, que les livres condamnés. Il faut aujourd'hui qu'un libraire prie les magistrats de brûler son livre pour le faire vendre.' *Гримм, корр.* т. v., стр. 498. С той же целью, *Воспоминания де Сегюра*, т. i. стр. 15, 16; *Воспоминания де Жоржеля*, т. ii. стр. 256.

[789] 'Quel est aujourd'hui parmi nous l'homme de lettres de quelque mérite qui n'ait éprouvé plus ou moins les fureurs de la calomnie et de la persécution?' etc. *Гримм, корр.* т. v., стр. 451. Это было написано в 1767 году, а за более чем сорок лет до этого мы находим похожие выражения; самое раннее, с которым я столкнулся, - в письме к Тирио от 1723 года, в котором Вольтер говорит

("Приключения", т. lvi, стр. 94): "la sévérité devient plus grande de jour en jour dans l'inquisition de la librairie". Другие примеры см. в его письме к Де Формону, стр. 423-425, также том. lvii. стр. 144, 351, том. lviii. с. 222; его "Письма об истории", т. i, с. 547; *Воспоминания Дидро*, т. ii, с. 215; *Письма выдающихся людей к Юму*, стр. 14, 15.

[790] Часть этого изложена, довольно неточно, в книге Шлоссера "*Восемнадцатый век*", том iii. стр. 483. Самый полный отчет находится в книге Гримма, *Correspondent. Lum.* том. viii. pp. 231–233: 'Le grand Maurice, irrité d'une résistance qu'il n'avait jamais éprouvée nulle part, eut la faiblesse de demander une lettre de cachet pour enlever à un mari sa femme, et pour la contraindre d'être sa concubine; et, chose remarquable, cette lettre de cachet fut accordée et exécutée. Les deux époux plièrent sous le joug de la nécessité, et la petite Chantilly fut à la fois femme de Favart et maîtresse de Maurice de Saxe.'

[791] Не успел Л'Аверди быть назначен финансовым контролером, как в 1764 году он опубликовал указ (*постановление совета*), который, согласно состоянию существовавшей тогда конституции, имел силу закона, согласно которому каждому человеку запрещалось печатать или заставлять печатать что—либо, касающееся административных вопросов или правительственных постановлений в как правило, под страхом наказания за нарушение законов полиции; по которому человек подлежал наказанию без защиты, а не так, как это было в судах, где он мог защищаться и мог быть судим только в соответствии с законом". "*Восемнадцатый век*" Шлоссера, т. ii. с. 166: см. Также "*Воспоминания де Морелле*", т. i. с. 141, т. ii. с. 75, "un arrêt du conseil, qui défendait d'imprimer sur les matières". д'администрация".

[792] 'L'ordonnance de 1767, rendue sous le ministère du chancelier Maupeou, portait la peine de mort contre tout auteur d'écrits tendant à émouvoir les esprits.' Cassagnac, *Causes de la Révolution*, vol. i. p. 313.

[793] In April 1757, D'Alembert writes from Paris, 'on vient de publier une déclaration qui inflige la peine de mort à tous ceux qui auront publié des écrits tendants à attaquer la religion.' *Сочинения Вольтера*, том ii, стр. 34. Я полагаю, это тот же указ, что и упомянутый М. Амеде Рене в его продолжении *Сисмонди, История Франции*, том xxx. стр. 247.

[794] 'Il avait été défendu, sous peine de mort, aux écrivains de parler de finances.' Lavallée, *Hist. des Français*, vol. iii. p. 490.

[795] Это было предложение генерального прокурора в 1780 году. Смотрите предложение, изложенное его собственными словами, в книге Гримма, *Соответствует*. том xi. стр. 143, 144. О важных функциях авокадо-женеро в восемнадцатом веке см. Заметку в *Lettres d'Aguesseau*, том i, стр. 264.

[796] И мы также должны помнить, при каких обстоятельствах обвинение было впервые услышано во Франции. 'Les reproches d'avoir tout détruit, adressés aux philosophes du dix-huitième siècle, ont commencé le jour où il s'est trouvé en France un gouvernement qui a voulu rétablir les abus dont les écrivains de cette époque avaient accéléré la destruction.' Comte, *Traité de Législation*, vol. i. p. 72.

[797] Природа этого изменения и обстоятельства, при которых оно произошло, будут рассмотрены в последней главе настоящего тома; но то, что революционное движение, возглавляемое Вольтером и его сподвижниками, было направлено против церкви, а не против государства, отмечается многими авторами; некоторые из которых также отмечают, что вскоре после середины правления Людовика XV. почва начала сдвигаться, и впервые была продемонстрирована склонность к нападкам на политические злоупотребления. Об этом замечательном факте, указанном несколькими авторами, но не объясненным никем, сравните *Lacretelle, XVIIIe Siècle*, vol. ii. p. 305; *Barruel, Воспоминания об истории. du Jacobinisme*, vol. i. p. xviii., vol. ii. p. 113; *Tocqueville, L'Ancien Régime*, p. 241; *Alison's Europe*, vol. i. p. 165, vol. xiv. p. 286; *Mém. de Rivarol*, p. 35; *Soulavie, Règne de Louis XVI*, vol. iv. p. 397; *Lamartine, Hist. des Girondins*, vol. i. p. 183; *Œuvres de Voltaire*, vol. lx. p. 307, vol. lxvi. стр. 34.

[798] Посмотрите несколько поразительных замечаний в великой работе М. Токвиля "О демократии", том i, стр. 5; которые следует сравнить с наблюдением Горация Уолпола, который был хорошо знаком с французским обществом и который, к счастью, говорит, что французы "любят себя в своих королях". *Воспоминания Уолпола о Георге III*, том ii. стр. 240.

[799] Не только политическая история Испании, но и ее литература содержат печальные свидетельства необычайной лояльности испанцев и пагубных результатов, к которым это привело. Смотрите по этому поводу некоторые полезные размышления в "*Истории испанской литературы*" Тикнора, т. i. стр. 95, 96, 133, т. iii. стр. 191-193.

[800] Наше восхищение Альфредом значительно возрастает из-за того, что мы очень мало знаем о нем. Главным авторитетом, на которого ссылаются в связи с его правлением, является Ассер, чья работа, есть основания полагать, не является подлинной. Смотрите аргументы в *биографии Райта. Брит. лит.* том i. стр. 408-412. Более того, оказывается, что некоторые из учреждений, которые в народе приписывают ему, существовали до него. "*Саксы в Англии*" Кембла, том i. стр. 247, 248.

[801] Французские писатели при старом режиме постоянно хвастались, что лояльность была характерной чертой их нации, и насмехались над англичанами с их противоположным и непокорным духом. 'Il n'est pas ici question des François, qui se sont toujours distingués des autres nations par leur amour pour leurs rois.' *Le Blanc, Lettres d'un François*, vol. iii. p. 523. 'Англичане не любят своих суверенов так сильно' как можно было бы желать. *Sorbière's Voyage to England*, p. 58. 'Le respect de la majesté royale, caractère distinctif des Français.' *Mém. de Montbarey*, vol. ii. p. 54. 'L'amour et la fidélité que les Français ont naturellement pour leurs princes.' *Mém. de Motteville*, vol. ii. p. 3. 'Les Français, qui aiment leurs princes.' *Де Ты, Хист. Univ.* том iii. стр. 381; и см. том xi. стр. 729. Для получения дополнительных доказательств см. *Sully, Œconomies*, vol. iv. стр. 346; *Monteil, Divers Etats*, vol. vii. стр. 105; *Серюр, Воспоминания*, vol. i. стр. 32; *Ламартин, История. des Girondins*, vol. iv. p. 58.

Теперь сопоставьте со всем этим высказывания, содержащиеся в одной из самых знаменитых исторических книг на английском языке: "Нет ничего более определенного и очевидного, чем то, что принцы созданы для народа, а не народ для них; и, возможно, нет нации под небесами, которая в большей степени проникнута этим представлением о принцах, чем английская нация в наш век; так что вскоре они будут испытывать неловкость по отношению к принцу, который не руководствуется этой максимой, и со временем станут очень недобрыми к нему". *История*

Бернета его собственного времени, т. . vi. с. 223. Этот мужественный и полезный отрывок был написан в то время, когда французы слизывали пыль с ног Людовика XIV.

[802] "Раса королевских и древних". *Воспоминания о Женлисе*, том ix. стр. 281. 'Nos rois, issus de la plus grande race du monde, et devant qui les Césars, et la plus grande partie des princes qui jadis ont commandé tant de nations, ne sont que des roturiers.' *Mém. de Motteville*, vol. ii. p. 417. И венецианский посол в шестнадцатом веке говорит, что Франция - это "правитель против всех", а не сиа в сущности и в настоящем'. *Релятивист. посольство*. том i. стр. 470. Compare *Boullier, Maison Militaire des Rois de France*, p. 360.

[803] *Carpefigue по Людовика XIV*, изд. я. с. 204, 301; *Кох, таблицы отель des Révolutions*, объем. второй. стр. 16. М. ранке (*умереть Pärpste*, объем. второй. стр. 257) приписывает это к обстоятельствам присутствовать на отступничество Генриха IV.; но причина кроется гораздо глубже, быть связано с тем, что торжество светских интересов над духовными, которых политики Генриха IV. само по себе было следствием.

[804] *Лавалье, История. des Français*, vol. iii. p. 408; *Flassan, Hist. de la Diplomatie*, vol. v. p. 3; *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. i. pp. 35, 347; *Duclos, Mémoires*, vol. ii. pp. 42, 43, 154, 155, 223, 224. Что было, если возможно, еще более скандальным, так это то, что в 1723 году собрание духовенства единогласно избрало своим президентом печально известного Дюбуа, самого известного аморального человека своего времени ('d'une voix unanime'). *Дюкло, Воспоминания*. том ii. стр. 262.

[805] Об этом упадке французского духовенства см. *Villemain, XVIIIe Siècle*, том iii. стр. 178, 179; *Кузен, История. de la Philos.* IIe série, vol. i. p. 301. *Токвиль ("История Людовика XV"*, т. i, стр. 35-38, 365) говорит: "священнослужитель проповедует мораль, если не идти на компромисс в наших условиях"; примечательное замечание, сделанное таким противником скептической философии, как М. Токвиль-старший. Среди этой распутной шайки Массильон стоял особняком; он был последним французским епископом, отличавшимся как добродетелью, так и способностями.

[806] Voltaire says of the English, 'quand ils apprennent qu'en France de jeunes gens connus par leurs débauches, et élevés à la prélature par des intrigues de femmes, font publiquement l'amour, s'égaient à composer des chansons tendres, donnent tous les jours des soupers délicats et longs, et de là vont implorer les lumières du Saint-Esprit, et se nomment hardiment les successeurs des apôtres ils remercient Dieu d'être protestants.' *Lettres sur les Anglais*, in *Œuvres*, vol. xxvi. c. 29.

ГЛАВА VI.

СОСТОЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ С КОНЦА ШЕСТНАДЦАТОГО По КОНЕЦ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

Можно легко предположить, что те обширные сдвиги в интеллекте Франции, которые я только что проследил, не могли не вызвать значительных изменений в методе написания истории. Тот смелый дух, с которым люди начинали оценивать события своего времени, несомненно,

повлиял на их мнение о событиях прошлой эпохи. В этой, как и в любой отрасли знания, первое новшество состояло в признании необходимости сомневаться в том, во что до сих пор верили; и это чувство, однажды утвердившись, продолжало усиливаться, уничтожая на каждом шагу некоторые из тех чудовищных нелепостей, которыми, как мы видели, были искажены даже лучшие исторические труды. Зачатки реформы можно было заметить в четырнадцатом веке, хотя сама реформа началась только в конце шестнадцатого века. В течение семнадцатого века оно развивалось несколько медленно; но в восемнадцатом веке оно внезапно набрало силу, и, в частности, во Франции его ускорил тот бесстрашный и пытливый дух, который характеризовал эпоху и который, очистив историю от бесчисленных безумств, поднял его знамя и придал ему доселе неизвестное достоинство. Рост исторического скептицизма и степень его распространения действительно формируют такие любопытные черты в анналах европейского интеллекта, что вызывает удивление тот факт, что никто не попытался исследовать движение, которому большая часть современной литературы обязана своими наиболее ценными особенностями. В настоящей главе я надеюсь восполнить этот недостаток, поскольку это касается Франции; и я попытаюсь отметить различные шаги, с помощью которых был достигнут прогресс, чтобы, зная обстоятельства, наиболее благоприятные для изучения истории, мы могли с большей легкостью исследовать вероятность ее улучшения в будущем.

В связи с этим вопросом есть предварительное соображение, заслуживающее внимания. Дело в том, что люди, по-видимому, всегда начинали сомневаться в вопросах религии еще до того, как они отваживались делать это в вопросах истории. Можно было бы ожидать, что упреки и, в суеверный век, опасности, которым подвергается ересь, устрешили бы исследователей и побудили бы их предпочесть более безопасный путь направления своего скептицизма на вопросы литературных спекуляций. Однако это ни в коем случае не тот курс, который избрал человеческий разум. На ранней стадии развития общества, когда духовенство имело всеобщее влияние, вера в непростительную преступность религиозных заблуждений настолько глубоко укоренилась, что завладела вниманием всех; это заставляет каждого мыслящего человека концентрировать свои размышления и сомнения на теологии и не оставляет свободного времени для тем, которые считаются второстепенными.^[807] Следовательно, в течение многих веков тончайшие умы Европы истощали свои силы в вопросах прав и догм христианства; и хотя в этих вопросах они часто проявляли величайшие способности, в других предметах, и особенно в истории, они проявляли ту детскую доверчивость, о которой я уже приводил несколько примеров.

Но когда по мере развития общества его теологический элемент начинает ослабевать, пыл, с которым когда-то велись религиозные споры, заметно ослабевает. Самые продвинутые умы первыми ощущают растущее безразличие, и, следовательно, они также первыми начинают изучать реальные события тем пытливым взглядом, который их предшественники приберегали для религиозных спекуляций. Это великий поворотный момент в истории каждой цивилизованной нации. С этого момента богословские ереси становятся менее частыми,^[808] а литературные ереси становятся более распространенными. С этого момента дух исследования и сомнения проникает во все области знания и начинается тот великий путь завоеваний, в котором каждое последующее открытие увеличивает силу и достоинство человека, в то время как в то же время большинство его мнений нарушается, а многие из них разрушаются: до тех пор, пока в ходе этой обширной, но бесшумной революции поток традиции не будет, так

сказать, прерван, влияние древнего авторитета ниспровергнуто, и человеческий разум, набирающий силу, научится полагаться на свои собственные ресурсы и сбрасывать с себя препятствия, которыми руководствуется человечество. свобода его передвижений уже давно была нарушена.

Применение этих замечаний к истории Франции позволит нам объяснить некоторые интересные явления в литературе этой страны. На протяжении всего Средневековья, и я могу сказать, до конца шестнадцатого века, Франция, хотя и изобиловала летописцами, не произвела на свет ни одного историка, потому что она не произвела на свет ни одного человека, который осмелился бы усомниться в том, во что обычно верили. Действительно, до публикации книги Дю Хайяна "История королей Франции" никто даже не пытался составить критический обзор материалов, которые, как было известно, сохранились. Эта работа появилась в 1576 году;[\[809\]](#) и автор, завершая свои труды, не мог скрыть гордости, которую он испытывал от того, что совершил столь великое дело. В своем посвящении королю он говорит: "Я, сир, первый из всех французов, кто написал историю Франции и вежливым языком показал величие и достоинство наших королей; ибо раньше о них не говорилось ничего, кроме старого хлама хроник". В предисловии он добавляет: "Только я скажу, без самонадеянности и хвастовства, что я сделал то, чего раньше не делал и не видел никто из нашей нации, и придал истории Франции форму, в которой она никогда раньше не появлялась".[\[810\]](#) И это не было праздным хвастовством неизвестного человека. Его работа выдержала множество изданий, была переведена на латынь и переиздавалась в зарубежных странах. На него самого смотрели как на одно из достояний французской нации, и он был вознагражден благосклонностью короля, который назначил его министром финансов.[\[811\]](#) Таким образом, из его работы мы можем получить некоторое представление о том, что было тогда общепринятым стандартом исторической литературы; и с этой точки зрения естественно поинтересоваться, какими материалами он в основном пользовался. Примерно шестьдесят лет назад итальянец по имени Паулюс Эмилиус опубликовал сборник сплетен о "Действиях французов".[\[812\]](#) Эта книга, полная экстравагантных басен, была взята Дю Хайланом за основу его знаменитой истории королей Франции; и из нее он без колебаний копирует те досужие истории, которые любил рассказывать Эмилиус. Это даст нам некоторое представление о доверчивости писателя, которого современники считали, вне всякого сравнения, величайшим историком, когда-либо созданным Францией. Но это еще не все. Ду Хайлан, не довольствуясь заимствованием у своего предшественника всего самого невероятного, удовлетворяет свою страсть ко всему чудесному некоторыми обстоятельствами собственного изобретения. Он начинает свою историю с длинного рассказа о совете, который, по его словам, был созван знаменитым Фарамонем, чтобы определить, должна ли Франция управляться монархией или аристократией. Действительно, сомнительно, чтобы такой человек, как Фарамонд, когда-либо существовал; и несомненно, что, если бы он и существовал, все материалы, из которых можно было составить мнение о нем, давно погибли.[\[813\]](#) Но Ду Хайлан, невзирая на эти небольшие трудности, дает нам самую полную информацию, касающуюся великого вождя; и, словно решив до предела облагать налогом доверчивость своих читателей, упоминает в качестве членов совета Фарамонда двух человек, Шарамонда и Квадрека, сами имена которых выдуманы историком.[\[814\]](#)

Таково было состояние исторической литературы во Франции в начале правления Генриха III. Однако близились большие перемены. Замечательному интеллектуальному прогрессу, достигнутому французами к концу шестнадцатого века, предшествовал, как я показал, тот скептицизм, который, по-видимому, является его необходимым предшественником. Дух сомнения, зародившийся в религии, был передан литературе. Этот импульс был немедленно ощутим во всех областях знания, и теперь история впервые вышла из состояния унижения, в котором она пребывала на протяжении веков. По этому вопросу простое указание дат может оказаться полезным для тех лиц, которые из-за нелюбви к общим рассуждениям в противном случае отрицали бы связь, которую я хочу установить. В 1588 году была опубликована первая скептическая книга, когда-либо написанная на французском языке.^[815] В 1598 году французское правительство впервые отважилось на великий публичный акт религиозной терпимости. В 1604 году Де Ту опубликовал этот знаменитый труд, который, по признанию всех критиков, является первой великой историей, написанной французом.^[816] И в тот самый момент, когда происходили эти события, другой выдающийся француз, прославленный Сюлли,^[817] собирал материалы для своего исторического труда, который, хотя едва ли равный De Thou, он следует сразу за ним по способностям, значимости и репутации. Мы также не можем не отметить, что оба этих великих историка, неизмеримо отставших от всех своих предшественников, были доверенными министрами и близкими друзьями Генриха IV, первого короля Франции, память которого запятнана обвинением в ереси, и первого, кто осмелился сменить религию не из-за каких-либо теологических аргументов, а на широкой и печально известной почве политической целесообразности.^[818]

Но скептический дух проявлял свое влияние не только на таких выдающихся историков, как эти. Движение становилось теперь достаточно активным, чтобы оставить свой след в трудах людей гораздо более низкого уровня. Были две особенности, в которых легкое верие ранних историков было очень поразительным. Они заключались в некритической манере, с которой, слепо копируя своих предшественников, они путали даты различных событий; и в готовности, с которой они верили самым невероятным утверждениям, основанным на несовершенных доказательствах, а часто и вообще без доказательств. Несомненно, исключительным доказательством того интеллектуального прогресса, который я пытаюсь проследить, является то, что в течение всего лишь нескольких лет оба этих источника ошибок были устранены. В 1597 году Серр был назначен историографом Франции; и в том же году он опубликовал свою "историю этой страны".^[819] В этой работе он настаивает на необходимости тщательной записи даты каждого события; и примеру, который он подал первым, с его времени обычно следуют.^[820] Важность этого изменения будет охотно признана теми, кто осознает путаницу, в которую ввели историю более ранние авторы, пренебрегшие, как сейчас кажется, столь очевидной мерой предосторожности. Едва это нововведение было введено в действие, как за ним в той же стране последовало другое, еще более важное. Так в 1621 году появилась "История Франции" Сципиона Дюпле, в которой впервые были опубликованы доказательства исторических фактов вместе с самими фактами.^[821] Нет необходимости настаивать на полезности шага, который больше, чем любой другой, научил историков усердно собирать свои авторитетные источники и тщательно их изучать.^[822] К этому можно добавить, что Дюпле был также первым французом, который отважился опубликовать философскую систему на своем родном языке.^[823] Это правда, что сама по себе система не представляет особой ценности;^[824] но в то время, когда она появилась, это была беспрецедентная и, по этой причине, профанная попытка раскрыть тайны философии в вульгарной речи; и, с этой точки

зрения, представляет собой свидетельство растущего распространения духа, более смелого и пытливого, чем любой из известных ранее. Поэтому неудивительно, что почти в тот же момент в той же стране была предпринята первая систематическая попытка исторического скептицизма. "Философская система Дюпле" появилась в 1602 году; а в 1599 году Ла Попелиньер опубликовал в Париже то, что он называет *Историей историй*, в которой он критикует самих историков и рассматривает их работы с тем скептическим настроением, которому его собственное время было глубоко обязано.^[825] Этот способный человек был также автором *Очерка Новой истории Франции*; содержащего официальное опровержение той басни, столь дорогой ранним историкам, согласно которой монархия Франции была основана Франком, прибывшим в Галлию после завершения осады Трои.^[826]

Было бы бесполезно собирать все примеры, когда этот прогрессирующий дух скептицизма теперь начал очищать историю от ее лжи. Я упомяну только еще два или три из тех, которые встречались в моем чтении. В 1614 году Де Рубис опубликовал в Лионе работу о европейских монархиях, в которой он не только нападает на давно устоявшееся мнение о происхождении от Франков, но и смело утверждает, что франки обязаны своим именем своим древним свободам.^[827] В 1620 году Гомбервиль в диссертации по истории опровергает многие из тех досужих историй о древности французов, которые были повсеместно приняты до его времени.^[828] А в 1630 году Берто опубликовал в Париже "Французскую флору", в которой он полностью опровергает старый метод; поскольку он устанавливает в качестве фундаментального принципа, что происхождение французов следует искать только в тех странах, где они были найдены римлянами.^[829]

Однако все эти и подобные им произведения были полностью затмены "Историей Франции" Мезере, первый том которой был опубликован в 1643 году, а последний - в 1651 году.^[830] Возможно, вряд ли справедливо по отношению к его предшественникам называть его первым историком общего профиля Франции;^[831] но не может быть никаких сомнений в том, что его работа значительно превосходит все, что до сих пор видели. Стиль Мезере удивительно ясен и энергичен, временами доходя до значительного красноречия. Помимо этого, у него есть еще два гораздо более важных достоинства. Это нежелание верить в странные вещи просто потому, что в них до сих пор верили; и склонность принимать сторону народа, а не его правителей.^[832] Из этих принципов первый был слишком распространен среди самых способных французов того времени, чтобы привлекать к себе много внимания.^[833] Но другой принцип позволил Мезере сделать важный шаг вперед раньше всех своих современников. Он был первым французом, который в великом историческом труде отбросил то суеверное почтение к королевской власти, которое долгое время волновало умы его соотечественников и которое, действительно, продолжало преследовать их еще столетие. Как необходимое следствие, он также был первым, кто увидел, что история, чтобы иметь реальную ценность, должна быть историей не только королей, но и народов. Устойчивое понимание этого принципа привело его к включению в свою книгу вопросов, которые до него никто не хотел изучать. Он сообщает всю информацию, которую смог собрать, о налогах, которые платили люди; о страданиях, которые они претерпели от цепких рук своих губернаторов; об их манерах, их удобствах, даже о состоянии городов, в которых они жили; одним словом, о том, что затрагивало интересы французского народа, а также что затрагивало интересы французской монархии.^[834] Это были сюжеты, которые Мезере предпочитал незначительным деталям, касающимся пышности дворов и жизни королей. Это были большие и всеобъемлющие темы, на которых он любил останавливаться и по которым он распространялся; на самом деле, не с такой полнотой, как мы

могли бы пожелать, но все же с духом и точностью, которые дают ему право на честь называться величайшим историком, созданным Францией до XVIII века.

Это было, во многих отношениях, самое важное изменение, которое когда-либо происходило в манере написания истории. Если бы план, начатый Мезере, был завершен его преемниками, у нас были бы материалы, отсутствие которых не могут компенсировать никакие современные исследования. Действительно, кое-что мы в этом случае потеряли бы. Мы должны были бы знать меньше, чем знаем сейчас, о дворах и лагерях. Нам следовало бы меньше слышать о несравненной красоте французских королей и о величественном присутствии французских королей. Возможно, мы даже упустили некоторые звенья тех свидетельств, с помощью которых выясняются генеалогии принцев и знати и изучение которых вызывает любопытство антикваров и герольдов. Но, с другой стороны, мы должны были бы иметь возможность изучить состояние французского народа во второй половине семнадцатого века; в то время как при нынешнем положении вещей наши знания о нем в тот важнейший период уступают по точности и объему тем знаниям, которыми мы обладаем о некоторых из самых варварских племен земли.^[835] Если бы мы последовали примеру Мезере и располагали такими дополнительными ресурсами, которые могли бы предоставить развитие событий, у нас были бы не только средства для подробного отслеживания роста великой и цивилизованной нации, но и материалы, которые подсказали бы или подтвердили те исходные принципы, открытие которых составляет реальное применение истории.

Но этому не суждено было сбыться. К несчастью для интересов науки, в этот период поступательное движение французской цивилизации было внезапно остановлено. Вскоре после середины семнадцатого века во Франции произошла эта прискорбная перемена, которая дала новый поворот судьбам нации. Реакция, которой подвергся дух исследования, и социальные и интеллектуальные обстоятельства, которые, преждевременно завершив Фронду, подготовили дорогу Людовику XIV, были описаны в предыдущей части этого тома, где я попытался указать на общие последствия катастрофического движения. Теперь мне остается указать, как эта регрессивная тенденция препятствовала совершенствованию исторической литературы и мешала авторам не только честно рассказывать о том, что происходило вокруг них, но и понимать события, которые произошли до них.

Самые поверхностные изучающие французскую литературу должны быть поражены нехваткой историков в течение того длительного периода, когда Людовик XIV. держал бразды правления в своих руках.^[836] Этому в значительной степени способствовали личные особенности короля. Его образованием позорно пренебрегали, и поскольку у него никогда не хватало энергии исправить его недостатки, он всю свою жизнь оставался в неведении о многих вещах, с которыми обычно знакомы даже принцы.^[837] О ходе прошлых событий он не знал буквально ничего, и его не интересовала никакая история, кроме истории его собственных подвигов. Среди свободного народа такое безразличие со стороны государя никогда не могло привести к пагубным последствиям; действительно, как мы уже видели, отсутствие королевского покровительства является в высокоцивилизованной стране наиболее благоприятным состоянием литературы. Но при восшествии на престол Людовика XIV. свободы французов были еще слишком молоды, а привычки к независимому мышлению - слишком свежи, чтобы они могли противостоять той комбинации короны и церкви, которая была направлена против них. Французы, становясь с каждым днем все более раболепными, в конце концов пали так низко, что к концу семнадцатого века, казалось, утратили даже желание сопротивляться. Король, не

встречая сопротивления, стремился оказывать на интеллект страны власть, равную той, с которой он руководил ее правительством.^[838] Во всех важных вопросах религии и политики дух исследования был подавлен, и никому не было позволено выражать мнение, неблагоприятное существующему положению вещей. Поскольку король был готов пожертвовать литературу, он, естественно, считал, что имеет право на ее услуги. Авторы, которых он кормил своими руками, не должны были поднимать свой голос против его политики. Они получали его жалованье и были обязаны выполнять приказы того, кто им платил. Когда Людовик пришел к власти, Мезере был еще жив; хотя вряд ли мне нужно говорить, что его великая работа была опубликована до того, как эта система защиты и патронажа вступила в действие. Обращение, которому теперь подвергся он, великий историк Франции, было образцом нового устройства. Он получал от короны пенсию в четыре тысячи франков; но когда он в 1668 году опубликовал краткое изложение своей истории,^[839] ему было намекнуто, что некоторые замечания о тенденции налогообложения, вероятно, вызовут оскорбление в высших кругах. Поскольку, однако, вскоре выяснилось, что Мезерей был слишком честен и бесстрашен, чтобы отказаться от написанного, было решено прибегнуть к запугиванию, и у него отобрали половину пенсии.^[840] Но поскольку это не произвело должного эффекта, был издан другой приказ, лишивший его оставшейся половины; и таким образом, в начале этого плохого правления был подан пример наказания человека за честное изложение темы, в которой из всех прочих честность является первостепенной.^[841]

Подобное поведение показало, чего историки должны были ожидать от правительства Людовика XIV. Несколько лет спустя король воспользовался еще одной возможностью проявить тот же дух. Фенелон был назначен наставником внука Людовика, чьи ранние пороки его твердость и рассудительность во многом помогли подавить.^[842] Но одно обстоятельство было сочтено достаточным, чтобы перевесить огромную услугу, которую Фенелон таким образом оказал королевской семье, и, если бы его ученик вззошел на трон, оказал бы в перспективе всей Франции. Его знаменитый роман *"Телемах"* был опубликован в 1699 году, как оказалось, без его согласия.^[843] Король подозревал, что под видом художественной литературы Фенелон намеревался осмыслить поведение правительства. Тщетно автор отрицал столь опасное обвинение. Негодование короля было невозможно унять. Он изгнал Фенелона со двора и никогда больше не допустил бы к себе человека, которого подозревал хотя бы в намеке на критику мер, принятых администрацией страны.^[844]

Если бы король мог из-за простого подозрения так обращаться с великим писателем, имевшим сан архиепископа и репутацию святого, вряд ли он стал бы более мягко обращаться с людьми низшего уровня. В 1681 году аббата Прими, итальянца, проживавшего в то время в Париже, побудили написать историю Людовика XIV. Король, в восторге от идеи увековечить свою собственную славу, наградил автора несколькими наградами: было решено, что произведение будет написано на итальянском языке и немедленно переведено на французский. Но когда история появилась в печати, в ней были обнаружены некоторые обстоятельства, которые, как считалось, не следовало разглашать. По этой причине Людовик распорядился, чтобы книга была закрыта, бумаги автора изъяты, а самого автора бросили в Бастилию.^[845]

То действительно были опасные времена для независимых людей; времена, когда ни один писатель, пишущий о политике или религии, не чувствовал себя в безопасности, если не следовал моде того времени и не защищал мнения двора и церкви. Король, у которого была ненасытная жажда того, что он называл славой,^[846] стремился превратить современных

историков в простых летописцев его собственных достижений. Он приказал Расину и Буало написать отчет о его правлении; он назначил им пенсию и пообещал снабдить их необходимыми материалами.^[847] Но даже Расин и Буало, какими бы поэтами они ни были, знали, что им не удастся удовлетворить его болезненное тщеславие; поэтому они получили пенсию, но не написали произведение, за которое была назначена пенсия. Нежелание способных людей вмешиваться в историю было настолько печально известно, что считалось целесообразным избивать новобранцев-литераторов из других стран. Только что был упомянут случай с аббатом Прими; он был итальянцем, и только год спустя аналогичное предложение было сделано англичанину. В 1683 году Бернет посетил Францию, и ему дали понять, что он может получать пенсию и что он может даже удостоиться чести беседовать с самим Людовиком, при условии, что тот напишет историю королевских дел; такая история, как было осторожно добавлено, была на "стороне" французского короля.^[848]

При таких обстоятельствах неудивительно, что история, насколько это касается ее важнейших основ, должна была быстро прийти в упадок во время правления Людовика XIV. Она стала, как некоторые думают, более элегантною; но, безусловно, стала более слабой. Язык, на котором она была написана, был проработан с большой тщательностью, периоды аккуратно расставлены, эпитеты мягкие и гармоничные. Ибо это был вежливый и подобоострастный век, полный почтения, долга и восхищения. В истории, как ее тогда писали, каждый король был героем, а каждый епископ - святым. Вся неприятная правда была замалчиваема; не было сказано ничего резкого или недоброжелательного. Эти покорные чувства, выраженные в легком и плавном стиле, придавали истории ту утонченность, ту мягкую, ненавязчивую поступь, которая делала ее популярной среди классов, которым она льстила. Но даже в этом случае, хотя его форма была отшлифована, его жизнь угасла. Вся его независимость исчезла, вся его честность, вся его смелость. Самая благородная и трудная область знания, изучение движений человеческой расы, была предоставлена каждому робкому и ползучему интеллекту, который заботился о ее развитии. Там были Буленвилье, и Даниэль, и Момбург, и Варильяс, и Верто, и многие другие, которые жили в царствование Людовика XIV. считались историками, но их истории едва ли имеют какую-либо ценность, кроме той, что позволяют нам оценить период, в который такими произведениями восхищались, и систему, представителями которой они были.

Чтобы дать полное представление об упадке исторической литературы во Франции со времен Мезере до начала восемнадцатого века, потребовалось бы краткое изложение каждой написанной истории, поскольку все они были проникнуты одним и тем же духом. Но, поскольку это заняло бы слишком много места, вероятно, будет сочтено достаточным, если я ограничусь такими иллюстрациями, которые наиболее ясно представят читателю тенденции эпохи; и с этой целью я обращаю внимание на работы двух историков, которых я еще не упоминал; один из которых был известен как антиквар, другой - как богослов. Оба обладали значительной образованностью, и один из них был человеком, несомненно, гениальным; поэтому их работы заслуживают внимания как симптомы состояния французского интеллекта в конце семнадцатого века. Антиквара звали Одижье, теолога - Боссюэ, и от них мы можем кое-что узнать о том, каким образом в царствование Людовика XIV было принято рассматривать деяния прошлых веков.

Знаменитый труд Одижье "О происхождении французов" был опубликован в Париже в 1676 году.^[849] Было бы несправедливо отрицать, что автор был человеком большой начитанности. Но его доверчивость, его предрассудки, его почтение к старине и его искреннее восхищение

всем, что установлено церковью и двором, исказили его суждения до такой степени, что в наше время это кажется невероятным; и, поскольку в Англии, вероятно, мало кто читал его некогда знаменитую книгу, я вкратце изложу ее основные взгляды.

В этой великой истории нам сказано, что через 3464 года после сотворения мира и за 590 лет до рождения Христова Сиговезе, племянник короля кельтов, был впервые послан в Германию.^[850] Те, кто сопровождал его, обязательно были путешественниками; а поскольку на немецком языке *wandeln* означает *идти*, мы имеем здесь происхождение вандалов.^[851] Но древность вандалов намного превосходит древность французов. Юпитер, Плутон и Нептун, которых иногда считают богами, на самом деле были царями Галлии.^[852] И, если мы оглянемся немного назад, станет ясно, что Галл, основатель Галлии, был не кто иной, как сам Ной; ибо в те дни у одного и того же человека часто было два имени.^[853] Что касается последующей истории французов, то она была полностью равна достоинству их происхождения. Александр Македонский, даже при всей гордости своими победами, никогда не осмеливался напасть на скифов, которые были колонией, присланной из Франции.^[854] Именно от этих великих оккупантов Франции произошли все боги Европы, все изящные искусства и все науки.^[855] Сами англичане являются всего лишь колонией французов, что должно быть очевидно любому, кто рассматривает сходство слов *Angles* и *Anjou*;^[856] и к этому удачное происхождение туземцы Британских островов обязаны той храбростью и вежливостью, которыми они все еще обладают.^[857] Несколько других моментов проясняются этим великим критиком с такой же компетентностью. Салианские франки были названы так из-за быстроты их бегства;^[858] Бретонцы, очевидно, были саксами;^[859] и даже Шотландцы, о независимости которых так много говорилось, были вассалами королей Франции.^[860] Действительно, невозможно преувеличить достоинство короны Франции; трудно даже представить себе ее великолепие. Некоторые полагали, что императоры выше королей Франции, но это ошибка невежественных людей, ибо император означает простого военного правителя, в то время как титул короля включает в себя все функции верховной власти.^[861] Таким образом, чтобы поставить вопрос на его реальную основу, великий король Людовик XIV. является императором, как и все его предшественники, прославленные правители Франции, на протяжении пятнадцати столетий.^[862] И это несомненный факт, что Антихристу, по поводу которого испытывается столько беспокойства, никогда не будет позволено появиться в мире, пока французская империя не будет разрушена. Это, говорит Одижье, было бы бесполезно отрицать; ибо это утверждается многими святыми, и это отчетливо предвосхищено святым Павлом в его втором послании к Фессалоникийцам.^[863]

Каким бы странным все это ни казалось, в этом не было ничего, что могло бы возмутить просвещенный век Людовика XIV. Действительно, французы, ослепленные умом своего принца, должно быть, испытывали большой интерес к тому, чтобы узнать, насколько он превосходит всех других властителей и что ему не только предшествовала длинная череда императоров, но фактически он сам был императором. Они, должно быть, были поражены благоговейным страхом, услышав информацию, сообщенную Одижье о приходе Антихриста и связи между этим важным событием и судьбой французской монархии. Они, должно быть, с благочестивым изумлением слушали иллюстрации этих вопросов из писаний отцов церкви и из послания к Фессалоникийцам. Все это они восприняли бы легко, потому что поклоняться королю и благоговеть перед церковью были двумя главными принципами того времени. Повиноваться и верить были фундаментальными идеями периода, в который изящные искусства какое—то время процветали, — в котором восприятие красоты, хотя и слишком привередливое, было,

несомненно, обостренным, — в котором вкус и воображение в его низших отделах ревностно культивировались, - но в котором, с другой стороны, оригинальность и независимость мышления были подавлены, обсуждать величайшие темы было запрещено, науки были почти заброшены, реформы и нововведения вызывали ненависть, новые мнения презирались, а их авторов наказывали, пока, наконец, не уничтожили. буйство гения было приручено до бесплодия, национальный интеллект был низведен до того унылого и монотонного уровня, который характеризует последние двадцать лет правления Людовика XIV.

Ни в одном случае мы не можем найти лучшего примера этого реакционного движения, чем в случае с Боссюэ, епископом Мо. Успех, да и само существование его работы по всеобщей истории, становится, с этой точки зрения, в высшей степени поучительным. Рассматриваемая сама по себе, книга представляет собой болезненную демонстрацию великого гения, стесненного суеверным веком. Но, рассматриваемый относительно времени, в которое он появился, он бесценен как признак французского интеллекта; поскольку он доказывает, что к концу семнадцатого века один из самых выдающихся людей в одной из первых стран Европы мог добровольно подчиниться осуждению и проявить слепую доверчивость, которой в наши дни устыдились бы даже самые слабые умы; и что это, столь далекое от того, чтобы вызвать скандал или навлечь упрек на голову автора, было встречено всеобщими и безоговорочными аплодисментами. Боссюэ был великим оратором, непревзойденным диалектиком и непревзойденным мастером тех смутных возвышенностей, которыми легко поддается большинство людей. Все эти качества он несколько лет спустя применил при создании, вероятно, самого грандиозного произведения, когда-либо направленного против протестантизма.^[864] Но когда он, оставив эти вопросы, вступил в обширное поле истории, он не мог придумать лучшего способа лечения своего нового предмета, чем следовать произвольным правилам, свойственным его собственной профессии.^[865] Его работа представляет собой дерзкую попытку низвести историю до уровня простой служанки теологии.^[866] Как будто в таких вопросах сомнение было синонимом преступления, он без малейших колебаний принимает все как должное, во что привыкла верить церковь. Это позволяет ему с полной уверенностью говорить о событиях, которые теряются в глубочайшей древности. Он знает точное количество лет, прошедших с того момента, когда Каин убил своего брата; когда всемирный потоп захлестнул мир; и когда Авраам был призван на свою миссию.^[867] Даты этих и подобных событий он устанавливает с точностью, которая может почти заставить нас поверить, что они произошли в его время, если не на его собственных глазах.^[868] Это правда, что еврейские книги, на которые он охотно опирался, не содержат ни малейшего ценного свидетельства относительно хронологии даже их собственного народа; в то время как информация, которую они содержат о других странах, общеизвестно скудна и неудовлетворительна.^[869] Но взгляды Боссюэта на историю были настолько узки, что все это его, по его собственному мнению, не волновало. Текст Вульгаты провозглашал, что все это произошло в определенное время; и ряд святых мужей, называвших себя советом церкви, в середине шестнадцатого века объявили Вульгату подлинной и взяли на себя смелость поставить ее выше всех других версий.^[870] Это богословское мнение было принято Боссюэ как исторический закон; и, таким образом, решение горстки кардиналов и епископов в суеверный и некритичный век является единственным авторитетом для той ранней хронологии, точность которой для неосведомленного читателя вызывает огромное восхищение.^[871]

Точно так же, поскольку Боссюэта учили, что евреи - избранный народ Божий, он под названием "Всеобщая история" почти ограничивает свое внимание ими и обращается с этой упрямой и невежественной расой так, как если бы они составляли ось, на которой должны были вращаться дела Вселенной.[872] Его идея всеобщей истории исключает те народы, которые первыми достигли цивилизации, и некоторым из которых евреи были обязаны скудными знаниями, которые они впоследствии приобрели.[873] Он мало говорит о персах и еще меньше о египтянах; он даже не упоминает о гораздо более великом народе между Индом и Гангом, чья философия составляла один из элементов александрийской школы, чьи тонкие рассуждения предвосхитили все усилия европейской метафизики, и чьи возвышенные исследования, проводимые на их собственном изысканном языке, относятся к периоду, когда евреи, запятнанные всяким разнообразными преступниками, были племенем грабителей и бродяг, скитавшихся по лицу земли, поднимая руку на каждого человека, и каждый человек поднимал руку на них.

Когда он вступает в более современный период, он позволяет себе руководствоваться теми же теологическими предрассудками. Его взгляды настолько узки, что он рассматривает всю историю церкви как историю вмешательства провидения; и он не обращает внимания на то, каким образом, вопреки первоначальной схеме, на нее повлияли внешние события.[874] Так, например, наиболее важным фактом, относящимся к ранним изменениям в христианстве, является степень влияния на его доктрины африканской формы платоновской философии.[875] Но об этом Боссюэ никогда не упоминает; он даже не намекает, что что-либо подобное имело место. Его взглядам соответствовало смотреть на церковь как на вечное чудо, и поэтому он опускает самое важное событие в ее ранней истории.[876] Немного ниже: каждый, кто знаком с прогрессом цивилизации, согласится, что немалая доля его связана с теми проблесками света, которые среди окружающей темноты исходили из великих центров Кордовы и Багдада. Все это, однако, было делом рук мусульманства; и поскольку Боссюэта учили, что мусульманство - это пагубная ересь, он не мог заставить себя поверить, что христианские нации почерпнули что-либо из столь коррумпированного источника. Следствием этого является то, что он ничего не говорит об этой великой религии, шум от которой заполнил мир;[877] и, имея случай упомянуть ее основателя, он относится к нему с презрением, как к наглому самозванцу, чьи претензии вряд ли уместно замечать.[878] О великом апостоле, который проповедовал миллионам идолопоклонников возвышенную истину единого Бога, Боссюэ говорит с величайшим презрением; потому что Боссюэ, с истинным духом своей профессии, не видел ничего достойного восхищения в тех, чьи мнения отличались от его собственных.[879] Но когда у него появляется возможность упомянуть какого-нибудь малоизвестного представителя того класса, к которому он сам принадлежал, то он расточает свои похвалы с безграничным изобилием. В его схеме всеобщей истории Мухаммед недостойн играть какую-либо роль. Его обходят стороной; но поистине великим человеком, человеком, которому человечество действительно обязано, является Мартин, епископ Турский. Это он, говорит Боссюэ, чьи непревзойденные действия наполнили вселенную его славой как при жизни, так и после смерти.[880] Это правда, что ни один образованный человек из пятидесяти никогда не слышал имени Мартина, епископа Турского. Но Мартин творил чудеса, и церковь причислила его к лику святых; следовательно, его притязания на внимание историков должны быть намного выше притязаний того, кто, подобно Мухаммеду, был лишен этих преимуществ. Таким образом, по мнению единственного выдающегося писателя по истории времен правления Людовика XIV, величайший человек, которого когда-либо производила Азия, и один из величайших, которых когда-либо видел мир,

считается во всех отношениях ниже среднего и невежественного монаха, самым важным достижением которого было возведение монастыря, и который провел лучшую часть своей жизни в бесполезном одиночестве, трепеща перед суеверными фантазиями своей слабой и неблагородной натуры.[881]

Таков был ограниченный дух, с которым великие факты истории рассматривались писателем, который, будучи ограничен рамками своего отдела, проявлял самый выдающийся гений. Этот ограниченный взгляд был неизбежным следствием его попытки объяснить сложные движения человеческой расы с помощью принципов, которые он обобщил на основе своих собственных исследований более низкого уровня.[882] Никого не должно обижать, что с научной точки зрения я ставлю занятия Боссюэ в ранг более низкий, чем тот, в который их иногда ставят. Несомненно, что религиозные догмы во многих случаях действительно влияют на дела людей. Но столь же несомненно, что по мере развития цивилизации такое влияние уменьшается, и что даже когда сила этих догм была на пике, существовало много других мотивов, которыми также управлялись действия человечества. И поскольку изучение истории - это изучение совокупности этих мотивов, очевидно, что история должна быть выше теологии; точно так же, как целое выше части. Пренебрежение этим простым соображением, за несколькими выдающимися исключениями, привело всех церковных авторов к серьезным ошибкам. Это породило в них склонность не обращать внимания на огромное разнообразие внешних событий и предполагать, что ход дел регулируется какими-то принципами, которые может обнаружить только теология. Это, действительно, является лишь результатом общего закона ума, по которому те, у кого есть какая-либо любимая профессия, склонны преувеличивать ее возможности; объяснять события с помощью ее принципов и как бы преломлять с ее помощью события жизни.[883] Однако среди теологов такие предрассудки более опасны, чем в любой другой профессии, потому что только у них они подкрепляются тем смелым допущением сверхъестественного авторитета, на которое охотно полагаются многие представители духовенства.

Этих профессиональных предрассудков, подкрепленных теологическими догмами, в правление Людовика XIV.[884] достаточно для объяснения особенностей, которыми отмечены исторические работы Боссюэ. Кроме того, в его случае общая тенденция усугублялась личностными особенностями. Его ум отличался надменностью, которая, как мы видим, постоянно выливалась в общее презрение к человечеству.[885] В то же время его удивительное красноречие и эффект, который оно неизменно производило, казалось, оправдывали чрезмерную уверенность, которую он испытывал в своих силах. Действительно, в некоторых из его величайших усилий так много огня и величия гения, что нам вспоминаются те возвышенные и жгучие слова, которыми пророки древности приводили в трепет своих слушателей. Боссюэ, стоявший, таким образом, как он полагал, на возвышении, которое возвышало его над обычными человеческими слабостями, любил дразнить их безрассудствами и высмеивать каждое стремление их гения. Все, что касалось интеллектуальной смелости, казалось, вызывало у него раздражение от собственного превосходства.[886] Именно это безграничное высокомерие, которым он был преисполнен, придает его работам некоторые из их наиболее заметных особенностей. Именно это заставляло его напрягать все силы, чтобы унижить и очернить те огромные ресурсы человеческого разума, которые часто презираются людьми, не знающими о них; но которые на самом деле настолько велики, что до сих пор не нашлось никого, способного охватить их во всех их гигантских размерах. Именно это же презрение к человеческому интеллекту заставило его отрицать его способность самостоятельно определять

эпохи, через которые он прошел; и, следовательно, заставило его вернуться к догме сверхъестественного вмешательства. Именно это, опять же, в тех великолепных речах, которые являются одними из величайших чудес современного искусства, заставило его исчерпать язык восхвалений не интеллектуальным достижениям, а простым военным достижениям, великим завоевателям, этим вредителям и разрушителям людей, которые проводят свою жизнь, открывая новые способы убийства своих врагов и изобретая новые средства усугубления страданий мира. И если спуститься еще ниже, то именно это презрение к самым дорогим интересам человечества заставляло его с почтением смотреть на короля, который считал все эти интересы ничем, но которому принадлежала заслуга в порабощении разума Франции и увеличении могущества той группы людей, среди которых сам Боссюэ был самым выдающимся.

В отсутствие достаточных свидетельств, касающихся общего состояния французов в конце семнадцатого века, невозможно установить, до какой степени подобные представления проникли в массовое сознание. Но, глядя на то, каким образом правительство сломило дух страны, я был бы склонен предположить, что мнения Боссюэ были очень приемлемы для его собственного поколения. Это, однако, вопрос скорее курьезный, чем важный; ибо всего несколько лет спустя появились первые симптомы того беспрецедентного движения, которое не просто разрушило политические институты Франции, но произвело более масштабную и перманентную революцию во всех областях национальной интеллигенции. После смерти Людовика XIV в литературе, так же как и в политике, в религии и в морали, все созрело для реакции. Существующие до сих пор материалы настолько обширны, что можно было бы со значительной точностью проследить этапы этого великого процесса; но, я думаю, будет более приемлемо для общей схемы этого Введения, если я опущу некоторые промежуточные звенья и ограничусь теми характерными примерами, в которых дух эпохи изображен наиболее ярко.

Действительно, есть что-то экстраординарное в переменах, которые во Франции одно поколение смогло произвести в методе написания истории. Возможно, лучшим способом составить представление об этом будет сравнить работы Вольтера с работами Боссюэ; потому что эти великие авторы, вероятно, были самыми способными и, безусловно, самыми влиятельными французами в тот период, который они соответственно представляли. Первое значительное улучшение, которое мы находим у Вольтера по сравнению с Боссюэ, - это возросшее восприятие достоинства человеческого интеллекта. В дополнение к уже отмеченным обстоятельствам, мы должны помнить, что прочтение Боссюэ лежало в направлении, которое мешало ему почувствовать это. Он не изучал те отрасли знания, где были достигнуты великие результаты; но он был очень хорошо знаком с трудами святых и отцов церкви, чьи рассуждения ни в коем случае не рассчитаны на то, чтобы дать нам высокое мнение о возможностях их собственного понимания. Привыкший таким образом созерцать работу ума в том, что в целом является самой ребяческой литературой, когда-либо созданной Европой, Боссюэ испытывал к человечеству все большее презрение, пока не достиг той непомерной степени, которая в его более поздних произведениях болезненно бросается в глаза. Но Вольтер, который не обращал внимания на подобные вещи, провел свою долгую жизнь в постоянном накоплении реальных и доступных знаний. Его мышление было по сути современным. Презирая неподдерживаемый авторитет и пренебрегая традициями, он посвятил себя предметам, в которых триумф человеческого разума слишком очевиден, чтобы ошибиться. Чем больше расширялись его знания, тем больше он восхищался теми огромными силами, с помощью которых эти знания были созданы. Поэтому его восхищение интеллектом человека, которое отнюдь не уменьшалось, росло вместе с его ростом; и точно в такой же пропорции укреплялись

его любовь к человечеству и неприязнь к предрассудкам, которые долгое время затемняли его историю. То, что таков был ход его мыслей на самом деле, станет очевидным для любого, кто рассмотрит разный дух его произведений применительно к разным периодам жизни, в которые они были созданы.

Первым историческим трудом Вольтера была "Жизнь Карла XII", написанная в 1728 году.^[887] В то время его знания были все еще скудны, и он все еще находился под влиянием раболепных традиций предыдущего поколения. Поэтому неудивительно, что он выразил величайшее уважение Карлу, который среди поклонников военной славы всегда сохранит определенную репутацию; хотя его единственные заслуги заключаются в том, что он разорил много стран и убил много людей. Но мы находим мало сочувствия к его несчастным подданным, накопления промышленности которых поддерживали королевские армии;^[888] также нет особой жалости к тем народам, которые были угнетены этим великим разбойником в ходе огромной череды его завоеваний от Швеции до Турции. Действительно, восхищение Вольтера Шарлем безгранично. Он называет его самым экстраординарным человеком, которого когда-либо видел мир;^[889] он объявляет его принцем, исполненным чести;^[890] и хотя он вряд ли винит своего печально известное убийство Паткуля,^[891] он с явным волнением рассказывает, как королевский безумец во главе сорока слуг оказал сопротивление целой армии.^[892] Точно так же он говорит, что после битвы при Нарве все попытки Карла не смогли помешать чеканке медалей в Стокгольме в ознаменование этого события;^[893] хотя Вольтер хорошо знал, что человек такого непомерного тщеславия, должно быть, был доволен столь длительным почитанием, и хотя совершенно очевидно, что если бы он не был доволен, медали никогда бы не были отчеканены: ибо кто отважился бы без цели оскорбить в его собственной столице одного из самых деспотичных и мстительных правителей?

Может показаться, что до сих пор мало что было достигнуто в методе написания истории.^[894] Но даже на таком раннем этапе мы находим одно существенное улучшение. В "Жизни Карла XII" Вольтера, какой бы ошибочной она ни была, нет ни одного из тех предположений о сверхъестественном вмешательстве, которым восхищался Боссюэ и которые были естественны для правления Людовика XIV. Отсутствие этого знаменует собой первый важный этап во французской исторической школе XVIII века; и мы находим ту же особенность у всех последующих историков, ни один из которых не прибегал к методу, который, хотя и подходит для целей теологов, фатален для всех независимых исследований, поскольку он не только предписывает курс, который обязан избрать исследователь, но фактически устанавливает предел, за который ему запрещено выходить.

То, что Вольтер посягнул на этот древний метод всего через тринадцать лет после смерти Людовика XIV и что он сделал это в популярном произведении, изобилующем такими опасными приключениями, которые, как всегда оказывается, склоняют ум к противоположному курсу, является шагом, не заслуживающим внимания, и становится еще более заслуживающим внимания, если рассматривать его в связи с другим фактом, представляющим значительный интерес. Это жизнь Карла XII. представляет первую эпоху не только в восемнадцатом веке, но и в уме самого Вольтера.^[895] После того как книга была опубликована, этот великий человек ненадолго отвлекся от истории и обратил свое внимание на некоторые из самых благородных предметов: математику, физику, юриспруденцию, открытия Ньютона и рассуждения Локка. В этих вещах он усматривал те способности человеческого разума, свидетелями которых некогда была его собственная страна, но о которых он узнал во времена правления Людовика XIV.

память об этом была почти утрачена. Именно тогда, с расширенными знаниями и отточенным интеллектом, он вернулся на великую ниву истории.^[896] То, как он теперь относился к своему старому предмету, свидетельствовало о произошедшей с ним перемене. В 1752 году появилась его знаменитая работа о Людовике XIV.,^[897] само название которой наводит на мысль о процессе, через который прошел его разум. Его прежняя история была рассказом о короле; это рассказ о целой эпохе. Произведению о своей юности он дал название "*История Карла XII*"; это произведение он назвал "*Эпоха Людовика XIV*". Раньше он подробно описывал особенности поведения принца; теперь он рассматривал передвижения народа. Действительно, во введении к работе он объявляет о своем намерении описать "не действия отдельного человека, а характер людей".^[898] С этой точки зрения исполнение также не уступает дизайну. В то время как он довольствуется кратким изложением военных достижений, за которые Боссюэ с восторгом ухватился, он подробно останавливается на тех действительно важных вопросах, которым до него не нашлось места в истории Франции. У него есть одна глава о торговле и внутреннем управлении;^[899] еще одна глава о финансах;^[900] еще одна по истории науки;^[901] и три главы о прогрессе изящных искусств.^[902] И хотя Вольтер не придавал большого значения богословским спорам, все же он знал, что они часто играли большую роль в делах человеческих; поэтому он посвящает несколько отдельных глав рассмотрению церковных вопросов во время правления Людовика.^[903] Вряд ли нужно обращать внимание на огромное превосходство, которым обладал подобный план не только над узкими взглядами Боссюэ, но даже над его собственной более ранней историей. И все же нельзя отрицать, что мы находим в нем предрассудки, от которых французу, получившему образование в царствование Людовика XIV, было трудно полностью освободиться. Вольтер не только излишне подробно останавливается на тех развлечениях и распутстве Людовика, к которым история может иметь мало отношения, но и проявляет явную склонность благоволить самому королю и защищать его имя от позора, которым оно должно быть покрыто.^[904]

Но следующая работа Вольтера показала, что это было просто личное чувство и не повлияло на его общие взгляды относительно того места, которое деяния государей должны занимать в истории. Через четыре года после наступления *Эпохи Людовика XIV*, он опубликовал свой важный трактат о *морали, манерах и характере народов*.^[905] Это не только одна из величайших книг, вышедших в восемнадцатом веке, но она до сих пор остается лучшей по предмету, к которому она относится. Простое чтение, которое он демонстрирует, огромно;^[906] что, однако, гораздо более достойно восхищения, так это мастерство, с которым автор связывает различные факты и заставляет их иллюстрировать друг друга, иногда одним замечанием, иногда только порядком и положением, в котором они расположены. Действительно, рассматривая его исключительно как произведение искусства, было бы трудно восхвалять его слишком высоко; в то время как, как признак времени, важно отметить, что в нем нет и следа того преклонения перед королевской властью, которое характеризовало Вольтера в период его юности и которое встречается у всех лучших писателей времен правления Людовика XIV. Во всей этой длинной и важной работе великий историк уделяет мало внимания придворным интригам, смене министров или судьбе королей; но он пытается обнаружить и развить различные эпохи, через которые последовательно прошел Человек. "Я хочу, - говорит он, - написать историю не войн, а общества; и установить, как люди жили в своих семьях и какими искусствами они обычно занимались".^[907] Ибо, добавляет он, "моя цель - история человеческого разума, а не просто набор мелких фактов; меня также не интересует история

великих лордов, которые воевали с французскими королями; но я хочу знать, какими были шаги, по которым люди переходили от варварства к цивилизации".[908]

Именно таким образом Вольтер учил историков концентрировать свое внимание на вопросах реальной важности и пренебрегать теми праздными деталями, которыми раньше была наполнена история. Но что доказывает, что это движение происходит в такой же степени из духа эпохи, как и от отдельного автора, так это то, что мы находим точно такую же тенденцию в работах Монтескье и Тюрго, которые, несомненно, были двумя наиболее выдающимися современниками Вольтера; и оба они следовали методу, сходному с его методом, поскольку, опуская описания королей, дворов и сражений, они ограничивались моментами, иллюстрирующими характер человечества и общее развитие цивилизации. И такова была популярность этого изменения в старой рутине, что его влияние почувствовали другие историки с более низкими, но все же значительными способностями. В 1755 году Маллет[909] опубликовал свою интересную и на тот момент наиболее ценную работу по истории Дании;[910] в которой он называет себя учеником о новой школе. 'Ибо почему, ' говорит он, - история должна быть только перечислением сражений, осад, интриг и переговоров? И почему она должна содержать всего лишь кучу мелких фактов и дат, а не обширную картину мнений, обычаев и даже склонностей народа?"[911] Таким же образом в 1765 году Мэбли опубликовал первую часть своей знаменитой работы по истории Франции;[912] в предисловии к которой он жалуется, что историки "пренебрегли происхождением законов и обычаев, в покровительствует осадам и сражениям.[913] В том же духе Велли и Вилларе в своей объемистой "истории Франции" выражают сожаление по поводу того, что историки обычно должны рассказывать о том, что происходит с сувереном, отдавая предпочтение тому, что происходит с народом, и должны опускать манеры и характеристики нации, чтобы изучать деяния одного человека.[914] Дюкло снова объявляет, что его история посвящена не войне и не политике, а людям и нравам:[915] в то время как, как ни странно, даже учтивый Эно заявляет, что его целью было описать законы и нравы, которые он называет душой истории, или, скорее, самой историей.[916]

Таким образом, историки начали как бы менять место своих трудов и изучать предметы, связанные с теми народными интересами, о которых писали великие писатели при Людовике XIV. презирал тратить впустую мысли. Едва ли мне нужно напоминать, насколько приятны были такие взгляды общему духу восемнадцатого века и как хорошо они гармонировали с характером людей, которые стремились отбросить свои прежние предрассудки и презирать то, что когда-то вызывало всеобщее восхищение. Все это было лишь частью того обширного движения, которое подготовило путь для Революции, расшатав древние мнения, поощряя определенную подвижность и неугомонность ума, и, прежде всего, тем неуважением, которое оно проявляло к тем могущественным личностям, которых до сих пор считали скорее богами, чем людьми, но которыми теперь впервые пренебрегли величайшие и популярнейшие историки, которые пренебрегли даже их выдающимися действиями, чтобы сосредоточиться на благосостоянии наций и интересах народа в целом.

Возвращаясь, однако, к тому, чего на самом деле добился Вольтер, нет сомнения, что в его случае эта тенденция того времени была усилена природной широтой ума, которая предрасполагала его к широким взглядам и делала его неудовлетворенным теми узкими

рамками, которыми до сих пор ограничивалась история.[917] Что бы ни думали о других качествах Вольтера, следует признать, что в его интеллекте все было на высоте.[918] Всегда готовый к размышлениям и всегда готовый к обобщениям, он питал отвращение к изучению индивидуальных действий, если только они не могли быть использованы для установления какого-либо широкого и постоянного принципа. Отсюда его привычка смотреть на историю с точки зрения этапов, через которые прошла страна, а не с точки зрения характера людей, которые управляли страной. Та же тенденция проявляется в его более легких произведениях; и было хорошо замечено,[919], что даже в своих драмах он стремится изобразить не столько страсти отдельных людей, сколько дух эпох. У *Магомета* его предметом является великая религия; у *Альзира* - завоевание Америки; у *Брута* - становление римской державы; в *смерти Цезаря* - возвышение империи на руинах этой державы.[920]

Эта решимость рассматривать ход событий как великое и взаимосвязанное целое привела Вольтера к нескольким результатам, которые были самодовольно приняты многими авторами, которые, даже используя их, поносят того, у кого они были взяты. Он был первым историком, который, отвергнув обычный метод исследования, попытался с помощью широких общих взглядов объяснить происхождение феодальности; и, указав на некоторые причины ее упадка в четырнадцатом веке,[921] он заложил основу для философской оценки этого важного института.[922] Он был автором глубокого замечания, впоследствии принятого Константом, о том, что распущенные религиозные церемонии не имеют никакой связи с распущенной национальной моралью.[923] Еще одно его наблюдение, которое лишь частично использовалось авторами по церковной истории, содержит наставления. Он говорит, что одной из причин, по которой римские епископы приобрели авторитет, столь превосходящий авторитет восточных патриархов, была большая утонченность греческого ума. Почти все ереси пришли с востока, и, за исключением Гонория I, ни один папа не принял систему, осужденную церковью. Это придало папской власти единство и консолидацию, которых патриархальная власть была неспособна достичь; и, таким образом, Святой Престол частично обязан своим авторитетом ранней тупости европейской фантазии.[924]

Было бы невозможно привести все оригинальные замечания Вольтера, которые, когда он их высказывал, подвергались нападкам как опасные парадоксы, а теперь ценятся как трезвые истины. Он был первым историком, который рекомендовал всеобщую свободу торговли; и, хотя он выражается с большой осторожностью,[925] тем не менее, простое провозглашение идеи в популярной истории образует эпоху в развитии французского сознания. Он является создателем того важного различия между увеличением численности населения и увеличением количества продовольствия, которому политическая экономия во многом обязана;[926] принцип, принятый несколькими годами позже Таунсендом, а затем использованный Мальтусом в качестве основы его знаменитой работы.[927] Ему принадлежит, кроме того, заслуга в том, что он был первым, кто развеял детское восхищение, с которым до сих пор относились к Средневековью и которым они были обязаны тем скучным и образованным писателям, которые в шестнадцатом и семнадцатом веках были главными исследователями ранней истории Европы. Эти трудолюбивые компиляторы собрали обширные материалы, которыми Вольтер воспользовался с пользой, и с их помощью опровергли выводы, к которым

пришли сами авторы. В его работах Средневековье впервые представлено таким, каким оно было на самом деле, — периодом невежества, жестокости и распущенности; периодом, когда обиды оставались безнаказанными, преступления - суевериями. Можно с некоторой долей справедливости сказать, что Вольтер в нарисованной им картине впал в противоположную крайность и недостаточно признавал заслуги тех поистине великих людей, которые через большие промежутки времени стояли тут и там, подобно одиноким маякам, свет которых только делал окружающую тьму более зримой. Тем не менее, после каждой поправки на то преувеличение, которое всегда вызывает реакция мнений, несомненно, что его взгляд на Средние века не только гораздо точнее, чем у любого предшествующего автора, но и передает гораздо более справедливое представление о времени, чем можно найти в тех последующих сборниках, которыми мы обязаны трудолюбию современных антикваров; простой и трудолюбивой расы, которые восхищаются прошлым, потому что не знают настоящего, и которые, проводя свою жизнь среди пыли забытых рукописей, считают себя способными, используя ресурсы своей небольшой образованности, размышлять о делах человеческих, проследить историю разных периодов и даже воздать каждому должное.

С такими писателями, как эти, Вольтер всегда был в состоянии войны; и никто не сделал так много, чтобы уменьшить влияние, которое они когда-то оказывали даже на высшие отрасли знания. Существовал также другой класс диктаторов, авторитет которых этот великий человек столь же успешно снижал, а именно старый класс ученых-классиков и комментаторов, которые с середины четырнадцатого до начала восемнадцатого века были главными распространителями славы и пользовались уважением как самые выдающиеся люди, которых когда-либо производила Европа. Первые серьезные нападки на них были предприняты в конце семнадцатого века, когда возникли два противоречия, о которых я расскажу позже, — одно во Франции, а другое в Англии, — в результате обоих из которых их могуществу был нанесен значительный ущерб. Но двумя их самыми грозными противниками, несомненно, были Локк и Вольтер. Огромные услуги, оказанные Локком в умалении репутации старой классической школы, будут рассмотрены в другой части этой работы; в настоящее время нас интересуют только шаги, предпринятые Вольтером.

Авторитет великих ученых-классиков основывался не только на их способностях, которые неоспоримы, но и на предполагаемом достоинстве их занятий. Обычно считалось, что древняя история обладает некоторым врожденным превосходством над современной историей; и поскольку это считалось само собой разумеющимся, естественно следовал вывод, что сторонники одной из них более достойны похвалы, чем сторонники другой; и что француз, например, который должен был написать историю какой-нибудь греческой республики, проявил более благородный склад ума, чем если бы он писал историю своей собственной страны. Этот странный предрассудок веками был традиционным понятием, которое люди принимали, потому что унаследовали его от своих отцов, и оспаривать которое было бы почти нечесть. Результатом было то, что немногие действительно способные авторы по истории посвящали себя в основном истории древних; или, если они публиковали отчет о современности, они рассматривали свою тему не в соответствии с современными идеями, а в соответствии с идеями, почерпнутыми из их более любимого занятия. Это смешение стандартов одной эпохи со стандартами другой привело к двойному злу. Историки, приняв этот план, нанесли ущерб оригинальности своих собственных умов; и, что гораздо хуже, они подали

дурной пример литературе своей страны. Ибо у каждой великой нации есть свойственный ей способ выражения и мышления, с которым ее симпатии тесно связаны. Внедрять какую-либо иностранную модель, какой бы замечательной она ни была, означает нарушать эту связь и снижать ценность литературы, ограничивая сферу ее действия. При таком приготовлении вкус, возможно, и улучшится, но сила, безусловно, будет ослаблена. В самом деле, утонченность вкуса вполне может быть поставлена под сомнение, когда мы видим, что произошло в нашей стране, где наши великие ученые извратили английский язык таким грубым жаргоном, что простой человек с трудом может разглядеть реальное отсутствие идей, которое пытается скрыть их варварский и пестрый диалект.^[928] Во всяком случае, несомненно, что каждый народ, достойный называться нацией, обладает в своем родном языке достаточными ресурсами для выражения самых высоких идей, которые он способен сформировать; и хотя в вопросах науки может быть удобно использовать такие слова, которые легче понять в зарубежных странах, отходить в других вопросах от народной речи является серьезным преступлением; и еще более серьезным является введение понятий и стандартов действий, которые, возможно, соответствовали прежним временам, но которые развитие общества оставило далеко позади, и к которым мы не испытываем настоящей симпатии, хотя они могут быть возбуждают тот болезненный и искусственный интерес, который классические предрассудки раннего образования все еще ухитряются создавать.

Именно против этого зла выступил Вольтер. Остроумие и насмешка, с которыми он нападал на ученых-мечтателей своего времени, могут быть оценены только теми, кто изучал его работы. Дело не в том, что он использовал это оружие как замену аргументации, как некоторые предполагали, и уж тем более не в том, что он впал в ошибку, сделав насмешку проверкой на истинность. Никто не мог рассуждать более тщательно, чем Вольтер, когда рассуждения соответствовали его целям. Но ему приходилось иметь дело с людьми, невосприимчивыми к аргументам; людьми, чье чрезмерное преклонение перед древностью оставило им только две идеи, а именно, что все старое правильно и что все новое неправильно. Спорить против этих мнений было бы поистине бесполезно; единственным другим средством было сделать их смешными и ослабить их влияние, вызвав презрение к их авторам. Это была одна из задач, которую Вольтер поставил перед собой, и он справился с ней хорошо.^[929] Следовательно, он использовал насмешку не как критерий истины, а как бич глупости. И с таким эффектом было применено наказание, что не только педанты и теологи его времени вздрагивали под ударами плети, но даже их преемники чувствовали, как у них покалывает в ушах, когда они читают его язвительные слова; и они мстили себе, понося память этого великого писателя, чьи произведения для них как заноза в боку, и к самому имени которого они относятся с нескрываемым отвращением.

У этих двух классов действительно есть достаточно причин для ненависти, с которой они до сих пор относятся к величайшему французу восемнадцатого века. Ибо Вольтер сделал больше, чем кто-либо другой, для того, чтобы подорвать основы церковной власти и разрушить господство классических исследований. Здесь не место обсуждать теологические мнения, на которые он нападал; но о состоянии классических взглядов можно составить представление, рассмотрев некоторые из тех обстоятельств, которые были зафиксированы древними в отношении их истории и которым до появления Вольтера безоговорочно верили современные ученые, а через них и люди в целом.

Считалось, что в древние времена Марс изнасиловал девственницу и что плодом этой интриги были не кто иные, как Ромул и Рем, которых предполагалось предать смерти; но, к счастью, они были спасены заботой волчицы и дятла; волчица кормила их грудью, а дятел защищал их от насекомых. Более того, считалось, что Ромул и Рем, повзрослев, решили построить город и что, присоединившись к потомкам троянских воинов, им удалось воздвигнуть Рим. Считалось, что оба брата безвременно скончались: Рем был убит, а Ромул был взят на небеса своим отцом, который спустился с этой целью в разгар бури. Затем великие ученые перешли к рассказу о преемственности нескольких других царей; самым замечательным из которых был Нума, который общался со своей женой только в священной роще. Другим из римских государей был Тулл Гостилий, который, оскорбив духовенство, погиб от последствий их гнева; его смерть была вызвана молнией и ей предшествовала эпидемия. С другой стороны, был некто Сервий Туллий, который тоже был царем, и о величии которого свидетельствовало появление языков пламени вокруг его головы, когда он спал в своей колыбели. После этого действие обычных законов смертности было приостановлено; поэтому нас заверили, что эти невежественные варвары, ранние римляне, провели двести сорок пять лет под правлением всего семи королей, все из которых были избраны в расцвете сил, один из которых был изгнан из города, а трое были преданы смерти.

Вот несколько досужих историй, которыми великие ученые восхищались и которые, как предполагалось, на протяжении многих веков составляли необходимую часть анналов латинской империи. Действительно, легкое верие было настолько всеобщим, что, пока они не были уничтожены Вольтером, было только четыре писателя, которые осмелились открыто нападать на них. Клуверий, Перизоний, Пуйи и Бофор - таковы были имена этих смелых новаторов; но ни один из них не произвел никакого впечатления на общественное сознание. Сочинения Клуверия и Перизония, написанные на латыни, были адресованы исключительно тому кругу читателей, которые, увлеченные любовью к античности, не желали слушать ничего, что умаляло бы репутацию ее истории. Пуйи и Бофор писали по-французски; оба они, и особенно Бофор, были людьми значительных способностей; но их способности не были достаточно разносторонними, чтобы позволить им искоренить предрассудки, которые были так сильно защищены и которые воспитывались многими последующими поколениями.

Таким образом, услуга, оказанная Вольтером в очищении истории от этих глупых домыслов, заключается не в том, что он был первым, кто подвергся нападкам на них, а в том, что он был первым, кто успешно атаковал их; и это потому, что он также был первым, кто смешал насмешку с аргументацией, таким образом не только нападая на систему, но и ослабляя авторитет тех, кто поддерживал систему. Его ирония, его остроумие, его едкие и красноречивые сарказмы произвели больший эффект, чем могли бы произвести самые серьезные доводы; и не может быть сомнений в том, что он был полностью оправдан, используя те огромные ресурсы, которыми наделила его природа, поскольку с их помощью он продвигал интересы истины и освобождал людей от некоторых из их самых закоренелых предрассудков.

Однако не следует предполагать, что насмешка была единственным средством, использованным Вольтером для достижения этой важной цели. Что касается этого, то я могу с уверенностью сказать, после тщательного сравнения работ обоих авторов, что самые решительные аргументы, выдвинутые Нибуrom против ранней истории Рима, были предвосхищены Вольтером; в работах которого их может найти любой, кто потрудится прочитать то, что написал этот великий человек, вместо того, чтобы невежественно поносить

его. Не вдаваясь в ненужные подробности, достаточно упомянуть, что среди огромного разнообразия очень остроумных и очень ученых дискуссий Нибур выдвинул несколько взглядов, которые не удовлетворили более поздних критиков; но есть три, и только три, принципа, которые являются фундаментальными для его истории и которые невозможно опровергнуть. Это: —I. Что из-за неизбежного смешения басен, необходимого для грубых людей, ни одна нация не может обладать достоверными подробностями, касающимися ее собственного происхождения. II. Что даже такие ранние документы, которыми могли обладать римляне, были уничтожены до того, как они были включены в регулярную историю. III. Эти церемонии, установленные в честь определенных событий, предположительно имевших место в прежние времена, были доказательством не того, что эти события произошли, а того, что в них верили. Вся ткань ранней истории Рима сразу же развалилась на куски, как только к ней были применены эти три принципа. Что, однако, наиболее примечательно, так это то, что не только все три изложены Вольтером, но и отчетливо показано их влияние на римскую историю. Он говорит, что ни один народ не знаком со своим собственным происхождением, так что вся первобытная история неизбежно является выдумкой.[930] Он отмечает, что, поскольку даже такие исторические труды, которыми когда-то обладали римляне, были уничтожены, когда был сожжен их город, нельзя доверять отчетам, которые в гораздо более поздний период приводятся Ливием и другими составителями.[931] И, поскольку бесчисленные ученые занимались сбором свидетельств, касающихся церемоний, учрежденных в честь определенных событий, а затем апеллировали к свидетельствам, чтобы доказать события, Вольтер высказывает размышление, которое сейчас кажется очень очевидным, но которое эти ученые мужи полностью упустили из виду. Он замечает, что их труд бесполезен, потому что дата свидетельства, за крайне редкими исключениями, намного позже даты события, к которому оно относится. В таких случаях существование фестиваля или памятника, действительно, доказывает веру, которой придерживаются люди, но никоим образом не доказывает реальность события, относительно которого придерживаются этой веры.[932] Эту простую, но важную максиму даже в наши дни постоянно упускают из виду, в то время как до восемнадцатого века ею повсеместно пренебрегали. Следовательно, историки смогли накопить басни, которым верили без проверки;[933] совершенно забывается, что басни, как говорит Вольтер, начинают быть актуальными в одном поколении, утверждаются во втором, становятся респектабельными в третьем, в то время как в четвертом поколении в их честь воздвигаются храмы.[934]

Я был более конкретен, заявляя об огромных обязательствах истории перед Вольтером, потому что в Англии против него существует предубеждение, которое не может оправдать ничто, кроме невежества или чего-то худшего, чем невежество;[935] и потому, что, если брать его в целом, он, вероятно, величайший историк, которого когда-либо создавала Европа. Однако в отношении ментальных привычек восемнадцатого века важно показать, что в тот же период аналогичную всесторонность проявляли и другие французские историки; так что в этом случае, как и во всех других, мы обнаружим, что значительная доля того, что совершается даже самыми выдающимися людьми, обусловлена характером эпохи, в которую они живут.

Огромным трудам Вольтера по реформированию старого метода написания истории в значительной степени способствовали те важные работы, которые Монтескье выдвинул в тот же период. В 1734 году[936] этот замечательный человек опубликовал то, что по праву можно назвать первой книгой, в которой можно найти какую-либо информацию, касающуюся реальной истории Рима; потому что это также первая книга, в которой события древнего мира рассматриваются в широком и всеобъемлющем духе.[937] Четырнадцатью годами позже того

же автора появился "*Дух законов*"; более известное произведение, но, как мне кажется, не более грандиозное. Огромное достоинство *Духа законов* действительно неоспоримо, и на него не могут повлиять придирчивые попытки принизить его со стороны тех придирчивых критиков, которые, похоже, думают, что, обнаруживая случайные ошибки великого человека, они в какой-то степени низводят его до своего собственного уровня. Не такие мелкие придирки могут разрушить репутацию европейца; и благородный труд Монтескье надолго выдержит все нападки такого рода, потому что его обширные и наводящие на размышления обобщения сохранили бы свою ценность, даже если бы все конкретные факты, из которых состоят иллюстрации, были необоснованными.^[938] Тем не менее, я склонен полагать, что с точки зрения оригинальной мысли она едва ли равна его более ранней работе, хотя, несомненно, является плодом гораздо более тщательного прочтения. Не проводя, однако, сравнения между ними, наша нынешняя цель состоит просто в том, чтобы рассмотреть вклад, который они вместе вносят в правильное понимание истории, и то, каким образом этот вклад связан с общим духом восемнадцатого века.

С этой точки зрения в работах Монтескье есть две основные особенности. Первый заключается в полном отказе от тех личных анекдотов и тех тривиальных деталей, касающихся отдельных личностей, которые относятся к биографии, но к которым, как ясно видел Монтескье, история не имеет никакого отношения. Другой особенностью является весьма примечательная попытка, которую он впервые предпринял, установить союз между историей человека и теми науками, которые имеют дело с внешним миром. Поскольку это две важнейшие характеристики метода, принятого Монтескье, необходимо будет дать о них некоторое представление, прежде чем мы сможем понять, какое место он на самом деле занимает как один из основоположников философии истории.

Мы уже видели, что Вольтер настойчиво настаивал на необходимости реформирования истории, уделяя больше внимания истории народа и меньше - истории его политических и военных правителей. Мы также видели, что это значительное улучшение было настолько согласно духу времени, что оно было широко и быстро принято и, таким образом, стало показателем тех демократических тенденций, результатом которых оно в действительности было. Поэтому неудивительно, что Монтескье избрал тот же курс еще до того, как движение было четко объявлено; поскольку он, как большинство великих мыслителей, был представителем интеллектуального состояния и удовлетворителем интеллектуальных потребностей эпохи, в которую он жил.

Но что составляет особенность Монтескье в этом вопросе, так это то, что у него презрение к тем деталям, касающимся дворов, министров и принцев, которые доставляют большое удовольствие обычным составителям, сопровождалось таким же презрением к другим деталям, которые действительно интересны, потому что они касаются ментальных привычек немногих действительно выдающихся людей, которые время от времени появлялись на сцене общественной жизни. Это произошло потому, что Монтескье понял, что, хотя эти вещи очень интересны, они также очень неважны. Он знал то, о чем до него даже не подозревал ни один историк, что в великом движении человеческих дел индивидуальные особенности ничего не значат; и что, следовательно, историк не имеет до них никакого дела, а должен предоставить их биографу, к компетенции которого они по праву принадлежат. Следствием этого является то, что он не только относится к самым могущественным принципам с таким пренебрежением, что описывает правления шести императоров в двух строках,^[939] но он постоянно настаивает на

необходимости, даже в случае выдающихся людей, подчинять их особое влияние более общему влиянию окружающего общества. Таким образом, многие авторы приписывали крушение Римской республики амбициям цезаря и Помпея, и особенно глубоким замыслам Цезаря. Монтескье полностью отрицает это. Согласно его взгляду на историю, никакое крупное изменение не может быть произведено иначе, как в силу длинной череды предшествующих событий, где только и нужно искать причину того, что на поверхностный взгляд является делом рук отдельных людей. Следовательно, республика была свергнута не цезарем и Помпеем, а тем положением вещей, которое сделало возможным успех Цезаря и Помпея.[940] Таким образом, события, о которых рассказывают обычные историки, совершенно бесполезны. Такие события, вместо того чтобы быть причинами, являются просто случаями, в которых действуют реальные причины.[941] Их можно назвать случайностями истории; и их следует рассматривать как подчиненные тем обширным и всеобъемлющим условиям, которые одни в конечном счете управляют подъемом и падением наций.[942]

Это, таким образом, было первой великой заслугой Монтескье, что он осуществил полное разделение между биографией и историей и научил историков изучать не особенности индивидуального характера, а общий аспект общества, в котором эти особенности проявлялись. Если бы этот замечательный человек больше ничего не добился, он оказал бы истории неоценимую услугу, указав, как можно безопасно устранить один из самых плодородных источников ошибок. И хотя, к сожалению, мы еще не воспользовались в полной мере его примером, это потому, что его преемники действительно обладали способностью подняться до столь высокого обобщения: однако несомненно, что со времен его можно заметить приближение к таким возвышенным взглядам даже среди тех низших авторов, которые из-за отсутствия достаточного понимания не способны принять их в полной мере.

В дополнение к этому Монтескье добился еще одного большого прогресса в методе лечения истории. Он был первым, кто, исследуя взаимосвязь между социальными условиями той или иной страны и ее юриспруденцией, обратился к помощи физических знаний, чтобы установить, как характер любой данной цивилизации изменяется под воздействием внешнего мира. В своей работе *о духе законов* он изучает, каким образом гражданское и политическое законодательство народа естественным образом связано с его климатом, почвой и продуктами питания.[943] Это правда, что в этом грандиозном предприятии он почти полностью потерпел неудачу; но это произошло потому, что метеорология, химия и физиология были еще слишком отсталыми, чтобы допустить такое предприятие. Это, однако, влияет только на ценность его выводов, а не на его метод; и здесь, как и везде, мы видим, как великий мыслитель намечает контуры плана, который при тогдашнем уровне знаний было невозможно дополнить и завершение которого он был вынужден предоставить более зрелому опыту и более мощным ресурсам более поздней эпохи. Таким образом, предвосхищать поступь человеческого интеллекта и, так сказать, упреждать его последующие приобретения - особая прерогатива умов высшего порядка; и именно это придает трудам Монтескье определенный фрагментарный и временный вид, который был необходимым следствием глубоко спекулятивного гения, имевшего дело с материалами, которые были трудноразрешимыми, просто потому, что наука еще не привела их в порядок, обобщив законы их явлений. Следовательно, многие выводы, сделанные Монтескье, несостоятельны; такие, например, как те, которые касаются влияния диеты на стимулирование населения путем увеличения плодовитости женщин,[944] и влияние климата на изменение соотношения рождаемости между полами.[945] В других случаях более глубокого знакомства с варварскими народами было достаточно, чтобы скорректировать его

выводы, особенно те, которые касались влияния, которое, по его предположению, климат оказывает на характер личности; поскольку теперь у нас есть самые убедительные доказательства того, что он был неправ, утверждая[946] что жаркий климат делает людей нецеломудренными и трусливыми, в то время как холодный климат делает их добродетельными и храбрыми.

Это, в сущности, сравнительно пустяковые возражения, потому что во всех высших отраслях знания главная трудность заключается не в обнаружении фактов, а в нахождении истинного метода, согласно которому могут быть установлены законы фактов.[947] В этом Монтескье оказал двойную услугу, поскольку он не только обогатил историю, но и укрепил ее фундамент. Он обогатил историю, включив в нее физические исследования; и он усилил историю, отделив ее от биографии и таким образом освободив ее от деталей, которые всегда неважны и часто недостоверны. И хотя он совершил ошибку, изучая влияние природы на людей, рассматриваемых как личности,[948], а не на людей, рассматриваемых как совокупное общество, это произошло главным образом из-за того факта, что в его время еще не были созданы ресурсы, необходимые для более сложного исследования. Этими ресурсами, как я показал, являются политическая экономия и статистика; политическая экономия предоставляет средства для связи законов физических агентов с законами неравенства богатства и, следовательно, с большим разнообразием социальных потрясений; в то время как статистика позволяет нам проверять эти законы в их самом широком объеме и доказывать, насколько полно воля отдельных людей контролируется их прошлым и обстоятельствами, в которые они поставлены. Поэтому было не только естественно, но и неизбежно, что Монтескье потерпел неудачу в своей великолепной попытке объединить законы человеческого разума с законами внешней природы. Он потерпел неудачу отчасти потому, что науки о внешней природе были слишком отсталыми, а отчасти потому, что те другие отрасли знания, которые связывают природу с человеком, были еще не сформированы. Ибо, что касается политической экономии, то она не существовала как наука до публикации *"Богатства наций"* в 1776 году, через двадцать один год после смерти Монтескье. Что касается статистики, то их философия является еще более поздним творением, поскольку только в течение последних тридцати лет они систематически применялись к социальным явлениям; прежние статистики были всего лишь группой трудолюбивых собирателей, блуждавших ощупью в темноте, собиравших факты любого рода без отбора или метода и, следовательно, чьи труды были недоступны для тех важных целей, к которым они успешно применялись нынешним поколением.

Всего через два года после публикации *"Духа законов"* Тюрго прочитал те знаменитые лекции, о которых говорилось, что в них он создал философию истории.[949] Эта похвала несколько преувеличена; ибо в наиболее важных вопросах, относящихся к философии его предмета, он придерживается той же точки зрения, что и Монтескье; а Монтескье, помимо того, что предшествовал ему по времени, безусловно, превосходил его в учености, возможно, в гениальности. И все же заслуга Тюрго огромна; и он принадлежит к тому чрезвычайно малочисленному классу людей, которые всесторонне смотрели на историю и признавали почти безграничные знания, необходимые для ее исследования. В этом отношении его метод идентичен методу Монтескье, поскольку оба этих великих человека исключили из своей схемы личные подробности, накопленные обычными историками, и сосредоточили свое внимание на тех крупных общих причинах, действие которых постоянно влияет на судьбы народов. Тюрго ясно понимал, что, несмотря на разнообразие событий, вызванных игрой человеческих страстей, среди этой кажущейся неразберихи существует принцип порядка и регулярности

движения, которые не должны быть ошибочными для тех, чья хватка достаточно тверда, чтобы охватить историю человека как целостное целое.^[950] Верно, что Тюрго, впоследствии занявшийся политической жизнью, никогда не располагал достаточным досугом, чтобы дополнить великолепный набросок того, что он так удачно набросал: но хотя в осуществлении своего плана он не дотягивал до Монтескье, тем не менее аналогия между этими двумя людьми очевидна, как и их отношение к эпохе, в которую они жили. Они, так же как и Вольтер, были бессознательными сторонниками демократического движения, поскольку не придавали значения тому почтению, которое историки раньше оказывали отдельным личностям, и спасали историю от превращения в простое перечисление деяний политических и церковных правителей. В то же время Тюрго захватывающими перспективами, которые он открывал перед будущим прогрессом,^[951] и нарисованной им картиной способности общества к самосовершенствованию усилили нетерпение, которое его соотечественники начинали испытывать к этому деспотическому правительству, в присутствии которого улучшение казалось безнадежным. Эти и подобные им рассуждения, которые теперь впервые появились во французской литературе, стимулировали активность интеллектуальных классов, ободряли их в условиях преследований, которым они подвергались, и придавали смелости в трудном предприятии по привлечению людей к нападкам на институты их родной страны. Таким образом, во Франции все приводило к одному и тому же результату. Все указывало на приближение какой-то острой и ужасной борьбы, в которой дух настоящего должен был сразиться с духом прошлого; и в которой должно было быть окончательно решено, сможет ли народ Франции освободиться от цепей, в которых он долгое время находился, или, упустив свою цель, он будет обречен еще ниже опуститься в том позорном вассалитете, который делает даже самые блестящие периоды его политической истории предупреждением и уроком цивилизованному миру.

Сноски:

^[807] Смотрите некоторые очень справедливые замечания в *Философии Уэвелла. из the Induct. Науки*, том ii. стр. 143. В *Истории Неандера. о Церкви*, том iv. стр. 41, 128, приведены две любопытные иллюстрации всеобщего интереса, который богословские дискуссии когда-то вызывали в Европе; и о прежнем подчинении философии богословию, сравните "*Рассуждения Гамильтона о философии*", стр. 197. Но никто не рассматривал этот вопрос так умело, как Огюст Конт в своем великом труде "*Позитивная философия*". Услуга, которую метафизики оказали церкви своим развитием доктрины пресуществления ("*Свидетельства Бланко Уайта против католицизма*", стр. 256-258), является ярким примером такого подчинения интеллекта церковным догмам.

^[808] М. Токвиль говорит, что я склонен считать правдой, что растущий дух равенства уменьшает склонность к формированию новых религиозных убеждений. *Démocratie en Amérique*, vol. iv. pp. 16, 17. Во всяком случае, несомненно, что рост знаний имеет такой эффект; ибо те великие люди, чей склад ума раньше сделал бы их еретиками, теперь довольствуются тем, что ограничивают свои нововведения другими областями мысли. Если св. Живи Августин в семнадцатом веке, он бы реформировал или создал физические науки. Если бы сэр Исаак Ньютон жил в четвертом веке, он организовал бы новую секту и обеспокоил бы церковь своей оригинальностью.

[809] *Бюог. Univ.* vol. xix. pp. 315, 316; where it is said, 'l'ouvrage de Du Haillan est remarquable en ce que c'est le premier corps d'histoire de France qui ait paru dans notre langue.' See also *Dacier, Rapport sur les Progrès de l'Histoire*, p. 170; and *Des Réaux, Historiettes*, vol. x. p. 185.

[810] Бейл, статья Хайлан, примечание L.

[811] *Mercure François*, в Бейле, статья *Haillan*, примечание D.

[812] *Де Ребус жестис Франкорум*, появившийся около 1516 года. *Биог. Унив.* том. xiii. стр. 119. Сравните, уважая автора, *Мезерея, Историю. "де Франс"*, том ii, стр. 363, с *Одигье, "Происхождение Франсуа"*, том ii, стр. 118, который жалуется на свое мнение о Хлодвиге, "потому что это его профессия, связанная с любовью к Франсуа". Даже поверхностные Буленвилье (*Hist. de l'Ancien Gouvernement*, vol. ii. p. 166) contemptuously notices 'les rétoriciens postérieurs, tels que Paul Emile.'

[813] Сравните *Сисмонди, Историю. des Français*, vol. i. pp. 176, 177, with *Montlosier, Monarchie Française*, vol. i. pp. 43, 44. Филипп де Комин, хотя и превосходил Сисмонди и Монлозье по способностям, жил в средние века и поэтому не имел ни малейшего представления о сомнениях, а просто говорит: "Фарамон, если верить эсю руа, 420 год и его время", *Воспоминания де Комина*, livre viii. глава. xxvii. том iii. стр. 232. Но Де Ту, пришедший через сто лет после Коминса, очевидно, заподозрил, что не все в порядке, и поэтому возлагает это на авторитет других. 'Pharamond, quiselon nos historiens a porté le premier la couronne des François.' *Де Ты, История. Унив.* том x. стр. 530. Смотрите необычный отрывок о Фарамонде в *Воспоминаниях Дюплесси Морней*, том ii. стр. 405.

[814] Sorel (*La Bibliothèque Française*, Paris, 1667, p. 373) says of Du Haillan, 'On lui peut reprocher d'avoir donné un commencement fabuleux à son histoire, qui est entièrement de son invention, ayant fait tenir un conseil entre Pharamond et ses plus fidelles conseillers, pour sçavoir si ayant la puissance en main il deuoit réduire les François au gouvernement aristocratique ou monarchique, et faisant faire une harangue à chacun d'eux pour soutenir son opinion. On y voit les noms de Charamond et de Quadrek, personnages imaginaires.' Сорель, у которого мелькнула мысль, что это не совсем тот способ написания истории, добавляет: 'Поэтому мы выбрали форт сурпренант. Он est fort peu assuré si Pharamond fut jamais au monde, et quoy qu'on sçache qu'il y ait esté, c'est une terrible hardiesse d'en raconter des choses qui n'ont aucun appuy.'

[815] 'Die erste Regung des skeptischen Geistes finden wir in den Versuchen des Michael von Montaigne.' *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. ix. p. 443.

[816] Первый том появился в 1604 году. См. *Le Long, Историческая библиотека Франции*, том ii. стр. 375; и предисловие к *De Thou, Hist.* *Унив.* том i, стр. iv.

[817] Сисмонди едва ли отдал должное Салли; но читатель найдет более полный отчет о нем в *Carpefigue, Hist. de la Réforme*, vol. viii. стр. 101-117; и еще лучший в *Бланки, История политической экономики*, том i. стр. 347-361.

[818] According to D'Aubigné, the king, on his conversion, said, 'Je ferai voir à tout le monde que je n'ai esté persuadé par autre théologie que la nécessité de l'estat.' *Реформированная религия Смедли во Франции*, том ii. стр. 362. То, что Генрих чувствовал это, несомненно; и то, что он высказал это своим друзьям, вероятно; но ему предстояла трудная игра с католической церковью; и в одном

из его эдиктов мы находим 'не радуйтесь возвращению сына в Англию, не приписывайте причину грации вашему могуществу и приерам верующих'. *Де Ты, История. Унив.* том xii. стр. 105, 106. Сравните на стр. 468, 469 послание, которое он отправил папе римскому.

[819] *Маршан, Исторический словарь*, том ii. стр. 205, 209, Ла Хэй, 1758, фолио. Эта любопытная и ученая работа, которую читают гораздо меньше, чем она заслуживает, содержит единственный хороший отчет о Серре, с которым мне удалось познакомиться; том ii. стр. 197-213.

[820] 'On ne prenoit presque aucun soin de marquer les dates des événemens dans les ouvrages historiques.... De Serres reconnut ce défaut; et pour y remédier, il rechercha avec beaucoup de soin les dates des événemens qu'il avoit à employer, et les marqua dans son histoire le plus exactement qu'il lui fut possible. Cet exemple a été imité depuis par la plupart de ceux qui l'ont suivi; et c'est à lui qu'on est redevable de l'avantage qu'on tire d'une pratique si nécessaire et si utile.' *Маршан, Диктант. Histoire*, vol. ii. p. 206.

[821] 'Il est le premier historien qui ait cité en marge ses autorités; précaution absolument nécessaire quand on n'écrit pas l'histoire de son temps, à moins qu'on ne s'en tienne aux faits connus.' *Œuvres de Voltaire*, vol. xix. p. 95. И *Буог. Univ.* vol. xii. стр. 277, гласит: "О том, что я уважаю город и марж, и что авторы не служат тебе; предупреждение необходимо, потому что я знаю, что люди в авангарде и как современные историки ведут себя неблагоприятно". Бассомпьер, который поссорился с Дюпле, привел несколько любопытных подробностей, касающихся его и его истории; но они, конечно, не соответствуют действительности. на него нельзя положиться. *Mém. de Bassompierre*, vol. iii. pp. 356, 357. Патен благосклонно отзывается о его истории Генриха IV. *Lettres de Patin*, том i, стр. 17: но сравните *Sully, "Королевские экономики"*, том ix. стр. 121, 249.

[822] Древние, как хорошо известно, редко утруждали себя этим. *История греческой литературы Мура*, том iv. стр. 197, 306, 307. Но что гораздо более любопытно, так это то, что даже в научных трудах была такая же расплывчатость; и Кювье говорит, что в шестнадцатом веке "о рождении в беде, о единственном женском человеке, Аристотель выбрал другого, без указания ни отрывка, ни жизни" и без указания цитаты из труде. *Кювье, История. des Sciences*, part ii. p. 63; and at p. 88, 'suivant l'usage de son temps, Gessner n'indique pas avec précision les endroits d'où il a tiré ses citations:' see also p. 214.

[823] 'Le premier ouvrage de philosophie publié dans cette langue.' *Буог. Университет.* том xii. стр. 277.

[824] Так мне показалось, когда я листал ее несколько лет назад. However, Patin says, 'sa philosophie françoise n'est pas mauvaise.' *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 357. О диалектических способностях Дюпле смотрите положительное суждение в *обсуждении Гамильтона. о философии.* стр. 119.

[825] *Буог. Университет.* том. xxxv. стр. 402. Sorel (*Bibliothèque Françoise*, p. 165), who is evidently displeased at the unprecedented boldness of La Popelinière, says, 'il dit ses sentimens en bref des historiens de toutes les nations, et de plusieurs langues, et particulièrement des historiens françois, dont il parle avec beaucoup d'assurance.'

[826] 'Il réfute l'opinion, alors fort accréditée, de l'arrivée dans les Gaules de Francus et des Troyens.' *Биог. Университет.* том. xxxv. стр. 402. Сравните *Ле Лонга, Историческую библиотеку Франции*, том ii. стр. 39. Патен говорит, что Де Ту был ему многим обязан: "Господин де Ту был арестантом Попелиньера'. *Lettres de Patin*, vol. i. p. 222. Есть упоминание о Попелиньере в связи с Риче в *Воспоминаниях де Ришелье*, т. v., стр. 349.

[827] 'Il réfute les fables qu'on avançoit sur l'origine des François, appuyées sur le témoignage au faux Bérose. Il dit que leur nom vient de leur ancienne franchise.' *Le Long, Bibliothèque Historique*, vol. ii. p. 750.

[828] Сравните *Сореля, Библиотеку Франсуазы*, стр. 298, с *Дю Френуа, Метод изучения истории*, том x, стр. 4, Париж, 1772. В "*Истории Талемана из Рео*" есть рассказ о *Гомбервилле*, vol. viii. стр. 15-19; исключительно любопытная книга, которая для семнадцатого века то же, что *Брантом* для шестнадцатого. Мне следовало бы упомянуть ранее о неподражаемой насмешке, с которой *Рабле* относится к привычке историков проследивать генеалогию своих героев вплоть до *Ноя. Произведения Рабле*, т. i, стр. 1-3 и т. ii, стр. 10-17: смотрите также в т. v., стр. 171, 172, его защиту древности *Шинона*.

[829] 'L'auteur croit qu'il ne faut pas la chercher ailleurs que dans le pays où ils out été connus des Romains, c'est-à-dire entre l'Elbe et le Rhin,' *Le Long, Bibliothèque Historique*, vol. ii. p. 56. This work of *Berthault's* was, for many years, a text-book in the French colleges. *Биог. Университет.* том iv. стр. 347.

[830] Первый том в 1643 году; второй в 1646 году; и последний в 1651 году. *Биог. Унив.* том. xxviii. с. 510.

[831] 'У французов теперь есть свой первый общий историк *Мезере*'. "*Европейская литература*" *Халлама*, том iii, стр. 228; и см. *Лекции Стивена по истории Франции*, 1851, том i, стр. 10.

[832] Bayle says, that *Mezeray* is, 'de tous les historiens celui qui favorise le plus les peuples contre la cour.' *Le Long, Bibliothèque Historique*, vol. iii. p. lxxxvi.

[833] Хотя это не помешало ему поверить, что внезапные бури и необычные явления на небесах были отклонениями, вызванными сверхъестественным вмешательством, и, как таковые, были предсказателями политических перемен. *Mézéray, Hist. de Франс*, том первый, стр. 202, 228, 238, 241, 317, 792, т. ii. стр. 485, 573, 1120; т. iii. стр. 31, 167, 894; поучительные отрывки, доказывающие, что даже в могущественных умах научный и светский метод все еще слаб.

[834] То, что он сделал по этим предметам, наиболее примечательно, учитывая, что некоторые из лучших материалов были неизвестны и находились в рукописи, и что даже *Де Ты* почти не дает никакой информации о них; так что у *Мезере* не было модели. Смотрите, среди других отрывков, которые поразили меня в первом томе, стр. 145-147, 204, 353, 356, 362-365, 530, 531, 581, 812, 946, 1039. Сравните его возмущенные выражения в томе ii. стр. 721.

[835] Те, кто изучал французские мемуары семнадцатого века, знают, как мало в них можно найти сведений о положении людей; в то время как самая полная частная переписка, такая как письма *Севинье* и *Де Ментенона*, в равной степени неудовлетворительна. Большая часть дошедших до нас свидетельств была собрана *месье Монтейлем* в его ценном труде "*История*

различных народов": "но тот, кто соберет все это воедино, должен признать, что мы лучше осведомлены о состоянии многих диких племен, чем о низших классах Франции во время правления Людовика XIV.

[836] Это замечено у *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxvii. pp. 181, 182; also in *Villemain, Littérature Française*, vol. ii. pp. 29, 30. Compare *D'Argenson, Réflexions sur les Historiens François*, in *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, vol. xxviii. p. 627, with *Boulainvilliers, Ancien Gouvernement de la France*, vol. i. p. 174.

[837] 'Le jeune Louis XIV n'avait reçu aucune éducation intellectuelle.' *Capefigue's Richelieu, Mazarin et la Fronde*, vol. ii. p. 245. Об образовании Людовика XIV, которым пренебрегали так же постыдно, как и образованием нашего Георга III, см. *Учебные пособия Ментенона*, т. ii. стр. 369; *Дюкло, Воспоминания. Секреты*, том i, стр. 167, 168; *Воспоминания де Бриенн*, том i, стр. 391-393.

[838] О его политических сентенциях см. *Лемонти, Дворец Людовика XIV*, стр. 325-327, 407, 408. Красноречивые замечания, сделанные м. Ранке об итальянском деспотизме, превосходно применимы ко всей его системе: 'Sonderbare Gestalt menschlichen Dinge! Die Kräfte des Landes bringen den Hof hervor, der Mittelpunkt des Hofes ist der Fürst, das letzte Product des gesammten Lebens ist zuletzt das Selbstgefühl des Fürsten.' *Die Päpste*, vol. ii. p. 266.

[839] Его *Хронологический справочник* был опубликован в 1668 году в трех томах кварто. *Буог. Университет*. том. xxviii. стр. 510. Ле Лонг (*Историческая библиотека*, том iii. стр. lxxxv.) говорит, что ее разрешили опубликовать только в результате "привилегии", которую Мезере ранее получил. Но, по-видимому, возникла некоторая трудность, о которой эти авторы не подозревают, поскольку Патен в письме, датированном Парижем 23 декабря 1664 года, говорит о том, что оно тогда находилось в печати: "о преступлении *вгран-ин-кварто* в Абреже истории Франции, от имени месье Мезере'. *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 503: compare p. 665. Это долгое время оставалось общепринятым школьным учебником: см. Эссе Д'Арженсона в *Мемуарах Академии*, vol. xxviii. с. 635; и *Сочинения сэра Уильяма Темпла*, том iii. с. 70.

[840] *Барьер, Очерки событий семнадцатого века*, с префиксом к *Воспоминаниям де Бриенна*, том i, стр. 129, 130, где сделана ссылка на его оригинальную переписку с Кольбером. Такое обращение с Мезере замечено, но несовершенно, в *книге Буленвилье*,,, *Hist. de l'Ancien Gouvernement*, vol. i. p. 196; in *Lemontey, Etablissement de Louis XIV*, p. 331; and in *Palissot, Mém. pour l'Hist. de Lit.* том ii. стр. 161.

[841] В 1685 году в Париже было опубликовано так называемое улучшенное издание "Истории Мезере"; то есть издание, из которого были удалены честные замечания. See *Le Long, Bibliothèque Historique*, vol. ii. p. 53, vol. iv. p. 381; and *Brunet, Manuel du Libraire*, vol. iii. p. 383, Paris, 1843. Хэмпден, знавший Мезере, записал интересное интервью, которое он имел с ним в Париже, когда великий историк оплакивал потерю свобод Франции. См. "*Жизнь самого Калами*", том i. стр. 392, 393.

[842] *Сисмонди, История. des Français*, vol. xxvi. стр. 240, 241.

[843] 'Par l'infidélité d'un domestique chargé de transcrire le manuscrit.' *Буог. Univ.* том xiv. стр. 289; и см. *Пеньо, Справочник кондитеров*, том i. стр. 134, 135. Она была запрещена во Франции и появилась в Голландии в том же 1699 году. *Lettres de Sévigné*, vol. vi. pp. 434, 435 note.

[844] 'Louis XIV prit le Télémaque pour une personnalité.... Comme il (Fénelon) avait déplu au roi, il mourut dans l'exil.' *Lerminier, Philos. du Droit*, vol. ii. pp. 219, 220; and see *Siècle de Louis XIV*, chap. xxxii., in *Œuvres de Voltaire*, vol. xx. p. 307.

[845] Эти обстоятельства описаны в письме лорда Престона, датированном Парижем 22 июля 1682 г. и напечатанном в *Мемуарах Далримпла*, стр. 141, 142, приложение к тому i. Отчет, приведенный М. Пеньо (*Кондитерская книга*, том ii. стр. 52, 53), является неполным, он, очевидно, не знал о существовании письма лорда Престона.

[846] Способный писатель справедливо назвал его 'glorieux plutôt qu'appréciateur de la vraie gloire'. *Flassan, Histoire de la Diplomatie Française*, vol. iv. p. 399.

[847] In 1677, Madame de Sévigné writes from Paris respecting the king: 'Vous savez bien qu'il a donné deux mille écus de pension à Racine et à Despréaux, en leur commandant de travailler à son histoire, dont il aura soin de donner des Mémoires.' *Lettres de Sévigné*, vol. iii. p. 362. Сравните *Eloge de Valincourt*, в "*Приключениях Фонтенеля*", т. vi. стр. 383; и *Письма Хьюза*, изд. 1773, т. ii. стр. 74, 75.

[848] Бернет рассказывает об этом с восхитительной простотой: 'Другие, скорее всего, думали, что король, услышав, что я занимаюсь историей, решил привлечь меня писать на его стороне. Мне сказали, что мне будет предложена пенсия. Но я не предпринял никаких шагов к этому; ибо, хотя мне была предложена аудиенция у короля, я отказался от нее, поскольку не мог иметь чести быть представленным этому королю министром Англии.' *Собственное время Бернета*, том ii. стр. 385.

[849] В течение многих лет он пользовался большой репутацией; и нет истории, написанной в тот период, в отношении которой Ле Лонг приводит так много подробностей. See his *Bibliothèque Historique de la France*, vol. ii. pp. 13, 14. Compare *La Bibliothèque de Leber*, vol. ii. p. 110, Paris, 1839.

[850] Оидджье, *Происхождение Франсуа*, Париж, 1676 г., том i, стр. 5. Смотрите также стр. 45, где он поздравляет себя с тем, что первым прояснил историю Сиговезе.

[851] *Audigier*, том i, стр. 7. Другие антиквары использовали ту же нелепую этимологию. Смотрите заметку в книге Кембла "*Саксы в Англии*", том i, стр. 41.

[852] 'Or le plus ancien Jupiter, le plus ancien Neptune, et le plus ancien Pluton, sont ceux de Gaule; ils la divisèrent les premiers en Celtique, Aquitaine et Belgique, et obtinrent chacun une de ces parties en partage. Jupiter, qu'on fait régner au ciel, eut la Celtique.... Neptune, qu'on fait régner sur les eaux, et sur les mers, eut l'Aquitaine, qui n'est appelée de la sorte qu'à cause de l'abondance de ses eaux, et de la situation sur l'océan.' *Audigier, L'Origine des François*, vol. i. pp. 223, 224.

[853] Смотрите его аргументацию, том i, стр. 216, 217, начинающуюся словами "имя Ноэ, как портрет галат, это Галлус"; и сравните том ii, стр. 109, где он выражает удивление по поводу того, что предыдущим авторам так мало следовало сделать для установления этого очевидного происхождения французского.

[854] *Audigier*, том i. стр. 196, 197, 255, 256.

[855] 'Voilà donc les anciennes divinités d'Europe, originaires de Gaule, aussi bien que les beaux arts et les hautes sciences.' *Audigier*, том i, стр. 234.

[856] Там же. том i. стр. 73, 74. He sums up, 'c'en est assez pour relever l'Anjou, à qui cette gloire appartient légitimement.'

[857] Том i. стр. 265, 266.

[858] Том i. стр. 149.

[859] Том ii. стр. 179, 180.

[860] Том ii. стр. 269.

[861] Том ii. стр. 124.

[862] Том ii. стр. 451-454.

[863] 'A quoy nous pourrions joindre un autre monument fort authentique, c'est le résultat de certains pères, et de certains docteurs de l'église, qui tiennent que l'Ante-christ ne viendra point au monde qu'après la dissection, c'est-à-dire après la dissipation de nostre empire. Leur fondement est dans la seconde épître de saint Paul aux Thessaloniens.' *Audigier*, том ii. стр. 462.

[864] Это мнение мистера Халлама относительно "Истории разновидностей протестантских церквей" Боссюэта. *Константа. История*. том i. стр. 486: сравните *Лерминье, Философ. du Droit*, том ii. стр. 86. Протестантские теологи предпринимали попытки возразить католикам на аргументы Боссюэ на том основании, что религиозные различия являются необходимым следствием честного поиска религиозной истины. См. "*Доказательства против католицизма*" *Бланко Уайта*, стр. 109-112; и его *Письма из Испании, Добладо*, стр. 127. С этим я полностью согласен; но было бы легко показать, что этот аргумент фатален для всех церковных систем со строго определенными вероучениями и, следовательно, наносит такой же сильный удар по протестантским церквям, как и по католическим. Босбр в своей острой и ученой работе о манихействе, по-видимому, почувствовал это; и он делает опасное признание: 'В качестве аргумента месье де Мо Квельк предпочел противодействие Преобразованию, или мнимую силу противодействию христианству'. *Исм. de Manichée*, vol. i. p. 526. О Боссюэ как полемисте см. *Stäudlin, Geschichte der theologischen Wissenschaften*, т. ii. стр. 43-45; а мнение современников о его великой работе см. в характерном отрывке из *Писем Севинье*, т. v. стр. 409.

[865] Его метод справедливо изложен *Сисмонди, историком. des Français*, vol. xxv. p. 427.

[866] See, on this attempt of Bossuet's, some good remarks in *Stäudlin, Geschichte der theologischen Wissenschaften*, vol. ii. p. 198: 'Kirche und Christenthum sind für diesen Bischoff der Mittelpunkt der ganzen Geschichte. Aus diesem Gesichtspuncte betrachtet er nicht nur die Patriarchen und Propheten, das Judenthum und die alten Weissagungen, sondern auch die Reiche der Welt.'

[867] Боссюэ, *Беседы о всемирной истории*, стр. 10, 11, 16, 17; смотрите также на стр. 90 любопытный образец его хронологических расчетов.

[868] Он говорит, что если обычно принятые даты Пятикнижия и Пророков не соответствуют действительности, то чудеса должны произойти, а сами писания не богодухновенны. *История*.

Университет. стр. 360. Даже в работах Боссюэ трудно было бы найти более опрометчивое утверждение, чем это.

[869] Действительно, у евреев не было последовательной хронологии до Соломона. См. *Египет Бунзена*, том i. стр. viii. xxv. 170, 178, 185, том ii. стр. 399.

[870] Doing this, as they did everything else, on account, not of reason, but of dogma; for, as a learned writer says, 'l'Église a bien distingué certains livres en apocryphes et en orthodoxes; elle s'est prononcée d'une manière formelle sur le choix des ouvrages canoniques; néanmoins sa critique n'a jamais été fondée sur un examen raisonné, mais seulement sur la question de savoir si tel ou tel écrit était d'accord avec les dogmes qu'elle enseignait.' *Maury, Légendes Pieuses*, p. 224.

[871] Богословы всегда отличались точностью своих знаний по предметам, относительно которых ничего не известно; но никто из них не превзошел ученого доктора Стакли. В 1730 году этот выдающийся богослов пишет: 'Но согласно расчетам, которые я сделал по этому поводу, я нахожу, что Всемогуший Бог приказал Ною погрузить создания в ковчег в воскресенье 12 октября, в тот самый день осеннего равноденствия в том году; и в этот нынешний день, в следующую воскресную ночь (19 октября), началась эта ужасная катастрофа, поскольку луна миновала свою третью четверть'. *Иллюстрации Николса восемнадцатого века*, том ii. стр. 792.

[872] 'Premièrement, ces empires ont pour la plupart une liaison nécessaire avec l'histoire du peuple de Dieu. Dieu s'est servi des Assyriens et des Babyloniens pour châtier ce peuple; des Perses pour le rétablir; d'Alexandre et de ses premiers successeurs pour le protéger; d'Antiochus l'Illustre et de ses successeurs pour l'exercer; des Romains pour soutenir sa liberté contre les rois de Syrie, que ne songeaient qu'à le détruire.' *Боссюэ, Ист. Унив.* стр. 382. Вполне может сказать М. Лерминье (*Philos. du Droit*, vol. ii. p. 87), that Bossuet 'a sacrifié toutes les nations au peuple juif.'

[873] О необычайном и длительном невежестве евреев, вплоть до времен Апостолов, см. "*Прогресс интеллекта*" *Маккея*, том i, стр. 13 и далее; труд глубокого изучения.

[874] Первоначальная схема христианства, изложенная его Великим Автором (*Матфея* х. 6 и хв. 24), заключалась всего лишь в обращении евреев; и если бы доктрины Христа никогда не распространялись за пределы этого невежественного народа, они не смогли бы получить те модификации, которые навязала им философия. Вся эта тема превосходно обсуждается в *книге Маккея "Прогресс интеллекта в религиозном развитии"*, том ii, стр. 382 и далее; а об "универсализме", впервые ясно провозглашенном "эллинистом Стефаном", см. стр. 484. Неандер предпринимает заметную попытку обойти трудности, вызванные изменениями в христианстве, вызванными "различными внешними причинами": см. *Его Историю Церкви*, т. iii. стр. 125.

[875] Неандер (*Hist. о Церкви*, том ii, стр. 42) даже считает, что Керинф, взгляды которого примечательны тем, что являются точкой соприкосновения гностицизма и иудаизма, позаимствовал свою систему из Александрии. Но это, хотя и не маловероятно, по-видимому, основывается только на авторитете Феодорита. О влиянии александрийского платонизма на развитие идеи Логоса см. *Неандер*, том ii. стр. 304, 306-314. Сравните "*Историю Египта*" *Шарпа*, том ii. стр. 152 след.

[876] И, упоминая Климента Александрийского, который был более глубоко сведущ в александрийской философии, чем кто-либо из других отцов церкви, Боссюэ просто говорит,

стр. 98: "О людях, которые пришли в мое время, о святом претре Клемане Александрийском, изучающем древности язычества в поисках истины". конфондре".

[877] Примерно в то время, когда писал Боссюэ, один очень образованный писатель подсчитал, что площадь стран, исповедующих магометанство, на одну пятую превышала площадь стран, где верили в христианство. См. *Исследования Брервуда, касающиеся разнообразия языков и религий*, Лондон, 1674, стр. 144, 145. Оценка Саути (*Vindiciae Ecclesiae Anglicanae*, Лондон, 1826, стр. 48) очень расплывчата; но гораздо легче судить о масштабах мусульманских стран, чем о численности их населения. По этому последнему пункту у нас есть наиболее противоречивые утверждения. В девятнадцатом веке, согласно Шарон Тернер (*Hist. из Англии*, том iii. стр. 485, изд. 1839), восемьдесят миллионов мусульман; по словам доктора Эллиотсона (*Физиология человека*, стр. 1055, изд. 1840), более ста двадцати двух миллионов; в то время как, по словам мистера Уилкина (примечание в "Трудах сэра Томаса Брауна", том ii. стр. 37, изд. 1835), их сто восемьдесят восемь миллионов.

[878] 'Лже-пророческая донна, победившая в ходе марковской миссии'. Боссюэ, стр. 125.

[879] Величайшие мусульманские писатели всегда выражали представления о Божестве более возвышенные, чем те, которыми обладает большинство христиан. В Коране содержатся благородные пассажи о единстве Бога; а для изложения взглядов их обычных богословов я могу сослаться на интересную мусульманскую проповедь в *Трудах Бомбейского общества*, т. i, стр. 146-158. Смотрите также, в т. iii, стр. 398-448, Эссе Вэнса Кеннеди; и сравните замечательный отрывок, учитывая круг, из которого он взят, в "Автобиографии императора Джехангира", стр. 44. Тем, кто настолько легкомыслен, что считает Мухаммеда лицемером, лучше изучить замечательные замечания М. Конта (*Philos. Pos. vol. v. pp. 76, 77*), who truly says, 'qu'un homme vraiment supérieur n'a jamais pu exercer aucune grande action sur ses semblables sans être d'abord lui-même intimement convaincu.'

[880] 'Saint Martin fut fait évêque de Tours, et remplit tout l'univers du bruit de sa sainteté et de ses miracles, durant sa vie, et après sa mort.' Боссюэ, *Ист. Унив.* стр. 111.

[881] Бенедиктинцы написали жизнеописание Мартина в своей *Истории. de la France*, том i. часть ii. стр. 413-417, Париж, 1733, 4то. They say that he erected the first monastery in Gaul: 'Martin, toujours passionné pour la solitude, érigea un monastère qui fut le premier que l'on eût encore vû dans les Gaules,' p. 414. На стр. 415 они делают ненужное признание, что точка зрения святого на авуа 'изучение наук профанов'. Я могу добавить, что чудеса Мартена описаны Флери, который, очевидно, верит, что они действительно были совершены. *Флери, История. Ecclésiastique*, livre xvi. no. 31, vol. iv. pp. 215-217, Paris, 1758, 12мо. Неандер, обладающий преимуществом жить на сто лет позже Флери, довольствуется тем, что говорит: "почитание его эпохи сделало его творцом чудес". *История. церкви*, том iv. стр. 494. В книге *Мосхейма Eccles* есть характерный анекдот о нем от Сульпития Севера. *История.* том i. стр. 123.

[882] На стр. 479, 480 Боссюэ дает своего рода краткое изложение своих исторических принципов; и если они верны, то историю, очевидно, невозможно написать. По этому поводу, хотя я и полностью признаю гениальность Боссюэ, я не могу согласиться с замечаниями, сделанными о нем г-ном Контом, *философом. Поз.* т. iv. с. 280, т. vi. с. 316, 317.

[883] И затем, как хорошо сказал М. Шарль Конт, они называют это предубеждение своим моральным чувством или своим моральным инстинктом. *Comte, Traité de Législation*, vol. i. p. 116.

[884] Связь между мнениями Боссюэ и деспотизмом Людовика XIV. этого коснулся Монлозье, который, однако, вероятно, придал слишком большое значение влиянию, которое гражданское право оказывало на обоих. *Montlosier, Monarchie Française*, vol. ii. p. 90.

[885] Он принадлежал к классу историков, описанных знаменитым писателем одним предложением: 'дань уважения человеку, паразитирующему на великой душе, человеку, который любит маленьких'. *Tocqueville, Démocratie*, vol. iv. p. 139.

[886] Вряд ли кому-либо, знакомому с трудами и историей Боссюэ, понадобятся доказательства его исключительного высокомерия. Но читатель может обратиться к *Сисмонди, Hist. des Franç.* vol. xxvi. с. 247; а о его обращении с Фенелоном, которое было самым постыдным поступком в его жизни, сравните "Собственное время Бернета", т. iv. с. 384, с "Людовиком XIV" Капефига, т. ii. с. 58; где напечатана одна из многих эпиграмм, к появлению которых привело поведение Боссюэ..

[887] Он говорит, что написал это в 1728 году. *Œuvres de Voltaire*, vol. xxii. стр. 5, но, согласно М. Лепану (*Жизнь Вольтера*, стр. 382), "il parut en 1731". Оба утверждения могут быть точными, поскольку Вольтер часто хранил свои работы в течение некоторого времени в рукописи.

[888] Сэр А. Элисон, которого, безусловно, нельзя обвинить в недостатке уважения к военным завоевателям, говорит о Швеции: 'попытка Карла XII вовлечь ее в длительные и изнурительные войны настолько полностью истощила ресурсы страны, что они не восстанавливали потери в течение полувека'. *История. Европы*, том x. стр. 504. Смотрите также, о последствиях призывов Карла XII, "*Швеция Лэйнга*", стр. 59; *Кох, "Таблица революций"*, том ii. стр. 63; и, прежде всего, любопытный отрывок из "*Дюкло*", *Воспоминания. Секреты*, том i. стр. 448. Несколько солдат Карла XII. попавших в плен, отправили в Сибирь, где Белл присоединился к ним в начале восемнадцатого века. *Путешествия Белла по Азии*, изд. Edinb. 1788, т. i. стр. 223-224.

[889] 'Charles XII, l'homme le plus extraordinaire peut-être qui ait jamais été sur la terre, qui a réuni en lui toutes les grandes qualités de ses aïeux, et qui n'a eu d'autre défaut ni d'autre malheur que de les avoir toutes outrées.' *Хучм. de Charles XII*, livre i., in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxii. с. 30.

[890] "Почетный работник". Там же. in *Œuvres*, vol. xxii. с. 63.

[891] Которую Берк не без справедливости сравнивает с убийством Мональдески Кристиной. *Сочинения Берка*, том i, стр. 412. См. Некоторые замечания об убийстве Паткуля в *Vattel, Droit des Gens*, том i, стр. 230; и отчет об этом от шведских властей в *Somers Tracts*, том I. xiii. стр. 879-881. Версию Вольтера см. в его *Произведениях*, т. xxii. стр. 136, 137; который можно сравнить с *Историей Скандинавии Крайтона и Уитона*, Edinb. 1838, т. ii. стр. 127.

[892] *Произведения Вольтера*, том. xxii. стр. 250-260. Некоторым людям может быть интересно услышать, что носилки, на которых этого сумасшедшего 'вынесли из битвы при Пултаве', до сих пор хранятся в Москве. *Россия Коля*, стр. 220. Это также видел М. Кюстин. *Россия Кюстина*, том iii. стр. 263.

[893] 'Sa modestie ne put empêcher qu'on ne frappât à Stockholm plusieurs médailles pour perpétuer la mémoire de ces événements.' *Charles XII*, livre ii., in *Œuvres*, vol. xxii. с. 70.

[894] Даже некоторые из его географических сведений считаются неточными. Сравните *Villemain, Litterature au XVIIIe Siècle*, том ii. стр. 33, с книгой Коля "*Россия*", стр. 505. Однако, как

говорит М. Вильмен, так должно быть всегда, когда писатели, которые знают страну только по картам, пытаются вдаваться в подробности, касающиеся военной географии. Что касается стиля, то его нельзя слишком высоко оценить; и известный критик Лакратель называет его 'моделью и дополнением к повествованию, которое существует на нотр-дамском языке'. *Lacretelle, Dix-huitième Siècle*, том ii. стр. 42. В 1843 году он все еще использовался в качестве учебника во французских королевских колледжах. См. *Отчет об образовании во Франции* в *Journal of Stat. Soc.*, том vi. стр. 308. Дополнительную информацию об этой работе можно найти в *Longchamp et Wagnière, Мемуарах о Вольтере*, т. ii. стр. 494; и в *Мемуарах о Женлисе*, т. viii. с. 224, т. x. с. 304.

[895] Из переписки Вольтера очевидно, что впоследствии ему стало несколько стыдно за похвалы, которыми он осыпал Карла XII. In 1735, he writes to De Formont, 'si Charles XII n'avait pas été excessivement grand, malheureux, et fou, je me serais bien donné de garde de parler de lui.' *Œuvres de Voltaire*, vol. lvi. p. 462. In 1758, advancing still further, he says of Charles, 'voilà, monsieur, ce que les hommes de tous les temps et de tous les pays appellent un héros; mais c'est le vulgaire de tous les temps et de tous les pays qui donne ce nom à la soif du carnage.' Там же. том ix. стр. 411. В 1759 году он пишет, что в то время занимался историей Петра Великого: "может быть, я и вправду был таким забавным для австралийца, как жизнь Карла XII; почему Пьер не является экстраординарным мудрецом, и Шарль не является экстраординарным человеком, как он сражался, комментатор Дон Кихот, против муленов". Т. lxi. стр. 23; см. Также стр. 350. Эти отрывки доказывают постоянный прогресс, которого добивался Вольтер в своей концепции того, какой должна быть история и какова ее польза.

[896] В 1741 году он упоминает о своей растущей любви к истории. *Соответствует.* in *Œuvres de Voltaire*, vol. li. p. 96.

[897] Лорд Броэм в своей книге "Жизнь Вольтера" говорит, что она появилась в 1751 году. *Жизнеописания литераторов*, том i, стр. 106. Но 1752 год - это дата, указанная в *Buor. Univ.* xlix. 478; в *Quérard, France Lit.* т. x. стр. 355; и в *Lepan, Vie de Voltaire*, стр. 382.

[898] 'On veut essayer de peindre à la postérité, non les actions d'un seul homme, mais l'esprit des hommes dans le siècle le plus éclairé qui fut jamais.' *Siècle de Louis XIV*, in *Œuvres de Voltaire*, vol. xix. p. 213. И в своей переписке, касающейся его работы над "Людовиком XIV", он тщательно проводит то же различие. См. т. lvi. стр. 453, 488, 489, 500, том. lvii. стр. 337, 342-344, т. 1. с. 103.

[899] Chap. xxix., in *Œuvres de Voltaire*, vol. xx. pp. 234-267.

[900] Глава xxx., в *трудах*, том xx. стр. 267-291. Эта глава получила высокую оценку в "*Истории государственных доходов*" Синклера, том iii. приложение, стр. 77; безразличная работа, но лучшее, что у нас есть по тому важному предмету, к которому она относится.

[901] Глава xxxi., в *изданиях*, том xx. стр. 291-299; обязательно очень короткая глава из-за нехватки материалов.

[902] Главы с xxxii по xxxiv, в *трудах*, том xx. стр. 299-338.

[903] *Труды*, том xx. стр. 338-464.

[904] Это расположение в пользу Людовика XIV. на это обращает внимание Кондорсе, который говорит, что это было единственное раннее предубеждение, от которого Вольтер не смог

избавиться: "Это и есть главное предубеждение к нашей жене, которая остается консервативной". Кондорсе, *Жизнь Вольтера*, в *Трудах Вольтера*, т. i, стр. 286. Смотрите также об этом дефекте, Гримм и Дидро, *Соответственно. Lit. vol. ii. p. 182*; Lemontey, *Etablissement Monarchique*, pp. 451, 452; *Mém. de Brissot*, vol. ii. pp. 88, 89. Интересно отметить, что более ранние мнения Вольтера были все же более благоприятны Людовику XIV. чем те, которые он впоследствии выразил в своей истории. Смотрите письмо, которое он написал в 1740 году лорду Харви, напечатанное в *"Произведениях Вольтера"*, том. lviii. стр. 57-63.

[905] Мистер Бертон в своей интересной работе *"Жизнь и переписка Юма"*, том ii, стр. 129, говорит, что она была "впервые опубликована в 1756 году"; и та же дата указана Кера (*France Littéraire*, том x, стр. 359), который является очень точным библиографом; так что Кондорсе (*"Жизнь Вольтера"*, стр. 199) и лорд Броэм (*"Литераторы"*, том i, стр. 98), вероятно, ошибочно относят его к 1757 году. Что касается его названия, я перевожу 'MœUrs' как 'мораль и манеры', поскольку М. Токвиль использует 'mursurs' как эквивалент латинского слова 'mores'. Tocqueville, *Démocratie en Amérique*, vol. iii. pp. 50, 84.

[906] Поверхностные писатели настолько привыкли называть Вольтера поверхностным, что нелишне заметить, что его точность была высоко оценена не только его соотечественниками, но и несколькими английскими авторами признанной учености. Три замечательных примера этого от людей, которых никто не обвинит в склонении к другим его мнениям, см. в *Примечаниях к Карлу V. в работах Робертсона*, стр. 431, 432; в *Замечаниях Баррингтона о статутах*, стр. 293; и в *"Истории английской поэзии" Уортона*, т. i, стр. XVI. Даже сэр У. Джонс в своем предисловии к *"Жизни Надер-шаха"* говорит, что Вольтер - "лучший историк", которого когда-либо создавали французы. *Труды сэра Уильяма Джонса*, т. v., стр. 542; и сравните предисловие к его *персидской грамматике*, в *Трудах*, т. ii. стр. 123.

[907] 'Je voudrais découvrir quelle était alors la société des hommes, comment on vivait dans l'intérieur des familles, quels arts étaient cultivés, plutôt que de répéter tant de malheurs et tant de combats, funestes objets de l'histoire, et lieux communs de la méchanceté humaine.' *Essai sur les Mœurs*, chap. lxxxi., in *Œuvres*, vol. xvi. p. 381.

[908] 'L'objet était l'histoire de l'esprit humain, et non pas le détail des faits presque toujours défigurés; il ne s'agissait pas de rechercher, par exemple, de quelle famille était le seigneur de Puiset, ou le seigneur de Montlheri, qui firent la guerre à des rois de France; mais de voir par quels degrés on est parvenu de la rusticité barbare de ces temps à la politesse du nôtre.' *Supplement to Essai sur les Mœurs*, in *Œuvres*, vol. xviii. c. 435. Сравните *Фрагменты из истории*, т. xxvii. c. 214, с двумя письмами в т. ix. стр. 153, 154, т. lxxv. c. 370.

[909] Малле, хотя и родился в Женеве, по складу ума был французом: он писал по-французски и причислен к французским историкам в отчете, представленном Институту Наполеону. *Dacier, Rapport sur les Progrès de l'Histoire*, p. 173.

[910] Гете в своей автобиографии упоминает о своих обязательствах перед этой работой, которая, как я подозреваю, оказала значительное влияние на ранние ассоциации в его сознании: 'Ich hatte die Fabeln der Edda schon längst aus der Vorrede zu Mallet's Dänischer Geschichte kennen gelernt, und mich derselben sogleich bemächtigt; sie gehörten unter diejenigen Märchen, die ich, von einer Gesellschaft aufgefordert, am liebsten erzählte.' *Wahrheit u. Dichtung*, in *Goethe's Werke*, vol. ii. part ii. p. 169. Перси, очень справедливый судья, высоко оценил историю

Маллета, часть которой он действительно перевел. Смотрите его письмо в книге *Николса "Иллюстрации восемнадцатого века"*, том vii. стр. 719.

[911] *Mallet's Northern Antiquities* Блэкелл, 1847, стр. 78.

[912] Первые два тома были опубликованы в 1765 году; два других - в 1790 году. *Биог. Университет*. том. xxvi. стр. 9, 12.

[913], *Возможно, Наблюдаем. сюр-л'Хист. de France*, том i, стр. ii.; и сравните том iii, стр. 289: но этот последний отрывок был написан несколькими годами позже.

[914] 'Bornés à nous apprendre les victoires ou les défaites du souverain, ils ne nous disent rien ou presque rien des peuples qu'il a rendus heureux ou malheureux. On ne trouve dans leurs écrits que longues descriptions de sièges et de batailles; nulle mention des mœurs et de l'esprit de la nation. Elle y est presque toujours sacrifiée à un seul homme.' *История Франции по частям*, Париж, 1770, 4то, т. i, стр. 6; и смотрите, с той же целью, *Продолжение Вилларе*, т. v., стр. vi.

[915] 'Si l'histoire que j'écris n'est ni militaire, ni politique, ni économique, du moins dans le sens que je conçois pour ces différentes parties, on me demandera quelle est donc celle que je me propose d'écrire. C'est l'histoire des hommes et des mœurs.' *Дюкло, Людовик XIV и Людовик XV*, том i, стр. xxv.

[916] 'Je voulois connoître nos loix, nos mœurs, et tout ce qui est l'âme de l'histoire, ou plutôt l'histoire même.' *Hénault, Nouvel Abrégé chronologique de l'Histoire de France*, edit. Париж, 1775, том i. p. i.

[917] In 1763, he writes to D'Argental: 'il y a environ douze batailles dont je n'ai point parlé, Dieu merci, parceque j'écris l'histoire de l'esprit humain, et non une gazette.' *Œuvres de Voltaire*, vol. lxiii. p. 51. See also his letter to Tabareau (*Lettres inédites de Voltaire*, vol. ii. p. 585): 'Personne ne lit les détails des combats et des sièges; rien n'est plus ennuyeux que la droite et la gauche, les bastions et la contrescarpe.'

[918] M. Lamartine characterizes him as 'ce génie non pas le plus haut, mais le plus vaste de la France.' *Исм. des Girondins*, vol. i. p. 180.

[919] *Биография. Университет*. том. xlix. стр. 493. Его *Орфелин из Кутая* взят из китайских источников: см. *"Китай Дэвиса"*, том ii. стр. 258.

[920] Об удивительной разносторонности ума Вольтера свидетельствует тот факт, не имеющий аналогов в литературе, что он был одинаково велик как драматический писатель и как историк. М-р Форстер в своей замечательной книге *"Жизнь Голдсмита"*, 1854, говорит (том i, стр. 119): 'Высокое мнение Грея о трагедиях Вольтера разделяет один из ныне живущих наших величайших авторитетов в этом вопросе, сэр Эдвард Бульвер Литтон, от которого я часто слышал, что он утверждает заметное превосходство Вольтера над всеми своими соотечественниками в знании драматического искусства и способности производить театральные эффекты'. Сравните *переписку Грея и Мейсона*, редактировать. Митфорд, 1855, стр. 44.

[921] *Эссе о мире*, глава. lxxxv., в *Трудах*, т. xvi. стр. 412, и в других местах.

[922] В течение восемнадцатого века и, могу сказать, до публикации в 1818 году "Средних веков" Халлама на английском языке не было всеобъемлющего описания феодальной системы; если, возможно, не считать того, что дано Робертсоном, который в этом, как и во многих других вопросах истории, был учеником Вольтера. Не только Дэлримпл и писатели его круга, но даже Блэкстоун придерживались столь узкого взгляда на этот великий институт, что не могли связать его с общим состоянием общества, к которому он принадлежал. Некоторые из наших историков серьезно отнесли это к Моисею, в законах которого они нашли происхождение аллодиальных земель. Посмотрите очаровательный отрывок из *"Истории Оркнейских островов"* Барри, стр. 219. О духе феодализма есть несколько замечаний, которые стоит прочитать в книге *"Граф философ"*. Положение. т. v. стр. 393-413.

[923] Constant, in his work on Roman polytheism, says, 'des rites indécens peuvent être pratiqués par un peuple religieux avec une grande pureté de cœur. Mais quand l'incrédulité atteint ces peuples, ces rites sont pour lui la cause et le prétexte de la plus révoltante corruption.' Этот отрывок цитирует мистер Милман, который называет его 'чрезвычайно глубоким и справедливым'. *История христианства Мильмана*, 1840, том i, стр. 28. И это так - чрезвычайно глубоко и справедливо. Но случилось так, что точно такое же замечание было сделано Вольтером, примерно в то же время, когда родился Констант. Говоря о поклонении Приапу, он говорит (*Очерки из жизни*, глава. cxliii. in *Œuvres de Voltaire*, vol. xvii. p. 341), 'nos idées de bienséance nous portent à croire qu'une cérémonie qui nous paraît si infâme n'a été inventée que par la débauche; mais il n'est guère croyable que la dépravation des mœurs ait jamais chez aucun peuple établi des cérémonies religieuses. Il est probable, au contraire, que cette coutume fut d'abord introduite dans les temps de simplicité, et qu'on ne pensa d'abord qu'à honorer la Divinité dans le symbole de la vie qu'elle nous a donnée. Une telle cérémonie a dû inspirer la licence à la jeunesse, et paraître ridicule aux esprits sages, dans les temps plus raffinés, plus corrompus, et plus éclairés.' Сравните замечания о непристойности спартанских обычаев в *"Истории Греции"* Терлуолла, т. i. стр. 326, 327.

[924] *Очерки мира*, главы xiv. и xxxi., в *Трудах*, т. xv. стр. 391, 514. Неандер замечает, что в греческой церкви было больше ересей, чем в латинской, потому что греки больше думали; но он не смог понять, насколько это благоприятствовало авторитету пап. *История церкви Неандера*, том ii. стр. 198, 199, том iii. стр. 191, 492, том iv. стр. 90, том vi. стр. 293, том iii. viii. с. 257.

[925] В своем отчете о торговле архангельском он говорит: 'англичане лишены привилегий коммерсанта без права плательщика; и это единственный способ привлечь к себе внимание народов, отличающихся от других народов'. *Хусм. de Russie*, part i. chap. i., in *Œuvres*, vol. xxiii. стр. 35. Замечательные слова были написаны французом, родившимся в конце семнадцатого века; и все же они, насколько мне известно, ускользнули от внимания всех историков политической экономии. Действительно, в этом, как и в большинстве других вопросов, не было отдано достаточной справедливости Вольтеру, чьи мнения были более точными, чем мнения Кенэ и его последователей. Однако мистер Мак-Каллох, отмечая одну из экономических ошибок Вольтера, честно признает, что его 'мнения по этим предметам, по большей части, очень правильны'. *Принципы политической экономии Мак-Каллоха*, стр. 530. Чтобы доказать его симпатию к усилиям Тюрго по установлению свободной торговли, сравните *"Литературные труды Вольтера"*, том ii, стр. 367, 403, 423, с *"Лонгчемпом"*, *"Воспоминаниями о Вольтере"*, том i, стр. 376, 378.

[926] 'Идея различных соотношений, при которых увеличивается численность населения и продовольствие, первоначально была выдвинута Вольтером; и была подхвачена и расширена во многих хороших томах нашими английскими политэкономистами в нынешнем столетии'. *Заметки Лэйнга*, вторая серия, стр. 42.

[927] Часто говорят, что Мальтус был обязан трудам Таунсенда своими взглядами на народонаселение; но это обязательство было заявлено слишком строго, как, впрочем, всегда бывает, когда против великих работ выдвигаются обвинения в плагиате. Тем не менее, Таунсенда следует рассматривать как предшественника Мальтуса; и если читателю интересно проследить происхождение идей, он найдет несколько интересных экономических замечаний в *"Путешествии Таунсенда по Испании"*, т. i. стр. 379, 383, т. ii. стр. 85, 337, 387-393; которые следует сравнить с *"Литературой политической экономии" Мак-Каллоха*, стр. 259, 281-3. Вольтер, опередивший этих авторов, конечно, впадал в ошибки, которых они избежали; но ничто не может быть лучше, чем способ, которым он выступает против невежественной веры своего времени в то, что все должно быть сделано для увеличения численности населения. 'Le point principal n'est pas d'avoir du superflu en hommes, mais de rendre ce que nous en avons le moins malheureux qu'il est possible,' is the summing-up of his able remarks, in *Dict. Philos.*, статья о *населении*, раздел 2, в *Трудах*, том xli. стр. 466. Годвин, в своем обзоре истории этих мнений, очевидно, ничего не знает о том, что было сделано Вольтером. *Переписка Синклера*. том i, стр. 396.

[928] За единственным исключением Порсона, ни один из великих английских ученых не оценил красоты своего родного языка; и многие из них, такие как Парр (во всех его работах) и Бентли (в его безумном издании Мильтона), сделали все, что было в их силах, чтобы исказить его. И не может быть никаких сомнений в том, что основная причина, по которой хорошо образованные женщины пишут и беседуют более чистым стилем, чем хорошо образованные мужчины, заключается в том, что они не сформировали свой вкус в соответствии с теми древними классическими стандартами, которые, какими бы замечательными они ни были сами по себе, никогда не должны вводиться в неподходящее для них состояние общества. К этому можно добавить, что Коббет, самый колоритный и идиоматичный из всех наших писателей, и Эрскин, безусловно, величайший из наших судебных ораторов, почти ничего не знали ни о каком древнем языке; и то же наблюдение применимо к Шекспиру. О предполагаемой связи между улучшением вкуса и изучением классических моделей есть несколько замечаний, заслуживающих внимания, в книге Рея *"Теория и практика социальной науки"*, том i, стр. 98-101.

[929] 'Мы можем лучше всего судить по иезуитской ярости, с которой его преследовали, насколько превосходно он обрисовал слабости и самонадеянность толкователей древних, которые блистали в школах и академиях и приобрели большую репутацию благодаря своей разнообразной и обильно демонстрируемой учености'. *"Восемнадцатый век" Шлоссера*, том i, стр. 120. На стр. 270 М. Шлоссер говорит: "И только человек с остроумием и талантами Вольтера мог пролить свет совершенно новой критики на тьму этих жадных и коллекционирующих педантов".

[930] 'C'est l'imagination seule qui a écrit les premières histoires. Non seulement chaque peuple inventa son origine, mais il inventa aussi l'origine du monde entier.' *Диктант. Филос. article Histoire*, sec. 2, in *Œuvres*, vol. xl. p. 195. Смотрите также его статью о хронологии, т. xxxviii. стр.

77, за применение этого к истории Рима, где он говорит: 'Вы живете в авангарде ужаса, когда будете жить вместе с Ромулом, комментирующим сына претенду регну'. И в vol. xxxvi. p. 86, 'tous les peuples se sont attribués des origines imaginaires; et aucun n'a touché à la véritable.'

[931] 'Qu'on fasse attention que la république romaine a été cinq cents ans sans historiens; que Tite Live lui-même déplore la perte des autres monuments qui périrent presque tous dans l'incendie de Rome,' &c. *Dict. Philos.* in *Œuvres*, vol. xl. p. 202. At p. 188, 'ce peuple, si récent en comparaison des nations asiatiques, a été cinq cents années sans historiens. Ainsi, il n'est pas surprenant que Romulus ait été le fils de Mars, qu'une louve ait été sa nourrice, qu'il ait marché avec mille hommes de son village de Rome contre vingt-cinq mille combattants du village des Sabins.'

[932] 'Par quel excès de démente, par quel opiniâtreté absurde, tant de compilateurs ont-ils voulu prouver dans tant de volumes énormes, qu'une fête publique établie en mémoire d'un événement était une démonstration de la vérité de cet événement?' *Essai sur les Mœurs*, in *Œuvres*, vol. xv. p. 109. См. также то же замечание, применимое к памятникам, в гл. cxvii., *Œuvres*, vol. xviii. стр. 412-414; и снова в т. xl. стр. 203, 204.

[933] 'La plupart des histoires out été crues sans examen, et cette créance est un préjugé. Fabius Pictor raconte que, plusieurs siècles avant lui, une vestale de la ville d'Albe, allant puiser de l'eau dans sa cruche, fut violée, qu'elle accoucha de Romulus et de Rémus, qu'ils furent nourris par une louve, etc. Le peuple romain crut cette fable; il n'examina point si dans ce temps-là il y avait des vestales dans le Latium, s'il était vraisemblable que la fille d'un roi sortît de son couvent avec sa cruche, s'il était probable qu'une louve allaitât deux enfants au lieu de les manger; le préjugé s'établit.' *Диктант. Философ. article Préjugés*, in *Œuvres*, vol. xli. pp. 488, 489.

[934] 'Les amateurs du merveilleux disaient: Il faut bien que ces faits soient vrais, puisque tant de monuments en sont la preuve. Et nous disions: Il faut bien qu'ils soient faux, puisque le vulgaire les a crus. Une fable a quelque cours dans une génération; elle s'établit dans la seconde; elle devient respectable dans la troisième; la quatrième lui élève des temples.' *Fragments sur l'Histoire*, article i. in *Œuvres*, vol. xxvii. стр. 158, 159.

[935] В этом случае, как и во многих других, невежество было усилено фанатизмом; ибо, как справедливо сказал лорд Кэмпбелл о Вольтере, 'со времен Французской революции огульное оскорбление этого автора было в Англии испытанием ортодоксальности и лояльности'. *Главные судьи Кэмпбелла*, том ii. стр. 335. Действительно, общественное мнение настолько сильно было предубеждено против этого великого человека, что до тех пор, пока несколько лет назад лорд Броэм не опубликовал его жизнеописание, на английском языке не было ни одной книги, содержащей хотя бы сносный рассказ об одном из самых влиятельных писателей, когда-либо созданных Францией. Это произведение лорда Броэма, хотя и посредственное в исполнении, по крайней мере, честное, и, поскольку оно гармонирует с общим духом нашего времени, оно, вероятно, имело значительный вес. В ней он говорит о Вольтере: 'и нельзя назвать никого со времен Лютера, кому дух свободного исследования, более того, освобождение человеческого разума от духовной тирании, были бы более признательны'. "*Жизнь Вольтера*" Броэма, стр. 132. Несомненно, что чем лучше будет понята история восемнадцатого века, тем больше возрастет репутация Вольтера, как это было ясно предвидено знаменитым писателем почти поколение назад. В 1831 году Лерминье написал эти замечательные и, как показал результат, пророческие слова: 'Есть ли время для возрождения чувств плюс уважение к воспоминаниям Вольтера ... Voltaire a fait pour la France ce que Leibnitz a fait pour l'Allemagne; pendant trois-quarts de siècle il a

représenté son pays, puissant à la manière de Luther et de Napoléon; il est destiné à survivre a bien des gloires, et je plains ceux qui se sont oubliés jusqu'à laisser tomber des paroles dédaigneuses sur le génie de cet homme.' *Lerminier, Philosophie du Droit*, vol. i. p. 199. Сравните восторженный панегирик в "*Лонгшан и Вагньер*", "*Воспоминания о Вольтере*", том ii, стр. 388, 389, с замечаниями Сен-Ламбера в "*Воспоминаниях д'Эпине*", том i, стр. 263.

[936] "*Жизнь Монтескье*", стр. xiv, с приставкой к его работам.

[937] До Монтескье единственными великими мыслителями, которые действительно изучали римскую историю, были Макиавелли и Вико: но Макиавелли не пытался сделать ничего, приближающегося к обобщениям Монтескье, и, более того, он страдал серьезным недостатком чрезмерной озабоченности практической пользой своего предмета. Вико, чей гений был, возможно, даже более обширен, чем гений Монтескье, вряд ли можно считать его соперником; ибо, хотя его *Новая наука* содержит самые глубокие взгляды на древнюю историю, они представляют собой скорее проблески истины, чем систематическое исследование какого-либо одного периода.

[938] Который Гизо (*Цивилизация во Франции*, том iv, стр. 36) в своих замечаниях о *Духе Лоис* не принимает во внимание в достаточной степени. Более справедливую оценку Монтескье можно найти у кузена, *Hist. de la Philosophie*, часть ii. том i. стр. 182; и в Конте, *Позитивная философия*, том iv. стр. 243-252, 261. Сравните *Шарля Конта, Трактат о легислатуре*, том i, стр. 125, с Мейером, *Духом судебных институтов*, том i, стр. lxi., посвященным обширным нововведениям, которые он ввел.

[939] Он говорит об императоре Максимине: 'Я буду твоим сыном среди солдат. Les deux premiers Gordiens périrent en Afrique. Maxime, Balbin, et le troisième Gordien furent massacrés.' *Grandeur et Décadence des Romains*, chap. xvi., in *Œuvres de Montesquieu*, p. 167.

[940] Там же. chap. xi., in *Œuvres de Montesquieu*, pp. 149-153. Сравните аналогичное замечание, касающееся Карла XII, в *Духе Луи*, livre x. глава xiii. xiii. *Œuvres*, p. 260.

[941] О разнице между причиной и поводом см. *Величие и упадок*. глава i, стр. 126.

[942] 'Il y a des causes générales, soit morales, soit physiques, qui agissent dans chaque monarchie, l'élèvent, la maintiennent, ou la précipitent; tous les accidents sont soumis à ces causes; et si le hasard d'une bataille, c'est-à-dire une cause particulière, a ruiné un état, il y avoit une cause générale qui faisoit que cet état devoit périr par une seule bataille. En un mot, l'allure principale entraîne avec elle tous les accidente particuliers.' *Великолепно. et Décad. des Romains*, chap. xviii. c. 172.

[943] О *Духе Луи*, книги с xiv по xviii. включительно; в *Трудах*, стр. 300-336.

[944] Там же. livre xxiii. глава xiii. стр. 395. Compare *Burdach, Traité de Physiologie*, vol. ii. p. 116.

[945] Там же. глава XVI. глава iv. и глава xxiii. глава xii. стр. 317, 395.

[946] Там же. livre xiv. chap. ii., livre xvii. глава ii. и в других местах.

[947] О высшей важности метода читайте в моей защите Биша в следующей главе.

[948] Насколько совершенно бесполезным это было с точки зрения результатов, видно из того факта, что спустя сто лет после того, как он написал, мы, со всеми нашими возросшими

знаниями, не можем ничего положительно утверждать относительно прямого воздействия климата, пищи и почвы на изменение характера человека; хотя, я надеюсь, во второй главе этого Введения появилось, что кое-что можно установить относительно их косвенного действия, то есть их воздействия на умы людей через социальную и экономическую организацию.

[949] 'Il a créé en 1750 la philosophie de l'histoire dans ses deux discours prononcés en Sorbonne.' Кузен, *Ист. de la Philosophie*, I. série, vol. i. p. 147. Краткое описание этих поразительных постановок есть в "Кондорсе", "Жизнь Тюрго", стр. 11-16.

[950] Nothing can be better than his summary of this vast conception: 'Tous les ages sont enchaînés par une suite de causes et d'effets qui lient l'état du monde à tous ceux qui l'ont précédé.' *Вторая беседа в Сорбонне*, в *Произведениях Тюрго*, том ii. стр. 52. Все, что Тюрго написал об истории, является развитием этого содержательного предложения. То, что он понимал необходимость знакомства историка с физической наукой и законами строения земли, климата, почвы и тому подобного, очевидно из его фрагмента "Политической географии", в "Событиях", т. ii. стр. 166-208. Немалым доказательством его политической прозорливости является то, что в 1750 году он ясно предсказал свободу американских колоний. Сравните "Приключения Тюрго", том ii, стр. 66, с "Мемуарами Тюрго", том i, стр. 139.

[951] Уверенность, которая очевидна как в его экономических, так и в его исторических работах. В 1811 году сэр Джеймс Макинтош пишет, что Тюрго "имел более всеобъемлющие взгляды на прогресс общества, чем кто-либо со времен Бэкона": *Воспоминания о Макинтоше*, том ii. стр. 133; и смотрите аналогичное замечание Дугалда Стюарта в его *Philos. о разуме*, том i, стр. 246.

ГЛАВА VII.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПОСЛЕ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА.

В предпоследней главе я попытался выяснить, каковы были те обстоятельства, которые почти сразу после смерти Людовика XIV подготовили почву для Французской революции. Результатом исследования стало то, что французский интеллект был побужден к деятельности примерами и учениями Англии; и что этот стимул вызвал или, по крайней мере, способствовал большому разрыву между правительством Франции и ее литературой; разрыв тем более примечательный, что пришелся на время правления Людовика XIV. литература, несмотря на свой временный блеск, неизменно была покорной и тесно сотрудничала с правительством, которое всегда было готово вознаградить ее за услуги. Мы также видели, что, поскольку этот разрыв возник между правящими классами и интеллектуальными классами, из этого следовало, что первые, верные своим древним инстинктам, начали наказывать тот дух исследования, к которому они были непривычны: отсюда те преследования, которые, едва ли за единственным исключением, были направлены против каждого литератора, и отсюда также те систематические попытки свести литературу к раболепию, подобному тому, в котором она находилась при Людовике XIV. Более того, оказалось, что великие французы восемнадцатого века, хотя и страдали от обид, постоянно наносимых им правительством и церковью, воздерживались от нападок на правительство, но направляли всю свою враждебность против церкви. Было показано, что эта очевидная аномалия, когда религиозные институты подвергаются нападкам, а политические

институты остаются в стороне, является совершенно естественным обстоятельством, вытекающим из прошлого французской нации; и была предпринята попытка объяснить, что это были за прошлое и как оно действовало. В настоящей главе я намереваюсь завершить это исследование, обратившись к следующему великому этапу в истории французского сознания. Было необходимо, чтобы, прежде чем церковь и государство могли пасть, люди сменили почву для своей враждебности и нападали на политические злоупотребления с тем рвением, которое они до сих пор приберегали для религиозных. Таким образом, теперь возникает вопрос об обстоятельствах, при которых произошло это изменение, и о периоде, когда оно действительно произошло.

Обстоятельства, сопровождавшие это великое изменение, как мы сейчас увидим, очень сложны; и, поскольку они еще никогда не изучались в связи друг с другом, я в оставшейся части этого тома рассмотрю их довольно подробно. По этому вопросу, я думаю, будет практически целесообразно прийти к некоторым точным и четко определенным результатам в отношении истории Французской революции. Но другой момент, а именно время, в которое произошло изменение, не только гораздо более неясен, но и по своей природе никогда не допускает полной точности. Это, однако, недостаток, которым оно обладает, как и любое другое изменение в истории человечества. Обстоятельства каждого изменения всегда могут быть известны, при условии, что доказательств достаточно и они достоверны. Но никакое количество свидетельств не может позволить нам установить дату самого изменения. То, на что обычно обращают внимание составители истории, - это не само изменение, а просто внешний результат, который следует за изменением. Реальная история человеческой расы - это история тенденций, которые воспринимаются умом, а не событий, которые распознаются чувствами. Именно по этой причине ни одна историческая эпоха никогда не допускала той хронологической точности, которая знакома антикварам и специалистам по генеалогии. Смерть принца, проигрыш в битве и смена династии - это события, которые полностью находятся в сфере чувств; и момент, в который они происходят, может быть зафиксирован самими обычными наблюдателями. Но те великие интеллектуальные революции, на которых основаны все остальные революции, не могут быть измерены таким простым стандартом. Чтобы проследить движения человеческого разума, необходимо рассмотреть его в нескольких аспектах, а затем согласовать результаты того, что мы изучали по отдельности. Таким образом, мы приходим к определенным общим выводам, ценность которых, подобно обычной оценке средних значений, возрастает пропорционально тому, как мы увеличиваем количество примеров, из которых они собираются. То, что это безопасный и доступный метод, явствует не только из истории физических знаний,^[952] но и из того факта, что он является основой эмпирических максим, которыми руководствуются все разумные люди в тех обычных жизненных операциях, к которым обобщения науки еще не были применены. Действительно, такие максимы, которые в высшей степени ценны и которые в своей совокупности образуют то, что называется здравым смыслом, никогда не собираются с такими предосторожностями, к которым историк-философ должен чувствовать себя обязанным прибегнуть.

Следовательно, реальное возражение против обобщений, касающихся развития интеллекта нации, заключается не в том, что они требуют определенности, а в том, что им не хватает точности. Это как раз тот момент, в котором историк расходится с летописцем. То, что английский интеллект, например, постепенно становится более демократичным, или, как его еще называют, более либеральным, так же несомненно, как и то, что корону этой страны носит королева Виктория. Но хотя оба эти утверждения одинаково достоверны, последнее

утверждение более точно. Мы можем точно определить день, когда королева взошла на трон; момент ее смерти будет известен с такой же точностью; и не может быть никаких сомнений в том, что многие другие подробности, касающиеся ее, будут сохранены в мельчайших подробностях. Однако при отслеживании роста английского либерализма всякая подобная точность покидает нас. Мы можем указать год, в котором был принят законопроект о реформе; но кто может указать год, в котором впервые возникла необходимость в законопроекте о реформе? Точно так же то, что евреи будут допущены в парламент, так же несомненно, как и то, что католики были допущены. Обе эти меры являются неизбежным результатом того растущего безразличия к теологическим спорам, которое теперь должно быть очевидно каждому человеку, не закрывающему умышленно глаза. Но хотя мы знаем, в какой час законопроект об эмансипации католиков получил одобрение короны, сейчас нет никого, кто мог бы сказать хотя бы год, в котором подобное правосудие будет даровано евреям. Оба события одинаково достоверны, но оба события не одинаково точны.

Это различие между определенностью и точностью я изложил довольно подробно, потому что оно кажется малоизученным,^[953] и потому что оно тесно связано с рассматриваемой нами темой. Тот факт, что французский интеллект в течение восемнадцатого столетия прошел через две совершенно разные эпохи, может быть доказан любыми свидетельствами; но невозможно установить точное время, когда одна эпоха сменила другую. Все, что мы можем сделать, это сравнить различные указания, которые представляет история той эпохи, и прийти к приближению, которое может послужить руководством для будущих исследователей. Возможно, было бы благоразумнее избегать каких-либо конкретных утверждений; но поскольку использование дат представляется необходимым для того, чтобы ясно представить себе подобные вопросы, я в качестве предварительной гипотезы остановлюсь на 1750 году как периоде, когда волнения в обществе, вызвавшие Французскую революцию, вступили в свою вторую политическую стадию.

То, что это было примерно в тот период, когда великое движение, до сих пор направленное против церкви, начало оборачиваться против государства, является выводом, который, по-видимому, подтверждается многими обстоятельствами. Мы знаем из лучших источников, что ближе к 1750 году французы начали свои знаменитые исследования в области политической экономии,^[954] и что в своей попытке возвести ее в ранг науки они были вынуждены осознать огромный ущерб, который вмешательство правительства нанесло материальным интересам страны.^[955] Отсюда возникло убеждение, что даже в отношении накопления богатства власть, которой обладали правители Франции, была пагубной, поскольку она позволяла им, под предлогом защиты торговли, нарушать свободу индивидуальных действий и препятствовать тому, чтобы торговля направлялась в те прибыльные каналы, которые торговцы лучше всего способны выбрать для себя. Едва распространилось знание этой важной истины, как ее последствия быстро проявились в национальной литературе и в привычках национальной мысли. Внезапное увеличение во Франции количества работ, относящихся к финансам и другим вопросам управления, действительно, является одной из самых замечательных черт той эпохи. Движение распространилось с такой быстротой, что нам говорят, что вскоре после 1755 года экономисты вызвали раскол между нацией и правительством;^[956] и Вольтер, писавший в 1759 году, жалуется, что прелестями легкой литературы полностью пренебрегли на фоне общего рвения к этим новым исследованиям.^[957] Нет необходимости следить за последующей историей этого великого изменения; мне также нет необходимости проследивать влияние, оказанное незадолго до революции более поздними экономистами, и особенно Тюрго, самым

выдающимся из их лидеров.[958] Достаточно сказать, что примерно через двадцать лет после того, как движение было впервые ясно замечено, вкус к экономическим и финансовым исследованиям стал настолько распространенным, что проник в те слои общества, где образ мыслей встречается не очень часто; поскольку мы обнаруживаем, что даже в светской жизни разговор больше не касался новых стихов и новых пьес, а касался политических вопросов и предметов, непосредственно связанных с ними.[959] Действительно, когда Неккер в 1781 году опубликовал свой знаменитый отчет о финансах Франции, стремление заполучить его было безграничным; в первый же день было продано шесть тысяч экземпляров; и спрос продолжал расти, два станка постоянно работали, чтобы удовлетворить всеобщее любопытство.[960] И что делает демократическую тенденцию всего этого более очевидной, так это то, что Неккер в то время был одним из слуг короны; так что его работа, судя по ее общему духу, действительно была названа одним из министров самого короля обращением к народу против короля.[961]

Это свидетельство замечательной перемены, которой подверглось французское сознание в 1750 году или около того и которая сформировала то, что я называю второй эпохой восемнадцатого века, может быть легко подкреплено более широким обзором литературы того времени. Сразу после середины века Руссо опубликовал те красноречивые произведения, которые оказали огромное влияние и в которых очень заметен подъем новой эпохи; ибо этот самый могущественный писатель воздерживался от тех нападок на христианство,[962] которые, к несчастью, были слишком частыми, и выступал почти исключительно против гражданских и политических злоупотреблений существующего общества.[963] Проследить влияние, которое этот замечательный, но в некоторых случаях вводящий в заблуждение человек произвел на сознание свое собственное и последующего поколения, заняло бы слишком большую часть этого Введения; хотя исследование полно интереса, и хотелось бы, чтобы за него взялся какой-нибудь компетентный историк.[964] Однако, поскольку философия Руссо сама по себе была лишь отдельной фазой гораздо более масштабного движения, я сейчас опущу отдельного человека, чтобы рассмотреть общий дух эпохи, в которой он играл огромную, но все же второстепенную роль.

Становление новой эпохи во Франции примерно в 1750 году может быть дополнительно проиллюстрировано тремя обстоятельствами, представляющими значительный интерес, и все они указывают в одном направлении. Первое обстоятельство заключается в том, что ни один великий французский писатель не нападал на политические институты страны до середины века; в то время как после этого периода нападки наиболее способных людей были непрерывными. Второе обстоятельство заключается в том, что единственными выдающимися французами, которые продолжали нападать на духовенство и в то же время отказывались вмешиваться в политику, были те, кто, подобно Вольтеру, уже достигли преклонного возраста и, следовательно, черпали свои идеи у предыдущего поколения, для которого церковь была единственным объектом враждебности. Третье обстоятельство, которое еще более поразительно, чем два других, состоит в том, что почти в тот же момент произошло изменение в политике правительства; поскольку, как ни странно, министры короны впервые проявили открытую вражду против церкви, как раз в тот момент, когда интеллект страны готовился к решительному натиску на само правительство. Из этих трех утверждений первые два, вероятно, будут приняты каждым изучающим французскую литературу: во всяком случае, если они и ложны, то настолько точны и безапелляционны, что их будет легко опровергнуть, приведя примеры обратного. Но третье предположение, будучи более общим, менее подвержено

отрицанию и, следовательно, потребует поддержки того специального доказательства, которое я сейчас приведу.

Поскольку великим французским писателям к середине восемнадцатого века удалось подорвать основы церкви, было естественно, что правительство вмешалось и разграбило учреждение, которое было ослаблено ходом событий. То, что произошло во Франции при Людовике XV, было подобно тому, что произошло в Англии при Генрихе VIII; ибо в обоих случаях замечательное интеллектуальное движение, направленное против духовенства, предшествовало нападкам на него со стороны короны и способствовало им. Именно в 1749 году французское правительство предприняло первый решительный шаг против церкви. И что доказывает до сих пор отсталое состояние страны в таких вопросах, так это то, что это состояло в эдикте против мортмейна, простом приспособлении для ослабления церковной власти, которое мы в Англии приняли задолго до этого. Машо, который недавно был повышен до должности генерального контролера, прославился тем, что стал инициатором этой новой политики. В августе 1749 года, [965] он издал этот знаменитый эдикт, который запрещал создание любых религиозных учреждений без согласия короны, должным образом выраженного в патентных письмах и зарегистрированного в парламенте; эффективные меры предосторожности, которые, по словам великого историка Франции, показывают, что Машо "рассматривал не только увеличение, но даже существование этих церковных владений как причинение вреда королевству". [966]

Это был экстраординарный шаг со стороны французского правительства; но то, что последовало за ним, показало, что это было только начало гораздо более масштабного замысла. [967] Мачолту, пока что не получившему финансирования, через год после издания этого указа были доверены печати в дополнение к управлению; [968] ибо, как замечает Лакретель, суд "решил, что пришло время обложить налогом имущество духовенства". [969] В течение сорока лет, прошедших между этим периодом и началом революции, преобладала та же антицерковная политика. Среди преемников Машо только трое обладали большими способностями - Шуазель, Неккер и Тюрго, все они были ярыми противниками этого духовного органа, на который ни один министр не стал бы нападать в предыдущем поколении. Не только эти выдающиеся государственные деятели, но даже такие низшие люди, как Калонн, Мальзерб и Террей, рассматривали как политический ход посягательство на привилегии, которые были освящены суеверием и которые духовенство до сих пор сохраняло, отчасти для расширения своего собственного влияния, а отчасти для поддержки тех роскошных и расточительных привычек, которые в восемнадцатом веке были позором для церковного ордена.

В то время как эти меры принимались против духовенства, был сделан еще один важный шаг в том же направлении. Теперь правительство начало отдавать предпочтение этой великой доктрине религиозной свободы, простую защиту которой оно до сих пор карало как опасную спекуляцию. Связь между нападениями на духовенство и последующим развитием веротерпимости может быть проиллюстрирована не только быстротой, с которой одно событие следовало за другим, но и тем фактом, что оба они происходили из одной и той же среды. Машо, который был автором мортмейнского эдикта, также был первым министром, проявившим желание защитить протестантов от преследований католического духовенства. [970] В этом он преуспел лишь частично; но импульс, данный таким образом, вскоре стал непреодолимым. В 1760 году, то есть всего девять лет спустя, произошли заметные изменения в применении законов; и эдикты против ереси, хотя и не были еще отменены, применялись с беспрецедентной

мягкостью.[971] Движение быстро распространилось из столицы в более отдаленные части королевства; и мы уверены, что после 1762 года реакция ощущалась даже в тех провинциях, которые из-за своего отсталого состояния всегда отличались религиозным фанатизмом.[972] В то же время, как мы сейчас увидим, в самой церкви возник большой раскол, который ослабил власть духовенства, разделив его на две враждебные партии. Из этих фракций одна объединилась с государством, еще больше способствуя свержению церковной иерархии. Действительно, разногласия стали настолько сильными, что последний серьезный удар, нанесенный духовному господству правительством Людовика XVI, исходил не от рук мирянина, а от одного из руководителей церкви; человека, который по своему положению при обычных обстоятельствах защитил бы интересы, на которые он сейчас яростно нападал. В 1787 году, всего за два года до революции, Бриенн, архиепископ Тулузы,[973] который в то время был министром, представил парламенту Парижа королевский эдикт, которым внезапно было снято осуждение ереси, до сих пор бросавшееся в глаза. Этим законом протестанты были наделены всеми теми гражданскими правами, которые католическое духовенство долгое время отстаивало в награду за приверженность их собственным взглядам.[974] Поэтому было естественно, что более ортодоксальная партия осудила как нечестивое нововведение[975] мера, которая, ставя две секты, в некоторой степени, на одну доску, казалось, санкционировала распространение заблуждения; и которая, безусловно, лишила французскую церковь одного из главных соблазнов, с помощью которых люди до сих пор склонялись к ее причастию. Однако теперь все эти соображения были сведены на нет. Таково было преобладающее настроение, что парламент, хотя и пребывавший в то время в настроении, весьма непримиримом к королевской власти, без колебаний зарегистрировал королевский эдикт; и эта великая мера стала законом; как нам говорят, господствующая партия была поражена, как можно было сомневаться в мудрости принципов, на которых она была основана.[976]

Это были предзнаменования надвигающейся бури; знамения времени, которые могут прочесть те, кто бежит. Нет недостатка и в других признаках, по которым можно ясно разглядеть истинный цвет лица этого возраста. В дополнение к тому, что только что было рассказано, правительство вскоре после середины восемнадцатого века нанесло прямой и смертельный ущерб духовной власти. Это заключалось в изгнании иезуитов, что является событием, важным не только из-за его конечных последствий, но и как свидетельство чувств людей и того, что могло быть мирно достигнуто правительством того, кого называли "самым христианским королем".[977]

Иезуиты, по крайней мере, в течение пятидесяти лет после своего учреждения, оказывали огромные услуги цивилизации, частично смягчая светским элементом более суеверные взгляды своих великих предшественников, доминиканцев и францисканцев, а частично организовав систему образования, намного превосходящую любую из тех, что до сих пор были в Европе. Ни в одном университете нельзя было найти столь всеобъемлющую схему обучения, как у них; и, конечно, нигде не проявлялось такого мастерства в обращении с молодежью или такого понимания общих процессов человеческого разума. Справедливости ради следует добавить, что это прославленное общество, несмотря на свои пылкие и часто беспринципные амбиции, в течение значительного периода было неизменным другом науки, так же как и литературы; и что оно предоставляло своим членам свободу и смелость рассуждений, которые никогда не допускались ни одним другим монашеским орденом.

Однако по мере развития цивилизации иезуиты, как и любая духовная иерархия, которую когда-либо видел мир, начали сдавать позиции; и это произошло не столько из-за их собственного упадка, сколько из-за изменения духа тех, кто их окружал. Институт, превосходно приспособленный к ранней форме общества, плохо подходил для того же общества в его более зрелом состоянии. В шестнадцатом веке иезуиты опережали свою эпоху; в восемнадцатом веке они были позади нее. В шестнадцатом веке они были великими миссионерами знания, потому что верили, что с его помощью смогут подчинить себе совесть людей. Но в восемнадцатом веке их материалы были более неподатливыми; им приходилось иметь дело с порочным и упрямым поколением; они видели, как в каждой стране церковный авторитет быстро падал; и они ясно понимали, что их единственный шанс сохранить свое старое господство заключался в проверке знаний, прогресс которых они ранее во многом ускорили.[978]

В этих обстоятельствах государственные деятели Франции почти сразу после середины XVIII века решили разрушить порядок, который долгое время правил миром и который все еще оставался величайшим оплотом церкви. В этом замысле им помогло любопытное движение, которое имело место в самой церкви и которое, будучи связано с воззрениями гораздо более широкого значения, заслуживает внимания даже тех, для кого богословские споры не представляют интереса.

Среди многих вопросов, на которые метафизики растрачивали свои силы, вопрос о свободе воли вызывал самые горячие споры. И что усилило резкость их языка, так это то, что этот, в высшей степени метафизический вопрос, был поднят теологами, которые отнеслись к нему с той теплотой, которой они отличаются.[979] Со времен Пелагия, если не раньше,[980] Христианство было разделено на две великие секты, которые, хотя и в некоторых отношениях объединяют незаметными оттенками, всегда сохранявшими общие черты своего первоначального отличия. Одна секта фактически и часто прямо отрицает свободу воли; ибо утверждает не только, что мы не можем по своей собственной воле совершить ничего достойного, но и что все хорошее, что мы можем сделать, будет бесполезным, поскольку Божество предопределило одних людей к гибели, других - к спасению. Другая секта столь же решительно отстаивает свободу воли; добрые дела объявляются необходимыми для спасения; а противоположная сторона обвиняется в преувеличении того состояния благодати, необходимым сопровождением которого является вера.[981]

Эти противоположные принципы, если довести их до логических следствий, должны привести первую секту к антиномизму,[982] а вторую секту к доктрине сверхзадачных работ.[983] Но поскольку в таких вопросах мужчины чувствуют гораздо больше, чем рассуждают, обычно случается, что они предпочитают следовать какому-то общепринятому стандарту или апеллировать к какому-то древнему названию:[984] и поэтому они, обычно причисляют себя, с одной стороны, к Августину, Кальвину и Янсению; с другой стороны, к Пелагию, Арминию и Молине.

Интересным фактом является то, что доктрины, которые в Англии называются кальвинистскими, всегда были связаны с демократическим духом; в то время как доктрины арминианства нашли наибольшее одобрение среди аристократической или покровительственной партии. В республиках Швейцарии, Северной Америки и Голландии кальвинизм всегда был популярным вероучением.[985] С другой стороны, в те злые дни, сразу после смерти Елизаветы, когда наши свободы были в неминуемой опасности; когда Англиканская церковь с помощью короны

пыталась подчинить совесть людей; и когда чудовищное требование божественного права епископства было впервые выдвинуто;[986]— именно тогда арминианство стало излюбленной доктриной самых способных и амбициозных представителей церковной партии.[987] И в том жестоком возмездии, которое последовало, пуритане и независимые, которыми было применено наказание, были, едва ли за исключением, кальвинистами:[988] также не следует забывать, что первое открытое движение против Карла исходило из Шотландии, где принципы Кальвина долгое время были в силе.

Эта разная тенденция этих двух вероучений настолько четко обозначена, что исследование ее причин становится необходимой частью всеобщей истории и, как мы сейчас увидим, тесно связано с историей Французской революции.

Первое обстоятельство, которое нас должно поразить, это то, что кальвинизм - это доктрина для бедных, а арминианство - для богатых. Вероучение, настаивающее на необходимости веры, должно быть менее дорогостоящим, чем то, которое настаивает на необходимости дел. В первом случае грешник ищет спасения силой своей веры; во втором случае он ищет его полнотой своего вклада. И поскольку эти пожертвования, где бы духовенство ни обладало большой властью, всегда текут в одном и том же направлении, мы обнаруживаем, что в странах, которые одобряют арминианскую доктрину трудов, священникам платят лучше, а церкви более богато украшены, чем там, где преобладает кальвинизм. Действительно, даже при самом вульгарном расчете очевидно, что религия, которая концентрирует наше милосердие на нас самих, обходится дешевле, чем та, которая направляет наше милосердие на других.

Это первое серьезное практическое расхождение двух вероучений: расхождение, в котором может убедиться любой, кто знаком с историей различных христианских народов или даже путешествовал по странам, где исповедуются различные догматы. Также следует отметить, что Римская церковь, богослужение которой обращено главным образом к чувствам и которая наслаждается великолепными соборами и помпезными церемониями, всегда проявляла к кальвинистам гораздо большую враждебность, чем к любой другой протестантской секте.[989]

Из этих обстоятельств неизбежно возникли аристократическая тенденция арминианства и демократическая тенденция кальвинизма. Люди любят помпезность и зрелища так же сильно, как и дворяне, но они не любят платить за них. Их неискушенные умы легко пленяются многочисленностью духовенства и великолепием хорошо оборудованного храма. Тем не менее, они прекрасно знают, что эти вещи поглощают большую часть того богатства, которое в противном случае перетекло бы в их собственные коттеджи. С другой стороны, аристократия, в силу своего положения, своих привычек и традиций своего воспитания, естественным образом приобретает склонность к расходам, что заставляет их соединять великолепие с религией и помпезность с благочестием. Кроме того, у них есть интуитивная и вполне обоснованная вера в то, что их собственные интересы связаны с интересами священства, и что все, что ослабляет одно, ускорит падение другого. Следовательно, каждая христианская демократия упростила свое внешнее богослужение; каждая христианская аристократия приукрасила его. Исходя из равенства рассуждений, чем больше любое общество стремится к равенству, тем более вероятно, что его богословские мнения будут кальвинистскими; в то время как чем больше общество стремится к неравенству, тем больше вероятность того, что эти мнения будут арминианскими.

Было бы легко продвинуть этот контраст еще дальше и показать, что кальвинизм более благоприятен для наук, арминианство - для искусств;[\[990\]](#) и что, исходя из того же принципа, первое лучше подходит мыслителям, другое - ученым.[\[991\]](#) Но, не претендуя на то, чтобы проследить все это расхождение в целом, очень важно заметить, что приверженцы первой религии с большей вероятностью приобретут привычки к независимому мышлению, чем приверженцы второй. И это по двум разным причинам. Во-первых, даже самые заурядные представители кальвинистской партии, в силу самих условий своего вероучения, в религиозных вопросах склонны сосредоточивать свое внимание на собственном разуме, а не на умах других. Следовательно, они, как группа, интеллектуально более узки, чем их оппоненты, но менее раболопны; их взгляды, хотя и обобщенные из меньшей области, более независимы; они менее привязаны к древности и более пренебрежительны к тем традициям, которым арминианские ученые придают большое значение. Во-вторых, те, кто связывает метафизику со своей религией, под влиянием кальвинизма пришли к доктрине необходимости;[\[992\]](#) теория, которая, хотя и часто понимается неправильно, полна великих истин и лучше, чем любая другая система, рассчитана на развитие интеллекта, потому что она включает в себя четкую концепцию закона, достижение которой является высшей точкой, на которую способно человеческое понимание. дотянуться.

Эти соображения позволяют читателю увидеть огромную важность возрождения янсенизма, которое имело место во французской церкви в XVIII веке. Ибо, поскольку янсенизм по сути кальвинистский,[\[993\]](#) во Франции появились те тенденции, которыми отмечен кальвинизм. Там проявился любознательный, демократический и непокорный дух, который всегда сопровождал это кредо. Дополнительным подтверждением истинности только что изложенных принципов является то, что янсенизм возник у уроженца Голландской республики;[\[994\]](#) что он был введен во Франции во время проблеска свободы, предшествовавшего власти Людовика XIV.;[\[995\]](#) что оно было насильственно подавлено во время его произвольного правления;[\[996\]](#) и что до середины восемнадцатого века оно снова возникло как естественный продукт общественного состояния, вызванного Французской революцией. примерно.

Связь между возрождением янсенизма и уничтожением иезуитов очевидна. После смерти Людовика XIV янсенисты быстро завоевали позиции даже в Сорбонне;[\[997\]](#) и к середине восемнадцатого века они организовали мощную партию во французском парламенте.[\[998\]](#) Примерно в тот же период их влияние начало проявляться в органах исполнительной власти и среди должностных лиц короны. Машо, занимавший важный пост генерального контролера, был известен тем, что поддерживал их мнения;[\[999\]](#) и через несколько лет после выхода на пенсию Шуазель был вызван к руководителю отдела; человек значительных способностей, который открыто защищал их.[\[1000\]](#) Их взгляды также были поддержаны Лаверди, генеральным контролером в 1764 году, и Терреем, контролером финансов в 1769 году.[\[1001\]](#) Генеральный прокурор Жильбер де Вуазен был янсенистом;[\[1002\]](#) таким же был и один из его преемников, Шовелен;[\[1003\]](#) таким же был генеральный адвокат Пеллетье де Сен-Фаржо;[\[1004\]](#) таким же был и Камю, известный защитник духовенства.[\[1005\]](#) Тюрго, величайший государственный деятель эпохи, как говорят, придерживался тех же взглядов;[\[1006\]](#) в то время как Неккер, который в двух разных случаях обладал почти верховной властью, был известен своей закоренелостью кальвинист. К этому можно добавить, что не только Неккер, но и Руссо, которому справедливо приписывается большая роль в организации Революции, родились в Женеве и черпали свои самые ранние идеи из этого великого рассадника кальвинистской теологии.

При таком положении вещей было невозможно, чтобы такая организация, как иезуиты, стояла на своем. Они были последними защитниками авторитета и традиций, и было естественно, что они пали в эпоху, когда государственные деятели были скептиками, а теологи - кальвинистами. Даже народ уже пометил их для уничтожения; и когда Дамьен в 1757 году попытался убить короля, все считали, что они были зачинщиками этого акта.[1007] Теперь мы знаем, что это ложь; но существование такого слуха свидетельствует о состоянии общественного сознания. Как бы то ни было, судьба иезуитов была предрешена. В апреле 1761 года парламент распорядился представить им их конституции.[1008] В августе им было запрещено принимать новичков, их колледжи были закрыты, а ряд их самых знаменитых работ были публично сожжены обычным палачом.[1009] Наконец, в 1762 году появился еще один эдикт, которым иезуиты были осуждены, даже не будучи заслушанными в свою защиту;[1010] их собственность была передана, а их орден секуляризован; они были объявлены "непригодными для въезда в хорошо управляемую страну", а их институт и общество были формально упразднены.[1011]

Таково было то, каким образом это великое общество, долгое время наводившее ужас на весь мир, пало под давлением общественного мнения. Что делает его падение тем более примечательным, так это то, что предлог, который якобы оправдывал проверку его конституций, был настолько незначительным, что ни одно прежнее правительство не прислушалось бы к нему ни на минуту. Эта огромная духовная корпорация фактически предстала перед светским судом за недобросовестность в коммерческой сделке и за отказ выплатить причитающуюся сумму денег![1012] Самая важная организация католической церкви, духовные лидеры Франции, воспитатели ее молодежи и исповедники ее королей, были привлечены к суду в их коллективном качестве за мошеннический отказ от общего долга.[1013] Предрасположенность к делу была настолько очевидной, что не было сочтено необходимым использовать для уничтожения иезуитов ни одно из тех искусств, которыми обычно воспламеняется общественное сознание. Обвинение, по которому они были приговорены, заключалось не в том, что они замыслили заговор против государства, и не в том, что они развратили общественную мораль, и не в том, что они хотели ниспровергнуть религию. Таковы были обвинения, которые были выдвинуты в семнадцатом веке и которые подходили гению того века. Но в восемнадцатом веке все, что требовалось, - это какой-нибудь пустяковый несчастный случай, который мог бы послужить предлогом для оправдания того, что нация уже определила. Таким образом, приписывать это великое событие банкротству трейдера или интригам любовницы,[1014] - значит путать причину деяния с предлогом, под которым оно совершено. В глазах людей восемнадцатого века истинное преступление иезуитов заключалось в том, что они принадлежали прошлому, а не настоящему, и что, защищая злоупотребления древних установлений, они препятствовали прогрессу человечества. Они стояли на пути эпохи, и эпоха смела их со своего пути. Это было истинной причиной их отмены: причиной, которую вряд ли поймут те писатели, которые под видом историков являются всего лишь собирателями придворной болтовни и сплетен и которые верят, что судьбы великих наций могут решаться в приемных министров и в советах королей.

После падения иезуитов, казалось, не осталось ничего, что могло бы спасти французскую церковь от немедленного разрушения.[1015] Старый теологический дух в течение некоторого времени приходил в упадок, и духовенство страдало от собственного упадка даже больше, чем от нападков на него. Прогресс знания приводил во Франции к тем же результатам, что и те, на которые я указывал в Англии; и растущая привлекательность науки привлекала многих

выдающихся людей, которые в предшествующую эпоху были бы активными представителями духовной профессии. То великолепное красноречие, которым отличалось французское духовенство, теперь угасало, и больше не раздавались голоса тех великих ораторов, по приказу которых некогда были заполнены храмы.[1016] Массильон был последним представителем той знаменитой расы, которая так пленила разум, и магии очарования которой даже сейчас трудно противостоять. Он умер в 1742 году, и после него во французском духовенстве не было никаких выдающихся людей - ни мыслителей, ни ораторов, ни писателей.[1017] Также не было ни малейшей возможности восстановить утраченное положение. Пока общество развивалось, они отступали. Все источники их власти иссякли. У них не было активных лидеров; они потеряли доверие правительства; они утратили уважение народа; они стали мишенью для насмешек того времени.[1018]

На первый взгляд кажется странным, что при таких обстоятельствах французское духовенство могло в течение почти тридцати лет после упразднения ордена иезуитов сохранять свое положение, безнаказанно вмешиваясь в общественные дела.[1019] Истина, однако, заключается в том, что эта временная передышка церковного порядка была вызвана тем движением, которое я уже заметил, и благодаря которому французский интеллект во второй половине восемнадцатого века изменил направление своих атак и, направив свою энергию против политических злоупотреблений, в некоторой степени пренебрег теми духовными злоупотреблениями, к которым его внимание до сих пор было приковано. . Результатом было то, что во Франции правительство проводило политику, которую действительно разработали великие мыслители, но уважать которую они стали с меньшим рвением. Самые выдающиеся французы начинали свои нападки на государство, и в пылу своей новой войны они ослабили свое противодействие церкви. Но тем временем семена, которые они посеяли, проросли в самом штате. Развитие событий было столь стремительным, что те антицерковные мнения, которые несколькими годами ранее были наказаны как парадоксы хитроумных людей, теперь были подхвачены и приведены в исполнение сенаторами и министрами. Правители Франции претворяли в жизнь принципы, которые до сих пор были просто предметом теории; и таким образом получилось, как это всегда бывает, что государственные деятели-практики применяют и развивают только те идеи, которые задолго до этого были предложены более продвинутыми мыслителями.

Отсюда следовало, что ни в один период XVIII века спекулятивные классы и практические классы полностью не объединялись против церкви: поскольку в первой половине века духовенство подвергалось главным образом нападкам со стороны литературы, а не правительства; во второй половине века - со стороны правительства, а не литературы. Некоторые обстоятельства этого необычного перехода были уже изложены и, я надеюсь, ясно доведены до сведения читателя. Теперь я намереваюсь завершить обобщение, доказав, что соответствующие изменения происходили и во всех других областях исследования; и что, в то время как в первый период внимание было направлено главным образом на психические явления, во второй период оно было в большей степени направлено на физические явления. Благодаря этому политическое движение получило огромный приток сил. Ибо французский интеллект, изменив сферу своих трудов, отвлек мысли людей от внутреннего к внешнему и, сосредоточив внимание на их материальных, а не духовных потребностях, обратил против посягательств государства враждебность, которую раньше приберегал для посягательств церкви. Всякий раз, когда возникает тенденция предпочитать то, что приходит извне, тому, что приходит изнутри, и, таким образом, возвеличивать материю в ущерб разуму, также будет

тенденция полагать, что институт, который препятствует нашему мнению, менее вреден, чем тот, который контролирует наши действия. Точно так же люди, отвергающие фундаментальные истины религии, будут мало заботиться о том, до какой степени эти истины извращены. Люди, отрицающие существование Божества и бессмертие души, не обратят внимания на то, как грубое и формальное поклонение затемняет эти возвышенные доктрины. Все идолопоклонство, все церемонии, вся pompa, все догмы и все традиции, которыми тормозится религия, не доставят им беспокойства, потому что они считают проверяемые мнения одинаково ложными, как и те, которые одобряются. Зачем им, кому неизвестны трансцендентальные истины, трудиться над устранением суеверий, которые затемняют истины? Такое поколение, столь далекое от того, чтобы нападать на церковную узурпацию, скорее будет смотреть на духовенство как на удобный инструмент для заманивания в ловушку невежественных и контроля над вульгарными. Поэтому мы редко слышим, чтобы искренний атеист был рьяным полемистом. Но если произойдет то, что столетие назад произошло во Франции; если случится так, что люди огромной энергии, движимые чувствами, которые я описал, окажутся перед лицом политического деспотизма, — они направят против него все свои силы; и они будут действовать с еще большей решительностью, потому что, полагая, что на карту поставлено все, временное счастье будет для них не только первым, но и единственным соображением.

Именно с этой точки зрения распространение тех атеистических мнений, которые сейчас возникли во Франции, становится предметом большого, хотя и болезненного интереса. И дата, в которую они появились, полностью подтверждает то, что я только что сказал относительно перемен, произошедших в середине восемнадцатого века. Первым великим трудом, в котором они были открыто обнародованы, была знаменитая Энциклопедия, опубликованная в 1751 году.^[1020] До того времени таких унижительных мнений, хотя и высказываемых время от времени, не придерживался ни один способный человек; да и при предшествующем состоянии общества они не могли произвести большого впечатления на эпоху. Но во второй половине восемнадцатого века они затронули все направления французской литературы. Между 1758 и 1770 годами атеистические догматы быстро завоевали популярность;^[1021] а в 1770 году была опубликована знаменитая работа под названием "*Система природы*"; успех и, к сожалению, способность которой, делает ее появление важной эпохой в истории Франции. Его популярность была огромной;^[1022] и содержащиеся в нем взгляды настолько четко и методично организованы, что заслужили название кодекса атеизма.^[1023] Пять лет спустя архиепископ Тулузы в официальном обращении к королю от имени духовенства заявил, что атеизм теперь стал преобладающим мнением.^[1024] Это, как и все подобные утверждения, должно быть, было преувеличением; но то, что в этом была большая доля правды, известно любому, кто изучал ментальные привычки поколения, непосредственно предшествовавшего Революции. Среди писателей низшего класса Дамилавиль, Делейр, Марешаль, Найджон, Туссен были активными сторонниками этой холодной и мрачной догмы, которая, чтобы погасить надежду на будущую жизнь, вытесняет из сознания человека восхитительные инстинкты его собственного бессмертия.^[1025] И, как ни странно, некоторые даже из высших интеллектов не смогли избежать заражения. Атеизм открыто пропагандировали Кондорсе, Д'Аламбер, Дидро, Гельвеций, Лаланд, Лаплас, Мирабо и Сен-Ламбер.^[1026] Действительно, все это настолько хорошо гармонировало с общим настроением, что в обществе люди хвастались тем, что в других странах и в другие дни было редкой и исключительной ошибкой, эксцентричным пороком, который пострадавшие от него были готовы скрыть. В 1764 году Юм встретился в доме барона д'Гольбаха с группой самых знаменитых французов, проживавших в то время в Париже.

Великий шотландец, который, без сомнения, был осведомлен о господствующем мнении, воспользовался случаем, чтобы выдвинуть аргумент относительно существования атеиста в собственном смысле этого слова; со своей стороны, он сказал, что ему никогда не доводилось встречаться с таковым. "Вам несколько не повезло, - ответил Гольбах, - но в настоящий момент вы сидите за столом с семнадцатью из них".[1027]

Это, как ни печально, составляет лишь один аспект того огромного движения, благодаря которому во второй половине XVIII века французский интеллект был отвлечен от изучения внутреннего и сосредоточен на изучении внешнего мира. Интересный пример этой тенденции мы находим в знаменитом труде Гельвеция, несомненно, самом талантливом и влиятельном трактате о морали, который Франция создала в этот период. Оно было опубликовано в 1758 году;[1028] и, хотя оно носит название эссе о 'Разуме', в нем нет ни единого отрывка, из которого мы могли бы сделать вывод, что разум в том смысле, в котором это слово обычно используется, вообще существует. В этом труде, который в течение пятидесяти лет был кодексом французской морали, изложены принципы, которые имеют точно такое же отношение к этике, какое атеизм имеет к теологии. Гельвеций в начале своего исследования принимает как неоспоримый факт, что разница между человеком и другими животными является результатом различия в их внешней форме; и что если бы, например, наши запястья, вместо того чтобы заканчиваться кистями и гибкими пальцами, заканчивались бы просто лошадиной ногой, мы всегда оставались бы скитальцами по лицу земли, несведущими во всех искусствах, совершенно беззащитными и не имевшими никакой другой заботы, кроме как избегать нападений диких зверей и добывать необходимую нам ежедневную пищу.[1029] То, что строение нашего тела является единственной причиной нашего хваленного превосходства, становится очевидным, если учесть, что наши мысли являются просто продуктом двух способностей, которые у нас общие со всеми другими животными; а именно, способности получать впечатления от внешних объектов и способности запоминать эти впечатления после того, как они получены.[1030] Из этого, говорит Гельвеций, следует, что, поскольку внутренние силы человека такие же, как и у всех других животных, наша чувствительность и наша память были бы бесполезны, если бы не те внешние особенности, которыми мы в высшей степени отличаемся и которым мы обязаны всем, что является наиболее ценным.[1031] После изложения этих положений легко вывести все существенные принципы моральных действий. Ибо, поскольку память является всего лишь одним из органов физической чувствительности,[1032] и суждение, будучи всего лишь ощущением,[1033] все понятия долга и добродетели должны проверяться их отношением к чувствам; другими словами, по общему количеству физического удовольствия, которое они вызывают. Это истинная основа философии морали. Придерживаться любой другой точки зрения - значит позволить ввести себя в заблуждение общепринятыми выражениями, которые не имеют под собой никакой основы, кроме предрассудков невежественных людей. Наши пороки и наши добродетели являются исключительно результатом наших страстей; а наши страсти вызваны нашей физической чувствительностью к боли и удовольствию.[1034] Именно так впервые возникло чувство справедливости. Физической чувствительности люди обязаны удовольствием и болью; отсюда ощущение собственных интересов и, следовательно, желание жить вместе в обществе. Будучи объединенным в общество, возникло понятие общего интереса, поскольку без него общество не могло бы держаться вместе; и поскольку действия являются справедливыми или несправедливыми только в той мере, в какой они служат этому общему интересу, была установлена мера, с помощью которой справедливость отличается от несправедливости.[1035]

С той же непреклонностью и с большой полнотой иллюстраций Гельвеций исследует происхождение тех других чувств, которые регулируют человеческие действия. Таким образом, он говорит, что и честолюбие, и дружба полностью зависят от физической чувствительности. Люди жаждут славы либо из-за удовольствия, которое, как они ожидают, доставит простое обладание ею, либо как средства последующего получения других удовольствий.[1036] Что касается дружбы, то единственное ее применение - увеличить наши удовольствия или смягчить нашу боль; и именно с этой целью человек стремится поддерживать общение со своим другом.[1037] Помимо этого, жизнь ничего не может предложить. Любить то, что хорошо, ради самого добра, так же невозможно, как любить то, что плохо, ради зла.[1038] Матерью, которая оплакивает потерю своего ребенка, движет исключительно эгоизм; она скорбит, потому что у нее отняли удовольствие, и потому что она видит пустоту, которую трудно заполнить.[1039] Таким образом, самые высокие добродетели, так же как и самые низкие пороки, в равной степени вызваны удовольствием, которое мы находим в их проявлении.[1040] Это великий движитель и зачинатель всего. Всем, что у нас есть, и всем, чем мы являемся, мы обязаны внешнему миру; да и сам человек не является ничем иным, кроме того, каким его делают окружающие его предметы.[1041]

Взгляды, выдвинутые в этом знаменитом труде, я изложил довольно подробно; не столько из-за умения, с которым они отстаиваются, сколько из-за того, что они дают ключ к движениям самой замечательной эпохи. Действительно, они настолько полностью соответствовали преобладающим тенденциям, что не только быстро завоевали своему автору широкую европейскую репутацию,[1042] но и в течение многих лет их влияние продолжало расти, и, в частности, во Франции они пользовались большим влиянием.[1043] Поскольку это была страна, в которой они возникли, то это была и страна, к которой они были лучше всего адаптированы. Мадам Дюдефан, которая провела свою долгую жизнь в гуще французского общества и была одним из самых проницательных наблюдателей своего времени, выразила это с большой радостью. Работа Гельвеция, по ее словам, популярна, поскольку он - человек, который раскрыл всем их собственный секрет.[1044]

Правда заключалась в том, что для современников Гельвеция его взгляды, несмотря на их огромную популярность, носили вид тайны, поскольку связь между ними и общим ходом событий была пока лишь смутно уловлена. Однако для нас, которые по прошествии этого промежутка времени могут исследовать этот вопрос с использованием ресурсов более широкого опыта, очевидно, как такая система отвечала потребностям эпохи, выразителем интересов и рупором которой она была. То, что Гельвеций, должно быть, пользовался симпатиями своих соотечественников, ясно не только из имеющихся у нас свидетельств его успеха, но и из более полного представления об общем облике того времени. Еще в то время, когда он продолжал свои труды, и всего за четыре года до того, как он опубликовал их, во Франции появилась работа, которая, хотя и демонстрировала большие способности и обладала большим влиянием, чем у Гельвеция, тем не менее, указывала точно в том же направлении. Я имею в виду великий метафизический трактат Кондильяка, во многих отношениях одно из самых замечательных произведений восемнадцатого века; авторитет которого на протяжении двух поколений был настолько непререкаем, что без некоторого знакомства с ним мы, вероятно, не сможем понять природу тех сложных движений, которые привели к Французской революции.

В 1754 году[1045] Кондильяк опубликовал свою знаменитую работу "О разуме"; само название которой было доказательством предвзятости, с которой она была написана. Хотя этот глубокий

мыслитель стремился ни много ни мало к исчерпывающему анализу человеческих способностей, и хотя очень способный, но враждебный критик называет его единственным метафизиком, которого создала Франция в восемнадцатом веке,[1046] тем не менее, он обнаружил, что совершенно невозможно избежать тех тенденций к внешнему, которые управляли его собственной эпохой. Следствием этого стало то, что он назвал свою работу "Трактатом об ощущениях";[1047] и в ней он безапелляционно утверждает, что все, что мы знаем, является результатом ощущения; под этим он подразумевает эффект, производимый на нас действием внешнего мира. Что бы ни думали о точности этого заключения, не может быть никаких сомнений в том, что оно подкреплено четкостью и строгостью рассуждений, заслуживающих высшей похвалы. Рассмотрение, однако, аргументов, которыми подкрепляется его точка зрения, привело бы к обсуждению, чуждому моей нынешней цели, которая заключается просто в том, чтобы указать на связь между его философией и общим настроением его современников. Поэтому, не претендуя ни на что похожее на критический анализ этой знаменитой книги, я просто сведу воедино основные положения, на которых она основана, чтобы проиллюстрировать гармонию между ней и интеллектуальными привычками эпохи, в которую она появилась.[1048]

Материалы, из которых первоначально была почерпнута философия Кондильяка, содержались в большом труде, опубликованном Локком примерно за шестьдесят лет до этого времени. Но хотя многое из наиболее существенного было заимствовано у английского философа, был один очень важный момент, в котором ученик отличался от своего учителя. И это различие поразительно характерно для того, в каком направлении теперь развивался французский интеллект. Локк, с некоторой вольностью выражения и, возможно, с некоторой вольностью мысли, утверждал отдельное существование способности к отражению и утверждал, что благодаря этой способности становятся доступными продукты ощущений.[1049] Кондильяк, движимый преобладающими настроениями своего времени, и слышать не хотел о таком различии. Он, как и большинство его современников, ревниво относился к любым притязаниям, которые повышали авторитет внутреннего и ослабляли авторитет внешнего. Следовательно, он полностью отвергает способность отражения как источник наших идей; и это отчасти потому, что это всего лишь канал, по которому идеи проходят от органов чувств, а отчасти потому, что по своему происхождению она сама является ощущением.[1050] Поэтому, по его словам, единственный вопрос заключается в том, каким образом наш контакт с природой снабжает нас идеями. Ибо в этой схеме способности человека обусловлены исключительно работой его органов чувств. Суждения, которые мы формируем, говорит Кондильяк, часто приписываются руке Божества; удобный способ рассуждения, который возник только из-за трудности их анализа.[1051] Рассмотрев, как на самом деле возникают наши суждения, мы одни можем устранить эти неясности. Дело в том, что внимание, которое мы уделяем объекту, есть не что иное, как ощущение, которое этот объект возбуждает;[1052] и то, что мы называем абстрактными идеями, - это просто разные способы быть внимательными.[1053] Таким образом генерируются идеи, последующий процесс очень прост. Уделять внимание двум идеям одновременно - значит сравнивать их; так что сравнение - это не результат внимания, а скорее само внимание.[1054] Это сразу дает нам способность судить, потому что непосредственно при проведении сравнения мы по необходимости формируем суждение.[1055] Таким образом, память также является преобразованным ощущением;[1056] в то время как воображение - это не что иное, как память, которая, доведенная до максимально возможной живости, заставляет отсутствующее казаться присутствующим.[1057] Впечатления, которые мы получаем от внешнего

мира, следовательно, не являются причиной наших способностей, но, будучи самими способностями, вывод, к которому мы приходим, неизбежен. Отсюда следует, говорит Кондильяк, что в человеке природа является началом всего; что природе мы обязаны всеми нашими знаниями; что мы обучаем себя только в соответствии с ее уроками; и что все искусство рассуждения состоит в продолжении работы, которую она поручила нам выполнять.^[1058]

Ошибиться в тенденции этих взглядов настолько невозможно, что мне нет необходимости пытаться оценить их результат иначе, чем путем измерения степени, в которой они были приняты. В самом деле, рвение, с которым они теперь взялись за каждую область знания, может только удивлять тех, кто, руководствуясь привычкой своего ума изучать историю по ее отдельным фрагментам, не привык рассматривать ее как единое целое и кто, следовательно, не понимает, что в каждую великую эпоху действует какая-то одна идея, более могущественная, чем любая другая, и которая формирует события времени и определяет их конечный результат. Во Франции во второй половине восемнадцатого века эта идея заключалась в неполноценности внутреннего по отношению к внешнему. Именно этот опасный, но правдоподобный принцип привлек внимание людей от церкви к государству; он был замечен у Гельвеция, самого знаменитого из французских моралистов, и у Кондильяка, самого знаменитого из французских метафизиков. Это был тот же самый принцип, который, укрепляя, если можно так выразиться, репутацию Природы, побудил наиболее способных мыслителей посвятить себя изучению ее законов и отказаться от тех других занятий, которые были популярны в предшествующую эпоху. В результате этого движения во все отрасли физической науки были внесены такие замечательные дополнения, что во Франции во второй половине восемнадцатого века было открыто больше новых истин, касающихся внешнего мира, чем за все предыдущие периоды, вместе взятые. Подробности этих открытий, поскольку они служили общим целям цивилизации, будут описаны в другом месте; сейчас я укажу только самые выдающиеся, чтобы читатель мог понять ход последующих рассуждений и увидеть связь между ними и Французской революцией.

Принимая общий вид внешнего мира, мы можем сказать, что тремя наиболее важными силами, с помощью которых осуществляются действия природы, являются тепло, свет и электричество; включая под этим последним магнитные и гальванические явления. По всем этим вопросам французы впервые проявили себя с заметным успехом. Что касается тепла, то не только материалы для последующей индукции были собраны с неутомимым усердием, но еще до того, как ушло из жизни это поколение, индукция была фактически произведена; ибо, в то время как законы ее излучения были разработаны Прево,^[1059] законы ее проводимости были установлены Фурье, который незадолго до революции занялся доведением термотики до минимума. наука путем дедуктивного применения той знаменитой математической теории, которую он изобрел и которая до сих пор носит его имя.^[1060] Что касается электричества, то достаточно отметить, что в тот же период были проведены важные эксперименты Д'Алибара, за которыми последовали обширные работы Кулона, которые подвели электрические явления под юрисдикцию математики и, таким образом, завершили то, что уже подготовил Пинус.^[1061] Что касается законов света, то в настоящее время накапливались те идеи, которые сделали возможными великие шаги, предпринятые в конце столетия Малусом, а еще позже Френелем.^[1062] Оба этих выдающихся француза не только внесли важные дополнения в наши знания о двойном преломлении, но и открыли поляризацию света, что, несомненно, является самым блестящим вкладом, полученным оптической наукой со времен анализа солнечных лучей.^[1063] Также вследствие этого Френель начал те глубокие исследования, которые заложили прочную основу для великой волновой теории, основателями которой следует

считать Гука, Гюйгенса и, прежде всего, Юнга, и благодаря которым корпускулярная теория Ньютона была окончательно ниспровергнута.[1064]

Это касается прогресса французского знания относительно тех частей природы, которые сами по себе невидимы и о которых мы не можем сказать, имеют ли они материальное существование или являются просто условиями и свойствами других тел.[1065] Огромная ценность этих открытий как увеличения числа известных истин неоспорима: но в то же время был сделан другой класс открытий, которые, имея более осязаемое отношение к видимому миру, а также будучи более понятными, привели к более непосредственным результатам и, как я сейчас покажу, оказали заметное влияние на укрепление той демократической тенденции, которая сопровождала французскую революцию. Революция. В рамках тех ограничений, которые я себе определил, невозможно дать сколько-нибудь адекватное представление о той удивительной активности, с которой французы теперь продвигают свои исследования во все области органического и неорганического мира; тем не менее, я думаю, практически возможно сжать на нескольких страницах такое краткое изложение наиболее важных моментов, которое даст читателю некоторое представление о том, что было сделано тем поколением великих мыслителей, которое процветало во Франции во второй половине восемнадцатого века.

Если мы ограничим наш взгляд земным шаром, на котором мы обитаем, то следует признать, что химия и геология - это две науки, которые не только предлагают самые большие перспективы, но и уже содержат самые широкие обобщения. Причина этого станет ясна, если мы обратимся к идеям, на которых основаны эти два великих предмета. Идея химии - это изучение состава;[1066] идея геологии - это изучение положения. Цель первого - изучить законы, управляющие свойствами материи; цель второго - изучить законы, управляющие ее локальностью. В химии мы экспериментируем; в геологии мы наблюдаем. В химии мы имеем дело с молекулярным расположением мельчайших атомов;[1067] в геологии - с космологическим расположением наибольших масс. Следовательно, химик в силу своей мелочности и геолог в силу своего величия соприкасаются с двумя крайностями материальной вселенной; и, отталкиваясь от этих противоположных точек, имеют, как я мог бы легко доказать, постоянно усиливающуюся тенденцию подчинять своей власти науки, которые в настоящее время существуют независимо и которые ради разделения труда все еще удобно изучать по отдельности; хотя объединение их в полное и действенное целое должно быть делом философии, собственно так называемой, объединить их в единое целое. В самом деле, очевидно, что если бы мы знали все законы состава материи, а также все законы ее положения, мы также должны были бы знать все изменения, на которые материя способна спонтанно, то есть когда они не прерываются разумом человека. Каждое явление, которое представляет любая данная субстанция, должно быть вызвано либо чем-то, происходящим в субстанции, либо чем-то, происходящим вне ее, но действующим на нее; в то время как то, что происходит внутри, должно объясняться ее собственным составом, а то, что происходит снаружи, должно быть обусловлено ее положением по отношению к объектам, которые на нее воздействуют. Это исчерпывающее изложение всех возможных обстоятельств, и к одному из этих двух классов законов должно относиться все; даже те таинственные силы, которые, независимо от того, являются ли они эманациями материи или просто свойствами материи, должны в конечном счете зависеть либо от внутреннего устройства, либо от внешнего местоположения их физических предшественников. Следовательно, как бы удобно ни было при нынешнем

состоянии наших знаний говорить о жизненных принципах, невесомых жидкостях и эластичных эфирах, такие термины могут быть лишь предварительными и должны рассматриваться как простые названия для того остатка необъяснимых фактов, которые будущие века должны будут подвести под обобщения, достаточно широкие, чтобы охватить и включить целое.

Поскольку эти идеи состава и положения лежат, таким образом, в основе всего естествознания, неудивительно, что химия и геология, которые являются их лучшими, но все же недостаточными представителями, в наше время достигли большего прогресса, чем любая другая из великих отраслей человеческого знания. Хотя химики и геологи еще не достигли полного расцвета в своих предметах,^[1068] есть несколько вещей более любопытных, чем отметить то, каким образом в течение последних двух поколений они быстро расширяли свои взгляды — вторгаясь в темы, которые, на первый взгляд, их, казалось, не касались, — делая другие области исследований подчиненными своим интересам. Их собственные — и собирающие со всех сторон то интеллектуальное богатство, которое, долгое время спрятанное в темных уголках, было растрчено впустую на культивирование особых и низших занятий. Это, как одну из важнейших интеллектуальных характеристик нынешнего века, я впоследствии рассмотрю довольно подробно; но сейчас я должен показать, что в этих двух обширных науках, которые, хотя и все еще очень несовершенны, в конечном итоге должны превзойти все остальные, первые важные шаги были сделаны французами во второй половине восемнадцатого века.

То, что мы обязаны Франции существованием химии как науки, признает каждый, кто использует слово "наука" в том смысле, в каком только его и следует понимать, а именно как совокупность обобщений, настолько неопровержимо верных, что, хотя впоследствии они могут быть покрыты более высокими обобщениями, они не могут быть ими опровергнуты; другими словами, обобщений, которые могут быть усвоены, но не опровергнуты. С этой точки зрения, в истории химии есть только три великих этапа. Первым этапом было разрушение флогистической теории и установление на ее руинах доктрин окисления, горения и дыхания. Вторым этапом было установление принципа определенных пропорций и применение к нему атомной гипотезы. Третья стадия, выше которой мы еще не поднялись, состоит в объединении химических и электрических законов и в прогрессе, которого мы добиваемся в направлении объединения в одно обобщение их отдельных явлений. Какой из этих трех этапов был в свое время наиболее ценным, сейчас не обсуждается; но несомненно, что первым из них была работа Лавуазье, безусловно, величайшего из французских химиков. До него несколько важных моментов были прояснены английскими химиками, чьи эксперименты подтвердили существование ранее неизвестных тел. Однако звеньев, соединяющих факты, все еще не хватало; и до тех пор, пока Лавуазье не вошел в эту область, не было обобщений, достаточно широких, чтобы дать право химии называться наукой; или, говоря точнее, единственным широко распространенным обобщением было то, которое сделал Шталь, и которое великий француз доказал не только несовершенным, но и совершенно неточным. Сведения об обширных открытиях Лавуазье можно найти во многих известных книгах:^[1069] достаточно сказать, что он не только разработал законы окисления тел и их горения, но и является автором истинной теории дыхания, чисто химический характер которой он впервые продемонстрировал; таким образом, закладывается основа тех взглядов, которые касаются функций организма. пища, которую впоследствии разработали немецкие химики и которая, как я доказал во второй главе этого Введения, может быть применена для решения некоторых великих проблем в истории человечества. Заслуга этого была настолько очевидна благодаря Франции, что, хотя созданная в настоящее время система была быстро принята в других странах,^[1070] она

получила название французской химии.[1071] В то же время, поскольку старая номенклатура была полна старых ошибок, потребовалась новая, и здесь Франция снова взяла инициативу в свои руки; поскольку эта великая реформация была начата четырьмя ее самыми выдающимися химиками, которые процветали всего за несколько лет до революции.[1072]

В то время как одно подразделение французских мыслителей приводило в порядок кажущиеся неправильности химических явлений, другое их подразделение оказывало точно такую же услугу геологии. Первый шаг к популяризации этого благородного исследования был сделан Бюффоном, который в середине восемнадцатого века выдвинул геологическую теорию, которая, хотя и не совсем оригинальна, привлекла внимание своим красноречием и возвышенными рассуждениями, с которыми он ее связывал.[1073] За этим последовали более специальные, но все еще важные работы Руэлля, Десмареста, Доломье и Монлозье, которые менее чем за сорок лет произвели полную революцию в идеях французов, ознакомив их со странной концепцией, согласно которой поверхность нашей планеты, даже там, где она кажется совершенно стабильной, постоянно претерпевает самые обширные изменения. Стало понятно, что это постоянное течение имеет место не только в тех частях природы, которые явно слабы и недолговечны, но также и в тех, которые, кажется, обладают всеми элементами силы и постоянства, такими как гранитные горы, которые окружают земной шар и являются оболочкой, в которой он содержится. Как только ум привык к этому представлению об универсальных изменениях, настало время для появления какого-нибудь великого мыслителя, который обобщил бы разрозненные наблюдения и оформил их в науку, соединив их с какой-нибудь другой областью знания, законы или, во всяком случае, эмпирическое единообразие которой уже были установлены.

Именно в этот момент, когда исследования геологов, несмотря на их ценность, были еще сырыми и неурегулированными, этим вопросом занялся Кювье, один из величайших натуралистов, когда-либо созданных Европой. Есть еще несколько человек, которые превзошли его в глубине; но по всесторонности было бы трудно найти его превосходящего; а огромный диапазон его исследований давал ему особое преимущество в изучении операций и зависимостей внешнего мира.[1074] Этот замечательный человек, несомненно, является основателем геологии как науки, поскольку он не только первый, кто увидел необходимость применения к ней обобщений сравнительной анатомии, но он также первый, кто фактически, реализуя эту великую идею, преуспел в координации изучения слоев земли с изучением найденных в них ископаемых животных. [1075] Незадолго до публикации его исследований действительно было собрано много ценных фактов, касающихся отдельных слоев; первичные образования исследовались немцами, вторичные - англичанами.[1076] Но эти наблюдения, несмотря на их достоинства, были изолированными; и им не хватало той обширной концепции, которая придавала единство и величие целому, связывая исследования, касающиеся неорганических изменений поверхности земного шара, с другими исследованиями, касающимися органических изменений животных, обитающих на поверхности.

Насколько этот огромный шаг сделан Францией, видно не только из роли, сыгранной Кювье, но и из признанного факта, что французам мы обязаны нашими знаниями о третичных слоях,[1077] в котором органические остатки наиболее многочисленны, и общая аналогия с нашим нынешним состоянием наиболее близка.[1078] Аналогичным образом может быть добавлено другое обстоятельство, указывающее на тот же вывод. Дело в том, что первое применение принципов сравнительной анатомии к изучению ископаемых костей также было работой

француза, знаменитого Добентона. До сих пор эти кости были предметом глупого удивления; одни говорили, что они были пролиты дождем с небес, другие утверждали, что это были гигантские конечности древних патриархов, людей, которые считались высокими, потому что было известно, что они старые.[1079] Такое праздное тщеславие было навсегда разрушено Добентоном в мемуарах, опубликованных им в 1762 году;[1080] с которой, однако, мы не согласны. сейчас речь идет разве что о том, что это свидетельство состояния французского разума, и его стоит отметить как предшественника открытий Кювье.

Благодаря этому объединению геологии и анатомии в изучение природы впервые было внесено четкое представление о великолепной доктрине всеобщих изменений; в то же время рядом с ней выросло столь же устойчивое представление о регулярности, с которой совершаются изменения, и о неизменных законах, которыми они управляются. Подобных идей, без сомнения, время от времени придерживались в предшествующие эпохи; но великие французы восемнадцатого века были первыми, кто применил их ко всей структуре земного шара и кто таким образом подготовил путь к еще более высокому взгляду, для которого их умы еще не созрели,[1081] но к которому в наше время быстро поднимаются самые передовые мыслители. Ибо теперь мы начинаем понимать, что, поскольку каждое дополнение к знаниям дает новое доказательство регулярности, с которой происходят все изменения в природе, мы обязаны верить, что та же самая регулярность существовала задолго до того, как наша маленькая планета приняла свою нынешнюю форму, и задолго до того, как человек ступил на поверхность земли. У нас есть самые многочисленные свидетельства того, что движения, непрерывно происходящие в материальном мире, носят характер единообразия; и это единообразие настолько четко обозначено, что в астрономии, самой совершенной из всех наук, мы способны предсказывать события за много лет до того, как они действительно произойдут; и никто не может сомневаться, что если бы в других предметах наша наука была столь же продвинута, наши предсказания были бы столь же точными. Следовательно, ясно, что бремя доказательства лежит не на тех, кто утверждает вечную закономерность природы, а скорее на тех, кто это отрицает; и кто устанавливает воображаемый период, которому они приписывают воображаемую катастрофу, в течение которого, по их словам, были введены новые законы и установлен новый порядок. Такие необоснованные предположения, даже если они в конечном итоге окажутся верными, при нынешнем состоянии знаний неоправданны и должны быть отвергнуты как последние остатки тех теологических предрассудков, которые, в свою очередь, препятствовали продвижению каждой науки. Эти и все аналогичные понятия приносят двойной вред. Они вредны, потому что калечат человеческий разум, накладывая ограничения на его исследования; и прежде всего они вредны, потому что ослабляют ту обширную концепцию непрерывного закона, которую действительно немногие способны твердо усвоить, но от которой в конечном счете должны зависеть высочайшие обобщения будущей науки.

Именно этим глубоким убеждением, что изменяющиеся явления имеют неизменные законы и что существуют принципы порядка, к которым можно отнести любой кажущийся беспорядок, — именно им в семнадцатом веке руководствовались в ограниченной области Бэкон, Декарт и Ньютон; которое в восемнадцатом веке было применено ко всем частям материальной вселенной; и которое задача девятнадцатого века распространить на историю человеческого интеллекта. Этим последним направлением исследований мы обязаны главным образом Германии; ибо, за единственным исключением Вико, никто даже не подозревал о возможности прийти к полным обобщениям относительно прогресса человека, пока незадолго до Французской революции великие немецкие мыслители не начали развивать это высшее и

наиболее трудное из всех исследований. Но сами французы были слишком заняты физической наукой, чтобы обращать внимание на такие вопросы;^[1082] и, говоря в целом, мы можем сказать, что в восемнадцатом веке каждая из трех ведущих наций Европы играла отдельную роль. Англия распространяла любовь к свободе; Франция - знание физических наук; в то время как Германия, при некоторой помощи Шотландии, возродила изучение метафизики и создала изучение истории философии. Из этой классификации, конечно, могут быть сделаны некоторые исключения; но то, что это были характерные черты трех стран, несомненно. После смерти Локка в 1704 году и Ньютона в 1727 году в Англии наблюдалась острая нехватка великих мыслителей-спекулянтов; и это не потому, что не хватало способностей, а потому, что они были обращены частично на практические занятия, частично на политическую борьбу. В дальнейшем я рассмотрю причины этой особенности и попытаюсь установить, в какой степени она повлияла на судьбу страны. В том, что результаты были в целом полезными, я не сомневаюсь; но они, несомненно, нанесли ущерб прогрессу науки, поскольку имели тенденцию уводить ее от всех новых истин, за исключением тех, которые могли принести очевидную и практическую пользу. Следствием этого было то, что, хотя англичане совершили несколько великих открытий, в течение семидесяти лет у них не было ни одного человека, который придерживался бы действительно всеобъемлющего взгляда на явления природы; ни одного, кого можно было бы сравнить с теми выдающимися мыслителями, которые во Франции реформировали каждую отрасль физического знания. И только спустя более чем два поколения после смерти Ньютона появились первые симптомы замечательной реакции, которая быстро проявилась почти во всех областях национальной интеллигенции. В физике достаточно упомянуть Далтона, Дэви и Янга, каждый из которых в своей области был основателем новой эпохи; в то время как по другим предметам я могу лишь сослаться, во-первых, на влияние шотландской школы; и, во-вторых, на то внезапное и вполне заслуженное восхищение немецкой литературой, главным выразителем которой был Кольридж и которая привила английскому уму вкус к обобщениям более высоким и бесстрашным, чем какие-либо до сих пор известные. История этого обширного движения, начавшегося в начале девятнадцатого века, будет прослежена в будущих томах этого труда; в настоящее время я просто отмечаю это как иллюстрацию того факта, что до начала движения англичане, хотя и превосходили французов в нескольких вопросах чрезвычайной важности, в течение многих лет уступали им в тех широких философских взглядах, без которых не только самая терпеливая работа бесполезна, но даже настоящие открытия теряют свою истинную ценность из-за отсутствия таких привычек обобщения, которые прослеживали бы их связь друг с другом и объединяли их разрозненные фрагменты в одно целое. обширная система полной и гармоничной истины.

Интерес, проявленный к этим исследованиям, побудил меня изложить их более подробно, чем я намеревался; возможно, более подробно, чем это соответствует наводящему на размышления и подготовительному характеру этого Введения. Но необычайный успех, с которым французы в настоящее время развивают физические знания, настолько любопытен из-за его связи с революцией, что я должен упомянуть еще несколько его наиболее ярких примеров; хотя, ради краткости, я ограничусь теми тремя крупными разделами, которые, будучи взятыми вместе, образуют то, что называется естественной историей, и во всех из которых мы увидим, что наиболее важные шаги были предприняты во Франции во второй половине восемнадцатого века.

В первом из этих подразделений, а именно в отделе зоологии, мы обязаны французам восемнадцатого века теми обобщениями, которые до сих пор являются наивысшими

достижениями этой отрасли знания. Если брать зоологию в собственном смысле этого термина, то она состоит только из двух частей: анатомической, которая представляет собой ее статику, и физиологической, которая представляет собой ее динамику: первая относится к строению животных; другая - к их функциям.[1083] Оба эти подхода были разработаны почти в одно и то же время Кювье и Биша; и основные выводы, к которым они пришли, остаются по прошествии шестидесяти лет неизменными в своих основных положениях. В 1795 году Кювье сформулировал великий принцип, согласно которому изучение и классификация животных должны проводиться не так, как раньше, с учетом внешних особенностей, а с учетом внутренней организации; и что, следовательно, никакого реального прогресса в наших знаниях нельзя добиться, кроме как расширив границы сравнительной анатомии.[1084] Этот шаг, каким бы простым он сейчас ни казался, имел огромное значение, поскольку благодаря ему зоология была сразу же вырвана из рук наблюдателя и передана в руки экспериментатора: следствием этого стало достижение той точности и детализации, которые может дать только эксперимент и которые во всех отношениях превосходят такие популярные факты, как материалы для наблюдений. Указав таким образом натуралистам истинный путь исследования, приучив их к тщательному и строгому методу и научив их презирать те расплывчатые описания, которыми они прежде восхищались, Кювье заложил основу прогресса, который за последние шестьдесят лет превзошел самые оптимистичные ожидания. Таким образом, реальная услуга, оказанная Кювье, заключается в том, что он ниспроверг искусственную систему, созданную гением Линнея,[1085] и заменил ее гораздо более совершенной схемой, которая давала самый широкий простор будущим исследованиям; поскольку, согласно ей, все системы следует считать несовершенными и временными до тех пор, пока остается что-либо, что необходимо изучить в отношении сравнительная анатомия животного царства. Влияние, оказываемое этим великим воззрением, было усилено необычайным мастерством и усердием, с которыми его автор проводил его в жизнь и доказал осуществимость своих собственных принципов. Его дополнения к нашим знаниям сравнительной анатомии, вероятно, более многочисленны, чем те, которые были сделаны любым другим человеком; но что принесло ему наибольшую известность, так это всеобъемлющий дух, с которым он использовал то, что приобрел. Независимо от других обобщений, он является автором обширной классификации всего животного царства на позвоночных, моллюсков, суставчатых и лучевых;[1086] классификация, которая сохраняет свои позиции и является одним из самых замечательных примеров того широкого и философского духа, который Франция привнесла в явления материального мира.[1087]

Однако великое, как и имя Кювье, еще более великое остается позади. Я имею в виду, конечно, Биша, чья репутация неуклонно растет по мере развития наших знаний, и которого, если мы сравним краткость его жизни с масштабом и глубиной его взглядов, следует признать самым глубоким мыслителем и самым опытным наблюдателем, с помощью которого до сих пор изучалась организация животного мира.[1088] Он действительно хотел получить те всеобъемлющие знания, которыми отличался Кювье; но хотя в этом отношении его обобщения были взяты с меньшей поверхности, они были, с другой стороны, менее предварительными: они были, я думаю, более полными и, безусловно, касались более важных тем. Ибо внимание Биша было преимущественно направлено на человеческий каркас[1089] в самом широком смысле этого слова; его целью было исследовать организацию человека, чтобы, по возможности, приблизиться к некоторым знаниям о причинах и природе жизни. В этом великолепном предприятии, рассматриваемом в целом, он потерпел неудачу; но то, чего он добился в

определенных его частях, настолько экстраординарно и дало такой толчок некоторым высшим отраслям исследования, что я кратко укажу на его метод, чтобы сравнить его с другим методом, который в то же время Кювье применил с огромным успехом.

Важным шагом, предпринятым Кювье, было то, что он настаивал на необходимости всестороннего изучения органов животных, вместо того чтобы следовать старому плану простого описания их привычек и внешних особенностей. Это было огромным достижением, поскольку на смену свободным и популярным наблюдениям он пришел прямой эксперимент и, следовательно, привнес в зоологию точность, ранее неизвестную.^[1090] Но Биша, с еще более проницательным взглядом, увидел, что даже этого было недостаточно. Он увидел, что, поскольку каждый орган состоит из различных тканей, необходимо изучить сами ткани, прежде чем мы сможем узнать, каким образом из их комбинаций образуются органы. Эта, как и все действительно великие идеи, не была полностью выдвинута одним человеком; ибо физиологическая ценность тканей была признана тремя или четырьмя непосредственными предшественниками Биша, такими как Кармайкл, Смит, Бонн, Бордо и Фаллопиус. Эти исследователи, однако, несмотря на их усердие, не добились ничего существенного, поскольку, хотя они и собрали несколько особых фактов, в их наблюдениях наблюдался тот недостаток гармонии и та общая незавершенность, которые всегда характерны для трудов людей, не достигших авторитетного взгляда на предмет, с которым они имеют дело.^[1091]

Именно при таких обстоятельствах Биша начал эти исследования, которые, судя по их действительным и еще больше по их предполагаемым результатам, являются, вероятно, самым ценным вкладом, когда-либо внесенным в физиологию отдельным разумом. В 1801 году, всего за год до своей смерти,^[1092] он опубликовал свой великий труд по анатомии, в котором изучение органов полностью подчинено изучению составляющих их тканей. Он утверждает, что тело человека состоит из двадцати одной отдельной ткани, все из которых, хотя и существенно отличаются друг от друга, обладают общими двумя великими свойствами растяжимости и сократимости.^[1093] Эти ткани он с неутомимым усердием^[1094] подвергал всевозможным исследованиям; он исследовал их в разном возрасте и при разных заболеваниях с целью установления законов их нормального и патологического развития.^[1095] Он изучал, как влага, воздух и температура влияют на каждую ткань; также то, как различные химические вещества изменяют их свойства,^[1096] и даже их влияние на вкус.^[1097] С помощью этих средств и многих других экспериментов, направленных в том же направлении, он сделал настолько большой и внезапный шаг, что его следует рассматривать не просто как новатора в старой науке, но скорее как создателя новой.^[1098] И хотя последующие наблюдатели исправили некоторые из его выводов, это было сделано только путем следования его методу; ценность которого в настоящее время настолько общепризнанна, что его принимают почти все лучшие анатомы, которые, расходясь в других пунктах, согласны с необходимостью основывать будущий прогресс анатомии на знании тканей, высшую важность которых Биша понял первым. ^[1099]

Методы Биша и Кювье, взятые вместе, исчерпывают действительные ресурсы зоологической науки, так что все последующие натуралисты были вынуждены следовать одной из этих двух схем, то есть либо следовать Кювье в сравнении органов животных, либо следовать Биша в сравнении тканей, составляющих органы.^[1100] И поскольку одно сравнение в основном наводит на мысль о функции, а другое - о структуре, очевидно, что для того, чтобы поднять изучение животного мира до высшей точки, на которую оно способно, необходимы оба этих великих плана; но если мы спросим, какой из двух планов, без помощи другого, с большей

вероятностью приведет к важным результатам, пальма первенства, я думаю, должна быть отдана уступил тому, что предложил Биша. Конечно, если мы посмотрим на этот вопрос как на вопрос, который должен решаться авторитетом, то большинство наиболее выдающихся анатомов и физиологов в настоящее время склоняются на сторону Биша, а не Кювье; в то время как с точки зрения истории можно доказать, что репутация Биша с развитием знаний росла быстрее, чем у его великого соперника. Что, однако, кажется мне еще более решающим, так это то, что два наиболее важных открытия, сделанные в наше время в отношении классификации животных, являются полностью результатом метода, предложенного Биша. Первое открытие было сделано Агассисом, который в ходе своих ихтиологических исследований пришел к выводу, что расположение органов Кювье не соответствовало своему назначению в отношении ископаемых рыб, потому что с течением веков характеристики их строения были разрушены.^[1101] Поэтому он принял единственный оставшийся план и изучил ткани, которые, будучи менее сложными, чем органы, чаще обнаруживаются неповрежденными. Результатом стало весьма замечательное открытие, что покровная мембрана рыб настолько тесно связана с их организмом, что, если вся рыба погибла, кроме этой мембраны, практически возможно, отмечая ее характеристики, реконструировать животное в его наиболее существенных частях. О ценности этого принципа гармонии можно составить некоторое представление из того обстоятельства, что на нем Агассис основал всю ту знаменитую классификацию, единственным автором которой он является и благодаря которой ископаемая ихтиология впервые приобрела точную и определенную форму.^[1102]

Другое открытие, применение которого гораздо шире, было сделано точно таким же образом. Она заключается в поразительном факте, что зубы каждого животного имеют необходимую связь со всей организацией его скелета; так что в определенных пределах мы можем предсказать организацию, исследуя зуб. Этот прекрасный пример закономерности действий природы был известен более чем через тридцать лет после смерти Биша, и это, очевидно, связано с применением того метода, который он усердно внедрял. Поскольку зубы никогда не были должным образом исследованы на предмет их отдельных тканей, считалось, что они по существу лишены структуры или, как думали некоторые, представляют собой просто волокнистую структуру.^[1103] Но с помощью тщательных микроскопических исследований, недавно было установлено, что ткани зубов строго аналогичны тканям других частей тела;^[1104] и что слоновая кость, или дентин, как его сейчас называют,^[1105] высокоорганизован; что он, как и эмаль, клеточный и, по сути, является развитием живой пульпы. Это открытие, которое для анатома-философа имеет большое значение, было сделано около 1838 года; и хотя предварительные шаги были предприняты Пуркинье, Ретциусом и Шванном, основная заслуга принадлежит Нэсмиту и Оуэну,^[1106] между которыми это оспаривается, но чьи конкурирующие утверждения мы здесь не призваны согласовывать.^[1107] Что я хочу заметить, так это то, что открытие похоже на то, которым мы обязаны Агассису; похоже по методу, с помощью которого оно было разработано, а также по результатам, которые из него вытекают. Оба они обусловлены признанием фундаментальной максимы Биша о том, что изучение органов должно быть подчинено изучению тканей, и оба оказали наиболее ценную помощь зоологической классификации. В этом отношении услуга, оказанная Оуэном, неоспорима, что бы ни думали о его первоначальных заявлениях. Этот выдающийся натуралист с огромным усердием применил это открытие ко всем позвоночным животным; и в тщательно разработанной работе, специально посвященной этому предмету, он не оспаривает

удивительный факт, что строение отдельного зуба является критерием природы и организации вида, к которому он принадлежит.^[1108]

Любой, кто много размышлял о различных стадиях, через которые последовательно прошли наши знания, должен, я думаю, прийти к выводу, что, полностью признавая великие заслуги этих исследователей животного мира, наше наивысшее восхищение следует приберечь не для тех, кто совершает открытия, а скорее для тех, кто указывает, как эти открытия должны быть сделаны.^[1109] Когда однажды указан истинный путь исследования, остальное сравнительно легко. Проторенное шоссе всегда открыто; и трудность заключается не в том, чтобы найти тех, кто пойдет по старой дороге, а в том, чтобы проложить новую. Каждая эпоха в изобилии производит людей проникательных и весьма трудолюбивых, которые, хотя и вполне компетентны в том, чтобы углублять детали науки, не способны расширить ее отдаленные границы. Это потому, что такое расширение должно сопровождаться новым методом,^[1110] который, чтобы быть ценным, а также новым, предполагает со стороны его автора не только полное владение ресурсами своего предмета, но также обладание оригинальностью и всесторонностью — двумя редчайшими формами человеческого гения. В этом заключается истинная трудность любого великого стремления. Как только какая-либо область знания обобщается в законы, она содержит, либо сама по себе, либо в своих приложениях, три различные отрасли, а именно изобретения, открытия и метод. Из них первое соответствует искусству; второе — науке; а третье — философии. В этой шкале изобретения занимают, безусловно, самое низкое место, и умы высшего порядка редко ими заняты. Следующими в ряду следуют открытия; и здесь действительно начинается область интеллекта, поскольку здесь предпринимается первая попытка искать истину за ее счет и отбросить те практические соображения, к которым с необходимостью относятся изобретения. Это наука в собственном смысле этого слова; и насколько трудно достичь этой стадии, видно из того факта, что все полумодернизированные нации сделали много великих изобретений, но не сделали великих открытий. Однако высшей из всех трех стадий является философия метода, которая имеет такое же отношение к науке, как наука к искусству. Анналы знания предоставляют множество свидетельств его огромной и действительно высшей важности; и из-за отсутствия этого некоторые очень великие люди абсолютно ничего не добились, тратя свои жизни на бесплодное трудолюбие не потому, что их труд был небрежным, а потому, что их метод был бесплодным. На прогресс любой науки больше влияет схема, в соответствии с которой она культивируется, чем фактические способности самих практиков. Если те, кто путешествует по незнакомой стране, тратят свои силы на то, чтобы бежать не по той дороге, они упустят то, к чему стремятся, и, возможно, потеряют сознание и упадут по дороге. В том долгом и трудном путешествии за истиной, которое человеческому разуму еще предстоит совершить, и о котором мы, люди нашего поколения, можем видеть лишь отдаленную перспективу, несомненно, что успех будет зависеть не от скорости, с которой люди продвигаются по пути исследования, а скорее от умения, с которым этот путь избран для них теми великими и всеобъемлющими мыслителями, которые являются законодателями и основателями знания; потому что они восполняют его недостатки не путем исследования конкретных трудностей, а путем внедрения некоего крупного и радикального нововведения, которое открывает новое направление мысли и создает свежие ресурсы, которые у него остались. чтобы их потомки разобрались и применили.

Именно с этой точки зрения мы должны оценивать ценность Биша, чьи работы, как и работы всех выдающихся людей, таких как Аристотель, Бэкон и Декарт, отмечают эпоху в истории человеческого разума; и как таковые, их можно справедливо оценить, только связав с

социальным и интеллектуальным состоянием эпохи, в которую они появились. Это придает важность и осмысленность трудам Биша, о которых действительно мало кто полностью осведомлен. Два величайших недавних открытия, касающиеся классификации животных, являются, как мы только что видели, результатом его учения; но его влияние привело к другим последствиям, еще более важным. Он, с помощью Кабаниса, оказал физиологии неоценимую услугу, предотвратив ее участие в той меланхолической реакции, которой подверглась Франция в начале девятнадцатого века. Это слишком обширная тема, чтобы обсуждать ее сейчас; но я могу упомянуть, что когда Наполеон, не из чувства убежденности, а в своих собственных эгоистичных целях, попытался восстановить силу церковных принципов, литераторы с постыдным раболепием попали в поле его зрения; и начался заметный упадок того независимого и новаторского духа, с которым в течение пятидесяти лет французы культивировали высшие области знания. Отсюда возникла та метафизическая школа, которая, хотя и заявляла, что держится в стороне от теологии, была тесно связана с ней; и чьи показные замыслы образуют в своем эфемерном великолепии разительный контраст с более суровыми методами, которым следовали предшествующие поколения.^[1111] Против этого движения французские физиологи, как единое целое, всегда протестовали; и может быть ясно доказано, что их противодействие, которое не смогли преодолеть даже выдающиеся способности Кювье, частично обусловлено импульсом, данным Биша, который настаивал в своем стремлении к необходимости отказа от тех допущений, с помощью которых метафизики и теологи стремятся контролировать каждый процесс. наука. В качестве иллюстрации этого я могу упомянуть два факта, заслуживающих внимания. Первая заключается в том, что в Англии, где в течение значительного периода влияние Биша едва ощущалось, многие, даже из наших выдающихся физиологов, проявили явную склонность к союзу с реакционной партией; и не только выступали против таких новшеств, которые они не могли немедленно объяснить, но и унизили свою собственную благородную науку, превратив ее в служанку для целей естественной теологии. Другой факт заключается в том, что во Франции последователи Биша, почти без исключения, отвергли изучение конечных причин, которого все еще придерживается школа Кювье: в то время как, как естественное следствие, последователи Биша ассоциируются в геологии с доктриной единообразия; в зоологии - с теорией трансмутации видов; а в астрономии - с гипотезой небулярности: обширными и великолепными схемами, под прикрытием которых человеческий разум ищет спасения от той догмы вмешательства, которую повсюду сокращает продвижение знаний, и существования космических объектов. что несовместимо с теми представлениями о вечном порядке, к которому мы постоянно стремились в течение последних двух столетий.

Эти великие явления, которые представляет собой французский интеллект и о которых я набросал лишь краткий очерк, будут описаны с подобающими подробностями во второй части этой работы, когда я рассмотрю нынешнее состояние европейского разума и попытаюсь оценить его будущие перспективы. Однако, чтобы завершить нашу оценку Биша, необходимо обратить внимание на то, что некоторые считают наиболее ценным из всех его произведений, в которых он стремился ни много ни мало к исчерпывающему обобщению жизненных функций. Мне действительно кажется, что во многих важных моментах Биша здесь не оправдал ожиданий; но сама работа по-прежнему стоит особняком и является настолько ярким примером гениальности автора, что я дам краткий отчет о его основных взглядах.

Жизнь, рассматриваемая в целом, имеет две отдельные ветви;^[1112] одна ветвь характерна для животных, другая - для растений. То, что присуще только животным, называется животной

жизнью; то, что является общим как для животных, так и для растений, называется органической жизнью. Таким образом, в то время как растения живут только одной жизнью, у человека есть две различные жизни, которые управляются совершенно разными законами и которые, хотя и тесно связаны, постоянно противостоят друг другу. В органической жизни человек существует исключительно для себя; в животной жизни он вступает в контакт с другими. Функции первого являются чисто внутренними, функции второго - внешними. Его органическая жизнь ограничена двойным процессом созидания и разрушения: созидательный процесс - это процесс ассимиляции, такой как пищеварение, кровообращение и питание; разрушительный процесс - это процесс выделения, такой как выдох и тому подобное. Это то, что у человека есть общего с растениями; и об этой жизни он, находясь в естественном состоянии, не подозревает. Но характерной чертой его животной жизни является сознание, поскольку благодаря ему он становится способным двигаться, чувствовать, судить. В силу первой жизни он всего лишь растение; с добавлением второй он становится животным.

Если теперь мы посмотрим на органы, с помощью которых в человеке осуществляются функции этих двух жизней, мы будем поражены замечательным фактом, что органы его растительной жизни очень неправильные, а органы его животной жизни очень симметричные. Его вегетативная, или органическая, жизнь осуществляется желудком, кишечником и железистой системой в целом, такой как печень и поджелудочная железа; все они нерегулярны и допускают величайшее разнообразие форм и развития, без серьезных нарушений их функций. Но в его животной жизни органы настолько существенно симметричны, что очень незначительное отклонение от обычного типа ухудшает их действие.^[1113] не только мозг, но и органы чувств, как глаза, нос, уши, совершенно симметрично, и они так же как остальные органы животной жизни, как ноги и руки, махровые, представляя на каждой стороне тела двух отдельных частей, которые соотносятся друг с другом и создавать симметрию неизвестных наша жизнь растений, органы которых, по большей части, лишь один, как в желудке, печени, поджелудочной железы и селезенки.^[1114]

Из этого фундаментального различия между органами двух жизней вытекает несколько других различий, представляющих большой интерес. Поскольку наша животная жизнь двойственна, в то время как наша органическая жизнь едина, для прежней жизни становится возможным отдохнуть, то есть на время прекратить часть своих функций, а затем возобновить их. Но в органической жизни остановиться - значит умереть. Жизнь, которая у нас общая с растениями, никогда не дремлет; и если ее движения полностью прекращаются только на одно мгновение, они прекращаются навсегда. Этот процесс, посредством которого наши тела получают одни вещества и выделяют другие, не допускает прерываний; по своей природе он непрерывен, потому что, будучи одиночным, он никогда не может получить дополнительной помощи. Другую жизнь мы можем освежить не только во сне, но даже когда бодрствуем. Таким образом, мы можем тренировать органы движения, пока даем отдых органам мышления; и даже возможно облегчить функцию, пока мы продолжаем ее использовать, потому что, поскольку наша животная жизнь двойная, мы способны на короткое время, в случае утомления одной из ее частей, задействовать соответствующую часть; используя, например, единственный глаз или единственную руку, чтобы дать отдых той, которая, возможно, была исчерпана обстоятельствами; прием, которому единая природа органической жизни полностью препятствует.^[1115]

Таким образом, поскольку наша животная жизнь по существу прерывиста, а наша органическая жизнь по существу непрерывна,[1116] из этого неизбежно следует, что первая способна к улучшению, на которое неспособна вторая. Не может быть улучшения без сравнения, поскольку только сравнивая одно состояние с другим, мы можем исправить предыдущие ошибки и избежать будущих. Итак, наша органическая жизнь не допускает такого сравнения, потому что, будучи непрерывной, она не разбивается на стадии, но, не нарушенная болезнью, протекает с унылым однообразием. С другой стороны, функции нашей животной жизни, такие как мышление, речь, зрение и движение, не могут долго осуществляться без отдыха; и поскольку они постоянно приостановлены, становится практически возможным сравнивать их и, следовательно, улучшать. Именно благодаря обладанию этим ресурсом первый крик младенца постепенно перерастает в совершенную речь мужчины, а несформировавшиеся привычки раннего мышления созревают до той зрелости, которую ничто не может дать, кроме долгого ряда последовательных усилий.[1117] Но наша органическая жизнь, которая у нас общая с овощами, не допускает прерываний и, следовательно, улучшений. Она подчиняется своим собственным законам, но не извлекает никакой пользы из того повторения, которому исключительно обязана животная жизнь. Его функции, такие как питание и тому подобное, существуют у человека за несколько месяцев до его рождения, и пока его животная жизнь еще не началась, способность к сравнению, которая является основой совершенствования, невозможна.[1118] И хотя по мере увеличения человеческого тела его вегетативные органы становятся крупнее, нельзя предполагать, что их функции действительно улучшаются, поскольку в обычных случаях их обязанности в детстве выполняются так же регулярно и полно, как и в среднем возрасте.[1119]

Таким образом, хотя существуют и другие причины, можно сказать, что прогрессивность животной жизни обусловлена ее прерывистостью; непрогрессивность органической жизни - ее непрерывностью. Более того, можно сказать, что прерывистость первой жизни является результатом симметрии ее органов, в то время как непрерывность второй жизни является результатом их неправильности. Против этого широкого и поразительного обобщения можно выдвинуть множество возражений, некоторые из них кажутся непреодолимыми; но в том, что оно содержит зародыши великих истин, я почти не сомневаюсь, и, во всяком случае, несомненно, что метод не может быть слишком высоко оценен, поскольку он объединяет изучение функций и строения с эмбриологией, физиологией растений, теорией сравнения и влиянием привычки; обширная и великолепная область, которую смог охватить гений Биша, но о которой после него ни физиологи, ни метафизики даже не пытались говорить. общий обзор.

Это постоянное состояние в течение нынешнего столетия предмета, вызывающего такой пристальный интерес, является решающим доказательством необычайного гения Биша; поскольку, несмотря на дополнения, внесенные в физиологию и во все связанные с ней разделы физики, вообще не было сделано ничего сравнимого с той теорией жизни, которую он, располагая гораздо меньшими ресурсами, смог построить. Эту колоссальную работу он оставил, действительно, очень несовершенной; но даже в ее недостатках мы видим руку великого мастера, к которому в его собственном предмете еще никто не обращался. Его эссе о жизни вполне можно сравнить с теми разбитыми фрагментами древнего искусства, которые, какими бы несовершенными они ни были, все еще несут на себе отпечаток вдохновения, породившего их, и представляют в каждой отдельной части то единство концепции, которое для нас делает их целостным и живым целым.

Из предыдущего краткого обзора прогресса физических знаний читатель может составить некоторое представление о способностях тех выдающихся людей, которые появились во Франции во второй половине восемнадцатого века. Чтобы дополнить картину, необходимо лишь изучить, что было сделано в двух оставшихся отраслях естественной истории, а именно в ботанике и минералогии, в обеих из которых первые большие шаги к превращению каждого исследования в науку были предприняты французами за несколько лет до революции.

В ботанике, хотя наши знания о конкретных фактах за последние сто лет быстро расширились,^[1120] мы обладаем только двумя обобщениями, достаточно широкими, чтобы их можно было назвать законами природы. Первое обобщение касается строения растений; другое касается их физиологии. Что касается их физиологии, так это прекрасный морфологический закон, согласно которому различный внешний вид различных органов является результатом задержки развития: тычинки, пестики, венчик, чашечка и прицветники являются простыми модификациями или последовательными стадиями развития листа. Это одно из многих ценных открытий, которыми мы обязаны Германии; оно было сделано Гете в конце восемнадцатого века.^[1121] С ее важностью знаком каждый ботаник; в то время как для историка человеческого разума она особенно интересна как подкрепляющая ту великую доктрину развития, к которой сейчас стремятся высшие отрасли знания и которая в нынешнем столетии была также перенесена в один из самых сложных отделов физиологии животных.^[1122]

Но самая всеобъемлющая истина, с которой мы знакомы относительно растений, - это та, которая включает в себя всю их общую структуру; и этому мы научились у тех великих французов, которые во второй половине восемнадцатого века начали изучать внешний мир. Первые шаги были предприняты сразу после середины столетия Адансоном, Дюамелем де Монсо и, прежде всего, Десфонтемом; тремя выдающимися мыслителями, которые доказали применимость естественного метода, доселе неизвестного и о котором даже сам Рей имел лишь смутное представление.^[1123] Это, ослабляя влияние искусственной системы Линнея,^[1124] подготовило почву для инноваций, более полных, чем те, которые были осуществлены в любой другой отрасли знания. В тот самый год, когда произошла Революция, Жюссье выдвинул ряд ботанических обобщений, из которых наиболее важные тесно связаны и до сих пор остаются наивысшими достижениями этого исследовательского отдела.^[1125] Среди них мне нужно упомянуть только три обширных положения, которые, как теперь признано, составляют основу анатомии растений. Первый состоит в том, что растительное царство на всем его протяжении состоит из растений либо с одной семядолькой, либо с двумя семядолями, либо вообще без семядоли. Второе предположение состоит в том, что эта классификация отнюдь не искусственна, а строго естественна; поскольку это закон природы, согласно которому растения с одной семядолью являются эндогенными и растут за счет добавлений, вносимых в центр их стеблей, в то время как, с другой стороны, растения с двумя семядолями являются экзогенными и вынуждены расти за счет добавлений, вносимых не в центр их стеблей, а по окружности.^[1126] Третье предположение состоит в том, что, когда растения растут в центре, расположение плодов и листьев тройное; однако, когда они растут по окружности, оно почти всегда пятикратное.^[1127]

Вот что было сделано французами восемнадцатого века для растительного царства:[1128] и если мы теперь обратимся к минеральному царству, мы обнаружим, что наши обязательства перед ними столь же велики. Изучение минералов является наиболее несовершенным из трех разделов естественной истории, потому что, несмотря на его кажущуюся простоту и огромное количество проведенных экспериментов, истинный метод исследования еще не установлен; сомнительно, следует ли подчинять минералогию законам химии или кристаллографии, или же придется учитывать оба свода законов.[1129] Во всяком случае, несомненно, что вплоть до настоящего времени химия показала себя неспособной свести минералогические явления к минимуму; и ни один химик, обладающий достаточными способностями к обобщению, не пытался выполнить эту задачу, кроме Берцелиуса; и большинство его выводов были опровергнуты великолепным открытием изоморфизма, которым, как хорошо известно, мы обязаны Мичерлиху, одному из многих великих мыслителей, произведенных Германией.[1130]

Хотя химический отдел минералогии находится в несформированном и фактически анархическом состоянии, другой его отдел, а именно кристаллография, добился большого прогресса; и здесь опять же первые шаги были сделаны двумя французами, жившими во второй половине восемнадцатого века. Примерно в 1760 году Роме Де Лиль[1131] подал первый пример изучения кристаллов в соответствии со схемой, настолько большой, что включала все разновидности их первичных форм и учитывала их неровности и кажущийся каприз, с которым они были расположены. В этом исследовании он руководствовался фундаментальным предположением, что то, что называется неправильностью, на самом деле совершенно регулярно и что действия природы неизменны.[1132] Едва эта великая идея была применена к почти бесчисленным формам, в которые кристаллизуются минералы, как за ней с еще большими ресурсами последовал Хауи, другой выдающийся француз.[1133] Этот замечательный человек добился полного объединения минералогии и геометрии; и, применив законы пространства к молекулярному устройству вещества, он смог проникнуть во внутреннюю структуру кристаллов.[1134] Таким образом, ему удалось доказать, что вторичные формы всех кристаллов происходят из их первичных форм в результате регулярного процесса уменьшения;[1135] и что, когда вещество переходит из жидкого состояния в твердое, его частицы вынуждены связываться в соответствии со схемой, которая предусматривает все возможные изменения, поскольку она включает даже те последующие слои, которые изменяют обычный тип кристалла, нарушая его естественную симметрию.[1136] Установить, что такие нарушения симметрии поддаются математическому расчету, значило значительно расширить наши знания; но что мне кажется еще более важным, так это то, что это указывает на приближение к великолепной идее о том, что все происходящее регулируется законом и что путаница и беспорядок невозможны.[1137] Доказав, что даже самые грубые и необычные формы минералов являются естественными результатами их предшественников, Хауи заложил основу того, что можно назвать патологией неорганического мира. Каким бы парадоксальным ни казалось такое представление, несомненно, что симметрия для кристаллов то же, что здоровье для животных; так что неправильность формы у первых соответствует проявлению болезни у вторых.[1138] Таким образом, когда умы людей ознакомились с великой истиной, что в минеральном царстве, собственно говоря, нет неправильности, им стало легче понять еще более высокую истину, что тот же принцип справедлив и в животном царстве, хотя из-за высшей сложности явлений пройдет много времени, прежде чем мы сможем прийти к аналогичной демонстрации. . Но то, что такая демонстрация возможна, является принципом, от которого зависит будущий прогресс всей органической и даже всей ментальной науки. И очень

примечательно, что то же поколение, которое установило факт, что видимые отклонения, проявляемые минералами, строго регулярны, также сделало первые шаги к установлению гораздо более высокого факта, что отклонения человеческого разума регулируются законами, столь же неизменными, как и те, которые определяют состояние инертной материи. Рассмотрение этого привело бы к отступлению, чуждому моим нынешним намерениям; но я могу упомянуть, что в конце столетия во Франции был написан знаменитый "трактат о безумии" Пинеля; работа, замечательная во многих отношениях, но главным образом тем, что в ней полностью отброшены старые представления о таинственном и непостижимом характере психических заболеваний:^[1139] сама болезнь рассматривается как явление, неизбежно возникающее при определенных данных условиях, и фундамент, заложенный для обеспечения еще одного звена в той обширной цепи доказательств, которая связывает материальное с нематериальным и, таким образом, объединяет разум и материю в единое исследование, теперь подготавливает почву для некоторого обобщения, которое, будучи общим для обоих, послужит центром, вокруг которого могут безопасно сплотиться разрозненные фрагменты наших знаний.

Таковы были взгляды, которые во второй половине XVIII века начали зарождаться у французских мыслителей. Необычайные способности и успех, с которыми эти выдающиеся люди совершенствовались в своих соответствующих науках, я описал более подробно, чем намеревался, но все же совершенно неадекватно важности предмета. Однако приведено достаточно, чтобы убедить читателя в истинности утверждения, которое я хотел доказать, а именно, что интеллект Франции во второй половине восемнадцатого века был сосредоточен на внешнем мире с беспрецедентным рвением и таким образом способствовал тому обширному движению, единственным следствием которого была сама Революция. Тесная связь между научным прогрессом и социальным бунтом очевидна из того факта, что и то, и другое вызвано одним и тем же стремлением к совершенствованию, одной и той же неудовлетворенностью тем, что было сделано ранее, одним и тем же беспокойным, любопытствующим, непокорным и дерзким духом. Но во Франции эта общая аналогия была усилена любопытными обстоятельствами, на которые я уже обратил внимание, в силу которых деятельность страны в течение первой половины столетия была направлена скорее против церкви, чем против государства; так что для завершения предпосылок Революции было необходимо, чтобы во второй половине столетия направление атаки было изменено. Это именно то, что было сделано благодаря чудесному импульсу, данному каждой отрасли естествознания. Поскольку внимание людей было таким образом постоянно сосредоточено на внешнем мире, внутренним стало пренебрегать; в то время как, поскольку внешнее соответствует государству, а внутреннее - церкви, частью одного и того же интеллектуального развития было то, что нападающие на существующую структуру должны были обратить против политических злоупотреблений энергию, которую предыдущее поколение приберегало для религиозных.

Таким образом, Французской революции, как и всем великим революциям, которые когда-либо видел мир, предшествовало полное изменение привычек и ассоциаций национальной интеллигенции. Но помимо этого, происходило также, точно в то же время, обширное общественное движение, которое было тесно связано с интеллектуальным движением и действительно составляло его часть, поскольку оно привело к сходным результатам и было вызвано сходными причинами. Природу этой социальной революции я рассмотрю лишь очень кратко, поскольку в следующем томе необходимо будет подробно проследить ее историю,

чтобы проиллюстрировать более незначительные, но все же заметные изменения, которые в тот же период происходили в английском обществе.

Во Франции до революции люди, хотя и всегда были очень общительными, в то же время были очень замкнутыми. Высшие классы, защищенные воображаемым превосходством, с презрением смотрели на тех, чье происхождение или титулы были неравны их собственным. Класс, стоящий непосредственно под ними, подражал их примеру и передавал его другим, и каждая категория общества стремилась найти какое-нибудь причудливое отличие, которое защитило бы их от осквернения со стороны тех, кто ниже их. Единственные три реальных источника превосходства — превосходство морали, интеллекта и знаний — были полностью упущены из виду в этой абсурдной схеме; и люди привыкли гордиться не какими-либо существенными различиями, а теми второстепенными вещами, которые, за крайне редкими исключениями, являются результатом случайности и, следовательно, не являются критерием заслуг.^[1140]

Первым серьезным ударом по такому положению вещей стал беспрецедентный импульс, приданный развитию физической науки. Те огромные открытия, которые были сделаны, не только стимулировали интеллект мыслящих людей, но даже пробудили любопытство наиболее легкомысленных слоев общества. Лекции химиков, геологов, минералогов и физиологов посещали как те, кто приходил удивляться, так и те, кто приходил учиться. В Париже научные собрания были переполнены.^[1141] Залы и амфитеатры, в которых излагались великие истины природы, больше не могли вместить аудиторию, и в нескольких случаях было сочтено необходимым их увеличить.^[1142] Заседания Академии посещались не несколькими учеными-одиночками, а всеми, чей ранг или влияние позволяли им занять место.^[1143] Даже модницы, забыв о своем обычном легкомыслии, поспешили послушать дискуссии о составе минерала, об открытии новой соли, о строении растений, об организации животных, о свойствах электрического тока.^[1144] Внезапная жажда знаний, казалось, охватила все ранги. Самые масштабные и трудные исследования находили благосклонность в глазах тех, чьи отцы едва ли слышали названия наук, к которым они принадлежали. Блестящее воображение Бюффона неожиданно сделало геологию популярной; то же самое произошло с химией благодаря красноречию Фуркруа и с электричеством Нолле; в то время как замечательные объяснения Лаланда способствовали повсеместному развитию самой астрономии. Одним словом, достаточно сказать, что в течение тридцати лет, предшествовавших революции, распространение физической науки было настолько быстрым, что в ее пользу были отвергнуты старые классические исследования;^[1145] физическая наука считалась существенной основой хорошего образования, и некоторое знакомство с ней считалось необходимым для каждого класса, за исключением тех, кто был вынужден обеспечивать себя своим повседневным трудом.^[1146]

Результаты, к которым привело это замечательное изменение, очень любопытны, и, судя по их энергии и скорости, были очень решающими. До тех пор, пока различные классы ограничивались занятиями, характерными для их собственной сферы, их поощряли сохранять свои отдельные привычки; и субординация, или, так сказать, иерархия, в обществе легко поддерживалась. Но когда члены различных орденов встречались в одном и том же месте с одной и той же целью, их объединяла новая симпатия. Высшее и самое долговечное из всех

удовольствий, удовольствие, вызываемое восприятием свежих истин, теперь стало великим связующим звеном, объединявшим те социальные элементы, которые раньше гордились своей собственной изоляцией. Помимо этого, им также было предоставлено не только новое занятие, но и новый стандарт заслуг. В амфитеатре и лекционном зале первым объектом внимания являются профессор и лекторша. Существует разделение между теми, кто учит, и теми, кто учится. Подчинение рангов уступает место подчинению знаний.^[1147] На смену мелким и условным различиям светской жизни приходят те большие и подлинные различия, которые одни только и отделяют человека от другого. Прогресс интеллекта дает новый объект почитания; старое культовое почитание грубо нарушено, и его суеверных приверженцев учат преклонять колени перед тем, что для них является святыней чужого бога. Зал науки - это храм демократии. Те, кто приходит учиться, признают свое невежество, в какой-то степени отрицают собственное превосходство и начинают понимать, что величие людей не имеет отношения к блеску их титулов или достоинству их происхождения; что оно не связано с их четвертованием, их гербовыми щитами, их происхождением, их начальниками ловкости, их зловещими начальниками, их шевронами, их загибами, их лазурью, их гулами и другими украшениями их геральдики; но что оно зависит от широты их ума, от того, насколько они сильны. сила их интеллекта и полнота их знаний.

Таковы были взгляды, которые во второй половине XVIII века начали оказывать влияние на те классы, которые долгое время были бесспорными хозяевами общества.^[1148] И что показывает силу этого великого движения, так это то, что оно сопровождалось другими социальными изменениями, которые, хотя сами по себе кажутся незначительными, становятся полными смысла, когда рассматриваются в связи с общей историей того времени.

В то время как огромный прогресс физических знаний революционизировал общество, вдохновляя различные классы на достижение общей для всех цели и, таким образом, повышая новый стандарт заслуг, более тривиальная, но в равной степени демократическая тенденция наблюдалась даже в традиционных формах общественной жизни. Описание всех этих изменений заняло бы место, несоразмерное другим частям этого Введения; но несомненно, что до тех пор, пока изменения не будут тщательно изучены, никто не сможет написать историю Французской революции. В качестве примера того, что я имею в виду, я отмечу два из этих нововведений, которые очень бросаются в глаза, а также интересны из-за их аналогии с тем, что произошло в английском обществе.

Первым из этих изменений была перемена в одежде и явное пренебрежение к тем внешним проявлениям, которые до сих пор ценились как одно из важнейших из всех дел. Во время правления Людовика XIV и даже в течение первой половины правления Людовика XV не только люди с легкомысленными вкусами, но даже те, кто отличался своими знаниями, демонстрировали в своей одежде изысканную точность, красивую и продуманную подгонку, пышность золота, серебра и оборок, какую в наши дни нигде нельзя увидеть, за исключением дворов европейских принцев, где все еще сохранилось некоторое варварское великолепие. Это было доведено до того, что в семнадцатом веке ранг человека можно было сразу узнать по его внешности; никто не осмеливался узурпировать одежду, которую носили представители класса, непосредственно выше его собственной.^[1149] Но в том демократическом движении, которое предшествовало Французской революции, умы людей стали слишком серьезными,

слишком сосредоточенными на высших материях, чтобы заниматься теми праздными изобретениями, которые поглощали внимание их отцов. Презрительное игнорирование таких различий стало повсеместным. В Париже нововведение было замечено даже на тех веселых собраниях, где определенное количество личных украшений все еще считается естественным. Современные наблюдатели заметили, что на обедах, ужинах и балах одежда, которую обычно носили, становилась настолько простой, что вызывала путаницу в рангах, пока, наконец, оба пола не отказались от всяких различий; мужчины в таких случаях приходили в обычных сюртуках, женщины - в своих обычных утренних туалетах.[1150] Нет, это было доведено до такой степени, что принц де Монбарей, который в то время находился в Париже, заверил нас, что незадолго до революции даже те, у кого были звезды и ордена, тщательно скрывали их, застегивая пальто, чтобы эти знаки превосходства больше не были видны.[1151]

Другое нововведение, о котором я упоминал, не менее интересно как характерное для духа времени. Это то, что тенденция к объединению различных слоев общества[1152] была продемонстрирована в учреждении клубов; замечательное изобретение, которое нам кажется совершенно естественным, потому что мы к нему привыкли, но о котором можно с уверенностью сказать, что до восемнадцатого века его существование было невозможно. До восемнадцатого века каждый класс так ревниво относился к своему превосходству над тем, кто ниже его, что встречаться на равных было практически невозможно; и хотя некоторую покровительственную фамильярность по отношению к тем, кто ниже, можно было без опаски проявлять, это лишь обозначало огромный промежуток времени разлуки, поскольку великий человек не боялся, что его снисхождением злоупотребят. В те добрые старые времена должное уважение уделялось рангу и рождению; и тот, кто мог насчитать своих двадцати предков, почитался до такой степени, о которой мы, в наши дни упадка, едва ли можем составить представление. Что касается такой вещи, как социальное равенство, то это понятие было слишком абсурдным, чтобы его можно было себе представить; также было невозможно существование какого-либо института, который ставил бы простых людей на один уровень с этими прославленными личностями, в жилах которых текла чистейшая кровь, и с четвертованием чьего герба никто не мог соперничать.

Но в восемнадцатом веке прогресс знаний стал настолько значительным, что новый принцип интеллектуального превосходства быстро вторгся в сферу действия старого принципа аристократического превосходства. Как только эти посягательства достигли определенной точки, они породили соответствующее им учреждение; и таким образом впервые были созданы клубы, в которых могли собираться все образованные классы, невзирая на те другие различия, которые в предшествующий период разделяли их. Особенность этого заключалась в том, что просто для получения общественного удовольствия были сведены воедино люди, у которых, согласно аристократической схеме, не было ничего общего, но которые теперь были поставлены в одинаковое положение в той мере, в какой они принадлежали к одному и тому же учреждению, подчинялись одним и тем же правилам и получали одни и те же преимущества. Однако ожидалось, что члены общества, хотя и различающиеся во многих других отношениях, все должны были быть в той или иной степени образованными; и таким образом общество впервые отчетливо распознало классификацию, ранее неизвестную; разделение на благородных и неблагородных сменилось другим разделением на образованных и необразованных.

Таким образом, возникновение и разрастание клубов является для стороннего наблюдателя-философа вопросом огромной важности; и именно он, как я докажу ниже, сыграл огромную роль в истории Англии во второй половине восемнадцатого века. В связи с нашей нынешней темой интересно отметить, что первые клубы в современном смысле этого слова, которые когда-либо существовали в Париже, были образованы примерно в 1782 году, всего за семь лет до Французской революции. Вначале они были просто задуманы как общественные собрания, но быстро приобрели демократический характер, соответствующий духу эпохи. Их первым результатом, как заметил проницательный наблюдатель за тем, что тогда происходило, было то, что манеры высших классов стали более простыми, чем они были до сих пор, и ослабили ту любовь к форме и церемониям, которая соответствовала их прежним привычкам. Эти клубы также произвели заметное разделение между полами; и зафиксировано, что после их основания женщины больше общались друг с другом и их чаще видели на публике без сопровождения мужчин.^[1153] Это привело к поощрению среди мужчин республиканской грубости, которую влияние другого пола имело тенденцию снижать. Все это стерло старые демаркационные линии между различными рангами и, объединив различные классы в один, сделало силу их объединенного противостояния непреодолимой и быстро свергло как церковь, так и государство. Точный период, в который клубы стали политическими, конечно, установить невозможно, но перемена, по-видимому, произошла примерно в 1784 году.^[1154] С этого момента все было кончено; и хотя правительство в 1787 году издало приказ о закрытии ведущего клуба, в котором все классы обсуждали политические вопросы, остановить течение оказалось невозможным. Поэтому приказ был отменен; клуб собрался вновь, и больше не предпринималось попыток прервать тот ход событий, который длинная череда предшествующих событий сделала неизбежным.^[1155]

В то время как все эти твари сговаривались свергнуть старые институты, внезапно произошло событие, которое произвело самые замечательные последствия во Франции и само по себе поразительно характерно для духа восемнадцатого века. По другую сторону Атлантики великий народ, возмущенный невыносимой несправедливостью английского правительства, поднялся с оружием в руках, выступил против своих угнетателей и после отчаянной борьбы со славой добился своей независимости. В 1776 году американцы представили Европе эту благородную Декларацию, которую следовало бы повесить в детской каждого короля и вывесить на крыльце каждого королевского дворца. Словами, память о которых никогда не умрет, они заявили, что целью института правительства является обеспечение прав народа; что только от народа оно черпает свою власть; и 'что всякий раз, когда какая-либо форма правления становится разрушительной для этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его власть в такой форме, которая, по их мнению, с наибольшей вероятностью обеспечит их безопасность и счастье'.^[1156]

Если бы это заявление было сделано всего на одно поколение раньше, вся Франция, за исключением нескольких передовых мыслителей, отвергла бы его с ужасом и презрением. Однако настроение общественного мнения было таково, что содержащиеся в нем доктрины не просто приветствовались большинством французской нации, но даже само правительство оказалось неспособным противостоять общему настроению.^[1157] В 1776 году Франклин прибыл во Францию в качестве посланника американского народа. Он встретил самый теплый прием со стороны всех классов,^[1158] и преуспел в том, чтобы побудить правительство подписать договор, обязывающий защищать молодую республику в правах, которые она с

честью завоевала.[1159] В Париже энтузиазм был непреодолимым.[1160] Отовсюду выступали большие группы мужчин, добровольно соглашавшихся пересечь Атлантику и сражаться за свободы Америки. Героизм, с которым эти вспомогательные силы помогали благородной борьбе, составляет отрадный отрывок в истории того времени; но он чужд моей нынешней цели, которая состоит всего лишь в том, чтобы отметить его влияние на ускорение приближения Французской революции. И этот эффект был действительно самым замечательным. Помимо косвенного результата, полученного в результате примера успешного восстания, французов еще больше стимулировал реальный контакт со своими новыми союзниками. Французские офицеры и солдаты, служившие в Америке, по возвращении привнесли в свою страну те демократические взгляды, которые они усвоили в молодой республике.[1161] Таким образом революционным тенденциям, которые уже преобладали, была придана новая сила; и стоит отметить, что Лафайет позаимствовал из того же источника одно из своих самых знаменитых деяний. Он обнажил свой меч от имени американцев, а они, в свою очередь, донесли до него эту знаменитую доктрину о правах человека, которая по его инициативе была официально принята Национальным собранием.[1162] Действительно, есть основания полагать, что последний удар, нанесенный французскому правительству, на самом деле был нанесен рукой американца; ибо говорят, что именно по совету Джефферсона популярная часть законодательного органа провозгласила себя Национальным собранием и, таким образом, открыто бросила вызов короне.[1163]

Теперь я завершил свое исследование причин Французской революции; но прежде чем завершить настоящую главу, мне кажется, что разнообразие тем, которые обсуждались, делает целесообразным, чтобы я суммировал их основные положения; и изложил, насколько это возможно, кратко этапы той длинной и сложной аргументации, с помощью которой я пытался доказать, что Революция была событием, неизбежно вытекающим из предшествующих обстоятельств. Такое краткое изложение, представляющее читателю весь предмет, устранил любую путаницу, которую могла вызвать полнота деталей, и упростит исследование, которое многие сочтут излишне затянутым; но которое нельзя было бы сократить, не ослабив в какой-то существенной части поддержку тех общих принципов, которые я стремлюсь установить.

Рассматривая состояние Франции сразу после смерти Людовика XIV, мы видели, что его политика поставила страну на грань разорения и уничтожила все следы свободного исследования, реакция стала необходимой; но материалы для реакции нельзя было найти среди нации, которая в течение пятидесяти лет подвергалась воздействию столь изнурительной системы. Этот недостаток на родине заставил самых выдающихся французов обратить свое внимание за границу и породил внезапное восхищение английской литературой и теми привычками мышления, которые были тогда свойственны английскому народу. Таким образом, новая жизнь была вдохнута в опустошенный каркас французского общества, в нем зародился нетерпеливый и любознательный дух, какого не было со времен Декарта. Высшие классы, оскорбленные этим неожиданным движением, пытались задуть его и прилагали энергичные усилия, чтобы уничтожить ту любовь к исследованию, которая с каждым днем набирала силу. Для достижения своей цели они преследовали литераторов с таким ожесточением, что становилось очевидным, что интеллект Франции должен либо вернуться к своему прежнему раболепию, либо смело перейти в наступление. К счастью для интересов цивилизации, была принята последняя альтернатива; и примерно в 1750 году началась смертельная борьба, в ходе которой те принципы свободы, которые Франция позаимствовала у Англии и которые до сих пор считались применимыми только к церкви, были впервые применены к государству.

Одновременно с этим движением и даже являясь его частью, произошли другие обстоятельства того же характера. Теперь политэкономистам удалось доказать, что вмешательство правящих классов нанесло огромный ущерб даже материальным интересам страны и своими защитными мерами нанесло ущерб тому, что, как считалось, они выиграли. Это замечательное открытие в пользу всеобщей свободы дало новое оружие в руки демократической партии, сила которой еще более возросла благодаря непревзойденному красноречию, с которым Руссо атаковал существующую систему. Точно такая же тенденция проявилась в необычайном импульсе, приданном каждой отрасли физической науки, которая знакомила людей с идеями прогресса и приводила их в столкновение с неизменными и консервативными идеями, естественными для правительства. Открытия, сделанные в отношении внешнего мира, поощряли беспокойство и возбуждение ума, враждебные духу рутины и, следовательно, полные опасности для институтов, рекомендованных только их древностью. Это стремление к физическим знаниям также привело к изменениям в образовании; а поскольку древними языками пренебрегали, было разорвано еще одно звено, соединявшее настоящее с прошлым. Церковь, законный защитник старых взглядов, не смогла устоять перед страстью к новизне, потому что была ослаблена изменой в своем собственном лагере. Ибо к этому времени кальвинизм настолько распространился среди французского духовенства, что расколол его на две враждебные партии и сделал невозможным объединение их против общего врага. Рост этой ереси также был важен, потому что кальвинизм, будучи по сути демократичным, проявил революционный дух даже в церковной профессии, так что вражда в церкви сопровождалась другой враждой между правительством и церковью. Это были ведущие симптомы того обширного движения, кульминацией которого стала Французская революция; и все они указывали на состояние общества, настолько анархическое и настолько основательно дезорганизованное, что становилось очевидным приближение какой-то великой катастрофы. Наконец, когда все было готово к взрыву, известие об американском восстании упало подобно искре на подстрекательские массы и разожгло пламя, которое никогда не прекращало своих разрушительных действий, пока не уничтожило все, что когда-то было дорого французам, и оставило человечеству ужасный урок преступлений, к которым продолжение угнетения может подтолкнуть великодушный и многострадальный народ.

Таков краткий обзор точки зрения, к которой меня привели мои исследования причин Французской революции. Я ни на минуту не допускаю, что я установил все причины; но, я полагаю, будет обнаружено, что не было упущено ничего важного. Действительно, верно, что среди материалов, из которых состоят доказательства, будет замечено много недостатков; и более продолжительный труд был бы вознагражден большим успехом. Я глубоко осознаю эти недостатки; и я могу только сожалеть, что необходимость перехода к еще более обширной области вынудила меня оставить так много для будущих исследователей. В то же время следует помнить, что это первая попытка, которая когда-либо была предпринята для изучения предшествующих событий Французской революции в соответствии с достаточно широкой схемой, включающей все их интеллектуальные аспекты. Вопреки здравой философии и, я могу сказать, вопреки общепринятому пониманию, историки упорно продолжают пренебрегать теми великими отраслями физического знания, в которых в каждой цивилизованной стране наиболее ясно видны действия человеческого разума и, следовательно, легче всего установить ментальные привычки. В результате Французская революция, бесспорно, самое важное, самое сложное и самое славное событие в истории, была передана авторам, многие из которых проявили значительные способности, но все они показали себя лишенными того предварительного научного образования, без которого невозможно уловить дух какого-либо

периода или провести всесторонний обзор различных его частей. Итак, упомяну только один пример: мы видели, что необычайный импульс, приданный изучению внешнего мира, был тесно связан с тем демократическим движением, которое свергло институты Франции. Но эту связь историки не смогли проследить, потому что они не были знакомы с прогрессом различных отраслей натурфилософии и естественной истории. Поэтому они выставили свой великий предмет искаленным, лишенным тех прекрасных пропорций, которыми он должен был обладать. Согласно этой схеме, историк погружается в летопись, так что вместо решения проблемы он просто рисует картину. Поэтому, не умаляя труда тех трудолюбивых людей, которые собирали материалы для истории Французской революции, мы можем с уверенностью сказать, что сама история никогда не была написана; поскольку те, кто пытался выполнить эту задачу, не обладали такими ресурсами, которые позволили бы им рассматривать ее всего лишь как отдельную часть того гораздо более масштабного движения, которое наблюдалось во всех областях науки, философии, религии и политики.

Предпринял ли я что-либо действительно ценное для устранения этого недостатка или нет, решать компетентным судьям. По крайней мере, в этом я уверен: какие бы несовершенства ни наблюдались, ошибка заключается не в предлагаемом методе, а в чрезвычайной трудности для любого отдельного человека привести в полную силу все части столь обширной схемы. Именно по этому вопросу, и только по этому, я чувствую потребность в большом снисхождении. Но что касается самого плана, у меня нет никаких опасений; потому что я глубоко убежден, что быстро приближается время, когда история Человечества будет поставлена на надлежащую основу; когда ее изучение будет признано самым благородным и трудным из всех занятий; и когда будет ясно видно, что для успешного ее осуществления требуется широкий и всесторонний ум, богато оснащенный высшими отраслями человеческого знания. Когда это будет полностью признано, историю будут писать только те, чьи привычки подходят для этой задачи; и она будет вырвана из рук биографов, специалистов по генеалогии, собирателей анекдотов, придворных хронистов, принцев и знати — тех болтунов о пустяках, которые подстерегают на каждом углу и наводят эту общественную магистраль нашей национальной литературы. То, что такие составители вторгаются в область, намного превосходящую их собственную, и думают, что с помощью этих средств они могут пролить свет на дела людей, является одним из многих доказательств все еще отсталого состояния нашего знания и нечеткости, с которой были намечены его границы. Если я сделал что-то, чтобы дискредитировать эти вторжения и внушить самим историкам чувство достоинства их собственного призвания, я окажу в свое время небольшую услугу, и я буду вполне удовлетворен, если скажу, что во многих случаях мне не удалось осуществить то, что я первоначально предлагал. Действительно, я охотно допускаю, что в этом томе есть несколько примеров такой неудачи; и я могу сослаться только на обширность темы, краткость одной жизни и несовершенство каждого отдельного предприятия. Поэтому я хочу, чтобы эта работа оценивалась не по отделке отдельных ее частей, а по тому, как эти части были слиты в единое и симметричное целое. Я имею право ожидать этого в предприятии такой новизны и масштаба. И я хотел бы, более того, добавить, что если читатель встречался с мнениями, противоположными его собственным, он должен помнить, что его взгляды, возможно, совпадают с теми, которых я тоже когда-то придерживался и от которых отказался, потому что после более широкого изучения я обнаружил, что они не подкреплены вескими доказательствами, подрывают интересы человека и губительны для прогресса его знаний. Исследовать понятия, в которых нас воспитали, и отказаться от тех, которые не выдержат испытания, - задача настолько болезненная, что те, кто уклоняется от страданий, должны

остановиться, прежде чем упрекать тех, кто претерпевает страдания. То, что я выдвинул, без сомнения, может быть ошибочным; но это, во всяком случае, результат честного поиска истины, беспощадного труда, терпеливых и тревожных размышлений. Выводы, сделанные таким образом, не должны быть опровергнуты заявлением о том, что они ставят под угрозу какие-то другие выводы; на них даже не могут повлиять обвинения против их предполагаемой тенденции. Принципы, которые я отстаиваю, основаны на четких аргументах, подкрепленных достоверными фактами. Следовательно, единственные моменты, которые необходимо выяснить, - это справедливы ли аргументы и достоверны ли факты. Если эти два условия были соблюдены, то из принципов следует неизбежный вывод. Их демонстрация в настоящем томе неизбежно является неполной; и читатель должен отложить свое окончательное суждение до конца этого Введения, когда тема будет изложена ему во всех ее аспектах. Оставшаяся часть Введения, как я уже намекал, будет занята исследованием цивилизаций Германии, Америки, Шотландии и Испании; каждая из которых представляет собой различный тип интеллектуального развития и, следовательно, следовала в своем религиозном, научном, социальном и политическом развитии в разных направлениях. История. Причины этих различий я попытаюсь выяснить. Следующим шагом будет обобщение самих причин; и, соотнеся их таким образом с определенными принципами, общими для всех, мы будем обладать тем, что можно назвать фундаментальными законами европейской мысли; расхождение в различных странах регулируется либо направлением, которое принимают эти законы, либо их сравнительной энергией. Раскрыть эти фундаментальные законы и будет задачей Введения; в то время как в основной части работы я применю их к истории Англии и попытаюсь с их помощью определить эпохи, через которые мы последовательно прошли, заложить основу нашей нынешней цивилизации и указать путь нашего будущего прогресса.

Сноски:

[952] Популярное, но доступное представление о значении средних значений в научных исследованиях см. *Диск Гершеля. на Nat. Философ.* стр. 215-219.

[953] Как мы видим из заявлений математиков, которые часто предполагают, что в их собственных занятиях можно достичь определенной уверенности, которой нет ни в каких других. Эта ошибка, вероятно, возникла, как предполагает Локк, из-за смешения ясности с определенностью. *Очерк человеческого понимания*, книга iv. глава ii. разд. 9 и 10, в *Сочинениях*, т. ii. стр. 73, 74. См. также *Конта, Philos. Поз.* том i, стр. 103, где справедливо замечено, что все отрасли знания, способные быть обобщенными в науки, допускают равную достоверность, но не равную точность: 'si d'apres l'explication précédente, les diverses sciences doivent nécessairement présenter une précision très-inégale, иль нет никакого результата в вашей уверенности'. С этим неудовлетворительно справляется Montucla (*Hist. des Mathémat.* vol. i. p. 33), который говорит, что основная причина особой уверенности, достигнутой математиком, заключается в том, что 'единственная идея клэр не является результатом того, что из нее вытекают ясные и неоспоримые следствия'. Точно так же Кадворт (*Интеллект. Система*, том iii. стр. 377): 'нет, самой сущностью истины здесь является эта ясная восприимчивость, или умопостигаемость'. С другой стороны, Кант, гораздо более глубокий мыслитель, избежал этой путаницы, сделав математическую ясность признаком *вида* достоверности, а не ее *степени*: "Die mathematische Gewissheit heisst auch Evidenz, мы все интуитивно понимаем друг друга, а

также все дискурсивно. Obgleich also beides, das mathematische und das philosophische Vernunfterkennntniss an sich gleich gewiss ist, so ist doch die Art der Gewissheit in beiden verschieden.' *Logik, Einleitung*, sec. 9, in *Kant's Werke*, vol. i. p. 399. Относительно мнений древних относительно достоверности, сравните *Материю*, *Hist. de l'Ecole d'Alexandrie*, том i, стр. 195, с *Историей Румпера. из античной философии*. том ii. стр. 46, том iii. стр. 74, 426, 427, 484, 614.

[954] 'Vers 1750, deux hommes de génie, observateurs judicieux et profonds, conduits par une force d'attention très-soutenue à une logique rigoureuse, animés d'un noble amour pour la patrie et pour l'humanité, M. Quesnay et M. de Gournay, s'occupèrent avec suite de savoir si la nature des choses n'indiquerait pas une science de l'économie politique, et quels seraient les principes de cette science.' *Additions aux Œuvres de Turgot*, vol. iii. p. 310. М. Blanqui (*Hist. de l'Economie Politique*, том ii. стр. 78) также говорится: "в 1750 году"; и Вольтер (*Дикт. Филос.* article *Blé*, in *Œuvres*, vol. xxxvii. p. 384) says, 'vers l'an 1750, la nation, rassasiée de vers, de tragédies, de comédies, d'opéra, de romans, d'histoires romanesques, de réflexions morales plus romanesques encore, et de disputes théologiques sur la grâce et sur les convulsions, se mit enfin a raisonner sur les blés.'

[955] Революционная тенденция этого экономического движения отмечена в книге Элисон "Европа", том i, стр. 184, 185; где, однако, его начало ошибочно отнесено к "примерно 1761 году". См. Также о враждебности, которую это вызвало против правительства, *Воспоминания де Кампан*, том i, стр. 7, 8; *Воспоминания Малле дю Пан*, том i, стр. 32; и Баррюэль, *История. du Jacobinisme*, vol. i. p. 193, vol. ii. p. 152.

[956] 'D'ailleurs la nation s'étoit accoutumée à se séparer toujours de plus en plus de son gouvernement, en raison même de ce que ses écrivains avoient commencé à aborder les études politiques. C'étoit l'époque où la secte des économistes se donnoit le plus de mouvement, depuis que le marquis de Mirabeau avoit publié, en 1755, son *Ami des Hommes*.' *Сисмонди, История. des Franç.* vol. xxix. p. 269. Compare *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. ii. p. 58. В том же 1755 году Голдсмит был в Париже и был настолько поражен ростом неповиновения, что предсказал свободу народа; хотя вряд ли нужно говорить, что он не был человеком, способным понять движение экономистов. "*Жизнь Голдсмита*" Приора, том i, стр. 198, 199; "*Жизнь Голдсмита*" Форстера, том i, стр. 66.

[957] In February 1759, he writes to Madame du Boccage: 'Il me paraît que les grâces et le bon goût sont bannis de France, et ont cédé la place à la métaphysique embrouillée, à la politique des cerveaux creux, à des discussions énormes sur les finances, sur le commerce, sur la population, qui ne mettront jamais dans l'état ni un écu, ni un homme de plus.' *Œuvres de Voltaire*, vol. lx. p. 485. In 1763 (vol. lxiii. p. 204): 'Adieu, nos beaux arts, si les choses continuent comme elles sont. La rage des remontrances et des projets sur les finances a saisi la nation.' Многие из самых способных людей были таким образом оторваны от простых литературных занятий, и примерно за двадцать лет до революции началось заметное ухудшение стиля, особенно среди прозаиков. Compare *Lettres de Duffand à Walpole*, vol. ii. p. 358, vol. iii. pp. 163, 299; *Mém. de Genlis*, vol. ii. p. 374, vol. v. p. 123, vol. viii. pp. 180, 275; *Mercier sur Rousseau*, vol. ii. p. 151.

[958] Georgel, who hated Turgot, says of him: 'son cabinet et ses bureaux se transformèrent en ateliers où les économistes forgeoient leur système et leurs spéculations.' *Mém. de Georgel*, vol. i. p. 406: see also *Blanqui, Hist. de l'Écon. Политика*, том ii. стр. 96-112; Кондорсе, *Жизнь Тюрго*, стр. 32-35; *Твисс, Прогресс политической экономики*. стр. 142 след.

[959] Sismondi, under the year 1774, notices 'les écrits innombrables que chaque jour voyoit éclore sur la politique, et qui avoient désormais remplacé dans l'intérêt des salons ces nouveautés littéraires, ces vers, ces anecdotes galantes, dont peu d'années auparavant le public étoit uniquement occupé.' *Ист. des Français*, том xxix. стр. 495; и аналогичное замечание в книге Шлоссера "Восемнадцатый век", том ii. стр. 126.

[960] See the account, written in Feb. 1781, in *Grimm, Corr. Lit.* vol. xi. 260, where it is said of Necker's *Compte Rendu*, 'La sensation qu'a faite cet ouvrage est, je crois, sans exemple; il s'en est débité plus de six mille exemplaires le jour même qu'il a paru, et depuis, le travail continuuel de deux imprimeries n'a pu suffire encore aux demandes multipliées de la capitale, des provinces, et des pays étrangers.' Ségur (*Souvenirs*, vol. i. p. 138) mentions, that Necker's work was 'dans la poche de tous les abbés, et sur la toilette de toutes les dames.' Дочь Неккера, мадам де Сталь, говорит о работе своего отца "Финансовое управление" "о вендитах четырех-пяти миллионов экземпляров". *De Staël sur la Révolution*, vol. i. p. 111.

[961] Выражение барона де Монтиона: см. "Историю Георга III" Адольфа Адольфа. том iv. стр. 290; и о революционной тенденции финансовых работ Неккера, *Soulavie, Règne de Louis XVI*, том ii. стр. xxxvii. xxxviii. , том iv. стр. 18, 143. Неккер опубликовал обоснование своей книги 'Мальгре в защите короля'. *Du Mesnil, Mém. sur Le Brun*, p. 108.

[962] Насколько я помню, ни в одной из его работ нет ни единого примера; и те, кто нападает на него на этом основании, должны привести отрывки, на которые они опираются, вместо того, чтобы выдвигать расплывчатые общие обвинения. Сравните *Жизнь Руссо* в книге Броэма "Литераторы", том i, стр. 189; Штейдлин, *Кнур. der theolog. Wissenschaften*, vol. ii. p. 442; *Mercier sur Rousseau*, 1791, vol. i. pp. 27–32, vol. ii. pp. 279, 280.

[963] 'Rousseau, qui déjà en 1753 avoit touché aux bases mêmes de la société humaine, dans son *Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes*.' Сисмонди, том xxix. стр. 270. Schlosser (*Hist. of the XVIII Century*, том i, стр. 138) отмечает "совершенно новую систему абсолютной демократии, которую выдвинул Ж.-Ж. Руссо"; см. Также стр. 289 и *Soulavie, Règne de Louis XVI*, том v., стр. 208.

[964] Наполеон сказал Станисласу Жирардену, уважая Руссо: 'Без любви Франция не справится с революцией'. *Зарубежные воспоминания Холланда*, 1850, стр. 261. Это, конечно, преувеличение, но влияние Руссо во второй половине XVIII века было самым экстраординарным. В 1765 году Юм пишет из Парижа: "Невозможно выразить или представить энтузиазм этой нации в его пользу; ... ни один человек никогда так сильно не привлекал их внимания, как Руссо. Вольтер и все остальные люди совершенно затмеваются им". "Жизнь Юма" Бертон, том ii. стр. 299. В письме, написанном в 1754 году (в *Гримме, Соответствует.* том i, стр. 122), говорится, что его Дижонская речь 'соответствует духу революции в Париже'. Тираж его произведений был беспрецедентным; и когда появилась "Новая Элоиза", "Библиотеки, которые не являются достаточными для удовлетворения потребностей посетителей классов". On louait l'ouvrage à tant par jour, ou par heure. Quand il parut, on exigeait douze sous par volume, en n'accordant que soixante minutes pour le lire.' *Musset Pathay, Vie de Rousseau*, vol. ii. p. 361. Для получения дополнительных доказательств эффекта, произведенного его работами, см. *Лерминье, Philos. права*, т. ii. стр. 251; *Воспоминания де Ролана*, т. i. с. 196, т. ii. стр. 337, 359; *Воспоминания де Жанлиса*, т. v. с. 193, т. vi. с. 14; *Европа Элисон*, т. i. с. 170, т. iii. с. 369, т. iv. с. 376; *Воспоминания де Морелле*, т. i. с. 116 ; *Лонгчамп, Воспоминания о Вольтере*, т. ii. стр. 50;

Жизнь Ромилли, т. i. стр. 267; *Воспоминания Малле дю Пана*, т. i. стр. 127; *Работы Берка*, т. i. стр. 482; *Кассаньяк, Причины восстания*. т. iii. стр. 549; *Ламартин, История. des Girondins*, vol. ii. p. 38, vol. iv. p. 93, vol. viii. p. 125; *Wahrheit und Dichtung*, in *Göthe's Werke*, Stuttgart, 1837, vol. ii. part ii. pp. 83, 104; *Grimm, Correspond. Lit.* vol. xii. p. 222; *De Staël, Consid. sur la Rév.* vol. ii. p. 371.

[965] Сисмонди (xxix. стр. 20), Лакретель (*XVIIIe Siècle*, т. ii. стр. 110) и Токвиль (*Регн де Людовик XV*, т. ii. стр. 103) указывают дату 1749; так что 1747 год, в *Биог. Унив.* том. xxvi. стр. 46, по-видимому, является опечаткой.

[966] 'Laissant voir dans toute cette loi, qui est assez longue, qu'il regardoit non-seulement l'accroissement, mais l'existence de ces propriétés ecclésiastiques, comme un mal pour le royaume.' Сисмонди, *История. французский язык*. том xxix. стр. 21. Я полагаю, что это указ, упомянутый Тюрго, который хотел продвинуть этот принцип еще дальше. "*Приключения Тюрго*", том iii. стр. 254, 255; смелый и поразительный отрывок.

[967] Мэйбл упоминает волнение, вызванное этим делом Машо, в "*Наблюдениях за историей Франции*", т. ii. стр. 415: "Об атаке на здоровье, о том, как много экритов, об иммунитетах священнослужителей". О неприязни духовенства к министру см. *Сегюр, Сувениры*, т. i, стр. 35; *Soulavie, Ренэ Людовика XVI*, т. i, стр. 283, 310, т. ii, стр. 146.

[968] In 1750, 'Machault obtint les sceaux en conservant le contrôle-général.' *Биог. Унив.* том. xxvi. стр. 46.

[969] 'Croyait surtout que le temps était venu d'imposer les biens du clergé.' *Lacretelle, XVIIIe Siècle*, vol. ii. p. 107. Почти те же слова используются в *Биологии. Университет*. том. xxvi. стр. 46.

[970] В связи с чем он еще больше вызвал возмущение католического духовенства. См. *Феличе, Историю. о протесте. из Франции*, стр. 401, 402; письмо, написанное в 1751 году.

[971] 'Наступление 1760 года стало свидетелем ощутимого ослабления преследований.... Духовенство восприняло это с тревогой; и на своем общем собрании 1760 года они обратились к королю с настоятельными протестами против такого смягчения законов.' *Феличе, протестуй. из Франции*, стр. 422. Сост. интересное письмо Нисмеса 1776 года, в "*Путешествии Тикнесса по Франции*", Лондон, 1777, т. i, стр. 66.

[972] Sismondi says of 1762, 'Dès lors, la réaction de l'opinion publique contre l'intolérance pénétra jusque dans les provinces les plus fanatiques.' *Ист. des Franç.* vol. xxix. p. 296. См. также письмо Дамилавилью, датированное 6 мая 1765 г., в *Письмах к Вольтеру*, том i, стр. 412; и два других письма в "*Трудах Вольтера*", том I. lxiv. p. 225, vol. lxvi. стр. 417.

[973] О котором Юм несколькими годами ранее составил очень высокое мнение. См. "*Жизнь Юма*" Бертоне, том ii, стр. 497; слишком благоприятное суждение, которое следует противопоставить противоположным преувеличениям, в *Воспоминаниях о Женлисе*, том ix, стр. 360-363, и *Barruel, Hist. du Jacobinisme*, vol. i. pp. 87, 199.

[974] *Лавалье, История. des Franç.* iii. 516; *Biog. Univ.* xxiv. стр. 656.

[975] *Жоржель, Мемуары*, том ii. стр. 293, 294; вспышка насилия против "иррелигиозных людей ... от имени культов".

[976] 'Le parlement de Paris discutait l'édit sur les protestans. Vingt ans plus tôt, combien une telle résolution n'eût-elle pas agité et divisé les esprits? En 1787, on ne s'étonnait que d'une chose: c'était qu'il pût y avoir une discussion sur des principes évidens.' *Lacretelle, XVIIIe Siècle*, vol. iii. pp. 342, 343. В 1776 году Мальзерб, который в то время был министром, хотел обеспечить почти такие же привилегии протестантам, но ему помешали это сделать. *Dutens, Mémoires*, vol. ii. pp. 56–58. Дютенс сам был вовлечен в переговоры.

[977] Генрих II. использовал для обозначения этого титула, чтобы оправдать свое преследование протестантов ("*Гражданские войны во Франции*" Ранке, том i, стр. 241); и этому придавал большое значение образцовый принц Людовик XV. *Soulavie, Règne de Louis XVI*, vol. i. p. 155. Французские антиквары восходят к Пипину, отцу Карла Великого. *Замечания Баррингтона по статутам*, стр. 168.

[978] Принц де Монбарей, получивший образование у иезуитов около 1740 года, говорит, что в их школах наибольшее внимание уделялось ученикам, предназначенным для церкви; в то время как способностями тех, кто был предназначен для светских профессий, пренебрегали. Смотрите это заявление, которое, исходя из такой точки зрения, весьма примечательно, в *Воспоминаниях Монбари*, т. i. стр. 12, 13. Монбари, столь далекий от предвзятого отношения к иезуитам, приписывает Революцию их свержению. Там же. том iii. стр. 94. Другие свидетельства исключительного и небезопасного характера их образования в восемнадцатом веке см. в книге Шлоссера "*Восемнадцатый век*", том iv. стр. 29, 30, 245.

[979] Посмотрите некоторые необычные наблюдения в первой проповеди Парра о вере и морали (*Работы Парра*, том vi, стр. 598), где нам сказано, что при улаживании вражды между кальвинистами и арминианами "устойчивость защиты должна быть пропорциональна стремительности нападения"; ненужный совет, поскольку это касается его собственной профессии. Однако говорят, что мусульманские богословы были даже более проникательны в этом вопросе, чем христиане. См. "*Рассуждения Тройера о Дабистане*", том i, стр. sxxxv.; важная работа по азиатским религиям.

[980] Неандер (*хист. о Церкви*, т. iv, с. 105) находит зародыш пелагианской полемики в споре между Афанасием и Аполлинарием. Сравните, учитывая его происхождение, заметку в *Истории Милмана. о христианстве*, 1840, т. iii. стр. 270, 271.

[981] Ни один писатель, с которым я встречался, так справедливо и четко не обозначил теологические границы этих доктрин, как Гете. *Wahrheit und Dichtung*, in *Werke*, vol. ii. part ii. p. 200, Stuttgart, 1837.

[982] Сравните книгу Батлера "*Воспоминания католиков*", том iii. стр. 224; Коплстон о необходимости и предопределении, стр. 25, 26; Эклз Мосхейма. *История*, том ii. стр. 254.

[983] Отсюда теория индульгенций, построенная Римской церковью с совершенной последовательностью и против которой большинство протестантских аргументов нелогичны.

[984] Это, по-видимому, естественная тенденция, и она была замечена Неандером в его поучительном рассказе о гностиках, *История Церкви*, том ii. стр. 121: "Обычай таких сект присоединяться к тому или иному знаменитому имени древности".

[985] Голландская церковь была первой, принявшей в качестве символа веры доктрину избрания, состоявшуюся в Женеве. *Экклз Мосхайма. История*, том ii. стр. 112. Смотрите также, об этой доктрине в Нидерландах, *Корреспондент Синклера*. том ii. стр. 199; *Речь Ковентри в 1672 г.*, в *Parl. Hist.* vol. iv. p. 537; and *Stäudlin, Gesch. der theolog. Wissenschaften*, vol. i. p. 262: 'In den Niederlanden wurde der Calvinische Lehrbegriff zuerst in eine scholastische Form gebracht.'

Что касается кальвинизма в Северной Америке, сравните книгу Бэнкрофта "*Американская революция*", том i, стр. 165, 173, 174, том ii, стр. 329, 363, том iii, стр. 213; *Второй визит Лайелла в Соединенные Штаты*, 1849, том i, стр. 51; и *Заметки Комбе о Соединенных Штатах*, том i, стр. 35, 99, 223, том iii, стр. 88, 118, 210, 226.

[986] Иногда говорят, что это отстаивал Бэнкрофт еще в 1588 году; но это утверждение представляется ошибочным, и г-н Халлам не может найти ни одного примера до правления Джеймса I. *Const. История*. том i. стр. 390. Догма, хотя и новая в Англиканской церкви, была очень древней. Смотрите, о его происхождении у ранних христиан, *Климат, Hist. du Droit*, vol. i. p. 253.

[987] Распространение арминианства часто замечалось в парламенте во время правления Карла I. *Parl. История*. том ii. стр. 444, 452, 455, 470, 484, 487, 491, 660, 947, 1368. Об упадке кальвинизма в Оксфордском и Кембриджском университетах в начале семнадцатого века см. любопытное письмо Била в *Работах Бойля*, т. v., стр. 483; а об этом движении в церкви после Елизаветы, сравните с *Дневником Йонга*, стр. 93, изд. Camden Soc. 1848; "*Жизнь Оуэна*" Орма, стр. 32; "*Жизни Стюартов*" Харриса, т. i. стр. 154-156, т. ii. стр. 208, 213, 214; *Воспоминания Хатчинсона*. стр. 66, 77; *Конст. Халлама. История*. том i. стр. 466; "*Жизнь Чиллингворта*" Де Мезо, стр. 112.

[988] Что касается кальвинизма противников короля, см. *Восстание Кларендона*, стр. 36, 37; *Мемуары Булстроуда*, стр. 8, 9; *Дневник Бертон*, т. iii. стр. 206; "*Кромвель*" Карлайла, том i. с. 68; и о его влиянии в Палате общин в 1628 году, *История Карвитена. Англиканской церкви*, том ii. стр. 64.

[989] М. Хибер (*Жизнь Джереми Тейлора*, стр. сxx.) говорит, что кальвинизм - это "система из всех других, наименее привлекательная для чувств католика". Филипп II, великий поборник католицизма, особенно ненавидел кальвинистов и в одном из своих указов назвал их секту "поддающейся проверке", *De Ты, История*. том x, стр. 705: сравните том xi, стр. 458. Приведу более ранний пример: когда римская инквизиция была возрождена в 1542 году, было приказано не допускать еретиков, и в частности кальвинистов: 'besonders Calvinisten'. *Ranke, Die Päpste*, vol. i. p. 211.

[990] В качестве иллюстрации этого я могу упомянуть, что один умный наблюдатель, объехавший всю Германию, заметил в 1780 году, что кальвинисты, хотя и были богаче своих противников, имели меньший вкус к искусству. "*Путешествия Рисбека по Германии*", Лондон, 1787, т. ii. стр. 240. Интересный отрывок, в котором, однако, автор показал себя неспособным обобщить факты, на которые он указывает.

[991] Среди арминиан было много людей большой учености, особенно святоотеческой; но самые глубокие мыслители были на другой стороне, как в примерах Августина, Паскаля и Джонатана Эдвардса. Этим кальвинистским метафизикам партия арминиан не может противопоставить никого равного по способностям; и примечательно, что иезуиты, безусловно,

самые ревностные арминиане в Римской церкви, всегда славились своей эрудицией, но уделяли так мало внимания изучению разума, что, как говорит сэр Джеймс Макинтош (*Диссертация. об этической философии.* стр. 185), Буффье - "единственный иезуит, чье имя занимает место в истории абстрактной философии". И интересно отметить, что это превосходство мысли со стороны кальвинистов, сопровождаемое неполноценностью образования, существовало с самого начала; ибо Неандер (*История Церкви*, том iv, стр. 299) отмечает, что Пелагий "не обладал глубоким спекулятивным духом, который мы находим у Августина", но что "в учености он превосходил Августина".

[992] 'Философская необходимость, основанная на идее Божьего предвидения, более или менее жестко поддерживалась теологами кальвинистской школы на протяжении всего нынешнего столетия'. "*Спекулятивная философия Европы*" Морелля, 1846, том i, стр. 366. Действительно, эта тенденция настолько естественна, что мы находим доктрину необходимости или что-то чрезвычайно похожее на нее, изложенную Августином. Смотрите интересные отрывки из "*Истории церкви*" Неандера, том vi. стр. 424, 425; где, однако, оставлена лазейка, позволяющая внедрить идею вмешательства или, во всяком случае, надзора.

[993] 'Пять основных догматов янсенизма, которые фактически сводятся к доктрине Кальвина'. Палмер о Церкви, том i, стр. 320; и смотрите Замечания Макинтоша в его *Мемуарах*, том i, стр. 411. According to the Jesuits, 'Paulus genuit Augustinum, Augustinus Calvinum, Calvinus Jansenium, Jansenius Sancryanum, Sancryanus Arnaldum et fratres ejus.' *Des Réaux, Historiettes*, vol. iv. pp. 71, 72. Compare *Huetius de Rebus ad eum pertinentibus*, p. 64: 'Jansenium dogmata sua ex Calvinianis fontibus derivasse.'

[994] Янсениус родился в деревне недалеко от Лердама и получил образование, если не ошибаюсь, в Утрехте.

[995] Введение янсенизма во Францию поверхностно описано Дюверне (*Hist. de la Sorbonne*, том ii. стр. 170-175); но современный и весьма характерный отчет читатель найдет в *Воспоминаниях де Мотвиля*, том ii. стр. 224-227. В то время была отмечена связь между этим и духом неподчинения; и Де Рео, писавший в середине семнадцатого века, упоминает мнение о том, что фронды 'являются местом действия янсенизма'. *Historiettes*, vol. iv. p. 72. Omer Talon too says that, in 1648, 'il se trouvoit que tous ceux qui étoient de cette opinion n'aimoient pas le gouvernement présent de l'état,' *Mém. d'Omer Talon*, vol. ii. pp. 280, 281.

[996] Бриенна, знавшая Людовика XIV. personally, says, 'Jansénisme, l'horreur du roi.' *Mém. de Brienne*, vol. ii. p. 240. Compare *Duclos, Mém. Секреты*, том i, стр. 112. В конце своего правления он возвел в сан епископа на общепризнанном основании своей оппозиции янсенистам; это было в 1713 году. *Официальные письма о ремонте*, том ii. стр. 396, 406; и смотрите далее том i. стр. 220, 222.

[997] 'La Sorbonne, moliniste sous Louis XIV, fut janséniste sous le régent, et toujours divisée.' Дюверне, *История. de la Sorbonne*, vol. ii. p. 225.

[998] О силе янсенистов в парламенте Парижа см. *Токвиль, Ренэ де Людовик XV*, т. i. стр. 352, т. ii. стр. 176; *Флассан, Дипломатия*, т. vi. стр. 486; *Мемуары де Жоржеля*, том ii, стр. 262; *Мемуары де Буё*, том i, стр. 67; "*Трактат Палмера о церкви*", том i, стр. 327, 328.

[999] *Лавалье, История. des Français*, vol. iii. p. 439.

[1000] Сулавье, *Ренэ де Людовик XVI*, том i. стр. 31, 145.

[1001] *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. ii. p. 385; *Œuvres de Voltaire*, vol. liv. p. 275; *Mém. de Georgel*, vol. i. pp. 49–51.

[1002] *Дюверне, Жизнь Вольтера*, стр. 90.

[1003] *Лакретель, XVIIIe Седмица*, том ii. стр. 119; *Лавалье*, том iii. стр. 477.

[1004] *Воспоминания де Жоржеля*, том i, стр. 57.

[1005] *Лафайет, Воспоминания*. том ii. стр. 53; *Дюмон, Сувениры*, стр. 154; *Жоржель*, том ii. стр. 353, том iii. стр. 10.

[1006] *Сулавье, Ренэ де Людовик XVI*, том iii. стр. 137.

[1007] 'Вульгарные обвиняют иезуитов как организаторов этой попытки'. Письмо Стэнли, написанное в 1761 году в *Chatham Correspondent*. том ii. стр. 127. Сравните *Кампан, Воспоминания о Марию-Антуанетте*, том iii. стр. 19, 21; *Сисмонди, История. des Franç.* vol. xxix. pp. 111, 227.

[1008] *Лавалье, История. des Français*, vol. iii. p. 476.

[1009] *Флассан, Французская дипломатия*. том vi. стр. 491.

[1010] 'Sans que les accusés eussent été entendus.' *Lavallée*, vol. iii. p. 477. 'Pas un seul n'a été entendu dans leur cause.' *Баррюэль-сюр-Ист. du Jacobinisme*, vol. ii. p. 264.

[1011] *Лавалле*, iii. стр. 477; *Флассан*, vi. стр. 504, 505; *Сисмонди*, xxix. стр. 234; и письма, написанные Дидро, который, хотя и находился в то время в Париже, дает довольно неполный отчет, *Воспоминания Дидро*, том ii. стр. 127, 130-132.

[1012] *Флассан, История. de la Diplomatie*, vol. vi. pp. 486–488.

[1013] 'Enfin ils furent mis en cause, et le parlement de Paris eut l'étonnement et la joie de voir les jésuites amenés devant lui comme de vils banqueroutiers.' *Lacretelle, XVIIIe Siècle*, vol. ii. p. 252. 'Осужден во Франции как мошенник-торговец. "Восемнадцатый век" Шлоссера, том iv. стр. 451.

[1014] Некоторые авторы приписывают уничтожение иезуитов усилиям мадам де Помпадур!

[1015] Сообщается, что Шуазель сказал об иезуитах: "Ваше истинное образование, вы принадлежите религиозному корпусу гробниц мертвых". *Баррюэль, привет. du Jacobinisme*, vol. i. p. 63.

[1016] В 1771 году Гораций Уолпол пишет из Парижа, что церкви и монастыри опустели настолько, что "кажутся заброшенными театрами, обреченными на разрушение"; и это он противопоставляет своему прежнему опыту иного положения вещей. *Письма Уолпола*, т. v., стр. 310, изд. 1840.

[1017] "Таланты некогда прославленной церкви Франции пали так низко, что во второй половине восемнадцатого века, когда само христианство подверглось нападкам, в ее рядах не появилось ни одного выдающегося защитника; и когда собрание духовенства в 1770 году

опубликовало свою знаменитую анафему против опасностей неверия и предложило награды за лучшие эссе по выдвинутые в защиту христианской веры постановки были настолько отвратительны, что нанесли ощутимый ущерб делу религии.' *История Элисон. Европы*, том i. стр. 180, 181.

[1018] В 1766 году преподобный Уильям Коул пишет Олбану Батлеру: "Я путешествовал в Париж через Лилль и Камбре в их общественных туалетах и был сильно шокирован и поражен открытым и безоговорочным неуважением, как со стороны торговцев, так и военных, к их духовенству и религиозному истеблишменту. Когда я приехал в Париж, было намного хуже'. *Оригинальные письма Эллиса*, вторая серия, том iv. стр. 485. Смотрите также *Письма Уолпола леди Оссори*, том ii. стр. 513, изд. 1848; и жалобу, поданную в Безансоне в 1761 году, в *Лепане*, *Жизнь Вольтера*, стр. 113.

[1019] А также сохранить свою огромную собственность, которая, когда произошла Революция, оценивалась в 80 000 000л. Английские деньги, приносящие годовой доход 'чуть менее 75 000 000 франков'. *"Европа Элисон"*, том i, стр. 183, том ii, стр. 20, том xiv, стр. 122, 123.

[1020] M. Barante (*Littérature Française au XVIIIe Siècle*, p. 94) says, 'On arriva bientôt à tout nier; déjà l'incrédulité avait rejeté les preuves divines de la révélation, et avait abjuré les devoirs et les souvenirs chrétiens; on vit alors l'athéisme lever un front plus hardi, et proclamer que tout sentiment religieux était une rêverie et un désordre de l'esprit humain. C'est de l'époque de l'Encyclopédie que datent les écrits où cette opinion est le plus expressément professée. Ils furent peu imités.' К сожалению, это последнее предложение является ошибочным.

[1021] 'Dans un intervalle de douze années, de 1758 à 1770, la littérature française fut souillée par un grand nombre d'ouvrages où l'athéisme étoit ouvertement professé.' *Lacretelle, XVIIIe Siècle*, vol. ii. p. 310.

[1022] Вольтер, писавший против этого, упоминает о его распространении среди всех классов и говорит, что его читали 'ученые, невежды, женщины'. *Диктант. Философ. article Dieu*, section iv., in *Œuvres de Voltaire*, vol. xxxviii. стр. 366: см. Также том ii. lxvii. с. 260; *Longchamp et Wagnière, Воспоминания о Вольтере*, т. i. стр. 13, 334; *Письма об истории Вольтера*, т. ii. стр. 210, 216; и письмо от него в переписке. *де Дюдефан*, том ii. стр. 329. Compare *Tennemann, Gesch. der Philos.* vol. xi. p. 320: 'mit ungetheiltem Beifalle aufgenommen worden und grossen Einfluss gehabt hat.'

[1023] 'Кодекс чудовищности атеизма'. *Биог. Univ.* том xxix. стр. 88. Морелле, который в таких вопросах ни в коем случае не был суровым судьей, говорит: "*Система природы*, несомненно, является завершенным катехизисом атеизма". *Мемуары де Морелле*, том i, стр. 133. Stäudlin (*Gesch. der theolog. Wissenschaften*, vol. ii. p. 440) calls it 'ein System des entschiedenen Atheismus:' while Tennemann, who has given by far the best account of it I have met with, says, 'Es machte bei seinem Erscheinen gewaltiges Aufsehen, und ist fast immer als das Handbuch des Atheismus betrachtet worden.' *Gesch. der Philos.* vol. xi. p. 349.

[1024] 'Атеизм - это девиз господствующего мнения'. *Soulavie, Règne de Louis XVI*, vol. iii. p. 16: the address of the archbishop with a deputation, 'muni des pouvoirs de l'assemblée générale du clergé,' in September 1775.

[1025] *Биог. Унив.* т. x. стр. 471, 669, вып. xxvii. p. 8, vol. xxx. p. 542; *Mém. de Brissot*, vol. i. p. 305; *Tocqueville, Règne de Louis XV*, vol. ii. p. 77.

[1026] *Воспоминания Малле дю Пана*, том i, стр. 50; *Сульви, Регн де Людовика XVI*, том v. стр. 127; *Баррюэль, История. дю Якобинец.*, том i, стр. 104, 135, 225, том ii, стр. 23, том iii, стр. 200; *Жизнь Ромилли*, том i, стр. 46, 145; *Штедлин, Теолог. Виссеншафтен*, том ii. стр. 440; *Джорджель, Воспоминания*, том ii. стр. 250, 350; *Гримм, Соотв.* том xv. стр. 87; *Воспоминания де Морелле*, том i. стр. 130; *Лепан, Жизнь Вольтера*, стр. 369; *Теннеман, Геш. der Philos.* том xi. стр. 350; *Мюссе Патэ, Жизнь Руссо*, том ii. стр. 177, 297; *Воспоминания де Жанлиса*, том v. стр. 180; *Геология Хичкока*. стр. 263; *Воспоминания д'Эпине*, том ii. стр. 63, 66, 76.

[1027] Это было связано с Ромилли Дидро. *Жизнь Ромилли*, том i. стр. 131, 132: см. также "*Жизнь Юма*" *Бертоне*, том ii. стр. 220. Пристли, посетивший Францию в 1774 году, говорит, что "все философы, с которыми меня познакомили в Париже, (были) неверующими в христианство и даже исповедовали атеизм". *Воспоминания Пристли*, том i, стр. 74. См. также письмо Горация Уолпола, написанное из Парижа в 1765 году (*Письма Уолпола*, изд. 1840, том v., стр. 96): "их общепризнанная доктрина - атеизм".

[1028] *Биог. Унив.* том xx. стр. 29.

[1029] 'Si la nature, au lieu de mains et de doigts flexibles, eût terminé nos poignets par un pied de cheval; qui doute que les hommes, sans art, sans habitations, sans défense contre les animaux, tout occupés du soin de pourvoir à leur nourriture et d'éviter les bêtes féroces, ne fussent encore errants dans les forêts comme des troupeaux fugitifs?' *Гельвеций, де парка*, том. я. стр. 2. У Гельвеций когда-нибудь читали нападать на Аристотеля против Анаксагора за утверждения, что διὰ τὸ ἔχειν χεῖρας, φρονιμώτατον εἶναι τῶν ζώων τὸν ἄνθρωπον? *Кадворт, Интеллект. Система.* том iii. стр. 311.

[1030] *De l'Esprit*, том i, стр. 2.

[1031] *Там же.* том i. стр. 4.

[1032] 'En effet la mémoire ne peut être qu'un des organes de la sensibilité physique.' vol. i. p. 6. Compare what M. Lepelletier says on this, in his *Physiologie Médicale*, vol. iii. p. 272.

[1033] "Я делаю вывод о том, что это настоящее и самое настоящее ощущение". *De l'Esprit*, vol. i. p. 10; '*juger, comme je l'ai déjà prouvé, n'est proprement que sentir.*' p. 41.

[1034] 'Né sensible à la douleur et au plaisir, c'est à la sensibilité physique que l'homme doit ses passions; et à ses passions, qu'il doit tous ses vices et toutes ses vertus.' *Там же.* том ii, стр. 53; и см. том i, стр. 239.

[1035] 'Une fois parvenu à cette vérité, je découvre facilement la source des vertus humaines; je vois que sans la sensibilité à la douleur et au plaisir physique, les hommes, sans désirs, sans passions, également indifférents à tout, n'eussent point connu d'intérêt personnel; que sans intérêt personnel ils ne se fussent point rassemblés en société, n'eussent point fait entr'eux de conventions, qu'il n'y eût point eu d'intérêt général, par conséquent point d'actions justes ou injustes; et qu'ainsi la sensibilité physique et l'intérêt personnel ont été les auteurs de toute justice.' *Там же.* том i, стр. 278.

[1036] *De l'Esprit*..... 19, 20, 30, 34, 293, 294, 318. Сравните Эпикура в *Диог. Лаэрт. de Vit. Филос.* библиотека. x. раздел. 120, том i. стр. 654.

[1037] *De l'Esprit*, vol. ii. p. 45. He sums up: 'il s'ensuit que l'amitié, ainsi que l'avarice, l'orgueil, l'ambition et les autres passions, est l'effet immédiat de la sensibilité physique.'

[1038] 'Il lui est aussi impossible d'aimer le bien pour le bien, que d'aimer le mal pour le mal.' *Там же*. том i. стр. 73.

[1039] *Там же*. том ii. стр. 249.

[1040] *Там же*. том ii. стр. 58.

[1041] 'Nous sommes uniquement ce que nous font les objets qui nous environnent.' *Там же*. том ii. стр. 306.

[1042] Saint Surin, a zealous opponent of Helvétius, admits that 'les étrangers les plus éminents par leurs dignités ou par leurs lumières, désiraient d'être introduits chez un philosophe dont le nom retentissait dans toute l'Europe.' *Biog. Унив.* том xx. стр. 33.

[1043] Бриссо (*Мемуары*, том i, стр. 339) говорит, что в 1775 году 'система Милосердия открыла доступ ко всей моде'. Turgot, who wrote against it, complains that it was praised 'avec une sorte de fureur' (*Œuvres de Turgot*, vol. ix. p. 297); and Georgel (*Mémoires*, vol. ii. p. 256) says, 'ce livre, écrit avec un style plein de chaleur et d'images, se trouvoit sur toutes les toilettes.'

[1044] 'D'ailleurs le siècle de Louis XV se reconnut dans l'ouvrage d'Helvétius, et on prête à Mme. Duffeand ce mot fin et profond: "C'est un homme qui a dit le secret de tout le monde."'" *Cousin, Hist. de la Philos.* I. série, vol. iii. p. 201. Сравнить *Соответственно. де Дюдефан*, том i, стр. xxii.; и аналогичное мнение в *Воспоминаниях де Ролана*, том i, стр. 104. Связь работ Гельвеция с господствующей философией отмечена в "Философии" *Конта. Поз.* т. iii. с. 791, 792. т. v. с. 744, 745.

[1045] *Биография. Унив.* том ix. стр. 399.

[1046] 'Condillac est le métaphysicien français du XVIIIe siècle.' Кузен, *Ист. de la Philos.* I. série, vol. iii. p. 83.

[1047] "Характеристика ощущений", которая, как говорит месье Кузен, "без сравнения - шеф-повар Кондильяка". *История. de la Philos.* II. série, vol. ii. p. 77.

[1048] Об огромном влиянии Кондильяка, сравните *Ренуара, Историю. de la Médecine*, vol. ii. p. 355; *Cuvier, Eloges*, vol. iii. p. 387; *Broussais, Cours de Phrénologie*, pp. 45, 68–71, 829; *Pinel, Alién. Mental*, стр. 94; *Философия Брауна. о разуме*, стр. 212.

[1049] Неясно, считал ли Локк, что рефлексия является как независимой, так и отдельной способностью; поскольку отрывки из его работ могут быть процитированы как утвердительно, так и отрицательно. Доктор Уэвелл справедливо отмечает, что Локк использует это слово настолько неопределенно, что "позволяет своим ученикам делать из его доктрин все, что им заблагорассудится". *История моральной философии*, 1852, с. 71.

[1050] 'Locke distingue deux sources de nos idées, les sens et la réflexion. Il seroit plus exact de n'en reconnoître qu'une, soit parceque la réflexion n'est dans son principe que la sensation même, soit parce qu'elle est moins la source des idées que le canal par lequel elles découlent des sens.' *Кондильяк, Характеристика ощущений*, стр. 13: смотрите также на стр. 19, 216 "Способ,

которым ощущение становится отражением"; и подведение итогов на стр. 416: "к вопросу о том, что такое венские знатоки чувств и особенности прикосновения".

[1051] He says of Mallebranche (*Traité des Sensations*, p. 312), 'ne pouvant comprendre comment nous formerions nous-mêmes ces jugemens, il les attribue à Dieu; manière de raisonner fort commode, et presque toujours la ressource des philosophes.'

[1052] 'Mais à peine j'arrête la vue sur un objet, que les sensations particulières que j'en reçois sont l'attention même que je lui donne.' *Traité des Sensations*, p. 16.

[1053] "Не что иное, как различные способы привлечения внимания". стр. 122.

[1054] 'Dès qu'il y a double attention, il y a comparaison; car être attentif à deux idées ou les comparer, c'est la même chose.' p. 17.

[1055] 'Dès qu'il y a comparaison, il y a jugement.' p. 65.

[1056] "Воспоминания о том, как трансформируются ощущения". стр. 17. Сравните стр. 61.

[1057] 'L'imagination est la mémoire même, parvenue à toute la vivacité dont elle est susceptible.' p. 78. 'Or j'ai appelé imagination cette mémoire vive qui fait paroître présent ce qui est absent.' p. 245.

[1058] 'Il résulte de cette vérité, que la nature commence tout en nous: aussi ai-je démontré que, dans le principe ou dans le commencement, nos connoissances sont uniquement son ouvrage, que nous ne nous instruisons que d'après ses leçons, et que tout l'art de raisonner consisté à continuer comme elle nous a fait commencer.' p. 178.

[1059] Сравните Пауэлла о лучистом тепле, стр. 261, во *Втором представлении Brit. Доц.*; *История наук Уэвелла*, том ii. стр. 526; и его *философия*, том i. стр. 339, 340. Прево был профессором в Женеве; но его великие взгляды были продолжены во Франции Дюлонгом и Петти; и знаменитая теория росы доктора Уэллса является всего лишь их применением. *Нац. Гершеля. Философия*, стр. 163, 315, 316. Что касается дальнейшего продолжения этих исследований и наших нынешних знаний о лучистом тепле, см. *Отчеты Либиха и Коппа*, т. i, с. 79, т. iii, с. 30, т. iv, с. 45.

[1060] О математической теории проводимости Фурье см. *Конт, Филос. Позитив*, том i. стр. 142, 175, 345, 346, 351, том ii. стр. 453, 551; *Бриджуотерский трактат Праута*, стр. 203, 204; *Келланд о теплоте*, стр. 6, в *Brit. Доц.* за 1841 г.; *Сибирь Эрмана*, т. i, с. 243; *Космос Гумбольдта*, т. i, с. 169; *Геология Хичкока*, с. 198; *Пуйе, Элементы физического развития*, ii. 696, 697.

[1061] Мемуары Кулона об электричестве и магнетизме были опубликованы с 1782 по 1789 год. *Пятый отчет брит. Доц.* стр. 4. Сравните *Отчеты Либиха и Коппа*, том iii. стр. 128; а о его отношении к Пинусу, который писал в 1759 году, см. *Индуктивность Уэвелла. Науки*, том iii. стр. 24-26, 35, 36, и *Найу, Traité de Minéralogie*, том iii. стр. 44, том iv. стр. 14. Еще более полный отчет о том, чего добился Кулон, содержится в умелой работе М. Пуйе "*Элементы телосложения*", том i. часть ii. стр. 63-79, 130-135.

[1062] Френель принадлежит нынешнему столетию; но М. Био говорит, что исследования Малуса начались до переправы через Рейн в 1797 году. *Био "Жизнь Малуса"*, в *Биог. Унив.* том. xxvi. стр. 412.

[1063] Пуйе, *Элементы физического развития*, том ii. часть ii. стр. 484, 514; *Отчет британца. Доц. за 1832 г.*, стр. 314; *Урожд. Лесли. Philos.* стр. 83; *История наук Уэвелла*, том ii. стр. 408-410; *Philos. наук*, том i. с. 350, том ii. с. 25; *Herschel's Nat. Философия.* стр. 258.

[1064] Борьба между этими конкурирующими теориями и легкость, с которой человек таких огромных способностей, как Янг, был подавлен теми невежественными претендентами, которые осмелились критиковать его, будут описаны в другой части этой работы, как ценная иллюстрация истории и привычек английского мышления. В настоящее время спор закончен, насколько это касается сторонников эмиссии; но с другой стороны, все еще существуют трудности, которые должны были помешать доктору Уэвеллу высказаться с такой крайней позитивностью по неисчерпаемому предмету. Этот талантливый автор говорит: 'Волновая теория света; единственное открытие, которое может стоять рядом с теорией всемирного тяготения как доктрина, принадлежащая к тому же порядку, по своей общности, своей плодотворности и своей достоверности'. *История Уэвелла. из индукции. Науки*, том ii. стр. 425; см. также стр. 508.

[1065] Что касается предполагаемой невозможности представить себе существование материи без свойств, которые приводят к возникновению сил (примечание в "*Лекциях по патологии*" *Педжета*, 1853, т. i, стр. 61), есть две причины, которые мешают мне придавать этому большое значение. Во-первых, концепция, которая на одной стадии познания называется невозможной, на более поздней стадии становится совершенно легкой и настолько естественной, что ее часто называют необходимой. Во-вторых, какой бы неразрывной ни казалась связь между силой и материей, она не была признана фатальной для динамической теории Лейбница; она не помешала другим выдающимся мыслителям придерживаться схожих взглядов; и аргументы Беркли, хотя на них постоянно нападали, никогда не были опровергнуты.

[1066] Каждое химическое разложение является лишь новой формой состава. *Robin et Verdeil, Chimie Anatomique*, vol. i. pp. 455, 456, 498: 'de tout cela il résulte, que la dissolution est un cas particulier des combinaisons.'

[1067] То, что ошибочно называют атомной теорией, является, собственно говоря, гипотезой, а не теорией: но хотя это и гипотеза, именно с ее помощью мы пользуемся доктриной определенных пропорций, краеугольным камнем химии.

[1068] Многие из них все еще скованы в геологии гипотезой катастроф; в химии гипотезой жизненных сил.

[1069] Смотрите, например, *Кювье, Прогресс наук*, том i. стр. 32-34, 40; *Письма Либиха по химии*, стр. 282; *Химия Тернера*, том i. стр. 184, 185; *Химия Бранде*, том i. стр. lxxxv.-lxxxix. 302; "*Химия животных*" *Томсона*, стр. 520, 634 и большая часть второго тома его *Истории химии*; также "*Физиология*" *Мюллера*, том i, стр. 90, 323.

[1070] По словам г-на Харкорта (*брит. Доц. Отчет за 1839 г.*, стр. 10), Кавендишу принадлежит следующая заслуга в том, что касается Англии: "Он, прежде всего его современники, отдал должное конкурирующей теории, недавно предложенной Лавуазье".

[1071] Французская кухня. *История Томсона. из химии*, том ii. стр. 101, 130. О волнении, вызванном взглядами Лавуазье, см. Письмо, написанное Джефферсоном в Париже в 1789 году, частично напечатанное в "*Жизни Джефферсона*" Такера, т. i. стр. 314, 315; и подробно в "*Джефферсоне Корреспонденте*". том ii. стр. 453-455.

[1072] 'Первая попытка составить систематическую химическую номенклатуру была предпринята Лавуазье, Бертолле, Г. де Морво и Фуркруа вскоре после открытия газообразного кислорода'. *Химия Тернера*, том i, стр. 127. Кювье (*Прогресс наук*, том i, стр. 39) и Робин и Вердей (*Анатомическая химия*, том i, стр. 602, 603) приписывают главную заслугу Де Морво. Томсон говорит (*Hist. of Chemistry*, том ii, стр. 133): "Эта новая номенклатура очень скоро проникла во все части Европы и стала общим языком химиков, несмотря на предубеждения, существовавшие против нее, и противодействие, с которым она повсюду сталкивалась".

[1073] Часто предполагается, что знаменитое центральное тепло Бюффона было заимствовано у Лейбница; но, хотя древние учили этому смутно, настоящим основателем доктрины, по-видимому, был Декарт. См. *Бордас Демулен, Картезианство*, Париж, 1843, том i, стр. 312. В *Физической истории Причарда* есть неудовлетворительная заметка по этому поводу. том i, стр. 100. Сравните экспериментальную историю. of Cold, тит. 17, в *работах Бойля*, т. ii. стр. 308; "*Жизнь Ньютона*" Брюстера, т. ii. стр. 100. О центральном жаре пифагорейцев см. *Теннемана, Геша. der Philos.* том i, стр. 149; а что касается центрального огня, упомянутого в так называемых Оракулах Зороастра, см. *Beausobre, Hist. de Manichée*, vol. ii. p. 152. Но полное невежество древних в отношении геологии делало эти взгляды не более чем догадками. Сравните некоторые разумные замечания в *Истории вопроса. de l'Ecole d'Alexandrie*, vol. ii. p. 282.

[1074] Эта всесторонность Кювье справедливо отмечена М. Флоуренсом как ведущая характеристика его ума. *Флуранс, История. des Travaux de Cuvier*, pp. 76, 142, 306: 'ce qui caractérise partout M. Cuvier, c'est l'esprit vaste.'

[1075] Поэтому мистер Оуэн называет его "основателем палеонтологической науки". *Оуэн об ископаемых млекопитающих*, в *отчете Brit. Доц. за 1843 г.*, стр. 208. Таким образом, в 1796 году ему 'открылись совершенно новые взгляды на теорию земли'. стр. 209. См. также *геологию Бейквелла*, стр. 368; и *Милн Эдвардс, Зоологию*, часть ii. стр. 279. Важность этого шага с каждым годом становится все более очевидной; и было справедливо замечено, что без палеонтологии не было бы, собственно говоря, никакой геологии. *Ботаника Бальфура*, 1849, стр. 591. Сэр Р. Мерчисон (*Siluria*, 1854, стр. 366) говорит: "По существу, изучение органических остатков привело к четкому подразделению огромной массы более древних пород, которые раньше были объединены под ничего не значащим термином "Граувакке". В той же умелой работе, стр. 465, нам сообщается, что "при исследовании всей серии формаций геолог-практик полностью убеждается в том, что во все периоды существовала очень тесная связь между существованием или, по крайней мере, между существованием других формаций". все события, сохранение животных и средства массовой информации, в которых они были окаменелыми.' Пример этого в старом красном песчанике см. на стр. 329.

[1076] *Уэвеллом в исторических наук. наук*, вып. раздел III. стр. 679; *Лайелла геол.* стр. 59. Действительно гнейс получил свое название от немцев. *Геология Бейквелла*. стр. 108.

[1077] Сравните *отчет Конибера по геологии*, стр. 371 (*брит. Доц. за 1832 г.*), с публикациями Бейквелла. стр. 367, 368, 419 и публикациями Лайелла. стр. 59.

[1078] В более старой половине вторичных пород млекопитающие почти не встречаются, и они не становятся обычными до третичного периода. "*Силурия Мерчисона*", стр. 466, 467; и "*Стрикленд по орнитологии*", стр. 210 (*брит. Доц. для 1844 г.*). Точно так же и в растительном царстве многие растения третичного слоя принадлежат к все еще существующим родам; но это редко случается со вторичными слоями; в то время как в первичных слоях даже семейства отличаются от тех, которые сейчас встречаются на земле. *Ботаника Бальфура*, стр. 592, 593. Сравните дополнения Уилсона к книге Жюссье "*Ботаника*", 1849, стр. 746; и для дальнейшей иллюстрации этого замечательного закона связи между опережающим временем и уменьшающимся сходством, закона, наводящего на самые любопытные предположения, см. "*Геологию*" Хичкока, стр. 21; "*Геологию*" Лайелла, стр. 183; и "*Лекции о беспозвоночных*" Оуэна, 1855, стр. 38, 576.

[1079] Г-н Жоффруа Сент-Илер (*Аномалии организации*, том i, стр. 121-127) собрал некоторые доказательства, подтверждающие мнения, которых ранее придерживались по этим вопросам. Среди других примеров он упоминает ученого человека по имени Анрион, академика и, я полагаю, богослова, который в 1718 году опубликовал работу, в которой 'назначение Адама в центр трех новых детей'; Ной был на двадцать футов ниже ростом и так далее. Кости слонов иногда принимали за гигантов: см. Приятное обстоятельство у Кювье, *Hist. des Sciences*, part ii. p. 43.

[1080] 'Daubenton a le premier détruit toutes ces idées; il a le premier appliqué l'anatomie comparée à la détermination de ces os.... Le mémoire où Daubenton a tenté, pour la première fois, la solution de ce problème important est de 1762.' Flourens, *Travaux de Cuvier*, pp. 36, 37. Агассис (*Отчет об ископаемых рыбах*, стр. 82, *Брит. Доц. ибo 1842*) приписывает эту заслугу слишком исключительно Кювье, игнорируя более ранние исследования Добентона; и та же ошибка допущена в "*Геологии*" Хичкока. стр. 249, и в "*Геологии*" Бейквелла. стр. 384.

[1081] Даже Кювье придерживался доктрины катастроф; но, как говорит сэр Чарльз Лайелл (*Принципы геологии*, стр. 60), его собственные открытия предоставили средства опровергнуть ее и познакомить нас с идеей непрерывности. Действительно, это было одно из наблюдений Кювье за ископаемыми, которое впервые выявило связь между рептилиями, рыбами и китообразными млекопитающими. См. "*Оуэн об ископаемых рептилиях*", стр. 60, 198, *Брит. Доц. за 1841 год*; и сравните "*Сравнительную анатомию*" Каруса, том i, стр. 155. К этому я могу добавить, что Кювье бессознательно подготовил почву для нарушения старой догмы о постоянстве видов, хотя сам он цеплялся за нее до последнего. Смотрите некоторые наблюдения, которые очень примечательны, учитывая период, когда они были написаны, в *Cabanis, Взаимоотношения тела и морали*, стр. 427, 428: выводы, сделанные Кювье, которые сам Кювье отверг бы.

[1082] Ни Монтескье, ни Тюрго, по-видимому, не верили в возможность обобщения прошлого с целью предсказания будущего; в то время как для Вольтера самым слабым местом в его во всех остальных отношениях глубоко взляде на историю была его любовь к старой поговорке о том, что великие события происходят из незначительных причин; исключительная ошибка для столь всеобъемлющего ума, потому что она зависела от запутывания причины с условиями. То, что такой человек, как Вольтер, совершил то, что сейчас кажется столь грубой ошибкой,

является унижительным размышлением для тех, кто способен оценить его обширный и проницательный гений, и это может преподать лучшим из нас полезный урок. Монтескье и Тюрго избежали этой ошибки; и первый автор, в частности, проявил такие экстраординарные способности, что не может быть никаких сомнений в том, что, живи он в более поздний период и, таким образом, располагай средствами для использования в полной мере ресурсов политической экономии и физических наук, ему выпала бы честь не только заложить основу, но и создать структуру философии истории человека. Как бы то ни было, ему не удалось постичь то, что является конечной целью любого научного исследования, а именно способность предсказывать будущее, и после его смерти в 1755 году все лучшие умы Франции, за исключением одного Вольтера, сосредоточили свое внимание на изучении природных явлений.

[1083] Демаркационная линия между анатомией как статичной и физиологией как динамичной четко проведена М. Контом (*Philos. Positive*, том iii, стр. 303) и М. Робин и Вердей (*Анатомическая химия*, том i, стр. 11, 12, 40, 102, 188, 434). То, что сказано Карусом (*Сравнительная анатомия*, том ii, стр. 356) и сэром Бенджамином Броди (*Лекции по патологии и хирургии*, стр. 6), сводится почти к одному и тому же, хотя и выражено с меньшей точностью. С другой стороны, М. Милн Эдвардс (*Зоология*, часть i, стр. 9) называет физиологию "наукой о жизни", что, будь это правдой, просто доказывало бы, что физиологии вообще не существует, поскольку в настоящее время определенно нет науки о жизни.

[1084] In his *Règne Animal*, vol. i. pp. vi. vii., he says that preceding naturalists 'n'avaient guère considéré que les rapports extérieurs de ces espèces, et personne ne s'était occupé de coördonner les classes et les ordres d'après l'ensemble de la structure.... Je dus donc, et cette obligation me prit un temps considérable, je dus faire marcher de front l'anatomie et la zoologie, les dissections et le classement.... Les premiers résultats de ce double travail parurent en 1795, dans un mémoire spécial sur une nouvelle division des animaux à sang blanc.'

[1085] О противопоставлении методов Линнея и Кювье см. *Отчет Дженинса по зоологии*, стр. 144, 145, в *Brit. Доцент*. с 1834 года.

[1086] Основы этого знаменитого механизма были заложены Кювье в статье, прочитанной в 1795 году. *История индукции Уэвелла. Науки*, том iii. стр. 494. Однако оказывается (*Флуранс, Труды Кювье*, стр. 69, 70), что именно в 1791 году или сразу после этого вскрытие какого-то моллюска натолкнуло его на идею реформирования классификации всего животного царства. Сравните Кювье, *"Ренское животное"*, том i. стр. 51, 52 примечание.

[1087] Единственное серьезное возражение против схемы Кювье исходило от сторонников доктрины круговой прогрессии: замечательной теории, настоящими создателями которой являются Ламарк и Маклей, и которая, безусловно, подтверждается значительным количеством доказательств. Тем не менее, среди подавляющего большинства компетентных зоологов четырехчленное деление остается в силе, хотя постоянно возрастающая точность микроскопических наблюдений выявила нервную систему гораздо более низкого уровня, чем предполагалось ранее, и, таким образом, побудила некоторых анатомов разделить *radiata* на *acrita* и *nematoneura*. *"Беспозвоночные" Оуэна*, 1855, стр. 14, 15; и *"Царство животных" Раймера Джонса*, 1855, стр. 4. Поскольку, однако, представляется вероятным, что все животные имеют отдельную нервную систему, это подразделение является лишь предварительным; и весьма вероятно, что, когда наши микроскопы будут более усовершенствованы, нам придется вернуться к устройству Кювье. Некоторые последователи Кювье исключили аподозных

иглокожих из лучистых; но в этом м-р Раймер Джонс (*Царство животных*, стр. 211) подтверждает классификацию Кувери.

[1088] Мы можем исключить Аристотеля; но между Аристотелем и Биша я не могу найти посредника.

[1089] Но не исключительно. Мистер Блейнвилл (*Физиолог. comparée*, vol. ii. p. 304) says, 'celui qui, comme Bichat, bornait ses études à l'anatomie humaine;' and at p. 350, 'quand on ne considère que ce qui se passe chez l'homme, ainsi que l'a fait Bichat.' This, however, is much too positively stated. Bichat mentions 'les expériences nombreuses que j'ai faites sur les animaux vivans.' Биша, *Анатомия генера*, том i, стр. 332; и о других примерах его экспериментов на животных ниже человека см. Ту же работу, том i, стр. 164, 284, 311, 312, 326, том ii. стр. 13, 25, 69, 73, 107, 133, 135, 225, 264, 423, том iii. стр. 151, 218, 242, 262, 363, 364, 400, 478, 501, том iv. стр. 27, 28, 34, 46, 229, 247, 471: см. также Биша, *Исследования по жизни*, стр. 262, 265, 277, 312, 336, 356, 358, 360, 368, 384, 400, 411, 439, 455, 476, 482, 494, 512: и его *Характеристика мембран*, стр. 48, 64, 67, 130, 158, 196, 201, 224. Все это эксперименты на низших животных, которые помогли этому великому физиологу сделать те обширные обобщения, которые, хотя и применялись к человеку, ни в коем случае не были взяты только из анатомии человека. На невозможность понимания физиологии без изучения сравнительной анатомии хорошо указано в работе мистера Раймера Джонса "*Организация животного царства*", 1855, стр. 601, 791.

[1090] М-р Суэйнсон (*География и классификация животных*, стр. 170), как ни странно, жалуется, что Кювье "отвергает более простые и очевидные признаки, которые может видеть каждый и которые так удачно использовал Линней, и ставит различия между этими группами в зависимость от обстоятельств, которые никто, кроме анатома, не может понять." 'См. также стр. 173: 'признаки, которые, какими бы хорошими они ни были, не всегда понятны разве что анатому'. (Сравните Ходжсона по орнитологии Непала, в *Азиатских исследованиях*, т. хix. стр. 179, Калькутта, 1836.) Другими словами, это жалоба на то, что Кювье пытался возвысить зоологию до уровня науки и, следовательно, конечно, лишил ее некоторых популярных достопримечательностей, чтобы наделить ее другими достопримечательностями гораздо более высокого характера. Ошибки, привнесенные в естественные науки опорой на наблюдение, а не на эксперимент, были замечены многими авторами; и никто так рассудительно, как М. Сент-Илер в его "*Аномалиях организации*", т. i, стр. 98.

[1091] Очень сомнительно, был ли Биша знаком с работами Смита, Бонна или Фаллопиуса, и я не помню, чтобы он где-либо хотя бы упоминал их имена. Однако он определенно изучал Бордо; но я подозреваю, что автором, оказавшим на него наибольшее влияние, был Пинель, чьи патологические обобщения были выдвинуты примерно в то время, когда Биша начал писать. Compare Bichat, *Traité des Membranes*, pp. 3, 4, 107, 191; Béclard, *Anat. Гenezис*. стр. 65, 66; Буйо, *Филос. Médicale*, p. 26; Blainville, *Physiol. сравнение*, том i, стр. 284, том ii, стр. 19, 252; Генле, *Anat. Gén.* vol. i. pp. 119, 120.

[1092] *Биография. Унив.* том iv. стр. 468, 469.

[1093] Список тканей см. в Биша, *Anat. Gén.* vol. i. p. 49. На стр. 50 он говорит: 'В конечном итоге, именно поэтому точка зрения на то, что нужно делать, рассматривается как ткань, а не как результат ничтожества: это природа, а не наука, и это единственный путь к демаркации в мире". Однако теперь есть основания полагать, что как животные, так и растительные ткани, во

всех их разновидностях, имеют клеточное происхождение. Этот великий взгляд, который в основном разработал М. Шванн, если он будет полностью подтвержден, станет самым большим обобщением, которым мы располагаем относительно органического мира, и его ценность трудно переоценить. Тем не менее существует опасность, что, преждевременно придя к такому обширному закону, мы можем пренебречь второстепенными, но сильно выраженными различиями между тканями в том виде, в каком они существуют на самом деле. Бурдах (*"Физиологические особенности"*, том vi, стр. 195, 196) сделал несколько хороших замечаний по поводу путаницы, вносимой в изучение тканей пренебрежением теми характерными характеристиками, на которые указал Биша.

[1094] Пинель говорит: 'танцует на сеульских мертвецах плюс на трупах за шесть центов'. Обратите внимание на *"Сюр Биша"*, стр. xiii, в томе i *Anat. Gén.* Таким огромным трудом, работая день и ночь в неизбежно загрязненной атмосфере, он заложил основу для этой пагубной привычки, которая привела к незначительному несчастному случаю со смертельным исходом и унесла его жизнь в возрасте тридцати одного года. 'L'esprit a peine à concevoir que la vie d'un seul homme puisse suffire à tant de travaux, à tant de découvertes, faites ou indiquées: Bichat est mort avant d'avoir accompli sa trente-deuxième année!' Пинель, стр. xvi.

[1095] Такому виду сравнительной анатомии (если ее можно так назвать), который до него едва существовал, Биша придавал большое значение и ясно видел, что в конечном итоге она приобретет первостепенную ценность для патологии. *Anat. Gén.* vol. i., стр. 331, 332, vol. ii., стр. 234-241, vol. iv., стр. 417 и т.д. К сожалению, эти исследования не были должным образом продолжены его непосредственными преемниками; и Мюллер, писавший спустя долгое время после его смерти, был вынужден ссылаться главным образом на Биша в поисках 'истинных принципов общей патологии'. *"Физиология Мюллера"*, 1840, т. i, стр. 808. М. Фогель также в своей *"Патологической анатомии"*, 1847, стр. 398, 413, отмечает ошибку, допущенную более ранними патологоанатомами, когда они рассматривали изменения в органах и пренебрегали изменениями в тканях; и то же замечание сделано в *"Робине и Вердейле"*, *"Анатомической химии"*, 1853, т. i, стр. 45; и в *"Генле"*, *"Характеристике Д. "Анатомия"*, том i, стр. vii., Париж, 1843. То, что "структурная анатомия" и "структурное развитие" должны быть положены в основу патологии, более того, наблюдается в *"Патологии" Саймона*, 1850, стр. 115 (сравните *"Принципы медицины" Уильямса*, 1848, стр. 67), который приписывает главную заслугу этой "рациональной патологии" Генле и Шванну: не упоминая, что они всего лишь выполнили схему Биша и (следует сказать при всем уважении к этим выдающимся людям) выполнили ее с полнотой, намного уступающей той, которую продемонстрировал их великий предшественник. В книге Бруссе, *"Исследование медицинских доктрин"*, том iv. стр. 106, 107, есть несколько справедливых и либеральных наблюдений об огромной услуге, которую Биша оказал патологии. См. также Беклара, *Анатомию*, Париж, 1852, стр. 184.

[1096] Биша, *Анат. Генерал.* том i. стр. 51, 160, 161, 259, 372, том ii. стр. 47, 448, 449, том iii. стр. 33, 168, 208, 309, 406, 435, том iv. стр. 21, 52, 455-461, 517.

[1097] Согласно М. Контю (*Philos. Поз.* т. iii. с. 319), никто не додумался до этого до Биша. ММ. Робин и Вердейл в своей недавней замечательной работе полностью признают необходимость использования этого уникального ресурса. *Chimie Anatomique*, 1853, vol. i. pp. 18, 125, 182, 357, 531.

[1098] 'Dès-lors il créa une science nouvelle, l'anatomie générale.' *Pinel sur Bichat*, p. xii. 'A Bichat appartient véritablement la gloire d'avoir conçu et surtout exécuté, le premier, le plan d'une anatomie nouvelle.' *Буфо, философ. Médicale*, p. 27. 'Bichat fut le créateur de l'histologie en assignant des caractères précis à chaque classe de tissus.' *Burdach, Physiologie*, vol. vii. p. 111. 'Le créateur de l'anatomie générale fut Bichat.' *Henle, Anatomie*, vol. i. p. 120. Аналогичные замечания можно найти у *Сент-Илера, Аномалии организации*, том i, стр. 10; и в *Робине и Вердейле, Анатомия*. том i, стр. XVIII., том iii, стр. 405.

[1099] У *Беклара, Анат. Gén. 1852*, p. 61, it is said that 'la recherche de ces tissus élémentaires, ou éléments organiques, est devenue la préoccupation presque exclusive des anatomistes de nos jours.' Сравните *Блейнвилла, Физиолога. Gén. et Comp.* vol. i. p. 93: 'Aujourd'hui nous allons plus avant, nous pénétrons dans la structure intime, non seulement de ces organes, mais encore des tissus qui concourent à leur composition; nous faisons en un mot de la véritable anatomie, de l'anatomie proprement dite.' And at p. 105: 'c'est un genre de recherches qui a été cultivé avec beaucoup d'activité, et qui a reçu une grande extension depuis la publication du bel ouvrage de Bichat.' See also vol. ii. p. 303.

В результате этого движения возникла под названием *Дегенерация тканей* совершенно новая отрасль патологической анатомии, примеров которой, я полагаю, не было найдено до времен Биша, но ценность которой сейчас признается большинством патологоанатомов.

Сравните "*Хирургическую патологию*" *Педжета*, том i, стр. 98-112; "*Принципы медицины*" *Уильямса*, стр. 369-376; "*Физиологию*" *Бурдаха*, том I. viii. с. 367; *Отчеты брит. Доц.* том vi. стр. 147; *Патологическая анатомия Джонса и Сивекинга*, 1854, стр. 154-156, 302-304, 555-558. "Они, - говорят эти последние авторы, - встречаются чрезвычайно часто, но их природа едва ли была распознана до недавнего времени".

[1100] Кювье полностью пренебрег изучением тканей; и в очень немногих случаях, когда он их упоминает, его формулировки крайне расплывчаты. Thus, in his *Règne Animal*, vol. i. p. 12, he says of living bodies, 'leur tissu est donc composé de réseaux et de mailles, ou de fibres et de lames solides, qui renferment des liquides dans leurs intervalles.'

[1101] Известный орнитолог предъявляет ту же жалобу в отношении классификации птиц. *Стрикленд по орнитологии, британец. Доц. за 1844 год*, стр. 209, 210. Even in regard to living species, Cuvier (*Règne Animal*, vol. ii. p. 126) says: 'La classe des poissons est de toutes celle qui offre le plus de difficultés quand on veut la subdiviser en ordres d'après des caractères fixes et sensibles.'

[1102] Открытия М. Агассиса отражены в его великом труде "*Исследования окаменелостей Пуассона*": но читатель, у которого, возможно, нет возможности ознакомиться с этим дорогостоящим изданием, найдет два эссе этого выдающегося натуралиста, которые дадут представление о его подходе к предмету, в *отчетах Brit. Доц. за 1842 г.*, стр. 80-88, и за 1844 г., стр. 279-310. Насколько важно это исследование для геолога, видно из замечания сэра Р. Мерчисона (*Силурия*, 1854, стр. 417), что "ископаемые рыбы повсюду служили наиболее точными хронометрами возраста горных пород".

[1103] То, что они состоят из волокон, было преобладающей доктриной до открытия их трубок Пуркинье в 1835 году. До Пуркинье только один наблюдатель, Левенгук, объявил об их

трубчатой структуре; но никто не поверил тому, что он сказал, и Пуркинье не был знаком с его исследованиями. Сравните *Исследования зубов Нэсмита*, 1839, стр. 159; *Одонтография Оуэна*, 1840-1845, т. i. стр. ix. x.; *Генле, Анат. Gén.* том ii. стр. 457; *Отчеты Brit. Доц.* том vii. стр. 135, 136 (*Перевод разделов*).

[1104] Мистер Нэсмит в своей ценной, но, к сожалению, опубликованной посмертно работе отмечает, как результат этих открытий, "тесное сродство, существующее между зубами и другими организованными тканями организма животных". *Исследования развития зубов и др.*, 1849, с. 198. Это, собственно говоря, продолжение предыдущей книги мистера Нэсмита, которая носила то же название и была опубликована в 1839 году.

[1105] Против этого названия, которое, по-видимому, первым предложил мистер Оуэн, были высказаны возражения, хотя, как мне кажется, на недостаточных основаниях. Сравните *Одонтографию Оуэна*, том i, стр. iii., с *Исследованиями Нэсмита*, 1849, стр. 3, 4. Это принято в книге Карпентера *"Физиология человека"*, 1846, стр. 154; и в книге Джонса и Сивекинга *"Патолог"*. *Анат.* 1854, стр. 483, 486.

[1106] Посмотреть переписку можно на *английском языке. Доц.* за 1841 г., с. 2-23.

[1107] В уведомлении об этом в *"Истории наук"* Уэвелла, т. iii. стр. 678, ничего не говорится о мистере Нэсмите; в то время как в *"Анатомии человека"* Уилсона, стр. 65, изд. 1851, ничего не говорится о мистере Оуэне. Образец справедливости, с которой люди относятся к своим современникам. Доктор Грант (*Дополнение к Медицинскому справочнику Хупера*. 1848, стр. 1390) говорит: "Исследования мистера Оуэна, как правило, подтверждают исследования мистера Нэсмита". Нэсмит в своей последней работе (*Исследования зубов*, 1849, стр. 81) ссылается на Оуэна только для того, чтобы указать на ошибку; в то время как Оуэн (*Одонтография*, том i, стр. xlvii.-lvi.) рассматривает Нэсмита как наглого плагиатора.

[1108] Доктор Уэвелл (*Hist. конечно. Sciences*, vol. iii. p. 678) говорится, что "он провел в каждой части животного царства исследование, основанное на этом открытии, и опубликовал результаты этого в своей *Одонтографии*". Если бы этот способный, но довольно поспешный автор прочитал *"Одонтографию"*, он обнаружил бы, что мистер Оуэн, столь далекий от того, чтобы проводить исследование "во всех частях животного царства", явно ограничивается "одним из первичных подразделений животного царства" (я цитирую его собственные слова из *"Одонтографии"*, том i, стр. lxvii.) и, по-видимому, считает, что исследование ниже позвоночных практически не поможет в целях классификации.

[1109] Но, сравнивая заслуги самих первооткрывателей, мы должны восхвалять того, кто доказывает, а не того, кто предлагает. Смотрите некоторые разумные замечания в *"Одонтографии"* Оуэна, том i, стр. xlix.; которые, однако, не влияют на мои наблюдения о превосходстве метода.

[1110] Под новым методом исследования предмета я подразумеваю применение к нему обобщений из какого-либо другого предмета с целью расширения поля мышления. Называть это новым методом довольно расплывчато; но другого слова, чтобы выразить процесс, нет. Собственно говоря, существует только два метода, индуктивный и дедуктивный; которые, хотя и различаются по существу, настолько смешаны друг с другом, что полностью разделить их невозможно. Обсуждение реальной природы этого различия я оставляю для своего сравнения германской и американской цивилизаций в следующем томе.

[1111] В литературе и теологии Шатобриан и Де Местр, безусловно, были самыми красноречивыми и, вероятно, самыми влиятельными лидерами этой реакции. Ни один из них не любил индукцию, но предпочитал рассуждать дедуктивно, исходя из предпосылок, которые они предполагали и которые они называли первичными принципами. Де Местр, однако, был могущественным диалектиком, и по этой причине его работы читают многие, кому наплевать на великолепную декламацию Шатобриана. В метафизике произошло точно такое же движение; и Ларомигьер, Руайе Коллар и Мэн де Биран основали ту знаменитую школу, кульминацией которой стал г-н Кузен и которая в равной степени характеризуется незнанием философии индукции и отсутствием сочувствия к физической науке.

[1112] Биша, *Исследования жизни и Смерти*, стр. 5-9, 226; и его *анат. Gén.* vol. i. p. 72.

[1113] 'C'est de là, sans doute, que naît cette autre différence entre les organes des deux vies, savoir, que la nature se livre bien plus rarement à des écarts de conformation dans la vie animale que dans la vie organique.... C'est une remarque qui n'a pu échapper à celui dont les dissections ont été un peu multipliées, que les fréquentes variations de formes, de grandeur, de position, de direction des organes internes, comme la rate, le foie, l'estomac, les reins, les organes salivaires, etc.... Jetons maintenant les yeux sur les organes de la vie animale, sur les sens, les nerfs, le cerveau, les muscles volontaires, le larynx; tout y est exact, précis, rigoureusement déterminé dans la forme, la grandeur et la position. On n'y voit presque jamais de variétés, de conformation; s'il en existe, les fonctions sont troublées, anéanties; tandis qu'elles restent les mêmes dans la vie organique, au milieu des altérations diverses des parties.' *Bichat sur la Vie*, pp. 23–25. Частично эта точка зрения подтверждается доказательствами, собранными Сент-Илером (*Аномалии организации*, том i, стр. 248 и далее), о необычайных отклонениях, которым подвержены вегетативные органы; и он упоминает (том ii, стр. 8) случай с человеком, в теле которого при вскрытии "повторно исследовали внутренние органы во время транспозиции". Сравнительная анатомия дает еще одну иллюстрацию. Тела моллюсков менее симметричны, чем у суставчатых; и у первых 'растительный ряд органов', говорит м-р Оуэн, более развит, чем животный; в то время как у суставчатых 'прогресс наиболее заметен в органах, свойственных животной жизни'. *Беспозвоночные Оуэна*, стр. 470. Сравните "*Физиологию*" Бурдаха, том i, стр. 153, 189; и подтверждение "несимметричности" органов gasterpoda в "*Сравнительной анатомии*" Гранта, стр. 461. Этот любопытный антагонизм проявляется еще и в том обстоятельстве, что идиоты, чьи функции питания и выделения часто очень активны, в то же время отличаются отсутствием симметрии в органах чувств. *Esquirol, Maladies Mentales*, vol. ii. pp. 331, 332.

Результатом, хотя, возможно, и неосознанным, применения и расширения этих идей является то, что в течение последних нескольких лет возникла патологическая теория так называемых 'симметричных заболеваний', основные факты которых давно известны, но сейчас только начинают обобщаться. См. "*Патология Педжета*", том i, стр. 18-22, том ii, стр. 244, 245; "*Патология Саймона*", стр. 210, 211; "*Физиология человека*" Карпентера. стр. 607, 608.

[1114] Биша *сюр ля Ви*, стр. 15-21.

[1115] Там же. стр. 21-50.

[1116] О прерывистости как качестве жизни животных см. *Медицинские заметки Холланда*, стр. 313, 314, где Биша упоминается как ее великий толкователь. Что касается существенной непрерывности органической жизни, см. *Физиологию Бурдаха*, том vii. стр. 420. М. Конт сделал

несколько интересных замечаний о законе прерывистости Биша. *Философия. Позитивная*, том iii. стр. 300, 395, 744, 745, 750, 751.

[1117] О развитии, вытекающем из практики, см. *Bichat sur la Vie*, стр. 207-225.

[1118] Там же. стр. 189-203, 225-230. М. Бруссе также (в своей талантливой работе "*Курс френологии*", стр. 487) говорит, что сравнение начинается только после рождения; но, конечно, это должно быть очень сомнительно. Мало кто из физиологов будет отрицать, что эмбриологические явления, хотя и игнорируемые метафизиками, играют большую роль в формировании будущего характера; и я не вижу, как может быть полной какая-либо система психологии, которая игнорирует соображения, вероятные сами по себе и не опровергаемые специальными доказательствами. Однако этот предмет был исследован настолько небрежно, что у нас есть самые противоречивые утверждения, касающиеся даже *влагалища матки*, которое, если оно существует в той степени, в какой это утверждается некоторыми физиологами, было бы решающим доказательством того, что животная жизнь (в смысле Биша) действительно начинается во время внутриутробного периода. Сравните "*Физиологию*" Бурдаха, том iv, стр. 113, 114, с "*Физиологией*" Вагнера, стр. 182.

[1119] 'Les organes internes qui entrent alors en exercice, ou qui accroissent beaucoup leur action, n'ont besoin d'aucune éducation; ils atteignent tout à coup une perfection à laquelle ceux de la vie animale ne parviennent que par habitude d'agir souvent.' *Bichat sur la Vie*, p. 231.

[1120] Диоскорид и Гален знали от 450 до 600 растений (*Винклер, Справочник ботаника*, 1854, стр. 34, 40); но, согласно Кювье (*Eloges*, vol. iii. p. 468), Линней в 1778 г. "en индийская среда - это милль эспесес"; и Мейен (*геог. о растениях*, стр. 4) говорится, что на момент смерти Линнея 'было известно около 8000 видов'. (Др. Уэвелл в своем *Бриджуотерском трактате*, стр. 247, говорит: "около 10 000".) С тех пор прогресс был непрерывным; а в *ботанике* Хенслоу, 1837, стр. 136, нам сообщается, что "число видов, уже известных и классифицированных в работах по ботанике, составляет около 60 000". Десять лет спустя доктор Линдли (*Растительное царство*, 1847, стр. 800) называет их 92 930; а два года спустя мистер Бальфур говорит 'около 100 000'. *Ботаника Бальфура*, 1849, стр. 560. Таковы темпы, с которыми продвигаются наши знания о природе. Завершая эту историческую заметку, мне следовало бы упомянуть, что в 1812 году, по словам доктора Томсона, 'было исследовано и описано почти 30 000 видов растений'. *История Томсона. Королевского общества*, стр. 21.

[1121] Она была опубликована в 1790 году. *Winckler, Gesch. der Botanik*, p. 389. Но историки ботаники упустили из виду короткий отрывок из работ Гете, который доказывает, что он имел представление об этом открытии в 1786 году или раньше. *Seeltälänische Reise, in Göthe's Werke*, vol. ii. part ii. p. 286, Stuttgart, 1837, where he writes from Padua, in September 1786, 'Hier in dieser neu mir entgegen tretenden Mannigfaltigkeit wird jener Gedanke immer lebendiger: dass man sich alle Pflanzengestalten vielleicht aus Einer entwickeln könne.' Есть несколько интересных замечаний по поводу этого блестящего обобщения в "*Партеногенезе*" Оуэна, 1849, стр. 53 и далее.

[1122] То есть к изучению уродств животных, которые, какими бы капризными они ни казались, теперь считаются необходимым результатом предшествующих событий. За последние тридцать лет было открыто несколько законов этих неестественных рождений, как их раньше называли; и было доказано, что они не только неестественны, но и строго естественны. Таким образом, была

создана новая наука под названием тератология, которая разрушает старый *естественный язык* в одном из его последних и любимых оплотов.

[1123] Доктор Линдли (*Третий отчет британца. Доц. с. 33*) говорит, что Десфонтейн был первым, кто продемонстрировал противоположные способы увеличения двудольных и однодольных стеблей. См. также *Ричарда, Элементы ботаники*, стр. 131; и *Кювье, Eloges*, том i, стр. 64. Относительно шагов, предпринятых Адансоном и Де Монсо, см. *Винклера, Геша. ботаник*, стр. 204, 205; *Химия овощей Томсона*, стр. 951; *Введение Линдли. к ботанике*, том ii, стр. 132.

[1124] Любопытно наблюдать, как даже хорошие ботаники цеплялись за систему Линнея еще долго после того, как было доказано превосходство естественной системы. Это тем более заметно, что Линней, который был человеком несомненно гениальным и обладал необычайными способностями к комбинированию, всегда допускал, что его собственная система была лишь временной и что великой целью, которой следовало достичь, была классификация в соответствии с естественными семействами. See *Winckler, Geschichte der Botanik*, p. 202; and *Richard, Eléments de Botanique*, p. 570. В самом деле, что можно было подумать о постоянной ценности схемы, которая объединила тростник и барбарис, потому что они оба были hexandria; и заставила щавель ассоциироваться с шафраном, потому что оба были trigynia? *Ботаника Жюссье*, 1849, стр. 524.

[1125] "*Роды растений*" Антуана Жюссье был напечатан в Париже в 1789 году; и, хотя известно, что он был результатом многолетнего непрерывного труда, некоторые авторы утверждали, что содержащиеся в нем идеи были заимствованы у его дяди, Бернара Жюссье. Но утверждения такого рода редко заслуживают внимания; и поскольку Бернард решил ничего не публиковать самостоятельно, его репутация должна пострадать из-за его необщительности. Compare *Winckler, Gesch. ботаник*, стр. 261-272, с *биографией. Университет*. том. xxii. стр. 162-166. I will only add the following remarks from a work of authority, *Richard, Eléments de Botanique*, Paris, 1846, p. 572: 'Mais ce ne fut qu'en 1789 que l'on eut véritablement un ouvrage complet sur la méthode des familles naturelles. Le *Genera Plantarum* d'A. L. de Jussieu présenta la science des végétaux sous un point de vue si nouveau, par la précision et l'élégance qui y règnent, par la profondeur et la justesse des principes généraux qui y sont exposés pour la première fois, que c'est depuis cette époque seulement que la méthode des familles naturelles a été véritablement créée, et que date la nouvelle ère de la science des végétaux.... L'auteur du *Genera Plantarum* posa le premier les bases de la science, en faisant voir quelle était l'importance relative des différents organes entre eux, et par conséquent leur valeur dans la classification.... Il a fait, selon la remarque de Cuvier, la même révolution dans les sciences d'observation que la chimie de Lavoisier dans les sciences d'expérience. En effet, il a non seulement changé la face de la botanique; mais son influence s'est également exercée sur les autres branches de l'histoire naturelle, et y a introduit cet esprit de recherches, de comparaison, et cette méthode philosophique et naturelle, vers le perfectionnement de laquelle tendent désormais les efforts de tous les naturalistes.'

[1126] Следовательно, устранен большой источник ошибок; поскольку теперь понятно, что только у двудольных растений возраст может быть известен с уверенностью. *Ботаника Хенслоу*, стр. 243: сравните *Ричарда, Элементы ботаники*, стр. 159, афоризм xxiv. О стеблях эндогенных растений, которые, будучи в основном тропическими, изучены меньше, чем

экзогенные, см. *Ботаника Линдли*, том i, стр. 221-236; где также есть отчет, стр. 229 и далее, о взглядах, которые Шлейден выдвинул по этому вопросу в 1839 году.

[1127] О расположении листьев, которое сейчас называется филлотаксисом, см. *Ботаника Бальфура*, стр. 92; *Физиология Бурдаха*, том v. стр. 518.

[1128] Классификация по семядолям была настолько успешной, что 'однако, за очень немногими исключениями, почти все растения могут быть отнесены любым ботаником с первого взгляда и безошибочной уверенностью к их надлежащему классу; и даже простого фрагмента стебля, листа или какой-либо другой части часто вполне достаточно, чтобы позволить ему решить этот вопрос'. *Ботаника Хенслоу*, стр. 30. Что касается некоторых трудностей, все еще остающихся на пути тройного семядольного деления всего растительного мира, см. *Ботаника Линдли*, том ii. стр. 61 и далее.

[1129] Мистер Суэйнсон (*Изучение естественной истории*, стр. 356) говорит: "минералогия, действительно, является лишь частью химии". Это решает вопрос очень быстро; но что тем временем происходит с геометрическими законами минералов? и что нам делать с той связью между их структурой и оптическими явлениями, которую сэр Дэвид Брюстер установил с помощью способности передавать сигналы?

[1130] Трудности, внесенные в изучение минералов открытием изоморфизма и полиморфизма, несомненно, значительны; но М. Бюдан (*Minéralogie*, Париж, 1841, стр. 37), как мне кажется, преувеличивает их влияние на 'важность кристаллических форм'. Они гораздо более разрушительны для чисто химического устройства, потому что наши приборы для измерения мельчайших углов кристаллов все еще очень несовершенны, и гониометр может не обнаружить различий, которые действительно существуют; и, следовательно, многие предполагаемые случаи изоморфизма, вероятно, не таковы на самом деле. Отражающий гониометр Волластона долгое время считался лучшим инструментом, которым располагали кристаллографы; но из отчетов *Либиха и Коппа*, т. i, стр. 19, 20, я узнал, что Франкенхайм недавно изобрел гониометр для измерения углов "микроскопических кристаллов". О величине ошибки при измерении углов см. *Минералогию Филлипса*, 1837, стр. viii.

[1131] He says, 'depuis plus de vingt ans que je m'occupe de cet objet.' *Romé de Lisle, Cristallographie, ou Description des Formes propres à tous les Corps du Règne Minéral*, Paris, 1783, vol. i. p. 91.

[1132] See his *Essai de Cristallographie*, Paris, 1772, p. x.: 'un de ceux qui m'a le plus frappé ce sont les formes régulières et constantes que prennent naturellement certains corps que nous désignons par le nom de cristaux.' In the same work, p. 13: 'il faut nécessairement supposer que les molécules intégrantes des corps ont chacune, suivant qui lui est propre, une figure constante et déterminée.' In his later treatise (*Cristallographie*, 1783, vol. i. p. 70), after giving some instances of the extraordinary complications presented by minerals, he adds: 'Il n'est donc pas étonnant que d'habiles chimistes n'aient rien vu de constant ni de déterminé dans les formes cristallines, tandis qu'il n'en est aucune qu'on ne puisse, avec un peu d'attention rapporter à la figure élémentaire et primordiale dont elle dérive.' Even Buffon, notwithstanding his fine perception of law, had just declared, 'qu'en général la forme de cristallisation n'est pas un caractère constant, mais plus équivoque et plus variable qu'aucun autre des caractères par lesquels on doit distinguer les minéraux.' *De Lisle*, vol. i. p. xviii.

Сравните с этим великим достижением Де Лиля, *натуру Гершеля. Philos.* стр. 239: "он первым установил важный факт постоянства углов, под которыми соприкасаются их грани".

[1133] Первая работа Хауи появилась в 1784 году (*Quérard, France Littéraire*, том iv. стр. 41); но в 1781 году он прочитал два специальных мемуара. *Кювье, Элоги*, том iii. стр. 138.

Интеллектуальная связь между его взглядами и взглядами его предшественника должна быть очевидна каждому минералогу; но доктор Уэвелл, который достаточно разумно заметил это, добавляет (*Hist. из индуцированных. Науки*, том iii. стр. 229, 230): "К сожалению, Роме де Лиль и Ои были не только соперниками, но и в некоторой степени врагами.... Хой отомстил себе тем, что редко упоминал Роме в своих работах, хотя было очевидно, что его обязательства перед ним были огромны; и тем, что записывал свои ошибки, когда исправлял их. "Правда, однако, заключается в том, что Де Лиль упоминается не редко, а постоянно; и я насчитал более трехсот примеров в великой работе Хоя, в которой он назван по имени и на его труды ссылаются. On one occasion he says of De Lisle, 'En un mot, sa cristallographie est le fruit d'un travail immense par son étendue, presque entièrement neuf par son objet, et très-précieux par son utilité.' *Haüy, Traité de Minéralogie*, Paris, 1801, vol. i. p. 17. Elsewhere he calls him, 'cet habile naturaliste; ce savant célèbre,' vol. ii. p. 323; 'ce célèbre naturaliste,' vol. iii. p. 442; see also vol. iv. pp. 51, &c. В работе такого большого достоинства, как работа доктора Уэвелла, важно указать на эти ошибки, потому что у нас нет другой ценной книги по общей истории наук; и многие авторы обманули себя и своих читателей, неявно принимая утверждения этого способного и трудолюбивого автора. Я бы особенно предостерег студента в отношении физиологической части работы доктора История Уэвелла, где, например, полностью упускается из виду антагонизм между методами Кювье и Биша, и хотя Кювье посвящены целые страницы, Биша устранен в четырех строках.

[1134] "Ты есть настоящий признанный автор научной математики кристаллов". *Кювье, Прогресс наук*, том i, стр. 8; см. Также стр. 317. Доктор Кларк, чьи знаменитые лекции по минералогии привлекли большое внимание среди его коллег. слушатели, некоторыми своими основными взглядами был обязан своим беседам с Хауи: см. "*Жизнь Кларка*" *Оттера*, том ii. стр. 192.

[1135] Смотрите замечательное изложение трех форм уменьшения в *Haüy, Traité de Minéralogie*, т. i. стр. 285, 286. Сравните *историю Уэвелла. индуктивности. Sciences*, том iii. стр. 224, 225; который, однако, не упоминает классификацию Хоуи "отступлений от границ", "отступлений от углов" и "отступлений от промежуточных событий".

[1136] И, как он ясно видел, правильным методом было изучить законы симметрии, а затем применить их дедуктивно к минералам, вместо того, чтобы подниматься индуктивно из аберраций, фактически представленных минералами. Это интересно наблюдать, потому что это аналогично методу лучших патологоанатомов, которые ищут философию своего предмета в физиологических явлениях, а не в патологических; продвигаясь от нормального к ненормальному. 'La symétrie des formes sous lesquelles se présentent les solides que nous avons considérés jusqu'ici, nous a fourni des données pour exprimer les lois de décroissemens dont ces solides sont susceptibles.' *Haüy, Traité de Minéralogie*, vol. i. p. 442; compare vol. ii. p. 192.

[1137] 'Un coup d'œil peu attentif, jeté sur les cristaux, les fit appeler d'abord de *purs jeux de la nature*, ce qui n'étoit qu'une manière plus élégante de faire l'aveu de son ignorance. Un examen réfléchi nous y découvre des lois d'arrangement, à l'aide desquelles le calcul représente et enchaîne

l'un à l'autre les résultats observés; lois si variables et en même temps si précises et si régulières; ordinairement très-simples, sans rien perdre de leur fécondité.' *Haüy, Minéralogie*, vol. i. pp. xiii. xiv. Again, vol. ii. p. 57, 'notre but, qui est de prouver que les lois d'où dépend la structure du cristal sont les plus simples possibles dans leur ensemble.'

[1138] О замечательной способности кристаллов, как и у животных, восстанавливать свои собственные повреждения, см. "*Патология Педжета*", 1853, т. i., стр. 152, 153, подтверждающей эксперименты Джордана по этому любопытному предмету: "Способность восстанавливать повреждения, полученные в результате травмы ... не является исключительным свойством живых существ; ибо даже кристаллы восстанавливаются сами, когда после осколков если их отделить от них, они будут помещены в те же условия, в которых они были впервые сформированы".

[1139] 'M. Pinel a imprimé une marche nouvelle à l'étude de la folie.... En la rangeant simplement, et sans différences aucunes, au nombre des autres dérangemens de nos organes, en lui assignant une place dans le cadre nosographique, il fit faire un pas immense à son histoire.' *Georget, de la Folie*, Paris, 1820, p. 69. В той же работе, стр. 295, 'M. Pinel, le premier en France, on pourrait dire en Europe, jeta les fondemens d'un traitement vraiment rationnel en rangeant la folie au nombre des autres affections organiques.' M. Esquirol, who expresses the modern and purely scientific view, says in his great work (*Des Maladies Mentales*, Paris, 1838, vol. i. p. 336), 'L'aliénation mentale, que les anciens peuples regardaient comme une inspiration ou une punition des dieux, qui dans la suite fut prise pour la possession des démons, qui dans d'autres temps passa pour une œuvre de la magie; l'aliénation mentale, dis-je, avec toutes ses espèces et ses variétés innombrables, ne diffère en rien des autres maladies.' Признание этого он прямо приписывает своему предшественнику: 'grâce aux principes exposés par Pinel'. стр. 340. Pinel himself clearly saw the connexion between his own opinions and the spirit of the age: see *Pinel, Traité Médico-Philosophique sur l'Aliénation Mentale*, p. xxxii.: 'Un ouvrage de médecine, publié en France à la fin du dix-huitième siècle, doit avoir un autre caractère que s'il avoit été écrit à une époque antérieure.'

[1140] Сост. *Воспоминания Сегура*, том i, стр. 23, с введением к *Des Réaux, Historiettes*, том i, стр. 34. Хорошей иллюстрацией этого является то, что принц де Монбарей в своих мемуарах мягко порицает Людовика XV, но не за его скандальную расточительность, а потому, что он выбирал в любовницы женщин невысокого происхождения. *Воспоминания де Монбарей*, том i, стр. 341, и см. том iii, стр. 117.

[1141] И это тоже даже по такому предмету, как анатомия. В 1768 году Антуан Пети начал свои анатомические лекции в большом амфитеатре Сада Руа; и желающих послушать его было так много, что были заняты не только все места, но и самые подоконники. Смотрите анимированное описание в *Биографии. Унив.* том. xxxiii. с. 494.

[1142] Доктор Томсон (*История химии*, том ii, стр. 169) говорит о лекциях Фуркроя по химии, которые начались в 1784 году: 'Послушать его стекались такие толпы мужчин и женщин, что пришлось вдвое увеличить аудиторию'. Это обстоятельство также упоминается в *Кювье, Eloges*, том ii. стр. 19.

[1143] В 1779 году было отмечено, что "публичные сеансы Французской академии со временем развиваются", и поскольку это продолжало увеличиваться, толпа, наконец, стала настолько большой, что в 1785 году было сочтено необходимым уменьшить количество входных билетов, и

было даже предложено, чтобы дамы должны быть исключены из-за некоторых произошедших шумных сцен. *Гримм и Дидро, Соответствуют. Лит.* т. х. с. 341, т. xiv. с. 148, 149, 185, 251.

[1144] Голдсмит, который был в Париже в 1755 году, с удивлением говорит: 'Я видел столь же яркий круг красоты на химических лекциях Руэлля, как и при Версальском дворе'. "*Жизнь Голдсмита" Приора*, том i, стр. 180; "*Жизнь Голдсмита" Форстера*, том i, стр. 65. В середине века электричество было очень популярно среди парижских дам, и интерес к нему был возрожден Франклином несколько лет спустя. Сравните *Гримма, Переписку*, том vii, стр. 122, с "*Жизнью Джефферсона*" Такера, том i, стр. 190, 191. Кювье (*Eloges*, том i, стр. 56) сообщает нам, что даже анатомические описания, которые Добентон написал для Бюффона, можно было найти "в журнале женских туалетов". Эта перемена во вкусах также отмечена, хотя и в насмешливом духе, в *Воспоминаниях о Женлисе*, т. vi. стр. 32. Сравните отчет Таунсенда, посетившего Францию в 1786 году по пути в Испанию: "Многочисленное общество джентльменов и леди первой моды собирается, чтобы послушать лекции о науках, читаемые людьми высочайшего ранга в своей профессии"..... Я был очень поражен беглостью и элегантностью языка, с которым говорил профессор-анатом, и не в последнюю очередь глубоким вниманием его слушателей.' *Путешествие Таунсенда по Испании*, том i, стр. 41: смотрите также *Путешествие Смита по Континенту в 1786 году*, том i, стр. 117.

[1145] In a letter written in 1756, it is said, 'Mais c'est peine perdue aujourd'hui que de plaisanter les érudits; il n'y en a plus en France.' *Grimm, Correspond.* vol. ii. p. 15. In 1764, 'Il est honteux et incroyable à quel point l'étude des anciens est négligée.' vol. iv. p. 97. In 1768, 'Une autre raison qui rendra les traductions des auteurs anciens de plus en plus rares en France, c'est que depuis long temps on n'y sait plus le Grec, et qu'on néglige l'étude du Latin tous les jours davantage.' vol. vi. p. 140. Шерлок (*Новые письма английского путешественника*, Лондон, 1781, стр. 86) говорит: "Во Франции очень редко встретишь человека, понимающего греческий". В 1785 году Джефферсон пишет из Парижа Мэдисону: 'Греческие и римские авторы здесь дороже, чем, я полагаю, где-либо в мире; здесь их никто не читает, поэтому они не переиздаются'. *Переписка Джефферсона*, том i, стр. 301. Смотрите далее, об этом пренебрежении древними, важном предшественнике революции, *Воспоминания де Монбарей*, т. iii. с. 181; *Вильмен, Литература о XVIII^м годах*, т. iii. с. 243-248; *Восемнадцатый век Шлоссера*, т. i. с. 344.

[1146] Дополнительные доказательства популярности физических знаний и их изучения даже теми, кто, как можно было ожидать, будет пренебрегать ими, см. *Мемуары де Ролана*, т. i. стр. 115, 268, 324, 343; *Мемуары де Морелле*, т. i. стр. 16; *Дюпон де Немур, Воспоминания о Тюрго*, стр. 45, 52, 53, 411; *Воспоминания де Бриссо*, том i. стр. 62, 151, 319, 336, 338, 357; *Кювье, Прогресс наук*, том i, стр. 89.

[1147] Один знаменитый писатель хорошо сказал, хотя и с несколько иной точки зрения: 'Люди не избегают нравственных наук, кроме того, они изучают физиологию, ни мэтры, ни эсклавы, ни женщины, ни мужчины, ни граждане, ни иностранцы'. *Comte, Traité de Législation*, vol. i. p. 43.

[1148] Замечания, которые Томас сделал в адрес Декарта в 1765 году в *книге*, увенчанной Академией, иллюстрируют мнения, которые во второй половине восемнадцатого века быстро распространялись во Франции. Посмотрите на отрывок, начинающийся словами "О преюге! "высмеять огонь мест и звуков!" и с. "*Опыты Декарта*", том i, стр. 74. Конечно, никто не использовал бы такой язык в подобном случае тридцатью годами ранее. Точно так же граф де Сегюр говорит о молодых дворянах до революции: "Мы префекты и другие богословы

д'Аламбера, де Дидро, фавориты и сигнальщики принца". *Воспоминания де Сегюра*, т. i, с. 142: см. Также т. ii, с. 46.

[1149] Среди многих других иллюстраций, которые можно было бы привести к этому различию классов по одежде, см. *Монтейл, История. des divers Etats*, vol. vii. pp. 7–10; and *Tallemant des Réaux, Historiettes*, vol. i. p. 36 note.

[1150] В августе 1787 года Джефферсон пишет из Парижа (*Переписка*, том ii, стр. 224): "В обществе привычка *habillé* почти изгнана, и они начинают ходить даже на большие ужины во фраках: двор и дипломатический корпус, однако, всегда должны быть исключены. Они слишком высоки, чтобы быть достигнутыми каким-либо усовершенствованием. Они являются последним убежищем, из которого будут изгнаны этикет, формальность и безрассудство. Уберите это, и они были бы наравне с другими людьми". Джефферсон был государственным деятелем и дипломатом и был хорошо знаком со своей профессией. Однако перемена, которую он заметил, произошла несколькими годами ранее. In a letter written in May 1786, it is said: 'Il est rare aujourd'hui de rencontrer dans le monde des personnes qui soient ce qu'on appelle habillées. Les femmes sont en chemise et en chapeau, les hommes en froc et en gilet.' *Гримм, Соответствует*. том xiv. стр. 485; а о возросшей простоте одежды в 1780 году см. Том xi. стр. 141, 142. Сегюр, который был свидетелем этих изменений и был ими очень недоволен, говорит об их защитниках: "Я не воевал за платья, не контролировал меры и не навязывал перемены в ансиенском дворе, не проявлял склонности к генералитету". *Воспоминания Сегюра*, т. i, стр. 131. *Soulavie (Règne de Louis XVI*, vol. vi. p. 38) observes, that 'les grands, vers les approches de la révolution, n'avoient plus que des habits simples et peu coûteux;' and that 'on ne distingua plus une duchesse d'une actrice,' p. 43: see also an extract from Montjoye, in *Alison's History*, vol. i. pp. 352, 353. Сравните *Воспоминания о Мари-Антуанетте*, т. i, стр. 226, 372, т. ii, стр. 174, и *Воспоминания о мадам Оссе*, введение. стр. 17.

[1151] 'Les personnes du premier rang et même d'un âge mûr, qui avaient travaillé toute leur vie pour obtenir les ordres du roi, preuve de la plus haute faveur, s'habituèrent à en cacher les marques distinctives sous le froc le plus simple, qui leur permettait de courir à pied dans les rues et de se confondre dans la foule.' *Mém. de Montbarey*, vol. iii. pp. 161, 162. Стоит отметить еще одно изменение той же тенденции. Баронесса д'Оберкирх, посетившая Париж в 1784 году, по прибытии заметила, что 'примерно в это время джентльмены начали ходить без оружия и носили шпаги только при полном облачении.... И таким образом французская знать отказалась от обычая, который пример их отцов освящал на протяжении веков.' *Воспоминания Д'Оберкирха*, 1852, т. ii, стр. 211.

[1152] Ярким примером чего, кроме того, было количество *мезальянсов*, которые впервые стали частыми примерно в середине правления Людовика XV. Compare *Mém. de Montbarey*, vol. iii. pp. 116, 156, 157; *Lacretelle, Dix-huitième Siècle*, vol. iii. p. 220.

[1153] 'Nous commençâmes aussi à avoir des clubs: les hommes s'y réunissaient, non encore pour discuter, mais pour dîner, jouer au wisk, et lire tous les ouvrages nouveaux. Ce premier pas, alors presque inaperçu, eut dans la suite de grandes, et momentanément de funestes conséquences. C самого начала, как главный результат разделения мужчин и женщин, и соответственно без заметных изменений в поведении мужчин: все девственницы легкомысленны, большинство из них политики; плюс фортуны, большинство из них преследуют цели: политика и государство, общество и власть". *Воспоминания Сегюра*, том ii. стр. 28. К весне 1786 г. это разделение

различия полов стали еще более заметными, и это была распространенная жалоба на то, что дамы были вынуждены ходить в театр одни, в то время как мужчины находились в своих клубах. Смотрите очень любопытные наблюдения у *Гримма*, *Корреспондент*. том xiv. стр. 486-489, где также есть уведомление о 'успехе вундеркинда в создании клубов на английском языке'. См. также об уменьшении внимания, уделяемого женщинам, *Письма Уильямса из Франции*, том ii. стр. 80; 3-е издание. 1796.

[1154] The remarks of Georgel appear to apply to the political clubs only: 'A Paris les assemblées de nouvellistes, les clubs qui s'étoient formés à l'instar de ceux des Anglais, s'expliquaient hautement et sans retenue sur les droits de l'homme, sur les avantages de la liberté, sur les grands abus de l'inégalité des conditions. Ces clubs, trop accrédités, avoient commencé à se former en 1784.' *Mém. de Georgel*, vol. ii. p. 310.

[1155] 'Le lieutenant de police fit fermer le club nommé *Club du Salon*; ordre arbitraire et inutile: ce club alors était composé de personnes distinguées de la noblesse ou de la haute bourgeoisie, ainsi que des artistes et des hommes de lettres les plus considérés. Cette réunion offrait, pour la première fois, l'image d'une égalité qui devient bientôt, plus que la liberté même, le vœu le plus ardent de la plus grande partie de la nation. Aussi le mécontentement produit par la clôture de ce club fut si vif, que l'autorité se crut obligée de la rouvrir.' *Mém. de Ségur*, vol. iii. pp. 258, 259. Об увеличении числа этих клубов с 1787 по 1789 год сравните *Du Mesnil*, *Mém. sur Le Brun*, стр. 148; *Mém. de Lafayette*, т. i. стр. 312, 322, 391, 434, т. ii. стр. 9; *Barruel*, *Hist. д'ю Жакоб*. том i, стр. 40, том ii, стр. 310, том v., стр. 101, 168; *Тьер*, *История. de la Révolution*, vol. i. p. 36, Paris, 1834.

[1156] *Воспоминания Франклина*, том ii, стр. 14 и далее; и *Воспоминания Джефферсона*, том i, стр. 17-22, где приведены пассажи, измененные Конгрессом.

[1157] Сегур (*Воспоминания*. том i, стр. 111) говорит, что Морепа часто говорил его отцу, что общественное мнение вынудило правительство, вопреки его собственному желанию, встать на сторону Америки. Compare *Mém. de Georgel*, vol. iv. p. 370; and *Flassan*, *Diplomatie Française*, vol. vii. p. 166.

[1158] Новость о котором вскоре достигла Англии. В январе 1777 года Берк пишет (*Сочинения*, том ii, стр. 394): "Я слышал, что доктор Франклин получил самый необычный прием в Париже у людей всех слоев общества". Soulavie (*Règne de Louis XVI*, vol. ii. p. 50) says, 'J'ai vu Francklin devenir un objet de culte.' Смотрите также о его популярности, *Воспоминания д'Эпина*, том iii. стр. 419.

[1159] *Флассан*, *Французская дипломатия*, том vii. стр. 159; *Жизнь Франклина*, сам по себе, том ii. стр. 60, 61; *История Махона. из Англии*, том vii. стр. 197, 198.

[1160] Насмешливое письмо, написанное из Парижа лордом Стормонтом еще в декабре 1774 г. ("*Георг III*" *Адольфа Адольфа*. том ii, стр. 316), следует сравнить с "*Лафайетом*", "*Воспоминаниями*", том i, стр. 24, 169, 229; "*Датенс*", "*Воспоминания путешественника*", том ii. стр. 317; *Воспоминания де Сегура*, том i. стр. 149; и "*Восемнадцатый век*" *Шлоссера*, том v., стр. 175.

[1161] *Де Сталь сюр-ла-Револуция*, том i, стр. 88; *Воспоминания де Монбарей*, том iii, стр. 134, 186; *Воспоминания де Сегюр*, том i, стр. 277; *Кампан, Воспоминания Мари-Антуанетты*, том i, стр. 233, т. iii. стр. 96, 116; *Сулави, Ренэ де Людовика XVI*, т. ii. стр. xxiv. li. iii.; *Дюмон, Сувениры Мирабо*, стр. 176; *Воспоминания де Дю Оссе*, введение. стр. 40; *Воспоминания де Женлиса*, т. vi. стр. 57; *Воспоминания Джефферсона. и переписка.* том i. стр. 59; и речь Мейтленда в прим. *История.* том xxx. стр. 198, 199; также замечания герцога Бедфорда, том. xxxi. стр. 663.

[1162] *Ламартин, История. Жирондисты*, том i, стр. 46. Дюмон (*Сувениры*, стр. 97) называет это "идеями Америки"; и смотрите с той же целью, *Воспоминания де Лафайета*, том i, стр. 193, 268, 269, 416, том ii, стр. 139, 140; *Переписка Джефферсона.* том i, стр. 90; *Баррюэль, История. du Jacobinisme*, vol. v. p. 311. Влияние, которое американская революция оказала на сознание Лафайета, замечено Буйе, его двоюродным братом и врагом. *Mém. de Bouillé*, vol. i. p. 102, vol. ii. pp. 131, 183.

[1163] Герцог Дорсетский, английский посол, в письме мистеру Питту из Парижа 9 июля 1789 г. писал: "Мистер Джефферсон, американский посланник при этом дворе, часто консультировался с главными лидерами *высших эшелонов власти*; и у меня есть серьезные основания думать, что именно благодаря его совету орден назвал себя *Национальным собранием*". *Жизнь Питта Томлайна*, том ii. стр. 266.

ГЛАВА VIII.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИСПАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ С ПЯТОГО ПО СЕРЕДИНУ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА.

В предыдущих главах я попытался сформулировать четыре ведущих положения, которые, по моему мнению, следует считать основой истории цивилизации. Они заключаются: во-первых, в том, что прогресс человечества зависит от успеха, с которым исследуются законы явлений, и от степени распространения знаний об этих законах. 2-е, что прежде чем может начаться такое исследование, должен возникнуть дух скептицизма, который сначала помогает исследованию, а затем подкрепляется им. 3-е, что сделанные таким образом открытия усиливают влияние интеллектуальных истин и уменьшают, относительно, но не абсолютно, влияние моральных истин; моральные истины более устойчивы, чем интеллектуальные истины, и получают меньше дополнений. 4-й, что великим врагом этого движения и, следовательно, великим врагом цивилизации является дух защиты; под этим я подразумеваю представление о том, что общество не может процветать, если за делами жизни почти на каждом шагу не наблюдают и не защищают государство и церковь; государство учит людей, что они должны делать, а церковь учит их, во что они должны верить. Таковы положения, которые я считаю наиболее существенными для правильного понимания истории и которые я защищал единственными двумя способами, которыми может быть защищено любое положение, а именно индуктивно и дедуктивно. Индуктивная защита включает в себя совокупность исторических и научных фактов, которые предполагают и подтверждают сделанные на их основе выводы; в то время как дедуктивная защита состоит из проверки этих выводов путем показа того, как они объясняют историю разных стран и их различную судьбу. К первому, или индуктивному методу защиты, я в

настоящее время не могу добавить ничего нового; но дедуктивную защиту я надеюсь значительно усилить и с помощью следующих глав подтвердить не только четыре только что изложенных кардинальных положения, но и несколько второстепенных положений, которые, хотя, строго говоря, и вытекают из них, потребуют отдельной проверки. Согласно уже набросанному плану, оставшаяся часть введения будет содержать анализ истории Испании, Шотландии, Германии и Соединенных Штатов Америки с целью прояснения принципов, по которым история Англии дает недостаточную информацию. И поскольку Испания - это страна, где наиболее вопиющим образом было нарушено то, что я считаю фундаментальными условиями национального совершенствования, мы также обнаружим, что это страна, где наказание за нарушение было наиболее суровым, и где, следовательно, наиболее поучительно установить, как преобладание определенных мнений вызывает разложение людей, среди которых они преобладают.

Мы видели, что древние тропические цивилизации сопровождались замечательными особенностями, которые я назвал Аспектами Природы, и которые, разжигая воображение, поощряли суеверия и мешали людям осмеливаться анализировать такие угрожающие физические явления; другими словами, препятствовали созданию физических наук. Интересным фактом является то, что в этом отношении ни одна европейская страна не является таким аналогом тропиков, как Испания. Ни одна другая часть Европы не была так четко обозначена природой как место обитания и прибежища суеверий. Возвращаясь к тому, что уже было доказано, [1164] следует помнить, что среди наиболее важных физических причин суеверий - голод, эпидемии, землетрясения и общая нездоровость климата, которые, сокращая среднюю продолжительность жизни, увеличивают частоту и серьезность призывов к сверхъестественной помощи. Эти особенности, взятые вместе, более заметны в Испании, чем где-либо еще в Европе; поэтому будет полезно дать о них такое краткое описание, которое продемонстрирует пагубное влияние, которое они оказали на формирование национального характера.

Если исключить северную оконечность Испании, то можно сказать, что двумя основными характеристиками климата являются жара и сухость, обеим из которых благоприятствуют чрезвычайные трудности, которые природа создала в отношении орошения. Реки, пересекающие сушу, текут в основном в руслах, слишком глубоких, чтобы их можно было использовать для орошения почвы, которая, следовательно, является и всегда была удивительно засушливой. [1165] Благодаря этому, а также редкости дождей, нет ни одной европейской страны, столь богато обеспеченной в других отношениях, где засухи и, следовательно, голод были бы столь частыми и серьезными. [1166] В то же время превратности климата, особенно в центральных районах, обычно делают Испанию нездоровой; и эта общая тенденция, усиленная в средние века постоянными вспышками голода, привела к тому, что опустошительные последствия эпидемии стали необычайно фатальными. [1167] Когда мы, кроме того, добавим, что на полуострове, включая Португалию, землетрясения были чрезвычайно катастрофическими, [1168] и вызвали все те суеверные чувства, которые они, естественно, вызывают, мы можем составить некоторое представление о ненадежности жизни и о той легкости, с которой искусное и амбициозное духовенство могло превратить такую незащищенность в двигатель для продвижения своей собственной власти. [1169]

Еще одной особенностью этой уникальной страны является преобладание скотоводческого образа жизни, в основном вызванного трудностью установления регулярных привычек ведения сельского хозяйства. В большинстве районов Испании климат не позволяет рабочему работать весь день;[1170] и это вынужденное прерывание работы поощряет у людей нерегулярность и нестабильность целей, что заставляет их выбирать бродячие занятия пастуха, а не более постоянные занятия сельским хозяйством.[1171] И во время долгой и трудной войны, которую они вели против своих мусульманских захватчиков, они подвергались таким непрерывным неожиданностям и набегам со стороны врага, что было целесообразно легко лишать их средств к существованию; следовательно, они предпочитали продукцию своих стад продукции своих земель и были пастухами, а не земледельцами, просто потому, что таким образом они пострадали бы меньше в случае неблагоприятного исхода. Даже после взятия Толедо в конце XI века жители пограничных районов Эстрамадуры, Ламанчи и Новой Кастилии почти полностью были скотоводами, и их скот пасся не на частных лугах, а в открытых полях.[1172] Все это увеличивало неопределенность жизни и укрепляло ту любовь к приключениям и тот дух романтики, которые в более поздний период задали тон популярной литературе. При таких обстоятельствах все становилось ненадежным, беспокойным и выбитым из колеи; размышления и исследования были невозможны; сомнения были неизвестны; и был подготовлен путь для тех суеверных привычек и для той глубоко укоренившейся и стойкой веры, которые всегда составляли главную черту в истории испанской нации.

В какой степени эти обстоятельства, если бы они существовали сами по себе, повлияли бы на конечную судьбу Испании, на этот вопрос вряд ли возможно ответить; но не может быть сомнений в том, что их последствия всегда были важными, хотя из-за скудости свидетельств мы не в состоянии точно измерить их. Однако в отношении фактического результата этот момент не имеет большого значения, потому что длинная цепь других и еще более влиятельных событий переплелась с только что упомянутыми и, развиваясь точно в том же направлении, привела к комбинации, которой ничто не могло противостоять и из которой мы можем с безошибочной уверенностью проследить шаги, приведшие впоследствии к упадку нации. История причин упадка Испании действительно станет слишком ясной, чтобы ошибиться, если изучать ее в соответствии с теми общими принципами, которые я изложил и которые сами по себе подтверждаются в том свете, который они проливают на этот поучительный, хотя и печальный предмет.

После падения Римской империи первым важным фактом в истории Испании является поселение вестготов и утверждение их взглядов на полуострове. Они, как и непосредственно предшествовавшие им свевы, были арианами, и Испания в течение ста пятидесяти лет стала центром распространения этой знаменитой ереси,[1173] которой тогда действительно придерживалось большинство готских племен. Но в конце пятого века франки, обратившись из язычества, приняли противоположную, ортодоксальную веру, и их духовенство поощряло их к войне со своими соседями-еретиками. Хлодвиг, который в то время был королем франков, считался церковью защитником веры, от имени которой он напал на неверующих вестготов.[1174] Его преемники, движимые теми же мотивами, проводили ту же политику:[1175] и в течение почти столетия между Францией и Испанией шла война мнений, в результате которой Вестготская империя была уничтожена. Он находился под серьезной угрозой исчезновения и не раз был на грани исчезновения. Следовательно, в Испании война за национальную независимость стала также войной за национальную религию,[1176] и между арианскими королями и арианским духовенством был заключен тесный союз. Последний класс

в те века невежества был уверен, что выиграет от такой компактной,[1177] и они получили значительные временные преимущества в обмен на молитвы, которые они возносили против врага, а также на чудеса, которые они время от времени совершали. Таким образом, был заложен фундамент для огромного влияния, которым испанское духовенство обладало с тех пор и которое было усилено последующими событиями. Ибо в конце VI века латинское духовенство обратило своих вестготских владык, и испанское правительство, став православным, естественно, наделило своих учителей властью, равной той, которой обладала арианская иерархия.[1178] Действительно, правители Испании, благодарные тем, кто указал им на ошибочность их пути, были готовы скорее увеличить власть церкви, чем уменьшить ее. Духовенство воспользовалось этим положением, и в результате к середине VII века духовные классы обладали в Испании большим влиянием, чем в какой-либо другой части Европы.[1179] Церковные синоды стали не только советами церкви, но и парламентами королевства.[1180] В Толедо, который в то время был столицей Испании, власть духовенства была огромной и демонстрировалась так демонстративно, что на соборе, который они провели там в 633 году, мы видим короля, буквально распростертого на земле перед епископами;[1181] а полвека спустя церковный историк упоминает, что эта унижительная практика была повторена другим монархом. король, ставший, по его словам, установившимся обычаем.[1182] То, что это была не просто бессмысленная церемония, более того, очевидно из других аналогичных фактов. Точно такая же тенденция прослеживается и в их судебной практике, поскольку, согласно вестготскому кодексу, любой мирянин, будь то истец или ответчик, может настаивать на том, чтобы его дело рассматривал не светский судья, а епископ епархии. Более того, даже если обе стороны в иске соглашались отдать предпочтение гражданскому суду, епископ все равно сохранял за собой право отменить решение, если, по его мнению, оно было неправильным; и его особым делом было следить за отправлением правосудия и инструктировать магистратов, как выполнять свои обязанности.[1183] Другим и более болезненным доказательством господства духовенства является то, что законы против еретиков в Испании были более суровыми, чем в любой другой стране; особенно жестоко преследовались евреи.[1184] Действительно, желание поддержать веру было достаточно сильным, чтобы сделать официальное заявление о том, что ни один суверен не должен признаваться, если он не пообещает сохранить ее чистоту; судьями чистоты, конечно же, были сами епископы, чьему избирательному праву король обязан своим тронem.[1185]

Таковы были обстоятельства, которые в седьмом веке и ранее обеспечили испанской церкви влияние, не имеющее себе равных ни в одной другой части Европы.[1186] В начале восьмого века произошло событие, которое, по-видимому, раскололо и рассеяло иерархию, но которое на самом деле было чрезвычайно благоприятным для них. В 711 году мусульмане отплыли из Африки, высадились на юге Испании и в течение трех лет завоевали всю страну, за исключением почти недоступных районов северо-запада. Испанцы, оказавшиеся в безопасности в своих родных горах,[1187] вскоре воспрянули духом, сплотили свои силы и, в свою очередь, начали атаковать захватчиков. Последовала отчаянная борьба, длившаяся почти восемь столетий, и в ходе которой, во второй раз в истории Испании, война за независимость была также войной за религию; борьба между арабскими неверными и испанскими христианами, сменившая ту, которая ранее велась между тринитариями Франции и арианами Испании. Медленно и с бесконечными трудностями христиане прокладывали себе путь. К середине девятого века они достигли линии Дору.[1188] К концу одиннадцатого века они завоевали вплоть до Тежу, и Толедо, их древняя столица, попал в их руки в 1085 году.[1189] Даже

тогда многое еще предстояло сделать. На юге борьба приняла самую смертоносную форму, и там она продолжалась с таким упорством, что только после взятия Малаги в 1487 году и Гранады в 1492 году христианская империя была восстановлена, а старая испанская монархия окончательно восстановлена.[1190]

Влияние всего этого на испанский характер было самым поразительным. В течение восьми столетий подряд вся страна была вовлечена в религиозный крестовый поход; и те священные войны, которые время от времени вели другие народы, в Испании были продолжительными и продолжались более двадцати поколений.[1191] Целью было не только вернуть территорию, но и восстановить вероучение, естественно, случилось так, что толкователи этого вероучения заняли видное и важное положение. В лагере и в зале совета голос духовенства был услышан и ему повиновались; поскольку целью войны было распространение христианства, казалось правильным, чтобы ее служители играли заметную роль в деле, которое их особенно касалось.[1192] Опасность, которой подвергалась страна, была к тому же весьма неминуемой, были возбуждены те суеверные чувства, которые может вызвать опасность и на которые, как я показал в другом месте,[1193] тропические цивилизации были обязаны некоторым из своих ведущих особенностей. Едва испанские христиане были изгнаны из своих домов и вынуждены искать убежища на севере, как этот великий принцип начал действовать. В своем горном убежище они сохранили сундук, наполненный мощами святых, обладание которыми они ценили как величайшую безопасность.[1194] Это было для них национальным стандартом, вокруг которого они сплотились и с помощью которого они одерживали чудесные победы над своими неверными противниками. Считая себя воинами креста, их умы привыкли к сверхъестественным соображениям до такой степени, в которую мы сейчас с трудом можем поверить, и которая отличала их в этом отношении от любой другой европейской нации.[1195] Их юношам были видения, а их старикам снились сны.[1196] Станные зрелища были ниспосланы им с небес; накануне битвы появлялись таинственные знамения; и было замечено, что всякий раз, когда мусульмане оскверняли могилу христианского святого, посылались гром и молнии, чтобы упрекнуть неверующих и, если понадобится, наказать их дерзкое вторжение.[1197]

При подобных обстоятельствах духовенство не могло не расширить свое влияние; или, можно скорее сказать, ход событий расширил его за них. Испанские христиане, долгое время запертые в горах Астурии и лишенные своих прежних ресурсов, быстро выродились и вскоре утратили ту скудную цивилизацию, которой они достигли. Лишенные всех своих богатств и запертые в сравнительно бесплодном регионе, они снова впали в варварство и по меньшей мере столетие оставались без искусств, торговли и литературы.[1198] По мере того как росло их невежество, росло и их суеверие; а это последнее, в свою очередь, укрепляло авторитет их священников. Следовательно, порядок вещей был вполне естественным. Мусульманское вторжение сделало христиан бедными; бедность привела к невежеству; невежество вызвало легкоеверие; а легкоеверие, лишая людей как силы, так и желания самостоятельно исследовать, поощряло дух благоговения и утверждало те привычки покорности и то слепое повиновение Церкви, которые составляют ведущую и наиболее прискорбную особенность испанской истории.

Из этого следует, что мусульманское вторжение укрепило религиозные чувства испанского народа тремя способами. Первый путь заключался в разжигании долгой и упорной религиозной

войны; второй - в наличии постоянных и неминуемых опасностей; и третий путь заключался в бедности и, следовательно, невежестве, которые она порождала среди христиан.

Этим событиям предшествовала великая арианская война, и они сопровождались и постоянно усиливались теми физическими явлениями, которые, как я указал, имели тенденцию к тому же направлению, действовали с такой комбинированной и аккумулирующей энергией, что в Испании теологический элемент стал не столько составной частью национального характера, сколько самим характером. Самые способные и честолюбивые из испанских королей были вынуждены следовать в кильватере общего движения; и, какими бы деспотами они ни были, они поддались тому давлению мнений, которое, как они считали, они контролировали. Война с Гранадой в конце XV века носила гораздо более теологический, чем светский характер; и Изабелла, которая ради ее ведения пошла на величайшие жертвы и которая как по способностям, так и по честности превосходила Фердинанда, имела своей целью не столько приобретение территории, сколько распространение христианской веры.^[1199] Действительно, любые сомнения, которые могли возникнуть относительно цели конкурса, должны были рассеяться последующими событиями. Ибо едва война подошла к концу, как Фердинанд и Изабелла издали указ об изгнании из страны каждого еврея, отказавшегося отречься от своей веры, чтобы земля Испании больше не была осквернена присутствием неверующих.^[1200] Сделать их христианами или, если это не удастся, истребить их было делом инквизиции, которая была учреждена в то же царствование и которая до конца пятнадцатого века работала в полную силу.^[1201] В шестнадцатом веке трон занимали два выдающихся принца, которые придерживались аналогичного курса. Карл V, сменивший Фердинанда в 1516 году, правил Испанией в течение сорока лет, и общий характер его правления был таким же, как и у его предшественников. Что касается его внешней политики, то три его основные войны были против Франции, против немецких князей и против Турции. Из них первая была светской; но две последние были по сути религиозными. Во время войны с Германией он защищал церковь от нововведений, а в битве при Мюльберге он настолько полностью смирил протестантских князей, что на некоторое время затормозил прогресс Реформации.^[1202] В своей другой великой войне он, как поборник христианства против магометанства, завершил то, что начал его дед Фердинанд. Карл разгромил и вытеснил мусульман на востоке точно так же, как Фердинанд сделал это на западе; отпор туркам под Веной был для шестнадцатого века тем же, чем завоевание арабами Гранады для пятнадцатого.^[1203] Поэтому не без оснований Карл в конце своей карьеры мог похвастаться, что он всегда предпочитал свою веру своей стране и что первой целью его честолубия было отстаивание интересов христианства.^[1204] Рвение, с которым он боролся за веру, также проявляется в его усилиях против ереси в Нидерландах. По данным современных и компетентных властей, за время его правления в Нидерландах было казнено от пятидесяти тысяч до ста тысяч человек за свои религиозные убеждения.^[1205] Более поздние исследователи усомнились в точности этого утверждения,^[1206] что, вероятно, преувеличено; но мы знаем, что между 1520 и 1550 годами он опубликовал серия законов о том, что те, кто был осужден за ересь, должны быть обезглавлены, или сожжены заживо, или похоронены заживо. Таким образом, наказания были различными в зависимости от обстоятельств каждого конкретного случая. Смертная казнь, однако, всегда применялась к тому, кто покупал еретическую книгу, или продавал ее, или даже копировал для собственного использования.^[1207] Его последний совет сыну, хорошо сочетающийся с этими мерами. Всего за несколько дней до своей смерти он подписал дополнение к своему завещанию, в котором рекомендовал никогда не оказывать никакой милости еретикам; что все они должны быть

преданы смерти; и что следует позаботиться о поддержке инквизиции как наилучшего средства достижения столь желанной цели.[1208]

Эту варварскую политику следует приписывать не порокам и не темпераменту отдельного правителя, а действию крупных общих причин, которые воздействовали на отдельного человека и побуждали его к тому курсу, который он проводил. Чарльз ни в коем случае не был мстительным человеком; его природной склонностью было милосердие, а не строгость; его искренность неоспорима; он выполнял то, что считал своим долгом; и он был таким добрым другом, что те, кто знал его лучше всех, были именно теми, кто любил его больше всех.[1209] Однако все это мало что могло помочь в формировании его публичного поведения. Он был вынужден подчиняться тенденциям эпохи и страны, в которой он жил. И каковы были эти тенденции, проявилось еще яснее после его смерти, когда трон Испании более сорока лет занимал принц, унаследовавший его в расцвете сил и правление которого особенно интересно как симптом и следствие настроений народа, которым он правил.

Филипп II, сменивший Карла V. в 1555 году, был действительно в высшей степени человеком своего времени, и самый талантливый из его биографов метко называет его наиболее совершенным типом национального характера.[1210] Его любимой максимой, которая является ключом к его политике, было: "Лучше вообще не править, чем править еретиками".[1211] Вооруженный высшей властью, он направил всю свою энергию на претворение этого принципа в жизнь. Как только он услышал, что протестанты обращают в свою веру в Испании, он напряг все нервы, чтобы задушить ересь;[1212] и его так замечательно поддерживал общий настрой людей, что он смог без риска подавить мнения, которые потрясли все остальные части Европы. В Испании Реформация после короткой борьбы полностью угасла, и примерно через десять лет от нее не осталось и следа.[1213] Голландцы хотели принять и во многих случаях действительно принимали реформатскую доктрину; поэтому Филипп развязал против них жестокую войну, которая длилась тридцать лет и которую он продолжал до своей смерти, потому что был полон решимости искоренить новую веру.[1214] Он приказал сжечь каждого еретика, отказавшегося отречься. Если еретик отрекался, ему предоставлялась некоторая индульгенция; но, будучи однажды запятнанным, он должен был умереть. Следовательно, вместо сожжения он должен был быть казнен.[1215] О количестве тех, кто на самом деле пострадал в Нидерландах, у нас нет точной информации;[1216] но Алва торжествующе хвастался, что за пять или шесть лет во время своего правления он хладнокровно предал смерти более восемнадцати тысяч человек, не считая еще большего числа тех, кого он убил на поле боя.[1217] Это, даже за время его короткого пребывания у власти, привело бы к примерно сорока тысячам жертв; оценка, вероятно, недалеко от истины, поскольку из других источников мы знаем, что за один год более восьми тысяч были либо казнены, либо сожжены.[1218] Такие меры были результатом инструкций, выданных Филиппом, и составляли необходимую часть его общей схемы.[1219] Первостепенным желанием, ради которого он пожертвовал всеми остальными соображениями, было отказаться от нового вероучения и восстановить старое. Этому были подчинены даже его безмерные амбиции и непомерная любовь к власти. Он нацелился на европейскую империю, потому что страстно желал восстановить авторитет Церкви.[1220] Вся его политика, все его переговоры, все его войны указывали на этот единственный конец. Вскоре после своего восшествия на престол он заключил позорный договор с папой римским, чтобы никто не мог сказать, что он поднял оружие против главы христианского мира.[1221] И его последним

великим предприятием, в некоторых отношениях самым важным из всех, было снарядить невероятной ценой ту знаменитую Армаду, с помощью которой он надеялся смирить Англию и пресечь ересь Европы в зародыше, лишив протестантов их основной поддержки и единственного убежища, где они, несомненно, могли найти безопасное и почетное убежище. [1222]

В то время как Филипп, следуя примеру своих предшественников, растрачивал кровь и сокровища Испании ради пропаганды религиозных взглядов, [1223] народ, вместо того чтобы восстать против столь чудовищной системы, смирился с ней и сердечно одобрил ее. Более того, они не только санкционировали это, но и почти боготворили человека, который это делал. Вероятно, никогда на свете не жил принц, который в течение столь долгого периода и среди стольких превратностей судьбы пользовался бы таким обожанием своих подданных, как Филипп II. Как в плохих, так и в хороших сообщениях говорилось, что испанцы держались за него с непоколебимой преданностью. Их привязанность не уменьшалась ни из-за его неудач, ни из-за его неприступного поведения, ни из-за его жестокости, ни из-за его тяжких взысканий. Несмотря ни на что, они любили его до последнего. Его абсурдное высокомерие было таково, что он не позволял никому, даже самым могущественным вельможам, обращаться к нему, разве что стоя на коленях, а в ответ говорил только половиной предложений, предоставляя им самим догадываться об остальном и выполнять его приказы, насколько это возможно. [1224] И они были достаточно готовы подчиняться его малейшим желаниям. Современник Филиппа, пораженный всеобщим почтением, которое ему оказывали, говорит, что испанцы 'не просто любили, не просто почитали, но абсолютно боготворили его и считали его приказы настолько священными, что их нельзя было нарушать, не оскорбив Бога'. [1225]

То, что такой человек, как Филипп II, у которого никогда не было друзей и чье обычное поведение было самого отталкивающего рода, суровый хозяин, жестокий родитель, кровавый и безжалостный правитель, — что его так почитала нация, среди которой он жил, и которая постоянно следила за его действиями; то, что это должно было произойти, несомненно, является одним из самых удивительных и, на первый взгляд, одним из самых необъяснимых фактов в современной истории. Здесь мы имеем короля, который, хотя и страдает всеми качествами, наиболее рассчитанными на то, чтобы вызывать ужас и отвращение, любим гораздо больше, чем его боятся, и является кумиром очень великого народа на протяжении очень долгого правления. Это настолько примечательно, что заслуживает нашего серьезного внимания; и для того, чтобы прояснить проблему, необходимо будет исследовать причины того духа лояльности, который на протяжении нескольких столетий отличал испанцев от любого другого европейского народа.

Одной из ведущих причин, несомненно, было огромное влияние, которым обладало духовенство. Ибо принципы, насаждаемые этим могущественным органом, имеют естественную тенденцию заставлять людей уважать своих правителей больше, чем они могли бы это сделать в противном случае. А то, что существует реальная и практическая связь между лояльностью и суеверием, вытекает из исторического факта, что эти два чувства почти всегда процветали вместе и вместе же угасали. Действительно, это то, чего мы должны ожидать на чисто умозрительных основаниях, учитывая, что оба чувства являются продуктом тех привычек почитания, которые делают людей покорными в их поведении и легковерными в их вере. [1226]

Таким образом, опыт, равно как и разум, указывают на это как на общий закон разума, который в процессе своего функционирования может время от времени нарушаться, но который остается в силе в подавляющем большинстве случаев. Вероятно, единственный случай, когда этот принцип терпит неудачу, - это когда деспотическое правительство настолько неправильно понимает свои собственные интересы, что оскорбляет духовенство и отделяет себя от него. Всякий раз, когда это делается, возникает борьба между лояльностью и суеверием; первое поддерживается политическими классами, другое - духовными. Подобная война была продемонстрирована в Шотландии; но история не располагает множеством подобных примеров, и, конечно, она никогда не имела места в Испании, где, напротив, произошло несколько обстоятельств, укрепивших союз между короной и Церковью и приучивших народ относиться к обеим с почти равным почтением.

Безусловно, самым важным из этих обстоятельств было великое арабское вторжение, которое загнало христиан в угол Испании и довело их до таких крайностей, что ничто, кроме строжайшей дисциплины и самого безоговорочного повиновения своим вождям, не могло позволить им выступить против своих врагов. Верность своим князьям стала не просто целесообразной, но необходимой; ибо, если бы испанцы были разобщены, у них не было бы никаких шансов сохранить свое национальное существование перед лицом ужасающих трудностей, с которыми они боролись. Последовавшая за этим длительная война, носившая как политический, так и религиозный характер, привела к тесному союзу между политическими и религиозными классами, поскольку короли и духовенство были в равной степени заинтересованы в изгнании мусульман из Испании. В течение почти восьми столетий этот договор между Церковью и государством был необходимостью, навязанной испанцам особенностями их положения; и после того, как необходимость отпала, естественно, случилось так, что объединение идей пережило первоначальную опасность и что на общественное сознание было произведено впечатление, которое вряд ли было возможно стереть.

Свидетельства этого впечатления и непревзойденной лояльности, которые оно производило, окружают нас на каждом шагу. Ни в одной другой стране старинные баллады не являются столь многочисленными и так тесно связаны с национальной историей. Однако было замечено, что их главной характеристикой является рвение, с которым они прививают послушание и преданность государям, и что из этого источника, даже в большей степени, чем из военных достижений, они черпают свои самые любимые примеры добродетели.^[1227] В литературе первым великим проявлением испанского ума была поэма о *Сиде*, написанная в конце двенадцатого века, в которой мы находим свежее доказательство той необычайной лояльности, которую обстоятельства навязали людям.^[1228] Церковные соборы демонстрируют аналогичную тенденцию; ибо, за некоторыми исключениями, ни одна другая церковь не проявляла такого рвения в защите прав королей.^[1229] В гражданском законодательстве мы видим тот же принцип в действии; на высоком уровне утверждается, что ни в одной системе законов лояльность не доведена до такой крайней степени, как в кодексах Испании.^[1230] Даже их драматические сценаристы не желали изображать акт восстания на сцене, чтобы не создалось впечатление, что они одобряют то, что в глазах каждого порядочного испанца было одним из самых отвратительных преступлений.^[1231] С чем бы ни соприкасался король, это в какой-то степени освящалось его прикосновением. Никто не мог сесть на лошадь, на которой он скакал;^[1232] никто не мог жениться на любовнице, которую он бросил.^[1233] Как Лошадь, так и хозяйка были священны, и для любого субъекта было бы нечестиво вмешиваться в то, что было почитаемо помазанником Господа. Подобные правила также не ограничивались

фактическим правлением принца. Напротив, они пережили его и, действуя со своего рода посмертной силой, запретили любой женщине, которую он взял в жены, жениться даже после его смерти. Она была избрана королем; такой выбор уже возвысил ее над остальными смертными; и самое меньшее, что она могла сделать, - это удалиться в монастырь и провести свою жизнь, оплакивая свою невосполнимую потерю. Эти правила соблюдались скорее обычаем, чем законом.[1234] Они были поддержаны волей народа и стали результатом чрезмерной лояльности испанской нации. Этой верностью часто хвастаются их авторы, и не без оснований, поскольку она, безусловно, была бесподобной, и ничто, казалось, не могло поколебать ее. К плохим и к хорошим королям это относилось в равной степени. Она была в полной силе на фоне славы Испании в шестнадцатом веке; это было заметно, когда нация приходила в упадок в семнадцатом веке; и она пережила потрясение от гражданских войн в начале восемнадцатого.[1235] Действительно, это чувство так прочно вписалось в традиции страны, что стало не только национальной страстью, но и почти символом национальной веры. Кларендон в своей Истории того великого английского восстания, подобного которому, как он хорошо знал, никогда не могло произойти в Испании, делает по этому поводу справедливое и уместное замечание. Он говорит, что отсутствие уважения к королям рассматривается испанцами как "чудовищное преступление"; "покорное почтение к своим принцам является жизненно важной частью их религии".[1236]

Таким образом, это были два великих элемента, из которых складывался испанский характер. Верность и суеверия, почтение к своим королям и духовенству были ведущими принципами, которые повлияли на сознание испанцев и определили ход испанской истории. Особые и беспрецедентные обстоятельства, при которых они возникли, были только что указаны; и, увидев их происхождение, мы теперь попытаемся проследить их последствия. Такое изучение результатов будет тем более важным, не только потому, что нигде больше в Европе эти чувства не были такими сильными, постоянными и столь несмешанными, но и потому, что Испания, расположенная на дальней оконечности Континента, от которого она отрезана Пиренеями, по физическим причинам, так же как и по моральным, мало соприкасалась с другими нациями.[1237] The course дел, становится легче обнаружить чистые и естественные последствия суеверия и лояльности, двух самых сильных и бескорыстных чувств, которые когда-либо владели человеческим сердцем, и благодаря объединенному действию которых мы можем ясно проследить ведущие события в истории Испании.В

Результаты этой комбинации в течение значительного периода были, по-видимому, благотворными и, безусловно, великолепными. Ибо церковь и корона, действуя сообща друг с другом и вдохновленные сердечной поддержкой народа, вкладывали всю душу в свои предприятия и проявляли рвение, которое вряд ли могло не обеспечить успеха. Постепенно продвигаясь с севера Испании, христиане, пробивая себе дорогу дюйм за дюймом, продвигались вперед, пока не достигли южной оконечности, полностью подчинили мусульман и подчинили всю страну единому правлению и единой вере. Этот великолепный результат был достигнут в конце пятнадцатого века, и он придал необычайный блеск испанскому названию.[1238] Испания, долгое время занятая собственными религиозными войнами, до сих пор была мало замечена иностранными державами, и у нее было мало времени, чтобы замечать их. Теперь, однако, она образовала компактную и неразделенную монархию и сразу же заняла важное положение в европейских делах.[1239] В течение следующих ста лет ее власть развивалась со скоростью, примера которой мир не видел со времен Римской империи. Даже в 1478 году Испания все еще была распадена на независимые и часто враждебные государства;

Гранадой владели мусульмане; трон Кастилии занимал один принц, трон Арагона - другой. До 1590 года эти фрагменты не только были прочно объединены в одно королевство, но и приобретения за границей совершались так быстро, что поставили под угрозу независимость Европы. История Испании в этот период - это история одного долгого и непрерывающегося успеха. Эта страна, недавно раздираемая гражданскими войнами и охваченная враждебными верованиями, смогла за три поколения присоединить к своей территории всю Португалию, Наварру и Руссильон. Дипломатическим путем или силой оружия она приобрела Артуа и Франш-Конте, а также Нидерланды; также Милан, Неаполь, Сицилию, Сардинию, Балеарские острова и Канарские острова. Один из ее королей был императором Германии; в то время как его сын влиял на советы Англии, на королеве которой он женился. Турецкая держава, в то время одна из самых грозных в мире, была сломлена и отброшена назад со всех сторон. Французская монархия была унижена. Французские армии постоянно терпели поражение; Париж однажды был в неминуемой опасности; и король Франции, потерпев поражение на поле боя, был взят в плен и доставлен пленным в Мадрид. За пределами Европы деяния Испании были столь же замечательными. В Америке испанцы овладели территориями, которые покрывали шестьдесят градусов широты и включали оба тропика. Помимо Мексики, Центральной Америки, Венесуэлы, Новой Гранады, Перу и Чили, они завоевали Кубу, Сан-Доминго, Ямайку и другие острова. В Африке они захватили Сеуту, Мелилью, Оран, Бужию и Тунис и внушили благоговейный трепет всему побережью Берберии. В Азии у них были поселения по обе стороны Декана; они владели частью Малакки; и они обосновались на островах Пряностей. Наконец, завоевав благородный архипелаг Филиппины, они соединили свои самые отдаленные приобретения и обеспечили сообщение между всеми частями этой огромной империи, опоясывавшей мир.

В связи с этим возник великий воинский дух, которого никогда не проявляла ни одна другая современная нация. Весь интеллект страны, который не был занят на службе Церкви, был посвящен военному ремеслу. Действительно, эти два стремления часто объединялись; и говорят, что обычай священнослужителей отправляться на войну практиковался в Испании еще долгое время после того, как от него отказались в других частях Европы.^[1240] Во всяком случае, общая тенденция очевидна. Простой перечень успешных сражений и осад в шестнадцатом и части пятнадцатого века доказал бы огромное превосходство испанцев в этом отношении над их современниками и показал бы, сколько гения они вложили в развитие искусства разрушения. Другую иллюстрацию, если потребуется другую, можно было бы привести из того странного факта, что со времен Древней Греции ни одна страна не произвела на свет столько выдающихся литераторов, которые были также солдатами. Кальдерон, Сервантес и Лопе де Вега рисковали своими жизнями, сражаясь за свою страну. Профессию военного избрали также многие другие знаменитые авторы, среди которых можно упомянуть, Арготе де Молина, Акунья, Берналь Диас дель Кастильо, Боскан, Каррильо, Четина, Эрсилья, Эспинель, Франсиско де Фигероа, Гарсиласо де ла Вега, Гильен де Кастро, Хита, Уртадо де Мендоса, Мармол Карвахаль, Перес де Гусман, Пулгар, Ребольедо, Роксас и Вируес; все они таким образом несли бессознательное свидетельство о духе которым Испания была охвачена повсеместно.

Итак, перед нами комбинация, к которой многие читатели по-прежнему отнесутся благосклонно и которая в то время, когда она произошла, вызвала восхищение, хотя и ужас, в Европе. У нас есть великий народ, пылающий военным, патриотическим и религиозным рвением, чье пламенное рвение скорее усиливалось, чем смягчалось, почтительным повиновением своему духовенству и рыцарской преданностью своим королям. Энергия Испании, будучи, таким образом, одновременно оживленной и контролируемой, стала осторожной и нетерпеливой; и

этому редкому сочетанию противоречивых качеств мы должны приписать великие деяния, о которых только что было рассказано. Но плохая сторона прогресса такого рода заключается в том, что он слишком сильно зависит от отдельных людей и поэтому не может быть постоянным. Такое движение может продолжаться только до тех пор, пока его возглавляют способные люди. Однако, когда компетентных лидеров сменяют некомпетентные, система немедленно рухнет просто потому, что люди привыкли вкладывать в каждое начинание необходимое рвение, но не привыкли вкладывать навыки, которыми это рвение руководствуется. Страна в таком состоянии, если ею управляют наследственные князья, несомненно, придет в упадок, поскольку при обычном ходе дел иногда должны появляться неспособные правители. Как только это происходит, начинается деградация; ибо люди, привыкшие к неразборчивой лояльности, будут следовать туда, куда их поведут, и будут подчиняться глупым советам с той же покорностью, с какой раньше они подчинялись мудрым. Это подводит нас к пониманию существенной разницы между цивилизацией Испании и цивилизацией Англии. Мы, в Англии, критичный, неудовлетворенный и придиричивый народ, постоянно жалующийся на наших правителей, подозревающий их козни, обсуждающий их меры во враждебном духе, предоставляющий очень мало власти ни Церкви, ни короне, управляющий своими делами по-своему и готовый при малейшей провокации отказаться от той общепринятой лояльности, которая на словах никогда по-настоящему не трогала наши сердца, является привычкой, лежащей на поверхности, но не страстью, укоренившейся в разуме. Лояльность англичан не такого рода, которая заставила бы их пожертвовать своими свободами в угоду своему принцу, и она никогда, ни на мгновение, не лишает их острого чувства собственных интересов. Следствием этого является то, что наш прогресс непрерывен, независимо от того, хороши наши короли или плохи. При любом условии великое движение продолжается. Наши монархи сполна испытали на себе слабоумие и преступления. Тем не менее, даже такие люди, как Генрих III. и Карл II. не смогли причинить нам вреда. Точно так же в восемнадцатом и многие годы девятнадцатого века, когда наши улучшения были очень заметны, наши правители были очень некомпетентны. Анна и первые два Жоржа были крайне невежественны; они были плохо образованы, и природа сделала их одновременно слабыми и упрямыми. Их совместное правление длилось почти шестьдесят лет; и после того, как они скончались, нами еще в течение шестидесяти лет правил принц, который был надолго выведен из строя болезнью, но о котором мы должны честно сказать, что, глядя на его общую политику, он был наименее вреден, когда был наиболее неспособен. Здесь не место разоблачать чудовищные принципы, отстаиваемые Георгом III, которым потомство воздаст должное за то, от чего современные писатели склонны уклоняться; но несомненно, что ни его ограниченное понимание, ни его деспотический нрав, ни его жалкое суеверие, ни невероятная низость этого неблагородного сластолюбца, сменившего его на троне, не могли ничего сделать, чтобы остановить поступательное движение английской цивилизации или остановить волну английского процветания. Мы продолжали свой путь, радуясь, не обращая внимания ни на что из этого. Мы не должны были свернуть с нашего пути из-за глупости наших правителей, потому что мы прекрасно знаем, что держим свою судьбу в собственных руках и что английский народ обладает теми ресурсами и тем изобилием изобретательности, с помощью которых только люди могут стать великими, счастливыми и мудрыми.

Однако в Испании, как только правительство ослабило свою хватку, нация распалась на части.^[1241] В течение той успешной карьеры, о которой только что говорилось, испанский трон неизменно занимали очень способные и умные принцы. Фердинанд и Изабелла, Карл V и

Филипп II образовали череду государей, равных которым не было ни в одной другой стране в течение столь же длительного периода. С их помощью были совершены великие дела, и благодаря их заботе Испания, по-видимому, процветала. Но то, что последовало, когда они были сняты со сцены, показало, насколько все это было искусственным и насколько прогнило, даже до глубины души, та система правления, которую необходимо развивать, прежде чем она сможет процветать, и которая, будучи основанной на лояльности и почитании народа, зависит в успехе не от способностей нации, а от мастерства тех, кому доверены интересы нации.

Филипп II, последний из великих королей Испании, умер в 1598 году, и после его смерти упадок был поразительно быстрым.^[1242] С 1598 по 1700 год трон занимали Филипп III., Филипп IV. и Карл II. Контраст между ними и их предшественниками был самым разительным.^[1243] Филипп III. и Филипп IV. были праздными, невежественными, лишенными целеустремленности и проводили свою жизнь в самых низких и грязных удовольствиях. Карл II, последний из той австрийской династии, которая некогда была столь выдающейся, обладал почти всеми недостатками, которые могут сделать человека смешным и презренным. Его ум и личность были таковы, что в любой менее лояльной стране, чем Испания, он подвергся бы всеобщему осмеянию. Хотя его смерть произошла, когда он был еще в расцвете сил, он выглядел как старый и измученный развратник. В возрасте тридцати пяти лет он был совершенно лысым; у него выпали брови; он был парализован; он страдал эпилепсией; и он был печально известен как импотент.^[1244] Его общий вид был абсолютно отвратительным и походил на бредящего идиота. К огромному рту он добавил нижнюю челюсть, выступающую так ужасно, что его зубы никогда не могли соприкоснуться, и он не мог пережевывать пищу.^[1245] Его невежество было бы невероятным, если бы оно не было подтверждено неопровержимыми доказательствами. Он не знал названий крупных городов или даже провинций в своих владениях; и во время войны с Францией он, как слышали, жалел Англию за потерю городов, которые фактически составляли часть его собственной территории.^[1246] наконец, он был погружен в самые унижение суеверие; он считал себя постоянно искушал дьявол; он позволил себе быть изгнан как один, одержимые злыми духами; и он не хотел уединиться для отдыха, кроме его духовника и двух монахов, который должен был лежать на боку в течение ночи.^[1247]

Теперь люди могли ясно видеть, на каком песчаном фундаменте было построено величие Испании. Когда были способные правители, страна процветала; когда были слабые, она приходила в упадок. Почти все, что было сделано великими князьями шестнадцатого века, было сведено на нет мелкими князьями семнадцатого. Падение Испании было столь стремительным, что всего за три правления после смерти Филиппа II самая могущественная монархия, существовавшая в мире, была доведена до низшей точки упадка, подвергалась безнаказанным оскорблениям со стороны иностранных государств, неоднократно доводилась до банкротства, лишалась своих самых прекрасных владений, подвергалась общественному порицанию, стала темой, на которую школьники и моралисты любили разглагольствовать о неопределенности человеческих дел, и, наконец, подверглась горькому унижению, увидев, как ее территории были нанесены на карту и разделены по договору в котором она не принимала участия, но положения, на которые она не могла обижаться.^[1248] Тогда, действительно, она испила до дна чашу собственного позора. Ее слава покинула ее, она была сражена наповал и унижена. Испанец того времени, сравнивавший настоящее с прошлым, вполне мог бы оплакивать свою страну, избранную обитель рыцарства и романтики, доблести и верности. Владычица мира, королева океана, наводившая ужас на народы, ушла; ее могущество ушло, и возврата больше не было. К ней можно было бы применить те горькие стенания, которые по

гораздо более незначительному поводу величайший из сынов человеческих вложил в уста умирающего государственного деятеля. Действительно, у скорбящего патриота были веские причины рыдать, как у человека, отказывающегося от утешения, о судьбе своей земли, своего царства, своей страны дорогих душ, своей дорогой, родимой земли, которая долгое время была дорога своей репутацией во всем мире, но теперь сдана в аренду, как многоквартирный дом или ферма по переработке мусора.[\[1249\]](#)

Было бы утомительной и бесполезной задачей рассказывать о потерях и бедствиях Испании в семнадцатом веке. Непосредственной причиной их, несомненно, было плохое правительство и неумелые правители; но реальной и главенствующей причиной, определившей весь ход и тон событий, было существование того лояльного и благоговейного духа, который заставлял людей подчиняться тому, что отвергла бы любая другая страна, и, приучая их доверять отдельным людям, ставил нацию в то шаткое положение, в котором череда некомпетентных правителей была уверена, что ниспровергнет здание, построенное компетентными людьми.[\[1250\]](#)

Растущее влияние испанской церкви было первым и наиболее заметным следствием упадка энергии испанского правительства. Ибо, поскольку верность и суеверие являются основными составляющими национального характера, и оба они являются результатом привычек благоговения, следовало ожидать, что, если только благоговение не может быть ослаблено, то то, что было взято из одного ингредиента, будет передано другому. Таким образом, поскольку испанское правительство в течение семнадцатого века из-за своей крайней глупости, несомненно, утратило некоторую часть власти, которой оно обладало над чувствами народа, естественно, случилось так, что Церковь вмешалась и, заняв освободившееся место, получила то, чего лишилась корона. Кроме того, слабость исполнительной власти поощряла притязания духовенства и побуждала духовенство к узурпации власти, чего испанские монархи шестнадцатого века, какими бы суеверными они ни были, не допустили бы ни на минуту.[\[1251\]](#) Отсюда очень поразительный факт, что, в то время как во всех других великих странах, за исключением одной Шотландии, власть Церкви уменьшалась в течение семнадцатого века, в Испании она фактически возросла. Результаты этого заслуживают внимания не только изучающих историю философов, но и каждого, кто заботится о благополучии своей страны или испытывает интерес к практическому управлению общественными делами.

В течение двадцати трех лет после смерти Филиппа II трон занимал Филипп III, принц, столь же отличавшийся своей слабостью, сколь его предшественники - своими способностями. В течение более чем столетия испанцы привыкли к тому, что ими всецело правят их короли, которые с неутомимым трудолюбием лично руководили наиболее важными сделками, а в других вопросах осуществляли строжайший надзор за своими министрами. Но Филипп III, чья апатия почти доходила до безрассудства, не был способен на такой труд и передал полномочия правительства Лерме, который владел верховной властью в течение двадцати лет.[\[1252\]](#) Среди такого лояльного народа, как испанцы, это необычное действие не могло не ослабить исполнительную власть; поскольку, по их мнению, немедленное и непреодолимое вмешательство суверена было необходимо для управления делами и благополучия нации. Лерма, хорошо понимавший это чувство и сознававший, что его собственное положение было очень шатким, естественно, пожелал укрепить себя дополнительной поддержкой, чтобы не полностью зависеть от благосклонности короля. Поэтому он заключил тесный союз с

духовенством и с начала и до конца своего долгого правления делал все, что было в его силах, чтобы укрепить их авторитет.^[1253] Таким образом, влияние, утраченное короной, приобрела Церковь, к советам которой относились с еще большим уважением, чем к суеверным князьям шестнадцатого века. При таком устройстве интересы народа, конечно, остались без внимания. Их благополучие не входило в общую схему. Напротив, духовенство, благодарное правительству, столь сознающему их заслуги и столь религиозно настроенному, употребило все свое влияние в его пользу, и ярмо двойного деспотизма крепче, чем когда-либо, легло на шею этого несчастного народа, которому предстояло теперь пожинать горькие плоды долгого и позорного подчинения.^[1254]

Растущее могущество испанской церкви в семнадцатом веке может быть доказано почти каждым описанием свидетельств. Монастыри и церкви множились с такой пугающей быстротой, а их богатство стало настолько огромным, что даже кортесы, какими бы сломленными и униженными они ни были, отважились на публичный протест. В 1626 году, всего через пять лет после смерти Филиппа III, они потребовали, чтобы были приняты какие-то меры для предотвращения того, что они называли постоянным вторжением со стороны Церкви. В этом замечательном документе кортесы, собравшиеся в Мадриде, заявили, что не проходило и дня, чтобы миряне не лишались своего имущества для обогащения духовенства; и зло, по их словам, достигло такой высоты, что в то время в Испании насчитывалось свыше девяти тысяч монастырей, не считая женских.^[1255] Это экстраординарное заявление, я полагаю, никогда не опровергалось, и его вероятность повышается рядом других обстоятельств. Давила, живший во времена правления Филиппа III, утверждает, что в 1623 году только два ордена доминиканцев и францисканцев насчитывали тридцать две тысячи человек.^[1256] Количество других священнослужителей пропорционально увеличилось. Перед смертью Филиппа III число служителей, выступавших в Севильском кафедральном соборе, возросло до ста; в Севильской епархии насчитывалось четырнадцать тысяч капелланов; в епархии Калахорры - восемнадцать тысяч.^[1257] Также не было никакой перспективы исправления этого ужасного состояния. Чем богаче становилась Церковь, тем сильнее становился стимул для мирян входить в нее; так что, казалось, не было предела тому, до какой степени можно было пожертвовать мирскими интересами.^[1258] Действительно, движение, несмотря на его внезапность, было совершенно регулярным, и ему способствовал длинный ряд предшествующих обстоятельств. Начиная с пятого века, ход событий, как мы уже видели, неизменно развивался в этом направлении и обеспечил духовенству господство, которого не потерпела бы ни одна другая нация. Подготовленные таким образом умы людей, сами люди молча смотрели на то, чему было бы нечестиво противостоять; ибо, как замечает испанский историк, еретическими считались все предложения, которые имели тенденцию уменьшать сумму или даже сдерживать рост того огромного богатства, которым теперь обладала испанская церковь.^[1259]

Насколько все это было естественно, видно и из другого факта, представляющего значительный интерес. В Европе в целом семнадцатый век отличался расцветом светской литературы, в которой церковные теории игнорировались; наиболее влиятельные писатели, такие как Бэкон и Декарт, будучи мирянами, скорее враждебно относились к Церкви, чем дружелюбно к ней, и писали свои произведения с чисто мирскими взглядами. Но в Испании никаких изменений подобного рода не произошло.^[1260] В этой стране Церковь сохранила свою власть как над высшими, так и над низшими умами. Давление общественного мнения было таково, что писатели всех мастей с гордостью считали себя представителями церковной профессии, интересы которой они отстаивали с рвением, достойным средневековья. Сервантес за три года

до своей смерти стал монахом-францисканцем.[1261] Лопе де Вега был священником; он был офицером инквизиции; и в 1623 году он присутствовал на аутодафе, во время которого при огромном стечении народа еретик был сожжен за воротами Алькалы в Мадриде.[1262] Морето, один из трех величайших драматургов Испании, принял монашество в течение последних двенадцати лет своей жизни.[1263] Монтальван, пьесы которого помнят до сих пор, был священником и занимал должность в инквизиции.[1264] Таррега, Мира де Мескуа и Тирсо де Молина были успешными сценаристами для сцены и все были священнослужителями.[1265] Солис, знаменитый историк Мексики, также был священнослужителем.[1266] Сандовал, которого звали Филипп III. назначенный историограф, который является главным авторитетом в царствовании Карла V. Сначала был монахом-бenedиктинцем, затем стал епископом Туи, а еще позже был возведен в сан епископа Пампелуны.[1267] Давила, биограф Филиппа III., был священником.[1268] Мариана была иезуиткой;[1269] а Миньяна, продолживший свою историю, был настоятелем монастыря в Валенсии.[1270] Мартин Каррильо был юристом, а также историком, но, не удовлетворенный своей двойной работой, он тоже вошел в Церковь и стал каноником Сарагосы.[1271] Антонио, самый ученый библиограф, когда-либо существовавший в Испании, был каноником Севильи.[1272] Грациан, чьи прозаические произведения были широко прочитаны и который ранее считался великим писателем, был иезуитом.[1273] Среди поэтов была проявлена та же тенденция. Паравичино в течение шестнадцати лет был популярным проповедником при дворах Филиппа III. и Филиппа IV.[1274] Замора был монахом.[1275] Ардженсола был каноником Сарагосы.[1276] Гонгора был священником;[1277] и Риоха получили высокий пост[1278] в инквизиции. Кальдерон был капелланом Филиппа IV.;[1279] и чувства, бросающие тень на его блестящий гений, настолько фанатичны, что его называли поэтом инквизиции.[1280] Его любовь к Церкви была страстью, и он не брезговал ничем, что могло бы способствовать ее интересам. В Испании такие чувства были естественны, хотя другим народам они кажутся настолько странными, что один выдающийся критик заявил, что вряд ли возможно читать его произведения без негодования.[1281] Если это так, то возмущение должно быть распространено почти на всех его современных соотечественников, больших или малых. Вряд ли в то время был хоть один испанец, который не испытывал бы подобных чувств. Даже Вильявисьоса, автор одной из лучших пародийных героических поэм, созданных Испанией, был не только офицером инквизиции, но и в своем последнем завещании настоятельно призвал свою семью и всех своих потомков, чтобы они тоже, если возможно, поступили на службу в это благородное учреждение, заняв в нем любое место, какое только смогут получить, поскольку все его должности, по его словам, достойны почитания.[1282] В таком состоянии общества что-либо, приближающееся к светскому или научному духу, было, конечно, невозможно. Все верили; никто не спрашивал. Среди лучших классов все были заняты войной или теологией, и большинство было занято и тем, и другим. Те, кто сделал литературу профессией, служили, как это слишком часто делают профессионалы, господствующим предрассудкам. Ко всему, что касалось Церкви, относились не только с уважением, но и с робким благоговением. Умение и трудолюбие, достойные гораздо лучшего дела, были потрачены на восхваление каждой глупости, изобретенной суеверием. Чем более жестоким и нелепым был обычай, тем больше было людей, писавших в его пользу, хотя никто и не осмеливался его оспаривать. Количество испанских работ, доказывающих необходимость религиозных преследований, неисчислимо; и это происходило в стране, где ни один человек из тысячи не сомневался в правомерности сжигания еретиков. Что касается чудес, составляющих другой важный ресурс теологов, то в семнадцатом веке они происходили постоянно и столь же постоянно регистрировались. Все литераторы стремились сказать что-нибудь на эту важную

тему. Святые тоже пользовались большой репутацией, их биографии были написаны в изобилии и с безразличием к правде, которое обычно характеризует этот вид сочинения. Этими и родственными темами были в основном заняты умы Испании. Монастырям, обительщикам, религиозным орденам и соборам уделялось равное внимание, и о них были написаны огромные книги, чтобы сохранить каждую деталь. Действительно, часто случалось, что в одном монастыре или одном соборе было более одного историка; каждый стремился дистанцироваться от своего непосредственного конкурента и изо всех сил старался сделать все возможное для чести Церкви и отстаивания интересов, на страже которых Церковь стояла.[\[1283\]](#)

Таково было преобладание церковной профессии, и таково было уважение, оказываемое церковным интересам испанцами в семнадцатом веке.[\[1284\]](#) Они сделали все, чтобы укрепить Церковь в ту самую эпоху, когда другие нации впервые всерьез взялись за ее ослабление. Эта печальная особенность, несомненно, была следствием предшествующих событий; но она была и непосредственной причиной упадка Испании, поскольку, что бы ни происходило в прежние периоды, несомненно, что в наше время процветание наций зависит от принципов, которым духовенство, как единое целое, неизменно противостоит. При Филиппе III. они достигли огромного роста силы; и в то самое царствование они ознаменовали эту новую эпоху своего могущества, добившись, при обстоятельствах ужасающего варварства, изгнания всей мавританской нации. Это был акт настолько чудовищный сам по себе,[\[1285\]](#) и настолько ужасный по своим последствиям, что некоторые авторы приписывают ему одному последующее разорение Испании; забывая, что действовали и другие причины, гораздо более мощные, и что это чудовищное преступление никогда не могло быть совершено, кроме как в стране, которая, давно привыкшая считать ересь главной причиной гибели Испании. самое гнусное из всех преступлений, было готово любой ценой очистить землю и освободиться от людей, одно присутствие которых считалось оскорблением христианской веры.

После падения в конце пятнадцатого века последнего мусульманского королевства в Испании главной целью испанцев стало обращение тех, кого они покорили.[\[1286\]](#) Они верили, что на карту поставлено будущее благополучие целого народа; и, обнаружив, что увещевания их духовенства не возымели действия, они прибегли к другим средствам и преследовали людей, которых не смогли убедить. Подвергая одних пыткам, сжигая других и угрожая всем, они в конце концов добились успеха; и мы уверены, что после 1526 года в Испании не было ни одного мусульманина, который не был бы обращен в христианство.[\[1287\]](#) Огромное число из них было крещено насильно; но, будучи крещенными, считалось, что они принадлежат Церкви и подчиняются ее дисциплине.[\[1288\]](#) Эта дисциплина была введена инквизицией, которая до конца шестнадцатого века подвергала этих новых христиан, или мориско, как их теперь называли,[\[1289\]](#) подвергся самому варварскому обращению. Подлинность их насильственного обращения была поставлена под сомнение; поэтому делом Церкви стало проверить их искренность.[\[1290\]](#) Гражданское правительство оказало свою помощь; и среди других законодательных актов Филиппом II в 1566 году был издан эдикт, предписывающий Мориско отказаться от всего, что по малейшей возможности могло напоминать им об их прежней религии. Под угрозой суровых наказаний им было приказано выучить испанский и отказаться от

всех своих арабских книг. Им было запрещено читать на своем родном языке, писать на нем или даже говорить на нем в своих собственных домах. Их церемонии и сами игры были строго запрещены. Они не должны были предаваться никаким развлечениям, которые практиковались их отцами; они также не должны были носить ту одежду, к которой привыкли. Их женщины должны были ходить без покрывал; а поскольку купание было языческим обычаем, все общественные бани должны были быть разрушены, и даже все бани в частных домах.[1291]

Этими и подобными мерами,[1292] в конце концов этих несчастных людей подтолкнули к восстанию; и в 1568 году они предприняли отчаянный шаг, сравнив свои силы с силами всей испанской монархии. В результате едва ли можно было сомневаться; но мориско, обезумевшие от своих страданий и сражавшиеся за всех, затянули борьбу до 1571 года, когда восстание было окончательно подавлено.[1293] В результате этой безуспешной попытки они были значительно сокращены в численности и силе; и в течение оставшихся двадцати семи лет правления Филиппа II. мы слышим о них сравнительно мало. Несмотря на случайные вспышки, старая вражда утихала и со временем, вероятно, исчезла бы. Во всяком случае, со стороны испанцев не было повода для насилия, поскольку абсурдно было предполагать, что мориско, ослабленные во всех отношениях, униженные, сломленные и рассеянные по королевству, могли, даже если бы захотели, предпринять что-либо против ресурсов исполнительной власти.

Но после смерти Филиппа II началось то движение, которое я только что описал и которое, вопреки ходу дел в других странах, обеспечило испанскому духовенству в семнадцатом веке большую власть, чем оно обладало в шестнадцатом. Последствия этого были очевидны сразу. Духовенство не считало, что шаги, предпринятые Филиппом II против Морисков, были достаточно решительными; и даже при его жизни они с нетерпением ожидали нового правления, при котором эти сомнительной искренности христиане должны были быть либо уничтожены, либо изгнаны из Испании.[1294] Пока он был на троне, благоразумие правительства в некоторой степени сдерживало рвение Церкви; и король, следуя советам своих самых способных министров, отказался принять меры, к которым его призывали и к которым побуждал его его собственный нрав.[1295] Но при его преемнике духовенство, как мы уже видели, набралось новых сил и вскоре почувствовало себя достаточно могущественным, чтобы начать еще один и последний крестовый поход против жалких остатков мавританской нации.[1296]

Архиепископ Валенсии первым вышел на поле. В 1602 году этот выдающийся прелат представил Филиппу III мемориал против Мориско; и обнаружив, что его взгляды были горячо поддержаны духовенством и не обескуражены короной, он продолжил удар другим мемориалом, имеющим ту же цель.[1297] Архиепископ, который говорил как человек, обладающий властью, и который по своему рангу и положению был естественным представителем испанской Церкви, заверил короля, что все бедствия, обрушившиеся на монархию, были вызваны присутствием этих неверующих, которых теперь необходимо искоренить, как это сделал Давид с филистимлянами, и что все бедствия, обрушившиеся на монархию, были вызваны присутствием этих неверующих, которых теперь необходимо искоренить, как это сделал Давид с филистимлянами, и что все бедствия, обрушившиеся на Испанию, были вызваны присутствием этих неверующих. Саул к амаликитянам.[1298] Он заявил, что армада, которую Филипп II послал против Англии в 1588 году, была уничтожена, потому что Бог не допустил успеха даже этого благочестивого предприятия, в то время как те, кто предпринял его, оставили еретиков нетронутыми дома. По той же причине провалилась

недавняя экспедиция в Алжир; очевидно, воля Небес заключалась в том, чтобы ничто не процветало, пока Испания населена отступниками.^[1299] Поэтому он призвал короля сослать всех мориско, за исключением тех, кого он мог приговорить к работе на галерах, и других, которые могли стать рабами и трудиться на рудниках Америки.^[1300] Это, добавил он, сделало бы правление Филиппа славным для всех потомков и подняло бы его славу намного выше славы его предшественников, которые в этом вопросе пренебрегли своим очевидным долгом.^[1301]

Эти увещевания, помимо того, что они соответствовали известным взглядам испанской церкви, были горячо поддержаны личным влиянием архиепископа Толедского, примаса Испании. Только в одном отношении он отличался от взглядов, отстаиваемых архиепископом Валенсии. Архиепископ Валенсии считал, что дети младше семи лет не должны участвовать во всеобщем изгнании, но могут, без опасности для веры, быть разлучены со своими родителями и содержаться в Испании. Против этого решительно возразил архиепископ Толедский. Он сказал, что не желает подвергаться риску того, что чистая христианская кровь будет осквернена неверными; и он заявил, что скорее позволит одному из этих неверующих разлагать землю, чем он отдаст их всех, мужчин, женщин и детей, под меч.^[1302]

Того, чтобы все они были убиты, а не изгнаны, желала могущественная партия в Церкви, которая считала, что такое показательное наказание принесет пользу, вселив ужас в еретиков каждой нации. Бледа, знаменитый доминиканец, один из самых влиятельных людей своего времени, хотел, чтобы это было сделано, и сделано основательно. Он сказал, что, например, каждому мориско в Испании следовало бы перерезать горло, потому что невозможно сказать, кто из них в душе христианин, и достаточно предоставить это дело Богу, который знает свое и который вознаградит на том свете тех, кто действительно католики.^[1303]

Было очевидно, что судьба жалких остатков некогда великолепной нации теперь предрешена. Религиозные угрызания совести Филиппа III. запретил ему бороться с Церковью; а его министр Лерма не стал бы рисковать своим собственным авторитетом, даже демонстрируя противодействие. В 1609 году он объявил королю, что изгнание Мориско стало необходимым. "Решение великое, - ответил Филипп, - пусть оно будет приведено в исполнение".^[1304] И выполнена она была с непоколебимым варварством. Около миллиона самых трудолюбивых жителей Испании были затравлены, как дикие звери, потому что искренность их религиозных убеждений вызывала сомнения.^[1305] Многие были убиты, когда приближались к побережью; другие были избиты и разграблены; и большинство в самом плачевном положении отплыло в Африку. Во время плавания команда многих кораблей нападала на них, убивала мужчин, насиловала женщин и бросала детей в море. Те, кто избежал этой участи, высадились на побережье Берберии, где на них напали бедуины, и многие из них были преданы мечу. Другие отправились в пустыню и погибли от голода. О количестве жизней, фактически принесенных в жертву, у нас нет достоверных сведений; но очень достоверно известно, что в одной экспедиции, в ходе которой 140 000 человек были доставлены в Африку, свыше 100 000 человек умерли в самых ужасных формах в течение нескольких месяцев после их изгнания из Испании.^[1306]

Теперь, впервые, Церковь действительно торжествовала победу.^[1307] Впервые между Пиренеями и Гибралтарским проливом не было видно ни одного еретика. Все были православными, и все были верноподданными. Каждый житель этой великой страны повиновался Церкви и боялся короля. И считалось, что из этого счастливого сочетания обязательно последуют процветание и величие Испании. Имя Филиппа III. должен был стать бессмертным, и потомки никогда не устанут восхищаться тем героическим поступком, благодаря которому последние остатки неверующей расы были изгнаны с этой земли. Те, кто хотя бы отдаленно участвовал в славном завершении, должны были быть вознаграждены отборнейшими благословениями. Они сами и их семьи находились под непосредственной защитой Небес. Земля должна приносить больше плодов, и деревья должны хлопать в ладоши. Вместо терновника должна вырасти ель, а вместо шиповника - мирт. Теперь открывалась новая эра, в которой Испания, очищенная от своей ереси, должна была чувствовать себя спокойно, а люди, живущие в безопасности, должны были спать в тени своих собственных виноградников, мирно засеивать свои сады и есть плоды с деревьев, которые они посадили.^[1308]

Таковы были обещания, данные Церковью, и в них поверили люди. Наше дело выяснить, насколько оправдались ожидания и каковы были последствия поступка, который был спровоцирован духовенством, приветствован нацией и горячо одобрен некоторыми из величайших гениальных людей Испании.^[1309]

Последствия для материального процветания Испании можно изложить в нескольких словах. Почти со всех концов страны были внезапно отозваны большие группы трудолюбивых земледельцев и опытных ремесленников. Лучшие известные в то время системы земледелия применялись мориско, которые неустанно возделывали землю и орошали ее.^[1310] Выращивание риса, хлопка и сахара, а также производство шелка и бумаги были практически ограничены ими.^[1311] Их изгнанием все это было уничтожено одним ударом, и большая часть этого была уничтожена навсегда. Ибо испанские христиане считали подобные занятия ниже своего достоинства. По их мнению, война и религия были единственными двумя занятиями, достойными того, чтобы им следовать. Сражаться за короля или входить в Церковь было почетно, но все остальное было подлым и грязным.^[1312] Таким образом, когда мориско были изгнаны из Испании, некому было занять их место; искусство и мануфактуры либо пришли в упадок, либо были полностью утрачены, а огромные площади пахотных земель остались необработанными. Некоторые из самых богатых районов Валенсии и Гранады были настолько запущены, что не хватало средств прокормить даже то немногочисленное население, которое там оставалось.^[1313] Целые районы внезапно опустели и до настоящего времени никогда не заселялись повторно. Эти пустынные места давали убежище контрабандистам и разбойникам, пришедшим на смену трудолюбивым жителям, ранее занимавшим их; и говорят, что со времени изгнания Мориско начинается существование тех организованных банд разбойников, которые после этого периода стали бичом Испании и которых ни одно последующее правительство не смогло полностью искоренить.^[1314]

К этим катастрофическим последствиям добавились другие, иного и, по возможности, еще более серьезного характера. Победа, одержанная Церковью, увеличила как ее могущество, так и ее репутацию. В течение оставшейся части семнадцатого века не только интересы

духовенства считались выше интересов мирян, но и об интересах мирян почти не думали. Величайшие люди, почти без исключения, становились священнослужителями, и все мирские соображения, все взгляды на земную политику были презираемы и сведены на нет. Никто не задавал вопросов; никто не сомневался; никто не осмеливался спросить, правильно ли все это. Умы людей пали ниц. В то время как все остальные страны продвигались вперед, только Испания отступала. Каждая другая страна вносила какие-то дополнения в знания, создавала какое-то искусство или расширяла какую-то науку. Испания, впавшая в оцепенение, подобное смерти, зачарованная проклятым суеверием, которое подрывало ее силу, представляла для Европы единственный пример постоянного упадка. Для нее не осталось никакой надежды; и до конца семнадцатого века единственным вопросом было, чьими руками должен быть нанесен удар, который расчленил бы эту некогда могущественную империю, тень которой накрыла мир и чьи обширные останки производили впечатление даже в руинах.

Указать различные этапы, отмечающие упадок Испании, вряд ли возможно, поскольку даже испанцы, которые, когда было слишком поздно, были ужалены стыдом, воздержались от написания того, что могло бы стать лишь историей их собственного унижения; так что подробного описания жалкого правления Филиппа IV нет. и Карл II., которые вместе составляют период продолжительностью почти в восемьдесят лет.^[1315] Однако мне удалось собрать некоторые факты, и они очень важны. В начале семнадцатого века население Мадрида оценивалось в 400 000 человек; в начале восемнадцатого века - менее 200 000.^[1316] Севилья, один из богатейших городов Испании, владел в шестнадцатом веке свыше шестнадцати тысяч ткацких станков, которые давали работу ста тридцати тысячам человек.^[1317] К царствованию Филиппа V. эти шестнадцать тысяч ткацких станков сократились до менее чем трехсот;^[1318] и, в отчете, который в письме, сделанном Кортесом Филиппу IV в 1662 году, утверждается, что в городе проживала лишь четверть от прежнего числа жителей и что даже виноградники и оливки, выращиваемые по соседству и составлявшие значительную часть его богатства, были почти полностью заброшены.^[1319] В Толедо в середине шестнадцатого века насчитывалось более пятидесяти шерстяных мануфактур; в 1665 году их было всего тринадцать, почти вся торговля была захвачена Мориско и основана в Тунисе.^[1320] По той же причине искусство изготовления шелка, которым славился Толедо, было полностью утрачено, и почти сорок тысяч человек, зависевших от него, были лишены средств к существованию.^[1321] Та же участь постигла и другие отрасли промышленности. В шестнадцатом веке и в начале семнадцатого Испания пользовалась большой репутацией благодаря производству перчаток, которые производились в огромных количествах и поставлялись во многие страны, особенно ценились в Англии и Франции, а также экспортировались в Индию. Но Мартинес де Мата, писавший в 1655 году, уверяет нас, что в то время этот источник богатства исчез; производство перчаток совершенно прекратилось, хотя раньше, по его словам, оно существовало в каждом городе Испании.^[1322] В некогда процветающей провинции Кастилия все было разрушено. Даже Сеговия потеряла свои мануфактуры и не сохранила ничего, кроме воспоминаний о своем былом богатстве.^[1323] Упадок Бургоса был столь же быстрым; торговля в этом знаменитом городе прекратилась; а пустынные улицы и опустевшие дома создавали такую картину запустения, что современник, пораженный опустошением, решительно заявил, что Бургос потерял все, кроме своего названия.^[1324] В других округах результаты были такими же фатальными. Прекрасные южные провинции, щедро одаренные природой, прежде были настолько богаты, что одних их пожертвований в случае нужды хватало для пополнения императорской казны; но теперь они приходили в упадок с такой быстротой, что к 1640 году

оказалось едва ли возможным обложить их налогом, который был бы продуктивным.[1325] Во второй половине семнадцатого века положение стало еще хуже, а бедность и убожество людей превосходят всякое описание. В деревнях близ Мадрида жители буквально умирали с голоду; а те фермеры, у которых были запасы продовольствия, отказывались продавать его, потому что, как бы сильно они ни нуждались в деньгах, они боялись увидеть, как вокруг них гибнут их семьи. Следствием этого было то, что столице грозила голодная смерть; обычные угрозы не возымели действия, и в 1664 году было признано необходимым, чтобы президент Кастилии с вооруженным отрядом и в сопровождении государственного палача посетил близлежащие деревни и заставил жителей приносить свои припасы на рынки Мадрида.[1326] По всей Испании царила та же нищета. Эта некогда богатая и процветающая страна была покрыта толпой монахов и духовенства, чья ненасытная алчность поглощала те небольшие богатства, которые еще предстояло найти. Следовательно, случилось так, что правительство, хотя и было почти без гроша в кармане, не могло достать никаких припасов. Сборщики налогов, вынужденные восполнить дефицит, пошли на самые отчаянные меры. Они не только забрали кровати и всю мебель, но и сняли крыши с домов и продали материалы для кровли за все, что могли достать. Жители были вынуждены бежать; поля остались невозделанными; огромное количество людей погибло от нужды и переохлаждения; целые деревни опустели; и во многих городах более двух третей домов были к концу семнадцатого века полностью разрушены.[1327]

В разгар этих бедствий дух и энергия Испании были угаснуты. В каждом департаменте исчезли всякая власть и жизнь. Испанские войска потерпели поражение при Рокруа в 1643 году; и некоторые авторы приписывают этому сражению разрушение военной репутации Испании.[1328] Однако это был лишь один из многих симптомов.[1329] В 1656 году было предложено снарядить небольшой флот; но рыбный промысел на побережье настолько сократился, что оказалось невозможным нанять достаточно матросов даже для тех нескольких кораблей, которые требовались.[1330] Составленные карты были либо утеряны, либо ими пренебрегли; а невежество испанских пилотов стало настолько печально известным, что никто не желал им доверять.[1331] Что касается военной службы, то в отчете об Испании конца семнадцатого века говорится, что большая часть войск покинула свои знамена, а те немногие, кто остался верен, были одеты в лохмотья, не получали жалованья и умирали от голода.[1332] В другом отчете это некогда могущественное королевство описывается как совершенно незащищенное; приграничные города без охраны; укрепления полуразрушены; склады без боеприпасов; арсеналы пусты; мастерские без работы; и даже искусство строительства кораблей полностью утрачено.[1333]

В то время как страна в целом пребывала в таком состоянии, словно ее поразила какая-то смертельная болезнь, в столице на глазах у государя происходили самые ужасные сцены. Жители Мадрида умирали с голоду, и произвольные меры, которые были приняты для снабжения их продовольствием, могли принести лишь временное облегчение. Многие люди падали на улицах в изнеможении и умирали там, где падали; других видели на шоссе, очевидно, умирающими, но ни у кого не было средств, чтобы накормить их. В конце концов люди пришли в отчаяние и потеряли всякий контроль. В 1680 году не только рабочие Мадрида, но и большое количество торговцев организовались в банды, взламывали частные дома, грабили и убивали жителей посреди бела дня.[1334] В течение оставшихся двадцати лет семнадцатого века столица находилась в состоянии не восстания, а анархии. Общество было ослаблено и,

казалось, распадалось на свои элементы. Выражаясь выразительным языком современников, свобода и ограничения были одинаково неизвестны.^[1335] Обычные функции исполнительной власти были приостановлены. Мадридская полиция, неспособная погасить задолженность по жалованью, распустилась и предалась грабежу. Казалось, что не было никаких средств исправить это зло. Казна была пуста, и пополнить ее было невозможно. Бедность двора была такова, что не хватало денег на жалованье личным слугам короля и на повседневные расходы его семьи.^[1336] В 1693 году была приостановлена выплата всех пожизненных пенсий; и все офицеры и министры короны были лишены трети своего жалованья.^[1337] Однако ничто не могло остановить злодеяние. Голод и нищета продолжали расти;^[1338] и в 1699 году Стэнхоуп, британский министр, проживавший в то время в Мадриде, пишет, что не проходило и дня, чтобы люди не были убиты на улицах в драке за хлеб; что его собственный секретарь видел, как толпа задушила до смерти пять женщин перед пекарней; и что, чтобы увеличить список страданий, еще больше недавно в столицу съехались еще двадцать тысяч попрошаек из страны.^[1339]

Если бы такое положение вещей продолжалось еще одно поколение, должна была бы наступить самая дикая анархия, и вся структура общества была бы разрушена.^[1340] Единственным шансом спасти Испанию от рецидива варварства было то, что она должна пасть, и пасть быстро, под иностранным владычеством. Такое изменение было необходимо, и были основания опасаться, что оно могло произойти в форме, которая была бы невыразимо отвратительной для нации. Ибо в конце семнадцатого века Сеута была осаждена мусульманами; и поскольку у испанского правительства не было ни войск, ни кораблей, самые большие опасения вызывала судьба этой важной крепости; почти не было сомнений, что в случае ее падения Испания снова будет захвачена неверными, которым, по крайней мере, на этот раз не составило бы труда справиться с народом, ослабленным страданиями, полуголодным и почти измотанным.^[1341]

К счастью, в 1700 году, когда дела шли хуже некуда, Карл II, король-идиот, умер, и Испания перешла в руки Филиппа V., внука Людовика XIV. Этот переход от австрийской династии к Бурбонам,^[1342] принес с собой много других изменений. Филипп, правивший с 1700 по 1746 год,^[1343] был французом не только по рождению и образованию, но и по чувствам и привычкам.^[1344] Непосредственно перед его въездом в Испанию Людовик приказал ему никогда не забывать, что он уроженец Франции, на трон которой он может когда-нибудь взойти.^[1345] После того, как он стал королем, он пренебрег испанцами, пренебрег их советами и передал всю власть, которой мог командовать, в руки своих соотечественников.^[1346] Делами Испании теперь управляли подданные Людовика XIV., посол которого в Мадриде часто выполнял функции премьер-министра.^[1347] То, что когда-то было самой могущественной монархией в мире, стало не чем иным, как провинцией Франции; все важные вопросы решались в Париже, откуда сам Филипп получал свои инструкции.^[1348]

Правда в том, что Испания, разбитая и поверженная, была неспособна обеспечить какие-либо возможности; и если правительство страны должно было продолжаться, было абсолютно необходимо, чтобы были привлечены иностранцы.^[1349] Даже в 1682 году, то есть за восемнадцать лет до восшествия на престол Филиппа V. нельзя было найти ни одного туземца, хорошо знакомого с военным искусством; так что Карл II. был вынужден доверить военную защиту испанских Нидерландов Де Гране, австрийскому послу в Мадриде.^[1350] Таким

образом, когда в 1702 году разразилась война за наследство, даже сами испанцы пожелали, чтобы их войсками командовал иностранец.[1351] В 1704 году было продемонстрировано необычайное зрелище герцога Бервика, англичанина, ведущего испанских солдат против врага и фактически являющегося генералиссимусом испанской армии.[1352] Король Испании, недовольный его действиями, решил сместить его; но вместо того, чтобы заменить его туземцем, он обратился к Людовику XIV. для другого генерала; и этот важный пост был доверен маршалу Тессе, французцу.[1353] Немного позже Бервика снова вызвали в Мадрид и приказали встать во главе испанских войск и защищать Эстремадуру и Кастилию.[1354] Этого он добился с полным успехом; и в битве при Альмансе, в которой он участвовал в 1707 году, он сверг захватчиков, разгромив партию самозванца Карла,[1355] и обеспечил Филиппу место на троне.[1356] Однако, поскольку война все еще продолжалась, Филипп в 1710 году написал в Париж за другим генералом и попросил прислать к нему герцога Вандомского.[1357] Этот способный командир по прибытии придал новую силу советам Испании и наголову разгромил союзников;[1358] так что война, в результате которой была утрачена независимость Испания была основана, своим успехом обязана способностям иностранцев, и тому факту, что кампании планировались и проводились не местными жителями, а французскими и английскими генералами.

Точно так же финансы к концу XVII века находились в таком плачевном состоянии, что Портокарреро, который при восшествии на престол Филиппа V был номинальным министром Испании, выразил желание, чтобы ими управлял кто-нибудь, присланный из Парижа, кто мог бы их восстановить.[1359] Он чувствовал, что никто в Испании не справится с этой задачей, и он ни в коем случае не был единственным в этом мнении. В 1701 году Лувиль написал Торси, что, если финансист в ближайшее время не прибудет из Франции, вскоре не останется финансов для управления.[1360] Выбор пал на Орри, который добрался до Мадрида летом 1701 года.[1361] Он нашел все в самом плачевном состоянии; а некомпетентность испанцев была настолько очевидна, что вскоре он был вынужден взять на себя управление не только финансами, но и военным министерством. Чтобы сохранить видимость, Каналес стал мнимым военным министром; но он, будучи совершенно несведущим в делах, просто выполнял тяжелую работу этого поста, настоящие обязанности которого выполнял сам Орри.[1362]

Это господство французов продолжалось без перерыва до второй женитьбы Филиппа V. в 1714 году и смерти Людовика XIV в 1715 году, оба этих события ослабили их влияние и на какое-то время почти уничтожили его. Однако власть, которую они потеряли, была передана не испанцам, а другим иностранцам. Между 1714 и 1726 годами двумя самыми могущественными и заметными людьми в Испании были итальянец Альберони и голландец Рипперда. Рипперда был уволен в 1726 году;[1363] и после его падения делами Испании управлял Кенигсег, который был немцем и который, действительно, был австрийским послом, проживавшим в Мадриде.[1364] Даже Гримальдо, занимавший пост до и после увольнения Рипперды, был последователем французской школы и воспитывался под руководством Орри.[1365] Все это не было результатом несчастного случая и не должно быть приписано капризу суда. В Испании национальный дух настолько угас, что никто, кроме иностранцев или людей, проникнутых иностранными идеями, не мог выполнять обязанности правительства. К доказательствам, уже процитированным по этому поводу, я добавлю еще два свидетельства. Ноай, очень справедливый судья, ни в коей мере не имевший предубеждения против испанцев, решительно заявил в 1710 году, что,

несмотря на их лояльность, они неспособны править, поскольку ничего не смыслят ни в войне, ни в политике.[1366] В 1711 году Боннак упоминает, что было принято решение не ставить испанца во главе дел, потому что те, кто до сих пор работал, оказались либо неудачливыми, либо неверными.[1367]

Правительство Испании, отнятое у испанцев, теперь начало проявлять некоторые признаки энергии. Изменение было незначительным, но оно было в правильном направлении, хотя, как мы сейчас увидим, оно не смогло возродить Испанию из-за неблагоприятного действия общих причин. Тем не менее, намерение было благим. Впервые были предприняты попытки отстоять права мирян и принизить авторитет духовенства. Едва французы установили свое господство, как они предположили, что было бы целесообразно облегчить государственные нужды, заставив духовенство отказаться от части богатств, которые они накопили в своих церквях.[1368] Даже Людовик XIV. настаивал на том, что важный пост президента Кастилии не должен быть возложен на священнослужителя, потому что, по его словам, в Испании священники и монахи и без того обладают слишком большой властью.[1369] Орри, который в течение нескольких лет обладал огромным влиянием, оказывал его в том же направлении. Он пытался уменьшить иммунитеты, которыми обладало духовенство, в отношении налогообложения, а также в отношении их освобождения от мирской юрисдикции. Он выступал против привилегии убежища; он стремился лишить церкви их права на убежище. Он даже нападал на инквизицию и так сильно воздействовал на умы короля, что Филипп в свое время решил приостановить действие этого ужасного трибунала и упразднить должность великого инквизитора.[1370] От этого намерения было вполне разумно отказаться; ибо не может быть никаких сомнений в том, что если бы оно было приведено в исполнение, это вызвало бы революцию, в результате которой Филипп, вероятно, потерял бы свою корону.[1371] В таком случае последовала бы реакция, которая сделала бы Церковь сильнее, чем когда-либо. Однако многое было сделано для Испании вопреки испанцам.[1372] В 1707 году духовенство было вынуждено вносить государству небольшую часть своего огромного богатства; налог был замаскирован под видо займа.[1373] Десять лет спустя, во время правления Альберони, эта маскировка была сброшена; и правительство не только взимало то, что теперь называется "церковным налогом", но и заключало в тюрьму или ссылало тех священников, которые, отказываясь платить, отстаивали привилегии своего ордена.[1374] Это был смелый шаг, на который в то время не отважился бы ни один испанец. Альберони, однако, как иностранец, не был знаком с традициями страны, которым, действительно, в другом памятном случае он бросил вызов. Правительство Мадрида, действуя в полном согласии с общественным мнением, всегда не желало вести переговоры с неверными; под неверными понимались все люди, религиозные представления которых отличались от их собственных. Иногда такие переговоры были неизбежны, но они велись со страхом и трепетом, чтобы чистая испанская вера не была запятнана слишком тесным контактом с неверующими. Даже в 1698 году, когда было очевидно, что монархия находится при последнем издыхании и что ничто не может спасти ее от рук разрушителя, предубеждение было настолько сильным, что испанцы отказались принимать помощь от голландцев, потому что голландцы были еретиками. В то время Голландия находилась в самых тесных отношениях с Англией, в интересах которой было обеспечить независимость Испании от происков Франции. Однако, как бы очевидно это ни было, испанские богословы, с которыми проконсультировались относительно этого предложения, заявили, что оно неприемлемо, поскольку позволит голландцам распространять свои

религиозные взгляды; так что, согласно этой точке зрения, лучше быть поработанным врагом-католиком, чем получать помощь от друга-протестанта.[1375]

Тем не менее, как бы испанцы ни ненавидели протестантов, мусульман они ненавидели еще больше.[1376] Они никогда не могли забыть, как последователи этого вероучения однажды завоевали почти всю Испанию и на протяжении нескольких столетий владели самой прекрасной ее частью. Воспоминание об этом усилило их религиозную вражду и сделало их главными сторонниками почти каждой войны, которая велась против мусульман, как в Турции, так и в Африке.[1377] Но Альберони, будучи иностранцем, не был тронут этими соображениями, и, к удивлению всей Испании, он, руководствуясь лишь политической целесообразностью, свел на нет принципы Церкви и не только заключил союз с мусульманами, но и снабдил их оружием и деньгами.[1378] Действительно, верно, что этими и подобными мерами Альберони противопоставил себя национальной воле и что он дожил до того, чтобы раскаяться в своей смелости. Однако верно и то, что его политика была частью великого светского и антибогословского движения, которое в XVIII веке ощущалось по всей Европе. Последствия этого движения были заметны для правительства Испании, но не для народа. Это происходило потому, что правительством в течение многих лет управляли иностранцы или туземцы, проникнутые иностранным духом. Следовательно, мы обнаруживаем, что на протяжении большей части XVIII века политики Испании формировали класс, более изолированный и, если можно так выразиться, в большей степени живущий за счет собственных интеллектуальных ресурсов, чем политики любой другой страны за тот же период. Тот, кто усвоил уроки, содержащиеся в истории, признает, что это указывало на состояние болезни и что никакое политическое улучшение не может привести к настоящему благу, если оно не будет желанным для народа до того, как оно будет ему даровано. Результаты, действительно достигнутые в Испании, мы сейчас увидим. Но сначала было бы желательно, чтобы я привел некоторые дополнительные доказательства того, до какой степени влияние Церкви подавило национальный интеллект и, препятствуя всяким исследованиям и ограничивая всякую свободу мысли, в конце концов довело страну до такого бедственного положения, что способности людей, заржавевшие от неиспользования, были уже не в состоянии выполнять требуемые от них функции; так что во всех областях, будь то политическая жизнь, или спекулятивная философия, или даже механическая промышленность, было необходимо привлекать иностранцев для выполнения той работы, которую местные жители выполняют самостоятельно. стал неспособен выступать.

Невежество, в которое ввергли испанцев неблагоприятные обстоятельства, и их бездеятельность, как физическая, так и умственная, были бы совершенно невероятны, если бы это не подтверждалось всевозможными доказательствами. Грамон, пишущий, исходя из личных знаний о состоянии Испании во второй половине семнадцатого века, описывает высшие классы не только незнакомыми с наукой или литературой, но и почти ничего не знающими даже о самых обычных событиях, происходивших за пределами их собственной страны. Низшие слои населения, добавляет он, также праздны и полагаются на иностранцев, которые собирают их пшеницу, косят сено и строят свои дома.[1379] Другой наблюдатель за обществом в том виде, в каком оно существовало в Мадриде в 1679 году, уверяет нас, что мужчины, даже занимающие самое высокое положение, никогда не считали необходимым, чтобы их сыновья учились; и что те, кто был предназначен для армии, не могли изучать

математику, если бы они этого хотели, поскольку не было ни школ, ни учителей, которые могли бы их обучать.^[1380] Книги, если только они не были книгами благочестия, считались совершенно бесполезными; никто не обращался к ним; никто не собирал их; и до восемнадцатого века в Мадриде не было ни одной публичной библиотеки.^[1381] В других городах, заявляющих о своей приверженности целям образования, преобладало подобное невежество. Саламанка была резиденцией самого древнего и самого знаменитого университета в Испании, и там, как нигде, мы могли бы искать поощрения науки.^[1382] Но Де Торрес, который сам был испанцем и получил образование в Саламанке в начале восемнадцатого века, заявляет, что он проучился в этом университете пять лет, прежде чем услышал о существовании таких вещей, как математические науки.^[1383] Еще в 1771 году тот же университет публично отказался разрешить преподавание открытий Ньютона; и в качестве причины было указано, что система Ньютона не была так созвучна богооткровенной религии, как система Аристотеля.^[1384] По всей Испании был принят аналогичный план. Повсюду знания отвергались, а исследования не поощрялись. Фейхоо, который, несмотря на свое суеверие и определенное раболепие ума, от которого не мог избавиться ни один испанец того времени, стремился просвещать своих соотечественников в вопросах науки, оставил в письменном виде свое осознанное мнение, что тот, кто усвоил все, чему в его время учили под названием философии, в награду за свой труд стал бы еще более невежественным, чем был до того, как начал.^[1385] И не может быть никаких сомнений в том, что он был прав. Не может быть никаких сомнений в том, что в Испании, чем больше человека учили, тем меньше он знал. Ибо его учили, что исследование греховно, что интеллект должен быть подавлен и что доверчивость и покорность - первые человеческие качества. Герцог де Сен-Симон, который в 1721 и 1722 годах был французским послом в Мадриде, подводит итог своим наблюдениям замечанием, что в Испании наука является преступлением, а невежество - добродетелью.^[1386] Пятьдесят лет спустя другой проникательный наблюдатель, пораженный состоянием национального сознания, выражает свое мнение в предложении, столь же емком и почти столь же суровом. Подыскивая иллюстрацию, чтобы передать свое ощущение всеобщей темноты, он решительно заявляет, что обычное образование английского джентльмена в Испании сделало бы из него образованного человека.^[1387]

Те, кто знает, каким было обычное образование английского джентльмена восемьдесят лет назад, оценят силу этого сравнения и поймут, насколько отсталой, должно быть, была страна, к которой применима такая насмешка. Ожидать, что при таком положении вещей испанцы совершат какое-либо из открытий, которые ускоряют продвижение наций, было бы поистине напрасно; ибо они даже не приняли бы открытий, которые другие нации сделали за них и бросили в общее пользование. Столь лояльный и ортодоксальный народ не имел ничего общего с новшествами, которые, будучи новшествами на основе древних воззрений, были чреваты опасностью. Испанцы хотели идти путями своих предков и не допустить, чтобы их вера в прошлое была грубо нарушена. В неорганическом мире великолепные открытия Ньютона были с упреком отвергнуты, а в органическом мире было отвергнуто кровообращение более чем через сто пятьдесят лет после того, как это доказал Гарвей.^[1388] Эти вещи были новыми, и было лучше немного приостановиться и не получать их слишком поспешно. По тому же принципу, когда в 1760 году несколько смелых людей в правительстве предложили очистить улицы Мадрида, столь смелое предложение вызвало всеобщий гнев. Не только простолюдины, но даже те, кого называли образованными, громко порицали это. Правительство пожелало, чтобы медики, как стражи общественного здравоохранения, высказали свое мнение. Это у них

не составило труда. Они не сомневались, что грязь должна остаться. Чтобы удалить ее, требовался новый эксперимент; а из новых экспериментов невозможно было предвидеть результат. Их отцы жили в эпицентре этого, почему бы им не поступить так же? Их отцы были мудрыми людьми и, должно быть, имели веские причины для своего поведения. Даже запах, на который жаловались некоторые люди, скорее всего, был полезным. Поскольку воздух был острым и пронизывающим, было весьма вероятно, что неприятные запахи делали атмосферу тяжелой и таким образом лишали ее некоторых вредных свойств. Поэтому мадридские врачи придерживались мнения, что лучше оставить все так, как оставили их предки, и что не следует предпринимать никаких попыток очистить столицу от грязи, которая была разбросана повсюду.[1389]

В то время как преобладали такие представления о сохранении здоровья,[1390] вряд ли следует предполагать, что лечение болезни должно быть очень успешным. Кровопускание и очищение были единственными средствами, прописанными испанскими врачами.[1391] Их невежество в отношении наиболее распространенных функций человеческого организма было совершенно неожиданным и может быть объяснено только предположением, что в медицине, как и в других областях, испанцы восемнадцатого века знали не больше, чем их предшественники шестнадцатого. Действительно, в некоторых отношениях они, казалось, знали меньше. Ибо обращение с ними было настолько жестоким, что подчиняться ему в течение длительного времени было почти верной смертью.[1392] Их собственный король Филипп V. не осмелился доверить себя в их руки, но предпочел иметь своим врачом ирландца.[1393] Хотя ирландцы не имели большой медицинской репутации, все было лучше, чем испанский врач.[1394] Искусства, сопутствующие медицине и хирургии, были столь же отсталыми. Инструменты были грубо сделаны, а лекарства плохо приготовлены. Аптека была неизвестна, и аптекарские лавки в крупнейших городах полностью поставлялись из-за границы; в то время как в небольших городах и в отдаленных от столицы районах лекарства были такого качества, что лучшее, на что можно было надеяться, - это то, что они могут быть безвредными. Ибо в середине восемнадцатого века в Испании не было ни одного химика-практика. Действительно, сам Кампоманес уверяет нас, что еще в 1776 году во всей стране не было ни одного человека, который знал бы, как изготавливать самые обычные лекарства, такие как магнезия, глауберова соль и обычные препараты ртути и сурьмы. Этот выдающийся государственный деятель добавляет, однако, что в Мадриде собирались основать химическую лабораторию; и хотя это предприятие, не имеющее прецедента, несомненно, было бы расценено как знаменательное новшество, он выражает уверенность в том, что с его помощью всеобщее невежество его соотечественников со временем будет исправлено.[1395]

Все, что было полезно на практике или что служило целям познания, должно было поступать из-за рубежа. Энсенада, хорошо известный министр Фердинанда VI, был потрясен темнотой и апатией нации, которые он пытался, но тщетно, устранить. Когда он стоял во главе дела в середине восемнадцатого века, он публично заявил, что в Испании нет профессуры публичного права, или физики, или анатомии, или ботаники. Далее он добавил, что хороших карт Испании не существует и что нет человека, который знал бы, как их составить. Все карты, которые у них были, были из Франции и Голландии. Они были, по его словам, очень неточными; но испанцам, поскольку они не могли ничего сделать, не на что было положиться. Такое положение вещей он назвал позорным. Ибо, как он горько жаловался, если бы не усилия французов и голландцев, ни

один испанец не смог бы узнать ни расположение своего собственного города, ни расстояние от одного места до другого.[1396]

Единственным средством от всего этого, казалось, была иностранная помощь; и поскольку Испанией теперь правила иностранная династия, эта помощь была востребована. Черви основал Медицинские общества Мадрида и Севильи; Вирджили основал Хирургический колледж в Кадисе; а Боулз пытался продвигать среди испанцев изучение минералогии.[1397] Повсюду искали профессоров; и к Линнею было подано прошение прислать из Швеции человека, который мог бы поделиться некоторыми представлениями о ботанике со студентами-физиологами.[1398] Правительством были предприняты многие другие и подобные шаги, чьи неустанные усилия заслуживали бы нашей самой горячей похвалы, если бы мы не знали, насколько невозможно для любого правительства просветить нацию и насколько абсолютно необходимо, чтобы стремление к улучшению исходило, в первую очередь, от самих людей. Никакой прогресс не является реальным, если он не является спонтанным. Движение, чтобы быть эффективным, должно исходить изнутри, а не извне; оно должно быть вызвано общими причинами, действующими на всю страну, а не простой волей нескольких влиятельных личностей. В течение восемнадцатого века все средства улучшения были щедро предоставлены испанцам; но испанцы не хотели улучшаться. Они были довольны собой; они были уверены в правильности своих собственных мнений; они гордились понятиями, которые унаследовали и которые не хотели ни увеличивать, ни уменьшать. Будучи неспособными сомневаться, они, следовательно, не желали задавать вопросов. Новые и прекрасные истины, переданные самым ясным и привлекательным языком, не могли произвести никакого эффекта на людей, чьи умы были таким образом ожесточены и поработочены.[1399] Неудачное стечение событий, работавшее без перерыва с пятого века, предопределило национальный характер в определенном направлении, и ни государственные деятели, ни короли, ни законодатели ничего не могли с этим поделать. Однако семнадцатый век был кульминацией всего этого. В ту эпоху испанская нация погрузилась в сон, от которого, как нация, она с тех пор так и не пробудилась. Это был сон, но не об отдыхе, а о смерти. Это был сон, во время которого способности, вместо того чтобы отдыхать, были парализованы, и во время которого холодное и всеобщее оцепенение сменилось той славной, хотя и частичной, деятельностью, которая, хотя и сделала имя Испании ужасным в мире, обеспечила уважение даже ее злейших врагов.

Даже изящные искусства, в которых испанцы прежде преуспевали, подверглись всеобщему вырождению и, по признанию их собственных авторов, к началу XVIII века пришли в полный упадок.[1400] Искусства, обеспечивающие национальную безопасность, оказались в том же затруднительном положении, что и те, которые служат национальному удовольствию. В Испании не было никого, кто мог бы построить корабль; не было никого, кто знал бы, как его оборудовать после того, как он был построен. Следствием этого было то, что к концу семнадцатого века те немногие корабли, которыми располагала Испания, были настолько прогнившими, что, по словам одного историка, они едва могли поддерживать огонь своих собственных орудий.[1401] В 1752 году правительство, будучи преисполнено решимости восстановить военно-морской флот, сочло необходимым послать в Англию за корабельными мастерами; и они также были вынуждены обратиться в тот же квартал за людьми, которые могли бы делать веревки и полотно; навыки местных жителей были недостаточны для таких трудных достижений.[1402] Таким образом, министры короны, чьи способности и энергия, учитывая

трудные обстоятельства, в которые их поставила неспособность народа, были чрезвычайно замечательными, сумели собрать флот, превосходящий любой, который видели в Испании более века.[1403] Они также предприняли много других шагов для приведения национальной обороны в удовлетворительное состояние; хотя в каждом случае они были вынуждены полагаться на помощь иностранцев. Как военная, так и военно-морская службы находились в полном замешательстве, и их пришлось организовывать заново. Дисциплина в пехоте была восстановлена ирландцем О'Рейли, под чье руководство были переданы военные училища Испании.[1404] В Кадисе была сформирована великая военно-морская академия, но ее главой был полковник Годен, французский офицер.[1405] Артиллерия, которая, как и все остальное, стала почти бесполезной, была усовершенствована французом Марицем; в то время как итальянец Газола оказал ту же услугу арсеналам.[1406]

Рудники, составляющие один из величайших природных источников богатства Испании, также пострадали от того невежества и апатии, в которые сила обстоятельств ввергла страну. Ими либо полностью пренебрегали, либо, если и работали, то работали другие страны. Знаменитый кобальтовый рудник, расположенный в долине Гистан в Арагоне, находился полностью в руках немцев, которые в первой половине XVIII века извлекали из него огромную прибыль.[1407] Таким же образом серебряные рудники Гуадалканала, самого богатого в Испании, были освоены не местными жителями, а иностранцами. Хотя они были открыты в шестнадцатом веке, о них, как и о других важных вещах, забыли в семнадцатом, и они были вновь открыты в 1728 году английскими авантюристами; предприятие, инструменты, капитал и даже шахтеры - все прибывало из Англии.[1408] Другой, еще более известный рудник - это рудник Альмаден в Ламанче, где производят ртуть высочайшего качества и в большом изобилии. Этот металл, помимо того, что был незаменим для многих самых распространенных видов искусства, представлял особую ценность для Испании, потому что без него золото и серебро Нового Света не могли быть извлечены из их руд. Из Альмадена, где существуют все природные возможности для его сбора и где киноварь, в котором он встречается, необычайно богат, раньше доставлялись огромные запасы; но они в течение некоторого времени сокращались, хотя спрос, особенно со стороны зарубежных стран, возрастал. В этих обстоятельствах испанское правительство, опасаясь, что столь важный источник богатства может полностью исчезнуть, решило провести расследование того, каким образом разрабатывалась шахта. Поскольку, однако, ни один испанец не обладал знаниями, необходимыми для такого расследования, советники короны были вынуждены обратиться за помощью к иностранцам. В 1752 году ирландскому натуралисту по имени Боулз было поручено посетить Альмаден и выяснить причину неудачи. Он обнаружил, что шахтеры приобрели привычку прокладывать стволы перпендикулярно, вместо того чтобы следовать направлению жилы.[1409] Столь абсурдного процесса было вполне достаточно, чтобы объяснить отсутствие у них успеха; и Боулз доложил правительству, что если бы ствол был пробит наклонно, шахта, без сомнения, снова стала бы продуктивной. Правительство одобрило это предложение и распорядилось привести его в исполнение. Но испанские шахтеры были слишком верны своим старым обычаям, чтобы уступить. Они вонзали свои стрелы точно так же, как это делали их отцы; и то, что сделали их отцы, должно быть, правильно. В результате рудник пришлось забрать у них; но так как Испания не могла предоставить других рабочих, пришлось послать в Германию за новыми.[1410] После их прибытия ситуация быстро улучшилась. Шахта, которой руководил ирландец, а работали на ней немцы, приобрела совершенно иной вид; и, несмотря на неудобства, с которыми всегда

приходится сталкиваться новичкам, непосредственным следствием перемен стало то, что выход ртути был удвоен, а ее стоимость для потребителя соответственно снизилась.[1411]

Такое невежество, охватившее всю нацию и распространившееся на все сферы жизни, едва ли возможно, учитывая огромные преимущества, которыми раньше пользовались испанцы. Это особенно бросается в глаза по сравнению со способностями правительства, которое на протяжении более восьмидесяти лет постоянно работало над улучшением положения страны. В начале восемнадцатого века Рипперда, в надежде стимулировать испанскую промышленность, основал крупную шерстяную мануфактуру в Сеговии, которая когда-то была оживленным и процветающим городом. Но самые распространенные способы теперь были забыты, и ему пришлось импортировать фабрикантов из Голландии, чтобы научить испанцев выделять шерсть, хотя в лучшие времена они особенно славились именно этим искусством.[1412] В 1757 году Уолл, который в то время был министром, построил в еще большем масштабе аналогичную мануфактуру в Гвадалахаре в Новой Кастилии. Вскоре, однако, что-то пошло не так с оборудованием; и поскольку испанцы ничего не знали и не заботились об этих вещах, было необходимо послать в Англию за рабочим, чтобы все исправить.[1413] В конце концов советники Карла III, отчаявшись разбудить народ обычными средствами, разработали более всеобъемлющий план и пригласили тысячи иностранных ремесленников поселиться в Испании, полагая, что их пример и внезапность их притока могут ободрить эту измученную нацию.[1414] Все было напрасно. Дух страны был сломлен, и ничто не могло его восстановить. Среди других предпринятых попыток создание Национального банка было любимой идеей политиков, которые ожидали великих свершений от учреждения, которое должно было предоставлять кредиты и заигрывать с лицами, занимающимися бизнесом. Но, хотя план был выполнен, он полностью провалился в достижении своей цели. Когда люди не предприимчивы, никакие усилия правительства не могут сделать их таковыми. В такой стране, как Испания, крупный банк был экзотикой, которая могла жить вместе с искусством, но никогда не могла процветать по своей природе. Действительно, как по своему происхождению, так и по завершению, он был совершенно иностранным, поскольку был впервые предложен голландцем Риппердой,[1415] и обязан своей окончательной организацией французу Кабаррюсу.[1416]

Во всем господствовал один и тот же закон. В дипломатии самыми способными людьми были не испанцы, а иностранцы; и в течение восемнадцатого века часто демонстрировалось странное зрелище, когда Испанию представляли послы Франции, Италии и даже Ирландии.[1417] Ничто не было местным; ничего не было сделано самой Испанией. Филипп V, правивший с 1700 по 1746 год и обладавший огромной властью, всегда цеплялся за идеи своей собственной страны и был французом до последнего. В течение тридцати лет после его смерти тремя наиболее заметными именами в испанской политике были Уолл, родившийся во Франции от ирландских родителей;[1418] Гримальди, уроженец Генуи; [1419] и Эскилаче, который был уроженцем Сицилии.[1420] Эскилаш управлял финансами в течение нескольких лет; и, после того, как он пользовался доверием Карла III. в степени, которой редко обладал какой-либо министр, был уволен только в 1766 году из-за недовольства народа нововведениями, введенными этим смелым иностранцем.[1421] Уолл, гораздо более замечательный человек, был, в отсутствие какого-либо хорошего испанского дипломата, отправлен посланником в Лондон в 1747 году; и после того, как он оказал большое влияние в государственных делах, он был поставлен во главе дел в 1754 году и оставался верховным до 1763 года.[1422] Когда этот выдающийся ирландец

оставил свой пост, его сменил генуэзец Гримальди, который правил Испанией с 1763 по 1777 год и был полностью предан французским взглядам на политику.^[1423] Его главным покровителем был Шуазель, который внушил ему свои собственные взгляды и чьими советами он в основном руководствовался.^[1424] Действительно, Шуазель, который в то время был первым министром Франции, хвастался, с преувеличением, но не без значительной доли правды, что его влияние в Мадриде было даже больше, чем в Версале.^[1425]

Как бы то ни было, несомненно, что через четыре года после вступления Гримальди в должность господство Франции проявилось замечательным образом. Шуазель, ненавидевший иезуитов и только что изгнавший их из Франции, пытался также изгнать их из Испании.^[1426] Выполнение плана было доверено Аранде, который, хотя и был испанцем по происхождению, получил свою интеллектуальную культуру из Франции и заразился в парижском обществе лютой ненавистью ко всем формам церковной власти.^[1427] Тайно подготовленная схема была умело реализована.^[1428] В 1767 году испанское правительство, не выслушав, что иезуиты могли сказать в свою защиту, и действительно, не уведомив их ни о чем, внезапно приказало об их изгнании; и с такой враждебностью они были изгнаны из страны, в которой выросли и долгое время лелеялись, что не только их богатство было конфисковано, а сами они превратились в жалкие гроши, но и даже это было предписано отобрать у них, если они опубликуют что-либо в свое оправдание; в то же время было также объявлено, что всякий, кто осмелится написать о них, должен, если бы мы были подданными Испании, быть предан смерти как виновный в государственной измене.^[1429]

Такая смелость со стороны правительства^[1430] заставила содрогнуться даже инквизицию. Этот некогда всемогущий трибунал, которому гражданские власти угрожали и подозревали его, стал более осторожным в своих разбирательствах и более мягким в обращении с еретиками. Вместо того, чтобы истреблять неверующих сотнями или тысячами, оно было доведено до такого жалкого состояния, что между 1746 и 1759 годами удалось сжечь только десять человек, а между 1759 и 1788 годами - только четырех.^[1431] Необычайное сокращение в течение последнего периода было частично вызвано большим авторитетом, которым пользовался Аранда, друг энциклопедистов и других французских скептиков. Этот замечательный человек был президентом Кастилии до 1773 года,^[1432] и он издал приказ, запрещающий инквизиции вмешиваться в гражданские суды.^[1433] Он также разработал план полной отмены этого закона; но его план был сорван из-за преждевременного объявления его друзьями в Париже, которым он был доверен.^[1434] Однако его взгляды были настолько успешными, что после 1781 года в Испании не было ни одного случая сожжения еретика; инквизиция была слишком напугана действиями правительства, чтобы предпринять что-либо, что могло бы поставить под угрозу безопасность Святого Учреждения.^[1435]

В 1777 году Гримальди, один из главных сторонников той антибогословской политики, которую Франция ввела в Испании, перестал быть министром; но его сменила Флорида Бланка, которая была его креатурой и которой он передал свою политику, а также свою власть.^[1436] Таким образом, прогресс политических дел продолжался в том же направлении. При новом министре, как и при его непосредственных предшественниках, была продемонстрирована решимость ограничить авторитет Церкви и отстоять права мирян. Во всем церковные интересы рассматривались как подчиненные светским. Можно привести множество примеров, но один слишком важен, чтобы его опустить. Мы видели, что в начале восемнадцатого века Альберони, когда стоял во главе дела, был виновен в том, что в Испании считалось огромным

преступлением, заключив союз с мусульманами; и не может быть сомнений, что это было одной из главных причин его падения, поскольку считалось, что никакая перспектива простых светских преимуществ не может оправдать союз или даже мир между христианской нацией и нацией неверующих.^[1437] Но испанское правительство, которое в силу описанных мною причин намного опережало саму Испанию, постепенно становилось смелее и становилось все более и более склонным навязывать стране взгляды, которые, при абстрактном рассмотрении, были чрезвычайно просвещенными, но которые общественное мнение было неспособно воспринять. Результатом стало то, что в 1782 году Флорида-Бланка заключила договор с Турцией, который положил конец войне религиозных мнений; к удивлению, как нам сказали, других европейских держав, которые с трудом могли поверить, что испанцы таким образом откажутся от своих давних усилий по уничтожению неверных.^[1438] Однако, прежде чем Европа успела оправиться от изумления, произошли другие и подобные события, не менее поразительные. В 1784 году Испания подписала мир с Триполи, а в 1785 году - с Алжиром.^[1439] И едва они были ратифицированы, как в 1786 году был также заключен договор с Тунисом.^[1440] Так что испанский народ, к своему немалому удивлению, оказался в дружеских отношениях с народами, к которым его более десяти веков учили испытывать отвращение и с которыми, по мнению испанской церкви, первым долгом христианского правительства было начать войну и, по возможности, искоренить.

Оставляя на мгновение в стороне отдаленные и интеллектуальные последствия этих операций, не может быть сомнений в том, что непосредственные и материальные последствия были весьма благотворными; хотя, как мы сейчас увидим, они не принесли долговременной пользы, поскольку им противостояло неблагоприятное действие более мощных и более общих причин. Тем не менее, следует признать, что прямые результаты были чрезвычайно благоприятными; и тем, кто лишь поверхностно смотрит на человеческие дела, вполне может показаться, что преимущества будут постоянными. Огромная береговая линия от королевств Фес и Марокко до самой дальней оконечности Турецкой империи больше не позволяла разгуливать тем бесчисленным пиратам, которые до сих пор бороздили моря, захватывали испанские корабли и обращали в рабство испанских подданных. Раньше огромные суммы денег ежегодно расходовались на выкуп этих несчастных заключенных;^[1441] но теперь всему этому злу был положен конец. В то же время коммерции Испании был придан большой импульс; была открыта новая торговля, и ее корабли могли безопасно появляться в богатых странах Леванта. Это увеличило ее состояние, чему, кроме того, способствовало еще одно обстоятельство, вытекавшее из этих событий. Ибо самые плодородные части Испании - это те, которые омываются Средиземным морем и которые на протяжении веков были добычей мусульманских корсаров, которые часто высаживались врасплох и в конце концов вызвали такой постоянный страх, что жители постепенно удалились в глубь страны и воздержались от возделывания самой богатой почвы в своей стране. Но благодаря только что заключенным договорам эти опасности были немедленно устранены; люди вернулись в свои прежние жилища; земля снова дала свои плоды; возобновилась регулярная промышленность; возникли деревни; были основаны даже мануфактуры; и, казалось, был заложен фундамент для процветания, подобного которому не знали с тех пор, как мусульмане были изгнаны из Гранады.^[1442]

Теперь я предлагаю читателю обзор наиболее важных шагов, предпринятых теми способными и энергичными политиками, которые правили Испанией на протяжении большей части

восемнадцатого века. Рассматривая, как были осуществлены эти реформы, мы не должны забывать о личном характере Карла III, который занимал трон с 1759 по 1788 год.^[1443] Он был человеком огромной энергии и, хотя родился в Испании, имел с ней мало общего. Став королем, он долгое время отсутствовал в своей родной стране и привык к обычаям и, прежде всего, к мнениям, совершенно непохожим на те, которые свойственны испанцам.^[1444] Сравнивая его со своими подданными, можно сказать, что он действительно был просветленным. Они лелеяли в своих сердцах самую совершенную и, следовательно, наихудшую форму духовной власти, которая когда-либо проявлялась в Европе. Именно эту силу он считал своим долгом сдерживать. В этом, как и в других отношениях, он намного превзошел Фердинанда VI. и Филиппа V. Хотя они под влиянием французских идей зашли, как считалось, в опасный тупик.^[1445] Духовенство, возмущенное таким разбирательством, роптало и даже угрожало.^[1446] Они заявили, что Карл разоряет Церковь, лишает ее прав, оскорбляет ее служителей и, таким образом, губит Испанию, за что человек не может взяться.^[1447] Однако король, чей нрав был твердым и несколько упрямым, упорствовал в своей политике; и поскольку он и его министры были людьми несомненных способностей, им, несмотря на противодействие, с которым они столкнулись, удалось осуществить большую часть своих планов. Какими бы ошибочными и близорукими они ни были, невозможно удержаться от восхищения честностью, мужеством и бескорыстием, которые они проявили, пытаясь изменить судьбу этой суеверной и наполовину варварской страны, которой они правили. Мы не должны, однако, скрывать от самих себя, что в этом, как и во всех подобных случаях, они, нападая на зло, которое люди были полны решимости любить, усилили привязанность, которую это зло вызывало. Пытаться изменить мнения с помощью законов хуже, чем бесполезно. Это не только терпит неудачу, но и вызывает реакцию, которая делает мнения сильнее, чем когда-либо. Сначала измените мнение, и тогда вы сможете изменить закон. Как только вы убедите людей в том, что суеверие вредно, вы сможете с пользой предпринять активные шаги против тех классов, которые поощряют суеверия и живут ими. Но какими бы пагубными ни были какие-либо интересы или какая-либо крупная организация, остерегайтесь применять против них силу, если только прогресс знаний ранее не подорвал их у основания и не ослабил их власть над национальным сознанием. Это всегда было ошибкой самых ярых реформаторов, которые в своем стремлении достичь своей цели позволяли политическому движению опережать интеллектуальное и, таким образом, переворачивая естественный порядок вещей, обеспечивали несчастья либо себе, либо своим потомкам. Они прикасаются к алтарю, и извергается огонь, чтобы поглотить их. Затем наступает новый период суеверий и деспотизма; еще одна темная эпоха в анналах человеческой расы. И это происходит просто потому, что люди не будут тянуть время, а будут настаивать на ускорении хода событий. Так, например, во Франции и Германии именно друзья свободы укрепили тиранию; именно враги суеверия сделали суеверие более постоянным. В этих странах все еще верят, что правительство может возродить общество; и поэтому, как только те, кто придерживается либеральных взглядов, вступают во владение правительством, они слишком расточительно используют свою власть, думая, что, поступая таким образом, они наилучшим образом достигнут цели, к которой они стремятся. В Англии такое же заблуждение, хотя и менее распространенное, слишком распространено; но поскольку у нас общественное мнение контролирует политиков, мы избегаем зла, которое произошло за границей, потому что мы не позволим ни одному правительству принимать законы, которые не одобряет нация. Однако в Испании привычки людей были настолько рабскими, а их шеи так долго были согнуты под ярмом, что, хотя правительство в восемнадцатом веке выступало против их самых дорогих предрассудков, они редко осмеливались сопротивляться, и у них не было законных средств

заявить, что их голос услышан. Но тем не менее они чувствовали себя хуже. Материалы для реакции незаметно накапливались; и еще до окончания этого столетия проявилась сама реакция. Пока Карл III. несмотря на то, что он жил, его держали в секрете; и это было отчасти из-за страха, который внушало его активное правительство, а отчасти из-за того факта, что многие реформы, которые он проводил, были настолько очевидно полезными, что придавали его правлению блеск, который могли ощутить все классы. Помимо освобождения, которое его политика гарантировала от непрекращающихся набегов пиратов, ему также удалось добиться для Испании самого почетного мира, который какое-либо испанское правительство подписывало за последние два столетия; таким образом, в сознании людей вспоминались самые яркие и славные дни правления Филиппа II.^[1448] Когда Карл вззошел на престол, Испания вряд ли была третьеразрядной державой; когда он умер, она могла справедливо претендовать на звание первой классной, поскольку в течение нескольких лет вела переговоры на равных с Францией, Англией и Австрией и играла ведущую роль в советах Европы. Этому во многом способствовал личный характер Чарльза; его уважали за честность, а также боялись за его энергичность.^[1449] Просто как человек, он пользовался высокой репутацией; в то время как как суверен, никто из его современников ни в чем не был равен ему, за исключением Фридриха Прусского, чьи обширные способности, однако, были омрачены низменной алчностью и непрекращающимся желанием перехитрить своих соседей. Карл III. ничего этого у него не было; но он тщательно укрепил обороноспособность Испании и, подняв ее учреждения на военный уровень, сделал ее более грозной, чем она была с шестнадцатого века. Вместо того чтобы подвергаться оскорблениям со стороны каждого мелкого властелина, решившего восторжествовать над ее слабостью, страна теперь имела средства сопротивления и, если понадобится, нападения. В то время как в армии значительно улучшилось качество военнослужащих, их дисциплина и внимание, уделяемое их удобствам, военно-морской флот почти удвоился по численности и более чем удвоил эффективность.^[1450] И это было сделано без наложения нового бремени на людей. Действительно, национальные ресурсы становились настолько развитыми, что в правление Карла III большую сумму налогов можно было бы выплачивать легче, чем небольшую при его предшественниках. Закономерность, доселе неизвестная, была введена в метод как оценки податей, так и их сбора.^[1451] Законы *mortmain* были смягчены, и были предприняты шаги к уменьшению жесткости санкций.^[1452] Промышленность страны была освобождена от многих ограничений, которые долгое время налагались на нее, и принципы свободной торговли были настолько признаны, что в 1765 году старые законы, касающиеся зерна, были отменены; был разрешен его экспорт, а также его транзит из одной части Испании в другую, без соблюдения тех абсурдных мер предосторожности, которые предыдущие правительства сочли целесообразным изобрести.^[1453]

Это было также во времена правления Карла III. впервые с американскими колониями обращались в соответствии с принципами мудрой и либеральной политики. Поведение испанского правительства в этом отношении самым благоприятным образом контрастирует с поведением, которого в то же время придерживался по отношению к нашим великим колониям тот ограниченный и некомпетентный человек, который тогда занимал английский трон. В то время как насилие Георга III. разжигало восстание в британских колониях, Карл III. был усердно занят примирением испанцев. С этой целью и с целью обеспечить честную игру для роста их богатства он делал все, что позволяли ему знания и ресурсы того времени. В 1764 году он совершил то, что тогда считалось великим подвигом, установив ежемесячное регулярное

сообщение с Америкой, чтобы легче было проводить реформы, которые он проектировал, и учитывать недовольство колоний.[1454] Уже в следующем году островам Вест-Индии была предоставлена свободная торговля, чьи товары в изобилии теперь, впервые, были допущены к обращению, как к их собственной выгоде, так и к выгоде их соседей.[1455] В колониях в целом были проведены значительные улучшения, были устранены многие притеснения, тирания чиновников была остановлена, и бремя народа было облегчено.[1456] Наконец, в 1778 году принципы свободной торговли, успешно опробованные на Американских островах, теперь были распространены на Американский континент; порты Перу и Новой Испании были открыты; и таким образом был дан огромный импульс процветанию этих великолепных колоний, которым природа предназначила быть богатыми, но которые назойливая глупость человека вынудила стать бедными.[1457]

Все это подействовало на метрополию с такой быстротой, что едва была разрушена старая система монополий, как торговля Испании начала развиваться и продолжала улучшаться до тех пор, пока экспорт и импорт не достигли высоты, которой едва ли могли ожидать даже авторы реформы; при этом экспорт иностранных товаров увеличился втрое, экспорт отечественных продуктов - в пять раз, а доходы из Америки - в девять раз.[1458]

Многие налоги, тяжелым бременем ложившиеся на низшие слои населения, были отменены, и, поскольку трудолюбивые классы были освобождены от своего основного бремени, можно было надеяться, что их положение быстро улучшится.[1459] И, чтобы принести им еще большую пользу, в отправлении закона были внесены такие изменения, которые могли бы позволить им добиться правосудия в государственных судах, когда у них появлялся повод пожаловаться на свое начальство. До сих пор у бедняка не было ни малейшего шанса преуспеть перед богатым; но в царствование Карла III правительство ввело различные постановления, по которым рабочие и механики могли получить возмещение, если их хозяева обманом лишали их заработной платы или разрывали заключенные с ними контракты.[1460]

Поощрялись и защищались не только рабочие классы, но также литературные и научные круги. Один из источников опасности, которому они долгое время подвергались, был значительно уменьшен шагами, предпринятыми Карлом для ограничения власти инквизиции. Более того, король всегда был готов вознаградить их; он был человеком с утонченными вкусами, и ему доставляло удовольствие то, что его считали покровителем образования.[1461] Вскоре после своего вступления на престол он издал приказ, освобождающий от военной службы всех печатников и всех лиц, непосредственно связанных с типографией, таких как наборщики и тому подобное.[1462] Он также, насколько мог, вдохнул новую жизнь в старые университеты и сделал все возможное для восстановления их дисциплины и репутации.[1463] Он основывал школы, финансировал колледжи, вознаграждал профессоров и назначал пенсии. В этих вопросах его щедрость казалась неисчерпаемой, и этого самого по себе достаточно, чтобы объяснить то почтение, с которым испанцы-литераторы относятся к его памяти. У них есть причины сожалеть о том, что вместо того, чтобы жить сейчас, они не жили, когда он был королем. В его правление предполагалось, что их интересы должны быть идентичны интересам знаний; и эти последние ценились так высоко, что в 1771 году это было провозглашено в качестве устоявшегося принципа правления, согласно которому из всех направлений государственной политики забота об образовании является наиболее важной.[1464]

Но это еще не все. Не будет преувеличением сказать, что в царствование Карла III облик Испании претерпел большие изменения, чем за сто пятьдесят лет, прошедших с момента окончательного изгнания мусульман. При вступлении на престол в 1759 году мудрая и миролюбивая политика его предшественника Фердинанда VI позволила этому принцу не только выплатить многие долги короны, но и накопить и оставить после себя значительные сокровища.[1465] Этим Карл воспользовался, чтобы начать те работы общественного великолепия, которые, несомненно, больше, чем любая другая часть его правления, поразили чувства и придали популярности его правлению. И когда благодаря увеличению богатства, а не наложению новых тягот, в его распоряжение были предоставлены еще большие ресурсы, он посвятил значительную их часть завершению своих замыслов. Он так украсил Мадрид, что через сорок лет после его смерти было заявлено, что в том виде, в каком он тогда существовал, всем своим великолепием он обязан ему. Общественные здания и скверы, прекрасные прогулки по столице, ее величественные ворота, учреждения и сами дороги, ведущие из нее в соседнюю страну, - все это работа Карла III. и являются одними из самых заметных трофеев, свидетельствующих о его гении и роскоши вкуса.[1466]

В других частях страны были проложены дороги и прорыты каналы с целью расширения торговли за счет открытия коммуникаций по участкам, ранее непроходимым. При восшествии на престол Карла III вся Сьерра-Морена была свободна, за исключением диких зверей и бандитов, которые нашли там убежище.[1467] Ни один мирный путешественник не отважился бы отправиться в такое место; и таким образом торговля была исключена из того, что природа обозначила как одну из величайших магистралей Испании, проходящую между бассейнами Гвадианы и Гвадалquivира, и на прямом пути между портами Средиземного моря и Атлантики. Деятельное правительство Карла III было преисполнено решимости исправить это зло; но у испанского народа не хватило энергии сделать то, что требовалось, и в 1767 году шести тысячам голландцев и фламандцев было предложено поселиться в Сьерра-Морене. По их прибытии им были отведены земли, через весь район были проложены дороги, построены деревни; и то, что только что было непроходимой пустыней, внезапно превратилось в улыбающуюся и плодородную территорию.[1468]

Почти по всей Испании ремонтировались дороги; еще в 1760 году для этой цели был специально выделен фонд.[1469] Было начато много новых работ; были введены такие усовершенствования, и в то же время была применена такая бдительность для предотвращения казнокрадства со стороны должностных лиц, что всего за несколько лет стоимость строительства автомобильных дорог общего пользования была снижена менее чем вдвое от прежней.[1470] Из начинаний, приведших к успешному завершению, наиболее важными были дорога, которая была впервые построена из Малаги в Антекеру,[1471] и еще одно из Аквилас - Лорке.[1472] Таким образом обеспечивались средства связи между Средиземноморьем и внутренними районами Андалусии и Мерсии. В то время как эти коммуникации были установлены на юге и юго-востоке Испании, другие были открыты на севере и северо-западе. В 1769 году была начата дорога между Бильбао и Осмой;[1473] и вскоре после этого была завершена дорога между Галисией и Асторгой.[1474] Эти и подобные работы были выполнены настолько искусно, что испанские автомагистрали, ранее считавшиеся одними из худших в Европе, теперь были отнесены к числу лучших. Действительно, компетентный и отнюдь не чрезмерно дружелюбный судья высказывает свое мнение, что после смерти Карла III в Испании были дороги лучше, чем в любой другой стране.[1475]

Во внутренних районах страны реки стали судоходными, и были образованы каналы, соединяющие их друг с другом. Эбро протекает через сердце Арагона и часть Старой Кастилии и доступна для движения транспорта вплоть до Логроньо, а оттуда вниз до Туделы. Но между Туделой и Сарагосой судоходство затруднено из-за большой скорости течения и камней на его дне. Следовательно, Наварра лишена естественного сообщения со Средиземным морем. В предприимчивое царствование Карла V. Была предпринята попытка исправить это зло; но план провалился, был отложен в сторону и забыт, пока его не возродил более двухсот лет спустя Карл III. Под его эгидой был спроектирован великий Арагонский канал с великолепной идеей объединения Средиземного моря и Атлантики. Это, однако, был один из многих случаев, когда правительство Испании слишком сильно опередило саму Испанию; и было необходимо отказаться от схемы, при которой ресурсы страны были неравными. Но то, что было сделано на самом деле, имело огромную ценность. К Сарагосе действительно был проложен канал, и воды Эбро стали доступны не только для транспорта, но и для орошения почвы. Средства безопасной и прибыльной торговли теперь доставлялись даже на западную оконечность Арагона. Старая земля, став более плодородной, выросла в цене, и новые земли были распаханы. От этого выиграли и другие районы Испании. Кастилия, например, в периоды дефицита всегда зависела в поставках от Арагона, хотя при прежней системе эта провинция могла производить достаточно продукции только для собственного потребления. Но благодаря этому большому каналу, к которому примерно в то же время был присоединен канал Таусте,^[1476] почва Арагона стала гораздо более плодородной, чем когда-либо прежде; и богатые равнины Эбро давали урожай в таком изобилии, что они могли поставлять пшеницу и другие продукты питания кастильцам, а также местным жителям. Арагонец.^[1477]

Правительство Карла III, кроме того, построило канал между Ампостой и Альфакесом,^[1478] который орошал южную оконечность Каталонии и привлек к возделыванию большой район, который из-за постоянного отсутствия дождей до сих пор не был вспахан. Другим и еще более великим предприятием, относящимся к тому же царствованию, была попытка, лишь частично увенчавшаяся успехом, установить водное сообщение между столицей и Атлантикой путем прокладки канала от Мадрида до Толедо, откуда по Тежу товары доставлялись бы в Лиссабон, и открылась бы вся торговля запада.^[1479] Но этот и многие другие благородные проекты были пресечены в зародыше смертью Карла III., с которым все исчезло. Когда он скончался, страна вернулась к своему прежнему бездействию, и стало ясно, что эти великие дела носили не национальный, а политический характер; другими словами, они были обязаны лишь отдельным людям, самые напряженные усилия которых всегда сводятся на нет, если им противостоят действия тех общих причин, которые часто остаются незамеченными, но которым даже самые сильные из нас, вопреки нашим собственным желаниям, безоговорочно повинуются.

Тем не менее в течение некоторого времени многое было сделано; и Карл, рассуждая в соответствии с обычными принципами политиков, вполне мог тешить себя надеждой, что то, чего он добился, навсегда изменит судьбу Испании. Эти и другие работы, которые он не только спланировал, но и выполнил,^[1480] не были оплачены, как это слишком часто бывает, налогами, которые угнетали людей и сковывали их промышленность. Рядом с ним и постоянно давая ему советы, были люди, которые действительно стремились к общественному благу и которые никогда бы не совершили столь роковой ошибки. При его правлении богатство страны значительно возросло, а удобства низших классов, вместо того чтобы сократиться, приумножились. Налоги были оценены более справедливо, чем когда-либо прежде. Налоги, которые в семнадцатом веке вся власть исполнительной власти не могла выжать из народа,

теперь выплачивались регулярно, и, благодаря развитию национальных ресурсов, они сразу стали более производительными и менее обременительными. В управлении государственными финансами практиковалась экономия, первый пример которой был подан в предыдущее царствование, когда проводилась осторожная и миролюбивая политика Фердинанда VI. заложил основу для многих улучшений, о которых только что говорилось. Фердинанд завещал Карлу III. сокровище, которое он не вымогал, а сберег. Среди реформ, которые он провел и которые нежелание вдаваться в подробности вынудило меня опустить, есть одна очень важная, а также очень характерная черта его политики. До его правления Испания ежегодно теряла огромное количество денег из-за права, на которое претендовал папа, жертвовать определенным богатым благотворительным организациям и получать часть их продукции; вероятно, в качестве компенсации за предпринятые им усилия. От этой обязанности папа был освобожден Фердинандом VI, который обеспечил испанской короне право дарования такой привилегии и, таким образом, сэкономил стране те огромные суммы, на которых римский двор имел обыкновение наживаться.^[1481] Это была как раз та мера, которая была бы с восторгом воспринята Карлом III. как согласующаяся с его собственными взглядами; и, соответственно, мы обнаруживаем, что в его правление она не только была реализована, но и расширена еще больше. Ибо, видя, что, несмотря на его усилия, чувства испанцев по этим вопросам были настолько сильны, что побуждали их делать подношения тому, кого они почитали как Главу Церкви, король решил осуществлять контроль даже над этими добровольными дарами. Для достижения этой цели были предложены различные приспособления, и, наконец, было найдено одно, которое, как считалось, было несомненно эффективным. Был издан королевский приказ, предписывающий никому не посылать деньги в Рим, но если у него будет возможность переводить деньги туда, они должны проходить не по обычным каналам, а через послов, министров или других агентов испанской короны.^[1482]

Если мы теперь рассмотрим события, о которых я рассказывал, и рассмотрим их в целом, начиная с восшествия на престол Филиппа V. до смерти Карла III, на протяжении почти девяноста лет, мы будем поражены их единством, регулярностью их продвижения и их очевидным успехом. Рассматривая их просто с политической точки зрения, можно усомниться в том, наблюдался ли когда-либо такой огромный и непрерывный прогресс в какой-либо стране ни до, ни после. На протяжении трех поколений правительство не останавливалось; ни одной реакции, ни одного признака остановки. Улучшение за улучшением и реформа за реформой быстро сменяли друг друга. Власть Церкви, которая всегда была вопиющим злом Испании и к которой до сих пор не осмеливался прикоснуться ни один из самых смелых политиков, всячески ограничивалась рядом государственных деятелей, от Орри до Флориды Бланки, усилиям которых в последнее время и в течение почти тридцати лет ревностно помогал Карл III, самый способный монарх, сидевший на троне после смерти Филиппа II. Даже инквизицию научили трепетать и заставили ослабить свою власть над жертвами. Сжигание еретиков было прекращено. Попытки не использовались. Преследования за ересь не поощрялись. Вместо того чтобы наказывать людей за воображаемые проступки, была проявлена склонность заботиться об их реальных интересах, облегчать их бремя, повышать их комфорт и обуздывать тиранию тех, кто был поставлен над ними. Были предприняты попытки обуздать алчность духовенства и помешать ему по своему желанию присваивать национальные богатства. С этой целью были пересмотрены законы мортмейна и приняты различные меры по созданию препятствий на пути лиц, которые желали растратить свое имущество, завещав его для церковных целей. В этом, как и в других вопросах, истинным интересам общества отдавалось предпочтение перед фиктивными. Возвысить

светские классы над духовными; не принимать во внимание исключительное внимание, которое до сих пор уделялось вопросам, о которых ничего не известно и которые невозможно разрешить; сделать это и вместо таких бесплодных спекуляций привить вкус к науке или литературе, стало целью испанского правительства впервые с тех пор, как в Испании вообще появилось правительство. В рамках того же плана были изгнаны иезуиты, нарушено право на убежище, и всю иерархию, от высшего епископа до низшего монаха, научили бояться закона, обуздывать свои страсти и сдерживать наглость, с которой они раньше относились ко всем рангам, кроме своего собственного. Это были бы великие подвиги в любой стране; в такой стране, как Испания, они были великолепны. Я привел краткий и, следовательно, несовершенный отчет о них, но все же достаточный, чтобы показать, как правительство старалось уменьшить суеверия, обуздать фанатизм, стимулировать интеллект, развивать промышленность и пробудить людей от их смертельного сна. Я опустил многие показатели, представляющие значительный интерес и ведущие в том же направлении; потому что здесь, как и везде, я стремлюсь ограничиться теми характерными моментами, которые наиболее отчетливо отмечают общее движение. Тот, кто внимательно изучит историю Испании в этот период, найдет дополнительные доказательства мастерства и энергии тех, кто стоял во главе дел и кто посвятил все свои силы возрождению страны, которой они правили. Но для этих специальных исследований требуются особые люди; и я буду удовлетворен, если твердо усвою великий ход и очертания целого. Для моей цели будет достаточно, если я обосновал общее предположение и убедил читателя в ясности, с которой государственные деятели Испании распознали бедствия, от которых стонала их страна, и в том рвении, с которым они взялись за исправление причиненного вреда и возрождение благосостояния того, что когда-то было не только главой европейских монархий, но и господствовало над самой великолепной и обширной территорией, которая была объединена под единым правлением со времен падения Римской империи.

Те, кто верит, что правительство может цивилизовать нацию и что законодатели являются причиной социального прогресса, естественно, ожидают, что Испания извлекла постоянную выгоду из этих либеральных принципов, которые сейчас, впервые, были приведены в исполнение. Факт, однако, заключается в том, что такая политика, какой бы мудрой она ни казалась, оказалась бесполезной просто потому, что она противоречила всей череде предшествующих обстоятельств. Это противоречило привычкам национального сознания и было введено в состояние общества, которое еще не созрело для этого. Никакая реформа не может принести по-настоящему пользы, если она не является работой общественного мнения и если сами люди не проявляют инициативу. В Испании в XVIII веке иностранное влияние и сложности внешней политики даровали непросвещенной стране просвещенных правителей.^[1483] Следствием этого стало то, что на какое-то время были сделаны великие дела. Зло было устранено, обиды устранены, было внесено много важных улучшений; и был проявлен дух терпимости, какого никогда прежде не видели в этой населенной священниками и суевериями стране. Но умы Испании остались нетронутыми. В то время как поверхность и, так сказать, симптомы положения улучшились, сами дела остались неизменными. Под этой поверхностью, и далеко за пределами досягаемости какого-либо политического средства правовой защиты, действовали крупные общие причины, которые действовали на протяжении многих веков и которые, несомненно, рано или поздно заставили бы политиков пойти по прежнему пути и начать политику, которая соответствовала бы традициям страны и гармонировала с обстоятельствами, при которых эти традиции формировались.

Наконец наступила реакция. В 1788 году Карл III. умер, и ему наследовал Карл IV, король истинно испанской породы, набожный, ортодоксальный и невежественный.^[1484] Теперь стало видно, насколько все ненадежно и как мало можно полагаться на реформы, которые, вместо того, чтобы быть предложенными народом, даруются им политическими классами. Карл IV, хотя и был слабым и презренным принцем,^[1485] чувства испанской нации настолько поддерживали его общие взгляды, что менее чем за пять лет он смог полностью изменить ту либеральную политику, на создание которой ушло три поколения государственных деятелей. Менее чем за пять лет все изменилось. Власть Церкви была восстановлена; малейший подход к свободной дискуссии был запрещен; старые и произвольные принципы, о которых не слышали с семнадцатого века, были возрождены; священники вновь приобрели свое прежнее значение; литераторы были запуганы, а литература обескуражена; в то время как инквизиция, внезапно возникшая с новой силой, проявила энергию, которая заставила содрогнуться ее врагов, и доказала, что все попытки, которые предпринимались, чтобы ослабить ее, были неспособны ослабить ее силу или устроить ее древний дух.

Министры Карла III и авторы тех великих реформ, которые ознаменовали его правление, были уволены, чтобы освободить место другим советникам, более подходящим для этого нового положения вещей. Карл IV. слишком сильно любил Церковь, чтобы терпеть присутствие просвещенных государственных деятелей. Аранда и Флорида Бланка были отстранены от должности и оба помещены в тюремное заключение.^[1486] Ховельянос был изгнан из суда, а Кабаррус брошен в тюрьму.^[1487] Теперь предстояло выполнить работу, к которой эти выдающиеся люди не стали бы прикладывать свои руки. Политика, которой с неизменной последовательностью следовали почти девяносто лет, вот-вот должна была быть отменена, чтобы старая империя семнадцатого века, которая была империей невежества, тирании и суеверий, могла быть реанимирована и, по возможности, восстановлена в своей первоизданной силе.

Испания снова была покрыта тьмой; ночные тени снова окутали эту несчастную землю. Наихудшие формы угнетения, говорит выдающийся писатель, казалось, навалились на страну с новой зловещей тяжестью.^[1488] В то же время, и действительно, как естественная часть схемы, любое исследование, способное стимулировать ум, было запрещено, и фактически во все университеты был разослан приказ, запрещающий изучение моральной философии; министр, издавший приказ, справедливо заметил, что король не хотел иметь философов.^[1489] Однако не было особых опасений, что Испания произведет что-либо столь опасное. Народ, не смея и, что еще хуже, не желая сопротивляться, уступил и позволил королю поступать так, как ему заблагорассудится. Всего за несколько лет он нейтрализовал наиболее ценные реформы, проведенные его предшественниками. Отказавшись от способных советников своего отца, он возложил высшие посты на людей столь же ограниченных и некомпетентных, как и он сам; он довел страну до грани банкротства и, по замечанию одного испанского историка, истощил все ресурсы государства.^[1490]

Таково было положение Испании в конце восемнадцатого века. Вскоре последовало французское вторжение, и эта несчастная страна подверглась всевозможным бедствиям и деградации. В этом, однако, заключается разница. Бедствия могут быть причинены другими; но ни один народ не может быть унижен, кроме как своими собственными действиями.

Иностранный нарушитель творит зло; он не может вызвать стыд. С нациями, как и с отдельными людьми, никто не обещан, если он верен себе. Испания в течение нынешнего столетия подвергалась разграблению и угнетению, и позор падает на грабителей, а не на ограбленных. Она была захвачена жестокой и распущенной армией; ее поля опустошены, ее города разграблены, ее деревни сожжены. Позор этих деяний должен принадлежать преступнику, а не жертве. И даже с материальной точки зрения такие потери обязательно возмещаются, если люди, которые их несут, приучены к тем привычкам самоуправления и к тому чувству уверенности в себе, которые являются источником всякого истинного величия. С их помощью можно исправить любой ущерб и устранить любое зло. Без них малейший удар может оказаться смертельным. В Испании они неизвестны; и установить их, по-видимому, невозможно. В этой стране люди так давно привыкли безоговорочно уважать Корону и Церковь, что лояльность и суеверия узурпировали место тех благородных эмоций, которым обязана вся свобода и при отсутствии которых истинная идея независимости никогда не может быть достигнута.

Действительно, на протяжении девятнадцатого века не раз появлялся дух, от которого можно было ожидать лучших результатов. В 1812, 1820 и 1836 годах несколько пылких реформаторов-энтузиастов пытались обеспечить свободу испанскому народу, даровав Испании свободную конституцию. На мгновение им это удалось, и это было все. Формы конституционного правления, которые они могли предложить; но они не смогли найти традиций и привычек, с помощью которых эти формы вырабатываются. Они подражали голосу свободы; они копировали ее институты; они копировали даже ее жесты. И что потом? При первом же ударе судьбы их идол развалился на куски. Их конституции были нарушены, их собрания распущены, их постановления отменены. Быстро последовала неизбежная реакция. После каждого беспорядка руки правительства укреплялись, принципы деспотизма утверждались, и испанских либералов учили сожалеть о том дне, когда они тщетно пытались даровать свободу своей несчастной стране.^[1491]

Что делает эти неудачи тем более заслуживающими внимания, так это то, что испанцы действительно обладали в очень ранний период муниципальными привилегиями и льготами, подобными тем, которые были у нас в Англии и которым часто приписывают наше величие. Но такие институты, хотя и сохраняют свободу, никогда не смогут создать ее. В Испании была форма свободы без ее духа; следовательно, форма, какой бы многообещающей она ни была, вскоре исчезла. В Англии дух предшествовал форме, и поэтому форма была долговечной. Таким образом, хотя испанцы могли похвастаться свободными институтами за столетие до нас, они не смогли сохранить их просто потому, что у них были институты и ничего больше. У нас не было народного представительства до 1264 года;^[1492] но в Кастилии она была в 1169 году,^[1493] и в Арагоне в 1133 году.^[1494] Точно так же, хотя самая ранняя хартия была выдана английскому городу в двенадцатом веке,^[1495] мы находим в Испании хартию, выданную Леону еще в 1020 году; а в течение одиннадцатого века предоставление городам избирательных прав было настолько безопасным, насколько это могли обеспечить законы.^[1496]

Однако факт заключается в том, что в Испании эти институты, вместо того чтобы вырасти из потребностей народа, возникли в результате политического маневра со стороны их правителей. Они были скорее уступлены гражданам, чем желаемы ими. Ибо во время войны с мусульманами христианские короли Испании, продвигаясь на юг, естественно, стремились побудить своих

подданных поселиться в приграничных городах, где они могли бы встретиться с врагом лицом к лицу и отразить его натиск. С этой целью они даровали городам хартии и привилегии жителям.^[1497] И по мере того, как мусульмане были постепенно отброшены от Астурии к Гранаде, границы изменились, и привилегии были расширены до новых завоеваний, чтобы то, что было местом опасности, могло также стать местом награды. Но, между тем, те общие причины, на которые я указал, предопределяли нацию к привычкам лояльности и суевериям, которые достигли высоты, роковой для духа свободы. В таком случае от институтов не было никакой пользы. Они не пустили корней; и поскольку они были созданы одной политической комбинацией, они были разрушены другой. До конца четырнадцатого века испанцы настолько прочно обосновались на недавно приобретенных территориях, что опасность их повторного изгнания была невелика^[1498] в то время как, с другой стороны, не было непосредственной перспективы того, что они смогут продвинуть свои завоевания дальше и изгнать мусульман из твердынь Гранады. Таким образом, обстоятельства, приведшие к появлению муниципальных привилегий, изменились; и как только это стало очевидным, привилегии начали исчезать. Будучи неподходящими к привычкам людей, они были уверены, что падут при первой же возможности.^[1499] В конце четырнадцатого века их упадок был замечен; к концу пятнадцатого века они почти вымерли; и, в начале шестнадцатого века, они были окончательно свергнуты.^[1500]

Таким образом, общие причины в конечном итоге побеждают любое препятствие. В среднем случае и при сравнении длительных периодов они непреодолимы. Их деятельность часто подвергается нападкам, а иногда, на короткое время, пресекается политиками, у которых всегда наготове свои эмпирические и недалёковидные средства правовой защиты. Но когда дух времени против этих средств, они могут в лучшем случае подействовать лишь на мгновение; и после того, как этот момент пройдет, наступает реакция, и наказание за насилие должно быть оплачено. Доказательства этого найдутся в анналах каждой цивилизованной страны, и каждый, кто попытается сопоставить историю законодательства с историей общественного мнения. Судьба испанских городов предоставила нам одно хорошее доказательство; судьба Испанской церкви предоставит нам другое. Более восьмидесяти лет после смерти Карла II. правители Испании пытались ослабить церковную власть, и концом всех их усилий стало то, что даже такой незначительный и некомпетентный король, как Карл IV. смог с величайшей легкостью быстро исправить то, что они натворили. Это потому, что в восемнадцатом веке, в то время как духовенство подвергалось нападкам со стороны закона, оно пользовалось благосклонностью общественного мнения. Мнение народа неизменно зависит от крупных общих причин, влияющих на всю страну; но его законы слишком часто являются работой нескольких могущественных личностей, идущих вразрез с национальной волей. Когда законодатели умирают или теряют свой пост, всегда есть шанс, что их преемники придерживаются противоположных взглядов и сорвут их планы. Однако в разгар этой игры и колебаний политической жизни общие причины остаются неизменными, хотя они часто остаются вне поля зрения и не становятся заметными до тех пор, пока политики, склоняющиеся на их сторону, не выведут их на поверхность и не наделят их открытой и публичной властью.

Вот что сказал Карл IV. делал это в Испании; и когда он принимал меры в пользу Церкви и препятствовал свободному исследованию, он просто одобрял те национальные обычаи, которыми пренебрегали его предшественники. Влияние, которым иерархия этой страны обладает над общественным мнением, всегда вошло в поговорку; но оно даже больше, чем принято предполагать. Каким оно было в семнадцатом веке, мы уже видели; а в восемнадцатом

веке не было никаких признаков его ослабления, за исключением нескольких смелых людей, которые ничего не могли добиться, в то время как народный голос был так силен против них. В начале правления Филиппа V. Лабат, путешествовавший по Испании, сообщает нам, что, когда священник служил мессу, дворяне самого высокого ранга считали за честь помочь ему одеться и что они опускались перед ним на колени и целовали ему руки.^[1501] Когда это было сделано самой гордой аристократией Европы, мы можем предположить, какими должны были быть общие чувства. Действительно, Лабат уверяет нас, что испанца вряд ли можно было бы считать человеком здравомыслящим, если бы он не оставил Церкви какую-то часть своего имущества; настолько полное уважение к иерархии стало неотъемлемой частью национального характера.^[1502]

Еще более любопытный пример был продемонстрирован по случаю изгнания иезуитов. Эта некогда полезная, но теперь приносящая беспокойство организация была в восемнадцатом веке тем, чем она является в девятнадцатом, — упрямым врагом прогресса и терпимости. Правители Испании, заметив, что это противоречит всем их планам реформ, решили избавиться от препятствия, которое встречалось им на каждом шагу. Во Франции к иезуитам только что отнеслись как к общественной неприятности и подавили их одним ударом и без труда. Советники Карла III. не видели причин, по которым столь благотворной мере нельзя было бы подражать в их стране; и в 1767 году они, следуя примеру, который был подан французами в 1764 году, упразднили эту великую опору Церкви.^[1503] Сделав это, правительство предположило, что оно предприняло решительный шаг к ослаблению церковной власти, особенно после того, как суверен сердечно одобрил процедуру. Через год после того, как это произошло, Карл III, по своему обыкновению, появился на балконе дворца в праздник Святого Карла, готовый удовлетворить любую просьбу, с которой к нему мог обратиться народ и которая обычно состояла из молитвы об отставке министра или об отмене налога. Однако на этот раз граждане Мадрида, вместо того чтобы заниматься такими мирскими делами, почувствовали, что более дорогие интересы находятся в опасности; и, к удивлению и ужасу двора, они в один голос потребовали, чтобы иезуитам разрешили вернуться и надеть их обычную одежду, чтобы Испания могла радоваться при виде этих святых людей.^[1504]

Что вы можете сделать с такой нацией? Какая польза от законов, когда общественное мнение таким образом выступает против них? Перед лицом таких препятствий правительство Карла III, несмотря на свои благие намерения, было бессильно. На самом деле, это было хуже, чем бессилие: оно приносило вред, ибо, возбуждая народные симпатии в пользу Церкви, оно усиливало то, что стремилось ослабить. По отношению к этой жестокой и преследующей Церкви, запятнанной всевозможными преступлениями, испанский народ продолжал оказывать знаки внимания, которые, вместо того чтобы уменьшаться, увеличивались. Дары и наследство поступали свободно и со всех сторон; мужчины были готовы разорить себя и свои семьи, чтобы увеличить общий вклад. И это достигло такой высоты, что в 1788 году Флорида Бланка, министр короны, заявила, что за последние пятьдесят лет церковные доходы увеличились так быстро, что многие из них удвоились в стоимости.^[1505]

Даже инквизиция, самое варварское учреждение, когда-либо созданное человеческим умом, была поддержана общественным мнением в борьбе с нападками короны. Испанское правительство хотело свергнуть его и делало все, чтобы ослабить его; но испанский народ любил его по-прежнему и лелеял как свою лучшую защиту от вторжений ереси.^[1506] Иллюстрация этого была выставлена в 1778 году, когда по случаю вынесения инквизицией

приговора еретику несколько ведущих дворян присутствовали в качестве слуг, радуясь возможности публично продемонстрировать свое послушание Церкви.[1507]

Все это было естественно и в порядке вещей. Они были результатом длинной цепи причин, действие которых я пытался проследить на протяжении тринадцати столетий, прошедших с начала Арианской войны. Эти причины вынудили испанцев быть суеверными, и было пустойнасмешкой пытаться изменить их природу с помощью законодательства. Единственное средство от суеверий - знание. Ничто другое не может стереть это язвенное пятно человеческого разума. Без этого прокаженный остается немытым, а раб несвободным. Европейская цивилизация обязана именно знанию законов и взаимосвязей вещей; но именно этого Испании всегда недоставало. И до тех пор, пока этот недостаток не будет устранен, пока наука с ее смелым и пытливым духом не утвердит свое право исследовать все предметы по-своему и согласно своему собственному методу, мы можем быть уверены, что в Испании ни литература, ни университеты, ни законодатели, ни реформаторы любого рода никогда не смогут спасти людей от того беспомощного и невежественного состояния, в которое их ввергнул ход событий.

То, что никакое значительное политическое улучшение, каким бы правдоподобным или привлекательным оно ни казалось, не может принести долговременной пользы, если ему не предшествует изменение общественного мнения, и что каждому изменению общественного мнения предшествуют изменения в знаниях, - это утверждения, которые подтверждает вся история, но которые особенно очевидны в истории Испании. У испанцев было все, кроме знаний. У них были огромные богатства, плодородные и густонаселенные территории во всех частях земного шара. Их собственная страна, омываемая Атлантическим океаном и Средиземным морем и обладающая превосходными гаванями, превосходно расположена для целей торговли между Европой и Америкой, находясь в таком положении, что контролирует торговлю обоих полушарий.[1508] В очень ранний период они обладали обширными муниципальными привилегиями; у них были независимые парламенты; они имели право выбирать своих собственных магистратов и управлять своими собственными городами. У них были богатые и процветающие города, обильные мануфактуры и искусные ремесленники, чьи отборные изделия могли обеспечить легкую продажу на любом рынке мира. Они с выдающимся успехом развивали изобразительное искусство; их благородные и изысканные картины и их великолепные церкви по праву причислены к самым замечательным творениям человеческих рук. Они говорят на красивом, звучном и гибком языке, и их литература не недостойна их языка. Их почва дает всевозможные сокровища. Он переливается через край от вина и масла и дает отборные фрукты с почти тропическим изобилием.[1509] Он содержит самые ценные минералы в обильном разнообразии, не имеющем аналогов ни в одной другой части Европы. Нигде больше мы не найдем таких редких и дорогих шариков, которые были бы так легко доступны и находились в такой тесной связи с морем, где их можно было бы безопасно переправить в страны, которые в них нуждаются.[1510] Что касается металлов, то вряд ли найдется хоть один, которым Испания не обладает в больших количествах. Ее серебряные и ртутные рудники хорошо известны. Она изобилует медью,[1511] и ее запасы свинца огромны.[1512] Железо и уголь, два наиболее полезных из всех продуктов неорганического мира,[1513] также в изобилии содержатся в этой чрезвычайно благоприятной стране. Говорят, что железо есть в каждой части Испании и оно самого лучшего качества;[1514] в то время как угольные шахты Астурии описываются как неисчерпаемые.[1515] Короче говоря, природа была настолько расточительна в своих щедротах, что было замечено, без особого преувеличения, что испанская нация

обладает почти всеми природными продуктами, которые могут удовлетворить либо потребность, либо любопытство человечества.[1516]

Это великолепные дары; о том, как они использовались, должен рассказать историк. Безусловно, люди, обладающие ими, никогда не испытывали недостатка в природных дарованиях. Они сполна испытали судьбу великих государственных деятелей, великих королей, великих магистратов и великих законодателей. У них было много способных и энергичных правителей, и их история облагорожена частым появлением мужественных и бескорыстных патриотов, которые пожертвовали всем, чтобы помочь своей стране. Храбрость народа никогда не подвергалась сомнению; что же касается высших классов, то щепетильная честь испанского дворянина превратилась в прибаутку и распространилась по всему миру. Что касается нации в целом, то лучшие наблюдатели называют их благородными, щедрыми, правдивыми, полными честности, теплыми и ревностными друзьями, нежными во всех личных отношениях, искренними, милосердными и гуманными.[1517] Их искренность в религиозных вопросах не вызывает сомнений;[1518] более того, они в высшей степени умеренны и бережливы.[1519] Тем не менее, все эти замечательные качества им ничего не дали и не помогут, пока они остаются в неведении. Чем все это закончится и будет ли когда-нибудь избран правильный путь в их несчастной стране, сказать невозможно.[1520] Но если она не будет взята, никакие улучшения, которые возможно произвести, не проникнут под поверхность. Единственный путь состоит в том, чтобы ослабить суеверие людей; и это может быть сделано только с помощью того прогресса физической науки, который, знакомя людей с концепциями порядка и регулярности, постепенно вторгается в старые представления о возмущении, чуде и чудотворстве, и таким образом приучает ум объяснять превратности событий естественными соображениями, а не, как до сих пор, чисто сверхъестественными.

К этому в самых передовых странах Европы все стремилось на протяжении почти трех столетий. Но в Испании, к сожалению, образование всегда оставалось и остается до сих пор в руках духовенства, которое упорно противодействует прогрессу знаний, который, как они хорошо понимают, был бы губителен для их собственной власти.[1521] Таким образом, люди пребывают в невежестве, и причины, которые держали их в невежестве, продолжаются, стране ничего не дает то, что время от времени появляются просвещенные правители и принимаются либеральные меры. Испанские реформаторы, за редкими исключениями, яростно нападали на Церковь, авторитет которой, по их очевидному мнению, должен быть умален. Но чего они не увидели, так это того, что такое сокращение не может принести реальной пользы, если только оно не является результатом того, что общественное мнение подталкивает политиков к этой работе. В Испании инициативу взяли на себя политики, а народ отстал. Следовательно, в Испании то, что было сделано в одно время, наверняка было отменено в другое. Когда либералы были у власти, они подавили инквизицию, но Фердинанд VII. его легко восстановили, потому что, хотя он и был разрушен испанскими законодателями, его существование соответствовало привычкам и традициям испанской нации.[1522] Произошли новые изменения, этот одиозный трибунал был в 1820 году снова упразднен. И все же, хотя его форма исчезла, его дух живет.[1523] Названия, структуры и видимого облика инквизиции больше нет; но дух, породивший инквизицию, запечатлен в сердцах людей и, при небольшой провокации, вырвался бы наружу и восстановил институт, который является следствием, гораздо большим, чем причиной, нетерпимого фанатизма испанской нации.

Точно так же другие, более систематические атаки на Церковь в течение нынешнего столетия поначалу увенчались успехом, но, несомненно, в конечном итоге были отброшены.[\[1524\]](#) При Иосифе в 1809 году монашеские ордена были подавлены, а их имущество конфисковано.[\[1525\]](#) Однако Испания мало что выиграла от этого. Нация была на их стороне;[\[1526\]](#) и как только шторм прошел, они были восстановлены. В 1836 году возникло еще одно политическое движение, и, поскольку во главе дела стояли либералы, Мендизабаль секуляризировал всю церковную собственность и лишил духовенство почти всего их огромного и нажитого нечестным путем богатства.[\[1527\]](#) Он не знал, насколько глупо нападать на учреждение, если вы не можете сначала уменьшить его влияние. Переоценивая силу законодательства, он недооценил силу мнения. Результат ясно показал это. Через несколько лет началась реакция. В 1845 году был принят так называемый закон о передаче полномочий, которым был сделан первый шаг к повторному наделению духовенства.[\[1528\]](#) В 1851 году их положение было еще более улучшено знаменитым Конкордатом, в котором им было торжественно подтверждено право приобретения, а также владения.[\[1529\]](#) Со всем этим нация искренне согласилась.[\[1530\]](#) Однако безумие либеральной партии было таково, что всего четыре года спустя, когда они на мгновение пришли к власти, они силой аннулировали эти договоренности и отменили уступки, которые были сделаны Церкви и которые, к несчастью для Испании, были одобрены общественным мнением.[\[1531\]](#) Результаты можно было легко предвидеть. В Арагоне и в других частях Испании народ взялся за оружие; вспыхнуло восстание карлистов, и по стране прокатился крик, что религия в опасности.[\[1532\]](#) Невозможно приносить пользу такой нации, как эта. Реформаторы, конечно, были свергнуты, и к осени 1856 года их партия распалась. Теперь началась политическая реакция, которая развивалась так быстро, что к весне 1857 года политика двух предыдущих лет была полностью изменена. Те, кто праздно думал, что они могут возродить свою страну с помощью законов, увидели, что все их надежды рухнули. Было сформировано министерство, меры которого в большей степени соответствовали национальному сознанию. В мае 1857 года собрались кортесы. Представители народа санкционировали действия исполнительной власти, и благодаря их объединенному авторитету худшие положения Конкордата 1851 года были полностью подтверждены, продажа церковной собственности была запрещена, и все ограничения, которые были установлены для власти епископов, были немедленно сняты.[\[1533\]](#)

Теперь читатель сможет понять истинную природу испанской цивилизации. Он увидит, как под громкими названиями верности и религии скрывается смертельное зло, которое эти названия всегда скрывали, но которое дело историка - выявить и разоблачить. Слепой дух благоговения, принимающий форму недостойного и позорного подчинения короне и Церкви, является основным пороком испанского народа. Это их единственный национальный порок, и его было достаточно, чтобы погубить их. От него тяжело страдали все нации, и многие страдают до сих пор. Но нигде в Европе этот принцип не был так долго главенствующим, как в Испании. Следовательно, нигде больше в Европе последствия не проявляются столь явно и столь фатально. Идея свободы исчезла, если, конечно, можно сказать, что она когда-либо существовала в истинном смысле этого слова. Вспышки, без сомнения, были и будут; но это вспышки беззакония, а не свободы. В самых цивилизованных странах всегда существует тенденция подчиняться даже несправедливым законам, но, подчиняясь им, настаивать на их отмене. Это происходит потому, что мы понимаем, что лучше устранять обиды, чем сопротивляться им. В то время как мы подчиняемся конкретным трудностям, мы нападаем на

систему, из которой проистекают трудности. Для того чтобы нация придерживалась такой точки зрения, требуется определенный размах ума, который в темные периоды европейской истории был недостижим. Следовательно, мы обнаруживаем, что в средние века, хотя беспорядки были непрекращающимися, восстания были редкостью. Но начиная с шестнадцатого века местные восстания, спровоцированные непосредственной несправедливостью, идут на убыль и заменяются революциями, которые сразу же поражают источник, из которого исходит несправедливость. Не может быть никаких сомнений в том, что это изменение благотворно; отчасти потому, что всегда полезно подниматься от следствий к причинам, а отчасти потому, что революции случаются реже, чем восстания, и общественный покой нарушался бы реже, если бы люди полностью ограничивались более масштабным средством. В то же время восстания, как правило, ошибочны; революции всегда правы. Восстание слишком часто является безумным и страстным усилием невежественных людей, которые теряют терпение из-за какого-то непосредственного ущерба и никогда не останавливаются, чтобы исследовать его отдаленные и общие причины. Но революция, когда она является делом рук самой нации, представляет собой великолепное и внушительное зрелище, потому что к моральному качеству негодования, вызванному присутствием зла, она добавляет интеллектуальные качества предвидения и сочетания; и, объединяя в одном акте некоторые из высших свойств нашей природы, она достигает двойной цели, не только наказывая угнетателя, но и освобождая угнетенных.

Однако в Испании никогда не было революции, так называемой в собственном смысле этого слова; никогда не было даже ни одного великого национального восстания. Люди, хотя и часто незаконные, никогда не бывают свободными. Среди них мы находим все еще сохранившийся тот особый налет варварства, который заставляет людей предпочитать случайное неповиновение систематической свободе. Определенные чувства там присущи нашей общей природе, которые даже их рабская преданность не может искоренить и которые время от времени побуждают их сопротивляться несправедливости. К счастью, такие инстинкты являются неотъемлемым уделом человечества, от которых мы не можем отказаться, даже если бы захотели, и которые слишком часто являются последним ресурсом против сумасбродства тирании. И это все, чем сейчас обладает Испания. Испанцы, следовательно, сопротивляются не потому, что они испанцы, а потому, что они мужчины. Тем не менее, даже когда они сопротивляются, они почитают. В то время как они восстают против досадного самозванства, они пресмыкаются перед системой, в которой самозванство является наименьшим злом. Они бьют сборщика налогов, но падают ниц к ногам презренного правителя, для которого сборщик налогов занимается своим ремеслом. Они даже будут поносить беспокойного и назойливого монаха, а иногда и насмехаться над холемым и высокомерным священником; в то время как их увлечение таково, что они готовы рисковать своими жизнями, защищая эту жестокую Церковь, которая причинила им ужасные бедствия, но за которую они все еще цепляются, как за самый дорогой объект их привязанности.

С этими складами ума и в том, что составляет их часть, мы находим почтение к древности и непомерную стойкость старых мнений, старых верований и старых привычек, которые напоминают нам о тех тропических цивилизациях, которые некогда процветали. Такие предрассудки когда-то были повсеместны даже в Европе; но они начали вымирать в шестнадцатом веке и сейчас, сравнительно говоря, исчезли, за исключением Испании, где их всегда приветствовали. В этой стране они сохраняют свою первоначальную силу и дают свои естественные результаты. Поощряя представление о том, что все истины, которые наиболее

важно знать, уже известны, они подавляют эти стремления и притупляют ту великодушную уверенность в будущем, без которой невозможно достичь ничего действительно великого. Люди, которые слишком задумчиво смотрят на прошлое, никогда не приложат усилий, чтобы помочь поступательному прогрессу; они вряд ли поверят, что прогресс возможен. Для них древность - синоним мудрости, а любое улучшение - опасное новшество. В таком состоянии Европа пребывала много веков; в таком состоянии Испания пребывает до сих пор. Следовательно, испанцы отличаются инертностью, отсутствием жизнерадостности и надежды, которые в наш напряженный и предприимчивый век изолируют их от остального цивилизованного мира. Полагая, что мало что можно сделать, они не спешат это делать. Полагая, что знания, которые они унаследовали, намного превосходят все, что они могут получить, они желают сохранить свои интеллектуальные владения целыми и невредимыми; поскольку малейшее изменение в них может снизить их ценность. Довольствуясь тем, что уже было завещано, они исключены из этого великого европейского движения, которое, впервые отчетливо проявившись в шестнадцатом веке, с тех пор неуклонно продвигается вперед, расшатывая старые мнения, разрушая старые безумства, реформируя и улучшая со всех сторон, оказывая влияние даже на такие варварские страны, как Россия и Турция; но оставляя Испанию невредимой. В то время как человеческий интеллект предпринимает самые удивительные и небывалые успехи, в то время как открытия в каждом квартале являются одновременно давят на нас, и приходят в такое быстрое и недоумение подряд, что сильный взгляд, ослепленный блеском своего великолепия, не может созерцать их как единое целое; в то время как другие открытия еще более важно, и еще более отдаленных от обыденного опыта, явно приближаются, и может быть видно на горизонте, откуда они сейчас смутно работает над передовыми мыслителями, которые находятся ближе к ним, наполняя их умы с теми, кто плохо определены, беспокойный, и почти ничем, чувства, которые являются неизменные предвестники будущего триумфа; во время завеса грубо разрывается, и природу, нарушили все пункты, вынужден раскрывать свои секреты, и выявить ее структуру, ее экономика, и ее законы, на неукротимой энергии человека; в то время как Европа звонит с шумом интеллектуальных достижений, с которым даже деспотичного правительства повлиять сочувствовать, с тем чтобы они могли отвлечь их от их естественному ходу, и используйте их как новые инструменты, с помощью которых угнетать еще больше вольностей народа, в то время, среди этого общего Гама и волнения, общественном сознании, качались взад и вперед, кинул и взволнованный,—Испания спит, безмятежно, не опасаясь, бесстрастным, не получив впечатления от остального мира, и не делая никакого впечатления на нее. Там, на дальней конечности Континента, она лежит огромной и оцепенелой массой, единственным оставшимся ныне представителем чувств и знаний Средневековья. И, что является наихудшим симптомом из всех, она довольна своим положением. Хотя это самая отсталая страна в Европе, она считает себя передовой. Она гордится всем, чего ей следовало бы стыдиться. Она гордится древностью своих взглядов; гордится своей ортодоксальностью; гордится силой своей веры; гордится своей безмерной и детской доверчивостью; гордится своим нежеланием изменять ни свое вероисповедание, ни свои обычаи; гордится своей ненавистью к еретикам и гордится неусыпной бдительностью, с которой она пресекала их попытки добиться полного и законного устройства на ее земле.

Все эти вещи, вступая в сговор, создают в своей совокупности ту меланхолическую выставку, которой мы даем собирательное название Испания. История этого единственного слова - это история почти всех превратностей, на которые способен человеческий род. Она включает в себя крайности силы и слабости, безграничного богатства и крайней нищеты. Это история

смешения различных рас, языков и кровей. Она включает в себя почти все политические комбинации, какие только может придумать человеческий ум; законы, бесконечные как по разнообразию, так и по количеству; конституции всех видов, от самых строгих до самых либеральных. Демократия, монархия, правление священников, правление муниципалитетов, правление знати, правление представительных органов, правление туземцев, правление иностранцев были опробованы, и опробованы напрасно. Щедро использовались материальные средства; искусство, изобретения и машины ввозились из-за границы, создавались мануфактуры, открывались коммуникации, прокладывались дороги, рылись каналы, разрабатывались шахты, создавались гавани. Одним словом, произошли все виды изменений, кроме изменения мнений; произошли все возможные изменения, кроме изменений в знаниях. И в результате, несмотря на усилия сменяющих друг друга правительств, несмотря на влияние иностранных обычаев и несмотря на те физические улучшения, которые лишь касаются поверхности общества, но не способны проникнуть глубже, нет никаких признаков национального прогресса; священники скорее завоевывают позиции, чем теряют их; малейшее нападение на Церковь возбуждает народ; в то время как даже распущенность духовенства и отвратительные пороки, которые в нынешнем столетии запятнали трон, ничего не могут сделать, чтобы уменьшить ни суеверия, ни лояльность, которые накопились в обществе. многовековая сила запечатлелась в умах и въелась в сердца испанской нации.

Сноски:

[1164] Во второй главе первого тома *Истории цивилизации Бакла*.

[1165] 'Низкое состояние сельского хозяйства в Испании можно объяснить частично физическими, а частично моральными причинами. Во главе первого должны быть поставлены жара климата и засушливость почвы. Большая часть рек, которыми пересекается страна, протекает в глубоких руслах и мало пригодна, за исключением нескольких благоприятных местностей, для целей орошения.' *Географический и статистический словарь Мак-Каллоха*, Лондон, 1849, том ii. стр. 708. См. также *"Испания"* Лаборда, Лондон, 1809, т. iv. стр. 284, т. v. стр. 261. Относительная засушливость различных частей указана в *книге Кука "Испания"*, Лондон, 1834, том ii. стр. 216-219.

[1166] Об этих засухах и голоде см. *Мариана, История Испании*, Мадрид, 1794, т. ii. стр. 270, т. iii. стр. 225, т. iv. стр. 32. *Конде, История арабского доминирования в Испании*, Париж, 1840, стр. 142, 149, 154, 170. *Davila, Historia de la Vida de Felipe Tercero*, Madrid, 1771, folio, lib. ii. p. 114. *Письма Кларка об испанской нации*, Лондон, 1763, 4 т. стр. 282. *Путешествие Удаля ап Руса по Испании*, Лондон, 1760, стр. 292, 293. *Испания, написанная американцем*, Лондон, 1831, том ii. стр. 282. *"Испания"* Хоскинса, Лондон, 1851, т. i. стр. 127, 132, 152. 'España es castigada frecuentemente con las sequedades y faltas de lluvias.' *Muriel, Gobierno de Carlos III.*, Madrid, 1839, p. 193.

[1167] 'Añádase á todo esto las repetidas pestes, y mortales epidemias que han afligido á las provincias de España, mayormente á las meridionales que han sido las mas sujetas á estas plagas. De estas se hace mencion en los anales é historias muy freqüentemente; y en su confirmacion se puede leer el tratado histórico, ó *epidemiología* que sobre ellas ha publicado Don Joachîn de Villalba, donde se verá con dolor y espanto con quanta freqüencia se repetian estos azotes desde mediados

del siglo décimoquarto.' ... 'Dos exemplos bien recientes y dolorosos hemos visto, y conservaremos en la memoria, en los formidables estragos que acaban de padecer gran parte del reyno de Sevilla, Cádiz, y sus contornos, Málaga, Cartagena, y Alicante; sin contar la mortandad con que han afligido á la mayor parte de los pueblos de ámbas Castillas las epidemias de calenturas pútridas en el año pasado de 1805.' ... 'Por otra parte la fundacion de tantas capillas y procesiones á San Roque, y á San Sebastian, como abogados contre la peste, que todavía se conservan en la mayor parte de nuestras ciudades de España, son otro testimonio de los grandes y repetidos estragos que habian padecido sus pueblos de este azote. Y el gran número de médicos españoles que publicáron tratados preservativos y curativos de la peste en los Reynados de Cárlos V., Felipe II., Felipe III., y Felipe IV., confirman mas la verdad de los hechos.' *Capmany, Qüestionnes Criticas*, Madrid, 1807, pp. 51, 52; see also pp. 66, 67; and *Janer, Condicion Social de los Moriscos de España*, Madrid, 1857, pp. 106, 107; and the notice of Malaga in *Bourgoing, Tableau de l'Espagne*, Paris, 1808, vol. iii. p. 242.

[1168] "Землетрясения все еще часто ощущаются в Гранаде и вдоль побережья провинции Аликанте, где их последствия были очень катастрофическими. Гораздо дальше вглубь страны, в небольшой Сьерра-дель-Тремедаль, или районе Альбаррасия, в провинции Терруэль, извержения и толчки были очень частыми с самых отдаленных периодов; там можно увидеть черный порфир, пересекающий измененные слои оолитовой формации. Старые жители страны рассказывают о проседании почвы и утечке сернистых газов, когда они были молоды; те же явления происходили в течение четырех месяцев подряд предыдущей зимы, сопровождаясь землетрясениями, которые нанесли значительный ущерб зданиям семи деревень, расположенных в радиусе двух лиг. Однако они не сопровождались какими-либо человеческими жертвами из-за того, что жители поспешили покинуть свои жилища при первых признаках опасности.' *Эскерра о геологии Испании*, в *Ежеквартальном журнале Лондонского геологического общества*, том vi. стр. 412, 413, Лондон, 1850. 'Провинции Малага, Мурсия и Гранада, а в Португалии и местность вокруг Лиссабона, согласно записям, в несколько периодов подвергались опустошению в результате сильных землетрясений'. *Принципы геологии Лайелла*, Лондон, 1853, стр. 358. 'Los terremotos son tan sensibles y freqüentes en lo alto de las montañas, como en lo llano, pues Sevilla está sujeta á ellos hallándose situada sobre una llanura tan igual y baха como Holanda.' *Боулз, Введение в естественную историю Испании*, Мадрид, 1789, 4to, стр. 90, 91. 'Прибрежные равнины, особенно около Картахены и Аликанте, сильно подвержены землетрясениям'. *"Испания" Форда*, 1847, стр. 168. 'Этот уголок Испании является главным вулканическим районом полуострова, который простирается от Кабо-де-Гата до окрестностей Картахены; землетрясения здесь очень часты'. *Форд*, стр. 174. "Испания, включая Португалию, в ее внешней конфигурации, с ее обширным плоскогорьем двух Кастилий, возвышающимся почти на 2000 футов над уровнем моря, является, пожалуй, самой интересной частью Европы, не только в этом отношении, но и как регион, подверженный землетрясениям, где энергия и разрушительная мощь этого фактора не раз проявлялись в самых грандиозных масштабах". *Каталог землетрясений Британской ассоциации Маллета*, Отчет за 1858 год, стр. 9, Лондон, 1858.

Я подробно цитирую эти отрывки, отчасти из-за их интереса как физических истин, а отчасти потому, что изложенные в них факты необходимы для правильного понимания истории Испании. На их влияние на испанский характер было указано, по-моему, впервые, в моей *Истории цивилизации*, т. i. стр. 123, 124. В том случае я не привел никаких доказательств частоты землетрясений на полуострове, поскольку предположил, что все люди, умеренно знакомые с физической историей Земли, были осведомлены об этом обстоятельстве. Но в

апреле 1858 года в *"Эдинбургском обозрении"* появилась критика моей книги, в которой беспощадно разоблачаются серьезные ошибки, которые, как говорят, я совершил. На стр. 468 этой рецензии критик, предостерегая своих читателей от моих 'неточностей', замечает: "Но мистер Бакл продолжает утверждать, что "землетрясения и извержения вулканов более часты и разрушительны в Италии, а также на испанском и португальском полуостровах, чем в любой другой великой стране". Из чего он делает вывод путем странного процесса рассуждений, что суеверия более распространены, а духовенство более могущественно; но что изящные искусства процветают, поэзия культивируется, а науками пренебрегают. Каждое звено в этой цепи более или менее неисправно. На испанском полуострове нет вулкана, и единственное известное землетрясение, произошедшее там, было в Лиссабоне." Итак, я, конечно, не имею права ожидать, что рецензент, сочиняющий популярную статью с сиюминутной целью и знающий, что, когда его статью прочтут, она будет отброшена в сторону и забыта, должен при таких неблагоприятных обстоятельствах прилагать усилия к тому, чтобы овладеть всеми деталями своей темы. Искать это было бы верхом несправедливости. Он не заинтересован в точности; его имя скрывается, его репутация, если она у него есть, не поставлена на карту; и к ошибкам, в которые он впадает, следует относиться снисходительно, поскольку их носителем является эфемерная публикация, о них вряд ли вспомнят, и, следовательно, они вряд ли принесут большой вред.

Эти соображения всегда мешали мне давать какие-либо ответы на анонимную критику. Но отрывок в *"Эдинбургском обозрении"*, на который я обратил внимание, демонстрирует такое поразительное невежество, что я хочу спасти его от забвения и занести в протокол как литературный курьез. Вряд ли нужно говорить, что другие обвинения, выдвинутые против меня, могут быть опровергнуты с такой же легкостью. Действительно, ни один разумный человек не может предположить, что после многих лет напряженного и непрерывного обучения я допустил бы те детские промахи, которыми мои оппоненты бессовестно насмеются надо мной. Раз и навсегда я могу сказать, что я не сделал ни одного утверждения, истинности которого у меня не было бы достаточных и неопровержимых доказательств. Но я не в состоянии упорядочить и привести все доказательства одновременно; и в столь обширном предприятии я должен в какой-то степени полагаться не на щедрость читателя, а на его искренность. Я не думаю, что прошу слишком многого, прося его, если в будущем его суждение окажется в подвешенном состоянии между мной и моими критиками, дать мне презумпцию невиновности и иметь в виду, что утверждения, воплощенные в обдуманном и медленно состряпанном произведении, подтвержденные именем автора, с большей вероятностью окажутся точными, чем утверждения, сделанные в рецензиях и газетах, которые, помимо того, что написаны наспех и часто в очень сжатые сроки, не подписаны, и, следовательно, их распространители уклоняются от ответственности. Они берут на себя всю ответственность, избегают всякого риска и сами по себе не могут ни прославиться, ни навлечь на себя позор.

Простой факт заключается в том, что в Испании произошло больше землетрясений, чем во всех других частях Европы, вместе взятых, за исключением Италии. Если суммировать уничтожение собственности и человеческих жизней, вызванное этой единственной причиной, результаты были бы ужасающими. Если мы, кроме того, добавим те тревожные потрясения, которые, хотя и менее разрушительны, гораздо более часты и которых произошли не десятки и не сотни, а тысячи, и которые, увеличивая общее количество страха, в неисчислимой степени способствовали росту суеверий, становится очевидным, что подобные явления, должно быть, сыграли важную роль в формировании национального характера испанцев. Тот, кто возьмет на

себя труд ознакомиться со следующими отрывками, найдет убедительные доказательства ужасающих разрушений, причиненных землетрясениями только в Испании; Португалия исключена. Все они относятся к периоду менее двухсот лет; первый относится к 1639 году, а последний - к 1829 году. *Lettres de Madame de Villars, Ambassadrice en Espagne*, Amsterdam, 1759, p. 205. "Испания" *Лаборда*, Лондон, 1809, том i, стр. 169. *Воспоминания Данлопа об Испании*, Эдинбург, 1834, том ii. стр. 226, 227. *Буазель, Журнал Испанского путешествия*, Париж, 1669, 4то, стр. 243. *Каталог землетрясений Маллета Британской ассоциации*, Лондон, 1858 г.; Отчет за 1853 г., стр. 146; за 1854 г., стр. 26, 27, 54, 55, 57, 58, 65, 110, 140, 173, 196, 202. "Путешествия Суинберна по Испании", Лондон, 1787, т. i, стр. 166. "Испания" *Форда*, Лондон, 1847, стр. 178. "Шесть лет в Бискайе" *Бэкона*, Лондон, 1838, стр. 32, по сравнению с "Испанией" *Инглиса*, Лондон, 1831, т. i. с. 393, т. ii. с. 289-291.

Эти авторитетные источники повествуют о разрушениях, совершенных за сто девяносто лет. Из их рассказов явствует, что в Испании едва ли проходило поколение без того, чтобы замки, деревни и поселки не были разрушены, а мужчины, женщины или дети не погибли в результате землетрясений. Но, по словам нашего анонимного инструктора, сомнительно, было ли когда-либо землетрясение в Испании; поскольку он говорит, что обо всем полуострове, включая Португалию, "известно, что единственное землетрясение, произошедшее там, было в Лиссабоне".

[1169] О суеверных страхах, вызванных землетрясениями в Испании, см. Хороший отрывок в *Conde, Historia de la Dominacion de los Arabes*, стр. 155. 'En el año 267, dia jueves, 22 de la luna de Xawâl, tembló la tierra con tan espantoso ruido y estremecimiento, que cayeron muchos alcazares y magnificos edificios, y otros quedaron muy quebrantados, se hundieron montes, se abrieron peñascos, y la tierra se hundió y tragó pueblos y alturas, el mar se retrajo y apartó de las costas, y desaparecieron islas y escollos en el mar. Las gentes abandonaban los pueblos y huian á los campos, las aves salian de sus nidos, y las fieras espantadas dejaban sus grutas y madrigueras con general turbacion y trastorno; nunca los hombres vieron ni oyeron cosa semejante; se arruinaron muchos pueblos de la costa meridional y occidental de España. Todas estas cosas influyeron tanto en los animos de los hombres, y en especial en la ignorante multitud, que no pudo Almondhir persuadirles que eran cosas naturales, aunque poco frecüentes, que no tenían influjo ni relacion con las obras de los hombres, ni con sus empresas, sino por su ignorancia y vanos temores, que lo mismo temblaba la tierra para los musulmes que para los cristianos, para las fieras que para las inocentes criaturas.' Compare *Geddes' Tracts concerning Spain*, London, 1730, vol. i. p. 89; and Mariana, who, under the year 1395, says (*Historia de España*, vol. v. p. 27): 'Tembló la tierra en Valencia mediado el mes de Diciembre, con que muchos edificios cayéron por tierra, otros quedaron desplomados; que era maravilla y lástima. El pueblo, como agorero que es, pensaba eran señales del cielo y pronosticos de los daños que temian.' История Испании изобилует подобными примерами, слишком многочисленными, чтобы цитировать их или даже ссылаться на них. Но тема настолько важна и была так искажена, что, даже рискуя утомить читателя, я приведу еще одну иллюстрацию использования землетрясений для укрепления испанских суеверий. В 1504 году 'землетрясение, сопровождавшееся сильнейшим ураганом, какого не помнили даже самые старые люди, посетило Андалусию, и особенно Кармону, место, принадлежащее королеве, и вызвало там ужасное опустошение'. Суеверные испанцы теперь читают в этих предзнаменованиях *пророческие знаки, которыми Небеса возвещают о каком-то великом бедствии. Молитвы были вознесены в каждом храме, и т.д. и т.п. "История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта*, Париж, 1842, т. iii. стр. 174.

[1170] *"История цивилизации" Бакла*, том i, стр. 43. См. также *"Испанию Лаборда"*, том iv, стр. 42. *"История цивилизации" Бакла*

[1171] Писатель начала восемнадцатого века замечает "el gran numero de pastores que hay". *Узтариз, Теория и практика коммерческой деятельности*, 3-е изд. Madrid, 1757, folio p. 20. As to the Arabic period, see Conde, *Historia de la Dominacion*, p. 244: 'Muchos pueblos, siguiendo su natural inclinacion, se entregaron á la ganaderia.' Отсюда "бродячая жизнь, столь близкая привычкам испанского крестьянства", отмеченная в *"Испании Кука"*, т. i, стр. 85, где, однако, связь между этим и физическим строением страны не указывается. Разгадку дает мистер Тикнор со своей обычной точностью и проникновенностью: 'Климат и условия полуострова, которые с очень давних времен благоприятствовали жизни пастуха и его занятиям, без сомнения, способствовали, если не стали причиной, первому появлению в испанской поэзии пасторального тона, отголоски которого слышны далеко в старых балладах'. ... "Со средних веков занятия пастушьей жизнью преобладали в Испании и Португалии в большей степени, чем где-либо еще в Европе; и, вероятно, вследствие этого обстоятельства эклоги и буколики были рано известны в поэзии обеих стран и в обеих были связаны с зарождением популярной драмы". *История испанской литературы Тикнора*, Лондон, 1849, т. iii. стр. 9, 36. О пасторальной литературе Испании см. *Историю испанской литературы Бутервека*, Лондон, 1823, т. i, стр. 123-129; а о большом количестве пасторальных романов - *Письма Саути из Испании*, Бристоль, 1799, стр. 336. Но эти авторы, не вникая в суть вопроса в целом, не смогли проследить связь между литературными, физическими и социальными явлениями.

[1172] Смотрите мемуары Ховельяноса в *"Испании Лаборда"*, том iv. стр. 127. Это было неизбежным следствием тех мстительных нападений, с помощью которых в течение нескольких столетий как мусульмане, так и христиане, казалось, были полны решимости превратить Испанию в пустыню, опустошая поля друг друга и уничтожая каждый урожай, который только могли собрать. Conde, *Dominacion de los Arabes*, pp. 75, 188, 278, 346, 396, 417, 418, 471, 499, 500, 505, 523, 539, 544, 551, 578, 645, 651, 658. To quote one of these instances, late in the eleventh century: 'La constancia de Alfonso ben Ferdeland en hacer entradas y talas en tierra de Toledo dos veces cada año, fué tanta que empobreció y apuró los pueblos;' ... 'el tirano Alfonso taló y quemó los campos y los pueblos.' Конде, стр. 346. Поскольку такой хаос, продолжавшийся с небольшими перерывами около семисот лет, многое сделал для формирования национального характера испанцев, возможно, стоит обратиться к Мариане, *Истории Испании*, т. iii. стр. 438, т. iv. стр. 193, 314, т. v. стр. 92, 317, 337; и к Циркуру, *Истории арабов Испании*, Париж, 1846, т. i. стр. 99.

[1173] Неурегулированная хронология ранней истории Испании вытекает из различных заявлений различных авторов относительно продолжительности арианства, что гораздо важнее, чем смерть и восшествие на престол королей. Антекера (*История законодательства Испании*, Мадрид, 1849, стр. 37) говорит: "Арианская секта, пуэс, сегун лас эпокас фиджadas, постоянное население Испании 125 лет"; Флери (*Церковная история*, том vii, стр. 586, Париж, 1758) говорит: "окружающая среда 180 лет"; а Макри, в целом хорошо информированный, говорит в своей *Истории реформации в Испании*, Эдинбург, 1829, стр. 7, "Арианство было преобладающим и устоявшимся вероучением страны на протяжении почти двух столетий": для этого он ссылается на Григория Турского. Таким образом, мсье Фориэль с полным основанием называет это 'единственным вопросом, стоящим перед лицом трудностей'. Смотрите его талантливую работу, *"История Меридиональной горы"*, Париж, 1836, том i, стр. 10.

[1174] В 496 году православное духовенство смотрело на Хлодвиг как на 'поборника ООН, который был противником вестготов и бургундов'. *Fauriel, Histoire de la Gaule Méridionale*, vol. ii. p. 41. Они также сравнивали его с Гедеоном, стр. 66. Сравните *Флери, Церковная история*, том vii. стр. 89, 90. Ортис настолько воодушевлен, что забывает о своем патриотизме и горячо восхваляет свирепого варвара, который действительно развязал войну против своей страны, но все же чьи умозрительные мнения считались здоровыми. 'Mientras Alarico desfogaba su encono contra los Católicos, tuvo la Iglesia Galicana el consuelo de ver Católico á su gran Rey Clodoveo. Era el único Monarca del mundo que á la sazón profesaba la Religion verdadera.' *Ortiz, Compendio de la Historia de España*, vol. ii. p. 96, Madrid, 1796.

[1175] Таким образом, в 531 году Хильдеберт выступил в поход против вестготов, потому что они были арианами. *Фориэль, История Меридиональной горы*, том ii. стр. 131; а в 542 году Хильдеберт и Клотер предприняли еще одну атаку и осадили Сарагосу, стр. 142. 'No advertian los Godos lo que su falsa creencia les perjudicaba, y si lo advertian, su obcecacion les hacia no poner remedio. Los reyes francos, que eran católicos, les movian guerras en las Galias por arrianos, y los obispos católicos de la misma Galia gótica deseaban la dominacion de los francos.' *Lafuente, Historia de España*, vol. ii. p. 380, Madrid, 1850.

[1176] 'Los Francos por el amor que tenian á la Religion Cathólica, que poco antes abrazaran, aborrecian á los Visigodos como gente inficionada de la secta Arriana.' *Mariana, Historia de España*, vol. ii. p. 43. And of one of their great battles he says, p. 46, 'vulgarmente se llamó el campo Arriano por causa de la religion que los Godos seguian.'

[1177] 'En religion et en croyance, comme en toute chose, les Visigoths se montrèrent plus sérieux, plus profonds, plus tenaces que les Burgondes. J'ai dit ailleurs comment ils étaient devenus presque en même temps chrétiens et ariens. Transplantés en Gaule et en Espagne, non-seulement ils avaient persévéré dans leur hérésie; ils s'y étaient affermis, affectionnés, et dans le peu que l'histoire laisse apercevoir de leur clergé, on s'assure qu'il était austère, zélé, et qu'il exerçait un grand empire sur les chefs comme sur la masse de la nation visigothe.' ... 'Les rois visigoths se croyaient obligés à de grandes démonstrations de respect pour leur clergé arien.' *Fauriel, Histoire de la Gaule Méridionale*, vol. i. pp. 577, 578.

[1178] Отречение Рекареда произошло между 586 и 589 годами. *История Испании и Португалии Данхэма*, Лондон, 1832, том i. стр. 126-128. *Mariana, Historia de España*, vol. ii. pp. 99-101. *Ortiz, Compendio de la Historia de España*, vol. ii. p. 120. *Lafuente, Historia de España*, vol. ii. pp. 360-363; and says Lafuente, p. 384, 'Recaredo fué el primero que con todo el ardor de un neófito, comenzó en el tercer concilio toledano à dar a estas asambleas conocimiento y decision en negocios pertenecientes al gobierno temporal de los pueblos.' Similarly, Antequera (*Historia de la Legislación*, p. 31) is happy to observe that 'Recaredo abjuró la heregia arriana, abrazó decididamente la religion de Jesu-Cristo, y concedió à los ministros de la Iglesia una influencia en el gobierno del Estado, que vino à ser en adelante, ilimitada y absoluta.'

[1179] 'Что касается соборов, проводимых при королях вестготов Испании в седьмом веке, нелегко определить, следует ли их рассматривать как церковные или светские собрания. Ни одно королевство не находилось так глубоко в рабстве иерархии, как Испания". *Средние века Халлама*, изд. 1846, т. i, стр. 511. 'Les prêtres étaient les seuls qui avaient conservé et même augmenté leur influence dans la monarchie goth-espagnole.' *Sempere, Histoire des Cortès d'Espagne*, Bordeaux, 1815, p. 19. Compare *Lafuente, Historia de España*, vol. ii. p. 368, on 'la

influencia y preponderancia del clero, no ya solo en los negocios eclesiásticos, sino tambien en los políticos y de estado.’

[1180] "Но именно в Испании, после того как вестготы отказались от своего арианства, епископы более явно влияют на весь характер законодательства. Толедские синоды были не просто национальными советами, но парламентами королевства". *"История латинского христианства" Мильмана*, Лондон, 1854, том i, стр. 380. See also Antequera, *Historia de la Legislación Española*, pp. 41, 42.

[1181] В 633 году на соборе в Толедо король ‘простерся перед землей деван-ле-эвеков’. *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. viii. стр. 308, Париж, 1758.

[1182] In 688, at a council of Toledo, ‘le roi Egica y étoit en personne; et après s'être prosterné devant les évêques, suivant la coutume, il fit lire un mémoire où il leur demandoit conseil,’ &c. *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. ix. p. 89, Paris, 1758.

[1183] Смотрите краткое, но замечательное изложение этой части вестготского кодекса в *"Истории Испании" Данхэма*, том iv. стр. 77, 78; возможно, лучшая история современной зарубежной страны на английском языке. ‘В Испании епископам было особо поручено постоянно следить за отправлением правосудия, и их вызывали по всем важным поводам, чтобы проинструктировать судей действовать с благочестием и справедливостью’. *История латинского христианства Мильмана*, 1854, том i. стр. 386. Толедский собор 633 года предписывает епископам увещевать судей. *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. viii. p. 313; and a learned Spanish lawyer, Sempere, says of the bishops, ‘Le code du *Fuero Juzgo* fut leur ouvrage; les juges étaient sujets à leur juridiction; les plaideurs, grevés par la sentence des juges, pouvaient se plaindre aux évêques, et ceux-ci évoquer ainsi leurs arrêts, les réformer, et châtier les magistrats. Les procureurs du roi, comme les juges, étaient obligés de se présenter aux synodes diocésains annuels, pour apprendre des ecclésiastiques l'administration de la justice; enfin le gouvernement des Goths n'était qu'une monarchie théocratique.’ *Семпере, Монархия Испании*, Париж, 1826, т. i. стр. 6, т. ii. стр. 212-214.

[1184] ‘Ужасные законы против ереси и жестокие юридические преследования евреев уже делают Испанию тронem и центром беспощадного фанатизма’. *История латинского христианства Милмана*, том i, стр. 381. ‘Tan luego como la religion católica se halló dominando en el trono y en el pueblo, comenzaron los concilianos toledanos á dictar disposiciones canónicas y á prescribir castigos contra los idolatras, contra los judios, y contra los hereges.’ *Lafuente, Historia de España*, vol. ix. pp. 199–200. См. также стр. 214 и том ii. стр. 406, 407, 451. *"История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта*, том i. стр. 235, 236. *Институты гражданского права Испании Джонстона*, стр. 262. *Circourt, История арабских стран Испании*, том i. стр. 260, 261; и *Хроника Уголовного розыска Саути*, стр. 18. Я особо указываю на эти отрывки в связи с необычным утверждением доктора Маккри о том, что ‘при обзоре уголовного судопроизводства в Испании, предшествовавшего учреждению инквизиционного суда, в целом выясняется, что там к еретикам относились более мягко, чем в других странах’. *"История реформации в Испании" Маккри* *History of the Reformation in Spain*, стр. 83, лучшая книга об испанских протестантах.

[1185] A council of Toledo in 638 orders, ‘qu'à l'avenir aucun roi ne montera sur le trône qu'il ne promette de conserver la foi catholique;’ and at another council in 681, ‘le roi y présenta un écrit par

lequel il prioit les évêques de lui assurer le royaume, qu'il tenoit de leurs suffrages.' *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. viii. c. 339, т. ix. c. 70.

[1186] Те счастливые времена вызвали горячие аплодисменты современного богослова, потому что в те времена церковь "совершала ошибки без причины"; и потому что существовала "высшая школа согласия в области империи и священства, приносящая неоценимую пользу всем, кто участвовал в кровосмешении. ' *Observaciones sobre El Presente y El Porvenir de la Iglesia en España, por Domingo Costa y Borrás, Obispo de Barcelona*, Barcelona, 1857, pp. 73, 75.

[1187] К которому они бежали со скоростью, заставившей их великого врага Музу произнести в их адрес несколько двусмысленную хвалебную речь. 'Dijo, son leones en sus castillos, aguilas en sus caballos, y mugeres en sus escuadrones de á pié; pero si ven la ocasion la saben aprovechar, y quando quedan vencidos son cabras en escapar á los montes, que no ven la tierra que pisan.' *Conde, Historia de la Dominacion de los Arabes*, p. 30.

[1188] "История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта, том i, стр. xxxviii. 287. Лафуэнте (*История Испании*, том iii, стр. 363) отмечает эпоху довольно расплывчато: "баста я эль Дуэро". Сравните Флореса, *Воспоминания католической церкви*, Мадрид, 4то, 1761, том i, стр. 68.

[1189] В "Истории Испании" Марианы есть энергичный отчет о его захвате, том ii, стр. 506-513; после чего Ортис (*Сборник по истории*, том iii, стр. 156) и Лафуэнте ("Общая история", том iv, стр. 236-242) становятся довольно ручными. Мусульманский взгляд на это, первый решающий удар по их делу, можно найти в *Conde, Historia de la Dominacion de los Arabes*, стр. 347. 'Así se perdió aquella ínclita ciudad, y acabó el reino de Toledo con grave pérdida del Islam.' Христианская точка зрения заключается в том, что 'уступите королю конкисты столицу аквеллы'. *Флорес, Рейнас Католикас*, том i, стр. 165.

[1190] *Circourt, История арабов*, том i. стр. 313, 349. *Conde, Dominacion de los Arabes*, pp. 656, 664. *Ормис, Сборник*, том v. стр. 509, 561. *Лафуэнте, История*, том ix. стр. 341, 399.

[1191] 'Согласно великолепному стилю испанских историков, прошло восемь столетий почти непрерывной войны и было разыграно три тысячи семьсот сражений, прежде чем последнее из мавританских королевств в Испании покорилось христианскому оружию'. *Robertson's Charles V. by Prescott*, London, 1857, p. 65. 'En nuestra misma España, en Leon y Castilla, en esta nueva Tierra Santa, donde se sostenia una cruzada perpétua y constante contra los infieles, donde se mantenía en todo su fervor el espiritu á la vez religioso y guerrero.' *Lafuente, Historia de España*, vol. v. p. 293. 'Era España teatro de una continua guerra contra los enemigos de la Fe.' *Florez, Reynas Catholicas*, vol. i. p. 226. 'El glorioso empeño de exterminar á los enemigos de la Fe.' p. 453. 'Эста реппа карпада'. Том ii. стр. 800. 'Se armaron nuestros Reyes Cathólicos, con zelo y animo alentado del cielo; y como la causa era de Religion para ensanchar los Dominios de la Fe, sacrificaron todas las fuerzas del Reyno, y sus mismas personas.' p. 801. То, что называлось Индульгенцией Крестового похода, было предоставлено папами 'aux Espagnols qui combattoient contre les Mores'. *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. xviii. c. xxi., т. xix. стр. 158, 458, т. xxi. c. 171.

[1192] 'En aquellos tiempos [y duró hasta todo el siglo xv. y toma de Granada] eran los obispos los primeros capitanes de los exércitos.' *Ормис, Сборник*, том iii. стр. 189. 'Los prelados habían sido siempre los primeros no solo en promover la guerra contra Moros, sino á presentarse en campaña con todo su poder y esfuerzo, animando á los demas con las palabras y el exemplo.' Vol. v. pp. 507, 508.

[1193] *История цивилизации*, том i. стр. 121-130.

[1194] 'Les chrétiens avoient apporté dans les Asturies une arche ou coffre plein de reliques, qu'ils regardèrent depuis comme la sauve-garde de leur état.' ... 'Elle fut emportée et mise enfin à Oviedo, comme le lieu le plus sûr entre ces montagnes, Père 773, l'an 775.' *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. ix. p. 190. Эта 'арка льена де реликвиас' была перевезена в Астурию в 714 году. *Мариана, История Испании*, том ii, стр. 227; и, согласно Ортису (*Сборник*, том ii, стр. 182), это было "un tesoro inestimable de sagradas reliquias". См. также *Трактаты Геддеса об Испании*, том ii. стр. 237, Лондон, 1730; и *"Испания"* Форда, 1847, стр. 388.

[1195] 'Но ни один народ никогда не чувствовал себя настолько абсолютными воинами креста, как испанцы, со времен их мавританских войн; ни один народ никогда не верил так постоянно в повторение чудес в своей повседневной жизни; и поэтому ни один народ никогда не говорил о Божественных явлениях как о вещах по своей природе столь знакомых и обыденных. Следы этого состояния чувств и характера можно найти в испанской литературе со всех сторон.' *История испанской литературы Тикнора*, том ii. стр. 333. Сравните *"Историю испанской литературы"* Бутервека, том i, стр. 105, 106; и отчет о битве при лас-Навасе в *Цирк, История арабов Испании*, том i, стр. 153: 'О вульфе, посвященном чудесам'. Некоторые из наиболее поразительных из этих чудес можно найти в *Лафуэнте, Истории Испании*, т. v., стр. 227; в *Мариане, Истории Испании*, т. ii. стр. 378, 395, т. iii. стр. 338; и в *Ортисе, Сборнике*, т. iii. стр. 248, т. iv. стр. 22.

[1196] Один из самых любопытных из этих пророческих снов сохранился в *Conde, Dominación de los Arabes*, стр. 378, 379, с его толкованием теологами. Они были по большей части выполнены. In 844 'El Apóstol Santiago, según que lo prometiera al Rey, fué visto en un caballo blanco, y con una bandera blanca y en medio della una cruz roxa, que capitaneaba nuestra gente.' *Mariana, Historia de España*, vol. ii. pp. 310, 311. In 957 'El Apóstol Santiago fué visto entre las hacas dar la victoria à los fieles,' p. 382. In 1236 'Publicóse por cierto que San Jorge ayudó á los Christianos, y que se halló en la pelea.' Vol. iii. p. 323. О снах, предвещавших эти явления, см. *Мариана*, т. ii. стр. 309, 446, т. iii. стр. 15, 108.

[1197] 'Священники присутствуют на совете и в лагере и, облаченные в свои священнические одежды, нередко вели армии в бой. Они интерпретировали волю Небес как таинственно открывшуюся в снах и видениях. Чудеса были обычным явлением. Оскверненные могилы святых посылали громы и молнии, чтобы истребить захватчиков.' *"История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта*, том i, стр. 39. В середине девятого века произошло следующее событие: 'En lo mas cruel de los tormentos' [которому подверглись христиане] "subio Abderramen un dia á las azuteas" - галерея Дворца. Descubrió desde alli los cuerpos de los Santos martirizados en los patibulos y atravesados con los palos, mandó los quemasen todos para que no quedase reliquia. Cumplióse luego la orden: pero aquel impio probó bien presto los rigores de la venganza divina que volvía por la sangre derramada de sus Santos. Improvisamente se le pegó la lengua al paladar y fauces; cerrósele la boca, y no pudo pronunciar una palabra, ni dar un gemido. Conduxeronle, sus criados á la cama, murió aquella misma noche, y antes de apagarse las hogueras que ardan los santos cuerpos, entró la infeliz alma de Abderramen en los eternos fuegos del infierno.' *Ортис, Сборник*, том iii. стр. 52.

[1198] Circourt (*Histoire des Arabes*, vol. i. p. 5) says, 'Les chrétiens qui ne voulurent pas se soumettre furent rejetés dans les incultes ravins des Pyrénées, où ils purent se maintenir comme les bêtes fauves se maintiennent dans les forêts.' Но наиболее любопытный отчет о положении испанских

христиан во второй половине восьмого века и в первой половине девятого можно найти в *Conde, Historia de la Dominacion*, стр. 95, 125. 'Referian de estos pueblos de Galicia que son cristianos, y de los mas bravos de Afranc; pero que viven como fieras, que nunca lavan sus cuerpos ni vestidos, que no se los mudan, y los llevan puestos hasta que se los caen despedazados en andrajos, que entran unos en las casas de otros sin pedir licencia.' ... In a.d. 815, 'no habia guerra sino contra cristianos por mantener frontera, y no con deseo de ampliar y extender los limites del reino, ni por esperanza de sacar grandes riquezas, por ser los cristianos gente pobre de montaña, sin saber nada de comercio ni de buenas artes.'

[1199] 'Изабеллу можно считать душой этой войны. Она занялась этим с самыми возвышенными намерениями, не столько для приобретения территории, сколько для восстановления империи Креста над древними владениями христианского мира'. "*История Фердинанда и Изабеллы*" *Прескотта*, том i, стр. 392. Compare *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. xxiii. p. 583, 'bannir de toute l'Espagne la secte de Mahomet;' and *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, vol. ii. pp. 99, 109, 'pour elle une seule chose avait de l'importance; extirper de ses royaumes le nom et la secte de Mahomet.' ... 'Sa vie fut presque exclusivement consacrée à faire triompher la croix sur le croissant.' Mariana (*Historia de España*, vol. v. p. 344, and vol. vii. pp. 51, 52) has warmly eulogized her character, which indeed, from the Spanish point of view, was perfect. См. также *Фloreса, Рейнаса Католикаса*, том ii. стр. 774, 788, 829.

[1200] 'En España los Reyes Don Fernando y Doña Isabel luego que se viéron desembarazados de la guerra de los Moros, acordáron de echar de todo su reyno á los Judíos.' *Mariana, Historia de España*, vol. vi. p. 303. A Spanish historian, writing less than seventy years ago, expresses his approbation in the following terms: 'Arrancado de nuestra peninsula el imperio Mahometano, quedaba todavía la secta Judayca, peste acaso mas perniciosa, y sin duda mas peligrosa y extendida, por estar los Judíos establecidos en todos los pueblos de ella. Pero los Catolicos Monarcas, cuyo mayor afan era desarraigar de sus reynos toda planta y raiz infecta y contraria á la fé de Jesu-Cristo, dieron decreto en Granada dia 30 de Marzo del año mismo de 1492, mandando saliesen de sus dominios los Judíos que no se bautizasen dentro de 4 meses.' *Ормус, Сборник*, Мадрид, 1798, т. v. стр. 564. Важность знания того, как испанцы оценивают эти и подобные события, побуждает меня привести их собственные слова, которые в противном случае были бы излишне пространными. Историки, как правило, слишком склонны уделять больше внимания общественным событиям, чем мнениям, которые эти события вызывают; хотя, на самом деле, мнения составляют наиболее ценную часть истории, поскольку они являются результатом более общих причин, в то время как политические действия часто обусловлены особенностями влиятельных личностей.

О количестве фактически изгнанных евреев я не могу найти достоверных сведений. Они по разным оценкам составляют от 160 000 до 800 000 человек. "*История Фердинанда и Изабеллы*" *Прескотта*, том ii. стр. 148. *Mariana, Historia de España*, vol. vi. p. 304. *Ормус, Сборник*, том v., стр. 564. *Lafuente, Historia de España*, vol. ix. pp. 412, 413. *Llorente, Histoire de l'Inquisition*, Paris, 1817, vol. i. p. 261. *Mata, Dos Discursos*, Madrid, 1794, pp. 64, 65. *Castro, Decadencia de España*, Cadiz, 1852, p. 19.

[1201] It had been introduced into Aragon in 1242; but, according to M. Tapia, 'sin embargo la persecucion se limitó entónces á la secta de los albigenses; y como de ellos hubo tan pocos en Castilla, no se consideró sin duda necesario en ella el establecimiento de aquel tribunal.' *Tapia, Historia de la Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. ii. p. 302. Indeed, Llorente says (*Histoire de*

l'Inquisition d'Espagne, Paris, 1817, vol. i. p. 88), 'Il est incertain si au commencement du 15e siècle l'Inquisition existait en Castille.' В недавней работе М. Лафуэнте в качестве самой ранней даты указан 1232 год; но, 'á fines del siglos xiv. y principios del xv. apenas puede saberse si existia tribunal de Inquisicion en Castilla.' *Lafuente, Historia de España*, vol. ix. pp. 204–206, Madrid, 1852. Поэтому представляется вполне обоснованным, что Мариана (*История*, том vi, стр. 171) называет инквизицию Фердинанда и Изабеллы "трибуналом ООН нуэво и санто". См. Также Флорес, "Мемориас де лас Рейнас Католикас", том ii, стр. 799.

[1202] *"История Филиппа II" Прескотта.*, том i, стр. 23, Лондон, 1857. *История Голландии Дэвиса*, том i, стр. 447, Лондон, 1841. О религиозном характере его немецкой политики сравните Мариана, *История Испании*, том vii, стр. 330; *Ортис, Сборник*, том vi, стр. 195, 196.

[1203] *Prescott's Philip II.*, vol. i. p. 3; and the continuation of *Fleury, Histoire Ecclésiastique* xxvii. c. 280. Робертсон, хотя и хвалит Карла V. за это достижение, кажется, скорее склонен недооценивать его масштабы; *История Карла V.*, стр. 246.

[1204] В речи, которую он произнес при своем отречении, он сказал, что 'он всегда помнил об интересах дорогой страны, на которой он родился, но прежде всего о великих интересах христианства. Его первой целью было сохранить их в неприкосновенности от неверных.' *Prescott's Philip II.*, vol. i. p. 8. Miñana boasts that 'el César con piadoso y noble ánimo exponia su vida á los peligros para extender los limites del Imperio Christiano.' *Continuación de Mariana*, vol. viii. c. 352. Сравните продолжение книги Флери, "Церковная история", том. xxxi. стр. 19.

[1205] Гроций говорит, 100 000; Бор, Метерен и Пол говорят, 50 000. *"История Филиппа II" Уотсона.*, Лондон, 1839, стр. 45, 51. *"История Голландии" Дэвиса*, Лондон, 1841, т. i. стр. 498, 499. *Голландская республика Мотли*, Лондон, 1858, т. i. стр. 103, 104.

[1206] В этом сомневается, если я правильно помню, мистер Прескотт. Но мнение этого способного историка имеет меньшее значение из-за его недостаточного знакомства с голландской литературой, где необходимо искать основные доказательства. В этом, как и во многих других вопросах, ценная работа мистера Мотли не оставляет желать лучшего.

[1207] *Филипп II Прескотта.*, том i. стр. 196, 197. В 1523 году были сожжены первые люди. *Голландская республика Мотли*, том i, стр. 69. Способ погребения заживо описан в *"Истории Голландии" Дэвиса*, том i, стр. 383, том ii, стр. 311, 312.

[1208] Он умер 21 сентября; а 9-го он подписал дополнение, в котором 'предписывал своему сыну преследовать и привлекать к ответственности всех еретиков в его владениях, и это без исключения, и без милости ни к кому. Он заклинал Филиппа беречь святую инквизицию как лучшее средство для выполнения этой благой работы". *Дополнения Прескотта к книге Робертсона "Карл V."*, стр. 576. Смотрите также его инструкции Филиппу в *"Истории Шестнадцатого и семнадцатого веков"* Раумера, т. i., стр. 91; а о его мнении об инквизиции см. Его беседу с сэром Томасом Уайаттом, напечатанную из государственных документов в *"Истории Англии" Фруда*, т. iii. стр. 456, Лондон, 1858. This may have been mere declamation; but in *Tapia's Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. iii. pp. 76, 77, will be found a deliberate and official letter, in which Charles does not hesitate to say, 'La santa inquisicion como oficio santo y puesto por los reyes católicos, nuestros señores y abuelos á honra de Dios nuestro señor y de nuestra santa fé

católica, tengo firme é entrañablemente asentado y fijado en mi corazon, para la mandar favorecer y honrar, como principe justo y temeroso de Dios es obligado y debe hacer.’

Дополнение к завещанию Чарльза все еще существует, или существовало совсем недавно, в архивах Симанкаса. "Испания" Форда, 1847, стр. 334. В великом труде М. Лафуэнте "История Испании", том xii. стр. 494, 495, Мадрид, 1853, на языке, который во многих смыслах является безупречно испанским: "Su testamento y codicilo respiran las ideas cristianas y religiosas en que habia vivido y la piedad que señaló such muerte". ... "Что касается нотари и примера клаусулы [т.е.] к дополнению

por la cual deja muy encarecidamente recomendado al rey Don Felipe que use de todo rigor en el castigo de los hereges luteranos que habian sido presos y se hubieren de prender en España.’ ... “Sin escepcion de persona alguna, ni admitir ruegos, ni tener respeto á persona alguna; porque para el efecto de ello favorezca y mande favorecer al Santo Oficio de la Inquisición,” &c.]

[1209] Свидетельства коренных жителей, возможно, можно обвинить в пристрастности; но, с другой стороны, Раумер в своей ценной *истории шестнадцатого и семнадцатого веков*, том i, стр. 22, справедливо замечает, что его характер был искажен "по той причине, что историки воспользовались враждебными повествованиями французских и протестантских писатели.‘ Чтобы выбрать между этими крайностями, я перепису итоги правления Карла в том виде, в каком они даны ученым и на редкость непредвзятым писателем. ‘Какой бы извилистой ни была иногда политика императора, он никогда, в отличие от Франциска, не действовал вероломно; в его уме было слишком много врожденного величия для такой низости. Искренний в религии и дружбе, верный своему слову, отличающийся непревзойденным милосердием, либеральный по отношению к своим слугам, неутомимый в исполнении королевских обязанностей, заботящийся о благополучии своих подданных и, как правило, безупречный в частной жизни, его характер не выдержит сравнения с характером любого монарха его времени.’ *История Испании Данхэма*, том v., стр. 41. "Милосердие было основой его характера". стр. 30.

[1210] ‘Испанцы, по мере того как он вырослел, с гордостью и удовлетворением видели в своем будущем государе самый совершенный тип национального характера’. *"История Филиппа II" Прескотта*. том i, стр. 39. То же самое и в *"Голландской республике"* Мотли, том i, стр. 128: "он был полностью испанцем"; и в *"Historia de España"*, том i, стр. 155: "Перо эль рейнадо де Фелипе, ведущее борьбу за Испанию". В

[1211] *Prescott's Philip II*. vol. i. pp. 68, 210, vol. ii. p. 26. *Watson's Philip II*. p. 55. Compare *Fleury, Histoire Ecclésiastique*xxiv. стр. 273.

[1212] ‘Como era tan zeloso en la extirpación de la heregía, uno de sus primeros cuidados fué el castigo de los Luteranos; y á presencia suya, se executó en Valladolid el dia ocho de Octubre el suplicio de muchos reos de este delito.’ *Миньяна, Продолжение Марианской истории*, том ix. стр. 212.

[1213] "Борьба с протестантизмом в Испании под такой эгидой была короткой. Это началось всерьез и кровопролитно около 1559 года и практически закончилось в 1570 году.’ *История испанской литературы Тикнора*, том i, стр. 425. См. также *"Историю реформации в Испании" Макри*, стр. 336, 346. Таким образом, это было "Сохранение Испании от заражения". Hizolo con las armas Carlos V., y con las hogueras los inquisidores. España se aisló del movimiento europeo.’ *Лафуэнте, История Испании*, т. i., стр. 144, Мадрид, 1850. М. Лафуэнте добавляет, что, по его

мнению, весь христианский мир собирается последовать хорошему примеру Испании в отказе от протестантизма. 'Si no nos equivocamos, en nuestra misma edad se notan sintomas de ir marchando este problema hácia su resolucion. El catolicismo gana prosélitos; los protestantes de hoy no son lo que antes fueron, y creemos que la unidad católica se realizará.'

[1214] Перед прибытием Алвы 'повеления Филиппа Маргарите были императивными, приложить все усилия для искоренения еретиков'. *"История Голландии" Дэвиса*, том i, стр. 551; а в 1563 году он писал: "Пример и бедствия Франции доказывают, насколько полезно сурово наказывать еретиков". *"История шестнадцатого и семнадцатого веков" Раумера*, том i, стр. 171. Испанцы сочли голландцев виновными в двойном преступлении; они были мятежниками против Бога и короля: 'Rebeldes á Dios por la heregía, y á su Principal á quien debian obedecer'. *Mariana, Historia de España*, vol. vii. p. 410. 'Tratauan de secreto de quitar la obediencia á Dios y á su Principe.' *Vanderhammen's Don Filipe el Prudente Segundo deste Nombre*, Madrid, 1632, p. 44 rev. Или, как выражается Миньяна, Филипп 'tenia los mismos enemigos que Dios'. *Продолжение Марианской истории*, том x, стр. 139.

[1215] *Голландская республика Мотли*, том i, стр. 229. *Филипп II Уотсона*. стр. 51, 52, 177.

[1216] Мистер Мотли под 1566 годом говорит: "По оценкам принца Оранского, до этого периода пятьдесят тысяч человек в провинциях были казнены в соответствии с указами. Он был умеренным человеком и привык взвешивать свои слова.' *Голландская республика Мотли*, том i. стр. 424, 425.

[1217] *Уотсона Филиппа II*. С. 248, 249. Tapia (*Civilizacion Española*, vol. iii. p. 95) says, 'quitó la vida á mas de diez y ocho mil protestantes con diversos géneros de suplicios.' Сравните *"Голландскую республику" Мотли*, том ii, стр. 423, и *"Историю Голландии" Дэвиса*, том i, стр. 608.

[1218] *"История Голландии" Дэвиса*, том i, стр. 567. Vanderhammen (*Don Filipe el Prudente*, Madrid, 1632, p. 52 rev.), with tranquil pleasure, assures us that 'muriessen mil y setecientas personas en pocos dias con fuego, cordel y cuchillo en diuersos lugares.'

[1219] 'El duque de Alba, obrando en conformidad á las instrucciones de su soberano, y apoyado en la aprobacion que merecian al rey todas sus medidas.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xiii. c. 221.

[1220] 'Именно для восстановления католической церкви он желал получить европейскую империю'. *История Голландии Дэвиса*, том ii. стр. 329. 'El protestó siempre "que sus desinios en la guerra, y sus exercitos no se encaminauan á otra cosa, que el ensalzamiento de la Religion Christiana."' *Vanderhammen's Don Filipe el Prudente*, p. 125. 'El que aspiraba á someter todas las naciones de la tierra á su credo religioso.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xv. p. 203. The bishop of Salamanca in 1563 openly boasted 'que son roi ne s'étoit marié avec la reine d'Angleterre que pour ramener cette isle à l'obéissance de l'église.' *Continuation de Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. xxxiii. c. 331. Сравните *Ормуса, Сборник*, том vi. стр. 204. 'Este casamiento no debió de tener otras miras que el de la religion.'

[1221] Об этом договоре, единственном унижительном договоре, который он когда-либо заключал, см. *"Филипп II" Прескотта*. том i, стр. 104. His dying advice to his son was, 'Siempre estareis en la obediencia de la Santa Iglesia Romana, y del Sumo Pontifice, teniendole por vuestro Padre espiritual.' *Davila, Historia de la Vida de Felipe Tercero*, Madrid, 1771, folio, lib. i. p. 29. According to another writer, 'La ultima palabra que le salió con el espiritu, fue: "Yo muero como

Catolico Christiano en la Fe y obediencia de la Iglesia Romana, y respeto al Papa, como á quien trae en sus manos las llaues del Cielo, como á Principe de la Iglesia, y Teniente de Dios sobre el imperio de las almas.” *Vanderhammen, Don Filipe el Prudente*, p. 124.

[1222] Елизавета, сочетавшая в себе три ужасных качества: ересь, власть и дарования, была противна испанцам почти до невероятной степени, и никогда не было более основательного национального предприятия, чем выставление против нее Армады. Один или два отрывка из известного историка проиллюстрируют чувства, с которыми к ней относились даже после ее смерти, и помогут читателю составить мнение о состоянии испанского сознания. ‘Isabel, ó Jezabel, Reyna de Inglaterra, heretica Calvinista, y la mayor perseguidora que ha tenido la sangre de Jesu-Christo y los hijos de la Iglesia.’ *Davila, Historia de Felipe Tercero*, p. 74. ‘Los sucesos de fuera causaron admiracion; y el mayor y muy esperado de toda la Christiandad fue la muerte de Isabela, Reyna de Inglaterra, heretica Calvinista, que hizo su nombre famoso con la infamia de su vida, y perseguir á la Iglesia, derramando la sangre de los Santos, que defendian la verdadera Religion Catolica, dexando registradas sus maldades en las historias públicas del mundo, pasando su alma á coger el desdichado fruto de su obstinada soberbia en las penas del Infierno, donde conoce con el castigo perpetuo el engaño de su vida.’ pp. 83, 84.

[1223] Один из самых выдающихся из ныне живущих историков хорошо сказал: ‘Это был энтузиазм Филиппа воплотить гнев Божий против еретиков’. *Голландская республика Мотли*, том ii. стр. 155. “Филипп жил только для того, чтобы претворять в жизнь то, что он считал волей Божьей”. стр. 285.

[1224] ‘Personne vivante ne parloit à lui qu'à genoux, et disoit pour son excuse à cela qu'estant petit de corps, chacun eust paru plus eslevé que lui, outre qu'il sçavoit que les Espagnols estoient d'humeur si altiere et hautaine, qu'il estoit besoin qu'il les traittast de cette façon; et pour ce mesme ne se laissoit voir que peu souvent du peuple, n'y mesme des grands, sinon aux jours solemnels, et action necessaire, en cette façon? il faisoit ses commandemens à demy mot, et falloit que l'on devinast le reste, et que l'on ne manquast à bien accomplir toutes ses intentions; mesmes les gentilshommes de sa chambre, et autres qui approchoient plus près de sa personne, n'eussent osé parler devant luy s'il ne leur eust commandé, se tenant un tout seul à la fois près de la porte du lieu où il estoit, et demeurant nud teste incessamment, et appuyé contra une tapisserie, pour attendre et recevoir ses commandemens.’ *Mémoires de Cheverny*, pp. 352, 353, in *Petitot's Collection des Mémoires*, vol. xxxvi. Париж, 1823.

[1225] Это слова Контарини, приведенные в “*Османской и Испанской империях*” Ранке, Лондон, 1843, стр. 33. Сисмонди, хотя и не знаком с этим отрывком, отмечает в своей “*Литературе Юга Европы*”, т. ii. стр. 273, Лондон, 1846, что Филипп, хотя и “мало заслуживающий похвалы, он, тем не менее, всегда с энтузиазмом воспринимался испанцами”. Примерно через полвека после своей смерти Sommerdick посетил Испанию, и в своем любопытном рассказе об этой стране он сообщает нам, что Филиппа называли ‘Саломоном из сыновей отца’. *Арсен де Sommerdick, Путешествие в Испанию*, Париж, 1665, 4то, стр. 63, 95. See also *Yañez, Memorias para la Historia de Felipe III.*, Madrid, 1723, p. 294. ‘El gran Felipe, aquel Sabio Salomon.’ Другой писатель сравнивает его с Нума. ‘Hacia grandes progresos la piedad, á la qual se dedicaba tanto el Rey Don Felipe, que parecia su reynado en España lo que en Roma el de Numa, despues de Rómulo.’ *Продолжение Миньяны Марианской*, том ix. стр. 241. Когда он умер, ‘celebradas sus exêquias entre lágrimas y gemidos’. том x. стр. 259, 260. Далее мы узнаем из книги *Вандерхаммена*

"Филипе Второй", Мадрид, 1632, стр. 120 rev., что люди приписывали ему "una grandeza adorable, и alguna cosa mas que las ordinarias á los demas hombres".

[1226] 'Привычки благоговения, которые, будучи перенесены в религию, вызывают суеверия, а будучи перенесены в политику, вызывают деспотизм'. *История Бакла. о цивилизации*, том ii. стр. 117.

[1227] 'С историей Испании связано больше баллад, чем с какой-либо другой, и, в целом, они лучше. Пожалуй, самую поразительную особенность всей этой массы можно найти в той степени, в которой она выражает национальный характер. Лояльность всегда на первом месте. Лорд Бутраго жертвует своей собственной жизнью, чтобы спасти жизнь своего суверена' и т. Д. *История испанской литературы Тикнора*, том i, стр. 133. 'При беспрекословном повиновении старого испанского рыцаря приказ короля был превыше всех соображений, даже в случае дружбы и любви. Этот кодекс послушания вошел в пословицу — "mas pesa el Rey que la sangre", "Испания Форда", стр. 183. Сравните замечательное маленькое произведение мистера Льюиса, "Испанская драма", Лондон, 1846, стр. 120, "баллады, полные войны, верности и любви".

[1228] Посмотрите несколько интересных замечаний в книге М. Тапия "Испанская цивилизация", том i. Он отмечает, что, несмотря на жестокие преследования со стороны Альфонсо, первое, что сделала Сид после одержания великой победы, это приказала одному из своих капитанов "расследовать убийство короля Альфонсо трейнта". кабальос рабес бьен энсильядос, отправь эспадас пендьентес де лос-арзонес в качестве главы семьи, *песар дель агравио в качестве ответной меры*". стр. 274. И на стр. 280, "Комедия и послушание собравшимся в одном месте, что привело к плохому поведению". Саути (*Хроника СИД*, стр. 268) с удивлением замечает, что Сид представлен в старых хрониках как "предлагающий поцеловать ноги королю".

[1229] 'Le xvie Concile de Tolède appelait les rois "vicaires de Dieu et du Christ;" et rien n'est plus fréquent dans les conciles de cette époque que leurs exhortations aux peuples pour l'observation du serment de fidélité á leur roi, et leurs anathêmes contre les séditeux.' *Sempere, Monarchie Espagnole*, vol. i. p. 41. 'Aparte de los asuntos de derecho civil y canonico y de otros varios que dicen relacion al gobierno de la iglesia, sobre los cuales se contienen en todos ellos disposiciones muy útiles y acertadas, la mayor parte de las leyes dictadas en estas asambleas tuvieron por objeto dar fuerza y estabilidad al poder real, proclamando su inviolabilidad y estableciendo graves penas contra los infractores; condenar las heregías,' &c. *Antequera, Historia de la Legislacion Española*, p. 47.

[1230] 'Верность вышестоящему по испанскому законодательству доведена до более жестоких пределов, чем я видел где-либо еще.' ... 'В *Partidas* (П. 2, Т. 13, Л. 1) говорится о старом законе, согласно которому любой человек, открыто желавший смерти короля, приговаривался к смерти и потере всего, что у него было. Величайшее милосердие, которое ему было оказано, состояло в том, чтобы сохранить ему жизнь и вырвать глаза, чтобы он никогда не смог увидеть ими то, чего желал. Клевета на короля объявляется таким же тяжким преступлением, как и его убийство, и подлежит такому же наказанию. Самое большое милосердие, которое можно было себе позволить, - это отрезать преступнику язык. П. 2, Т. 13, Л. 4. "Хроника Уголовного розыска Саути, стр. 442. Сравните "Гражданское право Испании" Джонстона, Лондон, 1825, стр. 269, о "Богохульниках короля".

[1231] Таким образом, Монтальван, выдающийся поэт и драматург, родившийся в 1602 году, "избегал, как нам говорят, изображать бунт на сцене, чтобы не показалось, что он поощряет его". *История испанской литературы Тикнора*, том ii. стр. 283. Подобный дух прослеживается в пьесах Кальдерона и Лопе де Веги. О "кастильской лояльности", проявленной в одной из комедий Кальдерона, см. *"Литература Европы" Халлама*, 2-я правка. Лондон, 1843, т. iii. стр. 63; а что касается Лопе, см. *Льюиса в "Испанской драме"*, стр. 78.

[1232] 'Лошади Его Величества никогда не могли использоваться кем-либо другим. Однажды, во времена Филиппа IV. когда процессия направлялась к церкви Богородицы Аточи, герцог Медина-де-лас-Торрес предложил подарить ему прекрасного скакуна, который принадлежал ему и считался лучшим в Мадриде; но король отклонил подарок, потому что ему было бы жаль делать столь благородное животное бесполезным'. *Воспоминания Данлопа*, т. ii. с. 372. Мадам д'Ольнуа, путешествовавшей по Испании в 1679 году и имевшей благодаря своему положению доступ к лучшим источникам информации, рассказали об этом элементе этикета. 'L'on m'a dit que lors que le Roy s'est servy d'un cheval, personne par respect ne le monte jamais.' *D'Aulnoy, Relation du Voyage d'Espagne*, Lyon, 1693, vol. ii. p. 40. В середине восемнадцатого века я нахожу еще одно упоминание об этом верноподданническом обычае, который, вполне вероятно, до сих пор остается традицией в испанских конюшнях. "Если король однажды оказал Подушечке такую честь, что закинул ее себе за спину, никто больше не должен ее пользоваться'. *Тур по Испании, Удал ап Рус*, 2d редактирование. Лондон, 1760, стр. 15.

[1233] Madame d'Aulnoy, who was very inquisitive respecting these matters, says (*Relation du Voyage d'Espagne*, vol. ii. p. 411), 'Il y a une autre étiquette, c'est qu'après que le Roi a eu une Maitresse, s'il vient à la quitter, il faut qu'elle se fasse Religieuse, comme je vous l'ai déjà écrit; et l'on m'a conté que le feu Roi s'estant amoureux d'une Dame du Palais, il fut un soir fraper doucement à la porte de sa chambre. Comme elle comprit que c'estoit lui, elle ne voulut pas lui ouvrir, et elle se contenta de lui dire au travers de la porte, *Baya, baya, con Dios, no quiero ser monja*; c'est à dire, "Allez allez, Dieu vous conduise, je n'ai pas envie d'estre Religieuse."' So too Henry IV. герцог Кастилии, взойшедший на трон в 1454 году, сделал одну из своих любовниц 'настоятельница монастыря в Толедо'; в данном случае это вызвало всеобщий скандал, потому что, как говорит мистер Прескотт, он первым делом изгнал "ее предшественницу, даму благородного положения и безупречного характера". *"Фердинанд и Изабелла" Прескотта*, том i, стр. 68.

[1234] Существует, однако, один очень замечательный старый закон в форме канона, принятого третьим советом Сарагосы, который предписывает, чтобы королевские вдовы 'соблюдали все обязательства в отношении проживания религиозных и других женщин в монастырях для отдыха их жизни'. *Fleury, Histoire Ecclésiastique*, vol. ix. p. 104. In 1065 Ferdinand I. died; and, says the biographer of the Spanish Queens, 'La Reyna sobrevivió: y parece, que muerto su marido, entró en algun Monasterio; lo que expressamos no tanto por *la costumbre antigua*, quanto por constar en la Memoria referida de la Iglesia de Leon, el dictado de 'Consagrada á Dios,' frasse que denota estado Religioso.' *Florez, Memorias de las Reynas Catholicas*, Madrid, 1761, 4to, vol. i. p. 148. В 1667 году был устоявшийся принцип, согласно которому 'les reines d'Espagne n'en sortent point'. Le couvent *delas Señoras descalças reales* est fondé afin que les reines veuves s'y enferment.' *Discours du Comte de Castrillo à la Reine d'Espagne*, in *Mignet's Négociations relatives à la Succession d'Espagne*, vol. ii. p. 604, Paris, 1835, 4to. Эта ценная работа состоит по большей части из документов, ранее не публиковавшихся, многие из которых взяты из архивов Симанкаса. Для критически настроенного историка было бы полезнее, если бы был приведен оригинал на испанском языке.

[1235] Смотрите несколько хороших замечаний о Сан-Фелипе в *"Истории испанской литературы"* Тикнора, том iii. стр. 213, 214, которые могут быть легко подтверждены другими свидетельствами; как, например, у Лафуэнте под 1710 годом: "Ни эль абандоно де ла Франция, ни продление жизни и лос азарес де ла гуэрра, ни денежные жертвы, ни личные дела тантоса аньоса, нада бастаба, вся любовь лос кастельяноса против короля Фелипе против" (*История Испании*, том. xviii. стр. 258); и Бервик (*Воспоминания*, том ii. стр. 114, изд. Paris, 1778): 'La fidélité inouïe des Espagnols;' and, nine years earlier, a letter from Louville to Torcy: 'Le mot révolte, pris dans une acception rigoureuse, n'a pas de sens en Espagne.' Louville, *Mémoires sur l'établissement de la Maison de Bourbon en Espagne*, edit. Париж, 1818, том i, стр. 128. См. также *Воспоминания Рипперды*, Лондон, 1740, стр. 58; и *Воспоминания де Грамона*, том ii. стр. 77, изд. Петито, Париж, 1827 год. Все эти отрывки иллюстрируют лояльность Испании в восемнадцатом веке, за исключением упоминания о Грамоне, которое относится к семнадцатому веку и которое следует сравнить со следующими наблюдениями мадам Д'Ольнуа, которая пишет из Мадрида в 1679 году: "Кто богат, тот знает великих сеньоров, кто знает, что такое огонь в вашем доме, кто следит за порядком в королевской семье, проявляет точность и неуважение к тому, что вы не знаете, как себя вести. Sur le premier ordre ils partent, ils reviennent, ils vont en prison, ou en exil, sans se plaindre. Il ne se peut trouver une soumission, et une obéissance plus parfaite, ni un amour plus sincère, que celui des Espagnols pour leur Roi. Ce nom leur est sacré, et pour réduire le peuple à tout ce que l'on souhaite, il suffit de dire, "Le Roi le veut." D'Aulnoy, *Voyage*, vol. ii. pp. 256, 257.

[1236] 'Было слышно, как Оливарес очень строго осуждал фамильярность герцога (Бекингема) и отсутствие уважения к принцу, чудовищное преступление для испанца'. ... 'Их покорное почтение к своим принцам является жизненно важной частью их религии'. *История восстания Кларендона*, изд. Оксфорд, 1843, стр. 15. О религии верности в более ранний период см. *Флорес, Рейнас Католикас*, том i, стр. 421: "Персона Короля из-за мира вассалов с уважением к саградо", это сопротивление было "особенным святотатством".

[1237] Когда-то эти препятствия для полового акта считались почти непреодолимыми. Fontenay-Mareuil, who visited Spain in 1612, and was not a little proud of the achievement, says, 'Au reste, parcequ'on ne va pas aussy ordinairement en Espagne qu'en France, en Italie et ailleurs; et qu'estant comme en un coin, et séparée du reste du monde par la mer ou par les Pyrénées, on n'en a, ce me semble, guere de connoissance, j'ay pense que je devois faire icy une petite digression pour dire ce que j'en ay appris dans ce voyage et depuis.' *Mémoires de Fontenay-Mareuil*, in *Collection des Mémoires par Petitot*, vol. i. p. 169, 1e Série, Paris, 1826. Seventy years later, another writer on Spain says of the Pyrenees, 'Ces montagnes sont à nos voyageurs modernes, ce qu'étoit aux anciens marins le *Non plus ultra* et les colonnes du grand Hercule.' *L'Estat de l'Espagne*, Geneve, 1681 Epistre, p. ii. Эта малоизвестная и не заслуживающая особого внимания работа составляет третий том *"Благоразумного путешественника"*.

[1238] 'Con razon se miró la conquista de Granada, no como un acontecimiento puramente español, sino como un suceso que interesaba al mundo. Con razon tambien se regocijó toda la cristiandad. Hacia medio siglo que otros mahometanos se habian apoderado de Constantinopla; la caida de la capital y del imperio bizantino en poder de los turcos habia llenado de terror á la Europa; pero la Europa se consoló al saber que en España habia concluido la dominacion de los musulmanes.' Lafuente, *Historia de España*, vol. xi. p. 15.

[1239] 'L'Espagne, long-temps partagée en plusieurs états, et comme étrangère au reste de l'Europe, devint tout-à-coup une puissance redoutable, faisant pencher pour elle la balance de la politique.' Koch, *Tableau des Révolutions de l'Europe*, Paris, 1823, vol. i. p. 362. О связи между этим и некоторыми изменениями в литературе, которые этому соответствовали, см. "Историю испанской литературы" Бутервека, т. i, стр. 148-152, где есть несколько остроумных, хотя, возможно, и едва ли обоснованных предположений.

[1240] "Священная война с неверными" (магометанами) "увековечила неподобающее зрелище воинствующих священнослужителей среди испанцев до еще более позднего периода и спустя долгое время после того, как она исчезла из остальной цивилизованной Европы". "История Фердинанда и Изабеллы" Прескотта, том i. с. 162.

[1241] Ученый испанский юрист сделал несколько замечаний, которые стоит процитировать и которые содержат любопытную смесь правды и заблуждения: 'Прокомментируйте, как монархия Испании относится к танту величия и блеска? Comment perdit-elle les Pays-Bas et le Portugal dans le dix-septième siècle, et s'y trouva-t-elle réduite à n'être qu'un squelette de ce qu'elle avait été auparavant? Comment vit-elle disparaître plus d'une moitié de sa population? Comment, possédant les mines inépuisables du Nouveau Monde, les revenus de l'état n'étaient à peine que de six millions de ducats sous le règne de Philippe III? Comment son agriculture et son industrie furent-elles ruinées? et comment presque tout son commerce passa-t-il dans les mains de ses plus grands ennemis? Ce n'est point ici le lieu d'examiner les véritables causes d'une métamorphose si triste; il suffira d'indiquer *que tous les grands empires contiennent en eux-mêmes le germe de leur dissolution*, &c. 'D'ailleurs les successeurs de ces deux monarques' (Charles V. and Philip II.) 'n'eurent point les mêmes talents, ni les ducs de Lerme et d'Olivarès, leurs ministres, ceux du cardinal Cisneros; et il est difficile de calculer l'influence de la bonne ou de la mauvaise direction des affaires sur la prospérité ou les malheurs des nations. Sous une même forme de gouvernement, quel qu'il puisse être, *elles tombent ou se relèvent suivant la capacité des hommes qui les dirigent*, et d'après les circonstances où ils agissent.' Sempère, *Histoire des Cortès*, Bordeaux, 1815, pp. 265–267. Из двух отрывков, которые я выделил курсивом, первый представляет собой неуклюжую, хотя и обычную попытку объяснить сложные явления с помощью метафоры, которая избавляет от необходимости обобщать их законы. Другой отрывок, хотя и совершенно справедлив в отношении Испании, не допускает того универсального применения, которое предполагает г-н Семпер; поскольку в Англии и в Соединенных Штатах Америки национальное процветание неуклонно росло, даже когда правителями были очень неспособные люди.

[1242] 'С Филиппом II заканчивается величие королевства, которое с того периода приходило в упадок со страшной быстротой'. *История Испании Данхэма*, том v., стр. 87. И Ортис (*Сборник*, том vii., Пролог, стр. 6) вместе изучают "Смерть Фелипе II". у principios de nuestra decadencia.' Тот же рассудительный историк в другом месте замечает (т. vi, с. 211), что если Филипп III. если бы он был таким же, как его отец, Испания продолжала бы процветать. Некоторые из более поздних испанских авторов, рассматривая большие расходы, вызванные политикой Филиппа II, и долги, которые он понес, предположили, что упадок страны начался в последние годы его правления. Но правда в том, что ни одна великая нация никогда не была и никогда не будет разорена расточительностью своего правительства. Такая экстравагантность вызывает общий дискомфорт, и поэтому ее не следует терпеть; но если бы здесь было место для столь долгого спора, я мог бы легко показать, что другие, более постоянные неудобства совсем не похожи на то, какими их обычно представляют.

[1243] 'Абстрайдо Фелипе III. en devociones, amante Felipe IV. deregocijos, mortificado Carlos II. por padecimientos, cuidáronse poco ó nada de la gobernacion del Estado, y confiaronla á validos altaneros, codiciosos, incapaces, y de muy funesta memoria.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, Madrid, 1856, vol. i. p. 33.

[1244] "Без оглядки на прошлое". *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. i. p. 419. 'Incapaz de tener hijos.' *Ортис, Сборник*, том vi. стр. 560. См. также *Воспоминания Лувилля*, том i, стр. 82; и аллюзии в *Письмах мадам де Виллар*, изд. Амстердам, 1759, стр. 53, 120, 164. Она была послом в Испании в царствование Карла II. М. Лафуэнте, который, если я правильно помню, никогда не цитирует эти интересные письма и который действительно, за очень немногими исключениями, пользовался услугами только испанских властей, тем не менее осмеливается заметить, что 'La circunstancia de no haber tenido sucesion, falta que en general se achabaca mas al rey que á la reina' и т. Д. *Historia de España*, vol. xvii. стр. 198, 199, Мадрид, 1856. Согласно биографу испанских королей, некоторые люди приписывали это колдовству, "и снова я вмешиваюсь во зло". *Флорес, Воспоминания католиков*, том ii. стр. 973, Мадрид, 1761, 4 т.

[1245] В 1696 году английский посланник в Мадриде Стэнхоуп пишет: "У него ненасытный желудок, и все, что он ест, он проглатывает целиком, поскольку его нижняя челюсть так сильно выдается, что два ряда зубов не могут соприкасаться; в качестве компенсации у него необычайно широкое горло, так что желудок или печень курицы проходит внутрь целиком, и поскольку его слабый желудок не в состоянии это переварить, он опорожняет желудок таким же образом." *"Испания при Карле II" Мэхона.*, Лондон, 1840, стр. 79; очень ценное собрание оригинальных документов, совершенно неизвестных ни одному испанскому историку, с которым я встречался. Несколько любопытных замечаний о внешности Карла II. впервые "в его детстве" можно увидеть опубликованным в книге Минье *"Объединения родственников по наследованию Испании"*, Париж, 1835-1842, 4-й том. i. стр. 294, 295, 310, 396, 404, 410, т. ii. с. 130, т. iii. с. 418, 419, 423. Смотрите также, том iv, стр. 636, пример его молчаливости, которая была едва ли не единственным признаком здравого смысла, который он когда-либо демонстрировал: "Король экута и не его ответчик".

[1246] 'Le Roy demeuroit dans une profonde ignorance et de ses affaires et même des Etats de sa couronne; à peine connoissoit-il quelles étoient les places qui lui appartenoient hors du continent d'Espagne.' ... 'La perte de Barcelone lui fut plus sensible qu'aucune autre, parce que cette ville, capitale de la Catalogne, et située dans le continent de l'Espagne, lui étoit plus connue que les villes de Flandre, dont il ignoroit l'importance au point de croire que Mons appartenoit au roi d'Angleterre, et de le plaindre lorsque le Roi fit la conquête de cette province.' *Mémoires du Marquis de Torcy*, vol. i. pp. 19, 23, edit. Петито, Париж, 1828 год.

[1247] 'Считая все, что говорится или делается, искушением дьявола, и никогда не считая себя в безопасности, кроме как со своим духовником и двумя монахами рядом с ним, которых он каждую ночь заставляет лежать в своей комнате'. *"Испания при Карле II" Маона.*, стр. 102. Без сомнения, из-за этой привязанности к монахам испанский историк утверждает, что он обладал "корасон пио и религиозо". *Bacallar, Comentarios de la Guerra de España*, vol. i. p. 20. Лучшее описание экзорцизма можно найти в *"Истории Испании" Лафуэнте*, vol. xvii. стр. 294-309, где есть целая глава, озаглавленная "Хечизос дель Рей".

[1248] 'La foiblesse de l'Espagne ne permettoit pas à son roi de se ressentir du traitement dont il croyoit à propos de se plaindre.' *Воспоминания де Торси*, том i, стр. 81. Или, как с горечью говорит

выдающийся местный писатель, "Las naciones extranjeras disponiendo de la monarquia española como de bienes sin dueño". *Тапиа, Испанская цивилизация*, том iii, стр. 187.

[1249]

Этот царственный трон королей, этот остров со скипетром,
Эта величественная земля, эта резиденция Марса,
Этот другой Эдем, полурай;
Эта крепость, построенная природой для себя
От заразы и руки войны;
Эта счастливая порода людей, этот маленький мирок,
этот драгоценный камень, оправленный в серебряное море,
Который служит ему стеной,
Или рвом, защищающим дом,
От зависти менее счастливых стран;
Этот благословенный участок, эта земля, этот королевство, эта Англия,
Эта кормилица, это кишачье чрево царственных особ,
Внушающих страх своей породой и знаменитых своим рождением,
Известных своими деяниями так далеко от дома,
христианским служением и истинным рыцарством,
Как могила упрямого еврейства
мирового выкупа, сын блаженной Марии:
Эта земля таких дорогих душ, эта милая, родная земля,
Дорогая своей репутацией во всем мире,
Теперь сдана в аренду, я умираю, произнося это,
Как бы говоря: многоквартирный дом или ферма по производству шкур.

[1250] Испанская теория правления хорошо изложена в следующем отрывке из "Жизни Филиппа III" Давилы. Эти замечания относятся и к Филиппу II. 'Que solo havia gobernado sin Validos ni Privados, tomando para sí solo, como primera causa de su gobierno, el mandar, prohibir, premiar, castigar, hacer mercedes, conocer sugetos, elegir Ministros, dar oficios, y tener como espiritu que andaba sobre las aguas, ciencia y providencia de todo, para que nada se hiciese sin su saber y querer: no sirviendo los Ministros mas que de poner por obra (obedeciendo) lo que su Señor mandaba, velando sobre cada uno, como pastor de sus ovejas, para ver la verdad con que executan sus mandamientos y acuerdos.' *Давила, История Фелипе Терсеро*, lib. i. стр. 22, 23.

[1251] Даже Филипп II. всегда сохранял определенное превосходство над церковной иерархией, хотя и был полностью подчинен церковным предрассудкам. 'Хотя Филипп таким образом стремился возвысить религиозный орден, и без того слишком могущественный, он следил за тем, чтобы он никогда не достиг такой высоты, которая позволила бы ему превзойти королевскую власть'. *История Филиппа II Прескотта*, том iii. стр. 235. 'Pero este monarca tan afecto á la Inquisicion mientras le servia para sus fines, sabia bien tener á raya al Santo Oficio quando intentaba invadir ó usurpar las preeminencias de la autoridad real, ó arrogarse un poder desmedido.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xv. p. 114.

[1252] 'Por cuyo absoluto poderío se executaba todo.' *Yañez, Memorias para la Historia de Felipe III.*, Prologo, p. 150. "Абсолютная власть над королем и королевством". Письмо сэра Чарльза

Корнуоллиса лордам Совета Англии, датированное Вальядолидом 31 мая 1605 г., в *Памятниках Уинвуда*, т. ii. стр. 73, Лондон, 1725, фолио. 'Porque no era fácil imaginar entónçes, ni por fortuna se ha repetido el exemplo después, que hubiera un monarca tan pródigo de autoridad, y al propio tiempo tan indolente, que por no tomarse siquiera el trabajo de firmar los documentos de Estado, quisiera dar á la firma de un vasalla suyo la misma autoridad que á la suya propia, y que advirtiera y ordenára, como ordenó Felipe III. á todos sus consejos, tribunales, y súbditos, que dieran á los despachos firmados por el duque de Lerma el mismo cumplimiento y obediencia, y los ejecutáran y guardáran con el mismo respeto que si fueran firmados por él.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xv. pp. 449, 450. 'El duque de Lerma, su válido, era el que gobernaba el reino solo.' vol. xvii. c. 332. Его власть длилась с 1598 по 1618 год. *Ортис, Сборник*, том vi. стр. 290, 325.

[1253] Davila (*Historia de Felipe Tercero*, lib. ii. p. 41), after eulogizing the personal qualities of Lerma, adds, 'Y sin estas grandes partes tuvo demostraciones christianas, manifestandolo en los conventos, iglesias, colegiadas, hospitales, ermitas y catedras, que dejó fundadas, en que gastó, como me consta de los libros de su Contaduría, un millon ciento cincuenta y dos mil doscientos ochenta y tres ducados.' После такой чудовищной расточительности Ватсон вполне мог бы сказать в своей довольно поверхностной, но, в целом, хорошо составленной Истории, что Лерма проявил 'самую преданную привязанность к церкви' и 'заручился благосклонностью духовенства'. *История Филиппа III Уотсона.*, Лондон, 1839, стр. 4, 8, 46, 224.

[1254] Единственная энергия Филиппа III. когда-либо проявлявшийся, он поддерживал усилия своего служителя по расширению влияния Церкви; и, следовательно, по словам испанского историка, он был "монархом ле плюс пьеукс пармиус се, который занимал трон великой Испании вместо святого Фердинанда". *Sempère, Monarchie Espagnole*, vol. i. p. 245. 'El principal cuidado de nuestro Rey era tener á Dios por amigo, grangear y beneficiar su gracia, para que le asistiese propicio en quanto obrase y dixese. De aqui tuvieron principio tantos dones ofrecidos á Dios, tanta fundacion de Conventos, y favores hechos á Iglesias y Religiones.' *Davila, Historia de Felipe Tercero*, lib. ii. p. 170. Его жена Маргарет была не менее активна. См. *Флорес, Рейнас Католикас*, том ii. стр. 915, 916. 'Demas de los frutos que dió para el Cielo y para la tierra nuestra Reyna, tuvo otros de ambas lineas en fundaciones de Templos y obras de piedad para bien del Reyno y de la Iglesia. En Valladolid fundó el Convento de las Franciscas Descalzas. En Madrid trasladó á las Agustinas Recoletas de Santa Isabel desde la calle del Principe al sitio en que hoy estan. Protegió con sus limosnas la fundacion de la Iglesia de Carmelitas Descalzas de Santa Ana; y empezó á fundar el Real Convento de las Agustinas Recoletas con titulo de la Encarnacion en este misma Corte, cuya primera piedra se puso á 10 de Junio del 1611. En la parroquia de S. Gil junto al Palacio introdujo los Religiosos Franciscos, cuyo Convento persevera hoy con la misma advocacion.' Как жила страна, пока все это происходило, мы сейчас увидим.

[1255] The burden of the petition was, 'Que se tratasse con mas veras de poner limite á los bienes, que se sacauan cada dia del braço Seglar al Ecclesiastico, enflaqueciendo no tan solo el patrimonio Real, mas el comun, pues siendo aquel libre de pechos, contribuciones, y gaudelas, alojamientos, huespedes, y otros grauamenes mayores, presidios, guerras, y soldados.' ... 'Que las Religiones eran muchas, las Mendicantes en excesso, y el Clero en grande multitud. Que auia en España 9088 monasterios, aun no cõtando los de Monjas. Que yuan metiêdo poco á poco, con dotaciones, cofradias, capellanias, o con cõpras, á todo el Reyno en su poder. Que se atajasse tanto mal. Que

huuiesse numero en los frayles, moderacion en los Cõuentos, y aun en los Clerigos seglares.’ *Сеспедес, История дон Фелипе IV.*, Барселона, 1634, fol. lib. vii. cap. 9, стр. 272 rev. Это единственный заметный отрывок в необычайно скучной хронике, которая, хотя и претендует на звание истории Филиппа IV, ограничивается первыми несколькими годами его правления.

[1256] ‘En este año, que iba escribiendo esta Historia, tenían las Ordenes de Santo Domingo, y S. Francisco en España, treinta y dos mil Religiosos, y los Obispados de Calahorra y Pamplona veinte y quatro mil clerigos; pues qué tendran las demas Religiones, y los demas Obispados?’ *Давила, История Фелипе Терсере*, lib. ii. стр. 215. См. также главу xcvi. стр. 248, 249; а об увеличении числа монастырей см. *Яньес, Воспоминания по истории Фелипе III.*, стр. 240, 268, 304, 305.

[1257] Правление Филиппа III, прозванного за свое благочестие Добрым, было золотым веком церковников. Хотя религиозных фундаментов и без того было слишком много, к ним были сделаны большие дополнения; а в тех, которые уже существовали, были возведены новые алтари или алтари. Таким образом, герцог Лерма основал семь монастырей и две коллегиальные церкви; таким образом, епархия Калахорры насчитывала 18 000 капелланов, Севильская - 14 000. Насколько бесполезно множились служители религии, станет еще яснее из того факта, что только в Севильском соборе их было сто, тогда как полдюжины, несомненно, было бы достаточно для общественных богослужений.’ *История Испании Данхэма*, том v., стр. 274. Согласно отрывку, процитированному в примечании 93, из Давилы, в двух епархиях Калаорры и Памплонны насчитывалось двадцать четыре тысячи "клеригос".

[1258] ‘Entre tanto crecia por instantes y se aumentaba prodigiosamente el poder y la autoridad de la Iglesia. Sus pingües riquezas desmembraban de una manera considerable las rentas de la corona; y el estado eclesiástico, que muchos abrazaron en un principio á consecuencia de las desgracias y calamidades de la época, fué despues el mas solicitado por las inmensas ventajas que ofrecia su condicion comparada con la de las clases restantes.’ *Antequera, Historia de la Legislacion*, pp. 223, 224. Смотрите также в *Campomanes, Справочнике по образованию*, Мадрид, 1775-1777, т. i, стр. 465, и т. iv, стр. 219, заявление Толедского университета, сделанное в 1619 или 1620 году, что "с добрыми религиозными убеждениями, клеригосами и эстудиянтами; порке я не халлан от модуса жизни, ни от способа поддержания’. Если бы взгляд М. Лафуэнте упал на этот и другие отрывки, которые я коротко процитирую со слов современных наблюдателей, он, я думаю, выразился бы гораздо решительнее, чем он сделал в отношении этого периода в своей недавней блестящей, но неудовлетворительной "Истории Испании". О большом богатстве монастырей в 1679 году, когда остальная часть страны была погружена в нищету, см. Письмо из Мадрида от 25 июля 1679 г. в *D'Aulnoy, Relation du Voyage d'Espagne*, Лион, 1693, т. ii. стр. 251. Но самое раннее свидетельство, с которым я столкнулся, содержится в письме, написанном в 1609 году английскому принцу Генриху сэром Чарльзом Корнуоллисом, английским послом в Мадриде. ‘Убранство их церквей здесь, а также богатство и блеск их гробниц, сделанных в каждом монастыре (учитывая общую бедность этого королевства), почти невероятны. Миряне этой страны могут сказать вместе с Давидом (хотя и в другом смысле): “Zelus domus tuæ, помоги мне”, ибо, несомненно, все Мирские богатства в некотором роде попали в уста и всепожирающие глотки Духовных.’ *"Мемориалы государственных дел Уинвуда"*, том iii. стр. 10, Лондон, 1725, фолио.

[1259] ‘Deux millions de ducats, que le clergé possédait sous le règne de Charles V, étaient réputés comme un revenu exorbitant; et, un demi-siècle plus tard, lorsque ces revenus s'élevaient à huit

millions, on qualifiat d'hérétique, toute proposition tendant à opérer quelque modification dans leur accroissement.' *Sempère, Monarchie Espagnole*, vol. ii. p. 16.

[1260] В работе об испанской литературе, которая была опубликована около семидесяти лет назад и которая на момент своего появления наделала много шума, эта особенность откровенно признается, но считается скорее честью для Испании, чем чем-либо иным, поскольку эта страна, как нам говорят, произвела философов, которые проникли в суть вещей гораздо глубже, чем Бэкон, Декарт и Ньютон, которые, без сомнения, были выдающимися учеными. умные люди, но их ни в коем случае нельзя было сравнить с великими мыслителями полуострова. Подобные утверждения, исходящие не от какого-нибудь невежественного презирателя физической науки, который презирает то, что он никогда не утруждал себя изучением, а от действительно способного и, в некоторых отношениях, компетентного судьи, важны для истории общественного мнения; и поскольку книга не очень распространена, я приведу две или три выдержки. 'Confiesan los Franceses con ingenuidad que Descartes fué un novelista: y con todo eso quieren hacerle pasar por el promotor de la filosofía en Europa, como si su filosofía se desemejase mucho de la que dominaba en las sectas de la antigüedad. Su tratado "Del Metodo" es nada en comparacion de los libros "De la Corrupcion de las Artes" de Juan Luis Vives, que le antecedió buen número de años.' *Oracion Apologética por la España y su Mérito Literario por D. J. P. Forner*, Madrid, 1786, p. xi. 'No hemos tenido en los efectos un Cartesio, no un Neuton: démoslo de barato: pero hemos tenido justísimos legisladores y excelentes filósofos prácticos, que han preferido el inefable gusto de trabajar en beneficio de la humanidad á la ociosa ocupacion de edificar mundos imaginarios en la soledad y silencio de un gabinete.' p. 12. 'Nada se disputaba en España.' p. 61. На стр. 143 сравнение Бекона и Вивеса; и окончательное решение, стр. 146, о том, что Вивес наслаждается "una gloriosa superioridad для всех, кто любит сабиос де тодос лос сиглос".

[1261] Окончательная профессия была получена только в 1616 году; но он начал носить одежду в 1613 году. 'Tal era su situacion el sábado santo 2 de abril' [1616] 'que por no poder salir de su casa hubieron de darle en ella la profesion de la venerable órden tercera de San Francisco, cuyo hábito habia tomado en Alcalá, el día 2 de julio de 1613.' *Navarrete, Vida de Cervantes*, p. cii. приставка к "Дон Кихоту", Барселона, 1839. Even in 1609, says Navarrete, (p. lxii.), 'Se ha creído que entónces se incorporó tambien Cervantes, como lo hizo Lope de Vega, en la congregacion del oratorio del Caballero de Gracia, mientras que su muger y su hermana doña Andrea se dedicaban á semejantes ejercicios de piedad en la venerable órden tercera de San Francisco, cuyo hábito recibieron en 8 de junio del mismo año.'

[1262] *История испанской литературы Тикнора*, том ii. стр. 125, 126, 137, 147, 148.

[1263] Там же. том ii. стр. 374. *Biographie Universelle*, vol. xxx. pp. 149, 150.

[1264] *История испанской литературы Тикнора*, том ii. стр. 276, 327.

[1265] *Тикнор*, том ii. стр. 327.

[1266] *История испанской литературы Бутервека*, том i, стр. 525. Но лучший отчет - это отчет его биографа, который уверяет нас в двух фактах: что он получил 'тодас лас орденес саградас' и что он был "преданным Марии сантисимы". *Вида де Солис*, стр. 15, с добавлением к *Солису, Истории Конкисты в Мехико*, изд. Париж, 1844 год.

[1267] *Биография Вселенной*, том xl. стр. 319.

[1268] "Священная соя". *Davila, Historia de la Vida de Felipe Tercero*, lib. ii. p. 215.

[1269] *Всемирная биография*, том. xxvii. стр. 42.

[1270] *Там же*. том xxix. стр. 80.

[1271] *Там же*. том vii. стр. 219.

[1272] *Там же*. том ii. стр. 293.

[1273] *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 177.

[1274] *Там же*. том ii. стр. 491, том iii. стр. 117, 118.

[1275] "*Литература юга Европы*" *Сисмонди*, том ii. стр. 348, Лондон, 1846.

[1276] 'Перо и фин Мурио Дон Андрес Мартинес, сын Каноньи нуэстро Бартоломе'. *Пеллисер, Энсайо де уна Библиотека*, Мадрид, 1778, 4 т. стр. 94. Это был младший Ардженсола.

[1277] *История испанской литературы Тикнора*, том ii. стр. 486.

[1278] "Занимал высокое положение в инквизиции". *Тикнор*, том ii. стр. 507. 'Prit les ordres, et obtint un canonicat.' **RSQU

Biographie Univ. vol. xxxviii. с. 120.]

[1279] В 1663 году Филипп IV. 'le honró con otra Capellanía de honor en su real Capilla.' *Vida de Calderon*, p. iv., prefixed to *Las Comedias de Calderon*, edit. Keil, Leipsique, 1827.

[1280] 'Кальдерон, по сути, истинный поэт инквизиции. Движимый религиозным чувством, которое слишком заметно во всех его произведениях, он внушает мне только ужас за веру, которую он исповедует'. "*Литература юга Европы*" *Сисмонди*, том ii. стр. 379. Сравните *Льюиса с испанской драмой*, стр. 176-179.

[1281] Salfi says, 'Calderon de la Barca excite encore plus une sorte d'indignation, malgré son génie dramatique, qui le mit audessus de Vega, son prédécesseur. En lisant ses drames sans prévention, vous diriez qu'il a voulu faire servir son talent uniquement à confirmer les préjugés et les superstitions les plus ridicules de sa nation.' *Ginguenè, Histoire Littéraire d'Italie*, vol. xii. p. 499, Paris, 1834.

[1282] 'Entró en el año de 1622 á ser *Relator del Consejo de la General Inquisicion*, cuyo empleo servió y desempeñó con todo honor muchos años.' And he declared, 'en esta clausula de su Testamento: "Y por quanto yo y mis hermanos y toda nuestra familia nos hemos sustentado, autorizado y puesto en estado con las honras y mercedes, que nos ha hecho el santo Oficio de la Inquisicion, á quien hemos servido como nuestros antepassados; encargo afectuosissimamente á todos mis successors le sean para siempre los mas respetuosos servidores y criados, viviendo en ocupacion de su santo servido, procurando adelantarse y señalarse en él, quanto les fuere possible, en qualquiera de sus ministerios; pues todos son tan dignos de estimacion y veneracion."' *La Mosqueea, por Villaviciosa*, Prologo, pp. x.-xii., edit. Мадрид, 1777 год.

[1283] Вряд ли какой-либо монастырь или сколько-нибудь заметный святой в Испании в XVI и XVII веках не пользовался особым увековечиванием; и у каждого из религиозных орденов и великих соборов был по крайней мере один историк, а у большинства из них по несколько. Таким

образом, количество книг по испанской церковной истории вполне можно назвать огромным.' *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 132. Форнер уверяет нас, несколько напрасно, в том, в чем никто никогда не сомневался, что "святая святых джамаса распадается в Испании". *Форнер, Апологетический оракул*, Мадрид, 1786, стр. 141.

[1284] В 1623 году Хауэлл пишет из Мадрида: 'Здесь с таким почтением относятся к церкви и с таким святым самомнением относятся ко всем священнослужителям, что величайший дон Испании задрожит, если подвергнет самого низкого из них какому-либо оскорблению'. *Письма Хауэлла*, редактировать. Лондон, 1754, стр. 138. 'Почтение, которое они проявляют к священному служению церкви, удивительно; принцы и королевы не побрезгуют поцеловать рукав капуцина или стихарь священника'. ... "Там нет таких скептиков и придирок, как в других местах'. стр. 496. In 1669, another observer writes: 'En Espagne les Religieux sont les maîtres, et l'emportent partout où ils se trouvent.' *Voyages faits en divers Temps en Espagne*, Amsterdam, 1700, p. 35. And, to quote one more authority, the following picture is given of Spanish society in the reign of Philip IV.: 'No habia familia con quien no estuvieran entroncados los frailes por amistad ó parentesco; ni casa que les cerrara sus puertas; ni conversacion en que no se les cediera la palabra; ni mesa en que no se les obligara á ocupar la primera silla; ni resolucion grave entre ricos ó pobres que se adoptara sin su consejo; y si no tomaban parte en ellas, las satisfacciones domésticas no eran cabales.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. i. p. 94.

[1285] 'Le cardinal de Richelieu, qui n'étoit pas très-susceptible de pitié, l'appelle "le plus hardi et le plus barbare conseil dont l'histoire de tous les siècles précédens fasse mention."' *Sismondi, Histoire des Français*, vol. xxii. стр. 163, Париж, 1839.

[1286] 'Porque los Reyes queriendo, que en todo el Reino fuesen Christianos, embiaron á Frai Francisco Ximenez, que fue Arzobispo de Toledo i Cardenal, para que los persuadiese. Mas ellos, gente dura, pertinaz, nuevamente conquistada, estuvieron recios,' *Mendoza, Guerra de Granada que hizo Felipe II. contra los Moriscos*, Valencia, 1776, 4to. p. 10. Автор этой книги родился в начале шестнадцатого века в Гранаде, где прожил значительный период.

[1287] 'L'année 1526 vit donc disparaître dans toutes les parties de l'Espagne les signes extérieurs de l'islamisme.' *Circourt, Hist. "Арабские страны Испании"*, Париж, 1846, т. ii, с. 220. М. Лафуэнте ("*История Испании*", т. х, с. 132) говорит о 1502 году, что "в окружении, например, кабо-де-очо сиглос, не было никого, кто жил бы в Одиночку в Испании, кто искал культа Магомы": но в т. xi, с. 447, он говорит, что в 1524 году "вольвиерон в педиатрии изучают ритуалы и церемонии музицирования." Поскольку г-н де Серкур был хорошо знаком со всеми материалами, использованными г-ном Лафуэнте, и, более того, является гораздо более критичным автором, представляется вероятным, что его утверждение верно.

[1288] 'Ces malheureux auraient tous été exterminés, s'ils n'avaient consenti à recevoir le baptême. Au milieu des décombres de leurs maisons, sur les cadavres fumans de leurs femmes, ils s'agenouillèrent. Les germanos, ivres de sang, firent l'office de prêtres; l'un d'eux prit un balai, aspergea la foule des musulmans, en prononçant les paroles sacramentelles, et crut avoir fait des chrétiens. L'armée des germanos se répandit ensuite dans le pays environnant, saccageant d'abord, baptisant après.' *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, vol. ii. p. 175. См. также стр. 202.

[1289] Таково было их общее название; но в Арагоне их называли "торнадизо", en language insultante". *Джанер, Условия жизни морисков Испании*, Мадрид, 1857, стр. 26.

[1290] 'Recibieron el Sacramento por comodidad, no de voluntad, y así encubrian todo lo possible el viuir y morir en la secta de Mahoma, siendo infieles apostatas.' *Vanderhammen's Filipe Segundo*, p. 12. 'Porque la Inquisicion los comenzó á apretar mas de lo ordinario.' *Mendoza, Guerra de Granada*, p. 20. 'Poner nuevo cuidado i diligencia en descubrir los motivos destos hombres,' p. 26. And yet this very writer has the impudence to declaim against Mohammedanism as a cruel religion. "Жестокая и омерзительная религия, распространенная среди людей и невинных", стр. 107, 108.

[1291] Vanderhammen (*Filipe Segundo*, p. 12, Madrid, 1632) merely tells us that 'Por cedula el año sesenta y seis les mandó dexassen el habito, lengua y costumbres de Moros, y fuessen Christianos y lo pareciessen.' But the exact provisions were, 'Que dentro de tres años aprendiesen los moriscos á hablar la lengua castellana, y de allí adelante ninguno pudiese hablar, leer ni escribir arábigo en publico ni en secreto: que todos los contratos que se hiciesen en arábigo fuesen nulos: que todos los libros así escritos los llevasen en término de treinta dias al presidente de la audiencia de Granada para que los mandase examinar, devolviendoseles aquellos que no ofrecieran inconveniente para que los pudiesen guardar solo durante los tres años: que no se hicieran de nuevo marlotas, almalafas, calzas ni otra suerte de vestidos de los que se usaban en tiempos de moros; que durante este tiempo, las mujeres vestidas á la morisca llevarian la cara descubierta; que no usasen de las ceremonias ni de los regocijos moros en las bodas, sino conforme al uso de la Santa Madre Iglesia, abriendo las puertas de sus casas en tales dias, y tambien en los de fiesta, no haciendo zambras ni leylas con instrumentos ni cantares moriscos, aunque no dijese en ellos cosas contraria á la religion cristiana,' &c. *Janer, Condicion de los Moriscos*, pp. 31, 32, where other particulars will be found, which should be compared with *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, vol. ii. pp. 278, 283, 459-463.

[1292] Некоторые другие шаги, которые были предприняты до 1566 года, чтобы оскорбить Мориско, перечислены в "*Истории Филиппа II*" *Прескотта*., том iii, стр. 10, и в других местах. В правление Карла V. было много актов местной тирании, которые ускользают от внимания историков. Один из них, со стороны епископа Гвадикса, заслуживает того, чтобы его процитировать. 'On le vit pousser l'intolérance jusqu'à faire raser les femmes et les obliger à racler leurs ongles pour en faire disparaître les traces du henné, cosmétique inoffensif dont il abhorrait l'usage, en raison de ce que les Arabes l'avaient introduit.' *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, vol. ii. p. 226.

[1293] Его финальная сцена в марте 1571 года искусно изображена в "*Истории Филиппа III*" *Прескотта*., том iii. стр. 148-151. Великолепное мужество мориско засвидетельствовано Мендосой в его современной истории войны; но, рассказывая об ужасных бесчинствах, которые они, несомненно, совершили, он не принимает во внимание продолжительные и невыносимые провокации, которым они подвергались со стороны испанских христиан. То, что он упоминает об одном из сражений, любопытно, и я не помню, чтобы видел запись этого где-либо еще. 'Fue porfiado por ambas partes el combate hasta venir á las espadas, de que los Moros se aprovechan menos que nosotros, por tener las suyas un filo i no herir ellos de punta.' *Mendoza, Guerra de Granada*, edit. 4to. Валенсия, 1776, с. 168.

[1294] Такой экземпляр был выставлен в 1578 году, в тот самый день, когда Филипп III. родился. "Предсказание для лугара Арагонского, сегодняшнее для Морисков, мусульманина Рикла, Торрельяса, религиозного человека, мусульманина Варгаса, миссия как нация для Магестада, начало покой фруто, как хасида для проповедей, диксо, кто в Профессии, кто в благородном мятеже: Почему нет ответа на вопрос, кто виноват в том, что печос - это адская секта, сабед, как

нация в Кастилии? Принципи, что значит быть эчером Испании". *Порреньо, Дихос и Хечос Фелипе III.*, в *Яньесе, Memorias*, Мадрид, 1723, стр. 224; и почти те же слова у *Джанера, Condicion de los Moriscos*, стр. 60. Г-н Прескотт в своей "*Истории Филиппа II*", т. iii, стр. 139, цитирует письмо мисс от дон-а Джона из Австрии Филиппу II., написанное в 1570 году и заявляющее, что испанские монахи открыто проповедовали против снисходительности, с которой король обращался с Мориско. 'Predicando en los púlpitos publicamente contra la benignidad y clemencia que V. M. ha mandado usar con esta gente.'

[1295] В недавней работе, пользующейся значительным авторитетом, отрицается, что Филипп II вынашивал желание изгнать Мориско. 'El carácter austero y la severidad de Felipe II. redundaban en favor de los moriscos, porque no daba oídos á las instigaciones de algunos personajes que señalaban la expulsion general como unico remedio eficaz para los males que ofrecia al pais aquella desventurada raza. Acababa el monarca de tocar los tristes resultados de una emigracion por las funestas consecuencias de la despoblacion del reino granadino, y preferia continuar en la senda de la conciliacion, procurando de nuevo la enseñanza de los conversos.' *Джанер, Condicion de los Moriscos*, Мадрид, 1857, стр. 59. Но, не говоря уже о том факте, что это противоречит всему, что мы знаем о характере Филиппа, у нас есть, с другой стороны, свидетельство архиепископа Рибера, который часто общался с королем по этому вопросу и который отчетливо заявляет, что Филипп желал изгнания мавров из Испании: "Эль хечар лос Морос десте Рейно, ха сидо коса муйсада, и прокурада за лос Рейес предшествует дель Рею, сеньору нуэстро, без суда и следствия." ... "Эль-рей Дон Фелипе Второй, сеньор нуэстро, потерпел поражение от эстоса Рейноса, *туво эль мисмо десео*; и асси мандо, как хунтассен лос Преладос, как Рейно, исправивший ситуацию в бускаре в 1568 году; как архиепископ Метрополии, преподобный дон Эрнандо де Луазес. Hizieronse en aquella Junta algunas Constituciones de consideracion. Visto que no aprovechaban, mandó el año 1587 que se hiziesse otra Junta, *en la qual me hallé yo*: añadimos tambien algunas nuevas Constituciones. Y constando á su Magestad que no eran bastantes las diligencias passadas, y que siempre perseveraban en su heregia, se resolvio de mandarlos hechar del Reyno, ó por lo menos meterlos dentro de la tierra.' *Ximenez, Vida de Ribera*, Roma, 1734, 4to. pp. 419, 420. Этот важный отрывок является решающим относительно истинных чувств Филиппа, если только мы не предположим, что Рибера сказал заведомую ложь. Но, как ни странно, даже книга, в которой содержится столь примечательный отрывок, по-видимому, неизвестна ни г-ну Джанеру, ни г-ну Лафуэнте.

[1296] 'El rey Felipe III., hombre de rudo ingenio, se dejaba gobernar con facilidad por aquellos que sabiendo los temores de su conciencia, se aprovechaban de su imbecilidad para conseguir cuanto querian. Muchos eclesiásticos, recordando las espulsiones de judios y moros ejecutadas de órden de Fernando é Isabel, y conociendo que á Felipe III. seria agradable imitar á estos monarcas, le aconsejaron que condenase al destierro á todos los moriscos que vivian en sus reynos; pues no solo se obstinaban en seguir la ley mahometana, sino que tenían tratos con los turcos y entre sí para buscar sus libertades por medio del rigor de las armas.' *Castro, Decadencia de España*, Cadiz, 1852, pp. 101, 102.

[1297] Эти мемориалы напечатаны Хименесом в приложении к "Его жизни". См. очень любопытную книгу, озаглавленную "*Виды и добродетели преподобного Сьер-во Диоса Д. Хуана де Рибера*", для священнослужителя Хуана Хименеса, Рим, 1734, 4 т. стр. 367-374, 376-393. Я полагаю, что это произведение чрезвычайно редкое; во всяком случае, я тщетно пытался раздобыть экземпляр в Испании или Италии, и после нескольких лет безуспешных поисков я

наткнулся на тот, который у меня сейчас есть, в лондонском книжном киоске. Месье де Серкур в своей "Ученой истории испанских арабов", по-видимому, не знал о его существовании, и он жалуется, что не смог раздобыть работы Риберы, воспоминания которого он, следовательно, цитирует из вторых рук. *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, Paris, 1846, vol. iii. pp. 168, 351. Уотсон, по-видимому, тоже этого не знал, хотя и он, и месье де Серкур ссылаются на "Жизнь Риберы" Эскривы. *"Филипп III" Уотсона.*, Лондон, 1839, стр. 214-221. Краткое содержание этих Мемориалов приведено Геддесом, который, хотя и был образованным и точным писателем, имел вредную привычку не указывать источники своей информации. *Трактаты Геддеса*, Лондон, 1730, том i, стр. 60-71.

[1298] 'Por lo qual se puede creer, que nuestro Señor ha querido reservar esta obra tan digna de pecho Real para Vuestra Magestad, como reservó la libertad e su pueblo para Moyses, la entrada de la Tierra de Promission para Josue, la vengança de la injuria antigua de los Amalequitas para Saul, y la victoria de los Filisteos para David.' *Ximenez, Vida de Ribera*, p. 370. Again, p. 377: 'Y al primer Rey que tuvo el Mundo, en siendo elegido por Dios, y confirmado en su Reyno, le embia á mandar por un Propheta que destruya á los Amalequitas, sin dexar hombres, ni mugeres, ni niños, aunque sean de leche, en fin que no quede rastro de ellos, ni des sus haziendas. Y porque no cumplió exactamente su mandamiento, cayó en indignacion de Dios, y fue privado del Reyno. Al segundo Rey, que fue David, le mandó Dios en siendo jurado, que destruyesse los Philisteos, como lo hizo.'

[1299] 'El año quando se perdió la poderosa Armada, que iba á Inglaterra, confiado de la benignidad del Rey nuestro Señor, que está en el Cielo, me atreví con el zelo de fiel vassallo y Capellán, á dezir á Su Magestad; que aviendo gastado mucho tiempo en discurrir, que causa podia aver para que Dios, nuestro Señor, permitiesse aquel mal sucesso se me havia ofrecido una cosa de mucha consideracion, y era, querer dezir la Magestad Divina á Su Magestad Catolica; que mientras no ponía remedio en estas Heregias de España, cuyos Reynos le avia encomendado, no se debía ocupar en remediar las de los Beynos agenos. Y ahora confiando en la misma benignidad, y clemencia de Vuestra Magestad, me atrevo tambien á dezir, que aviendo considerado la causa, porque Dios nos ha quitado de las manos la toma de Argel, aviendose dispuesto todas las prevenciones para ella con la mayor prudencia, y sagacidad, que hemos visto en nuestros tiempos, y sirviendonos el mar, y los ayres, y las ocasiones, de la manera, que podíamos dessear, tengo por sin duda, que ha sido, querer nuestro Señor dar á Vuestra Magestad el ultimo recuerdo de la obligacion, que tiene, de resolver esta platica.' *Ximenez, Vida de Ribera*, p. 373. Было бы жаль, если бы такие замечательные образцы теологических рассуждений остались похороненными в старом римском квартале. Я поздравляю себя и читателя с приобретением этого тома, представляющего собой обширный перечень мощного, хотя и устаревшего оружия.

[1300] 'Todas estas cosas, y otras muchas, que dexo de dezir, por no ser prolixo, me hazen evidencia, de que conviene para el servicio de Dios nuestro Señor, y que Vuestra Magestad está obligado en conciencia, como Rey, y Supremo Señor, á quien toca de justicia defender, y conservar sus Reynos, mandar desterrar de España todos estos Moriscos, sin que quede hombre, ni muger grande, ni pequeño; reservando tan solamente los niños, y niñas, que no llegaren á siete años, para que se guarden entre nosotros, repartien dolos por las casas particulares de Christianos viejos. Y aun hay opinion de personas doctas, que estos tales niños y niñas, los puede Vuestra Magestad dar por esclavos, y lo fundan con razones probables.' *Ximenez, Vida de Ribera*, pp. 379, 380. 'Destos que se han de desterrar, podra Vuestra Magestad tomarlos que fuere servido por esclavos, para proveer sus Galeras, ó para embiar á las minas de las Indias, sin escrupulo alguno de conciencia, lo que tambien

será de no poca utilidad.’ p. 384. Сделать это означало проявить милосердие, ибо все они заслуживали высшей меры наказания, "мерецианской смертной казни’. стр. 381.

[1301] ‘Aora, Catolica Magestad, vemos que Dios nuestro Señor ha reservado para Vuestra Magestad, y para su Real Corona, el nombre, y hechos de Rey Catholico: permitiendo por sus secretos juizios, que los que han sido siempre enemigos de su Iglesia se conserven, y que los que antes eran Catholicos, ayan degenerado, y apostatado de su santa ley y assi va la honra de Dios nuestro Señor, y el exemplo, y confusion de los otros Reyes, en que Vuestra Magestad tenga sus Reynos limpios de Hereges, y principalmente á España. Y quando esto huviesse de costar grandes trabajos, y todo el oro, y plata, que hay en las Indias, estaria muy bien empleado: pues se atraviessa la honra de Dios, la de su Santa Iglesia, el antiguo renombre desta Corona,’ &c. *Ximenez, Vida de Ribera*, p. 382. А о пренебрежении долгом Карлом V и Филиппом II см. стр. 370.

[1302] ‘Самым влиятельным сторонником их изгнания был дон Бернардо де Рояс-и-Сандовал, кардинал-архиепископ Толедо, генеральный инквизитор и канцлер Испании. Этот великий прелат, который был братом герцога Лермы, которым король несколько лет до и несколько лет после изгнания полностью управлял, был настолько ревностен к уничтожению всего рода Мориско, что выступал против заключения под стражу их детей, которым не исполнилось семи лет, утверждая, что из двух он счел более целесообразным перерезать глотки всем мориско, мужчинам, женщинам и детям, чем оставить кого-либо из их детей в Испании, чтобы осквернить истинную испанскую кровь примесью испанской крови. Мавританский.’ *Трактаты Геддеса*, том i. стр. 85, 86. Наваррете произнес пламенную хвалебную речь благочестию и другим благородным качествам этого прелата; и говорит, что ‘ленандо де эсплендор кон су добродетель трех силлас епископалес, свидетельство о Кlemente VIII. le honrase con el capelo, y fué elevado á la primada de Toledo y al empleo de inquisidor general.’ *Vida de Cervantes*, pp. xcvi., xcvi., Barcelona, 1839.

[1303] “Он заверил всех старохристианских мирян, что всякий раз, когда король даст слово, они могут без зазрения совести перерезать глотки всем Мориско и не пощадить никого из них, если они объявят себя христианами; но следовать святому и похвальному примеру Круазадо, которая была возведена против альбигойцев, которые, сделав себя хозяевами города Безейр, где проживало двести тысяч католиков и еретиков, спросили отца Арнольда, цистерцианского монаха, который был их главным проповедником, “Должны ли они предать мечу кого-либо, кто выдавал себя за католиков“; и святой аббат ответил, “Что они должны убить всех без различия и предоставить Богу, знающему свое дело, вознаградить их за то, что они были истинными католиками в загробном мире“; что было соответственно исполнено.’ *Геддес*, том i, стр. 84.

[1304] “Grande resolucion!” contestó el débil monarca al ministro favorito: “hacedlo vos, duque.”” *Lafuente, Historia de España*, vol. xv. p. 375. Но этот ответ, столь далекий от того, чтобы быть признаком слабости со стороны Филиппа, был строго логичным применением принципов, которых он придерживался и которые, действительно, были почти универсальными в Испании. We know from his contemporary biographer, that ‘Determinó el Rey en los principios de su Reynado, como Rey tan poderoso y Catolico, de consagrar y dedicar à Dios la potencia de sus Consejos y Armas para extinguir y acabar los enemigos de la Iglesia Santa.’ *Davila, Historia de la Vida de Felipe Tercero*, lib. i. p. 44.

[1305] Это средняя оценка. Некоторые авторы делают это меньше, а некоторые больше; в то время как один автор говорит: "Число изгнанных оценивается в четыреста тысяч семей, или два

миллиона душ'. *Clarke's Internal State of Spain*, London, 1818, p. 33. But this is incredible. M. Castro (*Decadencia de España*, Cadiz, 1852, p. 105) says, 'España perdió en los moriscos un millon de habitantes;' and M. Janer (*Condicion de los Moriscos*, Madrid, 1857, p. 93), 'Sin entrar en cálculos sobre los que habia quando se expidio el edicto de Valencia en 1609, ni sobre los que fenecieron en las rebeliones, de mano armada, de sed, de hambre ó ahogados, creemos poder fijar, aproximadamente, en novecientos mil los que llegaron á poner el pie fuera de la península, despidiéndose para siempre de las costas y fronteras de España, cuya cifra deducimos del exámen y contexto de unos y otros escritores, de las listas que nos han quedado de los expulsos, de los datos de diversas relaciones, estados y documentos examinados con este solo intento;' and further on, p. 105, 'la expulsion de un millon, ó novecientos mil de sus habitantes.' Льюренте (*История инквизиции*, том iii, стр. 430, Париж, 1818) говорит: "Миллион жителей использует и трудится"; Хименес (*Виде де Рибера*, Рим, 1734, 4 т. т. 70) - "миллион новичков"; а Буазель, который был в Испании через пятьдесят лет после изгнания и собирал традиционные свидетельства, говорит: "Что-то вроде новой цензуры милля". люди справедливости, де Валенс, д'Андалузи и де Кастилия. Буазель, *Журнал Испанского путешествия*, Париж, 1669, 4 т. стр. 275.

[1306] "Филипп III" Уотсона., стр. 234-235. *Davila, Vida de Felipe III.*, p. 146. *Yañez, Memorias para la Historia de Felipe III.*, pp. 281, 290. *Janer, Condicion de los Moriscos*, pp. 83, 84, 90. Некоторые подробности, касающиеся их изгнания, также можно найти в письмах Коттингтона из Мадрида, которые были написаны в 1609 году, но представляют очень малую ценность. "Мемориалы государственных дел" Уинвуда, том iii. стр. 73, 91, 103, 118, Лондон, фолио, 1725.

[1307] В современной проповеди в память об их изгнании проповедник радостно восклицает: "Да, мэр достопочтенный подемос тенер в эсте Рейно, кто виноват в том, что они живы в эле, поляне и Диос, и все остальные, греховная компания estos Hereges и traydores". ?' *Ximenez, Vida de Ribera*, p. 423. Another clergyman cries out, 'Al fin salieron estos, y quedó la tierra libre de la infamia de este gente.' *Davila, Vida de Felipe Tercero*, p. 149. См. также стр. 151. 'Y es digno de poner en consideracion el zelo que los Reyes de España tuvieron en todo tiempo de sustentar la Fé Catolica; pues en diferentes expulsiones que han hecho, han sacado de sus Reynos tres millones de Moros, y dos millones de Judios, enemigos de nuestra Iglesia.'

[1308] Смотрите проповедь архиепископа Валенсии, подробно напечатанную в Приложении к *Ximenez, Vida de Ribera*, стр. 411-428. Я бы с удовольствием процитировал все это, но читатель должен довольствоваться частью текста, стр. 426, 427. 'Entre las felizidades, que cuenta el Espiritu Santo que tuvieron los hijos de Israel en el gobierno del Rey Salomon, es una; que vivian los hombres seguros, durmiendo á la sombra de su parra, y de su higuera, sin tener de quien temer. *Assi estaremos en este Reyno de aqui adelante*, por la misericordia de nuestro Señor, y paternal providencia de Su Magestad, todo nos sobrará, y la misma tierra se fertilizará y dará fruto de bendicion. Brocardico es, de que todos usabades, diziendo que despues, que estos se bautizaron, no se avia visto un año fertil; *ahora todos lo seran*, porque las heregias y blasfemias de estos tenian esterilizada, abrasada, y inficionada la tierra, como dixo el Real Propheta David, con tantos pecados y abominaciones.' ... 'Y edificarán en las tierras, que antes eran desiertas, plantando viñas, y bebiendo el vino de ellas, y sembrarán huertas, y comeran del fruto de los arboles, que han plantado, y nunca seran hechados de sus casas, dize Dios. Todo esto promete nuestro Señor por dos Prophetas suyos. *Сегодня (digo otra vez) без собрания*. "Все это должно было случиться с народом; в то время как что касается короля, то он в той же проповеди, стр. 416, сравнивается с Давидом; и другой высокий

авторитет заявил, что его изгнание мориско было настолько великим подвигом ('хазанья'), что 'дурара су память о венидеросе сиглосе'. *Porreño*, in *Yañez, Memorias para Felipe III.*, p. 281.

[1309] 'Среди благочестивого ликования всего королевства Сервантес, Лопе де Вега и другие гениальные люди, жившие в то время, присоединились ко всеобщему юбилею'. *"История испанской литературы" Тикнора*, том i, стр. 428, 429. Сравните *"Мемуары Данлопа"*, том i, стр. 16. Порреньо говорит, что его можно отнести к семи чудесам света; "la podemos poner entre las siete maravillas del mundo". *Яньес, Memorias*, стр. 297: и Давила (*Vida de Felipe Tercero*, lib. ii. cap. 41, с. 139) объявляет это самым славным достижением, которое было замечено со времен Пелайо. Все это достаточно естественно; но что действительно любопытно, так это проследить современные остатки этого чувства. Кампоманес (*Справочник по народному образованию*, том iv, стр. 130, Мадрид, 1777), очень способный человек и гораздо более либеральный, чем большинство его соотечественников, не стыдится говорить о 'справедливом изгнании лос-морисков в 1610-1613 годах'. Ортис в 1801 году высказывается с большей нерешительностью, но, очевидно, выступает за меру, которая освободила Испанию от "пагубной привычки семилетия де Магома восстанавливать силы эллы". *Compendio de la Historia de España*, vol. vi. pp. 304, 305. Более того, даже в 1856 году великий современный историк Испании, признавая серьезный материальный ущерб, который это ужасное преступление нанесло стране, уверяет нас, что у него было "огромное преимущество" в создании религиозного единства; неспособный понять, что само единство, которым он хвалится, порождает молчаливое согласие и косность ума, фатальные для любого реального улучшения, потому что это предотвращает ту игру и столкновение мнений, с помощью которых остроумие людей оттачивается и делается готовым к использованию", *Con la exclusion se completó el principio de la unidad religiosa en España, que fué un bien inmenso, pero потребителя, разрушающее сельское хозяйство, как огонь в человеческом мире*". *Лафуэнте, История Испании*, том. xvii. стр. 340, Мадрид, 1856. И через год после того, как это мудрое мнение было озвучено миру, другой выдающийся испанец в работе, отмеченной Королевской академией истории, пошел еще дальше и заявил, что изгнание мориско не только принесло огромную пользу, обеспечив единство вероисповедания, но и что такое единство было "необходимо на испанской земле". "Я имею в виду экономический аспект репробамоса в семействе медида для пагубного влияния на будущее, которое зависит от момента диктатуры, la imparcialidad "об обязательных историографиях и уважении к людям, которые ведут дело о производстве в обществе религиозном и в обществе политическом". "... Религиозный союз необходим в эпоху испанского общества". *Джанер, "Социальные условия морисков Испании"*, Мадрид, 1857, стр. 110, 114. Что мы должны думать о стране, в которой эти мнения выражаются не каким-нибудь безвестным фанатиком с трибуны или кафедры, а способными и образованными людьми, которые провозглашают их со всем авторитетом своего положения, хотя сами считаются, если уж на то пошло, слишком смелыми и слишком либеральными для людей, которым они адресуют свои произведения?

[1310] 'Los moros eran muy diestros en todo lo que mira á obras de agua.' *Campomanes, Apendice á la Educacion Popular*, vol. iii. p. cvii. "Мавры были самыми умными земледельцами, которые когда-либо были в Испании". *"Испания" Лаборда*, том ii. стр. 216. Даже Ховельянос признает, что "за исключением частей, занятых маврами, испанцы были почти полностью незнакомы с искусством орошения". *Внутреннее состояние Испании* Кларка, стр. 116. См. также *Circourt, Arabes d'Espagne*, том i, стр. 255, том ii, стр. 12, том iii, стр. 162, 222; *Bourgoing, Tableau de*

l'Espagne, том ii, стр. 170, 171; и *"Испания Таунсенда"*, том iii, стр. 74. Остатки их великолепных акведуков сохранились до сих пор. *Испания Хоскинса*, том i. стр. 120, 125, 291, 292. Сравните *"Испанию американца"*, том ii, стр. 112 с *"Государственным собранием Испании"*, Женева, 1681, стр. 399.

[1311] Сравните Джанера, *Condicion de los Moriscos*, стр. 47, 48, с Кампоманесом, *Приложением по популярному образованию*, том iii. стр. xxii., и Мемуарами Данлопа, том i. стр. 13.

[1312] Наиболее разумные из испанцев с сожалением замечают это национальное презрение ко всем формам полезной промышленности. См. *Campomanes, Educacion Popular*, стр. 128, и *Sempere, Monarchie Espagnole*, том ii. стр. 277, 278. A traveller in Spain in 1669, says of the people, 'ils méprisent tellement le travail, que la plûpart des artisans sont étrangers.' *Voyages faits en divers Temps par M. M*****, Амстердам, 1700, стр. 80. Другой путешественник, живший между 1693 и 1695 годами, говорит, что они 'считают ниже достоинства испанца трудиться и обеспечивать будущее'. *Travels by a Gentleman (by Bromley?)*, London, 1702, p. 35. A third observer, in 1679, assures us that 'ils souffrent plus aisément la faim et les autres nécessitez de la vie, que de travailler, disent-ils, comme des mercenaires, ce qui n'appartient qu'à des esclaves.' Д'Ольной, *"Отношение к путешествию Испании"*, Лион, 1693, том ii. стр. 369, 370. Для дальнейших иллюстраций этого см. *Лабат, Путешествия по Испании*, Париж, 1730, т. i. стр. 285, 286. *Сартану, Вопросы критики*, стр. 43, 49, 50. *Испания Лабарда*, том i. i. i. *Испанская империя Ранке*, стр. 103. *Путешествие Таунсенда по Испании*, том ii. стр. 240, 241.

[1313] 'Pudo, pues, decirse con razon de nuestra patria, que de Arabia Feliz se habia convertido en Arabia Desierta, y de Valencia en particular, que el bello jardin de España se habia convertido en páramo seco y deslucido. Dejóse en breve sentir en todas partes el azote del hambre; y al alegre bullicio de las poblaciones sucedió el melancólico silencio de los despoblados, y al frecuente cruzar de los labradores y trajineros por los caminos siguió el peligroso encuentro de los salteadores que los infestaban, abrigándose en las ruinas de los pueblos desiertos.' *Janer, Condicion de los Moriscos*, p. 100. See also *Dunlop's Memoirs*, vol. i. p. 16. Campomanes says, 'El gran número de artesanos, que salieron con la expulsion de los moriscos, causó un golpe mortal á las manufacturas, y á la labranza.' *Apendice á la Educacion Popular*, vol. i. p. 13. And p. 268, 'El punto de decadencia de nuestras manufacturas, puede fixarse desde el año de 1609, en que tubo principio la expulsion de los Moriscos.'

[1314] 'Sur la carte d'Espagne, en mille endroits est inscrit ce funeste mot, *despoblado*; en mille endroits la nature sauvage a repris la place des cultures. Étudiez la direction des despoblados, et consultez les registres des commissaires de l'expulsion, vous verrez presque toujours que les familles morisques couvraient ces solitudes. Leur patrimoine abandonné forma le domaine des voleurs, qui établirent avec une sorte de sécurité leurs correspondances effrontées à travers toute l'Espagne. Le brigandage s'organisa comme une profession ordinaire; et la contrebande, sa compagne, leva le front avec autant d'audace, autant de succès.' *Circourt, Histoire des Arabes d'Espagne*, vol. iii. pp. 227, 228.

[1315] 'Declinó pues muy sensiblemente la vasta monarquía, y callaron atonitos los historiadores, como huyendo la necesidad de traer á la memoria lo que veian y apenas creian. Enmudeció pues la historia de España en los dos reynados de Felipe IV. y Carlos II. viendo continuaba nuestra decadencia, hasta quedar España al nivel de los menos poderosos Estados de Europa. Este silencio nos ha privado de saber no solo las causas de nuestra decadencia, sino tambien de los

acontecimientos civiles y militares del siglo xvii.' *Ортис, Сборник по истории Испании*, том vi., Пролог, стр. i. Не предпринималось никаких попыток восполнить недостаток, на который жаловался Ортис, до 1856 года, когда М. Лафуэнте опубликовал в Мадриде шестнадцатый и семнадцатый тома своей *Истории Испании*, в которых рассказывается о правлении Филиппа IV. и Карл II. У меня нет желания отзываться об этом произведении неуважительно; напротив, его невозможно читать без интереса из-за замечательной четкости, с которой организованы различные темы, а также из-за его прекрасного стиля, который напоминает нам о лучших днях кастильской прозы. Но я чувствую себя вынужденным сказать, что как история, и особенно как история, которая берется исследовать причины упадка Испании, это полный провал. Во-первых, господин Лафуэнте не освободился от тех самых предрассудков, которым обязан упадок его страны. И, во-вторых, он, особенно в правление Филиппа IV. и Карла II., не проявил достаточного усердия в поиске материалов для изучения экономических изменений, через которые прошла Испания. Слишком пристально глядя на поверхность, он ошибочно принимает симптомы за причины, так что реальная история испанского народа повсюду ускользает от его понимания. Поскольку цель, на которую направлены мои исследования, вынуждает меня рассматривать дела с более широкой и общей точки зрения, чем это было сделано им, естественно, что выводы, к которым мы приходим, сильно отличаются; но я хочу засвидетельствовать, чего бы это ни стоило, великое достоинство его книги как произведения искусства, хотя, как научное произведение, мне кажется, что он ничего не добился и не пролил нового света на реальную историю этой несчастной, хотя и некогда великолепной нации, представителем которой он является благодаря своему красноречию, своей учености и своему вкусу. одно из главных украшений.

[1316] См. *Воспоминания Данлопа*, том ii. стр. 320; и интересные расчеты в *Uztariz, Theorica y Practica de Comercio*, Мадрид, 1757, фолио, стр. 35, 36. Из-за невежества, которое ранее преобладало в отношении статистики, такие оценки неизбежно несовершенны; но после опустошения Испании в семнадцатом веке необычайное сокращение населения столицы было неизбежно. Действительно, современник Карла II утверждает, что в 1699 году в Мадриде проживало всего 150 000 человек. *Mémoires de Louville*, Paris, 1818, vol. i. p. 72. This account is taken from 'un mémoire manuscrit, en langue espagnole, trouvé dans les papiers du marquis de Louville.' p. 67.

[1317] Капмани (*Вопросы критики*, стр. 30), который, по-видимому, написал свою умелую, но не очень точную работу с явной целью скрыть упадок своей страны, привел эти цифры ошибочно. Моя информация почерпнута из официального отчета, составленного в 1701 году торговыми корпорациями ('гremиос') Севильи. 'Fijan la época de la ruina de nuestras fábricas desde el reynado de Felipe II. y añaden "haber llegado á tener solo en esta ciudad al arte mayor, y menor de la sede, el número de mas de diez y seis mil telares, y se ocupaban en los exercicios adherentes á él, mas de ciento treinta mil personas de ambos sexos."' *Campomanes, Apendice á la Educacion Popular*, vol. i. p. 473, Madrid, 1775. См. также *Uztariz, Theorica y Practica de Comercio*, стр. 14, "Смерть и спасение миллионов теларесов"; где, однако, не цитируется никакой авторитетный источник.

[1318] 'El principal origen y causa de que los 16,000 telares de seda, lana, oro y plata, que se contaban en Sevilla, se hallen oy reducidos á menos de 300.' *Uztariz, Theorica de Comercio*, p. 243.

[1319] Семпере, *Монархия Испании*, том ii. стр. 52, который ссылается на доклад Кортесов, опубликованный Алонсо Нуњесом де Кастро.

[1320] "Испания" *Лаборда*, том iv. стр. 338, где также говорится, что Тунис стал, вследствие изгнания Мориско, знаменитым производством кепок, которым "впоследствии подражали в Орлеане". Сравните статью о тунисских мануфактурах по изготовлению шапок в *Кампоманесе*, *Apendice*, "Популярное образование", том iv. стр. 249.

[1321] 'Tolède, où se mettaient en œuvre 435,000 livres de soie, avait déjà perdu ce travail, qui suffisait autrefois à l'existence de 38,484 personnes. La population de cette ville avait éprouvé un tiers de diminution, et vingt-cinq maisons de ses familles les plus illustres étaient passées dans le domaine de divers couvens.' *Sempere, Monarchie Espagnole*, vol. ii. p. 50.

[1322] Смотрите его интересное эссе, перепечатанное в приложении к *Кампоманесу*, том iv. стр. 251. He says, 'La fábrica de los guantes, que tenian pocos años ha todas las ciudades de estos reynos para el consumo de España y las Indias, era muy considerable; y se ha destruido, despues que se dió entrada al consumo de guantes estrangeros.' Такое заявление, сделанное современником, безупречно; но приводимая им причина неадекватна.

[1323] Segovia, as it appeared in 1659, is thus described in *Boisel, Journal du Voyage d'Espagne*, Paris, 1669, 4to. p. 186: 'Autresfois, cette ville qui paroist assez grande, estoit fort riche, tant à cause que les rois de Castille y demeuroient, qu'à cause du grand commerce des laines et des beaux draps qui s'y faisoient; mais à présent le trafic n'y est plus, et on n'y fait plus que fort peu de draps, de sorte que la ville est presque désert et fort pauvre. Une marque de sa pauvreté, du mauvais ordre d'Espagne, et du peu de prévoyance des Espagnols (quoy qu'on dise de leur flegme), c'est que le jour que j'y arrivay jusques à deux heures après midy il n'y avoit point eu de pain en toute la ville, et ils ne s'en étonnoient point.' Упадок шелковых и шерстяных производств Сеговии также отметил Мартинес де ла Мата, который писал в 1650 году. See his *Dos Discursos*, edited by Canga, Madrid, 1794, p. 8. Saint Simon, who was there in 1722, says, 'A l'égard de leurs laines, j'en vis les manufactures à Ségovie qui me parurent peu de chose et fort tombées de leur ancienne réputation.' *Mémoires du Duc de Saint Simon*, vol. xxxvii. стр. 230, Париж, 1841. Сеговия когда-то славилась красивым цветом своей ткани, краситель для которой брали из моллюсков, обитающих в Вест-Индии, и предполагается, что он такой же, как пурпура древних. См. Примечание в *книге Диллона "Испания"*, Дублин, 1781, стр. 19, 20.

[1324] Таков язык испанца в середине семнадцатого века. 'Porque á la ciudad de Burgos, cabeza de Castilla, no le ha quedado sino el nombre, ni aun vestigios de sus ruinas; reducida la grandeza de sus tratos, Prior, y Cónsules, y ordenanzas para la conservacion de ellos, á 600 vecinos, que conservanel nombre y lustre de aquella antigua y noble ciudad, que encerró en si mas de seis mil, sin la gente suelta, natural, y forastera.' *Campomanes, Apendice á la Educacion*, vol. i. p. 453, Madrid, 1765. Интеллигентный голландец, посетивший Испанию в 1665 году, говорит о Бургосе: 'Кто-то знает, что такое форт Маршанд, может быть, вы знаете, кто-то знает, что такое торговля'. *Арсен де Соммердик, "Испанское путешествие"*, Париж, 1665 г., 4 т. стр. 16. Мне определенно кажется, что факты такого рода имеют больше отношения к реальной истории Испании, чем подробности о королях, договорах и битвах, которые любят накапливать испанские историки.

[1325] "Мог мало способствовать удовлетворению потребностей государства". *Мемуары Данлопа*, том i, стр. 285. Сравните *Lamentos Apologéticos* в *книге "Дос Дискурсос"*, правка. Канга, Мадрид, 1794, стр. 82, о положении вещей в 'ло мас фертиль де Андалусия'. Правительство впервые осознало все это, когда обнаружило, что больше нельзя выжимать деньги из народа. В мае 1667 года государственный совет, созданный королевой, сообщил, что

"количество ресурсов, необходимых для восстановления Испании, составляет форму добровольцев от имени правительства, совет оценивает, насколько затруднительна работа с новыми обвиняемыми"; а в ноябре того же года на другом заседании совета были составлены мемуары, в которых говорилось, что "заместитель губернатора дона Фердинанда ле Католическое правосудие в наше время, монархия Испании, не так ли, чтобы выйти на бис из-за того, что ты правишь, из-за того, что ты наследник, из-за того, что ты разделяешь ресурсы, которыми управляют для справедливого лица в великом периле". Смотрите Выдержки из "Трудов Соборов", опубликованные, я полагаю, впервые, М. Минье в его *"Ассоциациях родственников по наследованию престола Испании"*, том ii. стр. 124, 601, Париж, 1835 г., 4то. Смотрите также в том же ценном труде, том ii, стр. 127, письмо Людовику XIV от его посла в Мадриде, датированное 2 июня 1667 г., в котором говорится, что "я считаю, что это действительно так, потому что я доброволец для вас, в частности, в вопросе *опожертвования*, для того, чтобы в ближайшее время получить серебряную награду за независимость публики".

[1326] В 1664 году сэр Ричард Фэншоу пишет из Мадрида госсекретарю Беннету: "Со вчерашнего дня, когда я обратился к вам в последний раз, президент Кастилии по особому и гневному приказу короля отправился в соседние деревни, присутствовал при казни палача и любых других террористических инцидентах, произошедших в его доме и унижительных для его личности, рынки в этом городе начинают разрушаться". быть снова обставленным достаточно обильно. *Мемуары леди Фэншоу, написанные ею самой*, редактировать. Лондон, 1830, стр. 291.

[1327] Ничто, кроме точных и неоспоримых показаний свидетеля того времени, не может сделать подобные вещи достоверными. В 1686 году Альварес Осорио-и-Редин написал свои *Рассуждения*. They were published in 1687 and 1688; they were reprinted at Madrid in 1775; and from the reprint, pp. 345–348, I extract the following particulars: 'Es preciso decir con la mayor brevedad, que pide el asunto, en la forma que los comisionantes continuamente están saqueando todos los lugares, con capa de servir á V.M. Entran en ellos, intíman sus comisiones á las justicias, y ellas les suplican, tengan misericordia de los moradores, que estan con mucha necesidad. Y luego que toman el uso, dicen: que á ellos no les toca dispensar en hacer gracias: que traen orden de cobrar con todo rigor las cantidades, que deben los lugares; y tambien dicen han de cobrar sus salarios. Y se van entrando por las casas de los pobres labradores, y demás vecinos; y con mucha cuenta y razon, les quitan el poco dinero, que tienen: y á los que no tienen, les sacan prendas: y donde no las hallan, les quitan las pobres camas, en que duermen: y se detienen en vender las prendas, todo el tiempo que pueden.' ... 'Los saquéos referidos van continuando, obligando á los mas vecinos de los lugares, á que se vayan huyendo de sus casas, dexando baldías sus haciendas de campo; y los cobradores no tienen lástima de todas estas miserias, y asolaciones, como si entráran en lugares de enemigos. Las casas, que hallan vacías, si hay quien se las compre, las venden: y quando no pueden venderlas, las quitan los texados; y venden la texa, y madera por qualquier dinero. Con esta destruicion general, no han quedado en pie en los lugares la tercera parte de casas, y han muerto de necesidad gran multitud de personas. Con lo qual los lugares no tienen la mitad de familias, que antiguamente habia en España. Y si no se pone remedio á todo referido, será preciso, que la vengan á poblar de otros Reynos.'

[1328] 'Allí acabó aquella antigua milicia española que desde el tiempo de los reyes católicos habia ganado tan gloriosos triunfos, siendo el terror de sus enemigos.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iii. p. 150, Madrid, 1840. 'La batalla de Rocroy, en que el jóven Condé recogió los laureles con que engalanó la dorado cuna del niño Luis XIV., acabó con la reputacion que aun habian podido ir

conservando los viejos tercios españoles de Flandres.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xvii. стр. 368, Мадрид, 1856.

[1329] В *Государственных документах Кларендона*, том i. стр. 275, Оксфорд, 1767, фолио, я нахожу письмо, написанное Хоптоном секретарю Уиндебенку, датированное Мадридом 31 мая 1635 года. Автор этого официального сообщения дает отчет о только что собранных испанских войсках и говорит: 'Я наблюдал за этими наборами, и я нахожу, что лошади настолько слабы, поскольку большинство из них никогда не смогут отправиться на место встречи, а те, кого добыли с большим трудом, пехота настолько не желает служить, поскольку их везут, как галерных рабов, в цепях, что не соответствует назначенному числу, и так далеко от того, которое было предложено, поскольку они не приходят ни к одному из трех'. Это было за восемь лет до битвы при Рокруа; после нее положение быстро ухудшилось. В письме сэра Эдварда Хайда секретарю Николасу, датированном Мадридом 18 марта 1649-50 гг., говорится, что испанские "дела действительно в огромном беспорядке и могут быть доведены почти до отчаяния"; и в другом письме от 14 апреля 1650 г.: "если какое-то чудо не спасет их, эта корона должна быть быстро уничтожена", *Clarendon State Papers*, том iii. стр. 13, 17, Оксфорд, 1786. В официальном отчете о Нидерландах, представленном Людовику XIV в 1665 году, говорится, что голландцы 'считали Испанию настолько ослабленной, что она была не в состоянии возобновить войну в течение следующих ста лет'. *История Шестнадцатого и семнадцатого веков Раумера, иллюстрированная оригинальными документами*, Лондон, 1835, том i, стр. 237. См. также *Mignet, Объединения родственников по наследованию престола Испании*, Париж, 1835-1842, 4 т. т. i, стр. 37, 38, 314, 315, т. iii, стр. 684, т. iv, стр. 218; и *L'Estat de l'Espagne*, Женева, 1681, стр. 83, 271. 'L'Espagne faisant en nos jours plus de pitié que de peur à ceux qu'elle a tenus long-tems dans une crainte perpétuelle, et dans une respectueuse vénération.' ... 'Aussi peut-on dire que les Espagnols qui étoient autrefois des lions, ou des véritables hommes et incomparables en valeur, sont maintenant des cerfs, ou des femmes, et enfin des personnes peu propres à la guerre.' И, наконец, испанское объяснение всего этого в *Yañez, Memorias*, Prologo, стр. 148, 149, Мадрид, 1723. "Монархия Испании, начало декаденции авиации и декретирование событий 1621 года" и т. Д.; кощунственно приписывая Всемогущему то, что было результатом их собственной глупости, и упрямо закрывая глаза на истинную причину их гибели.

[1330] Столетие назад Испания была столь же сильна на море, как и на суше; ее обычные военно-морские силы составляли 140 галер, которые наводили ужас как на Средиземное море, так и на Атлантику. Но теперь' (1656), 'вследствие упадка торговли и рыболовства на побережье, вместо многочисленных эскадр "Дориас" и "Мендоса", которые обычно сопровождали передвижения первого великого Иоанна Австрийского и императора Карла, нынешний верховный адмирал Испании и любимый сын ее монарха, вышел в море на трех жалких галерах, которые с трудом спаслись от каких-то алжирских корсаров и впоследствии чуть не потерпели кораблекрушение у берегов Африки'. *Мемуары Данлопа*, том i, стр. 549. In 1663, 'Il n'y avait à Cadix ni vaisseaux ni galères en état d'aller en mer. Les Maures insultaient audacieusement les côtes de l'Andalousie, et prenaient impunément les barques qui se hasardaient à une lieue de la rade. Le duc d'Albuquerque, qui commandait les forces navales, se plaignait hautement de la position humiliante dans laquelle on le laissait. Il avait demandé avec instance qu'on lui donnât des matelots et des soldats pour mettre sur les vaisseaux; mais le Comte de Castrillo, président du Conseil de Finances (de la hacienda) avait déclaré qu'il n'avait ni argent, ni la possibilité d'en trouver, et conseillait de renoncer à l'armée navale.' *Mignet, Négociations relatives à la Succession d'Espagne*, vol. i. pp. 315, 316, Paris, 1835, 4to. from contemporary manuscripts. Даже в 1648 году Испания "стала

настолько слабой в военно-морском деле, что была вынуждена нанимать голландские суда для ведения своей американской торговли'. *"Анналы торговли Макферсона"*, том ii. стр. 435, Лондон, 1805, 4то. И, чтобы завершить цепочку доказательств, в *Государственных бумагах Кларендона*, том ii. стр. 86, Оксфорд, 1773, фолио, есть письмо, написанное из Мадрида в июне 1640 года, в котором говорится, что 'У них мало кораблей, еще меньше моряков, сухопутных солдат не так много, как им нужно, и, по всем признакам, денег совсем нет, на которые можно сэкономить'. История Испании в этот период так и не была написана, и я вынужден, в свое оправдание, привести эти и подобные отрывки с полнотой, которая, боюсь, утомит некоторых читателей.

[1331] И когда они это сделали, то за свой счет, как обнаружил Стэнхоуп в начале своей карьеры британского посланника при мадридском дворе в 1690 году. См. его письмо лорду Шрусбери в книге Мэхона *"Испания при Карле II"*, Лондон, 1840, стр. 3. 'Мы были вынуждены зайти в маленький порт под названием Феррол, в трех лигах от Гройна, и по невежеству испанского лоцмана наши корабли столкнулись друг с другом, и корабль адмирала несколько часов стоял на мели, но вышел целым и невредимым'. Действительно, испанские моряки, некогда самые смелые и искусные мореплаватели в мире, настолько выродились, что в начале восемнадцатого века мы находим утверждение как само собой разумеющееся, что 'приучить испанца к морскому делу - значит отправить его в неизвестные страны'. *История кардинала Альберони*, Лондон, 1719, стр. 257.

[1332] 'Le peu de soldats qui résistaient à la désertion, étaient vêtus de haillons, sans solde, sans pain,' *Mémoires de Louville*, edit. Париж, 1818, том i, стр. 72. "Государственный танец плюс отверженные". стр. 43. Сравните Лефуэнте в правление Филиппа IV. (*Historia*, vol. xvi. p. 519), 'los soldados peleaban andrajosos y medio desnudos;' and D'Aulnoy, in 1679 (*Relation du Voyage d'Espagne*, vol. i. p. 168), 'Il est rare que dans tout un régiment, il se trouve deux soldats qui ayent plus d'une chemise.'

[1333] 'Ruinosos los muros de sus fortalezas, aun tenía Barcelona abiertas las brechas, que hizo el duque de Vendoma; y desde Rosas hasta Cadiz, no había Alcazar, ni Castillo, no solo presidado, pero ni montada su artillería. La misma negligencia se admiraba en los puertos de Vizcaya, y Galicia; no tenían los almacenes sus provisiones, faltaban fundidores de armas, y las que había, eran de ningún uso. Vacíos los arsenales y artilleros, se había olvidado el arte de construir naves, y no tenía el Rey mas que las destinadas al comercio de Indias, y algunos galeones; seis galeras, consumidas del tiempo, y del ocio, se ancoraban en Cartagena.' *Бакаллар, Комментарии к гербе Испании*, том i, стр. 43. Другой очевидец описывает "лучшие крепости, состоящие из разрушенных стен, на которых кое-где стояли ржавые пушки, и человека, которого считали способным инженером, знающим, как из них стрелять". *Мемуары Рипперды*, второе издание, Лондон, 1740, стр. 227.

[1334] *Мемуары Данлопа*, том ii. стр. 224, 225. В 1680 году мадам де Виллар, жена французского посла, пишет из Мадрида, что положение дел там было таково, что ее муж считал целесообразным, чтобы она вернулась домой. *Lettres de Madame de Villars*, Amsterdam, 1769, p. 169. В письме, написанном датским послом в 1677 году, описывается, что каждый дом в Мадриде регулярно вооружен сверху донизу; "de haut en bas". *Минье, Объединения родственников по наследованию*, том iv. стр. 638, Париж, 1842, 4то. Говорят, что смертей от голода было особенно много в Андалусии. См. *Таппа, Испанская цивилизация*, том iii. стр. 167. 'En Andalucia especialmente moria mucha gente de hambre, y el consulado de Sevilla envió una

diputacion para representar que aquella ciudad habia quedado reducida á la cuartaparte de la poblacion que habia tenido cincuenta años antes.' О положении народа в целом в 1680 году см. *Письма Виллара*, стр. 145, 152, 161.

[1335] 'Point de libertés et point de frein.' *Mém. de Louville*, vol. i. p. 68.

[1336] В 1681 году французская посланница пишет из Мадрида: 'Я не являюсь точкой соприкосновения с королевской семьей. La faim est jusques dans le palais. J'étois hier avec huit ou dix camaristes, et La Moline, qui disoient qu'il y avoit fort long-tems qu'on ne leur donnoit plus ni pain ni viande. Aux écuries du roi et de la reine, de même.' *Lettres de Madame la Marquise de Villars*, Amsterdam, 1759, pp. 216, 217. Через год после Карла II. died: 'Il n'y avoit pas de fonds pour les choses les plus nécessaires, pour la cuisine, l'écurie, les valets de pied,' &c. *Millot, Mémoires du Duc de Noailles*, vol. ii. p. 26, ed. Петито, Париж, 1828 год. Среди других безрассудных мер валюта была настолько обесценена, что в письме Мартина доктору Фрейзеру, датированном Мадридом 6 марта 1680 г., мы слышим о "падении курса денег до одной четвертой части их прежней стоимости". *Сборник Сполдинг-клуба*, т. v. стр. 187, Абердин, 4 марта 1852 г.

[1337] "Король поздним указом отнял третью часть всех заработных плат у всех офицеров и министров без исключения и приостановил на следующий, 1694 год, все пожизненные пенсии, назначаемые либо им самим, либо его отцом". Письмо английского посла, датированное Мадридом, 18 ноября 1693 г., в *Испании Махона при Карле II.*, Лондон, 1840, с. 40. This is also stated in *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. i. p. 359, Paris, 1828; 'retranchant le tiers des dépenses de sa maison, et des appointemens de ses officiers tant militaires que civils.' В предыдущее царствование выплата пенсий была прекращена, во всяком случае, на какое-то время. В 1650 году сэр Эдвард Хайд пишет из Мадрида: "Повсеместно прекращаются все пенсии, которые выдавались ранее". *Государственные документы Кларендона*, том ii. стр. 538, Оксфорд, 1773. Следующим шагом, который был сделан, было предложение в 1667 году обложить налогом жалование членов Совета Кастилии, Арагона и т.д.; но от этой идеи отказались, пока, наконец, они, как и все другие государственные служащие, не попали под действие всеобъемлющего эдикта 1693 года. См. Письмо французского посла Людовику XIV, датированное Мадридом 2 июня 1667 г., в *Mignet, Négociations*, т. ii. стр. 128, Париж, 1835, 4to. Единственный шанс восстановить историю Испании в семнадцатом веке - сопоставить эти и подобные документы со скудными заметками, которые можно найти у испанских авторов.

[1338] В 1695 году: 'ужасающая бедность в этой стране'. *Путешествие по Испании, в исполнении джентльмена*, Лондон, 1702, стр. 62. И в том же году 'L'Espagne, manquant de tout d'hommes, et d'argent'. *Mémoires de Noailles*, vol. i. p. 402. 'L'Espagne, presque anéantie.' p. 424.

[1339] Смотрите письма в книге Махона "*Испания при Карле II*"., стр. 138-140. 21 мая: 'К нам добавилось более 20 000 нищих, съехавшихся со всей округи, чтобы разделить то небольшое, что есть здесь, которые голодали дома и выглядели как привидения'. 27 мая: 'Нехватка хлеба стремительно растет, приближаясь к массовому голоду, который увеличивается из-за огромного количества бедняков, которые стекаются к нам из соседних стран. До сегодняшнего дня я делал все, что мог, но трудность получить что-либо без разрешения заставила меня обратиться к коррехидору, как это делало большинство министров иностранных дел раньше; он, очень вежливо осведомившись о моей семье, дал мне заказ на двадцать буханок хлеба каждый день; но я должен послать за ними за две лиги в Вальехас, как я сделал этой ночью, и моих слуг с длинными ружьями, чтобы забрать их, когда они их получают, иначе у них их отберут,

потому что каждый день на улицах, в драки из-за хлеба - законная добыча, которую может поймать любой." ... "Мой секретарь, дон Франсиско, видел вчера, как толпа насмерть задушила пятерых бедных женщин перед пекарней".

[1340] Даже М. Лафуэнте, который почти не пользовался авторитетами, которые я цитировал на последних нескольких страницах, и не может иметь адекватного представления о крайней нищете Испании, признает, что "Джамас монарка ни пуэбло альгуно се вьерон в ситуации ластимосы и в состоянии душевного транса се халларон "В настоящем времени" (1699). 'Carlos II. y la España.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xvii. стр. 426, Мадрид, 1856.

[1341] "Африканский союз в Сеуте". Le roi d'Espagne manquait non seulement de troupes, mais de vaisseaux pour transporter le peu de secours qu'il pouvoit y envoyer: Louis XIV lui fit offrir les troupes et les vaisseaux dont il auroit besoin. Il s'agissoit non seulement de conserver Ceuta, mais de plus Oran; par conséquent d'empêcher la prise de deux places dont la conquête facilitoit aux Maures un retour en Espagne.' *Mémoires du Marquis de Torcy*, vol. i. p. 46, ed. Париж, 1828 год. О нападениях на Сеуту с 1696 по 1698 год см. *Ортис, Сборник по истории Испании*, том vi. стр. 556, 567, 561.

[1342] Знаменитый современный писатель сделал по этому поводу несколько замечаний, которые слишком уместны, чтобы их можно было опустить. 'Con el siglo xvii. acabó tambien la dinastía austriaca en España, dejando á esta nacion pobre, despoblada, sin fuerzas marítimas ni terrestres, y por consiguiente á merced de las demas potencias que intentaron repartir entre sí sus colonias y provincias. Así habia desaparecido en poco mas de un siglo aquella grandeza y poderío, aquella fuerza y heroismo, aquella cultura é ilustracion con que habia descollado entre todas las naciones.' *Биография Энсенады, в Наваррете, Опускулос*, том ii. стр. 5, Мадрид, 1848.

[1343] За исключением короткого междуцарствия Людовика в 1724 году, которое длилось всего несколько месяцев и в течение которого мальчик, хотя и назывался королем, не пользовался реальной властью, и фактическим правителем оставался Филипп. 'Aun el nuevo rey no resolvía negocio de consideracion sin asenso de su padre.' *Ортис, Сборник*, том vii. стр. 374.

[1344] Сен-Симон, хорошо знавший Филиппа и побывавший в Испании в 1721 и 1722 годах, говорит о нем: 'Любовь Франции - это нечто вроде участия'. *Mémoires du Duc de Saint Simon*, vol. xxxvii. стр. 3, Париж, 1841. И в 1746 году, незадолго до своей смерти, Ноай пишет из Аранхуэса: "Се принц, король Франции". *Мийо, Воспоминания Ноая*, т. iv. стр. 191, Париж, 1829.

[1345] 'N'oubliez jamais que vous êtes Français, et ce qui peut vous arriver.' *Мийо, Воспоминания о Ноайле*, том ii. стр. 6. Сравните "*Мемуары бурбонских королей Испании*" Кокса, Лондон, 1815, том i. стр. 103.

[1346] In 1702, Philip 'parlait moins que jamais, et seulement aux Français, comme s'ils eussent été les seuls êtres de son espèce.' *Mémoires de Louville*, vol. i. p. 276. 'Le dégoût que Philippe laissait voir pour sa cour espagnole.' p. 333. Испанский государственный деятель, прославленный или, я бы скорее сказал, печально известный в конце века, возмущенно восклицает: "Именно с восшествием на престол династии Бурбонов иностранцы пришли править нами на нашей родной земле". *Мемуары Годоя*, изд. Лондон, 1836, том ii. стр. 271.

[1347] В 1701 году это было обязанностью французского посла, 'занимавшего пост премьер-министра Испании'. *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 31; 'que l'ambassadeur de sa Majesté soit ministre du roi Catholique; que, sans en avoir le titre, il en exerce les fonctions; qu'il aide au roi

d'Espagne à connoître l'état de ses affaires, et à gouverner par lui-même.' p. 55. In 1702, Marsin writes to Louis XIV., 'Comme il est absolument nécessaire que l'ambassadeur de Votre Majesté en Espagne ait un crédit sans bornes auprès du Roy son petit-fils.' p. 183. В 1705 году Амело, французский посол, 'отказался от поездки в Испанию'. *Mémoires de Louville*, vol. ii. p. 165; and in 1706, 'étant à la tête des affaires, et joignant presque les fonctions de premier ministre à celles d'ambassadeur.' *Noailles*, vol. ii. p. 398.

[1348] In 1703, 'Il est clair que l'embarras de Philippe venoit surtout de la crainte que ses décisions ne fussent point approuvées en France, où toutes les affaires importantes se décidoient.' *Millot*, *Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 244. 'У короля Франции всегда были определенные лица в Мадриде, которые составляли Совет, душой которого был Версальский; и все члены которого были придворными французского двора и время от времени направлялись в Мадрид, чтобы руководить там всеми делами, согласно взглядам самого христианского короля, и давать ему отчет обо всем, что происходило на Советах Эскуриала. Альберони был посвящен в тайны этого заговора". *История кардинала Альберони*, Лондон, 1719, стр. 70.

Испанские историки не очень любят признавать этот неоспоримый факт; но Бакаллар, упомянув о влиянии французского посла, откровенно добавляет: "После того, как томарон танта мано собрал испанских министров Франции, вопрос о том, кто главный, кто главный, кто главный в союзе на высшем уровне, вопрос о том, как понять арбитраж Луиса XIV". *Бакаллар*, *Комментарии к герре Испании*, т. i. стр. 33.

[1349] Даже опытный дипломат был настолько поражен спасением Испании от полного разорения, что приписывает смену хозяев прямому вмешательству Божества. 'Sa seule puissance avait placé Philippe V sur le trône d'Espagne; elle seule pouvait l'y maintenir; les hommes n'avaient pas conduit ce grand événement.' *Mémoires de Torcy*, vol. i. p. 333. 'Le trône où Dieu l'avait placé.' p. 401. См. также том ii. стр. 3, 227. 'Испанский народ принял его с безоговорочным повиновением воле покойного короля и радовался перспективе правления, которое, по крайней мере, отличалось бы от того, при котором они так долго увядали'. *Мемуары Питерборо*, Лондон, 1853, том i, стр. 102. 'Muchos españoles recibieron por su soberano á Felipe V., cansados de la dominacion de la casa de Austria. Esperaban de la mudanza de la dinastia la felicidad y el buen gobierno.' *Castro*, *Decadencia de España*, Cadiz, 1852, p. 131. С той же целью, *Мийо*, *Воспоминания о Ноае*, т. i. стр. 420, 426, т. ii. стр. 9.

[1350] Он 'поручил военную защиту этих провинций маркизу Гранскому, австрийскому послу в Мадриде, из-за нехватки какого-либо испанского командира, чья храбрость или военные способности позволили бы ему отразить нападение такого врага, как король Франции". *Мемуары Данлопа*, том ii. стр. 232. Сравните "О недостатках испанских генералов", *Воспоминания маршала де Грамона*, том ii. стр. 82, изд. Париж, 1827. Мнение, которое сам Грана составил об испанском правительстве, можно узнать из беседы, которую он имел в Мадриде в 1680 году с французской посланницей и которая сохранилась в ее переписке. *Lettres de Madame la Marquise de Villars*, Amsterdam, 1759, pp. 118, 119.

[1351] Смотрите письмо Филиппа V. Людовику XIV, датированное 22 июня 1702 г., в *Мемуарах Ноая*, том ii. стр. 256, 257, Париж, 1828, изд. Петито.

[1352] См. *Бакаллар*, *Комментарии к Герре Испании*, том i. стр. 137, 166, где он назван 'эль Дуке де Бервиш'. His own account is, 'J'arrivai à Madrid le 15 février' (1704), 'où d'abord S. M. Catholique

me fit Capitaine-Général de ses armées.’ *Воспоминания о Бервике*, Париж, 1778, т. i, стр. 227; и см. стр. xxv. Никто бы не предположил этого, исходя из наблюдений М. Лафуэнте в его *Истории Испании*, т. xviii. стр. 80, Мадрид, 1857.

[1353] ‘Philippe n'étoit pas content de Berwick, ou plutôt il témoigna ne le pas être, et il demanda un autre général à Louis XIV. On lui envoya le maréchal de Tessé, pour qui il avoit montré du penchant.’ *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 331. Сам Бервик приписывает свое увольнение влиянию Грамона и королевы Испании. *Mémoires de Berwick*, vol. i. pp. 269–273. Как бы то ни было, новый генерал стал верховным главнокомандующим. In December 1705, the Princess des Ursins writes from Madrid to Madame de Maintenon, ‘M. le maréchal de Tessé, quand il est à Madrid, est consulté, et décide sur toutes les affaires, *autant, pour le moins, que M. l'ambassadeur*; et lorsqu'il est à l'armée, il est le maître absolu non seulement des troupes de France, mais encore de celles d'Espagne, commandant aux capitaines-généraux, ses anciens, contre l'usage du pays.’ *Lettres inédites de Madame de Maintenon et de Madame la Princesse des Ursins*, vol. iii. p. 259, Paris, 1826.

[1354] In 1706, ‘Le duc de Berwick, redemandé par Philippe V., arrivé à Madrid le 11 mars, avec le titre de maréchal de France, pour défendre l'Estramadure et la Castille, ayant rassemblé ce qu'il peut de troupes espagnoles, empêcha les ennemis d'entreprendre le siège de Badajoz.’ *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 387. Philip ‘pria le Roi, son grand-père, d'envoyer un général pour commander sur les frontières de Portugal. Ce fut donc sur moi que le choix tomba.’ *Mémoires de Berwick*, vol. i. p. 305.

[1355] В недавно опубликованной работе (*Мемуары Питерборо*, Лондон, 1853, том i. стр. 148, 155, 161, 206, 210, том ii. стр. 34, 93), Карла не только называют королем Испании, которым он никогда не был, поскольку Испания всегда отказывалась принять его, но, вопреки всей истории, на самом деле его называют Карлом III.; в то время как Филипп V. - это просто "Филипп Анжуйский". Если бы это было разрешено, следствием было бы то, что королю, которого испанцы сейчас называют Карлом III., пришлось бы сменить свое имя и стать Карлом IV.; и Карлом IV. был бы изменен на Карла V. Это действительно чересчур, когда простые биографы таким образом вторгают свои собственные маленькие пристрастия в обширное поле истории и стремятся стереть ее устоявшуюся номенклатуру, потому что они влюблены в героя, о жизни которого пишут.

[1356] "Эта победа утвердила трон Филиппа". *"История Испании" Данхэма*, том v., стр. 136. "Победа, о которой можно с полным основанием сказать, что она спасла Испанию". *Книга Кокса "Короли Испании-бурбоны"*, том i, стр. 408. Даже Ортис допускает, что если бы Бервик потерпел неудачу, Филипп был бы разорен. ‘Esta batalla de Almansa, que las circunstancias hicieron ruidosa, comenzó á poner mejor la corona de España en la cabeza de Felipe V.; y se tuvo por indubitable que si la hubiera perdido, tambien hubiera perdido la corona.’ *Ортис, Сборник*, том vii. стр. 116. See also *Lafuente, Historia de España*, vol. xviii. c. 185. ‘Berwick, á quien, sin duda, debió su salvación la España.’

[1357] ‘Sa réputation étoit grande et bien établie; le roi d'Espagne avoit été témoin de sa conduite en Lombardie; il demanda au Roi un général si capable de commander ses armées.’ *Mémoires de Torcy*, vol. i. p. 386. See also *History of Alberoni*, London, 1719, p. 45. ‘Le duc de Vendôme alloit enfin commander les troupes d'Espagne.’ *Мемуары Ноая*, том iii. стр. 12. По словам Бервика, предложение было сделано сначала ему самому. *Воспоминания Бервика*, том ii. стр. 106, 109. М.

Лафуэнте, не цитируя никаких авторитетных источников, говорит (*История Испании*, том ii. xviii. p. 279), 'Luego que se perdió la batalla de Zaragoza escribió Felipe al rey Cristianísimo, su abuelo, rogándole que, ya que no pudiera socorrerle con tropas, le enviára al menos *al duque de Berwick ó al de Vendome*.' Но, поскольку Бервик, должно быть, имел возможность знать реальное положение дел, он, вероятно, прав, утверждая, что первое ходатайство было подано в его пользу.

[1358] 'Вандом прибыл в этот момент, чтобы призвать к действию дух монарха и рвение его подданных'. "*Бурбонские короли Испании*" Кокса, том ii. стр. 41. "Прибытие герцога Вандомского снова изменило судьбу Испании". *Мемуары Питерборо*, том ii. стр. 130.

[1359] 'Portocarrero, abrumado con las dificultades de la gobernacion, que excedian en mucho á sus escasas luces, no contento con haber inducido al rey á que aumentára su consejo de gabinete con dos ministros más, que fueron el marqués de Mancera, presidente del de Aragon, y el duque de Montalto, del de Italia, pidió á Luis XIV. le enviára una persona que pudiera establecer un plan de hacienda en España, y corregir y reformar los abusos de la administracion.' *Lafuente, Historia de España*, vol. xviii. стр. 15. 22 июня 1701 года Людовик XIV. writes to the Duc d'Harcourt, 'Qu'enfin le cardinal Porto-Carrero m'a fait demander quelqu'un intelligent en matière de finances pour voir et connoître l'état de celles du roi d'Espagne, pour examiner les moyens les plus propres de soulager ses sujets, et de pourvoir aux plus pressans besoins du public; qu'il m'assure que *toute l'Espagne le désire en général*: toutes ces raisons m'ont déterminé à choisir le sieur Orry, pour l'envoyer à Madrid.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 44.

[1360] 'Il faudra que l'homme que vous enverrez pour les finances (car vous aurez la bonté d'en envoyer un, ou bien nous n'aurons plus de finances).' *Mémoires de Louville*, vol. i. p. 149.

[1361] *Там же*. том i. стр. 181.

[1362] 'Canalez, qu'on a substitué à Rivas pour le département de la guerre, n'a aucun talent pour cet emploi, selon l'instruction; et toute l'Espagne voit clairement qu'Orry ne le lui a procuré qu'afin d'en exercer les fonctions sous le nom d'un Espagnol.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 305; under the year 1704. См. также о власти Орри в военном министерстве, *Воспоминания Бервика*, том i. стр. 226, 227, 306, 316, том ii. стр. 166. Бервик, ненавидевший Орри, говорит о нем (т. i, стр. 232): "Я вижу, что он прав", Но не может быть сомнений в том, что он был человеком очень значительных способностей; и М. Лафуэнте (*История Испании*, т. xix, стр. 253, Мадрид, 1857) откровенно говорит: 'Что касается того, что он сильно пострадал от действий испанцев в административной сфере', Сравните т. xviii. с. 369; *Воспоминания герцога де Сен-Симона*, том vii. стр. 102, 195, Париж, 1842; и *Бакаллар, Комментарии к герре Испании*, том i. стр. 82, 83, 99, 168, том ii. стр. 95, 107. Бакаллар обращается с ним сурово.

[1363] *Мемуары Рипперды*, Лондон, 1740, второе издание, стр. 117, 118. Saint Simon (*Mémoires*, vol. xxxvi. p. 246) says, that Ripperda was 'premier ministre aussi absolu que le fut jamais son prédécesseur, Alberoni.' Английские памфлетисты и политики прошлого века были очень несправедливы к Альберони, который, несмотря на опасную смелость своей натуры, был одним из лучших министров, когда-либо управлявших Испанией. М. Лафуэнте, признавая свои ошибки, говорит (*История Испании*, том xix. стр. 437, 438): "Не важно, насколько серьезна серия несправедливостей. Tampoco puede desconocerse que reanimó y regeneró la España, levantándola á un grado de esplendor y de grandeza en que nunca se habia vuelto á ver desde los

mejores tiempos de Felipe II.' See also a good summary of what he did for Spain, in *Tapia, Historia de la Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. iv. pp. 50, 51.

[1364] "Всемогущий Кенигсег". *"Короли Испании-бурбоны" Кокса*, том iii, стр. 154; 'первопроходец испанских советов', стр. 159; в 1727-8 годах 'Кенигсег узурпировал контроль над всеми операциями правительства', стр. 190; и см. стр. 235. Его великая сила также отмечена в *Lafuente, Historia de España*, т. xix. стр. 71: "Человек, влияющий на судьбу в суде".

[1365] "Первоначально клерк при Орри, он завоевал благосклонность своего работодателя" и с. *"Бурбонские короли Испании" Кокса*, том iii. стр. 39. У Кокса был доступ к большому количеству писем, которые были написаны в восемнадцатом веке лицами, связанными с Испанией, и многие из которых до сих пор хранятся. неопубликованный. Это делает его книгу очень ценной; и как изложение политических событий она превосходит все, что создали испанцы, хотя автор, вряд ли нужно говорить, намного уступает М. Лафуэнте как писатель, а также как художественное изложение фактов.

[1366] 'Que les Espagnols depuis longtemps ignoroient la guerre et la politique; qu'on devoit être sensible à leurs démonstrations d'attachement et de zèle, sans les croire, suffisantes pour soutenir un État' ... 'l'incapacité des sujets pour le gouvernement.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. iii. pp. 24, 25.

[1367] 'C'étoit un parti pris, comme l'observe Bonnac, de ne plus mettre le gouvernement entre leurs mains. On avoit trouvé parmi eux peu d'hommes capables des grands emplois: ceux à qui on les avoit confiés, malheureux ou infidèles, avoient inspiré de l'éloignement pour les autres.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. iii. p. 81.

[1368] In 1701, 'Les églises d'Espagne ont des richesses immenses en or et en argenterie, qui augmentent tous les jours par le crédit des religieux; et cela rend l'espèce très-rare dans le commerce. On propose d'obliger le clergé à vendre une partie de cette argenterie. Avant que de prendre ce parti, il en faudroit bien examiner non seulement l'utilité, que l'on connoît, mais aussi les inconvénients qu'un pareil ordre pourroit produire.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 60.

[1369] 'Il insistoit sur la nécessité de ne pas donner à un ecclésiastique, ni à une créature du cardinal, la présidence de Castille, quand on rempliroit cette importante place; les prêtres et les moines n'avoient déjà que trop de pouvoir.' *Millot, Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 77. Compare pp. 71, 72; a letter from Louville to Torcy, dated August 5th, 1701.

[1370] *Coxe's Bourbon Kings of Spain*, том ii. стр. 163-165. *Mémoires de Noailles*, vol. iii. p. 143.

[1371] В 1714 году было сочтено необходимым, чтобы Филипп V., не получивший испанского образования, был просвещен по вопросу инквизиции. He was, therefore, informed, 'que la pureza de la religion Catolica en estos reynos se debia á la vigilancia de la Inquisicion y sus ministros, todos justos, clementes y circunspectos, no rigidos, violentos ni crueles, como por error ó malicia los pintan comunmente los Franceses. Y que *la conservacion de la Monarquia dependia en gran parte de mantener ilibata la religion Catolica.*' *Optmuc, Сборник*, том vii. стр. 286. Bacallar (*Comentarios*, vol. ii. pp. 122-125) gives an interesting account of the attacks made on the rights of the Church, and which, he says, p. 122, were 'poco ajustados á la doctrina de los Santos Padres, á la Inmunidad de la Iglesia, y que sonaban á heregía.' He significantly adds, p. 125, 'Los pueblos de España, que son tan religiosos, y professan la mayor veneracion á la Iglesia, creían que esta se atropellaba, y *hubo alguna*

interna inquietud, no sin fomento de los adversos al Rey, cuyo puro, y sincero corazon podia ser engañado; pero no inducido á un evidente error contra los Sagrados Canones,' &c. Подобные пассажи, исходившие в восемнадцатом веке от такого человека, как маркиз де Сан-Фелипе, имеют немалое значение в истории испанского сознания.

[1372] Еще в мае 1702 года Филипп V. в письме Людовику XIV жаловался, что испанцы противостоят ему во всем. 'Je crois être obligé de vous dire que je m'aperçois de plus en plus du peu de zèle que les Espagnols ont pour mon service, dans les petites choses comme dans les grandes, et qu'ils s'opposent à tout ce que je désire.' Millot, *Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 136. Неприязнь, которую испанцы испытывали к либеральным реформам, за которые выступали французы, продолжала возрастать, пока в 1709 году "не началось возрождение антигуманной ненависти в национальных делах, сопровождавшееся рвением, к борьбе с тропами Испании и привычкой сражаться во Франции'. Бакаллар, *Комментарии*, том i, стр. 360.

[1373] 'L'opulence de l'Église devoit évidemment fournir des secours à la patrie. Un emprunt de quatre millions, fait sur le clergé l'année précédente, 1707, avoit cependant fort déplu au Pape ou à ses ministres.' Millot, *Mémoires de Noailles*, vol. ii. p. 412.

[1374] 'Он" (Альберони) "продолжал также взимать церковный налог, несмотря на папские запреты, заключая в тюрьму или изгоняя непокорных священников, которые защищали привилегии своего ордена'. Книга Кокса "Бурбонские короли Испании", том ii. стр. 288.

[1375] 2 января 1698 года Стэнхоуп, британский посланник в Мадриде, пишет из этой столицы: 'Этот двор вовсе не склонен принять предложение голландских войск разместить гарнизоны во Фландрии. Они проконсультировались со своими теологами, которые выступают против этого по соображениям совести, поскольку это дало бы большие возможности для распространения ереси. Они еще не прислали свой ответ, но считается, что он будет отрицательным, и что они скорее предпочтут отдаться на милость французов, поскольку являются католиками.' "Испания при Карле II" Маона., стр. 98, 99.

[1376] 'Entre el catolicismo y las diferentes sectas que brotaron en las imaginaciones de Calvino y de Lutero podia mediar tolerancia, y aun transaccion, si bien, como dice un escritor político, quando se comienza á transigir sobre un principio, ese principio comienza á perder su imperio sobre las sociedades humanas. Pero entre el cristianismo de los españoles y el mahometismo de los moriscos era imposible todo avenimiento.' Janer, *Condicion Social de los Moriscos*, Madrid, 1857, p. 112.

[1377] The Marquis of San Phelipe, who wrote in 1725, says, 'Es ley fundamental de los Reyes Catholicos, nunca hacer la paz con los Mahometanos; y esta guerra permanece desde el Rey Don Pelayo, por mas de siete siglos, sin hacer jamás paces, ni treguas con ellos, como cada día las hacen el Emperador, y otros Principes Catholicos.' Bacallar, *Comentarios de la Guerra de España*, vol. ii. p. 169. And, in the most influential work on commerce which the reign of Philip V. produced, I find the following instructive passage: 'Aunque en los Puertos de las dilatadas Costas, que de Europa, Asia y Africa baña el Mediterraneo, se hace comercio muy considerable, y util por diversas naciones, no podrá España tener gran parte en él, mientras se observare la maxima de hacer continua guerra á todos los Moros y Turcos, en cuyo dominio se hallan la mayor parte de aquellas Provincias; sin embargo de ser constante, queen esta guerra, aunque procedida de zelo Christiano, es mayor el daño que recibimos, que el que ocasionamos á los Infieles' (the way the mercantile spirit peeps out here, is extremely curious) 'á lo menos de muchos años á esta parte, como lo he explicado en diversos

capitulos.' *Uztariz, Theorica y Practica de Comercio*, Madrid, 1757, p. 399. Это третье издание книги, которая, учитывая обстоятельства, при которых она была написана, является весьма примечательным произведением.

[1378] Сравните книгу Кокса "*Бурбонские короли Испании*", Лондон, 1815, том ii, стр. 314, с "*Историей Альберони*", Лондон, 1719, стр. 119, 253; и Бакаллар, *Комментарии к герре Испании*, том ii. с. 168, 169. Нетрудно представить себе шумиху, которую это вызвало, и Альберони, оказавшись в большой опасности, воспользовался секретностью переговоров, чтобы опровергнуть, по крайней мере, часть выдвинутых против него обвинений. Смотрите его возмущенное, но все же осторожное письмо папе римскому в *Истории Альберони*, 1719, стр. 124. Ортис, который, очевидно, не ознакомился с доказательствами, настолько плохо информирован, что предположил, что это было клеветническое обвинение, выдвинутое против Альберони после его падения. 'Caído ya por entonces Alberoni de su grandeza, expelido ignominiosamente de España, y aun perseguido por el Rey en Italia, preso en Roma por orden del Papa, etc., no era difícil atribuirle culpas ajenas ó no cometidas.' *Примечание в книге Ортиса, Сборник*, том vii. стр. 321.

[1379] 'Leur paresse, et l'ignorance non seulement des sciences et des arts, mais quasi généralement de tout ce qui se passe hors de l'Espagne, et on peut dire même hors du lieu où ils habitent, vont presque de pair, et sont inconcevables. La pauvreté est grande parmi eux, ce qui provient de leur extrême paresse; car si nombre de nos Français n'alloient faucher leurs foins, couper leurs blés et faire leurs briques, je crois qu'ils courroient fortune de se laisser mourir de faim, et de se tenir sous des tentes pour ne se pas donner la peine de bâtir des maisons.' ... 'L'éducation de leurs enfans est semblable à celle qu'ils ont eu de leurs pères, c'est-à-dire sans qu'ils apprennent ni sciences ni exercices; et je ne crois pas que parmi tous les grands que j'ay pratiqués, il s'en trouvât un seul qui sût décliner son nom.' ... 'Ils n'ont nulle curiosité de voir les pays étrangers, et encore moins de s'enquérir de ce qui s'y passe.' *Mémoires du Maréchal de Gramont*, vol. ii. pp. 77, 78, 82, 83, in *Collection des Mémoires par Petitot et Monmerqué*, vol. lvii. См. также Арсен де Коммердик, "*Путешествие в Испанию*", Париж, 1665, 4 т. стр. 124. 'La terre même n'y est pas toute cultivée par des gens du pays: au tempe du labourage, des semailles et de la recolte, il leur vient quantité de paysans du Bearn et d'autres endroits de France, qui gagnent beaucoup d'argent, pour leur mettre leurs bleds en terre et pour les recueillir. Les architectes et charpentiers y sont aussi pour la plûpart estrangers, qui se font payer au triple de ce qu'ils gagneroient en leur pays. Dans Madrid on ne voit pas un porteur d'eau qui ne soit estranger, et la plûpart des cordonniers et tailleurs le sont aussi.'

[1380] 'Mais aussi de quelle manière les élève-t-on? Ils n'étudient point; on néglige de leur donner d'habiles précepteurs; dès qu'on les destine à l'épée, on ne se soucie plus qu'ils apprennent le latin ni l'histoire. On devrait au moins leur enseigner ce qui est de leur mestier, les mathématiques, à faire des armes et à monter à cheval. Ils n'y pensent seulement pas. Il n'y a point ici d'Académie ni de maîtres qui montrent ces sortes de choses. Les jeunes hommes passent le tems qu'ils devraient employer à s'instruire dans un oisiveté pitoïable.' Letter from Madrid, dated 27th June 1679, in *D'Aulnoy, Relation du Voyage d'Espagne*, Lyon, 1693, vol. ii. pp. 232, 233.

[1381] 'Madrid étant la capitale d'une monarchie aussi vaste, il n'y eut dans cette ville jusqu'à l'époque du règne de Philippe V aucune bibliothèque publique.' *Sempere, De la Monarchie Espagnole*, Paris, 1826, vol. ii. p. 79.

[1382] Университет был переведен из Паленсии в Саламанку в начале тринадцатого века. *Forner, Oracion Apologética por la España*, Madrid, 1786, p. 170. К началу пятнадцатого века он стал очень процветающим (*Sempere, De la Monarchie Espagnole*, том i, стр. 65); а в 1535 году он описывается как 'великий университет, в котором обучалось семь или восемь тысяч студентов'. Смотрите письмо Джона Мейсона, датированное Вальядолидом 3 июля 1635 г., *в оригинальных письмах Эллыса*, вторая серия, том ii. стр. 56, Лондон, 1827. Но, как и все остальное, что имело ценность в Испании, оно пришло в упадок в семнадцатом веке; и Монконис, который тщательно исследовал его в 1628 году и хвалит некоторые из его приспособлений, которые все еще оставались в силе, добавляет: "Может быть, я и сам австралиец противопоставлен к ужасным условиям жизни в Луанже, как ученики, обучающиеся в университете для детей-невежд". *Les Voyages de Monsieur de Monconys*, Quatrième Partie, vol. v. p. 22, Paris, 1695. Однако их невежество, о котором Монконис приводит несколько любопытных примеров, не помешало испанским писателям тогда и много лет спустя считать Университет Саламанки величайшим учебным заведением такого рода в мире. 'La mayor del orbe, madre gloriosísima de todas las ciencias y de los mas vehementes ingenios, que han ilustrado las edades.' "Виды Кальдерона из ла Барки", стр. iii. iv., перепечатано в издании Кейла "Кальдерон", Лейпциг, 1827. Compare Davila (*Felipe Tercero*, p. 81), 'Salamanca, madre de ciencias y letras;' Yañez (*Memorias*, p. 228), 'Universidad insigne, y Oficina de las buenas Letras de España;' Bacallar (*Comentarios*, vol. i. p. 238), 'El emporio de las ciencias;' and Ximenez (*Vida de Ribera*, p. 6), 'Salamanca, cathedra universal de las artes, y emporio de todas ciencias.'

[1383] 'Говорит, что после того, как он проучился пять лет в одной из школ тамошнего университета, он случайно узнал о существовании математических наук'. *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 223. Знаменитый испанский писатель восемнадцатого века действительно хвастается невежеством своих соотечественников в математике и усматривает в их пренебрежении этим глупым занятием решающее доказательство их превосходства над другими нациями. 'No se dexé deslumbrar con los ásperos calculos é intrincadas demostraciones geométricas, con que, astuto el entendimiento, disimula el engaño con los disfraces de la verdad. El uso de las matemáticas es la alquimia en la física, que da apariencias de oro á lo que no lo es.' *Forner, Oracion Apologética por la España y su Mérito Literario*, Madrid, 1786, p. 38. Compare his contemptuous notice (p. 66) of those insignificant persons, who 'con título de filósofos han dado algun aumento á las matemáticas;' and his comparison (p. 222) of Mercado with Newton.

[1384] 'L'université de Salamanque, excitée par le Conseil, à réformer ses études, en l'année 1771, lui répondit "qu'elle ne pouvait se séparer du péripatétisme, parce que les systèmes de Newton, Gassendi et Descartes, ne concordent pas autant avec les vérités révélées que ceux d'Aristote."'*Sempere, Monarchie Espagnole*, vol. ii. p. 152. Этот ответ, говорит М. Семпере, стр. 153, можно найти в "dans la collection des ordonnances royales". В *Письмах из Испании английского офицера*, Лондон, 1788, том ii, стр. 256, утверждается, что во всех испанских университетах 'Ньютон и современная философия по-прежнему запрещены. Ничто не может заменить Аристотеля и суеверных отцов и докторов Церкви'.

[1385] Или, как он сам в одном месте выразился, знал бы 'немногим больше, чем ничего'. 'El que estudió Logica, y Metaphysica, con lo demás que, debaxo del nombre de Filosofia, se enseña en las Escuelas, por bien que sepa todo, sabe muy poco mas que nada; pero suena mucho. Dicese, que es un gran Filosofo; y no es Filosofo grande, ni chico,' *Feijoo, Theatro Critico Universal*, vol. ii. p. 187, quinta impression, Madrid, 1741.

[1386] 'La science est un crime, l'ignorance et la stupidité la première vertu.' *Mémoires du Duc de Saint Simon*, vol. xxxv. стр. 209, Париж, 1840. Elsewhere (vol. xxxvi. p. 252) he says, 'Les jésuites savants partout et en tout genre de science, ce qu ne leur est pas même disputé par leurs ennemis, les jésuites, dis-je, sont ignorants en Espagne, mais d'une ignorance à surprendre.'

[1387] 'Обычное образование английского джентльмена сделало бы здесь образованного человека; и, если бы он понимал греческий, он был бы настоящим феноменом'. *Путешествия Суинберна по Испании в 1775 и 1776 годах*, том ii. стр. 212, 213, 2-е изд., Лондон, 1787.

[1388] Еще в 1787 году Таунсенд, очень образованный человек, который путешествовал по Испании с явной целью отметить уровень знаний, а также экономическое состояние страны, и который благодаря предыдущему исследованию получил хорошую квалификацию для такого предприятия, говорит: "В целом я заметил, что врачи, с которыми мне довелось беседовать, были очень образованными людьми. , являются учениками своего любимого доктора Пикера, который отрицал или, по крайней мере, сомневался в циркуляции крови.' *Путешествие Таунсенда по Испании*, 2-е изд., Лондон, 1792, т. iii. стр. 281. Однако в то время испанские врачи начали читать Гофмана, Каллена и других теоретиков-еретиков, в работах которых они, к своему удивлению, обнаружили, что циркуляция крови предполагалась и даже не рассматривалась как спорный вопрос. Но студенты были вынуждены принимать такие вопросы на веру, поскольку, добавляет Таунсенд, стр. 282, 'На занятиях по медицине у них не было вскрытий'. Сравните "Испанию" Лаборда, том i, стр. 76, том iii, стр. 315, Лондон, 1809, и "Мемуары Годоя", Лондон, 1836, том ii, стр. 157. Годой, говоря о трех хирургических колледжах в Мадриде, Барселоне и Кадисе, говорит, что до его прихода к власти в 1793 году "В столице даже в Сан-Карлосе не было лекционного зала для практического обучения".

[1389] Этот небольшой эпизод отмечен Кабаррусом в его книге *"Элогио де Карлос III"*, Мадрид, 1789, 4 т. п. xiv. 'La salubridad del ayre, la limpieza y seguridad de las calles,' ... 'Pero ¿quién creará que este noble empeño produjo las mas vivas quejas: que se conmovió el vulgo de todas clases; y que tuvo varias autoridades á su favor la extraña doctrina de que los vapores mefíticos eran un correctivo saludable de la rigidez del clima?' Но самые подробные сведения можно найти в недавно опубликованной и очень подробной Истории Карла III. М. Рио, из которой я приведу одну или две выдержки. 'Para la limpieza de las calles poseia mayores ó menores fondos el ayuntamiento, y cuando el Rey quiso poner la mano en este ramo de policía, le presentaron dictámenes de médicos en que se defendia el absurdo de ser elemento de salubridad la basura.' Рио, *История Рейнадо Карлоса III.*, Мадрид, 1856, т. iv, стр. 54. См. Также т. i., стр. 267, 268, где упоминается, что, когда министр Эскилаче упорствовал в своих попытках привести в порядок улицы Мадрида, противники схемы поинтересовались мнением своих отцов по этому вопросу; и результатом было: "вопрос о представлении оригинальной консультации для врачей баджо эль". восстановление оон в лос-Фелипе-де-Австрия, приведение к деморализации, окончательная суммация, сутиль-эль-эйр-де-ла-блэксайон, причина, по которой возвышается Сьерра-де-Гвадаррама, случаи, когда майоры эстрагосов не пропитываются и не испаряются в Испании, испании и лас-Кальесе.' О том, что эта идея долгое время вынашивалась мадридскими врачами, мы также знаем из другого свидетельства, с которым не знаком ни один из испанских историков. Сэр Ричард Уинн, посетивший эту столицу в 1623 году, описывает отвратительную практику местных жителей и добавляет: 'Желая узнать, почему терпят столь отвратительный обычай, они говорят, что это прописано их врачами; по их мнению, воздух настолько пронизывающий и тонкий, что такого рода загрязнение его этими вредными

испарениями поддерживает хорошее настроение'. *Автобиография и переписка сэра Саймондса Д'Юэса*, под редакцией Дж. О. Холливелла, Лондон, 1845, том ii. стр. 446.

[1390] Even thirty years later, it was said, with good reason, that 'es menester deshacer todo lo que se ha hecho,' and 'confiar exclusivamente el precioso depósito de la sanidad pública á las manos capaces de conservarlo y mejorarlo.' *Cartas por el Conde de Cabarrus*, Madrid, 1813, p. 280. Эти письма, которые, хотя и малоизвестны, содержат некоторые интересные утверждения, были написаны в 1792 и 1793 годах. См. стр. 34 и Prologo, стр. i.

[1391] Кровотечение, однако, имело преимущественное значение. Смотрите любопытные свидетельства в "*Путешествии Таунсенда по Испании в 1786 и 1787 годах*", том ii. стр. 37-39. Таунсенд, имевший некоторые познания в медицине, был поражен невежеством и безрассудством испанских врачей. Он говорит: 'Наука и практика медицины находятся на самом низком уровне в Испании, но особенно в Астурии'. Сравните "*Шпренгель*", "*История медицины*", том iii, стр. 217, Париж, 1815, с "*Памятниками Уинвуда*", Лондон, 1725, фолио, том ii, стр. 219. Последнее упоминание показывает ужасные 'чистки и пролитие крови', которым подверглись несчастные испанцы во время правления Филиппа III. Another observer, much later, states that 'La saignée leur est assez familière. Ils se la font faire hors du lit tant que leurs forces le permettent, et lorsqu'ils en usent par précaution, ils se font tirer du sang deux jours de suite du bras droit et du gauche, disant qu'il faut égaliser le sang. On peut juger de là, si la circulation leur est connue.' *Voyages faits en Espagne, par Monsieur M*****, Amsterdam, 1700, p. 112. См. Далее *Письма Кларка об испанской нации*, Лондон, 4 т. 1763, стр. 55, и "*Испания американцем*", Лондон, 1831, т. ii, стр. 321.

[1392] В 1790 году бедняга Камберленд, находясь в Мадриде, был, насколько это было возможно, убит тремя их хирургами за несколько дней; самым опасным из нападавших был не кто иной, как "главный хирург Корпусной гвардии", который, по словам несчастного страдальца, был 'направлен ко мне властью'. См. *Мемуары Ричарда Камберленда, написанные им самим*, Лондон, 1807, т. ii. стр. 67, 68.

[1393] Duclos says of Philip V., 'Il étoit fort attentif sur sa santé; son médecin, s'il eût été intrigant, auroit pu jouer un grand rôle. Hyghens, Irlandois, qui occupoit cette première place, fort éloigné de l'intrigue et de la cupidité, instruit dans son art, s'en occupoit uniquement. Après sa mort, la reine fit donner la place à Servi, son médecin particulier.' *Mémoires par Duclos*, 2e édit. Париж, 1791, том ii. стр. 200, 201. 'Hyghens, premier médecin, étoit Irlandais.' *Mémoires du Duc de Saint Simon*, vol. xxxvi. стр. 215, изд. Париж, 1841.

[1394] В восемнадцатом веке испанцы, как правило, начали признавать это; поскольку они не могли закрыть глаза на то, что их друзья и родственники так быстро умирали при профессиональном лечении, что болезнь и смерть были почти синонимами. Поэтому, несмотря на свою ненависть к французской нации, они пользовались услугами французских врачей и французских хирургов всякий раз, когда у них была такая возможность. In 1707, the Princess des Ursins writes from Madrid to Madame de Maintenon, 'Les chirurgiens espagnols sont mésestimés même de ceux de leur nation;' and, in another letter, 'Les Espagnols conviennent que les médecins français sont beaucoup plus savants que les leurs; ils s'en servent même très-volontiers, mais ils sont persuadés que ceux de la faculté de Montpellier l'emportent sur les autres.' *Lettres inédites de Madame de Maintenon et de la Princesse des Ursins*, vol. iii. p. 412, vol. iv. p. 90.

[1395] Campomanes (*Apendice á la Educacion Popular*, Madrid, 1776, vol. iii. pp. 74, 75), speaking of a work on distillation, says, 'La tercera (parte) describe la preparacion de los productos químicos sólidos: esto es la preparacion de varias sustancias terreas, como argamasa, magnesia blanca, ojos de cangrejo, etc., la de varios sales, como sal de glauber, amoniaco, cristal mineral, borax refinado, etc., y la del antimonio, mercurio, plomo, litargirio, etc., comunicando sobre todo lo expresado varias noticias, que demuestran lo mucho que conducen á los progresos del arte, las observaciones del fisico reflexivo: unidas á la práctica de un profesor experimentado. *Este arte en toda su extension falta en España*. Solo le tenemos para aguardientes, rosolis, y mistelas. *La salud pública es demasiado importante, para depender de los estraños en cosas esenciales*; quando no estimulase nuestra industria la manutencion de muchas familias.' ... 'Gran parte de estas cosas se introducen de fuera, por no conocerse bien las operaciones químicas. No son dificultosas en la execucion; pero es necesario enseñarlas, y conocer los instrumentos que son apropiados. Un laboratorio químico, que se va á establecer en Madrid, producirá maestros para las capitales del reyno.'

[1396] 'Su ministro el célebre Ensenada, que tenia grandes miras en todos los ramos de la administracion pública, deseaba ardientemente mejorar la enseñanza, lamentándose del atraso en que esta se hallaba. "Es menester, decia hablando de las universidades, reglar sus cátedras, reformar las superfluas y establecer las que faltan con nuevas ordenanzas para asegurar el mejor método de estudios. No sé que haya cátedra alguna de derecho público, de física esperimental, de anatomía y botánica. No hay puntuales cartas geográficas del reino y de sus provincias, *ni quien las sepa grabar, ni tenemos otras que las imperfectas que vienen de Francia y Holanda*. De esto proviene que ignoramos la verdadera situacion de los pueblos y sus distancias, que es una vergüenza.'" *Tapia, Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. iv. pp. 268, 269. See also *Biografía de Ensenada*, in *Navarrete, Coleccion de Opúsculos*, Madrid, 1848, vol. ii. pp. 21, 22. 'Le parecia vergonzoso que para conocer la situacion y distancias respectivas de nuestros mismos pueblos y lugares, dependiésemos de los franceses y holandeses, quienes por sus mapas imperfectas de la península extraían de ella sumas considerables.' Через восемьдесят лет после того, как Энсенада подал эту жалобу, мы находим в Испании путешественника, утверждающего, что 'приличной карты любой части, даже страны за воротами столицы, найти невозможно'. "*Испания Кука с 1829 по 1832 год*", Лондон, 1834, т. i, стр. 322. Сравните *Заметки о геологических мемуарах*, стр. 1, в конце *Ежеквартального журнала Геологического общества*, том vi, Лондон, 1850 г.; "не существует даже хорошей географической карты полуострова".

[1397] М. Рио (*История Рейнадо де Карлоса III.*, том i, стр. 185) упоминает об этом в очень характерной манере. 'Varios extranjeros distinguidos hallaron fraternidad entre los españoles, y correspondieron hidalgamente al hospedaje: Cervi dió vida á las sociedades médicas de Madrid y Sevilla; Virgili al colegio de Cirugía de Cádiz; Quer trabajó sin descanso para que el Jardin Botánico no fuera un simple lugar de recreo, sino principalmente de estudio; Bowles comunicó grande impulso á la mineralogía,' &c.

[1398] Я упустил доказательства этого факта, но читатель может положиться на их точность.

[1399] Таунсенд (*Путешествие по Испании в 1786 и 1787 гг.*, том ii, стр. 275) говорит: "Дон Антонио Солано, профессор экспериментальной философии, заслуживает внимания ясностью и точностью своих демонстраций: но, к сожалению, хотя его лекции читаются бесплатно, в Мадриде так мало интереса к науке, что их никто не посещает". .

[1400] 'La ignorancia reinante en los últimos años del siglo xvii. depravó en tal manera el buen gusto, que á principios del xviii. las artes se hallaban en la mas lastimosa decadencia.' *Tapia, Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. iv. p. 346. Смотрите также об этом упадке, или, скорее, разрушении вкуса, *Валаскеса, "Происхождение поэзии Кастеллана"*, Малага, 1754, 4ст. 'Un siglo, corrompido, en que las letras estaban abandonadas, y el buen gusto casi desterrado de toda la nacion.' p. 70. 'Al passo que la nacion perdia el buen gusto, y las letras iban caminando á su total decadencia.' p. 107. 'Los caminos por donde nuestros poetas en el siglo pasado se apartaron del buen gusto en esta parte.' p. 170.

[1401] 'Solo cuatro navíos de línea y seis de poco porte dejaron los reyes de origen austriaco, y todos tan podridos que apenas podian aguantar el fuego de sus propias baterias.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, Madrid, 1856, vol. i. p. 184.

[1402] 'Se mandaron construir 12 navíos á la vez, y se contrataron otros. Por medio de D. Jorge Juan se trajeron de Inglaterra los mas hábiles constructores y maestros para las fábricas de jarcia, lona y otras.' *Биография Энсенады, в Наваррете, Собрание Опусов*, Мадрид, 1848, т. ii. стр. 18. М. Рио, принимая все это как само собой разумеющееся, спокойно говорит: 'Д. Jorge Juan fue á Lóndres para estudiar la construccion de navíos.' *Historia del Reinado de Carlos III.*, Madrid, 1856, vol. iv. p. 485.

[1403] М. Лафуэнте говорит, что Энсенада был реставратором и почти создателем испанского военно-морского флота; 'де ла фуэе эль ресторатор, и дело пудьеры решается эль креадором'. *Lafuente, Historia de España*, vol. xix. p. 344, Madrid, 1857.

[1404] 'C'est par un Irlandais aussi, Oreilly, que la discipline de l'infanterie est réformée.' *Bourgoing, Tableau de l'Espagne Moderne*, Paris, 1808, vol. ii. p. 142. 'Las escuelas militares del puerto de Sta. Maria para la infanteria, que dirigió con tanto acierto el general Ofarril bajo las ordenes del conde de O'Reilly.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 128.

[1405] 'Vino á dirigir la academia de guardias marinas de Cadiz.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 79. 'Godin figuró como director del colegio de Guardias marinas.' *Rio, Historia de Carlos III.*, vol. i. p. 186. Compare *Biographie Universelle*, vol. xvii. стр. 564, Париж, 1816.

[1406] Смотрите интересные замечания в *Bourgoing, Tableau de l'Espagne Moderne*, Париж, 1808, том ii. стр. 96, 142. With good reason, therefore, was it stated, some years afterwards, that 'c'est à des étrangers que l'Espagne doit presque tous les plans, les réformes utiles, et les connoissances dont elle a eu besoin.' *Voyage en Espagne par le Marquis de Langle*, 1785, vol. ii. p. 159.

[1407] 'Como los del pais entendian poco de trabajar minas, vinieron de Alemania algunos prácticos para enseñarlos.' ... 'Los Alemanes sacaron de dicha mina por largo tiempo cosa de 500 á 600 quintales de cobalto al año.' *Bowles, Historia Natural de España*, Madrid, 1789, 4to. pp. 418, 419. См. также *"Испания"* Диллона, Дублин, 1781, стр. 227-229.

[1408] 'В 1728 году новый искатель приключений взялся за работу по открытию рудников Гуадалканала. Это была леди Мэри Герберт, дочь маркиза Поуиса. ... 'Леди Мэри отбыла из Мадрида на Гуадалканал, куда из Англии были отправлены шахтеры и двигатели за ее счет, а также за счет ее родственника мистера Гейджа, который сопровождал ее, и ее отца, маркиза'. *Историческое исследование Джейкоба о производстве и потреблении драгоценных металлов*, Лондон, 1831, т. i. стр. 278, 279.

[1409] 'Los mineros de Almaden nunca hicieron los socavones siguiendo la inclinacion de las betas, sino perpendiculares, y baxaban ellos puestos en una especie de cubos atados desde arriba con cuerdas. De este mal método se originó todo al desórden de la mina, porque al paso que los operarios penetraban dentro de tierra, era forzoso que se apartasen de las betas y las perdiesen.' *Bowles, Historia Natural de España*, Madrid, 1789, 4to. p. 14.

[1410] 'Fué mi proyecto bien recibido del Ministerio, y *habiendo hecho venir mineros Alemanes*, le han executado en gran parte con mucha habilidad. Los mineros Españoles de Almaden son atrevidos y tienen robustez, maña y penetracion quanta es menester, de suerte que *con el tiempo serán excelentes mineros, pues no les falta otra cosa que la verdadera ciencia de las minas.*' *Естественная история Испании*, стр. 16. Последняя часть этого предложения представляет собой очевидную борьбу между интересами истины и требованиями книги, напечатанной в Королевской типографии Мадрида и лицензированной испанскими властями.

[1411] 'Encargado por el gobierno el laborioso extranjero Bowles de proponer los medios convenientes para beneficiar con mas acierto las famosas minas de azogue del Almaden, descubrió algunos nuevos procedimientos por medio de los cuales casi se duplicaron los productos de aquellas, y bajó una mitad el precio de los azogues.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 117.

[1412] *Мемуары Рипперды*, 2-е изд., Лондон, 1740, стр. 23, 62, 91, 104. "В Кадис прибыл корабль с пятьюдесятью фабрикантами на борту, которых барон де Рипперда собрал в Голландии". ... "Новые мануфактуры в Сеговии, которые, хотя в то время полностью управлялись иностранцами, он хотел, чтобы в следующем веке ими управляли сами испанцы, и только они".

[1413] 'Министр Уолл, ирландец, ухитрился завлечь некоего Томаса Бевана из Мелкшема, в Уилтшире, чтобы навести порядок в механизме и делах'. "*Испания*" Форда, Лондон, 1847, стр. 525.

[1414] 'Ademas de la invitacion que se hizo á millares de operarios extranjeros para venir á establecerse en España,' &c. *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. pp. 112, 113. В 1768 году Харрис, путешествовавший из Пампелуны в Мадрид, пишет: 'Я не заметил на дороге и дюжины мужчин, занятых плугом или каким-либо другим видом труда'. *Дневники и переписка Джеймса Харриса, графа Малмсбери*, Лондон, 1844, том i, стр. 38.

[1415] "Национальный банк, дизайн, первоначально предложенный Риппердой". "*Бурбонские короли Испании*" Кокса, том v., стр. 202.

[1416] Bourgoing, not aware of Ripperda's priority, says (*Tableau de l'Espagne Moderne*, vol. ii. p. 49), 'L'idée de la banque nationale fut donnée au gouvernement par un banquier français, M. Cabarrus.' Compare *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. pp. 122, 123: 'Banco nacional de San Carlos; propúsole Cabarrús, apoyólo Floridablanca, y sancionólo el Soberano por Real cedula de 2 de junio de 1782.' Это звучит хорошо, но вскоре произошла неизбежная катастрофа. 'Карл IV, ' говорит принц Мира, ' только что взошел на трон; банк Святого Карлоса быстро падал и был на грани банкротства'. *Мемуары Годоя*, Лондон, 1836, том i, стр. 124.

[1417] 'A Londres, à Stockholm, à Paris, à Vienne et à Venise, le souverain est représenté par des étrangers. Le prince de Masserano, Italien, ambassadeur en Angleterre; le comte de Lacy Irlandais,

ministre à Stockholm; le marquis de Grimaldi, ambassadeur en France, avant de parvenir au ministère; le comte de Mahoni, Irlandais, ambassadeur à Vienne; le marquis de Squilaci, ambassadeur à Venise, après sa retraite du ministère.' *Bourgoing, Tableau de l'Espagne*, vol. ii. pp. 142, 143. К этому я могу добавить, что в царствование Филиппа V. итальянец, маркиз де Беретти Ланди, был представителем Испании в Швейцарии, а затем в Гааге (*Воспоминания Рипперды*, 1740, стр. 37, 38); и что в 1779 году или незадолго до этого Лейси занимал тот же пост в Санкт-Петербурге. *Дневники и переписка Малмсбери*, 1844, том i, стр. 261. Точно так же М. Рио (*История Карлоса III.*, том i, стр. 288, 289) говорит о важных переговорах, которые состоялись в 1761 году между Испанией, Англией и Францией "В качестве переговорщиков по делу Луиса XV". *trataba de enredar á Carlos III. quedaron absolutamente excluidos los españoles, como que por una parte las iban á seguir el duque de Choiseul y el marques de Ossun, franceses, y por otra el irlandés D. Ricardo Wall, y el genovés marques de Grimaldi.* Примерно в то же время Кларк пишет (в своих *Письмах об испанской нации*, Лондон, 1763, 4 т. т. 331): 'Испания на протяжении многих лет находилась под руководством министров иностранных дел. Было ли это вызвано недостатком способностей у туземцев или нежеланием государя, я не возьму на себя смелость сказать; как бы то ни было, местная знать оплакивает это как великое бедствие'.

[1418] Лорд Стэнхоуп, в целом хорошо информированный об испанских делах, говорит, что Уолл был 'уроженцем Ирландии'. *История Англии Мэхона*, т. iv. стр. 182, 3-е изд., Лондон, 1853; но в *Мемуарах Ноая*, т. iv. стр. 47, изд. Париж, 1829 год, его называют 'ирландцем происхождения, урожденным Франсом'. См. также *Биографию Энсенеды*, в *Наваррете*, *Опускулос*, Мадрид, 1848, т. ii. стр. 26, 'D. Рикардо Уолл, ирландец из Оригена, насидо во Франции.' Суинберн, который знал его лично и дал о нем кое-какие сведения, не упоминает, где он родился. *"Путешествия Суинберна по Испании"*, второе издание, Лондон, 1787, том i, стр. 314-318.

[1419] 'Генуэзец и подданный Франции'. *История Испании Данхэма*, том v., стр. 170.

[1420] "Эра сицилии". Рио, *История Рейнадо де Карлоса III.*, том i, стр. 244.

[1421] Самый полный отчет о его увольнении дан М. Рио в первой главе второго тома его *Истории Рейнадо Карлоса III.*, который, однако, следует сравнить с книгой Кокса *"Короли Испании Бурбоны"*, том iv. стр. 340-346. Кокс называет его Сквилачи, но я следую орфографии испанских авторов, которые всегда называют его Эскилаче. Его влияние на короля было таково, что, по словам Кокса (том iv, стр. 347), Карл III. публично заявил, что "если бы от него остался лишь кусочек хлеба, он разделил бы его со Сквилачи".

[1422] *"Короли Испании" Кокса*, том iv. стр. 15, 135. Рио, *История Карлоса III.*, том i. стр. 246, 247, 400, 401. *Navarrete, Biografía de Ensenada*, pp. 26-28.

[1423] Он ушел в отставку в 1776 году, но занимал этот пост до прихода его преемника Флориды Бланки в 1777 году. Рио, *История Карлоса III.*, том iii. стр. 171, 174. Ссылаясь на свое назначение в 1763 году, М. Рио замечает (т. i., стр. 402): "О том, как Гримальди оценил фортуна, с которой он поздравил рома, китайско-французская Республика". В 1770 году Харрис, дипломат, который в то время находился в Испании, пишет: "Его доктрина абсолютно французская; во всем руководствуется французским уклоном", и с. *Дневники и переписка Малмсбери*, т. i., стр. 56, Лондон, 1844.

[1424] "Руководствовался в своих действиях советами Шуазеля". *"Бурбонские короли Испании"* Кокса, том iv. стр. 339. 'Преследование планов, которые он согласовал с Шуазелем'. стр. 373. "Его друг и покровитель". стр. 391 и т. v., стр. 6.

[1425] 'Personne n'ignoroit le crédit prodigieux que M. de Choiseul avoit sur le roi d'Espagne, dont il se vantoit lui-même, au point que je lui ai ouï dire, qu'il étoit plus sûr de sa prépondérance dans le cabinet de Madrid, que dans celui de Versailles.' *Mémoires du Baron de Besenval, écrits par lui-même*, vol. ii. pp. 14, 15, Paris, 1805.

[1426] М. Мюриэль (*Гобьерно-дель-Рей Дон Карлос III.*, Мадрид, 1839, стр. 44, 45) называет их изгнание из Испании "настоящим актом насилия, который является мерой для успокоения герцога Шуазеля, министра Франции и защитника философской партии". See also *Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie de Jésus*, vol. v. p. 291, Paris, 1845; and *Georgel, Mémoires pour servir à l'Histoire des Évènements depuis 1760*, vol. ii. p. 95, Paris, 1817.

[1427] Архидьякон Кокс несколько профессиональным тоном говорит об Аранде: "Во Франции он приобрел благосклонность изысканного общества и *впитал ту свободу чувств*, которая тогда вошла в моду, *и с тех пор дошла до такого опасного избытка*". Книга Кокса *"Бурбонские короли Испании"*, том iv. стр. 402. Его злейший враг, принц мира, желая быть суровым, непреднамеренно восхваляет его; и замечает, что он был "связан с самыми выдающимися французскими литераторами середины прошлого века" и что он был "лишен религиозных предрассудков, хотя и находился под влиянием философского энтузиазма". *Мемуары Годоя*, Лондон, 1836, т. i, стр. 319. Враждебность некоторых мужчин чрезвычайно ценна. Принц далее добавляет, что Аранда 'мог претендовать только на второстепенное достоинство в виде сектантской привязанности', забывая, что в такой стране, как Испания, каждый просвещенный человек должен принадлежать к жалкой маленькой секте.

[1428] Cabarrus (*Elogio de Carlos III.*, Madrid, 1789, 4to. p. xxiv.) says, rather magniloquently, 'El acierto de la execucion que correspondió al pulso y prudencia con que se habia deliberado esta providencia importante, pasará á la ultima posteridad.'

[1429] *"Бурбонские короли Испании"* Кокса, том iv. стр. 362. М. Рио во втором томе своей *Истории Карла III.*, Мадрид, 1856, дал длинный, но не очень философский и не очень точный отчет об изгнании иезуитов, который он рассматривает исключительно с испанской точки зрения; упуская из виду тот факт, что это был частью европейского движения, возглавляемого Францией. Он отрицает влияние Шуазеля, стр. 125; осуждает совершенно правильное утверждение Кокса, стр. 123; и, наконец, приписывает это великое событие действию причин, ограниченных полуостровом. 'De ser los jesuitas adversarios del regalismo emanó su ruina en España, cuando triunfaban las opiniones sostenidas con heróico teson desde mucho ántes por doctísimos jurisconsultos.' p. 519.

[1430] Один из самых недавних историков иезуитов с негодованием замечает: "Департамент второго века против евреев, живущих и проповедующих в Испании. Ils sont comblés de bienfaits par des monarques dont ils étendent la souveraineté. Le clergé et les masses acceptent avec bonheur leur intervention. Tout à coup l'Ordre se voit déclaré coupable d'un crime de lèse-majesté, d'un attentat public que personne ne peut spécifier. La sentence prononce la peine sans énoncer le délit.' *Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie de Jésus*, vol. v. p. 295, Paris, 1845.

[1431] *"История Испании" Данхэма*, том v., стр. 285, где факты хорошо сведены воедино. *"Ценная история инквизиции"* Льюоренте недостаточно точна в этих вопросах, хотя это очень точная и, что еще более удивительно, очень честная книга.

[1432] *Рио, История Карлоса III.*, том iii. стр. 103-107, который следует сравнить с отчетом Кокса, который получил часть своей информации от друга Аранды. *"Бурбонские короли Испании"* Кокса, том iv. стр. 401-415. "Хорошая жизнь Аранды" была бы очень интересной. То, что содержится в *Всемирной биографии*, чрезвычайно скудно и небрежно написано.

[1433] *Coxe's Bourbon Kings of Spain.*"

[1434] 'Находясь в Париже в 1786 году, я услышал следующий анекдот от человека, связанного с энциклопедистами. Во время своего пребывания в этой столице Д'Аранда часто свидетельствовал литераторам, с которыми он общался, о своей решимости добиться отмены инквизиции, если его когда-нибудь призовут к власти. Поэтому его назначение было восторженно встречено партией, особенно Д'Аламбером; и едва он начал свои реформы, как в энциклопедии, печатавшейся в то время, была помещена статья, в которой это событие уверенно предвосхищалось, исходя из либеральных принципов министра. Д'Аранда был поражен, прочитав эту статью, и сказал: "Это опрометчивое разоблачение вызовет такое брожение против меня, что мои планы будут сорваны". Он не ошибся в своем предположении.' *"Бурбонские короли Испании"* Кокса, том iv. стр. 408.

[1435] Даже дело 1781 года, по-видимому, касалось скорее колдовства, чем ереси. 'La dernière victime qui périt dans les flammes fut une béate: on la brûla à Séville, le 7 novembre 1781, comme ayant fait un pacte, et entretenu un commerce charnel avec le Démon, et pour avoir été impénitente négative. Elle eût pu éviter la mort en s'avouant coupable du crime dont on l'accusait.' *Llorente, Histoire de l'Inquisition d'Espagne*, Paris, 1818, vol. iv. p. 270. Примерно в это же время пытки в Испании начали выходить из употребления. Смотрите интересную заметку в *"Институтах гражданского права Испании"* Джонстона, Лондон, 1825, стр. 263.

[1436] 'Menesteres decir que el marqués de Grimaldi cayó venciendo á sus enemigos, pues, léjos de legarles el poder, á que aspiraban con anhelo, trasmitiólo á una de sus más legítimas hechuras; que tal era y por tal se reconocia el conde de Floridablanca.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iii. pp. 151, 152.

[1437] В 1690 году было заявлено, что 'со времени изгнания мавров' не было прецедента, чтобы король Испании когда-либо отправлял посланника к мусульманскому принцу. См. *"Испания при Карле II"* Маона., стр. 5. В том же году в Марокко был направлен посланник; но это касалось всего лишь выкупа пленных и, конечно, без малейшего намерения заключить мир.

[1438] 'Другие европейские дворы с удивлением и сожалением стали свидетелями заключения договора, который положил конец политическому и религиозному соперничеству, столь долго существовавшему между Испанией и Портой'. *Книга Кокса "Бурбонские короли Испании"*, том v. стр. 152, 153. 'Une des maximes de la politique espagnole avait été celle de maintenir une guerre perpétuelle contre les mahométans, même après la conquête de Grenade. Ni les pertes incalculables éprouvées par suite de ce système, ni l'exemple de la France et d'autres puissances catholiques qui ne se faisaient point scrupule d'être en paix avec les Turcs, n'avaient suffi pour détromper l'Espagne sur l'inconvenance d'une telle politique. Le génie éclairé de Charles III corrigea un préjugé aussi dangereux; dicta la paix avec les empereurs de Turquie et d'autres potentats mahométans; délivra ses

sujets de la terrible piraterie des corsaires, et ouvrit à leur commerce de nouvelles voies pour spéculer avec de plus grands avantages.' *Sempere, La Monarchie Espagnole*, vol. ii. p. 160.

[1439] Рио, *История Рейнадо де Карлоса III.*, том iv. стр. 11-13.

[1440] Там же. том iv. стр. 16, 17.

[1441] 'Ha sido notable el número de cautivos, que los piratas de Berbería han hecho sobre nuestras costas por tres centurias. En el siglo pasado se solian calcular existentes á la vez en Argel, treinta mil personas españolas. Su rescate á razon de mil pesos por cada persona á lo menos, ascendia á 30 millones de pesos.' *Кампоманес, Справочник по популярному образованию*, том i, стр. 373, Мадрид, 1775. О мерах предосторожности, которые приходилось применять для охраны берегов Испании от мусульманских корсаров, см. *Узтариз, Теория и практика торговли*, Мадрид, 1757, фолио, стр. 172, 173, 222-226; и *Лафуэнте, История Испании*, т. xv. стр. 476, Мадрид, 1855. В середине восемнадцатого века вдоль средиземноморского побережья Испании необходимо было постоянно нести вахту, 'чтобы поднять тревогу при появлении врага'.

Смотрите "*Путешествие по Испании*" *Удала ап Риса*, 2-е издание, Лондон, 1760, стр. 170. Что касается положения вещей в семнадцатом веке, см. *Джанер, Условия жизни лос-Морисков*, Мадрид, 1857, стр. 63.

[1442] 'De esta suerte quedaron los mares limpios de piratas desde los reinos de Fez y Marruecos hasta los últimos dominios del emperador Turco, por el Mediterráneo todo; vióse á menudo la bandera española en Levante, y las mismas naciones mercantiles que la persiguieron indirectamente, preferíanla ahora, resultando el aumento del comercio y de la Real marina, y la pericia de sus tripulaciones, y el mayor brillo de España y de su augusto Soberano: termino hubo la esclavitud de tantos millares de infelices con abandono de sus familias é indelebles perjuicios de la religion y el Estado, cesando tambien la continua extraccion de enormes sumas para los rescates que, al paso que nos empobrecian, pasaban á enriquecer á nuestros contrarios, y á facilitar sus armamentos para ofendernos; y se empezaban á cultivar rápidamente en las costas del Mediterráneo leguas de terrenos los más fertiles del mundo, desamparados y eriales hasta entónces por miedo á los piratas, y donde se formaban ya pueblos enteros para dar salida á los frutos y las manufacturas.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. pp. 17, 18.

[1443] М. Рио, чья объемная история правления Карла III, несмотря на многочисленные упущения, представляет значительную ценность, оценил личное влияние короля более справедливо, чем любой предыдущий автор; у него был доступ к неопубликованным документам, которые свидетельствуют о большой энергии и активности Карла. 'Entre sus mas notables figuras ninguna aventaja á la de Cárlos III.; y no por el lugar jerárquico que ocupa, sino por el brillante papel que representa, ora tome la iniciativa, ora el consejo, para efectuar las innumerables reformas que le valieron inextinguible fama. Ya sé que algunos tachan á este Monarca de cortedad de luces y de estrechez de miras; y que algunos otros suponen que sus ministros le engañaron ó sorprendieron para dictar ciertas providencias. Cuarenta y ocho tomos de cartas semanales y escritas de su puno desde octubre de 1759 hasta marzo de 1783 al marqués de Tanucci, existentes en el archivo de Simancas, por mí leídas hoja tras hoja, sacando de ellas largos apuntes, sirven á maravilla para pintarle tal como era, y penetrar hasta sus más recónditos pensamientos, y contradecir á los que le juzgan á bulto.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, Madrid, 1856, vol. i. pp. xxii. xxiii.

[1444] 'Несмотря на то, что Карл родился и получил образование в Испании, он покинул страну слишком рано, чтобы сохранить пристрастие к ее обычаям, законам, манерам и языку; в то время как из-за своего пребывания за границей и общения с Францией у него сформировалось естественное пристрастие к французскому характеру и институтам'. *"Бурбонские короли Испании" Кокса*, том iv. стр. 337.

[1445] Он 'намного превзошел двух своих предшественников в своих усилиях по реформированию морали и ограничению власти духовенства'. *Там же*. т. v., стр. 215.

[1446] His measures 'alarmaron al clero en general, que empezó á murmurar con impaciencia, y aun algunos de sus individuos se propasaron á violentos actos.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 98.

[1447] Популярным обвинением в адрес правительства было: 'что за деспотизм, а не иглесия в мунидаде'. *Рио, История Рейнадо Карлоса III.*, том ii. стр. 54. См. также на стр. 201, 202 письмо 1766 года епископа Куэнки королевскому духовнику, в котором этот прелат заявил: "Испанская коррия не виновата, китайская воля, и что причиной этого было преследование бедной Церкви, которая была " sakeада в сердцах, ультрахада в сердцах министров, и атропеллада в сердце муниципалитета".

[1448] Кокс (*Бурбонские короли Испании*, т. v. стр. 144) называет мир 1783 года 'самым почетным и выгодным, когда-либо заключенным короной Испании со времен Сент-Квинтинского мира'. Similarly, M. Rio (*Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iii. p. 397), 'Siglos habian pasado para España de continuas y porfiadas contiendas, sin llegar nunca, desde la famosa jornada de San Quintin y al alborear el reinado de Felipe II., tan gloriosamente al reposo.'

[1449] Ближе к концу его правления мы находим современного наблюдателя, который отнюдь не был настроен в его пользу предвзято, свидетельствующего о "честной и упрямой приверженности его нынешнего католического величества всем своим договорам, принципам и обязательствам", *Письмо английского офицера*, Лондон, 1788, т. ii. стр. 329. Compare Muriel (*Gobierno del Rey Don Carlos III.*, Madrid, 1839, p. 34), 'Tan conocido llegó á ser Cárlos III. en los reinos estraños por la rectitud de su carácter, que en las desavenencias que ocurrían entre los gobiernos, todos consentían en tomarle por árbitro, y se sometían á sus decisiones;' and Cabarrus (*Elogio de Carlos III.*, Madrid, 1789, 4to. p. xl.), 'Esta probidad llega á ser el resorte político de la Europa; todas las cortes penetradas de respeto á sus virtudes le buscan por árbitro y mediador.' Свидетельство большого уважения, оказываемого Карлу III. иностранными державами, также можно найти в *Рио, История Рейнадо де Карлоса III.*, том iv. стр. 41-43, 253.

[1450] Об увеличении военно-морского флота сравните *Тапия, "Испанская цивилизация"*, том iv, стр. 127, с *Мюриэль, Гобьерно дель Рей Карлос III.*, стр. 73, 82.

[1451] Этими финансовыми улучшениями в значительной степени был обязан французу Кабаррюсу. См. *Рио, История Рейнадо де Карлоса III.*, том iv. стр. 122, 123.

[1452] Рио, *там же*. том iv. стр. 164-166, и *Тапия, Испанская цивилизация*, том iv. стр. 96, 97.

[1453] 'La providencia mas acertada para el fomento de nuestra agricultura fué sin duda la real pragmática de 11 de julio de 1765, por la cual se abolió la tasa de los granos, y se permitió el libre comercio de ellos.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 105. См. также *"Испания" Диллона*, стр. 69, и *"Испания" Таунсенда*, том ii. стр. 230. Первый шаг к этой великой реформе был сделан в

1752 году. See the edict issued in that year, 'Libertase de Derechos el trigo, cebada, centeno y maiz que por mar se transportáre de unas provincias á otras de estos dominios.' Этот документ, имеющий важное значение для истории политической экономии, напечатан в приложении к "Кампоманесу, Популярному образованию", т. ii. стр. 16, 17, Мадрид, 1775.

[1454] 'Pronto se establecieron los correos marítimos y se comunicaron con regularidad y frecuencia no vistas hasta entónces la metrópoli y las colonias. Por efecto del importante decreto de 24 de agosto de 1764, salía el primero de cada mes un paquebot de la Coruña con toda la correspondencia de las Indias; desembarcábala en la Habana, y desde allí se distribuía en balandras y otros bajeles á propósito para puntear los vientos escasos, á Veracruz, Portobelo, Cartagena, islas de Barlovento y provincias de la Plata; y aquellos ligeros buques volvían á la Habana, de donde zarpaba mensualmente y en día fijo otro paquebot para la Coruña.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. i. p. 452. Однако та часть плана, которая была направлена на то, чтобы сделать Корунью соперницей Кадиса, по-видимому, оказалась неудачной. Смотрите письмо из Ла-Коруньи, написанное в 1774 году, в "Путешествиях Далримпла по Испании", Лондон, 1777, 4 т. стр. 99.

[1455] Смотрите эдикты в Кампоманесе, Апендисе, т. ii. стр. 37-47, Мадрид, 1775. Они оба датированы 16 октября 1765 года.

[1456] It was said, with reason, by Alaman, 'que el gobierno de América llegó al colmo de su perfeccion en tiempo de Carlos III.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. p. 151. And Humboldt observes (*Essai Politique sur le Royaume de la Nouvelle-Espagne*, Paris, 1811, 4to. vol. i. p. 102), 'C'est le roi Charles III surtout qui, par des mesures aussi sages qu'énergiques, est devenu le bienfaiteur des indigènes; il a annulé les *Encomiendas*; il a défendu les *Repartimientos*, par lesquels les corregidores se constituoient arbitrairement les créanciers, et par conséquent les maîtres du travail des natifs, en les pourvoyant, à des prix exagérés, de chevaux, de mulets et de vêtements (*ropa*).'

[1457] Кабаррус, Элогио де Карлос III., Мадрид, 1789, стр. xlii., и примечание Канги в *Martinez de la Mata, Dos Discursos*, Мадрид, 1794, стр. 31. Но эти авторы были недостаточно знакомы с политической экономией, чтобы оценить эту меру.

[1458] В начале правления Карла были предприняты шаги к принятию более либеральных принципов в торговле с Америкой; но в 1778 году были внесены полные и радикальные изменения. Установление свободной торговли быстро привело к самым благотворным последствиям. Экспорт иностранных товаров увеличился втрое, отечественных - в пять раз; а доходы из Америки выросли в поразительной пропорции девять к одному. Продукция таможни увеличивалась с такой же быстротой.' *Исследование внутреннего состояния Испании Кларком*, Лондон, 1818, стр. 72.

[1459] "Бурбонские короли Испании" Кокса, том v. стр. 197, 317, 318.

[1460] Смотрите заявление Флориды Бланки в книге Кокса "Бурбонские короли Испании", т. v., стр. 331; "облегчить ремесленникам и подмастерьям мизерную оплату их труда, несмотря на привилегии и интересы сильных мира сего".

[1461] Рио, История Рейнадо де Карлоса III., том iv. стр. 317, 318 и другие.

[1462] "Desde mi feliz advenimiento al trono" (dijo el Rey en la ordenanza de reemplazos) "ha merecido mi Real proteccion el arte de la imprenta, y, para que pueda arraigarse sólidamente en

estos reinos, vengo en declarar la exencion del sorteo y servicio militar, no solo á los impresores, sino tambien á los fundidores que se empleen de continuo en este ejercicio, y á los abridores de punzones y matrices.” *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iii. p. 213.

[1463] О шагах, предпринятых для реформирования университетов между 1768 и 1774 годами, см. *Рио, История Рейнадо де Карлоса III.*, том iii. стр. 185-210. Сравните т. iv. с. 296-299.

[1464] ‘La educacion de la juventud por los maestros de primeras letras es uno y aun el más principal ramo de la policía y buen gobierno del Estado.’ *Real Provision de 11 de julio de 1771*, printed in *Rio*, vol. iii. p. 182.

[1465] М. Лафуэнте, который справедливо похвалил миролюбие, проявленное Фердинандом VI. (*Historia de España*, vol. i. p. 202, vol. xix. pp. 286, 378), adds (vol. xix. p. 384), ‘De modo que con razon se admira, y es el testimonio más honroso de la buena administracion económica de este reinado, que al morir este buen monarca dejára, no diremos nosotros repletas y apuntaladas las arcas públicas, como hiperbólicamente suele decirse, pero sí con el considerable sobrante de trescientos millones de reales, despues de cubiertas todas las atenciones del Estado: fenómeno que puede decirse se veia por primera vez en España, y resultado satisfactorio, que aun supuesta una buena administracion, solo pudo obtenerse á favor de su prudente política de neutralidad y de paz.’

[1466] ‘Но это к Карлу III. именно этому Мадрид обязан всем своим нынешним великолепием. Под его опекой был достроен королевский дворец, возведены величественные ворота Алькалы и Сан-Винсенте; построены таможня, почта, музей и королевская типография; улучшена академия трех благородных искусств; открыт кабинет естественной истории, ботанический сад, национальный банк Сан-Карлоса и множество бесплатных школ; в то время как удобные дороги, ведущие из города, и восхитительные аллеи, высаженные внутри и за его пределами и украшенные статуями и фонтанами, в совокупности свидетельствуют о заботе этого короля-отеца.’ *Испания, написанная американцем*, Лондон, 1831, т. i, стр. 206; см. также стр. 297.

[1467] The following passage describes its state so late as the year 1766: ‘Por temor ó por connivencia de los venteros, dentro de sus casas concertaban frecuentemente los ladrones sus robos, y los ejecutaban á mansalva, ocultándose en guaridas de que ahuyentaban á las fieras. Acaso á muy largas distancias se descubrian entre contados caseríos algunos pastores como los que allí hizo encontrar el ilustre manco de Lepanto al ingenioso hidalgo de la Mancha. Parte de la Sierra estuvo poblada en tiempo de moros; actualmente ya no habia más que espesos matorrales hasta en torno de la ermita de Santa Elena, donde resonaron cánticos de gracias al Cielo por el magnífico triunfo de las Navas.’ *Рио, История Рейнадо Карлоса III.*, том iii. стр. 9. О состоянии Сьерра-Морены за сто лет до этого см. Буазель, *Журнал Испанского путешествия*, Париж, 1669, 4 т. стр. 62, 296; где это называется “вместо того, чтобы оставаться беззащитным, и ты не можешь найти людей *вентас* без деревень”.

[1468] *Рио, История Рейнадо де Карлоса III.*, том iii. стр. 9-11, 35. К 1771 году ‘вспомогательная фазенда пудьерон мантенерсе аль фин лос колонос’. стр. 42. См. Также том iv. стр. 114, 115. О последующей истории этого поселения см. *“Испания Инглиса”*, том ii. стр. 29-31, Лондон, 1831.

[1469] ‘En 1760 se destinó por primera vez un fondo especial para la construccion de caminos.’ *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 123.

[1470] Действительно, М. Рио утверждает, что расходы были сокращены на две трети, а в некоторых частях и на три четверти. 'Antes se regulaba en un millon de reales la construccion de cada legua; ahora solo ascendia á la tercera ó cuarta parte de esta suma.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. p. 117.

[1471] Примечание в *Bowles, Historia Natural de España*, Мадрид, 1789, 4 т. стр. 158, называет это 'un camino alineado y solido'. Вкнуре Кука "Испания", Лондон, 1834, т. i, стр. 209, она называется "великолепная дорога".

[1472] 'Para dar salida á los frutos, que regaban los pantanos de Lorca, ejecutóse una bien trazada via al puerto de las Aguilas.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. pp. 115, 116.

[1473] В 1769 году Баретти с большим удивлением пишет: 'Бискайцы на самом деле прокладывают благородный путь, который должен пройти от Бильбао до Осмы'. *Путешествие Баретти по Англии, Португалии, Испании и Франции*, Лондон, 1770, т. iv. стр. 311.

[1474] 'Otras diferentes carreteras, construidas de nuevo ó rehabilitadas, multiplicaron las comunicaciones durante los nueve primeros años de estar á cargo de Floridablanca la superintendencia general de caminos, haciéndose de fácil y cómodo tránsito puntos escabrosos como el del Puerto de la Cadena y los que médian entre Astorga y Galicia, y Málaga y Antequera.' *Rio, Historia del Reinado de Carlos III.*, vol. iv. p. 115.

[1475] 'Правления Фердинанда Шестого и Карла Третьего произвели наиболее благоприятные изменения в этой важной отрасли политической экономии. Были открыты новые дороги, которые были тщательно выровнены и построены с солидностью. В настоящее время в Испании есть несколько превосходных дорог, которые могут соперничать с лучшими в Европе; на самом деле, они были проложены с превосходством и в более грандиозном масштабе". *Испания* Лаборда, редактировать. Лондон, 1809, том iv. стр. 427.

[1476] *Coxe's Bourbon Kings of Spain* "Бурбонские короли Испании"

[1477] Там же. т. v. стр. 198, 199, 286, 287. *Испания Таунсенда*, том i. стр. 212-215. "Испания" Лаборда, том ii. стр. 271. Этот канал, который предназначался для установления свободного сообщения между Бискайским заливом и Средиземным морем, слегка упоминается в "Анналах торговли" Макферсона, т. iv. стр. 95, 96: ученый и ценный труд, но очень несовершенный в отношении Испании. Экономическая ценность этого великого предприятия и степень его успеха серьезно недооцениваются вкниге Форда "Испания", стр. 587; книге, которая, несмотря на похвалу, которой ее удостоили, небрежно составлена и, несомненно, введет в заблуждение читателей, у которых нет возможности сравнить ее с другими авторитетными источниками. "История Карла III" М. Рио. содержит некоторую интересную информацию по этому вопросу; но, к сожалению, я не отметил эти отрывки.

[1478] *Кокс Бурбонов в Испании*, том. В. С. 288, 289, на сам орган или Флорида-Бланка.

[1479] *Coxe's Bourbon Kings of Spain* *Испания Таунсенда*, том i, стр. 304.

[1480] Смотрите заявление Флориды Бланки в книге Кокса "Бурбонские короли Испании", том v., стр. 289. 'Во многих других частях были проведены аналогичные работы по строительству ирригационных каналов, а также для стимулирования сельского хозяйства и дорожного движения. Каналы Мансанарес и Гвадаррама продолжаются с помощью национального банка,

который присвоил на эти цели половину прибыли, полученной от экспорта серебра. " ... "Город Альмурадиэль, образованный в середине *кампо-нуэво* Андалусии, у труднопроходимого перевала Депенья-Перрос, является еще одним примером сельского хозяйства для соседних мест; поскольку вместо лесов и ужасных пустынь за несколько лет мы увидели общественные здания, жилые дома, плантации и возделанные земли, на которых выращиваются всевозможные зерновые и фрукты. , которые граничат с дорогой и изгоняют опасность появления грабителей и бандитов.' See also *Muriel, Gobierno del Rey Don Carlos III.*, p. 5. 'Habiendo sido el reinado de Carlos III. una serie continua de mejoras en todos ramos;' and the striking picture (p. 15), 'Agricultura, artes mecánicas, comercio, enseñanza, milicia, navegacion, ciencias, letras, legislacion, en una palabra, todo cuanto puede influir en la prosperidad del Estado, todo llamó la atencion de los ministros, y en todo hicieron las mejoras que permitian las circunstancias.'" On the improvements in internal communications, see the same valuable work, pp. 187–192.

[1481] Respecting this step, which as effected in 1754, see *Tapia, Civilizacion Española*, Madrid, 1840, vol. iv. pp. 81, 82. 'Fué este tratado utilísimo para la España, pues por él se libertó del pago de enormes sumas que hasta entonces habian pasado á los estados pontificos. En el informe canónico-legal escrito á virtud de real orden en 1746 por el fiscal de la cámara de Castilla Don Blas de Jover, se decia; que según el testimonio del historiador Cabrera, en el espacio de 30 años el solo renglon de las coadjutorías y dispensas habia hecho pasar á Roma de la corona de Castilla millon y medio de ducados romanos. Y añade el mismo Jover que á principios del siglo xviii. subia aun esta contribucion cada año en todos los estados de la monarquia española á 500,000 escudos romanos, que era *un tercio poco mas ó menos de lo que Roma percibia de toda la cristiandad.*'

[1482] См. Приложение I. к книге Кокса "Бурбонские короли Испании", том v., стр. 334.

[1483] Важно отметить, что кортесы, где единственный голос народа имел шанс быть услышанным, собирались всего три раза за весь восемнадцатый век, и то просто для проформы. 'Les Cortès ne se réunirent que trois fois pendant le dix-huitième siècle, et plutôt encore comme des solennités formulaires pour la prestation du serment aux princes héritiers de la couronne, que comme étant nécessaires pour de nouvelles lois et des contributions.' *Sempere, Histoire des Cortès d'Espagne*, Bordeaux, 1815, p. 270.

[1484] Сочетая в себе эти три качества, он заслужил сердечное одобрение нынешнего епископа Барселоны, который в своей недавней работе об испанской церкви называет его "un monarca tan piadoso". *Обзор современных и новаторских идей Иглесии в Испании, Доминго Коста-и-Боррас*, Барселона, 1857, стр. 80.

[1485] Даже в "*Истории Европы*" Элисон, где о людях с таким характером обычно много говорят, к нему относятся с умеренным презрением. 'Карл IV. не был лишен хороших качеств, но он был слабым, неспособным принцем'. Том. viii. стр. 382, Эдинбург, 1849.

[1486] *Семпере, Монархия Испании*, том ii. стр. 167. Вряд ли мне нужно говорить, что рассказу, приведенному в Мемуарах Годоя, не следует придавать ни малейшего значения. Каждый, кто хоть немного знаком с историей Испании, увидит, что его книга - попытка поднять его собственную репутацию путем очернения характера некоторых из самых способных и благородных его современников.

[1487] *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 277, 278.

[1488] 'Таким образом, во всех своих наихудших формах угнетение, гражданское, политическое и религиозное, казалось, с новой и зловещей тяжестью ложилось на всю страну'. *История испанской литературы Тикнора*, том iii. стр. 318.

[1489] 'Кабальеро, опасаясь прогресса всех наук, который мог бы нарушить спокойствие Двора, незадолго до этого разослал по университетам циркуляр, запрещающий изучение философии морали. "Его величество, - говорилось в ордене, - нуждался не в философах, а в хороших и послушных подданных". *Письма Добладо из Испании*, стр. 358.

[1490] 'Le gouvernement de Charles IV avait épuisé toutes les ressources de l'État.' *Sempere, Histoire des Cortès d'Espagne*, p. 323.

[1491] В Испании глас народа всегда выступал против либеральной партии, как отмечали многие авторы, не осознавая причины. М-р Уолтон ("*Революции Испании*", Лондон, 1837, т. i, стр. 322, 323) говорит о кортесах: "Общественное возмущение сбросило их со своих мест в 1814 году; а в 1823 году они были побеждены не оружием Франции, а неудовольствием их собственных соотечественников" и т. Д. См. также стр. 290; и "*Воспоминания Куина о Фердинанде Седьмом*", Лондон, 1824, стр. 121, где упоминается, что 'во всех городах, через которые проезжал король, толпа, возбужденная монахами и духовенством, опрокидывала конституционный камень и произносила самые жестокие оскорбления в адрес Конституции, кортесов и либералов'. Сравните *Семпере, Историю Кортеса*, стр. 335, и книгу *Бэкона "Шесть лет в Бискайе"*, стр. 40. Действительно, очень умный автор, писавший об испанских делах в 1855 году, утверждает, и, я полагаю, совершенно правдиво, что Испания 'не платит населению за то, что оно страдает, за переворот в мойнах свободы в поисках правителей'. *Annuaire des Deux Mondes*, 1854, 1855, Paris, 1855, p. 266.

[1492] *История цивилизации Бакла*, том ii. стр. 117.

[1493] "*История Фердинанда и Изабеллы*" *Прескотта*, том i, стр. xlviii.

[1494] Там же. том i. п. xcvi.

[1495] *Халлема Средние века*, девятое издание, Лондон, 1846, том. второй. С. 153-157, которые должны быть по сравнению с *Халлема дополнительные примечания*, Лондон, 1848, стр. 323-327.

[1496] Там же. том i. стр. 373. "*Фердинанд и Изабелла*" *Прескотта*, том i, стр. xlv. xlv.

[1497] 'Ce fut alors que les successeurs de Pélagie descendirent de leurs montagnes dans les plaines, de leurs forteresses perchées sur des rocs inaccessibles dans les villes populeuses, le long des fleuves, dans de fertiles vallées et sur les côtes de la mer; ce fut alors que la ville d'Astorgue revint du pouvoir des Arabes à celui des Asturiens et chassa toute la partie musulmane de ces habitants; ce fut alors, enfin, que commencèrent en Espagne ces concessions de franchises municipales par lesquelles les rois et les seigneurs chrétiens cherchèrent à attirer des populations chrétiennes dans les lieux d'où ils avaient chassé les Musulmans.' *Fauriel, Histoire de la Gaule Méridionale*, Paris, 1836, vol. iii. p. 215. См. также *Sempere, Монархия Испании*, том ii. стр. 256, 257.

[1498] О растущей уверенности испанцев в середине четырнадцатого века см. Интересный отрывок в *Мариане, Истории Испании*, т. iv. стр. 172, 173.

[1499] Депутаты городов действительно, в конечном итоге, свергли свои собственные свободы, как справедливо отмечает испанский историк. 'Il n'est pas étonnant que les monarques espagnols tâchassent d'affermir leur autorité autant que possible, et encore moins que leurs conseillers et leurs, ministres coopérassent à leurs desseins. L'histoire de toutes les nations nous offre de nombreux exemples de cette politique; mais *ce qu'il y a de plus remarquable dans celle d'Espagne, c'est que les députés des villes qui auraient dû être les plus zélés défenseurs de leurs droits, conspirèrent ouvertement contre le tiers-état*, et tentèrent d'anéantir les restes de l'ancienne représentation nationale.' *Sempere, Histoire des Cortès d'Espagne*, p. 213. Кажется странным, что месье Семпере никогда не интересовался, почему это произошло в Испании, а не где-либо еще. Более поздний автор, размышляя об уничтожении муниципального элемента королевской властью, дает решение, которое, как и многие другие так называемые решения, является просто констатацией одного и того же факта другими словами. 'Al fin la autoridad real logró alcanzar un gran predominio en el gobierno municipal de los pueblos, *porque* los corregidores y alcaldes mayores llegaron á eclipsar la influencia de los adelantados y alcaldes elegidos por los pueblos.' *Antequera, Historia de la Legislacion Española*, Madrid, 1849, p. 287. Это, вместо того чтобы объяснять событие, просто пересказывает его заново.

[1500] Окончательное уничтожение народной свободы многие авторы приписывают битве при Вильяларе в 1521 году; хотя совершенно очевидно, что, если бы роялисты проиграли эту битву, а не выиграли ее, конечный результат был бы таким же. Одно время я намеревался проследить историю муниципальных и представительных органов в пятнадцатом веке; и материалы, которые я тогда собрал, убедили меня в том, что дух свободы на самом деле никогда не существовал в Испании, и что поэтому признаки и формы свободы наверняка рано или поздно будут стерты.

[1501] 'Ceux qui servent la Messe en Espagne, soit Religieux, ou Séculiers, ne manquent jamais d'aider le Prêtre à s'habiller, et le font avec beaucoup de respect. Les plus grande Seigneurs s'en font honneur, et à mesure qu'ils présentent au Prêtre quelque partie des ornemens, ils lui baisent la main. On se met à genoux pour donner à laver au Prêtre pendant la Messe, et après qu'il a essuyé ses doigts, celui qui lui a donné l'eau demeurant à genoux lui présente le bassin retourné, sur lequel le Prêtre met sa main pour la lui laisser baiser. Au retour à la Sacristie, il ne manque pas d'aider le Prêtre à se déshabiller, après quoi il se met à genoux pour recevoir sa bénédiction et baiser sa main.' *Labat, Voyages en Espagne et en Italie*, Paris, 1730, vol. i. p. 36.

[1502] 'Telle est la coûtume du País, on s'exposeroit à laisser douter de sa foi, et passer au moins pour Maran, ou Chrétien nouveau, si on ne laissoit pas le tiers de ses biens mobiliers à l'Eglise.' *Labat, Voyages en Espagne*, vol. i. p. 268.

[1503] Папа придерживался мнения, что Карл этим поступком подверг опасности свою собственную душу. 'Dans un bref adressé à Charles III; il déclara: "Que les actes du Roi contre les Jésuites mettaient évidemment son salut en danger."' *Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie de Jésus*, Paris, 1845, vol. v. p. 302.

[1504] Поскольку это обстоятельство, на которое обратил внимание Кретино-Жоли (*История компании Иисуса*, т. v. стр. 311) и другие авторы ("*История Испании*" Данхэма, т. v. стр. 180),

было сильно искажено и даже подверглось сомнению одним автором, Я перепишу заявление Кокса, чья информация касается правления Карла III. было получено от очевидцев.

‘Замечательное и вызывающее тревогу доказательство их влияния было предоставлено в Мадриде через год после их изгнания. На празднике Святого Карла, когда монарх показался народу с балкона дворца и по обыкновению удовлетворил его общую просьбу, к удивлению и замешательству всего двора, голос огромной толпы единодушно потребовал возвращения иезуитов и разрешения им носить одеяния светского духовенства. Этот неожиданный инцидент встревожил и огорчил короля; и после тщательного расследования он счел уместным сослать кардинала-архиепископа Толедо и его великого викария как тайных зачинщиков этой шумной петиции.’ *"Бурбонские короли Испании" Кокса*, 2-е изд., Лондон, 1815, том iv. стр. 368, 369. Замечания, сделанные по поводу этого события М. Рио (*Historia del Reinado de Carlos III.*, Мадрид, 1856, т. ii. стр. 197-199), не очень похвальны ни по отношению к его критике, ни по отношению к его искренности. Некритично сомневаться в утверждении современника, когда это утверждение касается того, что вероятно само по себе и чего никогда не отрицали те, кто жил ближе всего к тому периоду. Действительно, месье Мюриэл, ученый переводчик работ Кокса на испанский, не только не отрицал этого, но и санкционировал это своим именем. И, конечно, со стороны месье Рио, мягко говоря, очень некандитно приписывать Коксу ошибку, заключающуюся в том, что он отнес это событие к 1767 году, а затем доказывал, что из-за обстоятельств, связанных с архиепископом Толедо, это не могло произойти в том году. Ибо, как отчетливо утверждает Кокс, это было в 1768 году; "через год после их изгнания".

[1505] Смотрите заявление Флориды Бланки в Приложении I. к книге Кокса *"Бурбонские короли Испании"*, том v., стр. 282. Другой испанец, принц Мира, говорит, что при восшествии на престол Карла IV в 1788 году "монастыри были переполнены постоянно растущим числом монахов всех орденов и всех возрастов". *Мемуары Годоя*, изд. Лондон, 1836, т. i, стр. 126. Смотрите также, о состоянии церковных учреждений в том же году, несколько интересных замечаний в Письмах Кабарруса; 'Из-за ужасного подавления сверхизбыточных индивидуальных возможностей, а также операционных возможностей и привилегий'. *Cartas escritas por el Conde de Cabarrus*, Madrid, 1813, p. 133.

[1506] Об этом знаменитый писатель времен правления Филиппа V. хвастливо говорит: 'Su exacta vigilancia entendiendo igualmente á Naturales y Estrangeros'. *Узтариц, Теория и практика коммерческой деятельности*, tercera impresion, Мадрид, 1757, фолио, стр. 27. Когда такой человек, как Узтариц, смог написать подобное предложение, мы можем представить, что чувствовали люди, которые были гораздо более невежественными, чем он, и гораздо более ортодоксальными. М. Тапия в замечательном и необычайно смелом отрывке откровенно признает, что именно давление общественного мнения помешало Карлу III отменить инквизицию. 'Estraño parecería que habiéndose hecho tanto en aquel reinado para limitar el poder excesivo del clero, y acabar con absurdas preocupaciones, no se suprimiese el monstruoso tribunal de la inquisicion; pero es necesario tener presente que el rey despues del motin de Madrid procedia con timidez en toda providencia que pudiese contrariar la opinion pública; y él creia que los españoles querian la inquisicion, como se lo manifestó al ministro Roda y al conde de Aranda, añadiendo que en nada coartaba su autoridad.' *Tapia, Civilizacion Española*, vol. iv. p. 98, Madrid, 1840. Нам инквизиция кажется довольно странным объектом, на который люди могут направить свои чувства; но в существовании этой страсти не может быть никаких сомнений. 'L'Inquisition si révéree en Espagne.' *Мемуары де Лувилья*, том i, стр. 36. И Геддес (*Трактаты*, Лондон, 1730 г., том i, стр. 400) говорят нам, что "инквизиция не только учреждена законом, но и благодаря

удивительному очарованию настолько укоренилась в сердцах и привязанностях людей, что тот, кто нанесет наименьшее оскорбление другому за то, что был доносчиком или свидетелем инквизиции, будет разорван на тысячу кусков".

[1507] 'Приближенные инквизиции, Абрантес, Мора и другие, гранды Испании, присутствовали как слуги, без шляп и шпаг'. *Книга Кокса "Бурбонские короли Испании"*, том iv. стр. 418, 419. Так было в великом деле Олавиде.

[1508] Опытный современный географ говорит: "Благодаря протяженности береговой линии, многочисленным портам, географическому положению и натуральным продуктам Испания обладает большими коммерческими преимуществами, чем любая другая страна Европы". *Словарь физической, статистической и исторической географии Джонстона*, Лондон, 1850, стр. 1213.

[1509] 'No quiero hablar de los frutos de España, no obstante que los produzca tan exquisitos de todas especies. Solo diré que sus naranjas dulces las traxeron de la China los Portugueses, y que de Portugal se ha difundido su planta por lo restante de Europa. En fin, España es celebrada entre otras cosas por sus limones, por la fragancia de sus cidras, por sus limas dulces, por sus granadas, por sus azeytunas, que merecieron ser alabadas hasta del gran Ciceron, y sus almendras, sus higos, sus uvas, etc.' *Bowles, Historia Natural de España*, Madrid, 1789, 4to. p. 236.

[1510] 'Мрамор Испании отличается большим разнообразием и красотой, чем в любой другой стране Европы, и наиболее ценные его виды находятся в местах легкого доступа и сообщения с морем; но им долгое время полностью пренебрегали, большая часть была неизвестна даже наиболее умным местным жителям'. *"Испания Кука"*, Лондон, 1834, том ii. стр. 51. В Кабинете естественной истории в Мадриде 'образцы мрамора великолепны и показывают, какие сокровища еще остаются зарытыми на полуострове'. *"Испания" Форда*, Лондон, 1847, стр. 413.

[1511] 'Hay infinitas minas de cobre en España las quales nunca se han tocado.' *Bowles, Historia Natural de España*, Discurso Preliminar, p. 34.

[1512] В 1832 году Кук пишет: 'Свинцовые рудники Сьерра-де-Гадор в настоящее время находятся в состоянии истощения из-за огромного количества минерала и легкости его добычи'. ... "Свинец изобилует в других частях той же цепи, ближе к Альмерии". *"Испания Кука"*, том ii, стр. 75. "Наиболее ценными из существующих испанских рудников являются свинцовые в Гранаде; и запасы, полученные с них за последние двадцать лет, были настолько велики, что привели к закрытию нескольких менее продуктивных рудников в других странах и значительному падению цен на свинец". *Географический и статистический словарь Мак-Куллоха*, Лондон, 1849, том ii, стр. 705.

[1513] Я использую популярный язык, относя уголь к неорганическому миру, несмотря на его клеточное и растительное происхождение.

[1514] 'Самым ценным из всех минеральных богатств Испании, по всей вероятности, через несколько лет будет железо, которое можно найти повсюду и самого лучшего качества'. *Cook's Spain*, том ii. стр. 78. См. также Боулз, *Естественная история Испании*, стр. 56, 67, 106, 273, 346, 415, и *"Испания Форда"*, стр. 565, 618.

[1515] "Количество неисчерпаемо, качество превосходное, работа необычайно легкая, и они имеют легкое сообщение с морем; тем не менее, они практически бесполезны и обеспечивают лишь жалкое существование нескольким рабочим и мулам, используемым для транспортировки минерала в Хихон". *"Испания Кука"*, том ii. стр. 79, 80. 'В непосредственной близости от Овьедо находятся одни из крупнейших угольных месторождений в Европе'. *Испания Форда*, стр. 381; сравните стр. 392, 606.

[1516] 'La nacion española posee casi quantas producciones naturales puede apetecer la necesidad, ó curiosidad de los hombres.' *Кампоманес, Справочник по популярному образованию*, том iv. стр. vi. Мадрид, 1777.

[1517] 'Ils sont fort charitables, tant à cause du mérite que l'on s'acquiert par les aumônes, que par l'inclination naturelle qu'ils ont à donner, et la peine effective qu'ils souffrent lorsqu'ils sont obligés, soit par leur pauvreté, soit par quelqu'autre raison, de refuser ce qu'on leur demande. Ils ont encore la bonne qualité de ne point abandonner leurs amis pendant qu'ils sont malades.' ... 'De manière que des personnes qui ne se voyent point quatre fois en un an, se voyent tous les jours deux ou trois fois, dès qu'ils souffrent.' *Д'Ольной, Отношение к путешествию Испании*, Лион, 1693, том ii. стр. 374. "Они серьезны, умеренны и рассудительны; тверды и сердечны в своих дружеских отношениях, хотя и осторожны и не спешат их заводить". *Путешествие по Испании Удаля ап Риса*, второе издание, Лондон, 1760, стр. 3. 'Когда они однажды признаются в этом, нет более верных друзей'. ... 'Они отличаются большой честностью и принципиальностью'. *Письма Кларка об испанской нации*, Лондон, 1763, 4то. с. 334. 'Выразить все, что я чувствую при воспоминании об их доброте, было бы похоже на лесть; но я могу, по крайней мере, рискнуть сказать, что простота, искренность, великодушие, высокое чувство достоинства и твердые принципы чести являются наиболее выдающимися и поразительными чертами испанского характера'. *Путешествие Таунсенда по Испании*, второе издание, Лондон, 1792, том iii. стр. 353. "Испанцы, хотя и от природы глубокие и искусные политики, все же имеют в своем характере что-то благородно откровенное". *Письма английского офицера из Испании*, Лондон, 1788, том ii. стр. 171. "У испанцев меньше плохих качеств, чем у любого другого народа, с которым я имел возможность познакомиться". *Путешествия Крокера по Испании*, Лондон, 1799, стр. 237, 238. 'Испанская честность вошла в поговорку, и она ярко проявляется в коммерческих отношениях'. *"Испания Лаборда"*, Лондон, 1809, том iv. стр. 423. 'Конечно, если брать в целом, то нет народа более гуманного, чем испанцы, или более сострадательного и доброго в своих чувствах к другим. В этом отношении они, вероятно, скорее превосходят другие нации, чем опускаются ниже их'. *"Испания Кука"*, Лондон, 1834, т. i, стр. 189. 'Испанцы добросердечны во всех жизненных отношениях'. *"Испания Хоскинса"*, Лондон, 1851, т. ii. стр. 58. Наконец, я приведу свидетельства двух профессиональных политиков, оба из которых были хорошо знакомы с испанцами. В 1770 году мистер Харрис, впоследствии лорд Малмсбери, пишет: 'Они храбры, честны и великодушны'. *Дневники и переписка графа Малмсбери*, Лондон, 1844, том i, стр. 48. А лорд Холланд, по словам Мура, считал, "что испанцы в целом являются одними из лучших людей Европы". *Мемуары Мура, отредактированные лордом Джоном Расселом*, том iii, стр. 253, Лондон, 1853.

[1518] Это решительно доказывает вся их история; а что касается их более позднего состояния, автор книги *"Откровения Испании в 1845 году"*, том i, стр. 340, говорит: 'Но религия так глубоко укоренилась в национальном характере, что самые яростные политические бури, которые

повергают все остальное, проносятся над этим и оставляют его невредимым. Отсутствие рвения наблюдается только среди образованного мужского населения".

[1519] 'Обычная сдержанность этих людей действительно поражает: я никогда не видел, чтобы испанец выпил второй бокал вина. У людей низшего сословия кусок хлеба с яблоком, луком или гранатом является их обычной трапезой". *Путешествия Крокера по Испании*, Лондон, 1799, стр. 116. "Они в значительной степени умеренны или, скорее, воздержанны в своем образе жизни: *боррачо* - высший термин для порицания; и редко можно увидеть пьяного человека, разве что среди носильщиков или погонщиков мулов'. *"Путешествия Далримпла по Испании"*, Лондон, 1777, 4 т., с. 174. 'Пьянство - порок, почти неизвестный в Испании среди людей респектабельного сословия и очень редкий даже среди низших слоев общества. Примечание Эсменара в *Мемуарах Годоя*, Лондон, 1836, т. ii. стр. 321.

[1520] 'Это самая замечательная страна под солнцем; ибо здесь интеллект не имеет силы'. *"Испания" Инглиса*, Лондон, 1831, том i, стр. 101. 'Tandis que l'activité publique, en Espagne, se porte depuis quelques années dans la sphère des intérêts pratiques et matériels, il semble, au contraire, qu'il y ait une sorte de ralentissement dans la vie intellectuelle.' *Annuaire des Deux Mondes* for 1850, p. 410. 'La vie intellectuelle n'est point, malheureusement, la sphère où se manifeste le plus d'activité en Espagne.' Там же. за 1856-1857 гг., стр. 356. Теперь послушайте о практических последствиях отказа от предоставления свободного и бесстрашного простора интеллекту. "Странно, высадившись на полуострове и совершив короткую экскурсию на несколько миль в любом направлении, увидеть воспроизведенные нравы Англии *пятисотлетней давности*, оказаться брошенным в гущу общества, которое является близким аналогом той *вымершей полумодернизации*, от которой в нашей истории не найти никаких следов позже конца четырнадцатого века и правления Ричарда Второго'. *Откровения об Испании в 1845 году, сделанные английским резидентом*, том ii. стр. 1.

[1521] "То, что испанцы, как народ, невежественны, в высшей степени невежественны, невозможно скрыть; но это происходит из-за того, что контроль над образованием полностью находится в руках духовенства, которое прилагает все усилия, чтобы поддерживать это невежество, которому они обязаны своей властью'. *Испания, написанная американцем*, том ii. стр. 360. 'Все школы в Мадриде находятся в ведении иезуитов, и образование, полученное в них, таково, какого можно ожидать от их руководителей'. *Инглис "Испания"*, том i., стр. 156. 'Частное образование здесь почти полностью находится в руках духовенства'. *"Откровения Испании" 1845 г.*, том ii, стр. 27. В Испании, как и во всех странах, католических или протестантских, духовенство, рассматриваемое как единое целое, прививает веру, а не исследование, и, в силу своего рода консервативного инстинкта, препятствует смелости исследования, без которой не может быть настоящего знания, хотя может быть большая эрудиция и простое изучение книг. В Испании духовенство сильнее, чем в любой другой стране; поэтому в Испании они проявляют эту тенденцию более бесстрашно. Хороший пример этого можно увидеть в работе, недавно опубликованной епископом Барселоны, в которой яростная атака на все физические и философские знания завершается следующими формулировками: 'Нет намерения обвинять католическую церковь в том, что она асоцианская новая система философии, и в том, что она расширяет границы империи эста съенсия, перо бога в том, что сегодня происходит атенсьон в лос пунтос, нет никаких китайских признаков. Primero, que las escuelas de Holanda, Alemania, Inglaterra y Francia desafectas al Catolicismo, han iniciado y promovido con el mayor empeño ciertas discusiones filosóficas, presentándolas como un triunfo de

la razon sobre la Religion, de la filosofía sobre la teología, del materialismo sobre el espiritualismo. Segundo, que sus máximas no son, en gran parte, mas que reproducciones ó nuevas evoluciones de errores mil veces refutados y condenados por la sana filosofía y por la Iglesia; bajo cuyo concepto no tienen por qué felicitarse en razon de su progreso, sino mas bien avergonzarse por su retroceso.' *Costa y Borrás, Iglesia en España*, Barcelona, 1857, p. 150.

[1522] 'Сразу после своего прибытия в Мадрид Фердинанд восстановил инквизицию; и его указ с этой целью был встречен по всей Испании иллюминациями, благодарственными возгласами и другими ликованиями. *Воспоминания Куина о Фердинанде VII.*, Лондон, 1824, стр. 189, 190. Этот и подобные ему акты доставили такое удовольствие как Церкви, так и народу, что, согласно великому священнослужителю, возвращение Фердинанда в Испанию следует считать непосредственным актом Божественного Провидения, стоящего на страже интересов Испании. 'La divina Providencia abrevió los días de prueba, y la católica España respiró ceñida con los laureles del triunfo, recobrando luego á su tan deseado monarca, el señor rey don Fernando VII.' *Costa y Borrás, Observaciones sobre la Iglesia en España*, Barcelona, 1857, p. 91.

[1523] 'Дух инквизиции все еще жив; ибо ни король, ни кортесы, ни конституция никогда не допускали в Испании какого-либо подхода к какой-либо религиозной терпимости'. "Испания" Форда, Лондон, 1847, стр. 60. 'Les cortès auraient beau permettre l'exercice du culte protestant ou juif, il n'est point certain que cela ne suscitât de périlleux conflits.' *Ежегодник мира, ou Histoire Generale des Divers Etats*, 1854-1855, т. v. стр. 272, Париж, 1855; произведение значительного мастерства, спланированное по той же схеме, что и *Ежегодный реестр*, но намного превосходящее его. Учитывая вероятность восстановления инквизиции, сравните два интересных отрывка из книги "Испания американца", 1831, т. ii, с. 330, и "Испания" Инглиса, 1831, т. i, с. 85. С тех пор баланс сил в целом сложился в пользу Церкви, которая получила дальнейшее усиление благодаря успеху по сути религиозной войны, недавно развязанной против мавров. Следовательно, если бы в Испании произошла какая-нибудь новая политическая катастрофа, я бы нисколько не удивился, узнав, что инквизиция была восстановлена.

[1524] Сравните некоторые очень разумные замечания в книге Бэкона "Шесть лет в Бискайе", Лондон, 1838, стр. 40, 41, 50, с "Воспоминаниями Куина о Фердинанде Седьмом", стр. 192, 193.

[1525] "Революции в Испании" Уолтона, Лондон, 1837, том ii. стр. 343.

[1526] Very shortly before the suppression of the monastic orders, 'Le respect pour le froc en général est poussé si loin, qu'on lui attribue une vertu préservative, même au-delà de la vie, quelque peu régulière qu'elle ait été. Aussi n'y a-t-il rien de si commun que de voir les morts ensevelis en robe de moines, et conduits ainsi à leur dernière demeure à visage découvert.' ... 'De même que le froc accompagne les Espagnols au tombeau, de même il en saisit quelques-uns au sortir du berceau. Il n'est pas rare de rencontrer de petits moines de quatre à cinq ans polissonnant dans la rue.' *Bourgoing, Tableau de l'Espagne*, Paris, 1808, vol. ii. pp. 330, 331.

[1527] Конфискация имела место в разные периоды между 1835 и 1841 годами. Сравните книгу Форда "Испания", стр. 48. *Откровения английского резидента об Испании*, том i, стр. 366. *Costa y Borrás, Iglesia en España*, p. 95. *Annuaire des Deux Mondes for 1850*, Paris, 1851, p. 369. Я тщетно искал какую-либо подробную историю этих транзакций.

[1528] 'Dès 1845, une loi dite de *dévolution*, en attendant un règlement définitif, applique à la dotation du clergé une portion des biens ecclésiastiques non vendus.' *Annuaire des Deux Mondes*, 1851–2, Paris, 1852, p. 318.

[1529] 'Il y a ici un règlement solennel, sous la forme d'un traité, de toutes les affaires relatives à l'église; c'est le concordat de 1851. Le concordat reconnaît à l'église le droit d'acquérir et de posséder.' *Там же*. 1854, 1855, стр. 273, Париж, 1855.

[1530] В том самом году, когда Конкордат стал законом, мистер Хоскинс, известный путешественник по Африке, джентльмен, очевидно, весьма образованный, опубликовал по возвращении из Испании отчет об этой стране. Его работа ценна тем, что показывает состояние общественных настроений непосредственно перед Конкордатом и в то время, когда испанское духовенство все еще страдало от благонамеренных, но крайне неблагоприятных действий либеральной партии. 'Мы посетили эти церкви в воскресенье и были удивлены, обнаружив, что все они переполнены до отказа. Доходы духовенства значительно сократились, но их благосостояние постепенно восстанавливается'. "*Испания*" Хоскинса, Лондон, 1851, т. i, стр. 25. 'Священники медленно восстанавливают свою власть в Испании', т. ii, стр. 201. "Переполненные церкви и, несмотря на присвоение их доходов, отсутствие каких-либо признаков бедности в часовнях и службах доказывают, что испанцы сейчас такие же набожные прихожане и ревностные друзья Церкви, какими они были в дни ее расцвета", т. ii. стр. 281.

[1531] 'La loi de désamortissement promulguée le 1er mai, 1855, ordonne, comme on sait, la mise en vente de tous les biens de main-morte, et en particulier des biens qui restent encore à l'église.' *Annuaire des Deux Mondes*, 1855, 1856, p. 310. См. также *Ежегодник*, 1854, 1855, стр. 274. Отчет о других шагах, предпринятых против Церкви весной и летом 1855 г., см. *Коста-и-Боррас*, *Сборник наблюдений за Иглесией в Испании*, Барселона, 1857, стр. 119, 286, 292; а о законе 1 мая см. стр. 247.

[1532] 'Aussi le premier mot d'ordre de l'insurrection a été la défense de la religion.' *Annuaire des Deux Mondes*, 1854, 1855, p. 275.

[1533] *Ежегодный журнал для всего мира*, 1856, 1857, стр. 315-317, 324-331, 336.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА.

ЛОНДОН: НАПЕЧАТАНО
ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КО", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР
И ПАРЛАМЕНТ-СТРИТ

Примечание переписчика

Сохранено первоначальное написание и незначительные несоответствия в написании и формате.

Несогласованные расстановки переносов и ударений такие же, как в оригинале, если не указано, что это опечатка.

В таблице ниже перечислены все исправления, внесенные в исходный текст.

стр. v: меньшинство Людовика XIII → XIII.

стр. 3: *Жоффруа Сент-Илер* → *Жоффруа Сент-Илер*

стр. 6: т. iv. стр. 511, 4то. → 4то,

стр. 10: т. xviii. стр. 431-436: → 431-436;

стр. 10: *История. de la Sorbonne* → *Hist. de la Sorbonne*,

стр. 11: *Бенуа* → *Бенуа*,

стр. 12: том xi. стр. 30, 77, 131. → 131;

стр. 23: *Наблюдения Мэбли*, том iii. стр. 220: → 220;

стр. 24: гуманный и просвещенный

стр. 24: Исторические факты → Таллеман

стр. 25: мешает им сделать это. – > итак.'

стр. 27: прочитайте "современник" → "современник"

стр. 29: пытался внушить → "привить"

стр. 30. невинность религиозной жизни. → жизнь".

стр. 30: История Людовика XIII. → XIII

р. 32: *Mém. de Retz*, vol → vol.

р. 32: vol. v. pp. 51, seq. → 51 seq.

р. 34: Tallemant des Reaux → Réaux

р. 35: fils aîné de l'Eglise → l'Eglise'

р. 35: *Œconomies Royales* → *Œconomies Royales*,

р. 36: prix que ce fust → fut

р. 37: "Сисмонди говорит в разделе → Сисмонди

стр. 37: Феличе Хист. → История Феличе.

стр. 40: ливр ii. глава → глава.

стр. 41: интересы были общими → в целом

стр. 41: Элемент ист зурюкге ретен → зурюкгетретен

стр. 42: с бесконечным → бесконечный

стр. 49: т. xi. стр. 450, т. xii. стр. → pp.

стр. 53: добросовестно проявляйте терпимость. → tolerant.'

р. 54: *Lettres d'un Français* → *François*

р. 56: processions wherever → wherever

р. 60: Tallement des Réaux → Tallemant des Réaux

р. 62: Béarn demandèrent aussytost → aussytôt

р. 63: *Mem. de Montglat* → *Mém. de Montglat*

p. 63: Mém de Montglat → Mém. de Montglat
p. 75: "Нисмесский эдикт" →
стр. 78: История. des Mathemat. → Математика.
стр. 78: том ii. стр. 419-421 → стр. 419-421;
стр. 79: *История Томсона. Королевского общества*, стр. 364: → стр. 364;
стр. 80: величайший математик → mathematician
стр. 83: tout ce qu → qui
стр. 88: стр. 432. Сравните том → том.
стр. 88: *Работы Беркли*, том → том.
стр. 90: *Труды Декарта*, том. ii → том ii.
стр. 91: *Œuvres*, том → том.
стр. 91: 8в. 1847 → 8в., 1847
стр. 91: *История. de la Médecine*, vol. ii, pp. 220 → vol. ii. p. 220
p. 91: Auf das innigste verbunden → 'Auf
p. 94: 242, 342, 498 → 242, 342, 498,
p. 95: *Lettres de Patin*, vol. iii. p. 153: → p. 153;
p. 95: *Mosheim's Eccles. История.* том ii. стр. 258: → стр. 258;
стр. 95: *Нац. Лесли. Философ.* стр. 121: → стр. 121;
стр. 97: История Нант-ского издания → История.
стр. 100: *История Ханта. из газет*, том 1. → том i.
стр. 110: вера, скептицизм → скептицизм
стр. 111: том i. стр. 5, 64: → 64;
стр. 114: История Миллса. о рыцарстве → История Миллса. о рыцарстве
стр. 115: Политика Броэма. Philos → Philos.
p. 117: Compare, Meyer → Compare Meyer
p. 120: canaille, dès qu on → qu'on
p. 121: Les états-généraux → 'Les états-généraux
p. 122: began to excercise → exercise
p. 123: énergique de la centralisation') → centralisation'
p. 123: couvent ni collège → collège
p. 125: 1843, in → in
p. 125: *Journal of Statist. Соч.* том, → том.
стр. 129: стр. 118: *Святой Олэр* → стр. 118; *Сент-Олэр*
стр. 135: который лишил рыцарства → рыцарство
стр. 136: *История. de France* → *Hist. de France*,
p. 137: *Milice François* → *Milice Française*
p. 137: vol. ii. p. 582; *Sully* → *Sully*,

р. 137: vol. iv. pp. 27, 28, 152, → 152;
р. 143: Collier's Eccles. История → История.
стр. 144: (перепечатано в Лондоне, 1842), стр. → стр.
р. 149: 401, 476: → 476;
стр. 149: стр. 78; Хатчисон → Хатчинсон
стр. 150: Воспоминания де Реца → Воспоминания де Реца
стр. 152: часть первая, стр. 28, 29 → часть первая, стр. 28, 29
стр. 153: *Кромвель Карлайла*, том 1. → том первый.
стр. 154: заложенный, самый слабый → малейший
стр. 158: Холланд, связующий звено → связующий звено
стр. 158: часть вторая. i. стр. 167. → часть i. стр. 167.
стр. 166: *Воспоминания д'Омера Талона*, том iii. стр. 6.; → стр. 6;
стр. 168: Сен-Олэр → Сен-Олэр
стр. 168: *Воспоминания де Реца*, том 1. → том i.
стр. 169: *Воспоминания де Мотвиля* → *Воспоминания де Мотвиля*,
стр. 170: том ii. стр. 357 → том ii. стр. 357
стр. 178: Людовик XIV Капефига → XIV.
стр. 178: тирания духовенства → духовенство.
стр. 179: чужие ноги → другие.
стр. 180: т. v. стр. 887-889 → т. v. стр. 887-889
стр. 181: _история. de l'Economie Politique_, vol. ii, → том.
стр. 181: "les plus industriels", " → industriels",
стр. 182: блестящий ученик Кларта → кларте
стр. 187: апостолы знания → знание
стр. 190: *Философ поз.* → *Философ. Поз.*
стр. 190: том ii. стр. 627, 628 → том ii. стр. 627, 628.
стр. 191: *Письма Обри.* → *Письма Обри*,
стр. 191: том ii. стр. 624. → том ii. стр. 624.
стр. 192: и де Бурхааве → Бурхааве
стр. 195: часть ii. стр. 42 → часть ii. стр. 42
стр. 199: *История. de la Médecine*, vol → vol.
р. 200: *Royal Society.* → *Королевское общество*,
стр. 201: краеугольный камень теории Линнея → Linnæan
стр. 201: Книга ботаников → Книга. der Botanik
р. 207: *Ibid.* xxiii. p. 496. → стр. 496.
стр. 207: т. xxxvi, стр. 42 → т. xxxvi, стр. 42.
стр. 208: состояние деградации. → деградация.

стр. 209: оба в 1639 году. *Биог. Университет* → *Биог. Унив.*

стр. 211: был спасен только → 'был спасен только

стр. 211: Лок, который был → Локк, который был

стр. 212: Леди Мэри Уортли Монтегю → Монтегю

стр. 213: История. des Francais → Français

р. 213: *Duclos, Mémoires*, vol → vol.

р. 214: *Lettres de Sevigné* → Sévigné

р. 215: sur la poésie épique. → épique.'

р. 216: ses amitiés, il n'etait → n'était

р. 217: vol. i. 341 → vol. i. p. 341

р. 218: *Le Blanc, Lettres*, vol. 1. → vol. i.

р. 218: *Corresp.* vol. 1. p. 352; → vol. i. p. 352,

р. 219: *Mém de Morellet* → *Mém. de Morellet*

р. 220: *Biog Univ.* iii. 253 → *Биог. Univ.* iii. 253

с. 221: *Биог. Унив.* л. 42. → *Биог. Univ.* i. 42.

стр. 221: "Жизнь Брюса" Мюррея, 121, → 121;

стр. 223: *Биог. Университет.* xlviii. 217. 218. → 217, 218.

стр. 227: том ii. стр. 291.' → 291.

стр. 228: даже от самого короля. → сам".

стр. 234: путь служителей → министры

стр. 238: Ребуле, в 1752 г.: → в 1752 г.;

стр. 238: Аномалии организации → *Anomalies de l'Organisation*

стр. 241: *Биог. Univ.* xi. 314 → xi. p. 314

р. 242: *Vie de Rosseau* → Rousseau

р. 242: Quel est aujourd'hui → 'Quel est aujourd'hui

р. 242: *Grimm. Соответствует.* → *Гримм, Корреспондент.*

стр. 243: "О способах просвещения" → "вдохновляющий"

стр. 245: т. i, стр. 141, т. → т.

стр. 246: "Обличения авуара" → "Отверженные"

стр. 248: впервые услышано во Франции → Франция.

стр. 253: т. iii, стр. 178, 179: → 179;

стр. 253: Жизнь протестантов. → протестанты".

стр. 259: самые отвратительные законы → законы.

стр. 262: к церковным догмам → догмы.

стр. 265: и царствие божие → и власть божья",

стр. 265: консультанты, для понимания → понимание

стр. 266: vol. viii. с. 101-117 → вып. viii. стр. 101-117

стр. 270: *Методика изучения истории* → *История*,
стр. 271: перенесенный от захвата → захват
стр. 271: курс.' *Le Long* → *Le Long*,
p. 273: *François, in Mémoires* → *François, in Mémoires*
p. 275: *Etablissement de Louis* → *Etablissement de Louis XIV*
p. 276: *Lettres de Sevigné* → *Sévigné*
p. 277: *Madame de Sevigné* → *Sévigné*
p. 277: *Lettres de Sevigné* → *Sévigné*
p. 283: *Lettres de Sevigné* → *Sévigné*
p. 283: *Lettres de Sévigné, vol* → *vol.*
p. 283: stated by Sismondi → *Sismondi*
p. 293: Charles XII, l'homme → 'Charles
p. 300: descriptions de sièges → sièges
p. 301: combats et des sièges → sièges
p. 303: *Milman's History of Christianity, 1840, vol* → *vol.*
p. 303: *in Œuvres de Voltaire* → *in Œuvres de Voltaire*
p. 303: History of the Church. → Церковь
стр. 311: статья по хронологии, том → том.
стр. 318: livre xiv. глава. ii, → глава ii.,
стр. 320: "*Приключения Тюрго*", том → том.
стр. 326: интуиты Эркеннисс кларер → кларер
стр. 326: сихглейх → сихглейх
стр. 330: Воспоминания Лебрена → Ле Брюн
стр. 330: "*Литераторы Броэма*", том, → том.
стр. 334: письмо, написанное в 1751 году → 1751.
стр. 335: Лавалье → Lavallée
стр. 339: Штаудлин → Stäudlin
стр. 352: История. дю якобинец → якобинец.
стр. 352: том ii. стр. 250 350 → 250, 350
стр. 353: их благоговение → общепризнанное
стр. 360: "Воображение есть" → "Воображение есть"
стр. 391: *Биша сюр ля Ви*, стр. 23-25 → 23-25.
стр. 391: (том ii, стр. 8) → (том ii, стр. 8)
стр. 395: окружающая среда. эспесес; → эспесес;'
стр. 398: Отсюда возвращение → удаление
стр. 404: история сына.' *Georget* → *Georget*,
p. 407: vol. x. p. 341, vol → vol.

p. 412: *Mém. sur Marie Antoinette* → *Mém. sur Marie-Antoinette*
p. 416: *Mahon's Hist. из Англии*, том → том.
стр. 432: ужасающее запустение там. → там.'
стр. 440: 509, 561. *Lafuente* → *Лафуэнте*,
стр. 445: Изабелла может быть → 'Isabella may be
стр. 446: том i. стр. 23, Лондон, 1857 г. → 1857.
стр. 450: том ii. xxxiv, с. 273. → том. xxxiv. стр. 273.
стр. 453: Один из самых → [60] Один из самых
стр. 454: необходимые действия. → *necesaire*,
p. 454: *devinast le reste*. → *reste*,
p. 459: *je vous l'ai déjà* → *déjà*
p. 459: *vous conduise, je na'i* → *n'ai?*
p. 471: *tenement or pelting farm*. → *farm*.'
p. 472: *Historia de Felipe Tercero* → *Historia de Felipe Tercero*,
p. 473: *desmedido*.' *Lafuente* → *Lafuente*,
p. 480: *Ibid. vol. ii*, → *vol. ii*.
p. 481: *de su santo servido*. → *servido*,
p. 483: *decaýéron en España*. → Испания.'
стр. 489: М. Джанеру или М. Лафуэнте.' → Лафуэнте.
стр. 494: доказательства, говорится: "Il → говорит: "Il"
стр. 496: люди. Это ou → наш
стр. 496: ожидания оправдались
стр. 502: *Теория коммерческой деятельности*. → *Theorica de Comercio*,
p. 510: *et point de frein*. → *фрейн*.'
стр. 510: 'В 1681 году французы → В
стр. 510: о королевстве, о любви. → *même*.'
стр. 512: *История Испании* → *История Испании*,
стр. 520: клерк при Орри → Орри
стр. 520: "Изобретение суда" → "Изобретение"
стр. 527: Оригинальные письма Эллиса → Оригинальные письма Эллиса
стр. 529: анализ системы → *systèmes*
стр. 533: Лондон, 1831, том → том.
стр. 533: сын врач партикулярист, → партикулярист.'
стр. 539: Дублин, 1781, стр. 227-229 → 227-229.
стр. 546: церковная власть[26] → власть[264]
стр. 547: т. v. стр. 295. Paris → 295, Paris
p. 553: *Civilizacion, Española* → *Civilizacion Española*

р. 553: atropellada en su inmunidad. → inmunidad.'

стр. 556: История →

дела

, стр. 560: Рейнадо де Карлос III → III.

стр. 568: закономерность их → их

, стр. 568: Взгляд на их → их

, стр. 574: вопрос о правителях. → gouvernemens.'

стр. 575: История Фердинанда Прескотта → Фердинанд

стр. 587: порядок людей, мир → произведение

стр. 590: О том, что значит платье → "О том, что значит платье"

стр. 591: том ii. стр. 281 → 281.

стр. 595: но оставив Испанию неврежимой → неврежимой.